

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
5.2. Экономика; 5.4. Социология; 5.5. Политология*

№ 1

**Ростов-на-Дону
2025**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-71827
от 08 декабря 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)*

*Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Главный редактор

- **Игнатова Татьяна Владимировна** – доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия, г. Ростов-на-Дону).

Заместитель главного редактора

- **Черкасова Татьяна Павловна**, доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).

Состав редакционной коллегии

- **Alexakis Christos** – PhD, Professor, Business School Renne (France).
- **Eugene Nivorozhkin** – PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain).
- **Ford Lumban Gaol** – PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia).
- **Атанесян А. В.** – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии факультета социологии, Ереванский государственный университет (Армения, г. Ереван).
- **Арсеньева В. А.** – доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики ЮРИУ РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Дзахова Л. Х.** – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и политологии, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова (Россия, Республика Северная Осетия – Алания, г. Владикавказ).
- **Дробышевская Л. Н.** – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет (Россия, г. Краснодар).
- **Змияк С. С.** – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Золочевская Е. Ю.** – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора ЮРИУ РАНХиГС, профессор кафедры налогообложения и бухгалтерского учета, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Кадол Н. Ф.** – доктор экономических наук, доцент кафедры экономической теории и мировой экономики, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Беларусь, г. Гомель).
- **Кислицын С. А.** – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).

- **Козлюк Н. В.** – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры налогообложения и бухгалтерского учета, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Колядин А. П.** – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики, менеджмента и финансов, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск).
- **Крюкова Е. М.** – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма и гостеприимства, Российский государственный социальный университет (Россия, г. Москва).
- **Миляева Л. Г.** – доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, декан экономического факультета, Бийский технологический институт Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Россия, г. Бийск).
- **Овчаренко Р. К.** – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Понеделков А. В.** – Заслуженный деятель науки РФ, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Попова Е. А.** – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и методологии науки, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Скворцов Н. Г.** – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, г. Санкт-Петербург).
- **Сологуб В. А.** – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Султонов З. С.** – кандидат экономических наук, доцент, Таджикский государственный университет коммерции (Таджикистан, г. Душанбе).
- **Ушаков Д. С.** – PhD, Professor Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand).
- **Чернова О. А.** – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры информационной экономики, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54.

Тел. 8-863-279-41-62,

e-mail: jurnal-gmu-uriu@ranepa.ru

<http://upravlenie-uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications
where main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
5.2. – economic science; 5.4. – sociology; 5.5. – politology*

№ 1

**Rostov-on-Don
2025**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Certificate of registration of the mass media ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017
issued by Federal Service for Supervision of communications, information technologies
and mass media (Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

Editor-in-Chief

- **Tatiana V. Ignatova** – Doctor of Economics, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of the South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, member of the Association of Scientific Editors and Publishers (ANRI).

Deputy Editor-in-Chief

- **Tatiana P. Cherkasova** – Doctor of Economics, Professor, Dean of the Faculty of Political Science of the South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia).

Members of the Editorial Board

- **Christos A. Alexakis** – PhD, Professor, Business School (Renne, France).
- **Eugene Nivorozhkin** – PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College (London, Great Britain).
- **Ford Lumban Gaol** – PhD, University Bina Nusantara (Jakarta, Indonesia).
- **Arthur V. Atanesyan** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University (Yerevan, Armenia).
- **Valeria A. Arsenyeva** – Doctor of Economics, Associate Professor, Dean of the Faculty of Economics, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia).
- **Larisa Kh. Dzakhova** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Political Science, K. L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Republic of North Ossetia – Alania, Russia).
- **Larisa N. Drobyshevskaya** – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of World Economy and Management, Kuban State University (Krasnodar, Russia).
- **Sergey S. Zmiyak** – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia).
- **Elena Yu. Zolocheskaja** – Doctor of Economics, Associate Professor, Associate Director, Professor of the Department of Taxation and Accounting, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia).
- **Natalia F. Kadol** – Doctor of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and World Economy, Gomel State University named after F. Skorina (Gomel, Belarus).
- **Sergey A. Kislitsyn** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia).

- **Natalya V. Kozlyuk** – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Taxation and Accounting, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia).
- **Alexander P. Kolyadin** – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics, Management and Finance, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).
- **Elena M. Kryukova** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Tourism and Hospitality, Russian State Social University (Moscow, Russia).
- **Larisa G. Milyaeva** – Doctor of Economics, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Economics, Biysk Institute of Technology of Altai State Technical University named after I. I. Polzunov (Biysk, Russia).
- **Roman K. Ovcharenko** – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia).
- **Alexander V. Ponedelkov** – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia).
- **Ekaterina A. Popova** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia).
- **Nikolay G. Skvortsov** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Comparative Sociology, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).
- **Vladimir A. Sologub** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia).
- **Zoirsho S. Sultonov** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Tajik State University of Commerce (Dushanbe, Tajikistan).
- **Denis S. Ushakov** – PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand).
- **Olga A. Chernova** – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Information Economics, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54.

Tel: 8-863-279-41-62.

e-mail: jurnal-gmu-uriu@ranepa.ru

<http://upravlenie-uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	1 1
И. А. Вальдман. Тенденции и перспективы предоставления государственных услуг в мире	11
Ван Сяохань. Оценка рисков китайско-российских межгосударственных проектов на основе системы индикаторов нечеткого аналитического иерархического процесса.....	23
О. Л. Гойхер, Е. М. Гусарова. Оценка инструментов развития инновационных систем.....	32
Т. В. Кузусева, Т. С. Ласкова, В. А. Пайкова. Менеджмент телемедицинских технологий: стратегические приоритеты и институциональные барьеры.....	43
Е. И. Лазарева, Ю. В. Гаврилова, Д. В. Пекленков, Р. С. Ковалев Performance-менеджмент: управление результативностью достижения HRM-целей организации	56
С. В. Мороз, Т. А. Головина. Комплексная концепция антикризисного управления изменениями в деятельности авиакомпаний	65
В. В. Солодкин, Е. Н. Караева. Особенности и приоритеты управления персоналом в крупной корпорации	75
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ	8 4
А. В. Александров. Совершенствование механизмов государственной поддержки предприятий сферы услуг на региональном уровне.....	84
Д. Е. Иванова, В. Е. Иванов. Эмпирическое изучение дифференциации уровней заработной платы в контексте региональной специфики Российской Федерации: теоретические подходы и статистические методы	95
М. В. Иванова, И. В. Князева. Социально-экономические мотивации жителей моногородов	106
Т. В. Игнатова, А. М. Пономарева, М. А. Пономарев Потенциал креативных индустрий в региональной экономике.....	116
Т. А. Найденова, Е. Н. Новокшинова Вклад С. Ю. Витте в развитие страховых отношений в царской России	126
А. В. Скидан, К. С. Субботина. Специфика налогообложения деятельности бюджетных учреждений здравоохранения.....	135
ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА	1 4 5
О. А. Баранов. Организация профилактической работы с иностранными студентами в Республике Северная Осетия-Алания на фоне актуальных террористических угроз.....	145
В. П. Бахтоярова. Язык и символы в китайском политическом дискурсивном пространстве	154

А. С. Геворгян, К. С. Семенюра. Искусственный интеллект и краудсорсинг в менеджменте: новые подходы к политическим процессам и государственному управлению	162
Д. К. Григорян. Роль и место программы «Время героев» в системе рекрутирования современной политической элиты России	170
Л. Л. Иванова, О. В. Белуженко. Изучение концепта «принуждение» в мировоззрении современной молодежи в контексте террористических угроз.....	179
О. В. Котлярова. Механизмы, искажающие политическое восприятие в социальных сетях.....	187
Н. Н. Седых. Политическая культура властной элиты России в условиях общественно-исторической трансформации.....	196
К. В. Степанов. Маргинальность и девиантность: теоретико-методологические и аксиологические аспекты проблемы.....	204
А. В. Тушаев. Образ 90-х гг. в представлениях различных поколений: по материалам социологического исследования.....	211
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ	219
Т. И. Ерошенко, Е. А. Складорова. Социальная справедливость как цивилизационная ценность этоса России.....	219
В. А. Лихотинский. Традиция как социальный фактор	234
А. И. Омутков, В. М. Захаров. Социальная эксклюзия и образ жизни сельской молодежи в социологическом измерении.....	242
М. М. Шахбанова. Социальные ожидания и ценностные ориентации дагестанской молодежи	253
З. М. Сабанов. Специфика проведения медико-социальной экспертизы и признания лица инвалидом в современных условиях (на примере РСО-Алания)	263
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	273
А. М. Гуревич. Особенности кадрового обеспечения предприятий нефтеперерабатывающего комплекса и социального положения их персонала.....	273
Д. А. Жердин, А. Г. Дмитриев. Экономика автоматизации на основе синтетических нервных систем.....	280
О. О. Керимов. Политическая и военная элиты: взаимодействие и механизмы влияния	290
А. Д. Лесаев. Международный опыт государственно-управленческой политики в сфере информатизации и связи.....	299
А. В. Панков. Цивилизационные факторы формирования российских элит в контексте проблемы исторической памяти как фундирующего элемента политической культуры.....	307
ПАМЯТИ Т. В. ИГНАТОВОЙ	316
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	318

CONTENTS

PROBLEMS OF MANAGEMENT	1 1
<i>Igor A. Valdman</i>	
Trends and prospects of public service provision in the world	11
<i>Wang Xiaohan</i>	
Risk assessment of Sino-Russian interstate projects based on indicator system of fuzzy analytic hierarchy process	23
<i>Oleg L. Goyher, Ekaterina M. Gusarova</i>	
Evaluation of innovative systems development instruments	32
<i>Tatiana V. Kugusheva, Tatiana S. Laskova, Victoria A. Paykova</i>	
Telemedicine technology management: strategic priorities and institutional barriers	43
<i>Elena I. Lazareva, Julia V. Gavrilova, Dmitry V. Peklenkov, Roman S. Kovalev</i>	
Performance-management: managing the resultivity of achieving the organization's HRM-goals	56
<i>Sergei V. Moroz, Tatyana A. Golovina</i>	
Comprehensive concept of anti-crisis management of changes in airline activities	65
<i>Vadim V. Solodkin, Ekaterina N. Karaeva</i>	
Features and priorities of personnel management in a large corporation	75
PROBLEMS OF ECONOMICS	8 4
<i>Andrey V. Alexandrov</i>	
Improvement of mechanisms of state support of service enterprises at the regional level	84
<i>Daria E. Ivanova, Vyacheslav E. Ivanov</i>	
Empirical study of wage differentiation in the context of regional specifics of the Russian Federation: theoretical approaches and statistical methods	95
<i>Marina V. Ivanova, Irina V. Knyazeva</i>	
Socio-economic motivations of residents of single-industry towns	106
<i>Tatiana V. Ignatova, Alexandra M. Ponomareva, Maxim A. Ponomarev</i>	
Potential of creative industries in the regional economy	116
<i>Tatiana A. Naydenova, Elena N. Novokshonova</i>	
Contribution of S. Yu. Vitte to the development of insurance relations in tsarist Russia	126
<i>Anastasia V. Skidan, Ksenia S. Subbotina</i>	
Specifics of taxation of activities of budgetary healthcare institutions	135
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	1 4 5
<i>Oleg A. Baranov</i>	
Organization of preventive work with international students in the Republic of North Ossetia-Alania against the background of current terrorist threats	145
<i>Valeria P. Bahtoyarova</i>	
Language and symbols in the Chinese political discursive space	154
<i>Ashkhen S. Gevorgyan, Karina S. Semenyura</i>	
Artificial intelligence and crowdsourcing in management: new approaches to political processes and public administration	162
<i>David K. Grigoryan</i>	
The role and place of the "Time of heroes" program in the recruitment system of the modern political elite of Russia	170

Ludmila L. Ivanova, Olga V. Beluzhenko The study of the concept of "coercion" in the worldview of modern youth in the context of terrorist threats	179
Olga V. Kotlyarova Mechanisms that distort political perception on social media	187
Nikolay N. Sedykh Political culture of the Russian power elite in the conditions of socio-historical transformation	196
Konstantin V. Stepanov Marginality and deviance: theoretical, methodological and axiological aspects of the problem.....	204
Andrey V. Tupaev The image of the 90s in the representations of different generations: based on the materials of a sociological study	211
SOCIOLOGY PROBLEMS	219
Tatiana I. Eroshenko, Elena A. Sklyarova Social justice as a civilizational value of the ethos of Russia	219
Vladislav A. Likhotskiy Tradition as a social factor	234
Alexander I. Omutkov, Viktor M. Zakharov Social exclusion and lifestyle of rural youth in a sociological dimension.....	242
Madina M. Shakhbanova Social expectations and value orientations of Dagestan youth.....	253
Zaurbek M. Sabanov Specifics of carrying out medical and social examination and recognition of the person as a disabled person in modern conditions (on the example of North Ossetia-Alania)	263
YOUNG SCIENTISTS	273
Andrey M. Gurevich The specifics of the staffing of the oil refining complex enterprises and the social status of their personnel	273
Dmitry A. Zherdin, Anton G. Dmitriev The economics of automation based on synthetic nervous systems.....	280
Oleg O. Kerimov Political and military elites: interaction and mechanisms of influence.....	290
Anton D. Lesaev International experience of state administration policy in the sphere of informatization and communications	299
Andrey V. Pankov Civilizational factors of the formation of Russian elites in the context of the problem of historical memory as a foundational element of political culture	307
IN MEMORY OF T. V. IGNATOVA	316
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES	318

Тенденции и перспективы предоставления государственных услуг в мире

Игорь Александрович Вальдман

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия, valdman-ial@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5063-1673>

Аннотация

Введение. Правительства многих стран мира, включая Российскую Федерацию, уверенно идут по пути построения отзывчивой системы государственного управления, ориентированной на запросы человека. В ее основе лежит учет интересов людей и обеспечение взаимодействия человека и государства при получении необходимых сервисов и услуг максимально бесшовным и удобным способом.

Цель. Выявление ключевых тенденций, существующих в практике зарубежных стран в сфере разработки и реализации государственных услуг, ориентированных на человека, а также определение перспектив развития государственных услуг в ближайшее десятилетие.

Актуальность изучения мирового опыта обусловлена необходимостью совершенствования системы государственного управления Российской Федерации и реализацией федерального проекта «Государство для людей».

Материалы и методы. Анализ научных статей, обзоров и докладов международных организаций; изучение информации на сайтах государственных ведомств зарубежных стран; проведение экспертных интервью с представителями системы государственного управления 5 стран (Бразилия, Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Сербия, Южно-Африканская Республика).

Результаты. В ходе исследования выявлены 8 тенденций в построении клиентоцентричного (человекоцентричного) государства. Среди них: использование единой цифровой платформы госуслуг, введение цифровых стандартов и обеспечение кибербезопасности, проактивное предоставление услуг, организация открытого сотрудничества между государством, гражданами и представителями различных организаций, реформа системы привлечения талантов, использования новых способов предоставления услуг (цифровые помощники), цифровая инклюзия как механизм обеспечения равенства доступа к услугам, создание организаций, ответственных за предоставление государственных услуг. Также выделены основные направления развития государственных услуг в горизонте 10 лет. К ним относятся кибербезопасность, широкое использование цифровых технологий (искусственный интеллект, метавселенная и др.), опора на углубленную пользовательскую аналитику, переход от модели «государство для людей» к модели «государство с людьми», инклюзивность в предоставлении услуг.

Выводы. Построение отзывчивой системы государственного управления требует от правительств применения ориентированного на человека подхода к разработке и предоставлению государственных услуг. На пути к человекоцентричной трансформации государства странам предстоит найти ответы на наиболее фундаментальные вызовы, такие как повышение доверия граждан, обеспечение цифровой грамотности, доступности и инклюзивности государственных услуг.

Ключевые слова: государственное управление, государственные услуги, дизайн, ориентированный на человека, открытое сотрудничество, проактивные услуги, клиент, клиентоцентричность, человекоцентричность, цифровая инклюзия, цифровые стандарты, цифровые технологии

Для цитирования: Вальдман И. А. Тенденции и перспективы предоставления государственных услуг в мире // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 11–22. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-11-22>. EDN AFDQXM

Trends and prospects of public service provision in the world

Igor A. Valdman

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, valdman-ial@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5063-1673>

Abstract

Introduction. The Governments of many countries around the world, including the Russian Federation, are confidently moving towards building a responsive human-centered public administration system. It is based on taking into account the interests of people and ensuring the interaction of people and the state in obtaining the necessary services in the most seamless and convenient way.

Purpose. To identify key trends in the practice of countries in the development and implementation of human-centered public services, as well as to identify the prospects for the development of public services in the next decade. The relevance of the study to the world experience is determined by the need to improve the public administration system of the Russian Federation and the implementation of the federal project "State for People".

Materials and Methods. The following methods were used in the course of the research: analysis of scientific articles, reviews and reports of international organizations; study of information on the websites of government departments of foreign countries; conducting expert interviews with representatives of the public administration system of 5 countries (Brazil, Qatar, United Arab Emirates, Serbia, South Africa).

Results. The study revealed 8 trends in building a client-centered (human-centered) state. Among them are the use of a single digital platform for public services, the introduction of digital standards and cybersecurity, proactive provision of services, the organization of open cooperation between the state, citizens and representatives of various organizations, the reform of the talent recruitment system, the use of new ways of providing services (digital assistants), digital inclusion as a mechanism for ensuring equal access to services, the creation of organizations responsible for the provision of public services. The main directions of development of public services in the 10-year horizon are also highlighted. These include cybersecurity, the widespread use of digital technologies (artificial intelligence, the metaverse, etc.), reliance on in-depth user analytics, the transition from the "state for people" model to the "state with people" model, inclusivity in the provision of services.

Conclusions. The article concludes that building a responsive public administration system requires governments to adopt a human-centered approach to the development and provision of public services. On the way to a human-centered transformation of the state, countries will have to find answers to the most fundamental challenges, such as increasing the trust of citizens, ensuring digital literacy, accessibility and inclusiveness of public services.

Keywords: public administration, public services, human-centered design, open cooperation, proactive services, client, client-centricity, human-centricity, digital inclusion, digital standards, digital technologies

For citation: Valdman I. A. Trends and prospects of public service provision in the world. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):11-22. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-11-22>. EDN AFDQXM

Введение

С 2022 г. на основании решения Правительства Российской Федерации реализуется федеральный проект «Государство для людей» (далее – ФП), который направлен на формирование клиентоцентричной культуры и реинжиниринг процессов взаимодействия государства со всеми категориями граждан и бизнеса. Проект призван повысить «отзывчивость» системы государственного управления, сделать взаимодействие человека и государства максимально бесшовным и удобным при получении необходимых сервисов и услуг в самых разных жизненных ситуациях [Вальдман, Горбовский и др., 2024].

Декларация ценности клиентоцентричности, лежащая в основе ФП, определяет клиентоцентричное государство как «государство, функции и услуги которого организованы удобным для человека образом, позволяют эффективно удовлетворять потребности человека и постоянно совершенствуются на основе анализа клиентского опыта»¹.

Такое понимание клиентоцентричности в государственном управлении полностью соответствует международной повестке построения человекоцентричного государства, ориентированного на учет интересов и потребностей человека, способного их выявлять и использовать при создании услуг и сервисов, необходимых для разрешения различных жизненных ситуаций.

Исследования и опросы, проводимые во многих странах мира, показывают, что граждане ожидают от своих правительств обеспечения качества, скорости и удобства услуг, не уступающие тем, которые предоставляются организациями частного сектора. Они также предъявляют все более высокие требования к быстрому и бесперебойному доступу к услугам через множество различных каналов – например, чаты, мобильные устройства, Интернет и др. Для предоставления более качественных услуг в современную цифровую эпоху правительства уделяют все больше внимания следующим направлениям работы²:

- Сбор и анализ данных (качественных и количественных), позволяющий понять потребности людей и обстоятельства их жизни;
- Привлечение граждан в качестве партнеров на этапе разработки и внедрения при обновлении существующих или предоставлении новых услуг;
- Создание экосистемы партнеров для предоставления широкого спектра разнообразных и перспективных возможностей в предоставлении услуг;
- Развитие глубокого понимания взаимосвязи людей с технологиями;
- Обеспечение инклюзивности за счет альтернативных способов доступа к услугам для тех людей, кому не доступны цифровые технологии;
- Развитие новых навыков, таких как исследование пользовательского опыта и дизайн, ориентированный на человека (human-centric design).

Использование ориентированного на человека дизайна является краеугольным камнем при построении системы клиентоцентричного /човекоцентричного государственного управления. В его основе лежит «эмпатия» – способность видеть мир глазами клиента и понимать то, что он видит, чувствует и переживает. Поэтому на протяжении всего процесса разработки услуг государственным ведомствам и организациям необходимо активно взаимодействовать с пользователями, чтобы гарантировать простоту использования, доступность, надежность и эффективное достижение обещанных результатов.

Международная организация по стандартизации (ISO – the International Organization for Standardization) определяет дизайн, ориентированный на человека, как подход, подход к разработке интерактивных систем, который направлен на то, чтобы сделать системы удобными для использования, ориентируясь на пользователей, их нужды и требования, а также применяя человеческий фактор / эргономику, знания и методы юзабилити. Такой подход повышает эффективность

¹ Декларация ценности клиентоцентричности.

https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/standarty_klientocentrchnosti/

² Government Services Forum: A Dialogue on the Future of Government Services. Outcomes report, February 2023. World Government Summit. 2023 <https://www.worldgovernmentsummit.org/observer/reports/2023/detail/government-services-forum-a-dialogue-on-the-future-of-government-services>

и результативность работы, повышает благополучие людей, удовлетворенность пользователей, доступность и экологичность, а также противодействует возможным неблагоприятным последствиям использования для здоровья, безопасности и производительности человека»¹.

Материалы и методы

В настоящей статье обсуждаются основные тенденции и перспективы в предоставлении государственных услуг в мире, которые определяют настоящее и формируют ближайшее будущее развития государственного сектора многих стран, включая Российскую Федерацию.

Статья подготовлена на основе обзора литературы и различных международных источников – тематические доклады, экспертные обзоры, глобальные рейтинги цифровизации правительств и открытая информация на правительственных сайтах зарубежных стран.

Обсуждение и результаты

Контекст проблематики клиентоцентричности

Для оценки сложности и масштабности задачи формирования дружественного к человеку государства и создания человекоцентричной системы государственных услуг отметим следующие аспекты, определяющие контекст проблематики клиентоцентричности.

Доступность государственных услуг

По данным Всемирного банка по состоянию на 2021 г. во всем мире насчитывалось чуть менее 850 миллионов человек, не имеющих официальных документов, удостоверяющих их личность². Около половины из них - дети, а подавляющее большинство проживает в странах с низким уровнем дохода в Африке и Южной Азии. Анализ с использованием данных индивидуальных обследований показывает, что эти 850 миллионов человек подвергаются высокому риску быть лишенными доступа к основным услугам и экономическим возможностям и относятся к числу наиболее маргинализированных в своих сообществах.

По данным Международного союза по телекоммуникациям (ITU – International Telecommunication Union) при ООН по итогам 2023 г. примерно 2,6 млрд чел. (33 % населения) не имеет подключения к Интернету³.

Таким, образом, достаточно большая доля населения планеты не имеет доступа к государственным услугам в физическом или цифровом форматах.

Клиентоцентричность vs Человекоцентричность

Необходимо определить различия понятий «клиентоцентричность» и «человекоцентричность», т.к. оба этих термина широко используются в российской и международной практике. *Клиентоцентричность* является официальным понятием федерального проекта «Государство для людей», *человекоцентричность* также используется в практике государственного управления и является официальным понятием Национальной социальной инициативы Агентства стратегических инициатив⁴.

В зарубежной повестке *клиентоцентричность* или *клиентоцентричный подход* связаны с понятиями *client-centred* и *user-centred*. Данный подход имеет целью упростить продукт или услугу, сделать их предполагаемые функции очевидными для пользователей. Он подчеркивает связь между действиями пользователей и предполагаемыми результатами. Под «пользователями» понимаются люди, которые непосредственно взаимодействуют с продуктом или услугой.

Человекоцентричность связана с ориентацией на человека и гражданина, она использует концепции *human-centred*, *people-centred* и *citizen-centred*.

¹ ISO 9241-210:2019(en) 'Ergonomics of Human-System Interaction – Part 210: Human-Centred Design for Interactive Systems', International Organization for Standardization, accessed 19 July 2022, <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:9241:-210:ed-2:v1:en>

² Clark, Julia Michal; Metz, Anna Zita; Casher, Claire Susan. ID4D Global Dataset 2021 : Volume 1 - Global ID Coverage Estimates (English). Washington, D.C. : World Bank Group. <http://documents.worldbank.org/curated/en/099705012232226786/P176341132c1ef0b21adf11abad304425ef>

³ Digital Infrastructure Investment Initiative. Closing the digital infrastructure investment gap by 2030. ITU, 2025. <https://www.itu.int/hub/publication/s-dii-diii-whitepaper-2025/>

⁴ Программа по внедрению Института региональных сервисных уполномоченных <https://asi.ru/social/rsu/>

Суть человекоцентричного подхода – услуги и сервисы должны работать как на непосредственных пользователей, так и на других бенефициаров (пользователи сервиса, поставщики услуг, общество в целом). Этот подход также учитывает тот факт, что бенефициарами и пользователями услуги могут быть разные люди. Например, родитель, подающий заявление на получение паспорта ребенка.

Основная тенденция – куда движется мир

Можно зафиксировать общую тенденцию в предоставлении государственных услуг – страны движутся из пункта А в пункт Б, переходя от высоких стандартов предоставления услуг бизнесом к еще более высоким стандартам предоставления услуг государством.

Пункт А. «ЭТАЛОН – услуги от бизнеса». На этом этапе услуги от бизнеса – пример для подражания. Госуслуги, как правило, неудобны и трудозатратны.

Пункт Б. «ЭТАЛОН – государственные услуги». Госуслуги – эталон качества и ориентир для бизнеса.

Россия и многие страны находятся сейчас на переходном этапе А' - «Государство учится у бизнеса». На этом этапе проводится реинжиниринг процессов, возникают цифровые платформы и сервисы, проводится сегментация клиентских сегментов, определяется клиентский путь, вводятся инструменты обратной связи и т.п.

Качество госуслуг в глобальной повестке

В широкой международной повестке качеству государственных услуг уделяется достаточно пристальное внимание. В наиболее известных международных рейтингах, связанных с вопросами государственного управления, а точнее с проблематикой цифрового правительства, присутствуют отдельные индексы, связанные с государственными услугами, ориентированными на человека. Укажем 4 рейтинга, три из которых связаны с цифровизацией госсектора и один посвящен непосредственно услугам, ориентированным на человека.

1. Индекс зрелости цифровизации госсектора Всемирного банка (GovTech Maturity Index, GTMI). В рейтинге участвуют 198 стран. Два из четырех субиндексов связаны с ориентацией на человека – Индекс предоставления государственных услуг, Индекс цифровой вовлеченности граждан¹.

2. Индекс развития электронного правительства ООН (E-Government Development Index, EGD). В рейтинге участвуют 193 страны. Один из трех субиндексов связан с ориентацией на человека – Индекс онлайн-услуг².

3. Индекс цифрового правительства ОЭСР (Digital Government Index, DGI). В рейтинге участвуют 38 стран. Два из шести его компонентов связаны с ориентацией на человека – Ориентация на пользователей, Проактивность³.

4. Индекс государственных услуг, ориентированных на человека (Human-Centred Public Services Index, HCPSI) от консалтинговой компании Oxford Insights. Рейтинг был проведен впервые в 2022 году, в нем участвовало 30 стран. Все пять его компонентов связаны с ориентацией на человека – Опыт получения услуг, Доступность и инклюзивность, Эффективность, Вовлечение общественности, Технические основы⁴.

¹ World Bank. 2022. GovTech Maturity Index, 2022. Update: Trends in Public Sector Digital Transformation. Equitable Growth, Finance and Institutions Insight – Governance; © Washington, DC. <http://hdl.handle.net/10986/38499>

² Исследование ООН: Электронное правительство 2024. Ускорение цифровой трансформации для устойчивого развития. С дополнением об Искусственном интеллекте. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2024. <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789211067286>

³ OECD (2024), “2023 OECD Digital Government Index: Results and key findings”, OECD Public Governance Policy Papers, No. 44, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/1a89ed5e-en>.

⁴ Human-Centred Public Services Index 2022. Oxford Insights, 2022. <https://oxfordinsights.com/projects/human-centred-public-services-index-2022/>

Основные тенденции в предоставлении государственных услуг по итогам 2023 года

На основе анализа зарубежных публикаций и проведенных экспертных интервью формулируем восемь ключевых тенденций, которые можно выделить в практике стран мира по итогам 2023 года¹. Эти тенденции позволяют ответить на вопрос – Что делают страны с передовой практикой разработки и реализации государственных услуг, ориентированных на человека?

Тенденция 1. Единая цифровая платформа госуслуг

Многие граждане хотят, чтобы государственные услуги можно было получать за несколько минут. Для них важно быстро найти нужную услугу, описанную на понятном и естественном языке, и воспользоваться ею за один сеанс. А это означает, что всё множество государственных услуг нужно найти в одном месте с продуманным внешним видом и удобным для навигации пользовательским интерфейсом.

Государственные учреждения переходят к единой платформе и предоставлению единого защищённого интерфейса, с помощью которого клиенты могут получать многие или все государственные услуги в одном месте.

Эта платформа может также использовать удобную систему входа, например единый цифровой пароль или национальный идентификатор пользователя. Он открыт, доступен для совместного использования и основан на цифровой инфраструктуре.

Пример.

Характеристики государственных веб-сайтов, дружественных и удобных для пользователей².

Такие сайты, как правило, имеют следующий функционал.

1. **Информация упорядочена по жизненным ситуациям.** Информация на сайтах упорядочена по жизненным ситуациям или по действиям клиентов, а не по министерствам или государственным учреждениям.

2. **«Нулевой клик».** Простой клик: клиенту требуется всего один клик ("нулевой клик"), чтобы добраться до нужной информации. Часто для этого существует раздел под названием "Ярлыки" или "Быстрые ссылки".

3. **Цифровая от начала до конца.** Пользователь может получить государственную услугу онлайн в цифровом виде "от начала до конца".

4. **Единый идентификатор.** Используется единый безопасный идентификатор для входа на сайт госуслуг, к которому подключены все государственные ведомства.

5. **Обратная связь от пользователей.** Часто пользователи могут напрямую оставить отзыв об удовлетворенности процессом получения услуг на правительственном веб-сайте или в приложении.

6. **Калькуляторы льгот.** Имеются полезные калькуляторы полагающихся человеку льгот – от калькуляторов пособий до калькуляторов мер поддержки семьи.

7. **Доступность для всех пользователей.** Веб-сайт или приложение также доступны для людей с ограниченными возможностями.

Тенденция 2. Цифровые стандарты и безопасность

Государственные учреждения, которые внедряют безопасные логины, безопасные интерфейсы и защищённые данные на разных платформах способствуют повышению простоты и удобству при одновременном укреплении доверия граждан.

Важнейшим элементом цифровой безопасности становится обеспечение обязательной регулируемой государством защиты данных. Правительства некоторых стран начинают предлагать способы, позволяющие клиентам контролировать, кто просматривает их персональные данные, и устанавливают соответствующие стандарты безопасности данных, цифровые права и их нарушения. Например, клиенты могут подать жалобу, если их цифровые права были

¹ Global Government Services Handbook 2023. Citizen Satisfaction & Best Practices. World Government Summit. Government Experience GX, 2023. <https://www.worldgovernmentssummit.org/observer/reports/detail/global-government-services-handbook-2023>

² Top 7 Tips for Creating a User-Friendly Government Service Website That Satisfies Citizens. Government Experience GX, 2022. <https://gx.ae/en/resources/top-7-tips-for-creating-a-user-friendly-government-service-website-that-satisfies-citizens>.

нарушены или цифровые активы были украдены (например, криптовалюта, цифровая недвижимость, цифровая одежда, игровые бонусы и артефакты).

Установление чётких стандартов в отношении данных имеет решающее значение для эффективного и точного обмена информацией, особенно с учётом того, что интеллектуальная автоматизация опирается на данные. Стандарты данных описывают, как данные форматируются, хранятся, используются, становятся доступными и совместно используются

Пример.

Объединенные Арабские Эмираты. Стандарты работы с данными.

В 2019 году в стране был принят рамочный документ, определяющий стандарты работы с данными (The UAE Smart Data Framework)¹. Документ направлен на достижение ряда целей, наиболее значимыми из которых являются следующие:

- повысить качество данных на национальном уровне;
- обеспечить эффективный обмен данными между государственными учреждениями;
- принять общую классификацию данных, основанную на открытости и конфиденциальности;
- поощрять открытый обмен данными с общественностью.

В нем определены стандарты данных, сгруппированные по трем направлениям.

1. *Классификация данных.* Включает стандарты: Критерии классификации данных, Правила открытия совместного использования данных.

2. *Обмен данными.* Включает стандарты: Форматы данных, Метаданные, Схема данных, Открытое лицензирование данных, Политика коммерциализации данных, Политика защиты и приватности данных, Разрешение на доступ к совместно используемым данным.

3. *Качество данных.* Включает стандарты: Принципы качества данных, Матрица качества данных, План улучшения качества данных

Тенденция 3. Проактивное предоставление услуг

Государственные организации переходят к проактивному предоставлению услуг, связанных с жизненными событиями. Они предвидят, какие государственные услуги потребуются во время определённого события в жизни, такого как рождение, свадьба или смерть, и ориентируются на это при работе с клиентами. В результате различные государственные структуры объединяются, чтобы обеспечить единый согласованный процесс удобным для заказчика способом.

При наступлении жизненной ситуации клиенты получают услугу автоматически, без дополнительных действий - получают уведомление и подают заявление в один клик. При необходимости сразу получают и другие сопутствующие услуги.

Пример.

Республика Казахстан. Проактивные услуги.

В соответствии с Законом Республики Казахстан «О государственных услугах» проактивная услуга – государственная услуга, оказываемая в электронной форме, предоставляемая по инициативе субъекта оказания услуг, для оказания которой необходимо обязательное согласие субъекта получения услуги, предоставленное посредством абонентского устройства сотовой связи.

На портале электронного правительства egov.kz, созданного для предоставления государственных услуг населению по принципу одного окна, имеется отдельный раздел «Проактивные услуги». По состоянию на декабрь 2024 года в нем представлены 54 проактивные услуги².

Например, посредством проактивной услуги «Рождение ребенка» пользователи могут дать имя новорождённому, подать заявку на свидетельство о рождении, поставить на очередь в детский сад, узнать сумму единовременной выплаты и зарегистрировать по месту жительства.

¹ The UAE Smart Data Framework. Part 1: Smart Data Principles and Standards. Version 2.0, 2019. <https://u.ae/en/about-the-uae/digital-uae/data/data-operability>.

² Раздел «Проактивные услуги» https://egov.kz/cms/ru/articles/proactive_services

Тенденция 4. Открытое сотрудничество

Осуществляется переход от ведомственной изоляции к открытому сотрудничеству. Государственные структуры отходят от иерархической структуры и изолированной работы, переходя к сотрудничеству с другими сотрудниками своего ведомства, а также с другими организациями и частными лицами, не входящими в состав правительства, с целью привлечения талантов, навыков и данных, необходимых им для улучшения государственных услуг.

Открытое сотрудничество включает: открытое взаимодействие, открытые команды, открытое мышление, общие знания, общие (но безопасные) данные и открытые API, позволяющие разным приложениям взаимодействовать друг с другом.

Также важнейшим направлением открытого сотрудничества является изучение лучших практик. Изобретать велосипед при разработке решений заново не стоит, поскольку это слишком дорого и слишком медленно. Заинтересованные страны постоянно поддерживают связи с государственными структурами в других странах, которые продвинулись дальше по пути развития государственных услуг и сервисов и достигли более высокой удовлетворенности клиентов. Они ищут, чему можно научиться, что можно скопировать, каких подводных камней можно избежать и как адаптировать идеи к местным условиям.

Тенденция 5. Реформа системы привлечения талантов

Новые навыки, новый состав членов команд и новые стимулы становятся приоритетом. Ведомства стремятся повысить квалификацию своих сотрудников, приобретая новый набор навыков и проводя обучение, необходимое для проведения реформы. Такие навыки могут включать:

- отраслевую специализацию;
- сервис-дизайн;
- обслуживание клиентов;
- использование передовых технологий для цифровой трансформации;
- информационные технологии (ИТ) для хранения, извлечения и отправки данных;
- кибербезопасность и цифровую безопасность.

Также применяется гибридный подход к формированию команд, при котором членами команд будут как служащие внутри правительства, так и специалисты за его пределами. К ним могут относиться:

- государственные гражданские служащие различных ведомств,
- профессионалы из сферы ИТ,
- эксперты по технологиям,
- специалисты по работе с данными,
- разработчики и дизайнеры пользовательского опыта,
- предприниматели,
- консультанты,
- поставщики товаров и услуг,
- клиенты,
- НКО,
- команды и советники из разных стран.

Кроме того, государственные организации по всему миру понимают, что необходимо перестроить внутренние и внешние стимулы, чтобы привлечь таланты, необходимые для проведения реформ. В качестве примеров можно привести бонусы и рекламные акции, привязанные к KPI (ключевым показателям эффективности), а также внутренние стимулы, такие как гибкий график работы и работа на дому в течение двух-трех дней в неделю.

Тенденция 6. Новые способы предоставления услуг

В дополнение к существующим методам, таким как телефон, электронная почта, SMS, веб-сайты, социальные сети и приложения, гос. ведомства начинают использовать новые методы, включая цифровых помощников нового поколения или ботов («цифровые помощники 2.0»). Они смогут отвечать на более сложные вопросы и сопровождать клиентов на протяжении всего процесса предоставления государственных услуг.

В ближайшем будущем эти цифровые помощники будут внедрены в виртуальную и/или дополненную реальность (например, в качестве аватара государственного служащего) или будут использовать Интернет вещей.

Пример.

Эстония. Виртуальный помощник Bürokratt¹.

Bürokratt - это совместимая сеть чат-ботов на основе ИИ на веб-сайтах государственных органов, которая позволяет людям получать информацию и госуслуги через окно чата (с любого устройства). Обеспечивает доступ к услугам эстонского правительства как посредством текстового, так и голосового ввода.

Основной функционал:

- Все ответы в одном месте;
- Надежная и защищенная информация;
- Работает 24/7;
- Выбор канала связи (чат, SMS, электронная почта, телефон, голосовой помощник);
- Бесплатно для пользователей.

Тенденция 7. Цифровая инклюзия

Необходимо обеспечить, чтобы ни один сегмент потребителей или граждан не остался в стороне.

Правительства стремятся предложить множество эффективных каналов предоставления услуг для удовлетворения всех потребностей пользователей цифровых технологий и отдельных групп населения, которые традиционно мало подготовлены для взаимодействия в цифровой среде (например, пожилых людей, инвалидов, бездомных и др.).

Страны стараются повысить осведомленность клиентов о преимуществах новых методов предоставления услуг, направляя или подталкивая клиентов к преодолению первого цифрового барьера.

Примеры.

Республика Корея. Программа цифрового образования для пожилых, г. Сеул²

Чтобы помочь людям в 65+ стать более технически подкованными в цифровом мире, власти Сеула разработали программу цифрового образования для обучения пожилых людей и предоставление им ресурсов, помогающих пользоваться цифровыми устройствами, такими как смартфоны и киоски самообслуживания.

Программа знакомит с важными практическими действиями в цифровой среде – от необходимости сканировать QR-код на смартфоне до предоставления подтверждения о вакцинации.

Индия. Инициатива «Формирование потенциала»³.

Для знакомства государственных служащих с потенциальными преимуществами новых технологий и цифровых решений индийское правительство проводит образовательные сессии с участием около 1 миллиона государственных служащих на всех уровнях управления страны.

Считается, что обеспечение сотрудников госсектора этими знаниями и поддержание их в актуальном состоянии так же важно, как и развитие навыков цифровой грамотности граждан.

Тенденция 8. Появление организаций, ответственных за предоставление государственных услуг

Ряд стран уже начали задумываться о том, как различные государственные учреждения могут работать вместе как «единое правительство» при взаимодействии с клиентом. С этой целью обеспечивается создание отдельного государственного учреждения, занимающегося предоставлением государственных услуг.

Также начинает использоваться модель передачи полномочий. Эта модель предусматривает передачу функций предоставления государственных услуг от существующих государственных

¹ Сайт виртуального помощника <https://www.kratid.ee/en/burokratt>

² Сайт правительства г. Сеул <https://english.seoul.go.kr/seoul-city-kicks-off-annual-digital-education-program-taught-by-seniors/>

³ Сайт комиссии по формированию потенциала <https://cbc.gov.in/>

ведомств (например, Министерства здравоохранения, Министерства образования) в ведение отдельной независимой госструктуры со своим руководителем, юридическими полномочиями и бюджетом (например, Министерство государственных услуг).

Примеры.

Азербайджан. Государственное агентство по государственным услугам и социальным инновациям при Президенте Азербайджанской Республики¹

Центральный орган исполнительной власти, который управляет центрами госуслуг “ASAN”, осуществляет взаимную интеграцию баз данных государственных органов, обеспечивает организацию электронных услуг и улучшает систему управления в этой сфере.

Австралия. Государственное агентство Services Australia²

Services Australia (Услуги Австралии) отвечает за предоставление высококачественных, доступных услуг и целевых выплат гражданам, семьям, бизнесу и партнерским агентствам от имени Правительства страны с фокусом на современный уровень предоставления услуг и пользовательский опыт.

Как могут выглядеть госуслуги в будущем

Обсуждая будущее государственных услуг, необходимо отметить, что это необязательно новые подходы и решения, которых не существует на сегодняшний день. Скорее будущее в горизонте 10 лет следует трактовать как переход к массовому применению подходов и решений, многие из которых существуют уже сейчас, но являются еще редкими, отдельными передовыми практиками, не ставшими признанными и широко используемыми в государственном секторе стран мира.

С этой точки зрения государственные услуги будущего будут быстрыми, удобными, дружелюбными к пользователю, безопасными, проактивными и инклюзивными. В конечном счёте это повышает удовлетворённость граждан и их доверие к правительству в целом.

Эти 6 принципов означают следующее.

- Быстро. Для получения услуг нужны минуты, а не часы и дни.
- Удобно. Услуги предоставляются там, где находится клиент. Как в очном формате, так и дистанционном за счет использования цифровых технологий.
- Дружественно по отношению к пользователю. Интерфейсы понятны, навигация по порталам выстроена, применяется автоматическое заполнение форм имеющимися данными и т.п.
- Безопасно. Данные защищены, используется многоуровневая аутентификация, клиент контролирует использование своих данных.
- Проактивно. Услуга предоставляется по мере наступления жизненной ситуации, участие клиента не требуется или минимально.
- Инклюзивно. Учитывает особенности и потребности всех групп клиентов.

Необходимо обратить внимание, что использование принципов Безопасности и Дружелюбности требуют поиска баланса, чтобы избежать конфликтных ситуаций. Сильный фокус на безопасности данных и защищенности ИТ-систем скорее всего не позволит реализовать понятные и дружелюбные клиентские интерфейсы. И наоборот, увлечение удобством пользователя как основным принципом проектирования скорее всего будет сильно вредить обеспечению безопасности данных.

Ключевой тенденцией будущего, которая формируется уже сейчас, станет переход от концепции «государство для людей», когда клиенты оценивают готовые решения, к концепции «государство с людьми», когда граждане и бизнес активно участвуют в создании решений по предоставлению услуг и сервисов.

Правительства должны рассматривать граждан как партнеров, а не только как клиентов. Они будут привлекать граждан на этапах проектирования, разработки и внедрения тех или иных решений. Граждане играют роль не только пользователей, но и исследователей, генераторов идей, соразработчиков услуг и решений, тестировщиков, распространителей информации и решений.

¹ Сайт агентства <https://vxside.gov.az/en>

² Сайт агентства <https://www.servicesaustralia.gov.au/about-us>

Все большую роль в обеспечении эффективности и повышении качества государственных услуг будут играть цифровые технологии.

В ближайшие годы ключевые технологии, основанные на развивающейся экосистеме искусственного интеллекта (AI), вариантах использования блокчейна, особенно в управлении контрактами/документами, а также Интернете вещей (IoT), позволяющем распознавать идентификаторы (ID) на основе датчиков чувствительности, и многие виды взаимодействия с клиентами, включая использование технологий дополненной (AR) и виртуальной (VR), будут играть центральную роль в повышении качества государственного обслуживания.

Хорошие и надежные наборы данных, позволяющие поддерживать межведомственное взаимодействие и бесшовное предоставление услуг, будут играть всё большую роль.

Правительствам стран предстоит определиться, насколько эффективным было бы внедрение конкретного технологического тренда, какова была бы отдача от инвестиций, а также насколько они были бы готовы к внедрению этого тренда. Несмотря на высокую стоимость, модернизация устаревших IT-систем станет частью реальности для многих правительств, стремящихся внедрить передовые технологии.

Ожидается, что в течение 10 лет в сфере государственных услуг будут достигнуты следующие результаты и эффекты¹:

- обеспечивается кибербезопасность: используются безопасные платформы, логины, защита личных данных и цифровые платежи;
- формируется углублённая аналитика данных для улучшения качества обслуживания клиентов;
- используются новые методы предоставления услуг, например, цифровой помощник 2.0, Метавселенная (виртуальная и дополненная реальность) и др.;
- применяются инклюзивные государственные услуги, которые охватывают все сегменты клиентов и их цифровые потребности;
- укрепляется доверия граждан с помощью государственных услуг.

Следующее десятилетие определит, каким образом правительства будут реформировать систему предоставления государственных услуг. С внедрением упрощённых сервисов в государственных органах граждане смогут получать доступ к ним быстрее и с большим погружением, а внедрение новых цифровых помощников и технологий, вероятно, увеличит уровень участия граждан и инклюзивности, особенно для отдельных групп населения.

Заключение

Международный опыт показывает, что предоставление услуг, ориентированных на человека, остается приоритетной задачей для многих государств мира. Для ее решения страны используют самые различные стратегии с учетом своих национальных особенностей (социальных, демографических, экономических, технологических и др.). Но для всех из них особое значение имеют ориентация на потребности человека и использование цифровых технологий.

Для предоставления своим гражданам необходимых им удобных, инклюзивных и комплексных услуг все больше правительств применяют ориентированный на человека подход к разработке и предоставлению государственных услуг. Дизайн, ориентированный на человека направлен на то, чтобы люди могли легко и безопасно пользоваться услугой или продуктом, а также на то, чтобы это не оказывало негативного влияния на их здоровье или работоспособность. Для достижения этой цели разработчики должны понимать потребности и опыт пользователей, ставя себя на их место².

¹ Global Government Services Handbook 2023. Citizen Satisfaction & Best Practices. World Government Summit. Government Experience GX, 2023. <https://www.worldgovernmentssummit.org/observer/reports/detail/global-government-services-handbook-2023>

² Government Services Forum. A dialog on the future of government. Service outcomes report 2023. World Government Summit, 2023. <https://www.worldgovernmentssummit.org/observer/reports/detail/government-services-forum-a-dialogue-on-the-future-of-government-services>

Во всем мире граждане все больше полагаются на технологии в повседневной жизни и, как ожидается, в будущем будут использовать их еще активнее. Однако, что еще более важно, цифровые технологии предоставляют правительствам и организациям государственного сектора широкие возможности для преобразования методов своей работы и улучшения предоставляемых ими услуг, делая их более интуитивно понятными, проактивными, персонализированными для человека.

По данным ООН все большее число стран переходят к бесшовному, невидимому правительству, в котором полностью автоматизированные и персонализированные услуги доступны любому человеку в любое время из любого места¹. Все больше правительств внедряют передовые технологии, такие как облачные вычисления, искусственный интеллект, блокчейн для оценки и удовлетворения потребностей граждан. При этом нужно помнить, что успехи в развитии электронного правительства могут привести к увеличению цифрового разрыва, если не будут приняты меры по обеспечению всеобщего доступа. Крайне важно, не оставить «за бортом» тех, кто нуждается в поддержке, иначе говоря, реализовать инклюзивный подход для всех групп населения.

Чтобы улучшить жизнь своих граждан многим правительствам предстоит преодолеть некоторые фундаментальные проблемы и вызовы, включая повышение доверия, обеспечение цифровой грамотности, доступности государственных услуг и инклюзивности.

Список источников

Вальдман И. А., Горбовский Р. В., Паратунов М. В., Путинцева Е. А. Основные проблемы и барьеры клиентоцентричной трансформации системы государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 20–31. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-20-31>. EDN JZBMTB

References

Valdman I. A., Gorbovsky R. V., Paratunov M. V., Putintseva E. A. Main problems and barriers of the client-centered transformation of the public administration system. *State and Municipal Management Scholar Notes*. 2024;(1):20-31. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-20-31>. EDN JZBMTB

Информация об авторе

И. А. Вальдман – зам. директора Центра внедрения клиентоцентричного подхода ВШГУ РАНХиГС.

Information about the author

I. A. Valdman – Deputy Director of the Center for Implementation of a Client-Centric Approach of Higher School of Public Administration of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.

¹ Исследование ООН: Электронное правительство 2022. Будущее цифрового правительства. Организация объединенных наций, Нью-Йорк, 2022. <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210019446>.

Original article

Risk assessment of Sino-Russian interstate projects based on indicator system of fuzzy analytic hierarchy process*

Wang Xiaohan

Henan University of Economics and Law, Henan, China,
275557347@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1187-258X>

Abstract

Purpose. The purpose of this study is to comprehensively and objectively evaluate the risks of Sino-Russian interstate projects, and further promote the accumulation of project management experience and the improvement of management techniques.

Methods. The author adopts the Fuzzy Analytic Hierarchy Process (FAHP) method to conduct further data analysis based on the risk assessment indicator system. The author uses the expert questionnaire survey method. Based on the survey results, a fuzzy judgment matrix is constructed, and weights are assigned to the indicators. With these weight data, the comprehensive importance ranking of the risk assessment indicators for Sino-Russian interstate projects can be obtained.

Results. The author obtained the following results through data analysis. In the risk assessment of the Sino-Russian interstate project: In terms of behavioral risk, attention should be paid to the ability of subcontractors to fulfill their contracts on schedule during the construction phase, and efforts should be made to explore international standards applicable to both China and Russia. In terms of management risk, importance should be attached to the cultivation of international project management talents, and it is necessary to explore the training mode of project management talents for Sino-Russian projects; and the concept of the sustainable development of the project should be emphasized. In terms of process risk, attention should be paid to the screening of project categories and schemes. In terms of external risk, it is necessary to optimize project policies and industrial policies and accelerate the progress of project approval.

Conclusions. The results of the model analysis provide in detail the specific ranking of the key risk factors of Sino-Russian interstate projects, offering an academic increment for the risk research in this field. In subsequent studies, empirical analysis can be further carried out for specific projects. The research findings put forward corresponding improvement suggestions for the risk management of Sino-Russian interstate projects.

Keywords: risk management, interstate project, project management, fuzzy judgment matrix, assign weights, Fuzzy Analytic Hierarchy Process, behavioral risk, management risk, process risk, external risk

For citation: Wang Xiaohan. Risk assessment of Sino-Russian interstate projects based on indicator system of fuzzy analytic hierarchy process. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2025;(1):23–31*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-23-31>. EDN ZGWHEN

© Ван Сяохань, 2025

* Данная статья является продолжением статьи (This article is a continuation of the article): Wang Xiaohan. Establishment of indicator system for risk assessment of Sino-Russian interstate projects based on fuzzy analytic hierarchy process. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(4):34–42*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-34-42>. EDN ABZMIU

Оценка рисков китайско-российских межгосударственных проектов на основе системы индикаторов нечеткого аналитического иерархического процесса

Ван Сяохань

Университет экономики и права, Хэнань, Китайская народная республика
275557347@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1187-258X>

Аннотация

Цель. Всесторонняя и объективная оценка рисков китайско-российских межгосударственных проектов, а также дальнейшее накопление опыта управления проектами и совершенствование методов управления.

Методы. Автор использует метод нечеткого аналитического процесса иерархии (ФАНР) для проведения анализа данных на основе системы показателей оценки риска. Автор использует метод экспертного анкетного опроса. По результатам опроса строится матрица нечетких суждений, показателям присваиваются веса. С помощью данных весовых коэффициентов можно получить комплексный рейтинг важности показателей оценки рисков для китайско-российских межгосударственных проектов.

Результаты. В результате анализа данных при оценке рисков китайско-российского межгосударственного проекта автор получил следующие результаты. С точки зрения поведенческого риска, следует обратить внимание на способность субподрядчиков выполнять свои контракты в срок на этапе строительства, а также приложить усилия для изучения международных стандартов, применимых как в Китае, так и в России. С точки зрения управленческого риска, следует уделить внимание подготовке международных талантов в области управления проектами, необходимо изучить способ подготовки талантов в области управления проектами для китайско-российских проектов; также следует подчеркнуть концепцию устойчивого развития проекта. С точки зрения риска процесса, необходимо уделить внимание отбору категорий и схем проектов. С точки зрения внешнего риска необходимо оптимизировать проектную политику и промышленную политику, а также ускорить процесс утверждения проектов.

Выводы. Результаты модельного анализа позволяют детально проранжировать ключевые факторы риска китайско-российских межгосударственных проектов, что дает академическое приращение для исследования рисков в этой области. В последующих исследованиях эмпирический анализ может быть проведен для конкретных проектов. Результаты исследования содержат соответствующие предложения по улучшению управления рисками китайско-российских межгосударственных проектов.

Ключевые слова: управление рисками, межгосударственный проект, управление проектами, нечеткая матрица суждений, присвоение весов, нечеткий аналитический процесс иерархии, поведенческий риск, управленческий риск, процессный риск, внешний риск

Для цитирования: Ван Сяохань. Оценка рисков китайско-российских межгосударственных проектов на основе системы индикаторов нечеткого аналитического иерархического процесса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 23–31. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-23-31>. EDN ZGWHEN

Highlights

1. Expert Questionnaire Survey.
2. Based on the results of pairwise importance comparisons, a fuzzy complementary judgment matrix is established.
3. Calculate the fuzzy consistent matrix and the weight vector.
4. Calculate and obtain the weights of the risk assessment indicators for Sino-Russian interstate projects.
5. Ranking the indicators according to their comprehensive importance and conduct analysis and evaluation.

Introduction

The paper focuses on the field of risk assessment of Sino-Russian interstate projects. The risk analysis combines qualitative and quantitative methods. The quantitative analysis of interstate project risks is a process of quantifying the probability of risk occurrence and its impact on the project. The result of quantitative analysis is the probability distribution of project objectives in the context of overall risk events. In order to transform the fuzzy information of risk indicators into definite information, the author adopts the Fuzzy Analytic Hierarchy Process (FAHP).

The combination of fuzzy mathematics and the AHP is relatively widely applied in the research on the risk issues of interstate projects. The authors Davatgar et. al. discusses the importance of risk assessment and management in the oil and gas industry and provide an accurate and reliable risk analysis for oil platforms, particularly the floating platform Goliat. The study emphasizes the importance of management factors combined with technical and technological aspects in the performance of safety barriers and allows for the assessment of dynamic risk across the plant [1]. Lee J. k. et al. use subcontractor performance levels and a risk framework for the interface between the general contractor and subcontractors. Cost, schedule, and quality of project results are applied to assess performance. The 77 risks identified are correlated and analyzed to determine key risks from two perspectives [2]. Li X. et. al. propose a method for evaluating the performance of lean construction management in engineering projects based on the network process-fuzzy comprehensive evaluation (ANP-FCE) model. Analytic Network Process (ANP) and Super Decisions (SD) software are utilized to calculate the weights of the indicators and verify their validity [3].

In the field of interstate project risk research, there are relatively few articles addressing the risk assessment of Sino-Russian interstate projects. Therefore, the author focuses on risk identification, evaluation, and analysis of the life-cycle of Sino-Russian interstate projects. This study can fill certain research gaps in this field and provide references for risk control in the extensive interstate project cooperation between Russia and China. Given the current situation of comprehensive strategic cooperation between Russia and China, interstate projects are the main form of cooperation. Thus, the findings of this study hold certain practical significance and reference value.

Materials and Methods

The three main steps of FAHP include the formation of hierarchical formation, pairwise comparison, and ranking of indicators according to the comprehensive importance. In previous study, the hierarchical model of risk indicators for Sion-Russian interstate projects was established in the first step [4]. This study focuses on the specific analysis of the second and third steps.

The steps of Fuzzy Analytic Hierarchy Process (FAHP) are:

1. Hierarchy formation. Constructing the risk factor hierarchy model.
2. Pairwise comparisons. Constructing a fuzzy complementary judgment matrix.

Domain experts are required to complete pairwise comparisons of the indicators at each level. Considering the decision-making objectives, the relative importance of each of the two criteria in the second level of the hierarchical structure is compared. Each of the two sub-criteria under the same criterion (level two) is also compared. According to the model and results, construct the fuzzy judgment matrix R for each level of risk factors separately. Matrix R represents the relative importance comparison between all the relevant indicators in the lower level corresponding to an indicator in the upper

level. In order to further quantify the judgment, the scale method of 0.1-0.9 is generally applied. As shown in Table 1.

To construct the fuzzy judgment matrix, the following definition is given.

Noting that $K = \{1, 2, \dots, n\}$.

i : If matrix $F = (f_{ji})_{n \times n}$ satisfies: $0 \leq f_{ij} \leq 1$, ($i, j \in K$), then F is a fuzzy matrix [5].

ii : If the fuzzy matrix $R = (r_{ji})_{n \times n}$ satisfies: $r_{ij} + r_{ji} = 1$, ($i, j \in K$), then R is a fuzzy complementary matrix [6].

iii : If the fuzzy matrix $R = (r_{ji})_{n \times n}$ satisfies: for any ($\forall$) i, j, k , there are $r_{ij} = r_{ik} - r_{jk} + 0.5$, ($i, j, k \in K$), then R is a fuzzy consistent matrix [7].

Fuzzy consistent matrix is necessarily fuzzy complementary matrix. The element $r_{ii} = 0.5$ on the diagonal in the fuzzy complementary matrix.

Table 1. 0.1-0.9 scale method and its definition [8]

Scale	Definition
0.9	Indicator i is extremely more important than indicator j
0.8	Indicator i is strongly more important than indicator j
0.7	Indicator i is significantly more important than indicator j
0.6	Indicator i is slightly more important than indicator j
0.5	Indicator i is equally important than indicator j
0.4	Indicator j is slightly more important than indicator i
0.3	Indicator j is significantly more important than indicator i
0.2	Indicator j is strongly more important than indicator i
0.1	Indicator j is extremely more important than indicator i

According to the 0.1-0.9 scale method, comparing the importance of risk indicators $U = \{a_1, a_2, \dots, a_n\}$, the following fuzzy judgment matrix can be obtained:

$$R = \begin{bmatrix} r_{11} & r_{12} & \cdots & r_{1n} \\ r_{21} & r_{22} & \cdots & r_{2n} \\ \vdots & \vdots & & \vdots \\ r_{n1} & r_{n2} & \cdots & r_{nn} \end{bmatrix}$$

If the matrix R has the following properties:

- Matrix R is a fuzzy complementary matrix.
- The difference between the corresponding elements of any two rows of R is constant.
- The difference between any given row of R and the corresponding element of each of the remaining rows is a certain constant.
- The transposed matrix of R is R^T (or the residual matrix R^C) is the fuzzy consistency matrix.

The replacement of rows by columns in b, c above is still valid.

- By deleting any row and its corresponding column from A , the resulting sub-matrix is still a fuzzy consistent matrix.

Then, the matrix R is a fuzzy consistent matrix.

The actual meaning of r_{ij} ($i, j \in K$) is that the indicators a_i and a_j have the affiliation of the fuzzy relationship when they are compared with the indicators of the previous level. The fuzzy consistency matrix R represents the fuzzy relationships in the argument domain U "... is much more important than ...". The value of r_{ij} is a measure of the degree of importance of a_i over a_j . The larger r_{ij} is, the more important a_i is than a_j . When the $r_{ij} > 0.5$, it means that indicator a_i is more important than indicator a_j . In the opposite, when the $r_{ij} < 0.5$, it means that indicator a_j is more important than indicator a_i .

iv. From the definition ii, the matrix $R=(r_{ji})_{n \times n}$ is a fuzzy complementary matrix. Summing up the R by rows, denoted as

$$r_i = \sum_{k=1}^n r_{ik}, i \in K. \quad (1)$$

The fuzzy consistent matrix $R = (r_{ij})_{n \times n}$ is obtained by mathematical transformation according to

$$r_{ij} = \frac{r_i - r_j}{2(n-1)} + 0.5^1. \quad (2)$$

The weight vector $W = (w_1, w_2, \dots, w_n)^T$, obtained by normalizing the matrix R , satisfies

$$w_i = \frac{1}{n} - \frac{1}{2a} + \frac{1}{an} \sum_{k=1}^n r_{ik}, i \in K [9]. \quad (3)$$

The weight vector normalization condition is $\sum_{k=1}^n w_k = 1$.

In practice, scholars consider taking the value $a = (n - 1)/2$. This is the method of taking the value that gives the most importance to the degree of importance between the elements².

3. Ranking of indicators in order of combined importance.

According to the above calculation steps, the relative importance of lower-level indicators with respect to higher-level indicators can be obtained. Using the results as the basis for ranking the importance of the indicators, it is possible to determine the position of each indicator in the overall system of evaluation system.

Results

Based on the risk assessment indicator system for Sino-Russian interstate projects³, the author adopts the 21 risk factor indicators from it to establish the FAHP model.

As shown in Table 2, the criteria level is the first-level of risk factor, and the sub-criteria level is the second-level of risk factor. Sino-Russian interstate project first-level include Behavioral Risks (R_1), Management Risk (R_2), Process Risk (R_3), External (R_4). Each level of risk includes multiple factors, $R_1=\{U_{11}, U_{12}, U_{13}, U_{14}\}=\{\text{Subcontractor's risk, Consulting supervision risk, Supplier's risk, Designer's risk}\}$; $R_2=\{U_{21}, U_{22}, U_{23}, U_{24}, U_{25}, U_{26}\}=\{\text{Technical standard risk, Human resource risk, Security risk, Environmental risk, Collection risk, Insurance risk}\}$; $R_3=\{U_{31}, U_{32}, U_{33}\}=\{\text{Project selection risk, Contract risk, Completion test risk}\}$; $R_4=\{U_{41}, U_{42}, U_{43}, U_{44}, U_{45}, U_{46}, U_{47}, U_{48}\}=\{\text{Government approval risk, International relation risk, Policy change risk, Government intervention risk, Public security risk, Exchange rate risk, Inflation risk, Risk of inadequate legal system}\}$.

Table 2. Key indicators of risk factors for Sino-Russian interstate project⁴

Criteria level	Behavioral Risk R_1	Management Risk R_2	Process Risk R_3	External Risk R_4
Sub-criteria level	Subcontractor's risk U_{11} ; Consulting supervision risk U_{12} ; Supplier's risk U_{13} ; Designer's risk U_{14}	Technical standard risk U_{21} ; Human resource risk U_{22} ; Security risk U_{23} ; Environmental risk U_{24} ; Collection risk U_{25} ; Insurance risk U_{26}	Project selection risk U_{31} ; Contract risk U_{32} ; Completion test risk U_{33}	Government approval risk U_{41} ; International relation risk U_{42} ; Policy change risk U_{43} ; Government intervention risk U_{44} ; Public security risk U_{45} ; Exchange rate risk U_{46} ; Inflation risk U_{47} ; Risk of inadequate legal system U_{48}

¹ Based on the Reference 5.

² Based on the Reference 9.

³ Based on the Reference 4

⁴ Developed by author.

The author uses the expert survey method to investigate the importance of the risks of the Sino-Russian interstate project, and a fuzzy judgment matrix was established based on the results. The weight of criteria level relative to decision goal level, and the weight of sub-criteria level relative to criteria level are calculated by using the FAHP. Further determine the relative importance between the factors in each layer to provide reliable data support for subsequent risk analysis. A total of 30 questionnaires were sent out for this round of expert surveys. Refer to SPASSAU screening criteria for invalid questionnaires, e.g., questionnaire with missing data or with more than 80% of the same options [10].

27 valid questionnaires were screened, with an effective response rate of 90%. According to the 0.1-0.9 scale method, the fuzzy judgment matrix R of the first level is obtained by pairwise comparing the importance of the four risk factors in the criteria level.

$$R = \begin{bmatrix} 0.5 & 0.58 & 0.53 & 0.54 \\ 0.42 & 0.5 & 0.55 & 0.55 \\ 0.47 & 0.45 & 0.5 & 0.56 \\ 0.46 & 0.45 & 0.44 & 0.5 \end{bmatrix}$$

In real decision-making research, due to the complexity of things and the one-sidedness of experts' understanding of things, the judgment matrix obtained is somewhat contradictory. Therefore, it is crucial for the consistency of the fuzzy matrix R . The matrix data has consistency and can reflect the consistency of the expert's judgment. According to the definition of fuzzy consistent matrix, fuzzy mathematical transformation of fuzzy judgment matrix is performed according to (2). The fuzzy consistent matrices $R^*, U_1^*, U_2^*, U_3^*, U_4^*$ can be obtained separately. Taking the fuzzy judgment matrix R composed of the risk level indicators of the China-Russia interstate project as an example, the weight calculation process is as follows. According to (2), the fuzzy consistent matrix of matrix R^* is obtained.

$$R^* = \begin{bmatrix} 0.5 & 0.522 & 0.526 & 0.549 \\ 0.478 & 0.5 & 0.504 & 0.527 \\ 0.474 & 0.496 & 0.5 & 0.523 \\ 0.451 & 0.473 & 0.477 & 0.5 \end{bmatrix}$$

According to (3), the weight vector w_1 can be calculated:

$$a = \frac{n-1}{2} = 1.5. \quad w_1 = \frac{1}{4} - \frac{1}{3} + \frac{0.5+0.522+0.526+0.549}{1.5*4} = 0.266$$

Similarly, w_2, w_3, w_4 can be calculated. Obtained the weight vector $WR = (0.266, 0.252, 0.249, 0.233)^T$.

It is tested that $w_1 + w_2 + w_3 + w_4 = 1$, satisfied the weight vector normalization condition.

The weights of the evaluation indicators in the criteria level R are: Behavioral risk (0.266), Management risk (0.252), Process risk (0.249), and External risk (0.233). Based on the value of risk importance in the criteria level, it can be seen that behavioral risk and management risk are more important relative to the decision goal level.

According to the calculation method of the matrix R , the fuzzy consistent matrices $U_1^*, U_2^*, U_3^*, U_4^*$, and the weight vector WU_1, WU_2, WU_3, WU_4 . As shown in Table 3. As can be seen from Table 3, it was tested that the sum of the weight vector WU_1, WU_2, WU_3, WU_4 are equal to one. The fuzzy consistent matrix $U_1^*, U_2^*, U_3^*, U_4^*$ for sub-criteria risk has satisfactory consistency, and the weights $U_1^*, U_2^*, U_3^*, U_4^*$ assigned to the matrix are reasonable. According to the relative importance of the indicators in the fuzzy judgment matrices A, U_1, U_2, U_3, U_4 , the weights of the indicators for the risk evaluation of the Sino-Russian interstate project can be obtained. The results are shown in Table 4.

Table 3. Consistent matrix and weight vector for sub-criteria risk¹

Sub-criteria risk	Fuzzy consistent matrix	Weight vector
$U_{11}, U_{12}, U_{13}, U_{14}$	$U_1^* = \begin{bmatrix} 0.5 & 0.561 & 0.606 & 0.550 \\ 0.439 & 0.5 & 0.545 & 0.489 \\ 0.394 & 0.455 & 0.5 & 0.444 \\ 0.450 & 0.511 & 0.556 & 0.5 \end{bmatrix}$	$WU_1 = (0.286, 0.246, 0.216, 0.253)^T$
$U_{21}, U_{22}, U_{23}, U_{24}, U_{25}, U_{26}$	$U_2 = \begin{bmatrix} 0.5 & 0.521 & 0.534 & 0.562 & 0.536 & 0.571 \\ 0.479 & 0.5 & 0.513 & 0.541 & 0.515 & 0.550 \\ 0.466 & 0.487 & 0.5 & 0.528 & 0.503 & 0.537 \\ 0.438 & 0.459 & 0.472 & 0.5 & 0.475 & 0.509 \\ 0.464 & 0.485 & 0.497 & 0.525 & 0.5 & 0.535 \\ 0.429 & 0.450 & 0.463 & 0.491 & 0.465 & 0.5 \end{bmatrix}$	$WU_2 = (0.182, 0.173, 0.168, 0.157, 0.167, 0.153)^T$
U_{31}, U_{32}, U_{33}	$U_3 = \begin{bmatrix} 0.5 & 0.543 & 0.608 \\ 0.458 & 0.5 & 0.565 \\ 0.393 & 0.435 & 0.5 \end{bmatrix}$	$WU_3 = (0.383, 0.341, 0.276)^T$
$U_{41}, U_{42}, U_{43}, U_{44}, U_{45}, U_{46}, U_{47}, U_{48}$	$U_4 = \begin{bmatrix} 0.5 & 0.448 & 0.483 & 0.481 & 0.506 & 0.530 & 0.532 & 0.532 \\ 0.552 & 0.5 & 0.535 & 0.533 & 0.557 & 0.581 & 0.584 & 0.584 \\ 0.517 & 0.465 & 0.5 & 0.498 & 0.522 & 0.546 & 0.549 & 0.549 \\ 0.519 & 0.467 & 0.502 & 0.5 & 0.524 & 0.549 & 0.551 & 0.551 \\ 0.494 & 0.443 & 0.478 & 0.476 & 0.5 & 0.524 & 0.527 & 0.527 \\ 0.470 & 0.419 & 0.454 & 0.451 & 0.476 & 0.5 & 0.502 & 0.503 \\ 0.468 & 0.416 & 0.451 & 0.449 & 0.473 & 0.498 & 0.5 & 0.500 \\ 0.468 & 0.416 & 0.451 & 0.449 & 0.473 & 0.497 & 0.500 & 0.5 \end{bmatrix}$	$WU_4 = (0.125, 0.140, 0.130, 0.131, 0.124, 0.117, 0.116, 0.116)^T$

Table 4. The weight vector of Sino-Russian interstate project risk evaluation indicator²

Decision goal	Criteria level	Sub-criteria level	Combined weight	Ranking
Risk assessment of Sino-Russian interstate project	Behavioral Risk (0.266)	Subcontractor's risk (0.286)	0.07619	3
		Consulting supervision risk (0.246)	0.06536	6
		Supplier's risk (0.216)	0.05737	7
		Designer's risk (0.253)	0.06724	5
	Management Risk (0.252)	Technical standard risk (0.182)	0.04567	8
		Human resource risk (0.173)	0.04357	9
		Security risk (0.168)	0.04229	10
		Environmental risk (0.157)	0.03945	12
		Collection risk (0.167)	0.04201	11
		Insurance risk (0.153)	0.03854	13
	Process Risk (0.249)	Project selection risk (0.383)	0.09545	1
		Contract risk (0.341)	0.08486	2
		Completion test risk (0.276)	0.06868	4
	External Risk (0.233)	Government approval risk (0.125)	0.02927	17
		International relation risk (0.140)	0.03272	14
		Policy change risk (0.130)	0.03038	16
		Government intervention risk (0.131)	0.03053	15
		Public security risk (0.124)	0.02891	18
		Exchange rate risk (0.117)	0.02728	19
		Inflation risk (0.116)	0.02713	20
		Risk of inadequate legal system (0.116)	0.02711	21

¹ Developed by author.² Developed by author based on the calculation result.

Discussion

The assignment of weights to the risk indicators for the Sino-Russian interstate project shows that the Sino-Russian interstate project should pay comprehensive attention to the occurrence of full life cycle risks at all levels. On Behavioral Risk, "Inadequate performance of subcontractors leading to delays. Moral hazard of subcontractor (0.07619)" and "Unfamiliarity of the designer with international standards, moral hazard on the part of the designer (0.06724)" ranked first and second respectively. The results reflect the importance of the subcontractor to fulfill the project construction obligation as scheduled and avoid the delay of the construction period in the construction stage of the Sino-Russian interstate project. The subcontractor's construction schedule is intertwined with the overall project construction process. In the planning and design stage of project, accurate grasp and understanding of international standards and scientifically sound project design are of paramount importance. It should be noted that "The consulting supervisor is not familiar with the Chinese technical specification (0.06536)" will also increase the probability of project risks due to different technical standards or unfamiliarity with the standards. Technical specifications and international standards for project construction play a strong role in restricting the project. In future interstate project cooperation between China and Russia, standards applicable to both countries need to be further explored.

On Management Risk, "Chinese technical standards are difficult to be recognized by owner (0.04567)" and "Inadequate management capacity of project manager (0.04357)" ranked first and second respectively. The significance of exploring common Sino-Russian standards was further emphasized, which is self-evident for increasing the recognition of Chinese contractors by owners in the Russian interstate contracting sector. Of course, the core of project management cannot be separated from project management talent. Because of the characteristics of interstate projects, it requires high all-round ability of project managers. The ability of project talents directly restricts the level of project management. Therefore, how to explore the future Sino-Russian project management personnel training mode and cultivate professionals adapted to Sino-Russian projects is a realistic issue that needs to be comprehensively considered by Chinese and Russian governments, universities and other institutions. Meanwhile, "Lack of basic environmental awareness and failure to take appropriate environmental protection measures (0.03945)" also needs to be implemented at all stages of the project life cycle, including project feasibility, project design and construction. In particular, the Sino-Russian project involves the Arctic region, the concepts of biodiversity and environmental sustainability need to be integrated into the whole life-cycle of project management. By sorting out the experience and lessons of China's Belt and Road Initiative historical projects, the emphasis on one of the indicators of "Failure to settle claim in a timely manner or difficulty in settling claim due to insurance processing error (0.03854)" needs to be greatly improved. Project insurance packages are available to protect the interests of contractor.

The three indicators on Process Risk are ranked at the top of all indicators respectively. The indicator "Wrong bidding strategy, inadequate project research (0.09545)" ranks first among all indicators. This result shows that the preliminary research and reasonable project selection are crucial. How to identify project categories, select project areas and directions with sustainable development capacity, and reasonably select cooperation partner are the top priority of project risk prevention and control. The contact risk "Insufficient claim awareness and contractual deficiency (0.08486)" is also extremely important in the process of Sino-Russian interstate project. Interstate project contracts need to be reviewed by a team of professionals with international project experience and knowledge of the legal provisions of different countries. Often the strong project owner has the initiative in the formulation of the contract. As a result, the professionalism of the team, the ability to identify problems with the terms of the contract, and the extent to which the terms are negotiated, are largely governed by the professional competence of the team members. The importance of this indicator once again emphasizes the importance of the competence of professionals, as well as the importance of the ability of companies to cooperate and communicate with professional teams. The indicator "Failure to meet completion standard at the time of project handover (0.07346)" puts forward requirements for meeting the standards at each point in the project construction stage. Each link is managed to standard in order to efficiently transmitted to the project completion node. Management of the project construction stage requires a high level of technical support for project management. It is of great significance to explore the management technology suitable for the Sino-Russian interstate project for the contractor to perform the contract with high quality.

On External Risk, the indicator "Subject to economic sanction or military intervention (0.03284)", "The old policies have changed, and the government has issued new policies to have a negative impact on the project (0.03094)", and "Government corruption, delaying or denying project access, or forcing corporate technology transfer (0.06868)" rank first, second, and third respectively. Today, as the Russia-Ukraine conflict continues, the great power game has made international relations more complicated. The world has shifted from a "bipolar structure" to "one superpower and multi-great power" and even "multi-polarization" in the future. Interstate projects are a product of interstate cooperation and can flourish when international cooperation is close. How to maintain frequent, close, and smooth development of interstate projects is a question that needs to be considered by the Russian and Chinese governments and large construction corporations. Similarly, project policies and industrial policies should be optimized at the governmental level, and accelerate the licensing and approval of projects that are adapted to the development of both countries. All are powerful means of institutional support that Russia and China can provide to contractors at the level of project cooperation.

Conclusion

The results of the model analysis have presented in detail the specific ranking of key risk factors in the Sino-Russian interstate projects, providing an academic increment to the risk research in this field. In subsequent study, empirical analysis can be further carried out for specific projects. The study findings have put forward improvement suggestions for the risk management of Sino-Russia interstate projects. There are certain limitations in the process of this study. The expert samples in the questionnaire survey are mainly Chinese experts on interstate projects. It is expected that more Russian experts can be reached in future study.

References

1. Davatgar B.H., Paltrinieri N. & Bubbico R. Safety barrier management: risk-based approach for the oil and gas sector. *Journal of marine science and engineering*. 2021; 9(7): 722-743.
2. Lee J. K., Han S. H., Jang W., & Jung W. "Win-win strategy" for sustainable relationship between general contractors and subcontractors in international construction projects. *KSCE journal of civil engineering*. 2017. 22(2):428-439.
3. Li X.K., Wang X.M., & Lei L. The application of an ANP-Fuzzy comprehensive evaluation model to assess lean construction management performance. *Engineering, construction and architectural management*. 2019. 27(2):356-384.
4. Wang Xiaohan. Establishment of indicator system for risk assessment of Sino-Russian interstate projects based on fuzzy analytic hierarchy process. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(4):34-42. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-34-42>. EDN ABZMIU
5. Min Y. & Sen Z. Fuzzy consistent matrix and its application in soft science. *System engineering*. 1997. 38(2).
6. Ping Z. & Guoqing F. Application of fuzzy comprehensive evaluation to evaluate the effect of water flooding development. *Journal of Petroleum exploration and production technology*. 2018.(8):1455-1463.
7. Jijun Z. The Fuzzy Analytic Hierarchy Process (FAHP). *Fuzzy systems and mathematics*. 2000.14(2):80-88.
8. Wanli W. Research on credit risk rating and prevention mechanism of small and micro enterprises in banks based on fuzzy analytic Hierarchy process. *Dissertation of South China university of technology*. 2019.
9. Yuejin L. Sorting of fuzzy analytic Hierarchy Process based on fuzzy consistent matrix. *Fuzzy systems and mathematics*. 2002.(2):79-85.
10. SPSSAU website. <http://spssau.com/indexs.html>

Информация об авторе

Ван Сяохань – преподаватель Хэнаньского университета экономики и права, Хэнань (КНР).

Information about the author

Wang Xiaohan – Lecturer at Henan University of Economics and Law, Henan, China.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 24.02.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 24.02.2025.

Оценка инструментов развития инновационных систем

Олег Лазаревич Гойхер¹, Екатерина Михайловна Гусарова²

¹Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимир, Россия, oleg.goiher@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7175-1464>, SPIN-код: 5245-0852, РИНЦ AuthorID: 298957

²АО НПО «Магнетон», Москва, Россия, kgusarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2450-724X>, SPIN-код: 9587-9337, РИНЦ AuthorID: 1054999

Аннотация

Введение. В статье представлен авторский инструментарий к оценке инструментов (или проектов) инновационного регионального развития, который расширяет традиционные представления об анализе эффективности проектов.

Актуальность развития подходов к оценке инструментов инновационного развития определяется прежде всего необходимостью совершенствования методов для формирования пакета приоритетных государственных и региональных программ, которые окажут позитивное влияние на развитие инновационных систем. Стоит отметить, что большинство применяемых систем оценки, как правило, предусматривают только финансово-экономическую оценку эффективности проекта (или инструмента), что может противоречить системному анализу объекта и свидетельствовать об одностороннем характере исследования. Кроме того, в рамках концепции устойчивого развития предполагается сбалансированное решение социально-экономических задач, которые должны учитывать динамичное развитие экономики и социальной сферы и при сохранении потенциала природного комплекса страны. Это позволяет сделать вывод о необходимости расширения применяемого инструментария для оценки эффективности реализуемых программ (проектов, инструментов и т.д.), что делает проблему оценки инструментов инновационного развития актуальной в настоящее время.

Цель. Разработка инструментария, позволяющего производить оценку инструментов инновационного развития как с точки зрения финансовых, так и социальных последствий.

Методы. Для описания теоретических основ исследования использовались элементы методов дедукции и индукции, анализа и синтеза, метод классификации. Для апробации предложенного инструментария применялись методы аналогий и абстрагирования. Для классификации и ранжирования проектов будет применяться метод «светофора» и использованием экспертного анализа.

Результаты проведённого исследования в целом показали, что включение в систему оценки инструментов инновационного развития показателя «справедливость» позволяет рассмотреть его (инструмент) со всех сторон, в том числе в контексте влияния на окружающую среду, что согласуется с концепцией устойчивого развития.

Выводы. В соответствии с полученными результатами апробации предлагаемой методологии оценки инструментов инновационного развития, авторами сделаны выводы по применению методики оценки на практике, некоторых ее ограничениях, а также очерчены области будущих исследований в рамках данного подхода.

Ключевые слова: регион, региональная инновационная система, эффективность, справедливость, эффект, инновационное развитие, инструменты развития, институты развития

Для цитирования: Гойхер О. Л., Гусарова Е. М. Оценка инструментов развития инновационных систем // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 32–42. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-32-42>. EDN LEVOME

Original article

Evaluation of innovative systems development instruments

Oleg L. Goyher¹, Ekaterina M. Gusarova²

¹Vladimir branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia, oleg.goiher@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7175-1464>

²Joint-Stock Research and Production company "Magnetron", Moscow, Russia, kgusarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2450-724X>

Abstract

Introduction. The article presents the author's tools for evaluating tools (or projects) of innovative regional development, which expands traditional ideas about the analysis of the effectiveness of projects. The relevance of developing approaches to assessing innovative development tools is determined primarily by the need to improve methods for forming a package of priority state and regional programs that will have a positive impact on the development of innovative systems. It is worth noting that most of the assessment systems used, as a rule, provide only a financial and economic assessment of the effectiveness of the project (or tool), which may contradict the systematic analysis of the object and indicate the one-sided nature of the study. In addition, the concept of sustainable development assumes a balanced solution to socio-economic problems that should take into account the dynamic development of the economy and the social sphere while preserving the potential of the country's natural complex. This leads to the conclusion that it is necessary to expand the tools used to assess the effectiveness of implemented programs (projects, tools, etc.), which makes the problem of evaluating innovative development tools relevant at the present time.

The purpose of the study is to develop a toolkit that allows evaluating innovative development tools in terms of both financial and social consequences.

To describe the theoretical foundations of the research, elements of deduction and induction methods, analysis and synthesis, and the classification method were used. Methods of analogy and abstraction were used to test the proposed tools. The "traffic light" method and the use of expert analysis will be used to classify and rank projects.

The results of the conducted research have generally shown that the inclusion of the "equity" indicator in the system of assessment of innovative development tools makes it possible to consider it (the tool) from all sides, including in the context of environmental impact, which is consistent with the concept of sustainable development.

Conclusions. In accordance with the results obtained from the approbation of the proposed methodology for evaluating innovative development tools, the authors draw conclusions on the application of the assessment methodology in practice, some of its limitations, and outline areas of future research within this approach.

Keywords: region, regional innovation system, efficiency, equity, effect, innovative development, development tools, development institutions

For citation: Goyher O. L., Gusarova E. M. Evaluation of innovative systems development instruments. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):32-42. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-32-42>. EDN LEVOME

Введение

Процесс инновационного развития – это сложная система взаимосвязанных подпроцессов, успешная реализация которого во многом зависит от применяемых инструментов для его реализации. Через инструменты осуществляется воздействие субъекта (заинтересованных сторон) на объект управления. Следовательно, от того насколько удобны и эффективны инструменты будет зависеть и общая успешность процесса. В контексте рассматриваемой проблемы инструменты развития инновационных систем смогут оказать влияние на конкурентоспособность региона, будут способствовать их развитию.

Кроме того, в настоящее время **актуальным** является направление развития экономики России в части смещения от применения экспортно-сырьевой модели к переходу на инновационный путь развития, который будет основан на экономике знаний и формировании кадрового потенциала. Эффективность инновационной экономики во много будет зависеть от комплекса применяемых инструментов развития. Следовательно, первостепенной становится также задача грамотной оценки результативности и продуктивности их применения.

Обзор и анализ исследований, посвященных оценке эффективности инновационных инструментов развития инновационных сред, позволил сделать вывод, что в большинстве случаев, акцент делается на экономическом эффекте, а социальные, технологические и прочие результаты обладают меньшим приоритетом при принятии управленческих решений. Вследствие чего возрастает актуальность исследований, посвященных расширению существующего методического подхода к оценке инструментов инновационного развития.

Объектом исследования выступают различные инструменты инновационного развития на различных уровнях пространственной организации: региональный (субъекты РФ и территориальные единицы) и национальный (РФ). **Предмет исследования** выступают организационно-экономические отношения, возникающие в процессе формирования, реализации и апробации инструментов инновационного развития.

Цель исследования: разработать инструментарий, позволяющий производить оценку инструментов инновационного развития как с точки зрения финансовых, так и социальных последствий.

Теоретической базой для изучения основных положений проблем регионального развития стали труды Н.Н. Баранского, И. А. Витвера, Н. Н. Колосовского, А. Г. Гранберга, В. В. Кистанова, Н. В. Копылова, Г. Г. Фетисова и др. В контексте инновационного развития рассматривались работы Н. Д. Кондратьева, С.Ю. Глазьева, Д.С. Львова, К. Фримана и др. исследователей. Вопросы анализа инновационной деятельности и развитию методологии оценки рассмотрены через исследования П. Друкера, Д. Кларка, Б.Н. Кузика, Г. Менша, Р.А. Фатхутдинова, И. Шумпетера, Ю.В. Яковца и др.

Вопросам оценки эффективности инновационных проектов и отраслевому разрезу инновационной активности посвящены труды А. Дамодарана, А. Герасименко, А. Вальцева, Л.Ю. Григорьева, Г.Я. Гольдштейна, И.Г. Дежиной, А.К. Казанцева, В.В. Карачаровского, Р.А. Фатхутдинова, В. К. Проскурина, А.Д. Шеремета, Л.Н. Сафиуллина, А.Г. Шахназарова и многих других.

Несмотря на большое число работ в данной области анализа эффективности инновационных (и инвестиционных) проектов, методические аспекты их оценки требуют дополнительного расширения.

Теоретическая значимость данной работы заключается в том, что результаты исследовательской части дополняют представление об инструментах инновационного развития, систематизируют и конкретизируют само понятие инструментов инновационного развития, их обобщенную классификацию. Кроме того, исследование расширяет существующий инструментарий в вопросах анализа и оценки инструментов развития в процессе принятия решения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты могут быть применены при организации и совершенствовании не только инновационных региональных процессов, но и в других макроэкономических региональных сферах. Результаты исследования могут быть использованы органами власти на макро-, мезо- и микроуровнях в практике управления для развития инновационных систем региона.

Материалы и методы

С целью дальнейшего проведения теоретического исследования автором выдвигается **гипотеза:** предполагается, что при принятии решения о применении того или иного инструмента инновационного развития необходимо принимать во внимание не только финансовые стороны инновационного проекта, но и учитывать его влияние на результат с морально-этической стороны. И обобщающим таким показателем может стать показатель «справедливость».

Для целей настоящего исследования под термином «инструменты инновационного развития» авторы подразумевают все элементы инновационной инфраструктуры и среды, мероприятия

по взаимодействию, кооперации, сотрудничеству, интеграции субъектов процесса, инструменты и мероприятия по финансированию проектов, программ и т.д.

В качестве материала исследования выступают нормативные акты в области регионального развития, результаты исследований российских и зарубежных ученых, проанализированы СМИ субъектов РФ, тематические площадки.

В ходе проведения исследования применялись общенаучные мыслительно-логические методы (методы дедукции и индукции, анализа и синтеза, метод классификации). Кроме того, для описания теоретических основ исследования использовались элементы синхроническо-диахронического анализа объекта исследования.

Для апробации предложенного инструментария применялись методы моделирования социально-экономических систем (метод аналогий и абстрагирования).

На первом этапе были определены начальные теоретические точки исследования: конкретизировано понятие "инструменты инновационного развития", а также рассмотрено в одной плоскости анализа и инструмент и институт, за которым он закреплён, а также сферу его функционирования.

Второй этап предполагает построение теоретической модели оценки инструментов инновационного развития, адаптируя подход к изучению различных процессов и явлений Б. Д. Бабаева через 4 компонента: эффект – затраты – справедливость – эффективность.

Третий этап включает в себя апробацию предложенного и адаптированного подхода, применительно к реальным инновационным проектам (на примере проектов, планируемых к реализации на территории Владимирской области). Для классификации и ранжирования проектов будет применяться метод «светофора» (соответствует – «зеленый», частично соответствует – «желтый», не соответствует – «красный»).

Результаты

Изучение регионального сбалансированного развития в настоящее время являются особенно актуальными. Поскольку в современных макроэкономических условиях усиления конкуренции проблемы укрепления инновационного потенциала региона приобретают особую важность. Государство оказывает влияние на региональную политику с помощью различных инструментов развития.

Для целей настоящего исследования под инструментами инновационного регионального развития будем понимать комплекс мер, направленные на улучшение социально-экономических показателей и обеспечивающие устойчивое развитие региона в широком смысле, а также вносящие необходимые изменения в институциональные условия, в которых осуществляется взаимодействие региональной системы [1].

В настоящее время практически все страны осуществляют работу по формированию региональной политики, разрабатывают различные стратегии и программы регионального управления и развития, создают средства и методы стимулирования в различных сферах региональной политики. Такая совокупность мер и относится к инструментам регионального управления и развития. Фиксирование основных положений региональной политики осуществляется в законодательных актах. Среди основных нормативных актов, регулирующих вопросы регионального управления и развития в России, можно отметить:

1. Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13 "Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года".

2. Постановление Правительства РФ от 19 апреля 2018 г. N 472 "Об осуществлении мер по реализации государственной политики в сфере оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации"

3. Распоряжение Правительства РФ от 5 июня 2017 г. № 1166-р Об утверждении плана реализации Основ государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г.

4. Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22.07.2005 № 116-ФЗ.

5. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 года №207-р.

6. Распоряжение Правительства от 14.07.2021 г. № 1913-р «Об утверждении Стратегии развития аддитивных технологий в Российской Федерации на период до 2030 года».

7. Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г. и др.

Для обеспечения развития каждого региона должен использоваться комплекс взаимодействующих инструментов, которые комбинируются и адаптируются к региональным особенностям, а также ресурсным и организационным возможностям региона [1]. Анализ литературных источников [2-8] показал, что существует различные признаки их классификации. Для целей настоящего исследования автор предлагает классифицировать инструменты регионального развития в зависимости от сферы его функционирования, также рассмотреть их в разрезе тех институтов, которые ими управляют и определить степень полномочий органов власти субъекта.

В табл. 1 представлена обобщенная классификация инструментов регионального инновационного развития в зависимости от сферы функционирования.

На основании табл. 1 можно отметить, что в вопросах разработки и формирования инструментов регионального развития органы власти субъекта обладают достаточно широкими полномочиями. В данном случае также следует отметить, что при разработке и использовании инструментов развития ключевым аспектом является анализ обратной связи от заинтересованных сторон инновационного процесса. Поскольку под воздействием факторов, которые были не учтены/учтены вследствие не прямых или искаженных связей между участниками инновационной деятельности, инструменты приобретают свою реально функционирующую форму, которая может отличаться от запланированной – вследствие чего возникает «разрыв». На практике это проявляется в низкой степени использования инструментов участниками инновационного процесса, недостаточными результатами выполнения инновационных и инвестиционных программ и целевых показателей [9].

Следовательно, процесс разработки и применения инструментов регионального инновационного развития собой сложную структуру взаимосвязанных подпроцессов. Таким образом, логичной будет постановка вопроса об оценке эффективности инструментов развития. В настоящее время в сложившейся практике, как правило, для анализа эффективности применяют количественные методы оценки, например, метод приведенных затрат, дисконтированный срок окупаемости проекта, внутренняя норма прибыли и др. Автор не отрицает наглядность и эффективность данных методов, но предлагает рассматривать инструмент с точки зрения общеэкономических принципов. Данный подход был сформулирован автором на основе приема Б. Д. Бабаева [10], получившим название "алмазный ромб", где инструмент может быть проанализирован в разрезе следующих категорий: "эффект – затраты – эффективность- справедливость" (Э-З-Э-С).

В таблице 2 представлена оценка инструментов развития инновационных систем с точки зрения применения метода Э-З-Э-С. При этом все инструменты разбиты по классификационным группам, отмеченным в работе Профатилова Д. А и Быковой О. Н.: государственные, кадровые, организационно-структурные, материально-технические, финансовые [11].

Отдельного пояснения, по мнению автора, требует такое понятие, как «справедливость» [12]. Не нуждается в доказательстве утверждение, что экономические отношения в широком смысле всегда связаны и затрагивают сферу социальных отношений, что объясняет появление социологического термина в экономическом контексте анализа проблемы. Одна из важнейших проблем современной экономики в целом и региональной в частности – это проблема неравенства и возникновения диспропорций в развитии регионов, это та часть изучаемых проблемных областей, которые можно описать, но разрешить полностью невозможно. В контексте оценки инновационных инструментов понятие «справедливость» предполагает, что: получение особых привилегированных позиций одних субъектов не должно достигаться за счет особого ухудшения положения других.

Таблица 1 - Инструменты развития инновационных инфраструктур

Table 1 – Tools for the development of innovative infrastructures

Сфера функционирования	Институты	Инструменты	Полномочия органов власти субъекта
Управление и безопасность	Органы государственного управления, подразделения, департаменты	Законотворческая деятельность Целевые федеральные и региональные программы Создание специальных экономических режимов Функционирование судебной системы и правоохранительных органов, в том числе защита интеллектуальной собственности	+/- - + +
Материально-техничко-технологическое и структурное обеспечение	Организации, входящие в процесс инноваций (создание, диффузия и т. д.) Специальные площадки	Технологические платформы, технопарки, инновационные кластеры	+
Финансы	Инвестиционные и инновационные фонды Банки (частные, государственные) Институт частного инвестирования (бизнес-ангелы, венчурные фонды, краудинвестинг) Фонды содействия развитию	Программы льготного финансирования, субсидирования Организация площадок привлечения инвестиций (венчурные инвестиции, краудфандинг) Программы ассоциации бизнес-ангелов Гранты фондов развития	+/-
Кадровое обеспечение	Учреждения системы образования (включая дополнительное) Организаторы конференций, конкурсов, олимпиад, тренингов	Образовательные программы всех направлений и уровней подготовки и переподготовки и источников финансирования Институт волонтерства	+
Информационное, консультационное и организационное сопровождение	Институт инкубаторов и акселераторов Организации, профессионально занимающиеся исследованиями в сфере маркетинга Общественные организации Региональные инновационные, аналитические и информационные центры Органы государственного управления	Программы по поддержке инкубаторов и акселераторов Аналитические исследования (результаты, отчеты) Выставочные площадки, интеллектуальные биржи, инновационные форумы, ярмарки инноваций и стартапов, коворкинг Информационные порталы, социальные сети, СМИ Региональный брендинг Инструмент рейтингирования объекта	+

Таблица 2 – Оценка инструментов развития инновационных систем по методике Э-З-Э-С

Table 2 – Evaluation of tools for the development of innovative systems using the E-Z-E-S methodology

Инструменты инновационного развития	Эффект	Затраты	Эффективность	Справедливость
Государственные	Экономический и финансовый эффект Проявляется через финансовую поддержку на всех уровнях управления, а также нормативные акты, направленные на инновационное развитие	Финансирование из бюджета соответствующего уровня. Затраты на содержание государственного аппарата. Коррупция и злоупотребление служебным положением	Инструменты данного типа обладают высокой эффективностью даже с учетом негативных явлений (коррупция, лоббирование интересов определенных групп)	В привилегированном положении будут приоритетные отрасли, немаловажную роль играет личностный контекст накопленных коммуникаций, лоббирование интересов определенных групп
Кадровые	Научно-технический и социальный эффект Кадры являются ключевыми факторами достижения эффекта (как положительного, так и отрицательного): без идей, непосредственных действий невозможно довести инновационные проекты до конца	Затраты на оплату труда и стимулирующие выплаты. Гранты и субсидии на исследования и реализацию проектов	Данный инструмент - один из определяющих факторов при реализации инновационных проектов. Однако необходимо отслеживать соотношение затрат и получаемого эффекта – возможно манипулирование со стороны кадровых инструментов: на незначимые проекты могут выделяться крупные суммы	В привилегированном положении будут кадры, обладающие специальными навыками, умениями и квалификацией
Организационно-структурные	Экономический, финансовый научно-технический, социальный и ресурсный эффект С помощью инструментов данной группы создается прямая связь между участниками инновационной деятельности	Прямые инвестиции в создание объектов (например, технопарки, кластеры). Затраты на кадровое обеспечение	Инструмент вспомогательный, объединяющий субъекты и объекты инновационной деятельности. Эффективность проявляется через синергетический эффект от взаимодействия элементов	В привилегированном положении будут приоритетные отрасли, а также территории, где объекты новой инфраструктуры будут созданы
Материально-технические	Ресурсный и экологический эффект Достигается при обеспеченности проектов необходимыми и современными средствами и предметами труда	Затраты на приобретение/обновление материально-технической базы (инвестиции). Затраты на кадровое обеспечение	Минимизация затрат, экономичность использования ресурсов, разумное потребление	В привилегированном положении будут компании, чья продукция в категории B2B соответствует предъявляемым требованиям, а также кадры, которые обладают нужной квалификацией
Финансовые	Экономический и финансовый эффект От данного типа инструментов напрямую зависит реализация инновационных проектов	Инвестиционные затраты на всех этапах реализации проектов	Классические инструменты оценки эффективности: срок окупаемости, рентабельности инвестиций, чистая текущая стоимость	В привилегированном положении оказываются приоритетные отрасли и направления знания

Апробацию предлагаемого подхода проведем на эмпирических данных Владимирской области - рассмотрим проекты, которые планируются к реализации на территории Владимирской области.

Обсуждение

При оценке инновационных проектов в рамках предлагаемого подхода автором были приняты следующие допущения:

1) Эффект – в случае реализации проекта из реального сектора экономики в качестве эффекта будет оцениваться количество рабочих мест, которые могут появиться благодаря его реализации; в случае реализации проекта не из реального сектора экономики будут оцениваться потенциальные социальные выгоды.

2) Затраты – рассматриваются планируемые инвестиционные затраты.

3) Эффективность - будем оценивать с помощью показателя, полученного посредством деления всего объема инвестиций на потенциальную численность.

4) Справедливость – для целей данного исследования будет приниматься экспертная оценка автора, в условиях применения данного подхода на практике оценку данного показателя предлагается проводить путем внедрения общественного обсуждения.

В табл. 3 представлена оценка проектов, планируемых к реализации на территории Владимирской области по методике Э-З-Э-С.

Для создания оценочных суждений необходимо ввести шкалу измерения: соответствует – «зеленый», частично соответствует – «желтый», не соответствует – «красный».

Таблица 3 – Оценка проектов, планируемых к реализации на территории Владимирской области (2023 г.), по методике Э-З-Э-С

Table 3 – Evaluation of projects planned for implementation in the Vladimir Region (2023), according to the E-Z-E-S methodology

Инструмент / проект инновационного развития	Эффект	Затраты, руб.	Эффективность	Справедливость	Итоговая оценка
Завод Valfex Aluma (производство алюминиевых и биметаллических радиаторов), Суздальский район	250 (соответствует)	2 000 000 000 (не соответствует)	8 000 000 (частично соответствует)	Производство может быть не экологичным Требуется высококвалифицированный персонал - может возникнуть дефицит кадров, который может быть не покрыт за счет местных ресурсов. Следовательно, будет необходимо привлечение из г. Владимира, что несправедливо увеличивает время в пути	 Проект не принимается
Создание производства интеллектуальных мехатронных устройств для автомобильного и электротранспорта (г. Муром)	400 (соответствует)	5 160 000 000 (не соответствует)	12 900 000 (не соответствует)	Соответствует	 Реализация проекта возможна при дополнительном финансировании

Продолжение табл. 3
Continuation of Table 3

Инструмент / проект инновационного развития	Эффект	Затраты, руб.	Эффективность	Справедливость	Итоговая оценка
Переработка аккумуляторов электромобилей (Александровский р-н)	100 (не соответствует)	450 000 000 (частично соответствует)	4 500 000 (соответствует)	Производство может быть не экологичным (т.к. проблема утилизации отходов актуальна для данного региона)	 Проект не принимается
Пивоварня 4BREWERS (Суздальский р-н)	60 (не соответствует)	150 000 000 (соответствует)	2 500 000 (соответствует)	При прочих равных условиях проект может быть негативно воспринят общественностью	 Проект не принимается
Создание парков Кванториума на базе сельских школ	Социальный эффект, окажет влияние на формирование инновационного потенциала (соответствует)	50 000 000 (соответствует)	соответствует	Могут возникнуть противоречия: в г. Владимир - 1 Кванториум на 300 000 жителей с изначально более высоким инновационным потенциалом (частично соответствует)	 Проект принимается

Каждый тип из представленных инструментов является средством, направленным на реализацию инновационных проектов и формирование инновационных систем. Также каждый инструмент обладает разной степенью эффективности и затрагивает определенные элементы инфраструктуры. Невозможно отвести конкретному набору инструментов ведущую или второстепенную роль в инновационном процессе. Поэтому целесообразно формировать структуру реализации инновационных проектов через тот инструментарий, который отвечает их основным потребностям. Кроме того, нелишним будет и составление альтернативных сценариев применения инструментов при изменении макроэкономической среды.

Заключение

Таким образом, можно отметить, что в предлагаемой модели одним из основополагающих факторов для принятия решений является достижение справедливости. Основополагающим, по мнению авторов, должно стать достижения справедливости при достаточном уровне эффективности. Тема социальной справедливости – отдельная область для научных исследований. Авторами понимается субъективность данного термина, что своего рода является ограничением данной методики: для одних выполняемое государством перераспределение (как метод достижения экономической справедливости) будет считаться справедливым, другие будут считать государство неправовым, так как в ходе перераспределительной деятельности осуществляются «агрессивные» действия со стороны государства.

Предлагаемая методика будет особенно актуальна при оценке инструментов, где источником финансирования являются бюджетные средства, а также проекты, связанные с негативным влиянием на окружающую среду. Согласно выстроенной гипотезе и полученным результатам можно отметить, что введенный показатель «справедливости» в систему оценки позволяет более комплексно оценить предлагаемый проект к реализации, посмотреть на него с разных сторон, учитывая концепцию устойчивого развития, т.е. и социальную, и экологическую

составляющую проекта, и спрогнозировать последствия реализации программ на объекты социально-экономического процессов. Перевод понятия «справедливость» в количественную среду, т.е. разработка системы таких показателей, отражающих справедливость или несправедливость того или иного инструмента (проекта, программы и т.д.) может стать темой для будущих исследований.

Список источников

1. Тесалкина Ю.А. Повышение экономического потенциала регионов: подходы и инструменты / Ю.А. Тесалкина // Научные высказывания. – 2024. – № 12. URL: https://nvjournal.ru/article/POVYShENIE_EKONOMICHESKOGO_POTENTsIALA_REGIONOV_PODHODY_I_INSTRUMENTY (дата обращения: 23.10.2024).
2. Басистый С. Г. Инструменты государственной поддержки развития аддитивных технологий в регионе / С.Г. Басистый, Е.К. Новосельская, Е.Ю. Ковалева // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2023. – 2(170). – С. 72-76. (дата обращения: 23.10.2024). DOI: 10.34773/EU.2023.2.13.
3. Ершов Д.Н. Рейтинги устойчивого развития как инструмент оценки социально-экономических трансформаций в регионах РФ / Д.Н. Ершов, Е.А. Мидлер, И.Д. Раков // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2022. – № 13. – С. 698-719. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49998042_77452981.pdf (дата обращения: 21.10.2024). DOI: 10.18184/2079-4665.2022.13.4.698-719.
4. Коварда В.В. Особенности инструментов стимулирования регионального развития в России / В.В. Коварда, О.Г. Тимофеева // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2018. – № 8. – С. 135-143. (дата обращения: 23.10.2024).
5. Оборин М.С. Особенности применения инструментов развития депрессивных регионов / М.С. Оборин // Региональная экономика. Юг России. – 2023. – № 3. – С. 106–115. (дата обращения: 23.10.2024). DOI: 10.15688/re.volsu.2023.3.11.
6. Перевозчикова А.К. Инструменты развития территорий в России: аналитический обзор / А.К. Перевозчикова // Вестник Университета. – 2023. – № 2. – С. 21–32. (дата обращения: 23.10.2024). DOI: 10.26425/1816-4277-2023-2-21-32.
7. Трещевский Ю.И. Неформальные институты регионов как инструмент поиска направлений социально-экономического развития / Ю.И. Трещевский, А.А. Праченко, Л.К. Гарин // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. – 2022. – № 3. – С. 30-42. (дата обращения: 23.10.2024). DOI: 10.17308/econ.2022.3/10018.
8. Эфендиева Д.С. Государственно-частное партнерство как инструмент социально-экономического развития региона / Д.С. Эфендиева // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 5 (163). – С. 63–71. (дата обращения: 23.10.2024). DOI: 10.26726/1812-7096-2024-5-63-71.
9. Гусарова Е.М. Инструменты инновационного развития регионов: сущность, факторы и меры стимулирования / Е.М. Гусарова // Стратегическое развитие в условиях неопределенности; под ред. Илларионова Е.А. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2024. С. 23–34.
10. Бабаев Б.Д. Как подготовить и успешно защитить диссертацию по экономическим наукам / Б.Д. Бабаев. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2020. – 346 с.
11. Профатилова Д.А. Инструменты реализации инновационных проектов / Д.А. Профатилова, О.Н. Быкова // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 3(51). – С. 38–41. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-realizatsii-innovatsionnyh-proektov/viewer> (дата обращения: 25.10.2024).
12. Аверьянова Ю.А. Проблема достижения «социальной справедливости»: социальное или правовое государство? / Ю.А. Аверьянова // Актуальные вопросы публичного права; под ред. Питиримова А.О. – Вып. 20. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет" (Екатеринбург), 2021. – С. 732–738.

References

1. Tesalkina Yu.A. Increasing the economic potential of the regions: approaches and tools. *Scientific statements*. 2024;(12). Available from: https://nvjournal.ru/article/POVYShENIE_EKONOMICHESKOGO_POTENTsIALA_REGIONOV_PODHODY_I_INSTRUMENTY (Accessed 10/23/2024). (In Russ.)
2. Basisty S.G., Novoselskaya E.K., Kovaleva E.Y. Instruments of state support for the development of additive technologies in the region. *Economics and management: scientific and practical journal*. 2023; 2(170):72–76. (Accessed: 10/23/2024). DOI: 10.34773/EU.2023.2.13. (In Russ.)
3. Ershov D.N., Midler E.A., Rakov I.D. Ratings of sustainable development as a tool for assessing socio-economic transformations in the regions of the Russian Federation. *MIR (Modernization. Innovation. Development)*. 2022;(13):698–719. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_49998042_77452981.pdf (Accessed: 10/21/2024). DOI: 10.18184/2079-4665.2022.13.4.698-719. (In Russ.)
4. Kovarda V.V., Timofeeva O.G. Features of instruments for stimulating regional development in Russia. *Bulletin of the Altai Academy Economics And Law*. 2018;(8):135–143. (Accessed: 10/23/2024). (In Russ.)
5. Oborin M.S. Features of the use of tools for the development of depressed regions. *Regional economics. The South of Russia*. 2023;(3):106–115. (Accessed: 10/23/2024). DOI: 10.15688/re.volsu.2023.3.11. (In Russ.)
6. Perevozchikova A.K. Tools for the development of territories in Russia: an analytical review. *Bulletin of the university*. 2023;(2):21–32. (Accessed: 10/23/2024). DOI: 10.26425/1816-4277-2023-2-21-32. (In Russ.)
7. Treshchevsky Yu.I., Prachenko A.A., Garin L.K. Informal institutions of regions as a tool for finding directions of socio-economic development. *Bulletin of the VSU. Series: Economics and Management*. 2022;(3): 30–42. (Accessed: 10/23/2024). DOI: 10.17308/econ.2022.3/10018. (In Russ.)
8. Efendieva D.S. Public-private partnership as a tool for socio-economic development of the region. *Regional problems of economic transformation*. 2024;5(163):63–71. (Accessed: 10/23/2024). DOI: 10.26726/1812-7096-2024-5-63-71. (In Russ.)
9. Gusarova E.M. Tools for innovative development of regions: the essence, factors and incentive measures. *Strategic development in conditions of uncertainty*; edited by Illarionov E.A. Moscow; 2024:23–34. (In Russ.)
10. Babaev B.B. *How to prepare and successfully defend a dissertation on economic sciences*. Moscow: Publishing and Trading Corporation "Dashkov & Co."; 2020. 346 p. (In Russ.)
11. Profatilova D.A., Bykova O.N. Tools for the implementation of innovative projects. *Problems of modern economics*. 2014;3(51). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-realizatsii-innovatsionnyh-proektov/viewer> (Accessed: 10/25/2024). (In Russ.)
12. Averyanova Yu.A. The problem of achieving "social justice": a social or legal state? In: *Topical issues of public law*; ed. Pitirimova A.O. Issue 20. Yekaterinburg: Ural State Law University; 2021:732–738. (In Russ.)

Информация об авторах

О. Л. Гойхер – доктор экономических наук, директор Центра стратегического развития, Владимирский филиал РАНХиГС.

Е. М. Гусарова – ведущий экономист по финансам АО НПО «Магнетон».

Information about the authors

O. L. Goyher, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Director of the Center for Strategic Development, Vladimir branch of RANEP.

E. M. Gusarova – Leading Financial Economist, Joint-Stock Research and Production company "Magnetron".

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 17.01.2025; одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 24.02.2025.

The article was submitted 17.01.2025; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 24.02.2025.

Менеджмент телемедицинских технологий: стратегические приоритеты и институциональные барьеры

Татьяна Вячеславовна Кугушева¹, Татьяна Сергеевна Ласкова²,
Виктория Андреевна Пайкова³

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

³Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹tvkugusheva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8801-8245>

²tslaskova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0294-5492>

³vikapaik@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-3289-6341>

Аннотация

Цель. Комплексный анализ стратегических приоритетов в развитии телемедицинских технологий на территории Российской Федерации, способствующих интеграции инновационных подходов в системе оказания медицинской помощи, и выявлении институциональных барьеров, влияющих на масштабирование дистанционных медицинских услуг.

Методы. Исследование основано на комплексном использовании методов системного и институционального для оценки факторов, определяющих развитие телемедицины в существующих условиях социально-экономической и нормативно-правовой среды. Применение структурно-функционального метода позволила идентифицировать основные элементы телемедицины, выявить их особенности и оценить степень адаптации к институциональной среде. Анализ проведён на основе данных российских медицинских платформ, включающих элементы искусственного интеллекта, облачных технологий и big data.

Результаты. Определены основные драйверы технологической прогрессивной телемедицины, включающие весь комплекс сквозных технологий и интеграцию в процессы реализации медицинских услуг технологий искусственного интеллекта, облачных технологий, интероперабельных медицинских платформ и т.д. Осуществлена типологизация цифровых сервисов в здравоохранении, основанная на оценке существующих экосистем реализации медицинских услуг. Проведён анализ эффективности телемедицинских технологий, демонстрирующий снижение существенных издержек здравоохранения за счёт минимизации затрат на транспортировку пациентов, оптимизацию кадровых ресурсов и повышение доступности высококвалифицированной медицинской помощи. Выявлены институциональные ограничения, обусловленные диспропорциями нормативного регулирования, несовершенством процесса финансирования телемедицинских услуг, недостаточной цифровой грамотностью медицинского персонала и пациентов.

Выводы. Результаты исследования подтверждают, что стратегическое развитие телемедицинских технологий в России определяется синергией технологических инноваций и институциональных реформ, направленных на повышение качества и доступности медицинских услуг. Выявленные драйверы цифровизации здравоохранения, такие как внедрение искусственного интеллекта, использование облачных технологий и big data, портативных устройств (IoT), приводят к появлению новых цифровых экосистем реализации медицинских услуг, способных трансформировать экономику общественного воспроизводства. Экономическая эффективность телемедицины связана со снижением совокупных издержек системы здравоохранения посредством оптимизации логистики медицинских услуг и снижения затрат на стационарное лечение. Проанализированные модели телемедицинских услуг демонстрируют высокую адаптивность к институциональной среде.

Вместе с тем, успешная интеграция телемедицинских технологий в систему здравоохранения требует комплексного подхода, включающего институциональные реформы, развитие процессов цифровизации, стандартизацию медицинских данных и активизацию инновационной активности. Преодоление описанных институциональных барьеров позволит создать устойчивую модель здравоохранения, обеспечивающую высокую экономическую эффективность и качество оказываемых услуг.

Ключевые слова: телемедицина, цифровизация здравоохранения, стратегические приоритеты телемедицины, институциональные барьеры телемедицины, управление рисками, кибербезопасность телемедицинских технологий, дистанционная диагностика, медицинские информационные системы, медицинские экосистемы, телемедицинские платформы

Для цитирования: Кугушева Т. В., Ласкова Т. С., Пайкова В. А. Менеджмент телемедицинских технологий: стратегические приоритеты и институциональные барьеры // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 43–55. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-43-55>. EDN LZKLZ

Telemedicine technology management: strategic priorities and institutional barriers

Tatiana V. Kugusheva¹, Tatiana S. Laskova², Victoria A. Paykova³

^{1,2}Southern federal university, Rostov-on-Don, Russia

³South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹tvkugusheva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8801-8245>

²tslaskova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0294-5492>

³vikapaik@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-3289-6341>

Abstract

Purpose. A comprehensive analysis of strategic priorities in the development of telemedicine technologies in the Russian Federation, contributing to the integration of innovative approaches in the medical care system, and identifying institutional barriers affecting the scaling of remote medical services.

Methods. The research is based on the integrated use of systemic and institutional methods to assess the factors determining the development of telemedicine in the existing socio-economic and regulatory environment. The use of the structural and functional method made it possible to identify the main elements of telemedicine, identify their features and assess the degree of adaptation to the institutional environment. The analysis is based on data from Russian medical platforms that include elements of artificial intelligence, cloud technologies, and big data.

Results. The main drivers of technological progressive telemedicine have been identified, including the entire range of end-to-end technologies and integration of artificial intelligence technologies, cloud technologies, interoperable medical platforms, etc. into the implementation of medical services. The typologization of digital services in healthcare has been carried out, based on an assessment of existing ecosystems for the implementation of medical services. An analysis of the effectiveness of telemedicine technologies has been carried out, demonstrating a reduction in significant healthcare costs by minimizing the cost of transporting patients, optimizing human resources and increasing the availability of highly qualified medical care. Institutional constraints have been identified due to regulatory imbalances, imperfect financing of telemedicine services, and insufficient digital literacy of medical personnel and patients.

Conclusions. The results of the study confirm that the strategic development of telemedicine technologies in Russia is determined by the synergy of technological innovations and institutional reforms aimed at improving the quality and accessibility of medical services. The identified drivers of healthcare digitalization, such as the introduction of artificial intelligence, the use of cloud technologies and big data, portable devices (IoT), lead to the emergence of new digital ecosystems for the implementation of medical services that can transform the economy of social reproduction.

The economic efficiency of telemedicine is associated with reducing the total costs of the healthcare system by optimizing the logistics of medical services and reducing the cost of inpatient treatment. The analyzed models of telemedicine services demonstrate high adaptability to the institutional environment. At the same time, the successful integration of telemedicine technologies into the healthcare system requires an integrated approach, including institutional reforms, the development of digitalization processes, standardization of medical data, and increased innovation. Overcoming the described institutional barriers will make it possible to create a sustainable healthcare model that ensures high economic efficiency and quality of services provided.

Keywords: telemedicine, digitalization of healthcare, strategic priorities of telemedicine, institutional barriers of telemedicine, risk management, cybersecurity of telemedicine technologies, remote diagnostics, medical information systems, medical ecosystems, telemedicine platforms

For citation: Kugusheva T. V., Laskova T. S., Paykova V. A. Telemedicine technology management: strategic priorities and institutional barriers. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):43–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-43-55>. EDN LZKLZU

Введение

Развитие информационных технологий в настоящее время проникло в различные сферы общественного воспроизводства. Область медицинских услуг в этой связи не осталась исключением и сейчас уже становится очевидным, что интеграция телемедицинских технологий является процессом неизбежным, который с течением времени станет определённым стандартом при реализации медицинской практики. Объективно, существует достаточно большое количество предпосылок для её развития и интеграции в систему здравоохранения РФ, что позволит обеспечить большую доступность медицинских услуг, оставляя при этом на должном уровне качество медицинской помощи для пациентов.

Материалы и методы

Исследование основано на комплексном использовании методов системного, институционального и структурно-функционального анализа, что определяет проявление ключевых факторов, влияющих на развитие телемедицинских технологий в России с учётом сложившейся социально-экономической и нормативно-правовой сред. Системный анализ применяется для изучения телемедицины как цифровой многоуровневой экосистемы, включающей процессы и необходимые организационные компоненты, что позволило выявить определённые характерные черты телемедицинских платформ, подходам к предоставлению телемедицинских услуг и т.д.

Институциональный анализ, используемый для оценки нормативно-правовой базы и государственной политики, позволил выявить стратегические приоритеты развития телемедицины в России.

Применение структурно-функционального метода позволяет идентифицировать ключевые элементы телемедицинских технологий, такие как искусственный интеллект, облачные технологии, большие данные, интернет-вещей и т.д. Указанное позволило выявить возможности их встраивания в экосистему здравоохранения и оценить степень адаптации к институциональной среде.

Историческая ретроспектива позволила выявить, что, не смотря на достаточное количество исследований в данной предметной области, данный термин достаточно нов с точки зрения повседневного применения. Как указывают исследователи, телемедицина начала формироваться ещё в середине XIX века и в этой связи, современным в данной предметной области можно полагать применяемые инструменты реализации, напрямую сопряжённые и использованием электрических и электронных средств телекоммуникации [1, 2]. Официальной датой зарождения телемедицины принято считать 22 марта 1905 г., когда лауреат Нобелевской премии, изобретатель электрокардиографии и профессор физиологии Лейденского университета Виллем Эйтховен осуществил первую в истории передачу электрокардиограммы на расстоянии 1,5 км: из своей частной лаборатории в университетскую клинику. Подобное стало возможным благодаря появлению телефонного кабеля. Учёный применил впервые латинскую приставку

«теле» и подчеркнул в своём развитии термин «телекардиограмма», тем самым положив концептуальные основы проведения дистанционных инструментальных медицинских исследований [3].

Модель телемедицины была сформирована в начале XX века и дополняется новыми компонентами, такими, например, как биотелеметрическая диагностика, спутниковая связь и т.д. На этапе своего зарождения потребность в её развитии была связана с необходимостью обслуживания изолированных коллективов и в данном контексте определилась следующей инфраструктурой [1]:

наличие беспроводной связи;

стандартные укладки медицинского инвентаря, инструментария и фармацевтических препаратов;

типовые инструкции по оказанию первой медицинской помощи, изданные в книжном виде; транспортные, преимущественно авиационные средства (опционально).

В настоящее время под телемедициной понимается следующее.

Владимирский В. А. определяет её «форму реализации лечебно-диагностических, превентивных и организационно-управленческих процессов в здравоохранении посредством компьютерных и телекоммуникационных технологий» [1]. Лях Ю. Е. определяет телемедицины как «направление медицины, подразумевающее применение телекоммуникационных технологий с целью предоставления медицинской информации и медицинского обслуживания потребителям, находящимся на некотором расстоянии от медицинских работников» [4]. Уфимцева М. А. указывает, что «телемедицина – это применение телекоммуникационных технологий для обмена медицинской информацией и обеспечения медицинских услуг, минуя географические, временные, социальные и культурные барьеры» [3]. ВОЗ определяет телемедицину как «предоставление медицинских услуг медицинскими работниками с использованием информационно-коммуникационных технологий для обмена достоверной информацией в целях диагностики, лечения и профилактики заболеваний и травм, проведения исследований и оценок, а также для непрерывной подготовки медицинских работников в интересах содействия поддержки здоровья граждан и их сообществ там, где расстояние служит критическим фактором»¹.

В Российской Федерации на законодательном уровне определено сущностное содержание и сферы применения «телемедицинских технологий» и «интернет-медицины», которые в своей совокупность обеспечивают дистанционное взаимодействие заинтересованных сторон: медицинских работников между собой, с пациентами и/или их законными представителями².

Таким образом, телемедицина, несмотря на её исторические предпосылки, является относительно новым направлением в сфере практического здравоохранения, широкое развитие которой стало возможным благодаря современным телекоммуникационным технологиям. Можно утверждать, что эволюция данного феномена прошла несколько этапов: от обеспечения медицинского обслуживания изолированных коллективов до формирования интегрированной цифровой системы, способной предоставлять медицинские услуги на глобальном уровне. Современные определения телемедицины, представленные в научных публикациях, сводятся к идее её использования в качестве механизма дистанционной медицинской коммуникации, позволяющего преодолевать временные и территориальные барьеры, при этом уделяется особое внимание комплексному характеру телемедицины в современных условиях, включающему диагностические, лечебные, профилактические и управленческие процессы. Указанное свидетельствует о её новаторстве в части реализующихся процессов трансформации системы здравоохранения и расширения доступности медицинской помощи населению.

¹ Телемедицина: Возможности и развитие в государствах-членах: Доклад о результатах второго глобального обследования в области электронного здравоохранения. URL: <https://whodc.mednet.ru/ru/osnovnye-publikaczii/informaczionnye-technologii-v-zdravooxranenii/2238.html>

² Приказ Минздрава РФ № 344, ПАМН № 76 от 27.08.2001 «Об утверждении Концепции развития телемедицинских технологий в Российской Федерации и плана ее реализации». URL: <https://base.garant.ru/4177911/>; Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/12191967/>

Обсуждение и результаты

В целях систематизации ключевых аспектов развития телемедицины в рамках её институционального и технологического развития представляется целесообразным рассмотреть основные направления её реализации, их функциональную специализацию, использование технологических решений и управленческих преимуществ, что представлено в табл. 1.

Таблица 1 – Ключевые направления и инструменты реализации телемедицины¹

Table 1 – Key areas and tools for telemedicine implementation

Направление	Функционал	Технологические решения	Преимущества
Телеконсилиум	Совместное обсуждение сложных ситуаций с участием врачей различных медицинских учреждений. В зависимости от ситуации, возможно и различных направлений	Видеоконференции, электронные медицинские карты (ЭМК), AI-аналитика	Повышение точности постановки диагноза, возможность получения более объективного экспертного заключения / решения
Телемониторинг	Дистанционный контроль состояния пациентов с хроническими заболеваниями	Носимые датчики, IoT-устройства, мобильные приложения, AI-обработка данных	Снижение частоты госпитализации, ранее выявление факторов риска и развития заболеваний на ранних стадиях
Телеконсультации	Взаимодействие врача и пациента на расстоянии для диагностики и корректировки лечения	Видеосвязь, чат-боты, интеграция с ЭМК	Доступность медицинской помощи в различных регионах, в том числе труднодоступных, экономия времени
Медицинский архив и личный кабинет	Хранение истории, анализа, назначений и рекомендаций в единой информационной системе	Облачные платформы, использование blockchain для защиты данных, использование AI для анализа полученной информации	Повышение точности постановки диагноза, лёгкий доступ к медицинской истории пациента
Интеграция баз данных	Объединение информации между клиниками, страховыми компаниями, иными заинтересованными стейкхолдерами	Интероперабельные медицинские системы ² , API для обмена данными, AI-аналитика	Улучшение координации в процессе лечения, ускорение обработки данных и получаемой информации
Ведение реестров и запись на приём	Автоматизация записи на приём к специалисту, ведение соответствующих медицинских реестров	Онлайн-системы записи к специалисту, голосовые помощники, чат-боты	Упрощение процесса записи и работы регистратуры, снижение нагрузки на регистратуру
Телереабилитация	Дистанционный контроль за восстановлением пациентов после травм и операций	Видеотренировки, носимые устройства, приложения с персональными программами реабилитации	Персонализированный подход, сокращение времени восстановления
Теледиагностика	Дистанционное проведение медицинских обследований и интерпретация полученных данных	Использование AI, проведение удалённых лабораторных исследований	Ускорение постановки диагноза, снижение нагрузки на специалистов

¹ Составлено на основе: [5; 6].

² Функционально совместимые.

Данные таблицы позволяют сделать ряд ключевых выводов в отношении ключевых направлений и инструментов реализации.

1. *Многофункциональность и интегративность.* Телемедицина не ограничивается исключительно дистанционными консультациями, но касается широкого спектра задач, включая наблюдение за пациентами, хранение и обработку медицинских данных, контроль за оборудованием и телереабилитацию. Это свидетельствует о необходимости построения соответствующих комплексных экосистем в деятельности учреждений здравоохранения.

2. *Высокая степень технологической зависимости.* Все направления современной телемедицины опираются на передовые цифровые технологии. В современных условиях прогнозируется большее использование технологий искусственного интеллекта, облачных вычислений, использования переносных устройств, входящих в комплекс интернета вещей, различные решения для защиты персональных цифровых данных. Инновационные разработки в данной области призваны не только автоматизировать соответствующие процессы, которые пока слабо, или не подвержены автоматизации, но и направлены на повышение эффективности существующих автоматизированных.

3. *Экономическая эффективность и оптимизация медицинских расходов.* Внедрение телемедицинских мероприятий привело к снижению затрат, которые приводят к существенной нагрузке на медицинские учреждения. К примеру, может осуществляться:

снижение затрат на госпитализацию и стационарное лечение. Так, дистанционный мониторинг позволяет скорректировать терапию и предотвратить обострение, что снижает необходимость в экстренной госпитализации.

оптимизация расходов на транспортировку населения. Транспортировка пациентов может быть заменена в некоторых случаях телемедицинской диагностикой, что снижает нагрузку. Особенно это актуально при развитии респираторных заболеваний;

снижение затрат на амбулаторные приёмы. Дистанционные консультации позволяют уменьшить количество посещений, что закономерно может вести к снижению затрат на электроэнергию и т.п.

4. *Расширение доступности медицинских услуг и возможность получения консультации узкопрофильными специалистами.* Телемедицина позволяет нивелировать территориальные барьеры и обеспечивает равный доступ к качественному медицинскому обслуживанию независимо от географического положения пациента. Особенно это актуально при необходимости получения квалифицированной медицинской консультации узкого профиля, когда специалист подобного рода находится в других городах, или даже странах.

5. *Организационная трансформация системы здравоохранения.* Внедрение телемедицины требует изменений в управленческих процессах, в том числе в части стандартизации взаимодействия между конкретными участниками, а также необходимости стандартизации работы тех или иных платформ. Так же, новая модель предполагает внедрение в телемедицинскую практику элементов предиктивной аналитики, процессов автоматизации и персонализированного подхода к каждому пациенту, что продуцирует и новые управленческие парадигмы, основанные на аналитике больших данных. Важным элементом является и государственное регулирование данного сектора и развитие соответствующей институциональной среды.

Таким образом, телемедицина является не только технологической инновацией, но и обуславливает структурные изменения в системе здравоохранения, а её развитие обеспечивает формирование цифровых моделей медицинского обслуживания, повышение его эффективности и доступности, а также создание новых экономических и управленческих принципов в сфере здравоохранения. Ранее было указано, что на этапе зарождения телемедицины её инфраструктура формировалась в условиях необходимости оказания медицинской помощи изолированным коллективам, а её базовые элементы включали наличие беспроводной сети, типовые инструкции по оказанию первой медицинской помощи в книжном формате и т.д. Указанное отражало процессы и имеющиеся организационные возможности своего времени, ориентированные на решение задач экстренной медицинской помощи в удалённых или труднодоступных зонах. В современных условиях телемедицина претерпела значительные изменения, обусловленные технологиями прогресса, цифровизации здравоохранения и созданием новых информационных

сетей и технологий. В первую очередь – искусственного интеллекта. В этой связи инфраструктура телемедицины на современном этапе представляет собой многоуровневую систему, обеспечивающую не только дистанционные консультации и экстренную помощь, но и комплексную интеграцию медицинских данных, персонализированный мониторинг, удалённое обследование и медицинское образование (рис. 1).

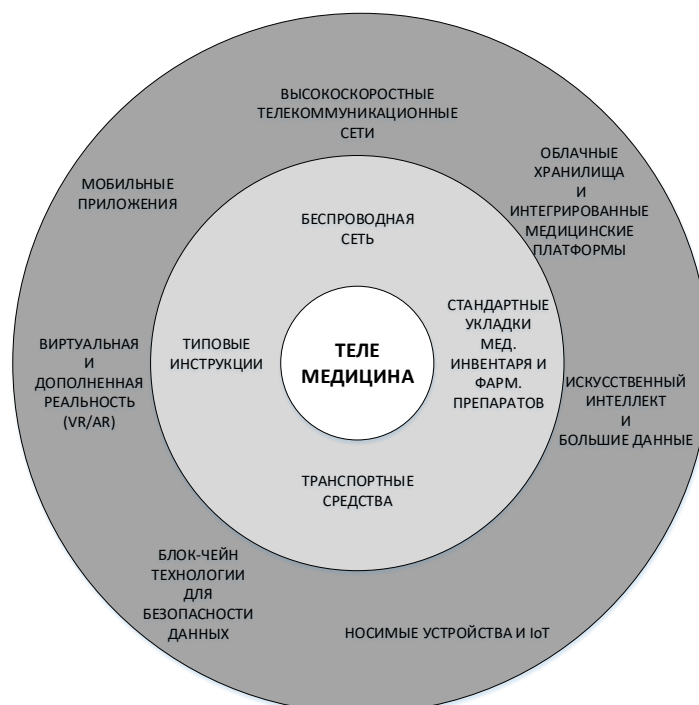

Рис. 1. Инфраструктура телемедицины на современном этапе

Fig. 1. Telemedicine infrastructure at the present stage

Как видно из рисунка, ключевыми компонентами инфраструктуры телемедицины на современном этапе представлены передовыми цифровыми технологиями, а именно:

1. *Внедрение высокоскоростных телекоммуникационных сетей*, позволяющих значительно повысить качество и оперативность цифровых данных, обеспечивая возможность проведения более качественных видео консультаций в режиме реального времени. Так, на базе ГКБ им. С. П. Боткина Департамент здравоохранения города Москвы развернул первый в РФ индустриальный полигон с инфраструктурой сетей 5G для тестирования прорывных цифровых технологий в здравоохранении [7], а в КНР уже есть практика проведения сложных операций, в том числе на головном мозге с применением технологии 5G¹.

2. *Облачные хранилища и интегрированные медицинские платформы*, которые дают возможность создавать централизованные базы данных. Подобные базы хранят электронные медицинские карты, результаты лабораторных исследований, диагностические изображения и медицинские заключения. Использование данных технологий позволяет обеспечивать доступ к информации о конкретном пациенте одновременно нескольким заинтересованным специалистам, если этого требует ситуация. Примером может служить созданная Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения², которая направлена на поддержку принятия управленческих решений и управления ресурсами системы здравоохранения; централизацию ведения подсистем единой системы, федеральных информационных систем в сфере здравоохранения, федеральных баз данных и федеральных регистров в сфере здравоохранения и т.д.

¹ В КНР впервые удаленно провели операцию на головном мозге с применением 5G. URL: <https://ria.ru/20190318/1551888611.html>.

² Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения. URL: <https://egisz.rosminzdrav.ru>.

Отметим, что поставщиками облачных услуг могут выступать различные платформы. Например, подобные услуги представляет платформа Microsoft Cloud for Healthcare¹, представляющая облачные решения для хранения медицинских данных, анализа и интеграции информации с различными телемедицинскими сервисами.

3. *Искусственный интеллект и большие данные*, позволяющие прогнозировать развитие события и осуществлять автоматический анализ медицинских изображений. Оказанное может существенно повышать точность диагностики. В качестве примера может выступать система «Цельс»², которая представляет собой ИИ-платформу для анализа медицинских изображений и используемая для диагностики заболеваний. Направлениями диагностики являются маммография, направленная на выявление злокачественных и доброкачественных новообразований и т.п. (точность постановки диагноза более 95%); анализ флюорограммы на предмет наличия патологических изменений (точность 93%); компьютерная томография ОГК, позволяющая выявлять признаки коронавируса и онкологических заболеваний, компьютерная томография головного мозга на предмет наличия признаков кровоизлияний в мозг.

Другим примером может служить исследование в части применения ИИ для диагностики очаговых поражений печени с помощью визуализации. В исследовании, проведенном А. Хосни, Ч. Пармаром, Дж. Квакенбушем и др., указывается, что по достоверности обнаружения стадий фиброза ИИ приблизился к инвазивным методам, а именно биопсии. Таким образом, оценка состояния органа может осуществляться без забора фрагмента ткани органа, что, безусловно, является более безопасным [8].

4. *Носимые устройства и IoT*, позволяющие осуществлять круглосуточный мониторинг состояния здоровья пациентов с помощью умных часов, фитнес-браслетов, кардиомониторов и иных датчиков. Подобная информация в режиме реального времени может поступать на соответствующие платформы с последующей обработкой информации и получения соответствующих рекомендаций. В качестве примеров безусловными лидерами в части бытового применения является различный спектр умных часов и фитнес-трекеров, позволяющих собирать данные о здоровье пациентов в режиме реального времени. Рынок данных средств в настоящее время достаточно обширен, а устройства позволяют в том числе отслеживать сердечный ритм, выявлять различного рода аномалии (например, фибрилляцию предсердий). Более специализированным примером может послужить Медицинское изделие РУ МИ № РЗН 2024/22 855 «КардиоКАРТА», которое может быть синхронизировано со смартфоном и позволяет передавать данные врачу³.

5. *Блокчейн-технологии* являются важной составляющей современной телемедицины, поскольку существует объективная необходимость в обеспечении защиты персональных данных пациентов. Данные технологии позволяют минимизировать риски утечек и несанкционированного доступа к информации.

6. *Виртуальная и дополненная реальность (VR/AR)* могут использоваться в процессе обучения медицинских специалистов, а также в реализации реабилитационных программ, позволяющих осуществлять терапевтические воздействия в интерактивном формате. Направления использования данной технологии достаточно обширны. Это и обучение персонала, позволяющее осуществлять демонстрацию различных процессов, явлений и объектов, представление которых невозможно наглядно предъявить в настоящей реальности; различные направления хирургии, стоматологии, офтальмологии, нейрореабилитации и т.д. «Эксперты компании Allied Market Research предполагают, что к 2026 году объем виртуальной реальности на рынке здравоохранения достигнет 2,4 млрд долларов» [9].

7. *Мобильные приложения*, функционирование которых направлено на получение пациентами медицинских консультаций в удалённом формате через мобильные устройства, осуществлять запись на приём и т.д. С целью оценки возможностей и управленческих характеристик существующего спектра телемедицинских услуг нами была осуществлена сравнительная характеристика ряда ведущих платформ/приложений, представленных на российском рынке (табл. 2).

¹ Отраслевые решения. Microsoft Cloud for Healthcare. URL: <https://www.microsoft.com/ru-ru/industry/health/microsoft-cloud-for-healthcare>.

² Корпоративный сайт системы «Цельс». URL: <https://celsus.ai/>

³ Корпоративный сайт «КардиоКАРТА». URL: <https://www.cardioqvar.ru/>

**Таблица 2 – Сравнительная характеристика
действующих телемедицинских платформ и приложений¹**

Table 2 – Comparative characteristics of existing telemedicine platforms and applications

Приложение	Сайт	Основные функции	Интеграция с внешними акторами	Стоимость услуг	Дополнительные возможности
СберЗдоровье	https://sberhealth.ru/	Видеоконсультации, запись к специалистам, анализы на дому, электронные рецепты	Частные клиники	Подписка+разовые платежи	Личный кабинет, программа ДМС, использование средств IoT
Доктор Рядом	https://dr-telemed.ru/	Онлайн-консультации, вызов врача на дом, телемониторинг	Частные медицинские центры	ДМС, разовая плата	Корпоративные программы
ОнлайнДоктор	https://onlinedoctor.ru/doctors/	Видеоконсультации, ведение медицинских карт	Частные клиники, независимые специалисты	Разовая оплата	Доступ к личной истории
ОнДок	https://ondoc.me/	Запись на онлайн-приём, хранение данные пациента, напоминание о приёме	Частные клиники	Разовая оплата	Напоминание о необходимости приёма лекарственных средств
СмартМед	https://medsi.ru	Онлайн-консультации, интеграция с ЛПУ, электронные рецепты	Крупные частные медицинские сети	ДМС, подписка	лабораторные анализы
Яндекс.Здоровье	https://health.genotek.ru	Видео консультации, подбор специалистов	Частные клиники-партнёры	Разовая оплата	Искусственный интеллект для диагностики
ДокТис	https://www.doctis.ru/	Видеоконсультации, онлайн-диагностика, ведение медицинских карт	Частные клиники, независимые врачи	Разовая оплата	Телемониторинг
ДокМа	https://docma.ru/	Экстренные консультации, назначение лечения	Независимые врачи	Разовая плата	Консультации узкопрофильных специалистов
МойДок	https://mydoc.ru/	Консультации терапевтов и специалистов, мониторинг здоровья	Частные клиники	Разовая оплата, подписка	Лабораторные исследования

¹ Составлено авторами

Сравнительный анализ действующих телемедицинских платформ и приложений позволил сделать следующие выводы:

1. *Дифференциация бизнес-модели финансирования.* Оплата за предоставляемые услуги может носить единоразовый характер, включать комплексные программы добровольного медицинского страхования, либо подписку. Приложения, ориентированные на корпоративный сегмент и страховую медицину, обладают более развитой интеграцией с клиниками и страховыми компаниями;

2. *Различные уровни сотрудничества с ЛПУ.* В целом, условно приложения можно разделить на три подгруппы:

интегрированные с крупными частными и государственными учреждениями здравоохранения;

работающие в основном с независимыми врачами или не большими частными клиниками; комбинированные сервисы, с возможностью выбора формы сотрудничества с учреждениями здравоохранения.

3. *Наличие уникальных функций.* Большинство сервисов ориентировано на предоставление стандартного набора телекоммуникационных услуг. Однако ряд приложений имеют специализированные функции. Например, ОнДок имеет функцию напоминания о необходимости приёма лекарственных препаратов, Яндекс.Здоровье активно использует ИИ-алгоритмы для анализа поступающей информации, сервис ДокМа ориентирован на предоставление экстренных консультаций, что может являться в некоторой степени альтернативой вызова экстренной скорой помощи, или получения информации до прибытия специалистов

4. *Развитие предиктивной¹ и персонализированной медицины.* Телемедицинские сервисы всё чаще включают в себя элементы персонализированного состояния здоровья пациентов и его динамики. В некоторые платформы интегрированы системы постоянного сбора и биометрического анализа показателей, что позволяет не только оперативно реагировать на изменение состояния пациента, но и разрабатывать проактивные, превентивные мероприятия, направленные на стабилизацию его здоровья.

5. *Формирование гибридных моделей медицинского обслуживания.* Развитие телемедицины идёт по пути объединения различного рода сервисов и интеграцию платформ с лабораториями, аптечными сетями, службами доставки, что формирует новый стандарт организации медицинского сервиса.

В целом можно отметить, что дистанционные медицинские услуги, интегрированные в инфраструктуру здравоохранения, обеспечивают новый уровень доступности и оперативности оказания медицинской помощи, снижая нагрузку на стационарные учреждения и оптимизируя системное распределение ресурсов. Исходя из данных рисунка можно отметить, что в последние годы в РФ наблюдается устойчивая положительная динамика развития телемедицинского сегмента, что обусловлено комплексом экономических, институциональных и технологических факторов.

Как и в других сегментах общественного воспроизводства, существенный скачок в объеме предоставления телемедицинских услуг был связан с пандемией COVID-19, поскольку ограничения на передвижение, рост нагрузки на медицинскую помощь и необходимость её оказания на дистанционной основе привели к массовому внедрению телемедицинских технологий. В этот период наблюдалось принятие целого ряда нормативных актов, регулирующих возможности взаимодействия врача и пациента в дистанционных условиях, что способствовало появлению и нового взгляда на онлайн-консультации (рис. 2).

И если в 2019 г. данный рынок находился на ранней стадии становления, то уже в 2020 году его объём увеличился в несколько раз. Однако, после резкого скачка, вызванного экстраординарными условиями, динамика роста стабилизировала и стала демонстрировать более умеренные и устойчивые темпы своего развития. В 2023 г. данный показатель достиг 24 млрд руб., а к 2026 г. планируется достижение 96 млрд руб. [10]. Указанное подтверждает долгосрочную инвестиционную привлекательность сегмента и его устойчивость.

¹ Инновационное направление, ориентированное на совершенствование дифференциального подхода в профилактике, диагностике и лечении частых мультифакториальных заболеваний на основании результатов генетического тестирования.

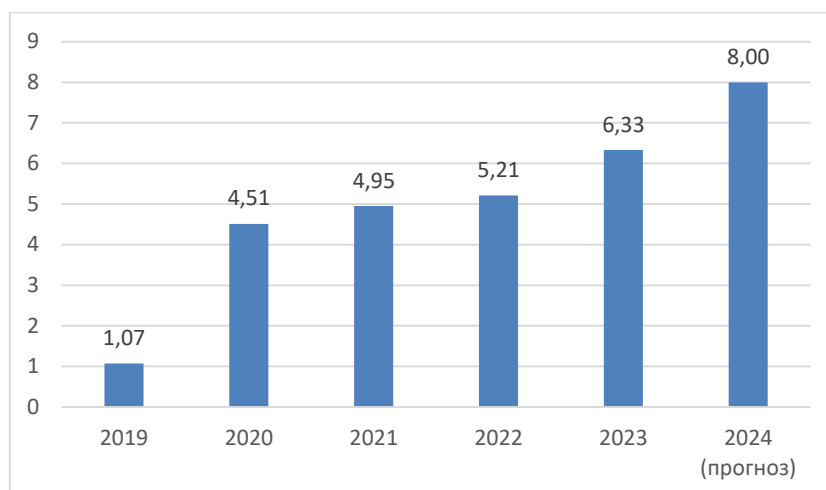

Рис. 2. Численность телемедицинских консультаций в России с 2019 по 2023 год, млн консультаций¹

Fig. 2. Number of telemedicine consultations in Russia from 2019 to 2023, million consultations

Заключение

Определяющим в обеспечении развития телемедицины безусловно является эволюция цифрового медицинского здравоохранения, поскольку внедрение на государственном уровне электронной медицинской карты, электронных рецептов, совершенствование каналов передачи данных и унификация стандартного обмена медицинскими данными, формирует определённый контур её развития. Дополнительным импульсом к развитию данного рынка становится и изменение потребительских моделей и моделей поведения пациентов. Современные пользователи медицинских услуг демонстрируют высокую степень адаптации к цифровым платформам и более активно используют спектр цифровых инструментов телемедицины для получения консультаций, слежения за динамикой своего состояния и т.п. В свою очередь, совершенствование в ближайшей перспективе алгоритмов искусственного интеллекта и машинного обучения позволяет и повысить точность первой диагностики и персонализировать медицинские рекомендации, о чём было указано выше.

Несмотря на развитие соответствующих сопутствующих процессов в части цифровизации и развития ИИ, до сих пор существует ряд барьеров, в том числе институционального характера. Так, Шадеркин И.А. [11] указывает на барьеры технологического, юридического, экономического и методологического характера, в том числе, например, наличие слабой интеграции телемедицинских платформ с информационными системами, недостаточная техническая оснащённость собственно пациентов для использования телемедицинских технологий, достаточно строгие требования к месту, откуда осуществляется телемедицинская помощь, отсутствие чётки тарифов на оказание телемедицинских услуг, в том числе в системе ОМС, отсутствие достаточного количества клинических исследований в области телемедицины и т.д. Существует так же ряд рисков, присущих телемедицине, и не в последнюю очередь в этой связи актуализируется ещё в большей степени необходимость соблюдения прав пациента на конфиденциальность и информированное согласие и нивелирование соответствующей возможности утечки конфиденциальной информации, что в условиях цифровизации может иметь фатальные последствия.

Данные барьеры возможно и необходимо преодолеть, в том числе с учётом развития технологической составляющей процесса, поскольку преимущества использования телемедицинских технологий очевидны. Это и возможность получения медицинской помощи для пациентов из отдалённых и труднодоступных мест, снижение затратной составляющей в части временных и финансовых затрат, снижение затрат на здравоохранение в целом за счёт повышения

¹ В 2023 г в России было проведено 6,33 млн телемедицинских консультаций, что на 40% превысило значение 2020 г. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/14979/>

эффективности. Перспективы дальнейшего роста рынка телемедицины в России напрямую связаны с реализацией комплексной стратегии цифровизации здравоохранения¹, включающей совершенствование нормативного регулирования, расширения спектра предоставляемых телемедицинских услуг, повышения уровня кибербезопасности и развития системы государственных и негосударственных инвестиций в данный сегмент.

Таким образом, рынок телемедицины в России находится на стадии роста, демонстрируя высокий потенциал для дальнейшего развития. Вектор его трансформации определяется совокупностью институциональных реформ, технологических инноваций и экономических факторов, которые в перспективе должны обеспечить расширение доступности медицинских услуги и повышение эффективности системы здравоохранения в целом.

Список источников

1. Владимирский А. В. История телемедицины первые 150 лет // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2015. № 1. С. 10–16.
2. Кравченко М. В. К вопросам о развитии телемедицины в цифровой среде // Экономика и предпринимательство. 2022. № 7. С. 1251–1260.
3. Уфимцева М. А. История развития телемедицины. Современные информационно-коммуникационные технологии в медицине // Фарматека. 2021. № 1. URL: <https://pharmateca.ru/ru/archive/article/39969>
4. Лях Ю. Е. Введение в телемедицину. Донецк: ООО «Лебедь», 1999. 134 с.
5. Золотухина В. Г., Рассолова А. А. Ключевые аспекты применения телемедицины в здравоохранении Российской Федерации // Научные записки молодых исследователей. 2022. Т. 10. № 3. С. 59–77
6. Аналитический отчет (исследование) текущего состояния и потенциала развития российского и международного рынка «персональные медицинские помощники». Новосибирск: Инфраструктурный центр HealthNet НТИ, 2023. 101 с.
7. Применение технологий 5G в здравоохранении: как новый стандарт сотовой связи меняет экосистему отрасли / Е. И. Аксенова, С. Ю. Горбатов. М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2021. 33 с.
8. Хосни А., Пармаром Ч., Квакенбушем Дж. Искусственный интеллект в радиологии // Nat Rev Cancer. 18, 500–510 (2018). URL: <https://www.nature.com/articles/s41568-018-0016-5>.
9. Зеленский М.М., Рева С.А., Шадеркина А.И. Виртуальная реальность (VR) в клинической медицине: международный и российский опыт // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2021;7(3):7–20. <https://doi.org/10.29188/2712-9217-2021-7-3-7-20>.
10. Камынина Н. Н., Медведева Е. И. Рынок телемедицинских услуг в России // Здоровье мегаполиса. 2022. Т. 3. № 1. С. 73–78. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2022.v.3i1;73-78>.
11. Шадеркин И.А. Барьеры телемедицины и пути их преодоления // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2022. Т. 8. № 2. С. 59–76.

References

1. Vladzimirskiy A. V. The history of telemedicine for the first 150 years. *Journal of Telemedicine and Electronic Healthcare*. 2015;(1):10–16. (In Russ.)
2. Kravchenko M. V. On the development of telemedicine in the digital environment. *Economics and Entrepreneurship*. 2022;(7):1251–1260. (In Russ.)
3. Ufimtseva M. A. History of telemedicine development. Modern information and communication technologies in medicine. *Pharmateca*. 2021;(1). Available from: <https://pharmateca.ru/ru/archive/article/39969>.
4. Lyakh Yu. E. *Introduction to telemedicine*. Donetsk: LLC "Lebed"; 1999. 134 p. (In Russ.)
5. Zolotukhina V. G., Rassolova A. A. Key aspects of the use of telemedicine in healthcare in the Russian Federation. *Scientific notes of young researchers*. 2022;10(3):59–77. (In Russ.)
6. *Analytical report (research) on the current state and development potential of the Russian and international personal medical assistants market*. Novosibirsk: HealthNet NTI Infrastructure Center; 2023. 101 p. (In Russ.)

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2024 г. № 959-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408813257/>

7. *Application of 5G technologies in healthcare: how the new cellular communication standard is changing the ecosystem of the industry*. E. I. Aksenova, S. Y. Gorbato. Moscow: GBU "NII OZMM DZM"; 2021. 33 p. (In Russ.)
8. Hosni A., Parmar C. Quackenbush J. Artificial Intelligence in Radiology. *Nat Rev Cancer*. 18, 500-510 (2018). Available from: <https://www.nature.com/articles/s41568-018-0016-5>
9. Zelensky M. M., Reva S. A., Shaderkina A. I. Virtual reality (VR) in clinical medicine: international and Russian experience. *Russian Journal of Telemedicine and Electronic Health*. 2021;7(3):7-20; <https://doi.org/10.29188/2712-9217-2021-7-3-7-20>. (In Russ.)
10. Kamynina N. N., Medvedeva E. I. Telemedicine services market in Russia. *Megalopolis Health*. 2022; 3(1):73-78. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2022.v.3i1;73-78>. (In Russ.)
11. Shaderkin I. A. Barriers of telemedicine and ways to overcome them. *Russian Journal of Telemedicine and e-health*. 2022;8(2):59-76. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. В. Кугушева – кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и технологий в менеджменте факультета управления ЮФУ.

Т. С. Ласкова – кандидат экономических наук, доцент кафедры информационной экономики экономического факультета ЮФУ.

В. А. Пайкова – студент факультета экономики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

T. V. Kugusheva – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Theory and Technology in Management, Faculty of Management of Southern Federal University.

T. S. Laskova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Information Economics, Faculty of Economics of Southern Federal University.

V. A. Paikova – Student of the Faculty of Economics, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025; одобрена после рецензирования 26.02.2025; принята к публикации 27.02.2025.

The article was submitted 23.01.2025; approved after reviewing 26.02.2025; accepted for publication 27.02.2025.

Performance-менеджмент: управление результативностью достижения HRM-целей организации

Елена Иосифовна Лазарева¹, Юлия Викторовна Гаврилова²,
Дмитрий Владимирович Пекленков³, Роман Сергеевич Ковалев⁴

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

^{3,4}Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

¹elazareva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5829-5372>

²juleb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0391-576X>

³1032220974@rudn.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6561-0526>

⁴1032220979@rudn.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0674-0127>

Аннотация

Введение. Performance-менеджмент (PM) играет критическую роль в достижении организационных HRM-целей, однако традиционные исследования концентрировались на его технических аспектах, игнорируя восприятие сотрудников и контекстуальные особенности развивающихся стран. Настоящее исследование фокусируется на образовательном секторе, где результативность системы performance-менеджмента (Performance Management System Effectiveness, PMSE) сталкивается с уникальными вызовами: конфликтом между академическими и административными целями, низким доверием к формальным оценкам.

Цель. Эмпирическая проверка комплексной PM-модели, объединяющей техническую точность (Performance Management System Accuracy, PMSA) и воспринимаемую справедливость (Performance Management System Fairness, PMSF), оценка их влияния на вовлеченность в процесс принятия решений (Work Engagement, WE) и производительность (Task Performance, TP; Contextual Performance, CP) сотрудников организации.

Методы. Исследование сочетает теоретический анализ концептуальных моделей результативности системы performance-менеджмента «Требования – ресурсы работы» (Job Demands-Resources Model, JD-R), «Способности-мотивация-возможности» (Ability-Motivation-Opportunity, AMO), «Социальный обмен» и количественный подход. Данные собраны через анонимные опросы 500 сотрудников образовательных организаций России. Для проверки гипотез применено структурное моделирование второго порядка, оценивающее прямые и опосредованные эффекты влияния точности системы performance-менеджмента и воспринимаемой справедливости на вовлеченность сотрудников в процесс принятия решений, выполнение задач и их экстраролевое поведение. Анализ включал оценку надежности шкал, конвергентной и дискриминантной валидности.

Результаты. Результативность системы performance-менеджмента демонстрирует значимое влияние на вовлеченность сотрудников в процесс принятия решений ($\beta = 0.58$, $p < 0.01$) и на их производительность (TP: $\beta = 0.42$; CP: $\beta = 0.35$). Вовлеченность частично опосредует связь результативности performance-менеджмента и экстраролевой производительности – 41% эффекта, полностью – корреляцию результативности performance-менеджмента и выполнения задач, эффект составил 63%. Ключевым детерминантом результативности performance-менеджмента оказалась воспринимаемая справедливость ($\beta = 0.47$) против точности системы управления ($\beta = 0.21$), особенно в условиях академической неопределенности. Модель объясняет 52% дисперсии вовлеченности сотрудников, и 45% дисперсии выполнения задач, подтверждая её релевантность для образовательного сектора.

Выводы. Результаты подчеркивают, что результативность performance-менеджмента в образовании требует баланса между точностью целей и процедурной справедливостью. Практические рекомендации включают внедрение анонимных оценок справедливости и тренингов для менеджеров по методике «Ситуация-поведение-последствия» (Situation-Behavior-Impact, SBI), интеграцию экстраролевой производительности в ключевые показатели результативности через учет менторства и научных

инициатив, использование OKR-платформ (Objectives and Key Results, OKR) для совместной постановки целей. Ограничения исследования – региональная специфика выборки (Россия) и фокус на образовательный сектор. Перспективы – изучение PMSE в условиях цифровизации и кросс-культурные сравнения.

Ключевые слова: performance-менеджмент, HRM-цели, мотивация, управление человеческими ресурсами, управление результативностью, вовлеченность в работу, производительность сотрудников, структурное моделирование, образовательные организации, эмпирическое исследование

Благодарности: исследование выполнено в Южном федеральном университете в рамках проекта РНФ № 24-28-01624.

Для цитирования: Лазарева Е.И., Гаврилова Ю.В., Пекленков Д.В., Ковалев Р.С. Performance-менеджмент: управление результативностью достижения HRM-целей организации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 56–64. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-56-64>. EDN MAKNNH

Problems of Management

Original article

Performance-management: managing the resultivity of achieving the organization's HRM-goals

Elena I. Lazareva¹, Julia V. Gavrilova², Dmitry V. Peklenkov³, Roman S. Kovalev⁴

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

^{3,4}Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

¹elazareva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5829-5372>

²juleb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0391-576X>

³1032220974@rudn.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6561-0526>

⁴1032220979@rudn.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0674-0127>

Abstract

Introduction. Performance management (PM) plays a critical role in achieving organizational goals, but traditional research has focused on its technical aspects, ignoring employee perceptions and the contextual features of developing countries. This study focuses on the education sector, where performance management effectiveness (PMSE) faces unique challenges: conflict between academic and administrative goals, low trust in formal assessments.

Purpose. The aim of the work is to empirically test a comprehensive PM model combining technical accuracy (PMSA) and perceived fairness (PMSF) and assess their impact on employee engagement (WE) and productivity (Task Performance (TP); Contextual Performance (CP)).

Methods. The study combines theoretical analysis of the conceptual models of performance management system Job Demands-Resources Model (JD-R), Ability-Motivation-Opportunity (AMO), Social Exchange and quantitative approach. The data were collected through anonymous surveys of 500 employees of educational organizations in Russia. To test the hypotheses, second-order structural modeling was used to evaluate the direct and indirect effects of the influence of performance-management system accuracy and perceived fairness on employees' involvement in decision-making, task performance, and their extra-role behavior. The analysis included an assessment of the reliability of the scales, convergent and discriminant validity.

Results. The effectiveness of the performance-management system shows a significant effect on employee involvement in the decision-making process ($\beta = 0.58$, $p < 0.01$) and on their productivity (TP: $\beta = 0.42$; CP: $\beta = 0.35$). Involvement partially mediated the correlation of performance management resultivity and extra-role performance, 41% of the effect, and fully mediated the correlation of performance management resultivity and task performance, the effect was 63%. The key determinant of performance-management resultivity was found to be perceived fairness ($\beta = 0.47$) vs. accuracy of the management system ($\beta = 0.21$), especially in the context of academic uncertainty. The model explained 52% of the variance in employee engagement, and 45% of the variance in task completion, confirming its relevance to the educational sector.

Conclusions. The results highlight that performance management in education requires a balance between goal accuracy and procedural fairness. Practical recommendations include the introduction of anonymous fairness assessments and training for managers using the Situation-Behavior-Impact (SBI) methodology, the integration of contextual performance into key performance indicators by taking into account mentoring and research initiatives, and the use of OKR (Objectives and Key Results) platforms for joint goal setting. Limitations of the study include the regional specificity of the sample (Russia) and the focus on the education sector. Prospects include studying PMSE in the context of digitalization and cross-cultural comparisons.

Keywords: performance-management, HRM-goals, motivation, human resource management, management of the resultivity, work engagement, employee productivity, structural modeling, educational organizations, empirical research

Acknowledgments: The research was carried out at the Southern Federal University with the support of RNF project № 24-28-01624.

For citation: Lazareva E. I., Gavrilova Ju. V., Peklenkov D. V., Kovalev R. S. Performance-management: managing the resultivity of achieving the organization's HRM-goals. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):56-64. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-56-64>. EDN MAKNNH

Введение

Результативность системы performance-менеджмента (Performance Management System Effectiveness, PMSE) является ключевым элементом организационного успеха, обеспечивая согласованность индивидуальных и корпоративных целей [1]. Несмотря на доказанную роль результативности PMSE в повышении производительности [2; 3], традиционные исследования преимущественно фокусировались на её влиянии на организационные результаты, игнорируя восприятие сотрудников [4; 5]. Такой подход создал существенный пробел в понимании того, как результативность performance-менеджмента воздействует на ключевые поведенческие аспекты работников – их мотивацию, вовлеченность и лояльность [6–9].

Современные исследования подчеркивают, что эффективность PMSE зависит не только от технической точности системы (например, от постановки SMART-целей), но и от её воспринимаемой справедливости [3]. Однако существующие работы фрагментарны: одни авторы акцентируют факторы проектирования PMSE, такие как обратная связь и обучение оценщиков [10], другие – роль вовлеченности сотрудников в формирование организационной ценности [11]. При этом недостаточно изучены контекстуальные особенности, особенно в развивающихся странах, где организационные структуры и культура существенно отличаются от западных моделей [12; 13].

Особую актуальность приобретает изучение PMSE в образовательном секторе, где эффективность преподавательского состава напрямую влияет на качество образовательных услуг [14–17]. Тем не менее, существующие модели PMSE редко учитывают специфику академических организаций, где цели развития персонала часто конфликтуют с административными требованиями [18]. Кроме того, остаётся неисследованным механизм, через который PMSE влияет на производительность сотрудников – например, опосредующая роль вовлеченности в работу (Work Engagement, WE), которая связывает систему управления с индивидуальными результатами [19].

Цель исследования – провести эмпирическую проверку комплексной модели PMSE, объединяющей точность системы управления (Performance Management System Accuracy, PMSA) и воспринимаемую справедливость (Performance Management System Fairness, PMSF), оценить её влияние на вовлеченность в работу и производительность сотрудников образовательных организаций. Используя структурное моделирование второго порядка, мы демонстрируем, что PMSE не только напрямую улучшает выполнение задач (Task Performance, TP), но и опосредованно – через вовлеченность сотрудников в работу (Work Engagement, WE) – улучшает контекстную производительность (Contextual Performance, CP). Результаты подчеркивают критическую роль воспринимаемой справедливости и предлагают практические рекомендации для адаптации результативности performance-менеджмента к условиям развивающихся рынков. Исследование расширяет теоретические рамки управления человеческими ресурсами, предлагая подход, который балансирует между технической точностью и человеко-ориентированной справедливостью.

Теоретические основы исследования

Результативность performance-менеджмента анализируется через призму двух взаимодополняющих теоретических подходов: технической точности и воспринимаемой справедливости. Эти концепции базируются на классических теориях управления и организационного поведения, что позволяет комплексно оценить влияние PMSE на вовлеченность и производительность сотрудников. PMSE определяется как способность системы согласовывать индивидуальные и организационные цели через механизмы планирования, оценки и обратной связи [1]. В основе PMSE лежат две основные теории – постановки целей и контроля (рис. 1).

Современные исследования [3; 20] расширяют теоретический фундамент PMSE, выделяя два ключевых измерения (табл. 1). Комбинированная модель технической точности системы и воспринимаемой справедливости объясняет 68% дисперсии в эффективности PMSE, что подтверждает её валидность.

Рис. 1. Теории, формирующие концепцию PMSE¹

Fig. 1. Theories shaping the PMSE concept

Вовлеченность в работу рассматривается как медиатор между PMSE и производительностью. В соответствии с моделью требований и ресурсов работы (Job Demands-Resources, JD-R), PMSE выступает ресурсом, который согласно авторам Bakker, Demerouti, снижает эмоциональное выгорание за счёт прозрачности целей [21]. Saks отмечает усиление мотивации через справедливое вознаграждение [22].

Эмпирические исследования подтверждают, что техническая точность системы повышает вовлеченность в работу через структурированность задач ($\beta = 0.32$, $p < 0.01$) [14]. PMSF усиливает эмоциональную привязанность к организации за счёт доверия ($\beta = 0.41$, $p < 0.001$) [23].

Таблица 1 – Компоненты модели PMSE²

Table 1 – Components of PMSE model

Измерение	Факторы	Авторы
PMSA (Ассигасу) техническая точность системы	Использование поведенческих показателей	Kolich, 2009
	Регулярная обратная связь	Lawler, 2003
	Алгоритмизированные методы оценки	Garengo et al., 2005
PMSF (Fairness) воспринимаемая справедливость	Равенство в распределении вознаграждений	Becker & Gerhart, 1996
	Прозрачность процедур	Stokes, 2000
	Участие сотрудников в постановке целей	de Vries et al., 2016

PMSE влияет на два типа производительности. В первую очередь, на выполнение задач (Task Performance, TP), что представляет собой выполнение формальных обязанностей и зависит от точности постановки целей (PMSA) [3]. Объясняет 45 % вариативности выполнения задач в образовательном секторе [14]. Во вторую очередь, на контекстную производительность (Contextual Performance, CP), что представляет экстраролевое поведение (инициативы, помощь коллегам) и связана с воспринимаемой справедливостью (PMSF) ($\beta = 0.29$, $p < 0.05$) [24]. Мета-анализ 57 исследований показывает, что PMSE оказывает большее влияние на выполнение задач, чем на контекстную производительность [25].

Эффективность PMSE варьируется в зависимости от организационной культуры и регионального контекста. В иерархических структурах PMSE фокусируется на контроле [13], в инновационных компаниях центральным звеном является развитие сотрудников [18]. В развивающихся странах PMSE сталкивается с проблемой бюрократии [26]. В России ключевым барьером является недоверие к формальным системам оценки [6].

¹ Составлен авторами.

² Составлена авторами.

Современные концепции PMSE подвергаются методологической и концептуальной критике, выявляющей ряд системных ограничений. Во-первых, доминирование количественных метрик в ущерб качественным аспектам. Существующие модели фокусируются на измеримых параметрах, игнорируя когнитивно-аффективные компоненты производительности. Как отмечает Korff, пренебрежение эмоциональными (например, уровень стресса) и поведенческими аспектами (например, просоциальные инициативы) приводит к неполной оценке организационной эффективности [27]. Это противоречит принципам целостного управления персоналом, предложенным в рамках концепции «Способности-мотивации-возможности» (Ability-Motivation-Opportunity, AMO) [28]. Во-вторых, географическая и культурная ограниченность эмпирической базы. Более 80% исследований PMSE проведены в контексте Северной Америки и Западной Европы [29], что создаёт риск этноцентрической предвзятости. Данные, полученные в индивидуалистических культурах с низким уровнем избегания неопределённости, не релевантны для коллективистских обществ (например, азиатских или восточноевропейских), где групповые нормы и иерархия модифицируют восприятие справедливости (PMSF). В-третьих, статичность в условиях цифровой трансформации. Традиционные модели PMSE не адаптированы к вызовам Industry 4.0, таким как удалённая работа или использование алгоритмов AI для оценки персонала. По данным Smith, Bititci, 67% организаций внедряют цифровые инструменты управления, однако существующие теоретические рамки не учитывают динамику обратной связи и краудсорсинговых оценок [30]. Это противоречит принципам agile-менеджмента, требующего гибкости и итеративности [31]. Данные ограничения подчеркивают необходимость ревизии теоретических основ PMSE с учётом кросс-культурных различий, цифровизации и холистического подхода к управлению человеческими ресурсами.

Настоящее исследование опирается на комбинированную модель PMSE, интегрируя её с моделью требований и ресурсов работы, а также с контекстуальным подходом. Первая гипотеза: PMSE положительно влияет на вовлеченность в работу. Вторая гипотеза: вовлеченность в работу опосредует связь PMSE с выполнением задач и контекстной производительностью. Третья гипотеза: воспринимаемая справедливость (Performance Management System Fairness, PMSF) сильнее влияет на CP, чем PMSA (рис. 2).

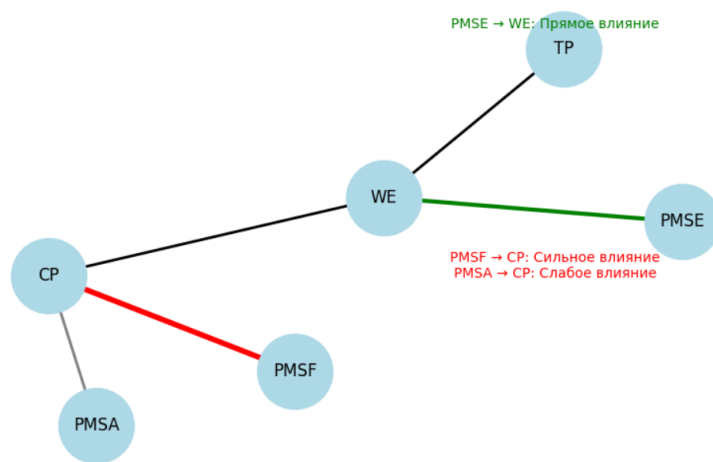

Рис. 2. Взаимосвязь PMSE, вовлеченности и производительности

Fig. 2. The relationship between PMSE, engagement, and performance

Гипотезы прямой положительной связи между PMSE и WE, сравнительно сильного влияния «PMSF → CP» и слабого влияния «PMSA → CP» нашли подтверждение при эмпирической проверке комплексной модели PMSE. Типы и описание переменных, участвующих в структурном уравнении, представлены в табл. 2.

Теоретические основы подчеркивают необходимость сбалансированного подхода, сочетающего точность и справедливость, для достижения устойчивых организационных результатов.

Таблица 2 – Переменные, включенные в структурное уравнение

Table 2 – Variables included in the structural equation

Переменная	Тип	Описание
PMSE	Независимая	Основной предиктор («Проактивное управление навыками сотрудников»)
WE	Медиатор	Вовлеченность в работу (Work Engagement)
TP	Зависимая	Task Performance (результативность задач)
CP	Зависимая	Contextual Performance (контекстуальная эффективность)
PMSF	Модератор/Независимая	Компонент PMSE: «Поддержка развития навыков»
PMSA	Модератор/Независимая	Компонент PMSE: «Адаптация навыков»

Результаты и обсуждение

На основе данных, полученных от 500 сотрудников образовательных организаций, были подтверждены ключевые гипотезы исследования:

1. PMSE положительно влияет на вовлеченность в работу (WE):

- Комбинированный эффект PMSA и PMSF объясняет 52% дисперсии WE ($\beta=0.68$, $p < 0.001$).
- PMSF (справедливость) оказался более значимым предиктором ($\beta=0.47$, $p < 0.001$), чем

PMSA (точность) ($\beta=0.21$, $p < 0.05$).

2. WE опосредует связь PMSE с производительностью:

- Для Task Performance (TP): Полное посредничество WE ($\beta=0.39$, $p < 0.01$), доля опосредованного эффекта – 63%.
- Для Contextual Performance (CP): Частичное посредничество ($\beta=0.24$, $p < 0.05$), доля опосредованного эффекта – 41%.

3. PMSE сильнее влияет на TP, чем на CP:

- Прямое влияние PMSE на TP: $\beta = 0.58$ ($p < 0.001$).
- Прямое влияние PMSE на CP: $\beta = 0.32$ ($p < 0.05$).

Результаты подтверждают выводы модели Sharma, где PMSE рассматривается как комбинация точности и справедливости. Однако в отличие от предыдущих исследований, в образовательном секторе PMSF играет доминирующую роль. Это согласуется с выводами Audenaert et al., которые отмечали, что в контексте высокой неопределенности (например, академическая среда) сотрудники особенно чувствительны к прозрачности процедур. Выявленное полное посредничество WE в связи PMSE-TP поддерживает теорию JD-R: PMSE действует как организационный ресурс, снижающий стресс и усиливающий мотивацию. Однако частичное посредничество для CP указывает на наличие дополнительных факторов, таких как внутренняя мотивация, которые не были учтены в модели. Акцент на TP связан с четкими KPI (например, успеваемость студентов), тогда как CP (например, внеучебные инициативы) часто игнорируется в системах вознаграждения.

Для успешной интеграции модели PMSA и PMSF требуется внедрение анонимных опросов для оценки восприятия справедливости и обучение менеджеров навыкам справедливой обратной связи (например, по методике Situation – Behavior – Impact). Усиление вовлеченности будет способствовать активизации сотрудников в постановке целей через платформы совместного планирования (например, OKR-инструменты) и внедрению немонетарных вознаграждений (публичное признание, возможности развития). Для образовательных организаций необходимо сделать акцент на образовательный сектор и включить CP в систему оценки (например, учет менторства или научных инициатив).

Заключение

Исследование подтвердило, что PMSE является ключевым драйвером вовлеченности и производительности, но её эффективность зависит от баланса между технической точностью и человеко-ориентированной справедливостью. Результаты подчеркивают необходимость адаптации систем управления к культурным и организационным особенностям, особенно в развивающихся странах. Для образовательного сектора критически важно интегрировать контекстную производительность (CP) в критерии оценки, чтобы стимулировать инновации и сотрудничество.

Список источников

1. Armstrong M. Armstrong's Handbook of Performance Management. 6th ed. London: Kogan Page; 2015. 456 p.
2. Kennerley M., Neely A. Measuring performance in a changing business environment // International Journal of Operations & Production Management. 2003. Vol. 23. № 2. P. 213–229.

3. Sharma N., Sharma T., Agarwal M. Measuring effectiveness of the performance management system: Role of system fairness and accuracy // *Journal of Organizational Effectiveness: People and Performance*. 2016. Vol. 3. № 3. P. 244-267.
4. Busco C., Giovannoni E., Scapens R.W. Performance management systems and public sector reform: A case study // *Management Accounting Research*. 2008. Vol. 19. № 2. P. 103-124.
5. Ohemeng F.L.K. The dangers of internationalization and "one-size-fits-all" in public sector management: Lessons from performance management policies in Ontario and Ghana // *International Journal of Public Sector Management*. 2009. Vol. 22. № 5. P. 440-463.
6. Audenaert M., Decramer A., George B., Verschuere B., Van Waeyenberg T. When employee performance management affects individual innovation in public organizations: The role of consistency and LMX // *The International Journal of Human Resource Management*. 2019. Vol. 30. № 5. P. 815-834.
7. Mishra K. Dynamics of performance management systems in knowledge-intensive organizations: A social exchange perspective // *Journal of Knowledge Management*. 2014. Vol. 18. № 3. P. 511-529.
8. Лазарева Е. И., Гаврилова Ю. В. Идентификация социально-экономических факторов развития человеческого капитала в HR-менеджменте организации // *Российский журнал менеджмента*. 2023. № 21 (1). С. 89-114.
9. Лазарева Е. И., Карпова С. В. Мотивация персонала как источник повышения эффективности менеджмента организации: адаптация зарубежных моделей // *Инновационные тренды в международном бизнесе и устойчивом менеджменте. Материалы II Международной научно-практической конференции. Новокузнецк, 2023. С. 172-177.*
10. Lawler E.E. Reward practices and performance management system effectiveness // *Organizational Dynamics*. 2003. Vol. 32. № 4. P. 396-404.
11. Devettinck K., van Dijk H.M. The role of employee engagement in creating value // *Human Resource Management Review*. 2013. Vol. 23. № 4. P. 321-331.
12. Brinkerhoff D. W., Brinkerhoff J. M. Public sector management reform in developing countries: Perspectives beyond best practice // *Public Administration and Development*. 2015. Vol. 35. № 4. P. 222-237.
13. Broadbent J., Laughlin R. Performance management systems: A conceptual model // *Management Accounting Research*. 2009. Vol. 20. № 4. P. 283-295.
14. Saratun M. Performance management to enhance employee engagement for corporate sustainability // *Asian Social Science*. 2016. Vol. 12. № 9. P. 27-34.
15. Астратова Г. В., Климух В. В. Исследование эффективности труда профессорско-преподавательского состава университетов // *Экономика труда*. 2022. Т. 9. № 3. С. 655-674.
16. Лазарева Е.И., Гаврилова Ю.В. Эффективное управление человеческим капиталом организации в условиях устойчиво-инновационного развития экономики // *Вопросы инновационной экономики*. 2020. № 2. С. 737-746.
17. Кропачев Н. М., Еремеев В. В., Попов А. В. Разработка системы показателей эффективности образовательной и научной деятельности профессорско-преподавательского состава: опыт Санкт-Петербургского государственного университета // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. 2023. Т. 22. № 2. С. 133-150.
18. Tirovengadam G., Thomas S., Gronwald K. Aligning individual and organizational goals in higher education // *Studies in Higher Education*. 2019. Vol. 44. № 12. P. 2235-2248.
19. Christian M.S., Garza A.S., Slaughter J.E. Work engagement: A quantitative review and test of its relations with task and contextual performance // *Personnel Psychology*. 2011. Vol. 64. № 1. P. 89-136.
20. Курочкина А. А., Лукина О. В., Клинчева В. Ю. Применение инструментов IT Performance management в сфере управления персоналом // *Экономика и управление*. 2024. Т. 30. № 1. С. 43-49.
21. Bakker A.B., Demerouti E. The Job Demands-Resources model: State of the art // *Journal of Managerial Psychology*. 2007. Vol. 22. No. 3. P. 309-328.
22. Saks A.M. Antecedents and consequences of employee engagement // *Journal of Managerial Psychology*. 2006. Vol. 21. No. 7. P. 600-619.
23. Alarcon G.M., Edwards J.M. The role of work engagement in organizational outcomes // *Journal of Organizational Behavior*. 2011. Vol. 32. № 5. P. 678-700.
24. Karatepe O. M., Olugbade O. A. The effects of work social support and career adaptability on career satisfaction and turnover intentions // *Journal of Management & Organization*. 2016. Vol. 22. No. 3. P. 307-325.
25. Noronha E., Dhume R., Taskar S. and others. Employee well-being and organizational commitment: The mediating role of work engagement // *Journal of Organizational Effectiveness: People and Performance*. 2018. Vol. 5. № 2. P. 150-168.

26. Brinkerhoff D.W., Brinkerhoff J.M. Public sector management reform in developing countries: Perspectives and practices // *International Journal of Public Sector Management*. 2015. Vol. 28. № 2. P. 99-117.
27. Korff J. Innovative approaches to performance management in dynamic environments // *Journal of Organizational Effectiveness*. 2017. Vol. 10. № 3. P. 45-60.
28. Appelbaum E., Bailey T., Berg P. and others. Manufacturing Advantage: Why High-Performance Work Systems Pay Off // *ILR Review*. 2000. Vol. 54. № 2. P. 331-358.
29. Schleicher, Deidra J. et al. Putting the System into Performance Management Systems: A Review and Agenda for Performance Management Research // *Journal of Management*. 2018. № 44. P. 2209-2245.
30. Smith J., Bititci U.S. Integrated performance management systems: A framework for analysis // *International Journal of Operations & Production Management*. 2017. Vol. 37. № 4. P. 450-470.
31. Dyer L., Shafer R.A. Dynamic organizations: Achieving marketplace agility through workforce scalability // *Organizational Dynamics*. 2003. Vol. 32. № 3. P. 245-261.

References

1. Armstrong M. *Armstrong's Handbook of Performance Management*. 6th ed. London: Kogan Page; 2015. 456 p.
2. Kennerley M., Neely A. Measuring performance in a changing business environment. *International Journal of Operations & Production Management*. 2003;23(2):213-229.
3. Sharma N., Sharma T., Agarwal M. Measuring effectiveness of the performance management system: Role of system fairness and accuracy. *Journal of Organizational Effectiveness: People and Performance*. 2016;3(3):244-267.
4. Busco C., Giovannoni E., Scapens R.W. Performance management systems and public sector reform: A case study. *Management Accounting Research*. 2008;(2):103-124.
5. Ohemeng F.L.K. The dangers of internationalization and "one-size-fits-all" in public sector management: Lessons from performance management policies in Ontario and Ghana. *International Journal of Public Sector Management*. 2009;22(5):440-463.
6. Audenaert M., Decramer A., George B., Verschuere B., Van Waeyenberg T. When employee performance management affects individual innovation in public organizations: The role of consistency and LMX. *The International Journal of Human Resource Management*. 2019;30(5):815-834.
7. Mishra K. Dynamics of performance management systems in knowledge-intensive organizations: A social exchange perspective. *Journal of Knowledge Management*. 2014;18(3):511-529.
8. Lazareva E. I., Gavrilova Y. V. Identification of socio-economic factors of human capital development in HR-management of the organization. *Russian Journal of Management*. 2023;21(1):89-114. (In Russ.)
9. Lazareva E. I., Karpova S. V. Personnel motivation as a source of increasing the effectiveness of organizational management: adaptation of foreign models. In: *Innovative trends in international business and sustainable management. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference*. Novokuznetsk; 2023:172-177 (in Russ.)
10. Lawler E. E. Reward practices and performance management system effectiveness. *Organizational Dynamics*. 2003;32(4):396-404.
11. Devettinck K., van Dijk H.M. The role of employee engagement in creating value. *Human Resource Management Review*. 2013;23(4):321-331.
12. Brinkerhoff D.W., Brinkerhoff J.M. Public sector management reform in developing countries: Perspectives beyond best practice. *Public Administration and Development*. 2015;35(4):222-237.
13. Broadbent J., Laughlin R. Performance management systems: A conceptual model. *Management Accounting Research*. 2009;20(4):283-295.
14. Saratun M. Performance management to enhance employee engagement for corporate sustainability. *Asian Social Science*. 2016;12(9):27-34.
15. Astratova G.V., Klimuk V.V. Research of labor efficiency of university teaching staff. *Labor Economics*. 2022;9(3):655-674 (in Russ.)
16. Lazareva E. I., Gavrilova Yu. V. Effective management of human capital of the organization in the conditions of sustainable-innovation development of the economy. *Issues in the innovation economy*. 2020;.(2):737-746 (in Russ.)
17. Kropachev N. M., Ereemeev V. V., Popov A. V. Development of the system of indicators of effectiveness of educational and scientific activity of the teaching staff: the experience of St. Petersburg State University. *Vestnik of St. Petersburg University. Management*. 2023;22(2):133-150. (in Russ.)
18. Tirovengadam G., Thomas S., Gronwald K. Aligning individual and organizational goals in higher education. *Studies in Higher Education*. 2019;(12):2235-2248.

19. Christian M. S., Garza A. S., Slaughter J. E. Work engagement: A quantitative review and test of its relations with task and contextual performance. *Personnel Psychology*. 2011;64(1):89–136.
20. Kurochkina A. A., Lukina O. V., Klincheva V. Yu. Application of IT Performance management tools in the sphere of personnel management. *Economics and Management*. 2024;30(1):43–49 (in Russ.)
21. Bakker A.B., Demerouti E. The Job Demands-Resources model: State of the art. *Journal of Managerial Psychology*. 2007;22(3):309–328.
22. Saks A. M. Antecedents and consequences of employee engagement. *Journal of Managerial Psychology*. 2006;21(7):600–619.
23. Alarcon G. M., Edwards J. M. The role of work engagement in organizational outcomes. *Journal of Organizational Behavior*. 2011;32(5):678–700.
24. Karatepe O. M., Olugbade O. A. The effects of work social support and career adaptability on career satisfaction and turnover intentions. *Journal of Management & Organization*. 2016;22(3):307–325.
25. Noronha E., Dhume R., Taskar S. and others. Employee well-being and organizational commitment: The mediating role of work engagement. *Journal of Organizational Effectiveness: People and Performance*. 2018;5(2):150–168.
26. Brinkerhoff D. W., Brinkerhoff J. M. Public sector management reform in developing countries: Perspectives and practices. *International Journal of Public Sector Management*. 2015;28(2):99–117.
27. Korff J. Innovative approaches to performance management in dynamic environments. *Journal of Organizational Effectiveness*. 2017;(3):45–60.
28. Appelbaum E., Bailey T., Berg P. and others. Manufacturing Advantage: Why High-Performance Work Systems Pay Off. *ILR Review*. 2000;54(2):331–358.
29. Schleicher, Deidra J. et al. Putting the System into Performance Management Systems: A Review and Agenda for Performance Management Research. *Journal of Management*. 2018;(44):2209–2245.
30. Smith J., Bititci U.S. Integrated performance management systems: A framework for analysis. *International Journal of Operations & Production Management*. 2017;37(4):450–470.
31. Dyer L., Shafer R. A. Dynamic organizations: Achieving marketplace agility through workforce scalability. *Organizational Dynamics*. 2003;(3):245–261.

Информация об авторах

Е. И. Лазарева – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой «Инновационный и международный менеджмент» ЮФУ.

Ю. В. Гаврилова – аспирант ЮФУ.

Д. В. Пекленков – магистрант РУДН им. Патриса Лумумбы.

Р. С. Ковалев – магистрант РУДН им. Патриса Лумумбы.

Information about the authors

E. I. Lazareva – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Department «Innovative and International Management» of Southern Federal University.

Ju. V. Gavrilova – PhD student of Southern Federal University.

D. V. Peklenkov – Master's student of Patrice Lumumba RUDN.

R.S. Kovalev – Master's student of Patrice Lumumba RUDN.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 04.03.2025.

The article was submitted 26.01.2025; approved after reviewing 03.03.2025; accepted for publication 04.03.2025.

Комплексная концепция антикризисного управления изменениями в деятельности авиакомпаний

Сергей Викторович Мороз¹,

Татьяна Александровна Головина²

¹Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия, s.moroz99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6182-5524>

²Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орёл, Россия, golovina_t78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9258-4100>

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию теоретических и практических аспектов формирования комплексной концепции антикризисного управления изменениями в современной деятельности российских авиакомпаний. Актуальность проведенного исследования обусловлена высокой востребованностью в выработке особой концепции антикризисного управления изменениями в деятельности российских авиакомпаний на фоне влияния негативных факторов внешней среды и стремления адаптироваться к текущей ситуации в авиационной сфере.

Цель. Разработка методической базы для формирования комплексной концепции антикризисного управления изменениями в российских авиакомпаниях с учетом особенностей современных условий. Задачи исследования: раскрыть теоретические аспекты антикризисного управления изменениями; выявить ключевые факторы изменений, оказывающие влияние на антикризисное управление в российских авиакомпаниях; предложить концепцию антикризисного управления изменениями в российских авиакомпаниях на основе комплексного подхода.

Методы. Наблюдение, сравнение, обобщение, систематизация, опрос, анализ, синтез.

Результаты. Для достижения поставленной цели описывается содержание управленческой деятельности, связанной с реализацией изменений в деятельности авиакомпании. Рассматривается возможность применения антикризисного менеджмента при управлении изменениями в российских авиакомпаниях. Выявляются и анализируются основные факторы влияния как внешней, так и внутренней среды и на основе этого формируется комплексная концепция антикризисного управления изменениями в деятельности российских авиакомпаний в современных условиях. Перечисляются характерные аспекты рекомендуемой комплексной концепции антикризисного управления изменениями.

Выводы. По итогам проведенного исследования сделан вывод о приоритетных направлениях приложения управленческих усилий в современной практике российских авиакомпаний и возможности использования успешного опыта в практике российских организаций других сфер деятельности.

Ключевые слова: управление изменениями, кризис, антикризисный менеджмент, санкции, авиакомпании, авиаперевозки, концепция, импортозамещение, адаптация, бизнес-процессы, комплекс мер

Для цитирования: Мороз С. В., Головина Т. А. Комплексная концепция антикризисного управления изменениями в деятельности авиакомпаний // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 65–74. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-65-74>. EDN MFJTFD

Comprehensive concept of anti-crisis management of changes in airline activities

Sergei V. Moroz¹, Tatyana A. Golovina²

¹Synergy University, Moscow, Russia, s.moroz99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6182-5524>

²Central Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia, golovina_t78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9258-4100>

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of theoretical and practical aspects of the formation of a comprehensive concept of anti-crisis management of changes in the modern activities of Russian airlines. The relevance of the study is due to the high demand for the development of a special concept of anti-crisis management of changes in the activities of Russian airlines against the background of the influence of negative environmental factors and the desire to adapt to the current situation in the aviation sector.

Methods. Observation, comparison, generalization, systematization, survey, analysis, synthesis.

Purpose. The purpose of writing this article is to develop a methodological basis for the formation of a comprehensive concept of anti-crisis management of changes in Russian airlines, taking into account the specifics of modern conditions. Research objectives: to reveal the theoretical aspects of anti-crisis change management; to identify key factors of change that affect anti-crisis management in Russian airlines; to propose a concept of anti-crisis change management in Russian airlines based on an integrated approach.

Results. To achieve the set goal, the content of management activities related to the implementation of changes in the airline's activities is described. The possibility of using anti-crisis management in managing changes in Russian airlines is considered. The main factors influencing both the external and internal environment are identified and analyzed, and on this basis, a comprehensive concept of anti-crisis management of changes in the activities of Russian airlines in modern conditions is formed. The characteristic aspects of the recommended comprehensive concept of anti-crisis management of changes are listed.

Conclusions. Based on the results of the study, a conclusion was made about the priority areas for applying management efforts in the modern practice of Russian airlines and the possibility of using successful experience in the practice of Russian organizations in other areas of activity.

Keywords: change management, crisis, anti-crisis management, sanctions, airlines, air transportation, concept, import substitution, adaptation, business processes, set of measures

For citation: Moroz S. V., Golovina T. A. Comprehensive concept of anti-crisis management of changes in airline activities. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):65-74. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-65-74>. EDN MFJTFD

Введение

Актуальность темы статьи обусловлена высокой востребованностью в формировании концепции антикризисного управления изменениями в деятельности российских авиакомпаний в условиях высокой неопределенности и санкций недружественных стран. Один из первых пакетов санкционных ограничений западных стран против России касался именно авиационной отрасли, что связано с ее важностью для российской экономики.

Стремление нанести максимально возможный ущерб Российской Федерации привело к временной остановке и большим сложностям при осуществлении стандартных процессов российскими авиакомпаниями, однако в дальнейшем при поддержке государственных мер удалось адаптироваться к враждебной внешней среде и наладить процессы в соответствии с имеющимися потребностями. При этом все расширяющиеся антироссийские меры и необходимость выработки системного подхода к адаптации к происходящим изменениям формируют объективную востребованность в разработке комплексной концепции антикризисного управления, применимой в современной практике российских авиакомпаний.

Цель исследования – обоснование концепции антикризисного управления изменениями в российских авиакомпаниях на основе комплексного подхода.

Задачи исследования:

- раскрыть теоретические аспекты антикризисного управления изменениями;
- выявить ключевые факторы изменений, оказывающие влияние на антикризисное управление в российских авиакомпаниях;
- предложить концепцию антикризисного управления изменениями в российских авиакомпаниях на основе комплексного подхода.

Методы исследования: наблюдение, сравнение, систематизация, опрос, анализ, синтез.

Результаты

Управление изменениями в современной организации представляет собой отражение действий и совокупных процессов, координируемых управленческими кадрами и приводящих к трансформации существующего состояния: то есть это нечто, что изменяет это состояние, или это само изменение, то есть новое состояние, которое возникает. Говоря об изменении в организации, большинство исследователей подчеркивают, что она представляет собой осуществление управленческих действий, расположенных между двумя состояниями: начальным состоянием и конечным, причем последний является заметно лучше [1; 2].

Изменения трансформируют обычный способ функционирования организации, и то, как она на них реагирует, зависит от ряда составляющих: кадровой политики, процесса реализации состояний управления изменениями, техническим обеспечением процесса, а также и от развития организационной культуры организации. Изменения отвечают на важные вызовы фундаментального и радикального содержания относительно того, как организация будет выполнять свою деятельность в новых условиях.

Это подтверждается множественными негативными тенденциями, которые имеют место в управлении деятельностью российских авиакомпаний с учетом текущей ситуации. Поэтому трудно не согласиться с мнением многих ученых и практиков, которые считают, что в таких условиях руководство не должно ослаблять свою роль в определении направлений реализации планов и программ антикризисного управления, а, с учетом важности проведения изменений, стремиться к максимально возможному повышению всех бизнес-процессов.

Управление изменениями должно реализовываться в гибком формате, что способствует формированию современной системы институтов антикризисного регулирования и должна стать основой комплексной концепции, которая обеспечит реализацию средне- и долгосрочного управления развитием российских авиакомпаний в условиях изменений и негативного внешнего давления [3].

Изменения являются неизбежной частью любого делового пути, но когда наступает кризис, такой как экономический спад и многочисленные заградительные меры на международном рынке, необходимость в эффективном управлении изменениями становится еще более критичной. При этом нередко внутренние кризисы возникают из-за дисбаланса между функционированием и развитием, поэтому антикризисное управление рассматривается как одна из составляющих системы управления изменениями, которая способна примирить сосуществующие, но порой и противоположные тенденции.

Управление изменениями в условиях уже начавшегося кризиса предполагает действие антикризисного механизма управления деятельностью предприятия. Как минимум, инструменты антикризисного управления в обоих случаях призваны поддерживать конкурентоспособность компании, восстанавливать ее устойчивость (в том числе по отношению к внешним воздействиям, финансовую устойчивость) и иметь реанимационный характер, например, санация или проведение арбитражных процедур.

Изучение процесса управления изменениями и их роли в деятельности российских авиакомпаний отмечается как комплексная проблема для многих современных исследователей [4–7]. Отметим, что в настоящее время в публичном управлении преобладает эмпиризм, организации часто руководствуются предположениями и иногда опытом или политическими влияниями, без учета будущих результатов, определенных и затем задействованных в развитии организационных процессов.

Комплексная концепция антикризисных мер в сфере управления изменениями должна быть четко определена практическими проблемами российских авиакомпаний.

Комплексный подход к антикризисному управлению изменениями направлен на обеспечение:

- согласованности на всех иерархических уровнях;
- сбалансированности развития и перестройки основных процессов;
- развитие управления внутренними аспектами деятельности, повышение качества основных услуг и использования ресурсов;
- контроль качества и гибкое ценообразование;
- продуманную и целенаправленную финансовую политику;
- аккумуляцию информации для долгосрочного и среднесрочного планирования развития авиакомпаний.

Комплексная концепция антикризисного управления изменениями должна предполагать нацеленность на многоцелевую и разнонаправленную деятельность. Поэтому возникает потребность в четко структурированной системе управленческих механизмов, формирующих антикризисную политику в условиях растущих изменений и неопределенности, включающей основные компоненты: институциональный, структурный, инвестиционный, финансовый и социальный.

Параллельно с развитием вышеупомянутых мер необходимо создать систему измерения эффективности, которая будет генерировать ожидаемые результаты. Таким образом, последовательность изменений в антикризисных мероприятиях проявляется как через прозрачность, так и через гибкость [8].

Традиционная модель антикризисного управления изменениями была описана в конкретно определенный момент, используя термин «жесткость», даже если она не имела способности внести положительные изменения в текущие обстоятельства [9]. В связи с этим необходимо определить, как управленцы координируют процессы изменений (связанные с реформами в системе), разработанные поэтапно и в формах, с окончательными успешными формулами «гибкости» и «производительности».

Некоторые авторы акцентируют внимание на необходимости повышения качества на основе внедрения системы менеджмента качества как инструмента развития авиационной отрасли [10]. Однако данная мера носит лишь ограниченный характер и для решения множества проблем необходим комплексный подход на основе ряда мероприятий.

В целях наглядности исследования был проведен опрос методом интервью с применением методов и приемов исследования: качественный анализ, поисковый анализ, исследование данных и информации и их систематизация, индукция и дедукция.

Указанным инструментом исследования было опрошено 10 руководителей разного уровня, в частности это были представители российских авиакомпаний, путем устного ответа на поставленные вопросы. Опрос проводился на условиях конфиденциальности и их имена и должности не называются.

На основании проведенного исследования можно сделать определенные выводы и обобщения.

Первый этап встречи начался с ознакомления с исследуемой темой: «Изменения и управление изменениями в возглавляемой компании (филиале, подразделении)». Цель опроса заключалась в выявлении внутренних и внешних факторов координируемых руководителями процессов, осуществляя синтез положительных и негативных воздействий, описанных респондентами.

Были заданы как закрытые вопросы, так и открытые. При этом большинство вопросов было открытого типа, чтобы иметь возможность услышать личное мнение и содержание опыта каждого опрошенного.

Все опрошенные руководители показали, что они были во многих ситуациях «изменений», неизбежных при определенных условиях (см. рис. 1). Сферы их деятельности заставили их признать, в общем смысле, что в определенные моменты, способствовавшие изменениям, они не смогли применить техники и процедуры, характерные для руководства для внедрения изменений, из-за того, что «были в неподготовленном состоянии», «не имели в наличии достаточно ресурсов, чтобы осуществить незаметные изменения», «не очень хорошо поняли сообщение об изменениях, сформулированных пользователями, которых они координируют или не имели указаний от высшего руководства (см. рис. 2).

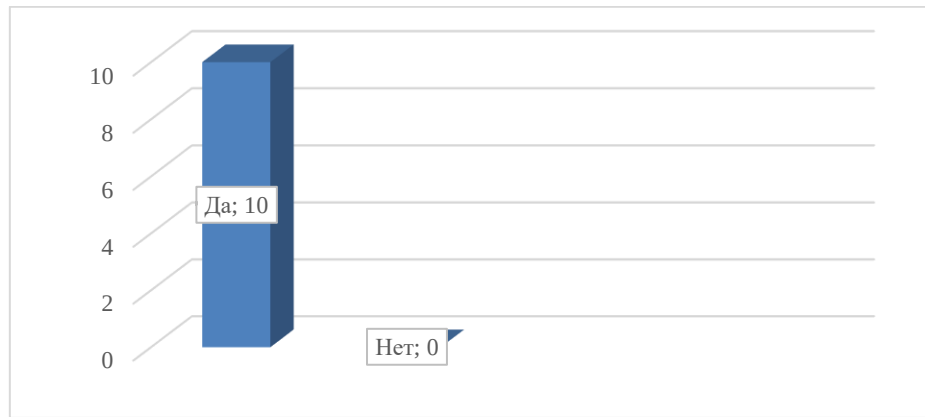

Рис. 1. Результаты опроса «Были ли Вы во многих ситуациях «изменений», неизбежных при определенных условиях?»

Fig. 1. – The results of the survey "Have you been in many situations of "changes" that are inevitable under certain conditions?"

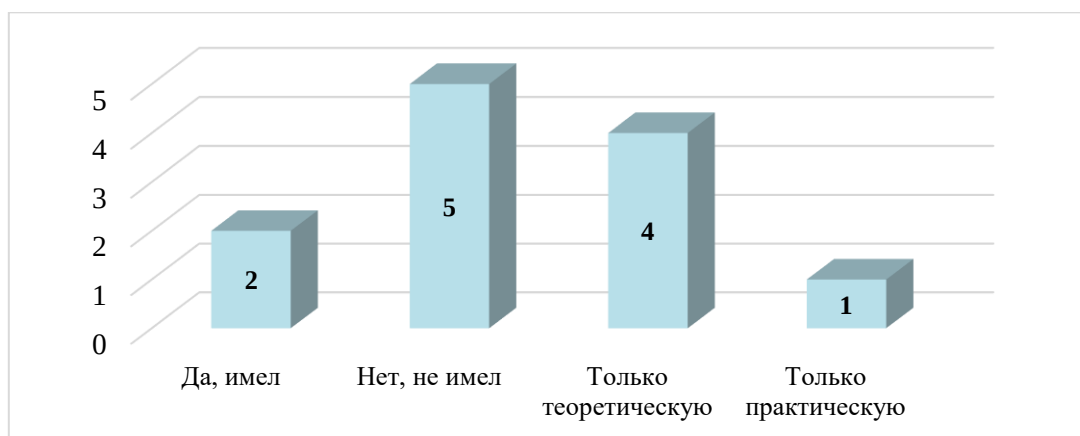

Рис. 2. Результаты опроса «Имели ли вы необходимую теоретическую и практическую базу при проведении антикризисного управления изменениями?»*

Fig. 2. The results of the survey "Did you have the necessary theoretical and practical basis when conducting anti-crisis change management?"

*Источник: составлено авторами

Как можно увидеть из данных рисунка большинство (5 человек) не имело ни теоретических знаний, ни тем более практического опыта при столкновении с ситуацией, при которой необходимо было реализовывать антикризисный менеджмент изменений.

Первый вывод, вытекающий из анализа ответов, предоставленных руководителями, фокусируется на оптимизации отношений между работниками и собственно самими руководителями. Руководители отметили, что для их подчиненных важно понимать «мотив перемен», его цель, прямые и косвенные последствия, которые они ощутят. По мнению некоторых руководителей, они не должны быть перегружены отчетной работой и избыточной информацией о второстепенных процессах, что неизбежно приведет к замедлению процесса изменений и дополнительным затратах времени на разбирательство в малозначимых вопросах.

Важный вывод, сделанный из анализа ответов респондентов, состоит в том, что осуществляемые изменения должны сопровождаться пробными мерами, опытом управленцев, связанных с развитием профессиональных навыков и активной адаптацией передового опыта в своей сфере деятельности.

В будущем гибкость, прозрачность, подотчетность и последовательность процессов антикризисного управления изменениями могут быть встроены руководителями в механизмы общего управления в соответствии с проявлениями поведения и существующими ожиданиями.

Результаты экспертной оценки позволили выделить группы факторов изменений, оказывающих влияние на антикризисное управление в авиакомпаниях (рис. 3).

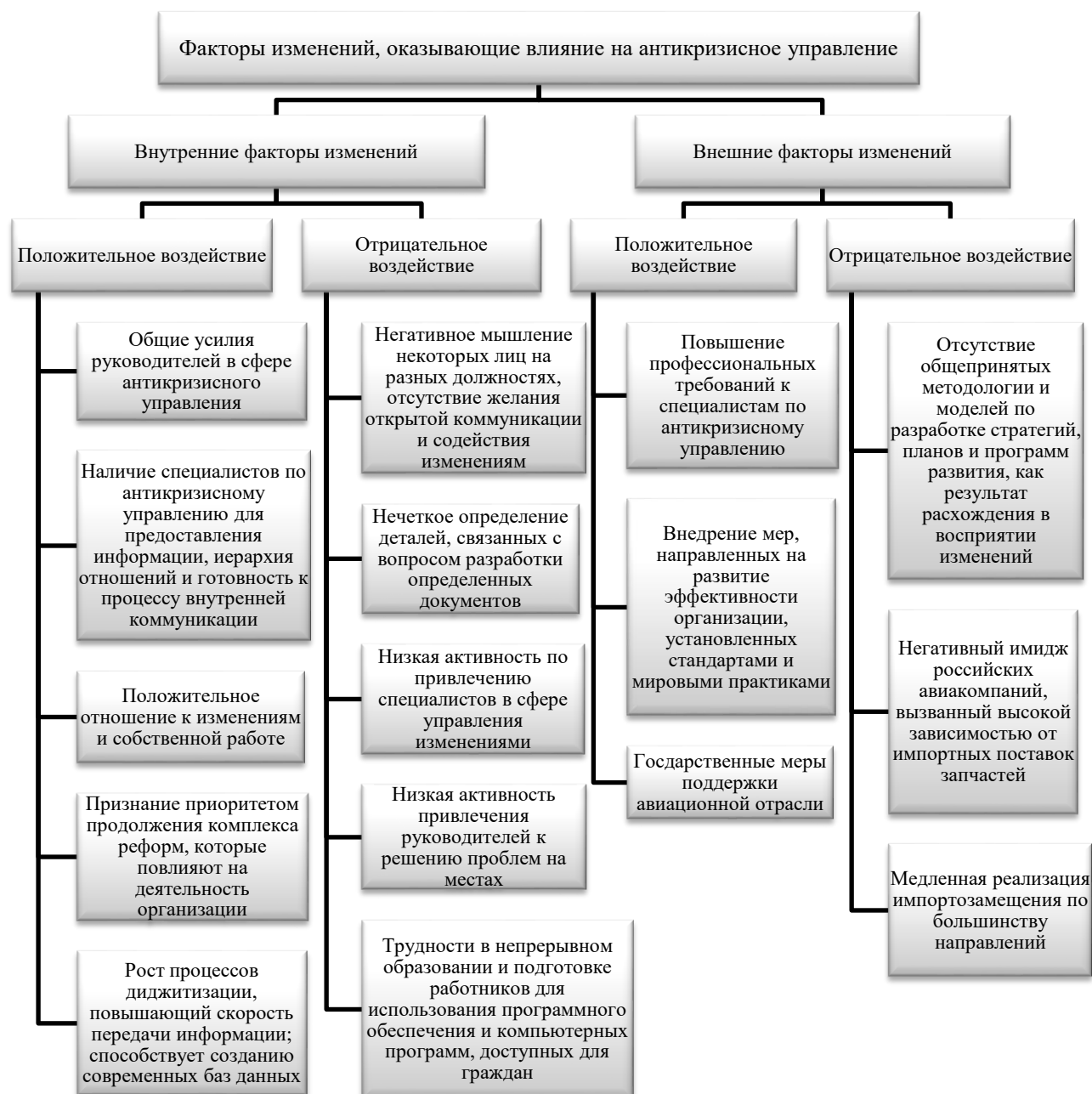

Рис. 3. Выделенные группы факторов изменений, оказывающих влияние на антикризисное управление в авиакомпаниях*
 Fig. 3. Selected groups of change factors influencing crisis management in airlines

*Источник: составлено авторами

Антикризисное управление изменениями в российских авиакомпаниях должно быть сфокусировано прежде всего на достижении запланированного результата, а затем на процессах и различных аспектах осуществляемой деятельности. В связи с этим руководители, считающие себя прогрессивными менеджерами, а не реактивными чиновниками, должны уделять больше внимания стратегическим задачам, а оценка их деятельности и функционирования собственно самой авиакомпании должна вытекать из достигнутых результатов и основываться на четких, понятных и измеряемых стандартах. С другой стороны, чтобы авиакомпания достигала лучших результатов, необходимо более эффективно использовать механизмы импортозамещения, которые можно в перспективе сделать путем аутсорсинга.

Чтобы оценить успешность усилий по управлению изменениями во время реализации каких-либо изменений, авиакомпании должны определить соответствующие ключевые показатели эффективности (KPI). Эти KPI должны соответствовать целям и задачам, поставленным на этапе планирования внедрения изменений и быть частью антикризисного управления. KPI могут включать показатели непрерывности осуществляемых процессов, удовлетворенности сотрудников, удержания клиентов, способности преодоления внешних ограничений и финансовых показателей. Регулярный мониторинг и анализ этих KPI дает представление об эффективности внедренных изменений и позволяет организациям принимать решения на основе данных.

Итак, реализуемая концепция должна учитывать специфику авиаотрасли, особенности текущей ситуации в ней, а также передовой опыт построения управленческих механизмов. Выделенные принципы комплексной концепции антикризисного управления изменениями в российских авиакомпаниях приведены на рис. 4.

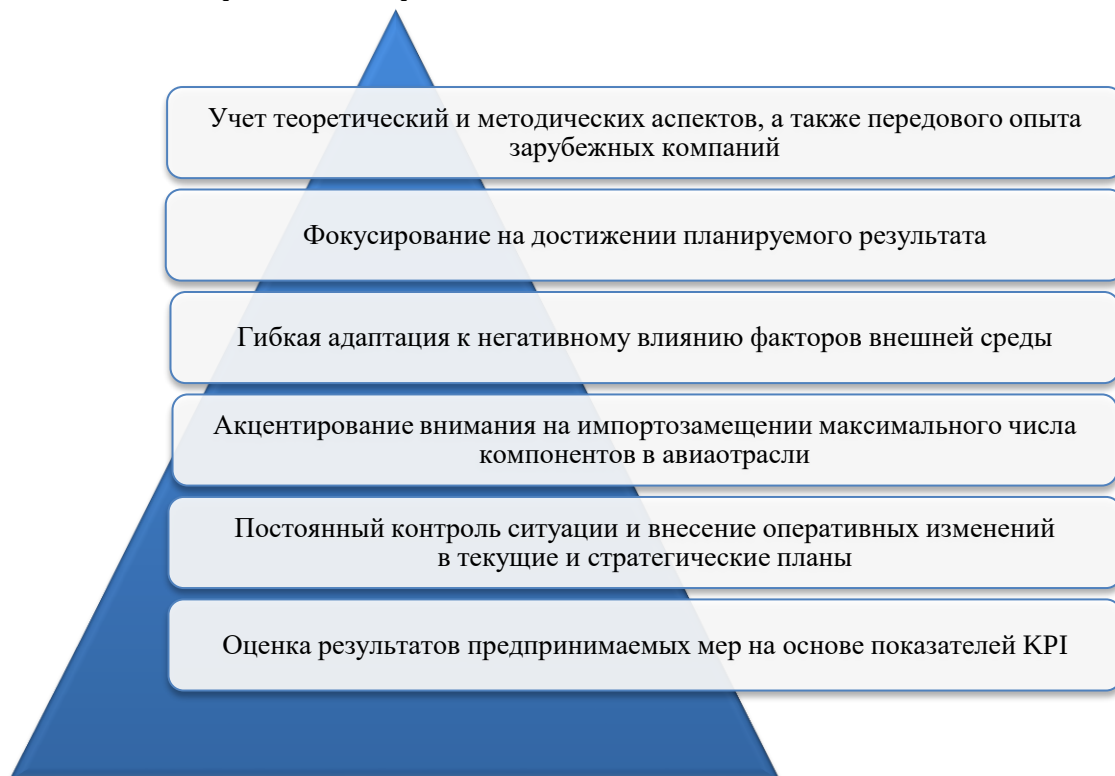

Рис. 4. Выделенные принципы комплексной концепции антикризисного управления изменениями в российских авиакомпаниях*

Fig. 4. The highlighted principles of the integrated concept of anti-crisis change management in Russian airlines

**Источник: составлено автором*

Комплексная концепция антикризисного управления изменениями в российских авиакомпаниях должна включать в себя все современные достижения в данной сфере, учитывать особенности текущего состояния в авиаотрасли, а также включать в себя разнообразные направления.

Всесторонняя проработка внутренних элементов управления позволит оптимизировать усилия и ускорить достижения положительного результата в деле осуществления изменений и повышения эффективности всей авиаотрасли в долгосрочной перспективе.

Содержание предлагаемой Концепции на основе комплексного подхода приведено на рис. 5.

Итак, антикризисное управление изменениями в российских авиакомпаниях должно представлять собой отлаженный механизм, в основе которого лежит соответствующее обучение необходимым знаниям и навыкам, учет влияния факторов внешней среды, а также того, как это влияние отразится на различных аспектах внутренней среды авиакомпании. При этом система антикризисных мер должна гибко реагировать на оценку текущей ситуации с учетом важности показателей и быть способной оперативно подстраиваться под нужды компании и ее руководящих лиц.

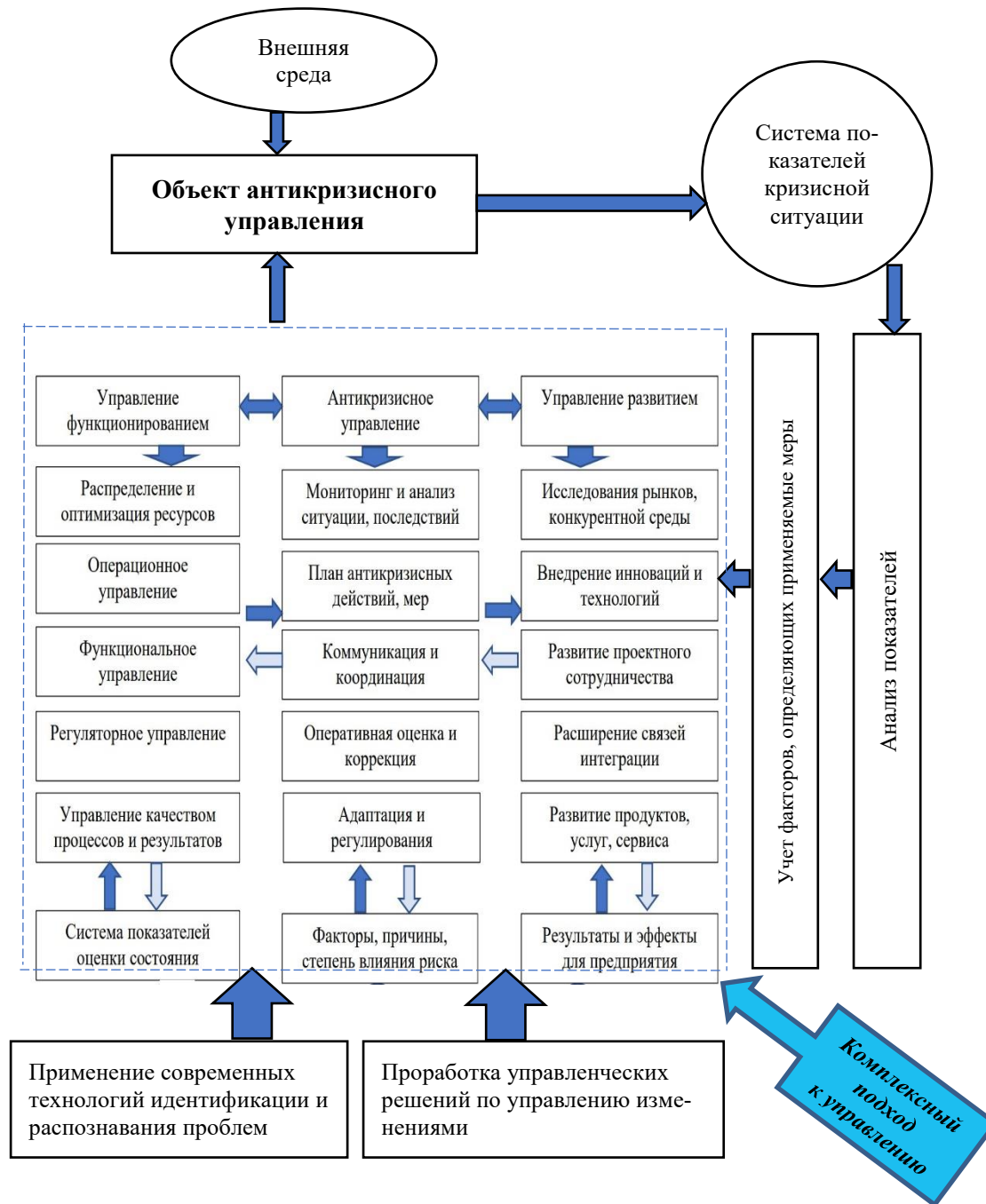

Рис. 5. Концепция антикризисного управления изменениями в российских авиакомпаниях*

Fig. 5. The concept of anti-crisis change management in Russian airlines

**Источник: составлено авторами*

Выводы

Таким образом, антикризисное управление изменениями – это не просто выживание в неблагоприятных условиях; это становление более сильными и устойчивыми. Применяя комплексную концепцию управления изменениями для адаптации российских авиакомпаний к неблагоприятным внешним факторам необходимо эффективно справляться с трудностями, обеспечивать непрерывность развития и импортозамещения для будущего успеха. Кроме того, принятие гибкости, эффективной коммуникации и расширения прав и возможностей сотрудников являются важными компонентами успешного управления изменениями, позволяя авиакомпаниям стабильно осуществлять свою деятельность даже в самые сложные и неопределенные времена.

Поскольку российские хозяйствующие субъекты продолжают сталкиваться с новыми вызовами в постоянно меняющемся мире, уроки, извлеченные из эффективного антикризисного управления изменениями в российских авиакомпаниях, окажутся бесценными для создания культуры устойчивости и адаптивности для организаций других сфер деятельности.

Список источников

1. Плескачёва С.Д. Управление изменениями как элемент стратегического управления предприятием / С.Д. Плескачёва // Международная конференция молодых ученых БГТУ им. В.Г. Шухова. (Сборник докладов). Белгород, 2024. – С. 99–102.
2. Кравцов А.О. Антикризисное управление в условиях «новой нормальности»: потенциал управления изменениями / А.О. Кравцов // Социология управления: актуальные вопросы современности. (Сборник научных трудов). СПб., 2022. – С. 222–229.
3. Крикушенко М.В. Управление изменениями в системе проектного управления в публичном секторе / М.В. Крикушенко // Первый экономический журнал. – 2024. – № 7 (349). – С. 126–132.
4. Камынин В.А. Оценка кризиса авиатранспортной отрасли, обусловленного санкциями: обоснование системных изменений в управлении экономикой / В.А. Камынин // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14. – № 2. – С. 371–388.
5. Парамонов П.О. Особенности антикризисного управления авиационной компанией в условиях санкционных ограничений / П.О. Парамонов, Н.Я. Головецкий // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № 2. – URL: <https://esj.today/PDF/27ECVN224.pdf>
6. Родионов М.А. Управление рисками авиакомпании в условиях пандемии и экономических санкций / М.А. Родионов, А.А. Диланян // Актуальные проблемы и перспективы развития гражданской авиации (сборник трудов XI Международной научно-практической конференции). Иркутск, 2022. – С. 201–207.
7. Хольнова Е.Г. Актуальные проблемы и перспективы конкурентоспособности российской гражданской авиации / Е.Г. Хольнова // Глобальный научный потенциал. – 2024. – № 6. – С. 325–329.
8. Родионов М.А. Информационные аспекты антикризисного авиатранспортного риск-менеджмента / М.А. Родионов // Управление финансовыми рисками. – 2020. – № 2. – С. 120–128.
9. Комарницкая Е.В. Антикризисное управление в рамках концепции менеджмента / Е.В. Комарницкая, А.Л. Гутцул // Донецкие чтения 2022 (материалы VII Международной научной конференции). Донецк, 2022. – С. 115–117.
10. Горомлева А.Е. Система менеджмента качества как инструмент развития авиационной отрасли / А.Е. Горомлева // Актуальные проблемы авиации и космонавтики (сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции). В 3-х т. Том 2. Красноярск, 2022. – С. 984–986.

References

1. Pleskachyova S.D. Management of changes as an element of strategic management of the enterprise. In: *International Scientific Conference of Young Scientists BSTU named after V.G. Shukhov. (Collection of scientific works)*. Belgorod; 2024:99–102. (In Russ.)
2. Kravcov A.O. Crisis management in the conditions of the "new normality": the potential of change management. In: *Sociology of Management: Current Issues of the Present. (Collection of scientific works)*. Saint-Petersburg; 2022:222–229. (In Russ.)
3. Krikushenko M.V. Managing changes in the project management system in the public sector. *The First Economic Journal*. 2024;7(349):126–132. (In Russ.)
4. Kamynin V.A. Assessing the sanctions-induced crisis in the aviation industry: justifying systemic changes in economic management. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2024;14(2):371–388. (In Russ.)
5. Paramonov P.O., Goloveckij N.J. Features of anti-crisis management an airline company under sanctions restrictions. *The Eurasian Scientific Journal*. 2024;16(2). Available from: <https://esj.today/PDF/27ECVN224.pdf>. (In Russ.)

6. Rodionov M.A., Dilanyan A.A. Airline risk management in the context of a pandemic and economic sanctions. In: *Actual problems and prospects development of civil aviation (Collection of scientific works of XI International scientific-practical conference)*. Irkutsk; 2022:201–207. (In Russ.)
7. Kholnova E.G. Actual problems and prospects of Russian civil aviation competitiveness. *Global scientific potential*. 2024;(6):325–329. (In Russ.)
8. Rodionov M.A. Information aspects of air transport risk-management. *Financial risk management*. 2020;(2):120–128. (In Russ.)
9. Komarnitskaya E. V., Gutsul A.L. Crisis management under the management concept. In: *Donetsk Readings 2022 (proceedings of VII International Scientific Conference)*. Donetsk; 2022:115–117. (In Russ.)
10. Goromleva A.E. Quality management system as a tool for the development of the aviation industry. In: *Actual problems aviation and astronautics. (Collection of scientific works of VIII International scientific-practical conference)*. Krasnoyarsk; 2022:984–986. (In Russ.)

Информация об авторах

С. В. Мороз – аспирант по направлению «Менеджмент», факультет бизнеса, Университет «Синергия».

Т. А. Головина – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Менеджмент и управление персоналом», Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС.

Information about the authors

S. V. Moroz – Postgraduate student in Management, Faculty of Business, Synergy University.

T. A. Golovina – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Management and Personnel Management, Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.01.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 11.01.2025; approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 20.02.2025.

Особенности и приоритеты управления персоналом в крупной корпорации

Вадим Владимирович Солодкин¹, Екатерина Николаевна Караева²

¹Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия, kafedramunh@mail.ru

²Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Орёл, Россия, e_e_n@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1878-7289>

Аннотация

Введение. Эффективность и успешность крупного бизнеса в значимой мере определяются квалификацией, мотивацией и профессионализмом сотрудников. Современное управление персоналом в корпорациях подразумевает акцент на планирование рабочей силы и всесторонний анализ кадрового потенциала предприятия. Эти аспекты имеют неоспоримое влияние на такие области, как оптимальное распределение работников, улучшение процессов набора и отбора кадров, развитие и обучение персонала, а также снижение затрат на трудовые ресурсы.

Цель. Всестороннее исследование процесса управления персоналом и определение особенностей данного процесса в крупной корпорации.

Методы. При подготовке данной научной статьи использовались такие методы, как анализ, сравнение, исследование и обработка статистических данных, графическое моделирование.

Результаты. Раскрыта сущность и особенности таких направлений управления персоналом, как планирование, мотивация персонала и развитие персонала. В статье определены цели и факторы кадрового планирования. Цель кадрового планирования – это не только определение оптимальной численности персонала, его структуры, но и планирование перспективных потребностей в кадрах с учетом знаний, навыков и компетенций сотрудников. Управление карьерой также можно отнести к элементам кадрового планирования.

Особое внимание в исследовании уделено характеристикам методов материальной и нематериальной мотивации. Обозначена одна из проблем неэффективной мотивации – снижение производительности труда. Это вопрос, который решается не только на уровне корпораций, но и национальной экономики в целом. В рамках завершившего свою реализацию в 2024 г. национального проекта, направленного на рост производительности труда на российских предприятиях, была решена задача по приросту производительности на крупных предприятиях несырьевых отраслей на 5 % и более ежегодно в течении всего срока реализации. В статье отмечена роль мотивации в динамике показателей производительности труда, представлена динамика индекса производительности за предшествующий период. Кроме того, в качестве основных составляющих мотивационного процесса отмечены условия труда, гибкий, адаптивный график работы, достойная заработная плата и возможность профессионального роста. Также в качестве приоритетных направлений управления персоналом отмечено развитие персонала, описаны основные формы и способы данного процесса. По-прежнему основной инструмент развития кадров – это обучение.

В исследовании представлена характеристика основных методов обучения персонала в корпорациях, перспективы его применения. Отмечено, что в настоящий момент многие корпорации делают ставку на развитие креативных и творческих способностей персонала.

Выводы. Таким образом, в статье всесторонне исследован процесс управления персоналом, выделены его приоритеты в крупной корпорации и представлена характеристика каждого из них.

Ключевые слова: корпорация, персонал, управление, кадровое планирование, мотивация персонала, мотив, методы мотивации, развитие персонала, методы обучения персонала, эффективность труда, производительность труда

Для цитирования: Солодкин В. В., Караева Е. Н. Особенности и приоритеты управления персоналом в крупной корпорации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 75–83. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-75-83>. EDN NFCIZD

Features and priorities of personnel management in a large corporation

Vadim V. Solodkin¹, Ekaterina N. Karaeva²

¹Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia, kafedramunh@mail.ru

²Central Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia, e_e_n@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1878-7289>

Abstract

Introduction. The effectiveness and success of a large business are significantly determined by the qualifications, motivation and professionalism of employees. Modern personnel management in corporations implies an emphasis on workforce planning and a comprehensive analysis of the personnel potential of the enterprise. These aspects have an undeniable impact on areas such as optimal employee allocation, improved recruitment and selection processes, staff development and training, and reduced labor costs.

Purpose. A comprehensive study of the personnel management process and the definition of the specifics of this process in a large corporation.

Methods. Analysis, comparison, research and processing of statistical data, and graphical modeling.

Results. The essence and features of such areas of personnel management as planning, staff motivation and staff development are revealed. The article defines the goals and factors of personnel planning. The purpose of personnel planning is not only to determine the optimal number of personnel and its structure, but also to plan future personnel needs, taking into account the knowledge, skills and competencies of employees. Career management can also be attributed to the elements of personnel planning. Special attention in the study is paid to the characteristics of methods of material and non-material motivation. One of the problems of ineffective motivation is a decrease in labor productivity. This is an issue that is being addressed not only at the corporate level, but also by the national economy as a whole. As part of the national project, which completed its implementation in 2024, aimed at increasing labor productivity at Russian enterprises, the task of increasing productivity at large enterprises in non-resource industries by 5% or more annually over the entire implementation period was solved. The article highlights the role of motivation in the dynamics of labor productivity indicators, and presents the dynamics of the productivity index over the previous period. In addition, the main components of the motivational process are working conditions, flexible, adaptive work schedule, decent wages and the opportunity for professional growth. Personnel development is also noted as a priority area of personnel management, and the main forms and methods of this process are described. As before, the main tool for personnel development is training. The study presents the characteristics of the main methods of personnel training in corporations, and the prospects for its application. It is noted that at the moment many corporations rely on the development of creative and creative abilities of staff.

Conclusions. Thus, the article comprehensively examines the personnel management process, highlights its priorities in a large corporation, and provides a description of each of them.

Keywords: corporation, personnel, management, personnel planning, personnel motivation, motivation, motivation methods, personnel development, personnel training methods, labor efficiency, labor productivity.

For citation: Solodkin V. V., Karaeva E. N. Features and priorities of personnel management in a large corporation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):75–83. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-75-83>. EDN NFCIZD

Введение

В современной экономике, характеризующейся высоким уровнем конкуренции, организации стремятся найти и развивать уникальные конкурентные преимущества. Одним из наиболее ценных активов в этой борьбе является человеческий ресурс. Эффективность и успешность крупного бизнеса в значимой мере определяются квалификацией, мотивацией и профессионализмом сотрудников. Современное управление персоналом в корпорациях подразумевает акцент

на планирование рабочей силы и всесторонний анализ кадрового потенциала предприятия. Эти аспекты имеют неоспоримое влияние на такие области, как оптимальное распределение работников, улучшение процессов набора и отбора кадров, развитие и обучение персонала, а также снижение затрат на трудовые ресурсы.

Стоит отметить, что на долю крупнейших работодателей России приходится значительная часть занятых. Так, в 2023 г. самая большая численность персонала отмечена в ОАО «РЖД» – 701144 чел., ПАО «Газпром» – 492200 человек, а ПАО «Магнит» – 361000 чел.¹ Главная цель управления персоналом – правильное и эффективное его использование, а также поддержка профессионального развития.

Для крупных корпораций немаловажными целями системы управления персоналом также являются:

- рост конкурентоспособности на рынке;
- положительная динамика производительности труда и прибыли;
- обеспечение мотивации трудового коллектива для эффективной работы.

Многие исследователи заявленной темы отмечают, что формирование и развитие персонала являются доминантными направлениями в системе управления персоналом в целом [1]. Также важна роль грамотной и эффективной мотивации персонала. Так, А. Резник, А. О. Горбенко отмечают, что в корпорациях мотивация и стимулирование труда — это инструмент предотвращения кадровых рисков [2]. Головин Р. Б., Рыпалов В. Г., Бекбузаров А. У. считают, что при отсутствии целостной системы мотивации ни одна система управления персоналом не в состоянии полноценно функционировать [3]. Таким образом, можно сделать вывод, что решение задач, направленных на поиск путей повышения эффективности системы управления персоналом крупной корпорации, весьма актуально. Целью настоящего исследования является определение тех основных приоритетов системы управления персоналом, которые позволят привести к наиболее лучшим результатам управления кадрами, достижению поставленных корпоративных целей.

Методы

Необходимость комплексного исследования системы управления персоналом крупной корпорации и определение её тенденций и приоритетов обусловила использование ряда научных методов, как теоретических, так и эмпирических. В частности, применяются методы типологического, сравнительного анализа. Эмпирическая база исследования базируется на результатах статистического анализа, данных опросов и изучении содержания соответствующих документов.

Результаты

Изучение процесса управления персоналом позволило определить его место в системе управления организацией (рис. 1).

В перечень целей успешного стратегического управления любой организации обязательно должна входить эффективность персонала, поэтому при разработке кадровой политики в крупной корпорации необходимо учитывать существующие традиции, факторы внешней среды, интересы социальных групп трудового коллектива и всех категорий работающих, находить отражение в таких нормативных актах организации, как коллективный договор, правила внутреннего трудового распорядка. Грамотно выстроенный процесс управления персоналом должен включать в себя набор элементов, позволяющих выстроить целостный процесс от планирования до развития кадров.

Основные ориентиры управления персоналом в корпорации представлены на рис. 2.

Управление персоналом необходимо начинать с грамотного кадрового планирования, целями которого должны быть:

- 1) поддержание оптимальной численности персонала;
- 2) приём на работу и удержание специалистов высокого уровня;
- 3) развитие потенциала сотрудников и использование его в рабочих интересах.

¹ Рейтинг крупнейших работодателей России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/503310-50-krupnejsih-rabotodatelej-rossii-2023-rejting-forbes?ysclid=m48p59esz7403301268>

Рис. 1. Место управления персоналом в системе организации¹
 Fig. 1. The place of personnel management in the organization's system

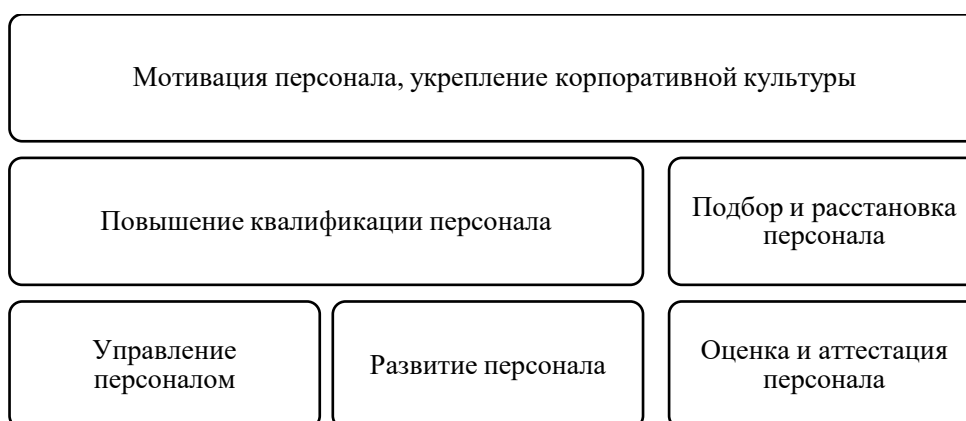

Рис. 2. Основные направления кадровых процессов²
 Fig. 2. The main directions of personnel processes

Еще один приоритет управления персоналом - организация действенной системы мотивации. Грамотное управление, построенное на эффективной мотивации, позволяет добиться высоких результатов трудовой деятельности и повысить производительность. К сожалению, динамика данного показателя за последние годы показывает, что не всегда удается достичь поставленных целей и кардинально изменить его в положительную сторону. Анализ изменения индекса производительности труда свидетельствует о том, что в 2021 и 2023 годах в экономике России имело место снижения производительности не смотря на применяемые усилия по его росту. В 2023 г. индекс производительности зафиксирован на уровне 97 % от предыдущего года³.

¹ Составлено авторами.

² Составлено авторами.

³ Россия в цифрах 2023: Статистический сборник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uisrussia.msu.ru>.

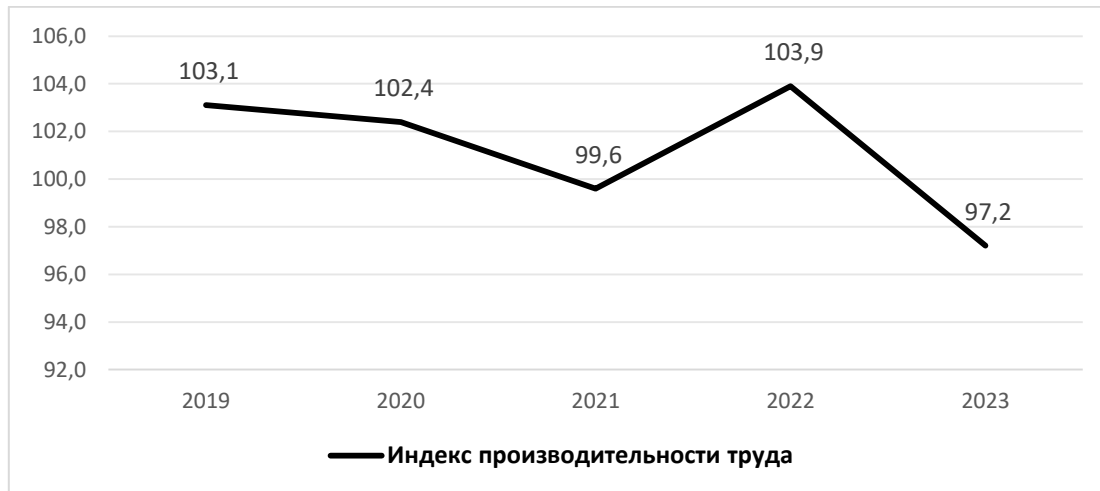

Рис. 3. Динамика индекса производительности труда¹

Fig. 3. Dynamics of the labor productivity index

Современному бизнесу необходимо прилагать немало усилий для того, чтобы быть успешным на рынке в связи с ростом конкуренции и быстрым развитием компаний конкурентов. Предприятие, которое хочет занимать лидирующие позиции по качеству предлагаемых услуг и товаров должно в первую очередь озаботиться построением грамотной кадровой политикой в отношении своего персонала.

Одним из основных факторов, помимо профессионально организованного процесса найма и подбора кадров, их оценки и мотивации является созданная в организации система развития и профессионального роста сотрудников. Эта система помогает работникам генерировать новые идеи для развития бизнеса, разрабатывать и внедрять новые технологии и современные системы, а также готовить ориентированных на успех высококвалифицированных специалистов. Профессиональное развитие персонала предприятия является важным условием для успешного развития любого бизнеса. Сейчас это особенно актуально в связи с непрерывным ростом научно-технического прогресса.

Обсуждение

В последние двадцать лет концепция управления персоналом претерпела значительные трансформации. Классический подход к планированию кадров, где акцент делался преимущественно на прогнозировании количества вакантных позиций и исследовании потенциальных источников их заполнения сместился в сторону более сложной модели, делающей акцент на человеческий капитал [4]. В крупных корпорациях, принявших эту модель, планирование персонала становится синонимом комплексной разработки и реализации стратегий по образованию, развитию компетенций и карьерному продвижению сотрудников. Такой подход предполагает всестороннее управление профессиональным путем каждого работника, создавая благоприятные условия как для личностного роста, так и для улучшения общих бизнес-процессов.

Кадровое планирование, ориентированное на гармонизацию экономических и социальных интересов как организации, так и сотрудников, позволяет добиться баланса между потребностями обеих сторон. Такое планирование становится проводником комплексного взаимодействия внутри производственного процесса.

Современные организационные и технические изменения в производстве подчеркивают необходимость всестороннего кадрового планирования, которое актуально для компаний любой формы собственности и сфер деятельности. Оно исключает не только задачи вербовки и подготовки сотрудников для успешного участия в конкурентной борьбе, но и снижает социальные напряжения, связанные с изменением или утратой рабочих мест, благодаря стратегическому вдумчивому подходу к вопросам занятости и карьерного роста.

¹ Составлено авторами.

Основная цель кадрового планирования – обеспечение компании необходимым штатом сотрудников как в численном, так и квалификационном плане при грамотном учёте затрат на найм и обучение. Планы набора и обучения персонала должны быть интегрированы с другими ключевыми планами компании, включая производственные и коммерческие стратегии, развитие технических возможностей и финансовые расчеты.

Планирование кадровой потребности влияет на широкий спектр задач:

1. Обеспечение привлечения и удержания нужных работников с требуемыми навыками и опытом.
2. Помощь в управлении рисками, связанными с потенциальным избытком или нехваткой рабочей силы.
3. Создание квалифицированного и адаптивного штата работников, способного быстро реагировать на изменения внешней среды.
4. Снижение зависимости от внешнего найма, особенно в условиях ограниченного предложения ключевых навыков на рынке труда, применяя стратегии по сохранению и развитию сотрудников.
5. Совершенствование использования рабочей силы через внедрение более гибких рабочих схем и практик [5].

Потребность компании в сотрудниках определяется рядом факторов, которые условно можно поделить на две категории: внешние и внутренние.

Внешние факторы включают в себя:

1. Экономическую политику государства: налоговые льготы, инвестирование в определенные сектора и другие экономические инструменты, способствующие или сдерживающие рост компании.
2. Ситуацию на рынке: покупательский спрос, конкуренцию, тенденции на рынке труда, которые влияют на доступность и стоимость рабочей силы.
3. Научно-техническое развитие: инновации, новые технологии и методы производства, которые могут устареть специальности или, напротив, создать потребность в новых квалификациях.

Внутренние факторы охватывают:

1. Корпоративную стратегию: миссия, видение и стратегические цели компании направляют планирование необходимого количества и качества персонала.
2. Структуру организации: чем сложнее структура, тем выше могут быть требования к специализированному персоналу.
3. Интенсивность НИОКР (научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ): влияет на потребность в высококвалифицированных специалистах и исследователях.
4. Текучесть кадров: уровень ухода сотрудников из компании, который обязывает постоянно пополнять и обновлять штат.
5. Режим работы: гибкие графики и удаленная работа могут влиять на количество требуемых работников и их расписание.
6. Уровень технической оснащенности: современное оборудование может сократить потребность в персонале или повысить требования к его квалификации.
7. Система организации труда: оптимизация рабочих процессов может уменьшить необходимость в численности персонала [6].

Таким образом, кадровое планирование позволяет достичь эффективности управления персоналом в корпорации.

Для роста производительности труда и мотивации персонала организации можно использовать такие методы как: улучшение условий труда, гибкий график работы, достойная заработная плата и прибыль (рис. 3).

Опыт деятельности предприятий показывает, что один из наиболее распространенных видов стимулирования труда и роста производительности – это материальное стимулирование. Практически невозможно добиться высоких результатов, если сотрудник организации, несмотря на его знания и умения, не имеет личной заинтересованности в работе [7].

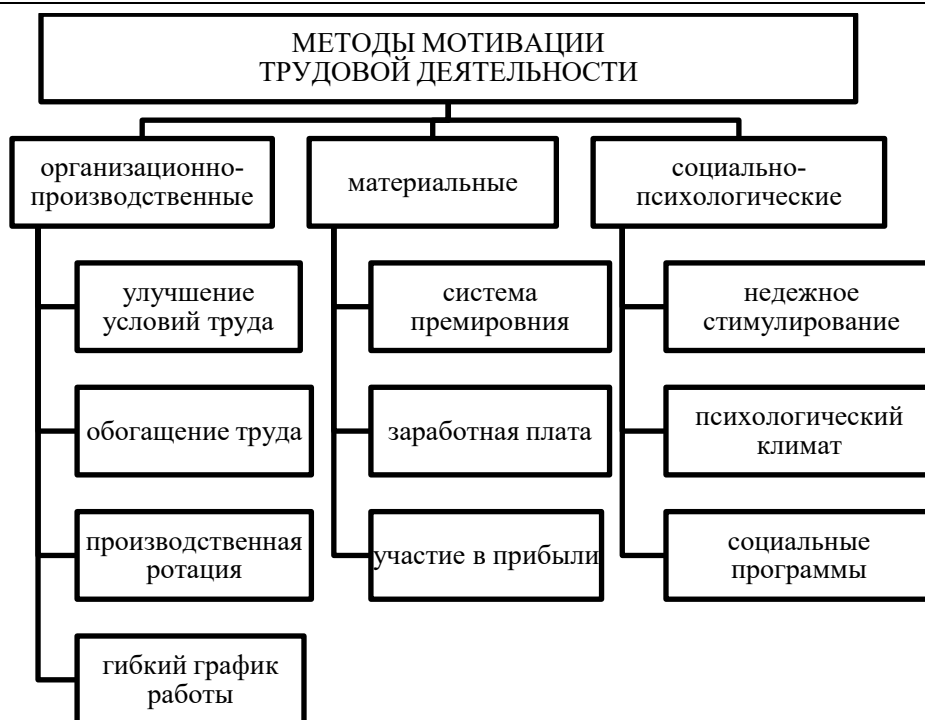
Рис. 3. Методы мотивации персонала¹

Fig. 3. Methods of staff motivation

Среди российских работодателей поощряют свой персонал за результаты трудовой деятельности около 88 %. Одни из самых часто применяемых критериев премирование - выполнения плана, важные события в жизни сотрудников или достойный стаж работы в компании. Кроме того, персонал поощряют дополнительными отпусками, возможностью получить профессиональное развитие в командировке или престижной стажировке.

Нематериальное стимулирование может проявляться в разных сферах функционирования. К основным направлениям нематериального стимулирования принято относить социальную, психологическую, организационную и моральную мотивацию.

Если в корпорации используют социальную мотивацию, то, как правило, сотрудники обретают или преумножают чувство собственной значимости. Например, предоставление возможности обучения и обозначение возможностей карьерного роста важно для тех сотрудников, которые желают достичь профессионального развития, получить новые знания.

Психологическая мотивация во многом зависит от руководства компании, так как топ-руководитель предприятия имеет незыблемый авторитет в глазах сотрудников, он может вдохновить своих подчиненных. Помимо этого, согласно пирамиде потребностей А. Маслоу, человек имеет острую потребность в общении, следовательно, задачей компании является обеспечить комфортную обстановку, в которой все сотрудники могут свободно общаться и поддерживать друг друга.

В качестве инструментов организационной мотивации могут выступать любые проявления заботы, которые позволяет себе компания: сюда часто относится организация рабочего места сотрудника путем приобретения новой оргтехники, предоставление питания в столовой или кафетерии, обеспечение отпуска или перерывов, обустройство специализированных комнат для отдыха персонала и рекреационных зон, открытие собственных спортивных залов или заключение контрактов с уже существующими на льготных для сотрудников компании условиях.

Организационно-производственные методы мотивации включают в себя различные приемы и средства, направленные на повышение эффективности процессов в организации и способствующие повышению мотивации сотрудников.

В рамках моральной мотивации фигурирует в основном уважение: как между сотрудниками, так и со стороны руководства компании. Чтобы реализовать это направление, руководителям

¹ Составлено авторами.

компаниям необходимо признавать и поощрять заслуги своих студентов с помощью публичной похвалы, знаков отличия, доски почета и прочих способов. Получение моральной мотивации от коллег – немаловажное событие, поэтому важно поддерживать связь с другими сотрудниками, обмениваться опытом, оказывать помощь.

Можно выбрать определенный метод мотивации или их комбинацию, которые наиболее подходят для крупной корпорации [8].

Поскольку значимость процесса профессиональной подготовки возрастает и значительно увеличиваются потребности в высококвалифицированных специалистах, то многие ведущие организации приняли на себя повышение квалификации своих сотрудников. Профессиональное обучение стало одной из главных задач для специалистов по управлению персоналом, и бюджет, выделенный для неё, становится наибольшей статьёй расходов (после заработной платы) во многих организациях. Многие ведущие корпорации на сегодняшний день переходят от традиционного развития и обучения персонала к практикам развития талантов сотрудников, их креативности [9].

Также большое значение профессионального развития и повышения квалификации сотрудников в современных компаниях говорит о том, что в личных планах высшего руководства обязательно вписываются цели в этом направлении.

Одним из основных методов развития персонала по-прежнему остается обучение. Целью обучения персонала является приобретение большого количества высококвалифицированных и компетентных сотрудников. Обучение персонала организации может проводиться в различных формах и различными методами.

Внутрипроизводственное обучение является наиболее простой формой обучения, ведь именно благодаря ей новому сотруднику гораздо легче освоиться и адаптироваться на новом рабочем месте. Однако, обучение вне организации считается более эффективным.

Однозначно стоит отметить, что обучение играет важную роль для достижения целей организации и поставленных задач и влияет на факторы социальной эффективности. Благодаря повышению профессиональных знаний и коммуникативных навыков гарантируется сохранение рабочих мест и предоставляются большие возможности для карьерного продвижения, расширения своих обязанностей и размера собственного дохода. Развитие персонала позволяет работодателям повысить эффективность производительности сотрудников и, соответственно, компании в целом, интегрировать персонал в производственный процесс и внедрять в него современные технологии и инновации. При этом персонал получает возможность приобрести новые знания, поддерживать профессиональные навыки на высоком уровне [10].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что системное использование описанных приоритетов в управлении персоналом позволит повысить эффективность управления кадрами, снизить показатели текучести, достичь высоких показателей производственной деятельности.

Система управления персоналом в современных условиях должна соответствовать существующей стратегии корпораций и быть направлена на осуществление главной цели деятельности организации.

Список источников

1. Алехина, Л. Л. Актуальные проблемы управления персоналом в крупной корпорации / Л. Л. Алехина, В. В. Солодкин // Экономика устойчивого развития. – 2023. – № 2(54). – С. 145-150. – https://doi.org/10.37124/20799136_2023_2_54_145.
2. Ремизова, В. В. Кадровые риски в управлении персоналом корпорации: определение и оценка / В. В. Ремизова // Гуманитарный научный журнал. – 2023. – № 1-1. – С. 40-46.
3. Головин, Р. Б. Развитие системы мотивации персонала в корпорации / Р. Б. Головин, В. Г. Рыпалов, А. У. Бекбузаров // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 2, № 7(148). – С. 219-228. – <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.07.02.026>.
4. Макарова, Ю. Л. Эффективные технологии коммуникативного воздействия на персонал современных бизнес-структур / Ю. Л. Макарова, О. В. Черкасова, Б. М. Мусаева // Вестник Академии знаний. – 2023. – № 2(55). – С. 436-441.
5. Бюллер, Е. А. Кадровое планирование как фактор эффективного процесса использования персонала в системе управления организацией / Е. А. Бюллер, А. П. Бахова, С. К. Чиназирова // Управленческий учет. – 2022. – № 10-1. – С. 27-34. – <https://doi.org/10.25806/uu10-1202227-34>.

6. Петух, А. В. Особенности современной кадровой политики в условиях цифровизации экономических процессов / А. В. Петух, О. А. Коргина // Естественнo-гуманитарные исследования. – 2023. – № 2(46). – С. 428-435.

7. Кохно, П. Мотивация промышленного персонала / П. Кохно, А. Кохно // Общество и экономика. – 2022. – № 1. – С. 16-32. – <https://doi.org/10.31857/S020736760018273-9>.

8. Коргина, О. А. Мотивационные аспекты системы управления персоналом в условиях цифровой трансформации экономических систем / О. А. Коргина, М. А. Нестеренко, Х. Ж. Мусханова // Естественнo-гуманитарные исследования. – 2022. – № 44(6). – С. 430-435.

9. Доусон, Д. И. Переход от управления персоналом к практикам управления талантами: удовлетворение потребностей рынка труда / Д. И. Доусон // Russian Economic Bulletin. – 2024. – Т. 7. № 2. – С. 63-69. – <https://doi.org/10.58224/2658-5286-2024-7-2-63-69>.

10. Караева, Е. Н. Эффективность управления персоналом: от теории к практике / Е. Н. Караева, О. А. Коргина, А. В. Полянин // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 1(126). – С. 1095-1098. – <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.126.01.213>.

References

1. Alyokhina L. L., Solodkin V. V. Actual problems of personnel management in a large corporation. *Economics of sustainable development*. 2023;2(54):145–150. https://doi.org/10.37124/20799136_2023_2_54_145. (In Russ.)

2. Remizova V. V. Personnel risks in corporate personnel management: definition and assessment. *Humanitarian Scientific Journal*. 2023;(1-1):40–46. (In Russ.)

3. Golovin R. B., Rypalov V. G., Bekbuzarov A. U. Development of the personnel motivation system in the corporation. *Economics and management: problems, solutions*. 2024;2(7(148)):219–228. – <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.07.02.026>. (In Russ.)

4. Makarova Yu. L., Cherkasova O. V., Musayeva B. M. Effective technologies of communicative influence on the personnel of modern business structures. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2023;2(55):436–441. (In Russ.)

5. Bueller E. A., Bakhova A. P., Chinazova S. K. Personnel planning as a factor in the effective process of using personnel in the organization's management system. *Managerial accounting*. 2022;(10-1):27–34. – <https://doi.org/10.25806/uu10-1202227-34>. (In Russ.)

6. Petuch A. V., Korgina O. A. Features of modern personnel policy in the context of digitalization of economic processes. *Natural sciences and humanities research*. 2023;2(46): 428–435. (In Russ.)

7. Kohno P., Kohno A. Motivation of industrial personnel. *Society and economics*. 2022;(1):16–32. – <https://doi.org/10.31857/S020736760018273-9>. (In Russ.)

8. Korgina, O. A., Nesterenko M. A., Muskhanova H. J. Motivational aspects of personnel management system in the context of digital transformation of economic systems. *Natural sciences and humanities research*. 2022;44(6):430–435. (In Russ.)

9. Dawson D. I. Transition from personnel management to talent management practices: meeting the needs of the labor market. *Russian Economic Bulletin*. 2024;7(2):63–69. <https://doi.org/10.58224/2658-5286-2024-7-2-63-69>. (In Russ.)

10. Karaeva E. N., Korgina O. A., Polyanin A. V. Efficiency of personnel management: from theory to practice. *Economics and entrepreneurship*. 2021;1(126):1095–1098. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.126.01.213>. (In Russ.)

Информация об авторах

В. В. Солодкин – аспирант кафедры цифровой экономики, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина.

Е. Н. Караева – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент и управление персоналом», Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС.

Information about the authors

V. V. Solodkin – Postgraduate at the Department of Digital Economy of Kuban State Agrarian University.

E.N. Karaeva – Cand. Sci.(Econ.), Associate Professor of the Department of Management and Personnel Management of Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 25.02.2025.

The article was submitted 12.01.2025; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 25.02.2025.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 84–94
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2025;(1):84–94

Проблемы экономики

Научная статья

УДК 338.48

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-84-94>

EDN HSJNTQ

Совершенствование механизмов государственной поддержки предприятий сферы услуг на региональном уровне

Андрей Владимирович Александров

Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет),
Санкт-Петербург, Россия, a@gtifem.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью сферы услуг в современной экономике и наличием существенных проблем в действующей системе государственной поддержки предприятий данного сектора на региональном уровне, включая жесткость критериев получения поддержки, сложность административных процедур и недостаточность финансирования. В условиях экономической нестабильности и растущей конкуренции эффективная государственная поддержка становится ключевым фактором устойчивого развития предприятий сферы услуг.

Цель. Разработка комплекса рекомендаций по совершенствованию механизмов государственной поддержки предприятий сферы услуг на региональном уровне.

Материалы и методы. Использованы статистические данные по Санкт-Петербургу за 2019–2022 гг., результаты исследования ВШЭ о факторах, ограничивающих деятельность организаций сферы услуг, нормативно-правовые документы. Применены методы статистического и сравнительного анализа, экспертных оценок, системного подхода и экономико-математического моделирования. Ключевым показателем оценки выбрана валовая добавленная стоимость.

Результаты. Выявлено существенное снижение показателей валовой добавленной стоимости в ключевых отраслях сферы услуг Санкт-Петербурга в 2022 г.; определены основные факторы, ограничивающие развитие предприятий: неопределенность экономической ситуации (63 %), высокий уровень налогообложения (43 %), недостаточный спрос и недостаток финансовых средств (по 41 %). Установлены ключевые недостатки существующих мер поддержки: жесткость критериев упрощенной системы налогообложения (далее – УСН), ограниченность сумм микрофинансирования, сложность административных процедур. Проведенный анализ показал необходимость комплексной модернизации системы государственной поддержки.

Выводы. Разработан комплекс мер по совершенствованию системы государственной поддержки, включающий смягчение критериев УСН, увеличение максимальной суммы микрофинансирования до 10 млн руб., создание специального гарантийного фонда с покрытием до 90 % обязательств, внедрение единой цифровой платформы господдержки и создание системы информационного сопровождения предприятий. Предложенные меры позволят существенно повысить эффективность государственной помощи и обеспечить устойчивое развитие сферы услуг.

Ключевые слова: государственная поддержка, сфера услуг, предпринимательство, валовая добавленная стоимость, региональная экономика, налоговое стимулирование, микрофинансирование, цифровая платформа, административные барьеры, экономическая эффективность, антикризисные меры

Для цитирования: Александров А. В. Совершенствование механизмов государственной поддержки предприятий сферы услуг на региональном уровне // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 84–94. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-84-94>. EDN HSJNTQ

Improvement of mechanisms of state support of service enterprises at the regional level

Andrey V. Alexandrov

St. Petersburg State Institute of Technology (Technical University), Saint Petersburg, Russia, a@gtifem.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is due to the increasing role of the service sector in the modern economy and the presence of significant problems in the current system of state support for enterprises in this sector at the regional level, including the rigidity of the criteria for obtaining support, the complexity of administrative procedures and insufficient funding.

In conditions of economic instability and growing competition, effective government support is becoming a key factor in the sustainable development of service sector enterprises.

Purpose. Development of a set of recommendations for improving the mechanisms of state support for service sector enterprises at the regional level.

Materials and methods. The statistical data for Saint Petersburg for 2019-2022, the results of the HSE study on the factors limiting the activities of service sector organizations, and regulatory documents were used. The methods of statistical and comparative analysis, expert assessments, a systematic approach and economic and mathematical modeling are applied. The key evaluation indicator is gross value added.

Results. A significant decrease in gross value added in the key service industries of St. Petersburg in 2022 was revealed; the main factors limiting the development of enterprises were identified: the uncertainty of the economic situation (63%), high taxation (43%), insufficient demand and lack of financial resources (41% each). The key disadvantages of the existing support measures have been identified: the rigidity of the criteria of the simplified taxation system (hereinafter referred to as the STS), the limited amounts of microfinance, and the complexity of administrative procedures. The analysis showed the need for a comprehensive modernization of the state support system.

Conclusions. A set of measures has been developed to improve the system of state support, including softening the criteria of the STS, increasing the maximum amount of microfinance to 10 million rubles, creating a special guarantee fund with up to 90% coverage of obligations, introducing a unified digital platform for state support and creating an information support system for enterprises. The proposed measures will significantly improve the effectiveness of state aid and ensure the sustainable development of the service sector.

Keywords: state support, service sector, entrepreneurship, gross value added, regional economy, tax incentives, microfinance, digital platform, administrative barriers, economic efficiency, anti-crisis measures

For citation: Alexandrov A. V. Improvement of mechanisms of state support of service enterprises at the regional level. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):84–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-84-94>. EDN HSNJNTQ

Введение

Актуальность исследования механизмов государственной поддержки предприятий сферы услуг на региональном уровне обусловлена возрастающей ролью данного сектора в современной экономике и наличием существенных проблем в действующей системе государственной поддержки. Несмотря на наличие различных форм и инструментов государственной помощи, их эффективность ограничивается рядом факторов, включая жесткость критериев получения поддержки, сложность административных процедур, недостаточность объемов финансирования и высокую стоимость заемных средств. В условиях экономической нестабильности и растущей конкуренции особую значимость приобретает необходимость совершенствования механизмов государственной поддержки, направленных на создание благоприятных условий для развития предприятий сферы услуг, что в свою очередь будет способствовать повышению качества жизни населения, созданию новых рабочих мест и увеличению налоговых поступлений в региональные бюджеты. Это определяет необходимость научного осмысления существующих проблем и разработки конкретных рекомендаций по совершенствованию системы государственной поддержки предприятий сферы услуг на региональном уровне.

Цель и задачи

Целью исследования является разработка комплекса рекомендаций по совершенствованию механизмов государственной поддержки предприятий сферы услуг на региональном уровне. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: провести анализ эффективности деятельности предприятий сферы услуг на основе показателей валовой добавленной стоимости; выявить основные факторы, ограничивающие развитие предприятий сферы услуг; оценить действующие механизмы государственной поддержки и их эффективность; разработать предложения по совершенствованию системы государственной поддержки предприятий сферы услуг.

Материалы и методы

В исследовании использованы статистические данные Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области за период 2019-2022 гг., результаты исследования Института статистических исследований и экономики знаний ВШЭ, нормативно-правовые документы в сфере государственной поддержки предпринимательства. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания: анализ, синтез, сравнение, обобщение, а также специальные методы экономического анализа: статистический анализ динамических рядов, сравнительный анализ, методы экспертных оценок. В качестве основного показателя для оценки эффективности деятельности предприятий сферы услуг использован показатель валовой добавленной стоимости, обоснованность выбора которого подтверждается исследованиями ведущих экономистов (Л.И. Розанова, М.С. Алимова, Э.Ж. Сыздыкова, А.Ф. Пасынков).

Результаты и обсуждение

В качестве ключевого показателя для оценки эффективности деятельности предприятий сферы услуг на региональном уровне нами был выбран показатель валовой добавленной стоимости (далее – ВДС) по отраслям экономики. Данный выбор обусловлен рядом существенных факторов и подтверждается исследованиями ведущих экономистов. Так, по мнению Л.И. Розановой, ВДС является наиболее комплексным показателем, отражающим реальный вклад отрасли в экономику региона, поскольку учитывает стоимость товаров и услуг, произведенных для конечного использования, за вычетом промежуточного потребления [1]. М.С. Алимова в своих работах подчеркивает, что ВДС позволяет оценить не только количественные, но и качественные характеристики развития отрасли, так как включает в себя оплату труда работников, валовую прибыль и валовые смешанные доходы, а также другие налоги на производство [2]. Э.Ж. Сыздыкова отмечает особую значимость данного показателя для анализа сферы услуг, поскольку он наиболее точно отражает эффективность использования ресурсов и результативность деятельности предприятий данного сектора [3]. В исследованиях А.Ф. Пасынкова подчеркивается, что динамика ВДС служит надежным индикатором структурных изменений в экономике региона и позволяет оценить степень развития сервисной экономики [4].

Таким образом, выбор показателя ВДС для оценки эффективности деятельности предприятий сферы услуг обоснован его комплексным характером, информативностью и возможностью использования для различных видов экономического анализа на региональном уровне. В качестве примера нами были выбраны показатели ВДС Санкт-Петербурга за период 2019–2022 гг. по следующим отраслям экономики, входящим в сферу услуг: водоснабжение, строительство, торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания и так далее. В качестве основы использованы данные Федеральной службы государственной статистики (табл. 1).

Анализ показателей валовой добавленной стоимости предприятий сферы услуг Санкт-Петербурга за 2022 г. выявил неравномерную динамику развития различных отраслей. В частности, наиболее существенное снижение показателей относительно предыдущего года зафиксировано в сфере транспортировки и хранения (92,5%), а также в секторе торговли, включая оптовую и розничную торговлю, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (93,6%). Схожую отрицательную динамику продемонстрировала деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (93,1%). Относительно низкие показатели также наблюдались в сфере обеспечения электрической энергией, газом и паром (98,6%).

Таблица 1 – Показатели ВДС Санкт-Петербурга в 2019-2022 гг. (в % к предыдущему году)¹
 Table 1 – St. Petersburg GVA indicators in 2019-2022 (in % of the previous year)

Предприятия сферы услуг	Санкт-Петербург			
	2019	2020	2021	2022
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	100,2	99,3	102,8	101,6
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	99,9	99,9	116	98,6
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	103,7	97,1	181,8	93,6
Транспортировка и хранение	103,9	97,3	107	92,5
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	103,8	52,4	174,4	111,9
Деятельность в области информации и связи	113,5	102,3	104,9	107,4
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	100,6	93	117,1	101,1
Образование	101,1	100,9	103,1	100,8
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	103,2	100,7	102,8	93,1
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	96,6	68,5	124,7	116,6

Подобное снижение показателей может быть обусловлено комплексом взаимосвязанных факторов. Прежде всего, существенное влияние оказала общая экономическая ситуация 2022 г., характеризующаяся усилением санкционного давления и необходимостью перестройки логистических цепочек, что особенно негативно отразилось на торговле и транспортном секторе. Значимым фактором также стало заметное сокращение потребительского спроса и покупательской способности населения, непосредственно повлиявшее на торговлю и сопутствующие услуги. Полагаем, что одной из причин может быть недостаточность государственной поддержки указанных отраслей. В частности, отсутствие или ограниченность таких мер, как налоговые льготы и преференции, субсидирование процентных ставок по кредитам, помощь в переориентации на новые рынки, программы поддержки малого и среднего бизнеса, а также содействие в цифровой трансформации предприятий могли привести к отрицательным финансовым результатам предприятий сферы услуг.

Желая проанализировать реальные причины, обратимся к результатам исследования, проведенного специалистами Высшей школы экономики, и представим их в виде диаграммы (рис. 1).

Анализ оценок руководителей предприятий сферы услуг выявляет комплексную картину факторов, сдерживающих развитие бизнеса в современных условиях. Доминирующим негативным фактором остается неопределенность экономической ситуации, что подтверждается мнением 63% опрошенных руководителей. Примечательно, что данная тенденция характерна не только для сферы услуг, но и для других секторов экономики, согласно данным конъюнктурных мониторингов Росстата.

Особого внимания заслуживает триада взаимосвязанных факторов, занимающих следующие позиции в рейтинге негативного влияния: недостаточный спрос (41%), высокий уровень налогообложения (43%) и недостаток финансовых средств (41%). Сравнительный анализ с показателями 2013 г., когда о влиянии этих факторов сообщали в среднем 34-37% респондентов, и кризисного 2020 г., когда этот показатель превысил 50%, позволяет оценить динамику проблемы.

Показательно, что высокий уровень налогообложения и недостаток финансовых средств являются прямым следствием недостаточно эффективной государственной политики на региональном уровне. В частности, сохранение значительной налоговой нагрузки в условиях экономической турбулентности свидетельствует о недостаточной гибкости региональной налоговой политики и отсутствии действенных механизмов налогового стимулирования бизнеса.

¹ Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области [Internet]; 2022 [cited 2025 Jan 23]. Available from: https://www.hse.ru/data/2023/10/13/2047555699/Real%20sector_services_3Q2023.pdf

**Рис. 1. Факторы, ограничивающие деятельность организаций сферы услуг
(доля от общего числа обследованных организаций, %) в 2022-2023 гг.¹**

*Fig. 1. Factors limiting the activities of service organizations
(share of the total number of surveyed organizations, %) in 2022-2023*

Более того, острая нехватка финансовых ресурсов у предприятий указывает на ограниченность доступа к инструментам государственной финансовой поддержки на региональном уровне. Это проявляется в недостаточном развитии программ льготного кредитования, отсутствии эффективных механизмов субсидирования и ограниченности прямой финансовой помощи предприятиям сферы услуг.

Таким образом, несмотря на некоторое снижение негативного давления указанных факторов по сравнению с предыдущим годом, их устойчивое присутствие в числе ключевых ограничителей развития бизнеса указывает на системные проблемы в организации государственной поддержки на региональном уровне. Это обосновывает необходимость существенной модернизации региональной политики поддержки предприятий сферы услуг, включая разработку более эффективных механизмов налогового регулирования и расширение спектра инструментов финансовой поддержки.

В настоящее время существует 8 основных видов поддержки субъектов предпринимательства: административно-правовая, финансово-кредитная и инвестиционная, налоговая, привлечение субъектов предпринимательства к выполнению государственных заказов, кадровая, консультационная и информационная, поддержка экспертной деятельности, а также поддержка регионального развития. Анализ международной практики государственной поддержки сферы услуг демонстрирует разнообразие подходов к региональному развитию в различных странах. В развитых государствах сформировались комплексные системы поддержки, где все механизмы тесно взаимодействуют между собой, создавая эффективную экосистему развития регионов.

В США региональная политика реализуется через систему федеральных и штатных программ, где административно-правовая поддержка тесно связана с налоговыми льготами для определенных территорий (например, зоны предпринимательства в депрессивных регионах) [5]. Финансово-кредитные механизмы включают деятельность специализированных агентств развития и государственных фондов, предоставляющих льготное финансирование региональным проектам.

¹ Институт статистических исследований и экономики знаний. Высшая Школа Экономики. Деловой климат в сфере услуг в III квартале 2023 года [Internet]; 2023 [cited 2025 Jan 23]. Available from: https://www.hse.ru/data/2023/10/13/2047555699/Real%20sector_services_3Q2023.pdf

Европейский опыт (Великобритания, Франция, ФРГ, Италия) характеризуется сильной ролью наднациональных механизмов поддержки через структурные фонды ЕС, дополняемых национальными программами [6–7]. Особое внимание уделяется консультационной и информационной поддержке, созданию технопарков и инновационных центров в регионах.

В Японии региональная политика фокусируется на создании промышленных кластеров, где кадровая поддержка тесно связана с привлечением предприятий к государственным заказам [8]. Система экспертной поддержки включает развитую сеть исследовательских центров и технологических институтов.

Опыт быстроразвивающихся стран показывает различные подходы. В Китае региональное развитие опирается на создание особых экономических зон с комплексной системой преференций [9].

В России система региональной поддержки включает все восемь механизмов, но их реализация имеет свою специфику. Административно-правовая поддержка осуществляется через федеральные и региональные программы развития. Финансово-кредитные механизмы включают деятельность институтов развития (ВЭБ.РФ, региональные фонды развития). Налоговые преференции реализуются через особые экономические зоны и территории опережающего развития. Система государственных заказов в России активно используется для поддержки региональных производителей, особенно в рамках программ импортозамещения. Кадровая поддержка включает региональные образовательные программы и центры переподготовки. Консультационная и информационная поддержка реализуется через сеть центров «Мой бизнес» и региональные центры поддержки предпринимательства. Экспертная поддержка в российских регионах осуществляется через взаимодействие с научными организациями, создание инновационных центров и технопарков. Особое внимание уделяется развитию межрегиональной кооперации и созданию территориальных кластеров. Обратимся к примеру государственной поддержки сферы услуг на примере Иркутской области¹.

Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства на территории региона осуществляется в рамках государственной программы Иркутской области «Экономическое развитие и инновационная экономика», утвержденной постановлением Правительства Иркутской области от 13 ноября 2023 г. № 1005-пп. В целях создания благоприятных условий для вовлечения и ведения предпринимательской деятельности реализует широкий спектр финансовых (нефинансовых) мер поддержки бизнеса.

Региональные институты развития предпринимательства в Иркутской области оказывают комплексную поддержку бизнесу через различные программы, направленные на создание новых предприятий, развитие импортозамещения и инновационной деятельности, а также расширение рынков сбыта. Центр «Мой бизнес» в Иркутской области функционирует по принципу «одного окна», предоставляя предпринимателям и потенциальным бизнесменам широкий спектр услуг. Основные направления деятельности центра включают:

1. Гарантийную поддержку – предоставление поручительств по кредитным обязательствам для субъектов МСП и самозанятых при недостаточном залоговом обеспечении;
2. Консультационно-информационные услуги – бесплатные консультации, обучающие программы и организация деловых мероприятий;
3. Кластерное развитие через ЦКР – содействие в реализации совместных проектов, маркетинговая поддержка, разработка бизнес-планов и продвижение на выставках;
4. Инжиниринговые услуги (РЦИ) – помощь в развитии технологических процессов, проектировании и внедрении технических решений;
5. Сертификация и стандартизация (ЦССИ) – проведение испытаний, аккредитация, сертификация продукции и консультирование по правовым вопросам;
6. Поддержка экспорта (ЦПЭ) – содействие в развитии внешнеэкономической деятельности и выходе на международные рынки.

¹ Иркутская область. Официальный портал. Государственная поддержка среднего и малого бизнеса. [Internet]; 2025 [cited 2025 Feb 5]. Available from: <https://irkobl.ru/region/economy/business/>

В рамках поддержки предпринимательства в Иркутской области функционирует микрокредитная компания «Фонд микрокредитования», предоставляющая займы до 5 млн рублей сроком до 3 лет с льготными процентными ставками от 3% до 13,5% годовых. Финансирование направлено на развитие основных фондов и другие бизнес-цели. Дополнительно субъектам МСП и организациям инфраструктуры поддержки предпринимательства доступна имущественная поддержка от государственных и муниципальных органов власти. Она реализуется через предоставление государственного или муниципального имущества в пользование на платной, бесплатной или льготной основе в соответствии с действующими программами развития.

На примере Иркутской области можно проследить, как федеральные механизмы поддержки сферы услуг реализуются на региональном уровне, образуя комплексную систему поддержки предпринимательства. Административно-правовая поддержка в регионе осуществляется через государственную программу «Экономическое развитие и инновационная экономика», утвержденную постановлением Правительства Иркутской области. Данная программа является региональным продолжением федеральной политики и определяет основные направления поддержки бизнеса в области. Финансово-кредитный механизм реализуется через региональные институты развития, в частности микрокредитную компанию «Фонд микрокредитования Иркутской области», которая предоставляет льготные займы до 5 млн рублей на срок до 3 лет с процентными ставками от 3% до 13,5% годовых. Также действует система гарантийной поддержки через Центр «Мой бизнес», предоставляющий поручительства по кредитным обязательствам при недостаточном залоговом обеспечении. Налоговые преференции дополняются региональными льготами и специальными режимами для определенных категорий предпринимателей, включая самозанятых граждан. Система государственных заказов интегрирована в региональную политику через механизмы поддержки местных производителей и участников программ импортозамещения. Кадровая поддержка осуществляется через проведение обучающих программ, семинаров и вебинаров на базе Центра «Мой бизнес», что способствует повышению компетенций предпринимателей. Консультационная и информационная поддержка реализуется по принципу «одного окна» через Центр «Мой бизнес», который предоставляет бесплатные консультации и организует деловые мероприятия для предпринимателей. Экспертная поддержка обеспечивается через Региональный центр инжиниринга, который помогает в разработке технологических процессов и решении проектных задач, а также через Центр сертификации, стандартизации и испытаний, проводящий необходимые исследования и сертификацию продукции. Поддержка регионального развития осуществляется через Центр кластерного развития, способствующий формированию территориальных кластеров и развитию межрегиональной кооперации, а также через Центр поддержки экспорта, содействующий выходу региональных предприятий на международные рынки. Дополнительным элементом поддержки является имущественная помощь от региональных и муниципальных властей в виде предоставления государственного или муниципального имущества на льготных условиях.

Таким образом, в Иркутской области создана многоуровневая система поддержки предприятий сферы услуг, которая эффективно интегрирует федеральные механизмы с региональными инструментами, обеспечивая комплексное сопровождение бизнеса на всех этапах развития. Особенностью региональной модели является централизация большинства услуг на базе Центра «Мой бизнес», что упрощает доступ предпринимателей к различным формам поддержки и повышает эффективность взаимодействия бизнеса с государственными структурами.

На примере Иркутской области можно утверждать, что государственная поддержка сферы услуг на региональном уровне учитывает территориальные особенности. Это проявляется в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, через Центр кластерного развития осуществляется поддержка территориальных кластеров, учитывающих специфику экономического потенциала региона и его производственные особенности. Во-вторых, Региональный центр инжиниринга предоставляет услуги с учетом технологических потребностей местных производственных предприятий, что способствует развитию промышленного потенциала области. В-третьих, Центр поддержки экспорта ориентирован на продвижение региональной продукции на внешние рынки с учетом конкурентных преимуществ местных производителей. Микрофинансовая поддержка через Фонд микрокредитования также учитывает региональную специфику, предлагая различные

программы кредитования с учетом приоритетных для области направлений развития бизнеса. Система государственных заказов ориентирована на поддержку местных производителей и участников программ импортозамещения, что способствует развитию региональной экономики. Кроме того, консультационная и информационная поддержка через Центр «Мой бизнес» адаптирована под потребности местного бизнес-сообщества и учитывает актуальные для региона вопросы развития предпринимательства. Имущественная поддержка также реализуется с учетом особенностей регионального имущественного комплекса и потребностей местного бизнеса. Таким образом, региональная система поддержки предпринимательства в Иркутской области представляет собой адаптированную под местные условия модель, которая, сохраняя основные федеральные механизмы поддержки, учитывает специфику региона и потребности местного бизнес-сообщества.

Обратимся к конкретным примерам государственной поддержки предприятий сферы услуг, проанализируем их и предложим способы, позволяющие усовершенствовать их.

На сегодняшний день система государственной поддержки предприятий сферы услуг реализуется через различные механизмы, среди которых особое значение имеют налоговые преференции и упрощение доступа к финансовым ресурсам.

В сфере налогового стимулирования показательным примером является предоставление возможности применения пониженных ставок по упрощенной системе налогообложения (УСН) для определенных видов деятельности в сфере услуг¹. Так, для предприятий, выбравших объект налогообложения «доходы минус расходы», ставка может быть снижена с 15 % до 6 %, а для тех, кто работает с объектом налогообложения «доходы» – с 6 % до 3 %. Эта мера поддержки особенно актуальна для малых предприятий, работающих в сфере бытовых услуг, общественного питания и социального предпринимательства.

В части обеспечения доступа к финансовым ресурсам характерным примером является деятельность региональных фондов содействия кредитованию малого и среднего бизнеса, которые предоставляют поручительства по кредитным договорам в размере до 70% от суммы обязательств². Это существенно упрощает процесс получения банковского финансирования для предприятий сферы услуг, особенно в случаях, когда у них недостаточно собственного залогового обеспечения. Кроме того, через эти фонды реализуются программы микрофинансирования с льготной процентной ставкой от 3% годовых на суммы до 5 миллионов рублей, что делает заемные средства более доступными для малого бизнеса.

Анализ существующих мер государственной поддержки предприятий сферы услуг выявляет ряд существенных ограничений, снижающих их эффективность. В части налогового стимулирования, несмотря на возможность применения пониженных ставок УСН, данная мера имеет несколько критических недостатков [10]. Во-первых, существуют жесткие ограничения по критериям применения УСН (предельный размер дохода, численность сотрудников, остаточная стоимость основных средств), что исключает из программы поддержки значительное число предприятий. Во-вторых, даже пониженные ставки налога могут оказаться обременительными в условиях падения выручки и роста издержек. В-третьих, для получения права на применение пониженной ставки предприятия должны соответствовать определенным условиям (например, поддержание определенного уровня заработной платы), что в текущих экономических условиях может быть затруднительно.

Что касается механизмов упрощения доступа к финансовым ресурсам, то и здесь наблюдается ряд существенных ограничений. Предоставление поручительств по кредитным договорам региональными фондами, хотя и облегчает получение кредита, но не решает проблему высокой стоимости заемных средств. Даже при наличии поручительства фонда на 70% суммы обязательств, банки часто устанавливают повышенные процентные ставки из-за оценки сферы услуг

¹ Федеральная налоговая служба. Упрощенная система налогообложения [Internet]; 2025 [cited 2025 Jan 23]. Available from: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/TAXES/usn/>

² Центр развития и поддержки предпринимательства Санкт-Петербурга. Условия программ льготного кредитования субъектов МСП [Internet]; 2025 [cited 2025 Jan 23]. Available from: <https://www.crpp.ru/allsupport/15.html>

как высокорискованной. Программы микрофинансирования, предлагающие льготные ставки от 3% годовых, ограничены максимальной суммой в 5 миллионов рублей, что часто недостаточно для реализации значимых проектов развития или модернизации бизнеса.

Кроме того, существует общая проблема сложности и длительности процедур получения государственной поддержки. Предприятиям необходимо собрать и предоставить значительный пакет документов, пройти многоступенчатую проверку, что требует существенных временных и административных ресурсов. При этом сроки рассмотрения заявок могут быть достаточно длительными, что критично в условиях быстро меняющейся экономической ситуации.

Дополнительным фактором, снижающим эффективность мер поддержки, является ограниченность бюджетных средств, выделяемых на реализацию программ. Это приводит к тому, что не все предприятия, соответствующие критериям, могут получить необходимую помощь. Также существует проблема недостаточной информированности предпринимателей о доступных мерах поддержки и условиях их получения.

На основании анализа существующих проблем в системе государственной поддержки предприятий сферы услуг можно предложить комплекс конкретных мер, направленных на повышение эффективности данной системы. В первую очередь необходимо существенно модернизировать механизм налогового стимулирования путем пересмотра критериев применения УСН в сторону их смягчения. Целесообразно увеличить пороговые значения по выручке и численности сотрудников минимум в 1,5 раза, что позволит большему числу предприятий воспользоваться льготным режимом налогообложения. Кроме того, следует внедрить систему гибких налоговых ставок, учитывающих текущую экономическую ситуацию в регионе и реальное финансовое положение предприятий. Особенно важно предусмотреть возможность временной отмены требования по поддержанию определенного уровня заработной платы для получения налоговых льгот в кризисные периоды, что обеспечит предприятиям необходимую гибкость в управлении расходами.

В сфере финансовой поддержки требуется кардинальное изменение подхода к предоставлению заемных средств. Необходимо увеличить максимальную сумму микрофинансирования как минимум до 10 миллионов рублей при сохранении льготной процентной ставки, что расширит возможности предприятий по реализации проектов развития. Важно внедрить механизм государственного субсидирования процентной ставки по кредитам для предприятий сферы услуг, что позволит существенно снизить стоимость заемных средств даже при высокой оценке рисков банками. Целесообразно создать специальный гарантийный фонд для высокорисковых отраслей сферы услуг с повышенным уровнем покрытия обязательств до 90%, что значительно повысит доступность кредитования.

Для решения проблемы сложности и длительности административных процедур необходимо создание единой цифровой платформы государственной поддержки. Эта платформа должна обеспечивать возможность подачи документов в электронном виде, автоматическую проверку соответствия базовым критериям и отслеживание статуса рассмотрения заявки в режиме реального времени. Следует существенно сократить перечень необходимых документов за счет организации эффективного межведомственного электронного взаимодействия и использования данных государственных информационных систем. Критически важно установить жесткие нормативы по срокам рассмотрения заявок – не более 10 рабочих дней, что позволит предприятиям оперативно получать необходимую поддержку.

Для повышения информированности предпринимателей о доступных мерах поддержки необходимо создание единого информационного центра с функцией персонального сопровождения предприятий на всех этапах получения государственной помощи. Важно разработать и внедрить специализированное мобильное приложение, содержащее актуальную информацию о всех доступных мерах поддержки, условиях их получения и позволяющее отслеживать статус поданных заявок. Необходимо регулярное проведение обучающих мероприятий для предпринимателей по вопросам получения государственной поддержки, включая практические семинары и консультации.

Для решения проблемы ограниченности бюджетных средств следует внедрить систему приоритизации при распределении финансовой поддержки, основанную на четких критериях

социально-экономической значимости предприятий для региона. Также необходимо разработать механизмы привлечения частных инвестиций в систему поддержки предприятий сферы услуг, например, через создание государственно-частных фондов развития.

Реализация предложенного комплекса мер потребует внесения изменений в действующее законодательство и увеличения объемов финансирования программ поддержки, однако позволит существенно повысить эффективность государственной помощи предприятиям сферы услуг и обеспечить более устойчивое развитие данного сектора экономики.

Выводы

Проведенное исследование механизмов государственной поддержки предприятий сферы услуг на региональном уровне выявило ряд существенных проблем, что подтверждается данными по Санкт-Петербургу за 2022 год, где наблюдается значительное снижение показателей ВДС в ключевых отраслях: транспортировка и хранение (92,5 %), торговля (93,6 %), здравоохранение и социальные услуги (93,1 %). Исследование ВШЭ подтверждает системный характер проблем, выделяя основные ограничивающие факторы: неопределенность экономической ситуации (63 %), высокий уровень налогообложения (43%), недостаточный спрос и недостаток финансовых средств (по 41 %). Существующие меры государственной поддержки, включающие пониженные ставки УСН (до 3–6 %), поручительства региональных фондов по кредитам (до 70 %) и программы микрофинансирования (до 5 млн руб. под 3 % годовых), демонстрируют недостаточную эффективность из-за жестких критериев получения, сложных административных процедур и ограниченности финансирования. Для повышения эффективности государственной поддержки нами предложен комплекс мер, включающий смягчение критериев применения УСН, увеличение максимальной суммы микрофинансирования до 10 млн рублей, создание специального гарантийного фонда с покрытием до 90% обязательств, внедрение единой цифровой платформы господдержки и создание системы информационного сопровождения предприятий. Реализация предложенных мер позволит существенно повысить доступность и эффективность государственной поддержки предприятий сферы услуг на региональном уровне.

Список источников

1. Розанова Л. И. Институциональные факторы структурных сдвигов в валовой добавленной стоимости // Дружковский вестник. 2020. № 1(33). С. 94–100. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2020-1-94-100>.
2. Алимова М. С. Методологический и статистический анализ формирования валовой добавленной стоимости на региональном уровне: Орловская область // Экономические и гуманитарные науки. 2022. № 3(362). С. 29–38. <https://doi.org/10.33979/2073-7424-2022-362-3-29-38>.
3. Сыздыкова Э. Ж. Валовая добавленная стоимость: влияние экстенсивных факторов на примере численности занятого в экономике населения // Bulletin of Karaganda University. Economy Series. 2023. № 106(2). С. 302–312. <https://doi.org/10.31489/2021ec2/302-312>.
4. Pasyukov A. F. Compilation of regional financial balances for the 'General Governance' sector in the Ural Federal District // *R-Economy*. 2020. № 6(4). С. 251–260. <https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.4.022>.
5. Nast C., Broekel T., Entner D. Fueling the fire? How government support drives technological progress and complexity // *Research Policy*. 2024. № 6. 105005. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2024.105005>.
6. Gallouj F., Weber K.M., Stare M., Rubalcaba L. The futures of the service economy in Europe: A foresight analysis // *Technological Forecasting and Social Change*. 2015. № 94. С. 80–96. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2014.06.009>.
7. Sypko V. State support for entrepreneurship development in Italy. *Social Economics*. July 2022. С. 136–144. <https://doi.org/10.26565/2524-2547-2022-63-13>.
8. Lee J., Chu W. Nudge Design Strategies for Experiential Marketing and Retail Space Branding // *Journal of Interior Design*. 2023. № 48(3). С. 174–190. <https://doi.org/10.1177/10717641231177463>.
9. Liao J. The rise of the service sector in China // *China Economic Review*. 2020. № 59. 101385. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2019.101385>.
10. Пьянова М. В. О налогообложении малого предпринимательства в условиях интеграции новых регионов // *Налоги и налогообложение*. 2024. № 5. С. 1–20. <https://doi.org/10.7256/2454-065X.2024.5.71555>.

References

1. Rozanova L. I. Institutional factors of structural shifts in gross value added. *Drukerovskij vestnik*. 2020;1(33):94-100. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2020-1-94-100>. (In Russ.)
2. Alimova M. S. Metodological and statistical analysis of the formation of gross value added at the regional level: the Orel region. *Economic and humanitarian sciences*. 2022;3(362):29-38. <https://doi.org/10.33979/2073-7424-2022-362-3-29-38>. (In Russ.)
3. Syzdykova E. J. Gross added value: the influence of extensive factors on the example of the number of the employed population. *Bulletin of Karaganda University. Economy Series*. 2023;106(2):302-312. <https://doi.org/10.31489/2021ec2/302-312>. (In Russ.)
4. Pasyukov A. F. Compilation of regional financial balances for the 'General Governance' sector in the Ural Federal District. *R-Economy*. 2020;6(4):251-260. <https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.4.022>.
5. Nast C., Broekel T., Entner D. Fueling the fire? How government support drives technological progress and complexity. *Research Policy*. 2024;6:105005. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2024.105005>.
6. Gallouj F., Weber K. M., Stare M., Rubalcaba L. The futures of the service economy in Europe: A foresight analysis. *Technological Forecasting and Social Change*. 2015;94:80-96. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2014.06.009>.
7. Sytko V. State support for entrepreneurship development in Italy. *Social Economics*. 2022:136-144. <https://doi.org/10.26565/2524-2547-2022-63-13>.
8. Lee J., Chu W. Nudge Design Strategies for Experiential Marketing and Retail Space Branding. *Journal of Interior Design*. 2023;48(3):174-190. <https://doi.org/10.1177/10717641231177463>
9. Liao J. The rise of the service sector in China. *China Economic Review*. 2020;59:101385. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2019.101385>.
10. Pyanova M. V. On taxation of small business in the conditions of integration of new regions. *Taxes and Taxation*. 2024;(5):1-20. <https://doi.org/10.7256/2454-065X.2024.5.71555>. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Александров – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры бизнес-информатики, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет).

Information about the author

A. V. Alexandrov – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Business Informatics of St. Petersburg State Institute of Technology (Technical University).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.01.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 18.01.2025; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.

Эмпирическое изучение дифференциации уровней заработной платы в контексте региональной специфики Российской Федерации: теоретические подходы и статистические методы

Дарья Евгеньевна Иванова¹, Вячеслав Евгеньевич Иванов²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, ivanova-de@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4313>

²Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД РФ, Волгодонск, Россия, v.ivanovrussia@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5770-7638>

Аннотация

Введение. Актуальность проблемы дифференциации уровней заработной платы в России обуславливается целым рядом факторов, связанных с экономическими, социальными и территориальными особенностями функционирования отечественного рынка труда. Учитывая, что уровень заработной платы является важным индикатором экономического благосостояния населения, исследование факторов, способствующих его неравномерному распределению, имеет существенное значение для формирования эффективных механизмов государственной поддержки и стимулирования экономического роста. В условиях выраженной зависимости доходов трудящихся от специфики регионов страны, требуется глубокое понимание теоретических и практических аспектов данной проблемы.

Цель. Проведение эмпирического исследования дифференциации уровня заработной платы в различных регионах Российской Федерации с учетом их специфических особенностей.

Материалы и методы. Авторами рассматриваются ключевые статистические методы анализа, включая регрессионные модели и методы визуализации данных, что позволяет выявить тенденции и закономерности в распределении заработных плат. С целью изучения взаимосвязей между уровнем заработной платы и различными экономическими, социальными и демографическими факторами применяется корреляционный анализ. Метод вычисляет коэффициенты корреляции, что позволяет установить степень и направление взаимосвязи между переменными. Для более глубокого понимания влияния множества факторов на уровень заработной платы используется множественный регрессионный анализ. Он предоставляет возможность моделирования зависимостей и оценки влияния каждой независимой переменной на значимую зависимую переменную (уровень заработной платы). В качестве заключительного этапа проводятся тесты на значимость регрессионных коэффициентов и проверка на соответствие модели нормальному распределению остатков.

Результаты и выводы. Дифференциация заработной платы в России представляет собой сложный и многогранный процесс, на который влияют различные факторы. Эти факторы классифицируются на экономические, социальные и территориальные, каждый из которых вносит свой вклад в формирование различий в уровне доходов среди работников. Анализ дифференциации заработной платы в экономической теории осуществляется через призму различных подходов, среди которых выделяются классическая, неоклассическая и институциональная теории. Каждый из этих подходов предлагает уникальные взгляды на факторы, определяющие различия в оплате труда. Классическая теория акцентирует внимание на рыночных механизмах и условиях труда; неоклассическая – на индивидуальной продуктивности;

институциональная – на роли социальных институтов и норм. Понимание этих подходов позволяет глубже анализировать причины и последствия дифференциации заработной платы в современных экономиках. Особое внимание уделяется теоретическим подходам, объясняющим региональные различия в доходах, таким как модель человеческого капитала, теория локального рынка труда и концепция регионального экономического развития.

Исследование опирается на данные официальной статистики и выявляет факторы, влияющие на уровень заработной платы в зависимости от экономических, социальных и инфраструктурных условий каждого региона.

Ключевые слова: заработная плата, человеческий потенциал, минимальный размер оплаты труда, прожиточный минимум, экономическое неравенство, регрессионная модель, дифференциация уровней заработной платы, доходы, рынок труда, социальная сфера, уровень образования и квалификации

Финансирование: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. Тема 1.7-2025-1 «Тенденции и перспективы развития региональных рынков труда в контексте изменяющихся социально-экономических условий (на примере Ростовской области и новых субъектов Российской Федерации)».

Для цитирования: Иванова Д. Е., Иванов В. Е. Эмпирическое изучение дифференциации уровней заработной платы в контексте региональной специфики Российской Федерации: теоретические подходы и статистические методы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 95–105. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-95-105>. EDN IOOH0V

Problems of Economics

Original article

Empirical study of wage differentiation in the context of regional specifics of the Russian Federation: theoretical approaches and statistical methods

Daria E. Ivanova¹, Vyacheslav E. Ivanov²

¹South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, ivanova-de@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4313>

²Volgodonsk branch of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgodonsk, Russia, v.ivanovrussia@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5770-7638>

Abstract

Introduction. The urgency of the problem of wage differentiation in Russia is determined by a number of factors related to the economic, social and territorial features of the functioning of the domestic labor market. Considering that the level of wages is an important indicator of the economic well-being of the population, the study of factors contributing to its uneven distribution is essential for the formation of effective mechanisms of state support and stimulation of economic growth. Given the pronounced dependence of workers' incomes on the specifics of the country's regions, a deep understanding of the theoretical and practical aspects of this problem is required.

Purpose. Conducting an empirical study of wage differentiation in different regions of the Russian Federation, taking into account their specific features.

Materials and methods. The author examines key statistical analysis methods, including regression models and data visualization methods, which allows us to identify trends and patterns in the distribution of wages. Correlation analysis is used to study the relationship between the level of wages and various economic, social and demographic factors. The method calculates correlation coefficients, which allows you to determine the degree and direction of the relationship between variables. Multiple regression analysis is used to gain a deeper understanding of the impact of multiple factors on wages. It provides the ability to model dependencies and evaluate the impact of each independent variable on a significant dependent variable (salary level). As a final stage, tests are conducted on the significance of regression coefficients and checking whether the model corresponds to the normal distribution of residuals.

Results and Conclusions. Wage differentiation in Russia is a complex and multifaceted process influenced by various factors. These factors are classified into economic, social and territorial, each of which contributes to the formation of income differences among workers. The analysis of wage differentiation in economic theory is carried out through the prism of various approaches, among which classical, neoclassical and institutional theories stand out. Each of these approaches offers unique insights into the factors that determine wage differences. Classical theory focuses on market mechanisms and working conditions; neoclassical theory focuses on individual productivity; and institutional theory focuses on the role of social institutions and norms. Understanding these approaches allows for a deeper analysis of the causes and consequences of wage differentiation in modern economies. Special attention is paid to theoretical approaches explaining regional income differences, such as the human capital model, the theory of the local labor market, and the concept of regional economic development. The study is based on official statistics and identifies factors affecting wages depending on the economic, social and infrastructural conditions of each region.

Keywords: wages, human potential, minimum wage, cost of living, economic inequality, regression model, wage differentiation, income, labor market, social sphere, level of education and qualifications

Financial Support: The article was prepared as part of the scientific research work of the RANEPa state assignment. Subject 1.7-2025-1 "Trends and prospects for the development of regional labor markets in the context of changing socio-economic conditions (on the example of the Rostov Region and new subjects of the Russian Federation)".

For citation: Ivanova D. E., Ivanov V. E. Empirical study of wage differentiation in the context of regional specifics of the Russian Federation: theoretical approaches and statistical methods. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):95–105. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-95-105>. EDN IOOHOF

Введение

Актуальность проблемы дифференциации уровней заработной платы в России обуславливается целым рядом факторов, связанных с экономическими, социальными и территориальными особенностями функционирования отечественного рынка труда. Во-первых, значительные различия в заработной плате между регионами страны могут негативно сказываться на уровне жизни населения и социальном самочувствии, усугубляя неравенство и снижая правовую уверенность граждан. Во-вторых, такие диспропорции затрудняют мобильность рабочей силы, что приводит к дефициту квалифицированных кадров в одних регионах и избытку рабочей силы в других, что, в свою очередь, негативно сказывается на экономическом развитии территории. Кроме того, актуальность анализа дифференциации заработных плат определяется необходимостью адаптации государственной политики в сфере социальной защиты и трудового регулирования к современным экономическим реалиям. Учитывая, что уровень заработной платы является важным индикатором экономического благосостояния населения, исследование факторов, способствующих его неравномерному распределению, имеет существенное значение для формирования эффективных механизмов государственной поддержки и стимулирования экономического роста. В условиях выраженной зависимости доходов трудящихся от специфики регионов страны, требуется глубокое понимание теоретических и практических аспектов данной проблемы.

Дифференциация заработной платы в России представляет собой сложный и многогранный процесс, на который влияют различные факторы. Эти факторы можно классифицировать на экономические, социальные и территориальные, каждый из которых вносит свой вклад в формирование различий в уровне доходов среди работников.

1. Экономические факторы:

- отраслевая специфика. Различия в заработной плате между отраслями экономики являются одним из основных факторов дифференциации. В частности, высокие заработки наблюдаются в добывающих отраслях, таких как нефть и газ, тогда как работники в социальных сферах (образование, здравоохранение, культура) получают значительно меньше. Это связано с различиями в добавленной стоимости, создаваемой в этих секторах, а также с уровнем спроса на рабочую силу.

- уровень образования и квалификации. Образование является важным фактором, влияющим на уровень заработной платы. Более высококвалифицированные специалисты получают

более высокие зарплаты по сравнению с работниками с низким уровнем образования. Однако в регионах с низким уровнем средней заработной платы наблюдается снижение отдачи от образования, что делает принадлежность к группе руководителей более значимым фактором для получения высоких доходов.

- институциональные факторы. Государственная политика в сфере социального обеспечения влияет на дифференциацию доходов. Установление минимального размера оплаты труда (МРОТ) может способствовать снижению неравенства, однако его эффективность зависит от уровня жизни и покупательной способности в различных регионах [1].

2. Социальные факторы:

- половозрастная структура населения. Исследования показывают, что пол и возраст работников оказывают влияние на уровень заработной платы. В целом мужчины получают более высокие зарплаты по сравнению с женщинами, а также наблюдаются различия по возрастным группам, где молодые работники часто имеют более низкие доходы по сравнению с опытными специалистами [2, с. 7].

- социально-профессиональные группы. Различия в оплате труда между социально-профессиональными группами значительны. Работники, относящиеся к группе руководителей или специалистов высокой квалификации, получают значительно больше по сравнению с рабочими.

3. Территориальные факторы:

- региональные различия. Существуют значительные различия в уровне заработной платы между регионами России. Это связано как с экономическим развитием территорий, так и с различиями в стоимости жизни. Например, регионы с высокоразвитыми экономиками предлагают более высокие зарплаты для привлечения рабочей силы, что приводит к миграции населения из менее развитых регионов [3, с. 3218];

- покупательная способность. При анализе региональных различий важно учитывать покупательную способность заработной платы. В некоторых случаях разрыв в доходах между регионами сокращается при учете цен на товары и услуги, однако различия все еще остаются значительными.

Анализ дифференциации заработной платы в экономической теории осуществляется через призму различных подходов, среди которых выделяются классическая, неоклассическая и институциональная теории. Каждый из этих подходов предлагает уникальные взгляды на факторы, определяющие различия в оплате труда.

Классическая экономическая теория, представителями которой являются А. Смит, Д. Рикардо и Дж. Ст. Милль, рассматривает заработную плату как результат взаимодействия спроса и предложения на рынке труда. Классики полагали, что рынок труда является конкурентным, а трудовые ресурсы свободно перераспределяются между профессиями. Заработная плата определяется как цена труда, которая стремится к «естественной цене», необходимой для обеспечения жизненных потребностей работников. Классическая теория выделяет несколько факторов, влияющих на дифференциацию заработной платы: условия труда и уровень квалификации работников; затраты на обучение и приобретение навыков, степень ответственности и постоянства работы. Классики подчеркивали важность правильной дифференциации заработной платы как фактора экономического роста. Неправильная модель, по их мнению, может привести к стагнации экономики.

Неоклассическая теория развивает идеи классиков, акцентируя внимание на индивидуальных предпочтениях и рациональном поведении агентов. Неоклассики утверждают, что заработная плата определяется граничной продуктивностью труда, то есть тем вкладом, который работник вносит в производство. Это приводит к тому, что работники с высокой продуктивностью получают более высокую зарплату. Неоклассическая модель акцентирует внимание на рыночных механизмах, которые обеспечивают оптимальное распределение ресурсов, включая труд. Неоклассические экономисты исследуют динамику заработной платы в зависимости от изменений в спросе и предложении на рынке труда, а также от изменений в производительности.

Институциональная теория исследует роль институтов и социальных норм в формировании заработной платы. Институциональные экономисты утверждают, что заработная плата не только определяется рыночными силами, но и регулируется различными институтами:

профсоюзами, государственными органами и корпоративными структурами. Эти институты могут влиять на условия труда и уровень оплаты. Институциональная теория также подчеркивает важность социальных норм и культурных факторов в определении справедливости распределения доходов. Например, общественные представления о справедливости могут ограничивать уровень дифференциации заработной платы. Институциональные теории рассматривают дифференциацию заработной платы как фактор, который может способствовать или препятствовать социальному развитию. Высокий уровень неравенства может негативно сказаться на социальной стабильности и экономическом росте [4].

Таким образом, классическая, неоклассическая и институциональная теории предлагают различные подходы к анализу дифференциации заработной платы. Классическая теория акцентирует внимание на рыночных механизмах и условиях труда; неоклассическая – на индивидуальной продуктивности; институциональная – на роли социальных институтов и норм. Понимание этих подходов позволяет глубже анализировать причины и последствия дифференциации заработной платы в современных экономиках.

Цель и задачи

Целью данного исследования является эмпирическое изучение дифференциации уровня заработной платы в Российской Федерации с акцентом на региональную специфику, с использованием статистических методов и теоретических подходов, что позволит выявить и проанализировать ключевые факторы, влияющие на неравномерность распределения заработной платы в различных субъектах страны.

Для достижения указанной цели предусмотрены следующие задачи:

1. Провести теоретический обзор существующих моделей и концепций, объясняющих дифференциацию заработной платы в зависимости от региональных факторов, включая экономическое развитие, уровень жизни, доступность образовательных и профессиональных ресурсов.
2. Использовать статистические методы (регрессионный анализ, факторный анализ) для обработки данных о заработной плате и экономических показателях по регионам Российской Федерации, что позволит выявить закономерности и тренды в распределении доходов.
3. Сформулировать рекомендации по оптимизации политики в области заработной платы с учетом региональных особенностей, что может способствовать более справедливому распределению доходов и стабилизации экономической ситуации в различных субъектах Российской Федерации.

В статье предполагается применение как качественных, так и количественных методов анализа, что позволит всесторонне оценить проблему дифференциации заработной платы и предложить обоснованные выводы и рекомендации для устранения выявленных диспропорций.

Материалы и методы

Описание используемых статистических методов

В рамках исследования используется ряд методов статистического анализа, направленных на выявление, количественную оценку и интерпретацию факторов, влияющих на распределение доходов в различных регионах страны.

Для первичного анализа данных применяются средства описательной статистики, такие как среднее значение, медиана, стандартное отклонение, коэффициент вариации [5, с.196]. Эти показатели позволяют сформировать общее представление о распределении заработной платы, выявить основные тенденции и характерные особенности региональных различий [6, с. 177]. Далее, с целью изучения взаимосвязей между уровнем заработной платы и различными экономическими, социальными и демографическими факторами применяется корреляционный анализ (табл. 1). Метод вычисляет коэффициенты корреляции, что позволяет установить степень и направление взаимосвязи между переменными. Для более глубокого понимания влияния множества факторов на уровень заработной платы используется множественный регрессионный анализ (табл. 2–4). Он предоставляет возможность моделирования зависимостей и оценки влияния каждой независимой переменной на значимую зависимую переменную (уровень заработной платы) (рис. 1). В качестве заключительного этапа проводятся тесты на значимость регрессионных коэффициентов и проверка на соответствие модели нормальному распределению остатков.

Таблица 1 – Результативный и факторные признаки для анализа

Table 1 – Effective and factorial features for analysis

№ п/п	Наименование субъекта Российской Федерации	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб. (Y)	Прожиточный минимум в 2022 году для трудоспособного населения (X1)	Валовый региональный продукт на душу населения за 2022 год (X2)	Инвестиции в основной капитал в 2022 году млн руб.(X3)
1	2	3	4	5	6
1	Республика Адыгея	40231	13 047	395 639,8	46 517,90
2	Республика Башкортостан	49460	13 200	549 048,0	512 388,10
3	Республика Бурятия	53495	16 537	457 864,5	106 118,80
4	Республика Алтай	43974	14 263	434 627,5	31 140,00
5	Республика Дагестан	35082	13 806	285 551,7	314 200,60
6	Республика Ингушетия	32801	14 263	159 603,5	22 920,20
7	Кабардино-Балкарская Республика	35251	16 235	286 415,1	57 825,10
8	Республика Калмыкия	36349	14 110	448 137,3	14 253,00
9	Карачаево-Черкесская Республика	35463	13 806	268 526,2	34 011,20
10	Республика Карелия	56458	18 109	738 326,4	95 571,00
11	Республика Коми	68790	18 426	1 335 846,2	118 514,40
12	Республика Марий Эл	40713	13 352	388 519,7	42 428,80
13	Республика Мордовия	39538	12 896	441 297,3	59 418,90
14	Республика Саха (Якутия)	96728	22 911	2 029 719,8	616 285,20
15	Республика Северная Осетия–Алания	36360	13 655	316 184,7	43 318,20
16	Республика Татарстан (Татарстан)	52274	12 896	1 044 591,6	888 648,80
17	Республика Тыва	51782	15 324	320 059,3	17 314,10
18	Удмуртская Республика	45811	13 504	668 044,0	137 003,90
19	Республика Хакасия	54522	15 476	656 789,1	48 196,30
20	Чеченская Республика	33700	14 565	206 751,3	119 515,30
21	Чувашская Республика – Чувашия	41527	12 896	425 530,9	93 777,00
22	Алтайский край	39270	13 504	440 933,3	145 864,70
23	Краснодарский край	50252	14 565	738 801,1	690 704,70
24	Красноярский край	71728	16 841	1 164 188,7	747 818,40
25	Приморский край	63589	18 054	840 706,9	327 859,70
26	Ставропольский край	41402	13 655	414 255,4	286 449,00
27	Хабаровский край	65897	20 228	828 825,8	264 734,90
28	Амурская область	65864	17 630	794 644,1	464 063,60
29	Архангельская область	64417	17 600	722 234,1	107 117,30
30	Астраханская область	47780	14 717	801 999,8	86 115,60
31	Белгородская область	47638	12 745	859 545,1	193 557,60
32	Брянская область	40804	14 309	474 159,6	87 395,00
33	Владимирская область	45677	14 717	585 131,4	179 369,00
34	Волгоградская область	44242	13 047	491 186,6	216 475,90
35	Вологодская область	53580	15 324	903 488,3	167 750,20
36	Воронежская область	46277	12 896	600 596,0	344 140,00
37	Ивановская область	36380	13 959	395 919,8	59 451,10
38	Иркутская область	64635	16 082	1 001 234,6	833 682,40
39	Калининградская область	47349	15 628	715 358,6	140 535,90
40	Калужская область	53910	14 565	647 307,2	135 811,50
41	Камчатский край	103540	27 493	1 228 904,5	90 934,70
42	Кемеровская область	57653	13 806	848 312,2	365 621,20

Продолжение табл. 1
Continuation of Table 1

1	2	3	4	5	6
43	Кировская область	40833	13 504	484 903,7	84 716,10
44	Костромская область	40242	14 031	480 119,7	36 901,80
45	Курганская область	41792	14 263	442 701,5	54 666,60
46	Курская область	46059	13 200	620 432,2	202 596,50
47	Ленинградская область	60008	15 324	822 793,9	545 688,00
48	Липецкая область	46059	12 593	700 248,9	166 200,00
49	Магаданская область	121462	26 400	2 338 219,1	89 647,20
50	Московская область	70705	17 683	901 231,0	1 329 378,50
51	Мурманская область	87326	24 252	1 735 233,4	256 090,60
52	Нижегородская область	48368	14 263	739 124,7	462 074,90
53	Новгородская область	45247	14 869	657 673,6	57 236,40
54	Новосибирская область	53757	15 318	693 656,0	322 427,90
55	Омская область	46952	13 554	514 203,2	191 359,60
56	Оренбургская область	43540	13 200	850 040,2	234 682,90
57	Орловская область	40843	14 110	524 570,9	60 550,80
58	Пензенская область	41307	12 745	472 849,7	103 836,90
59	Пермский край	53234	13 959	795 795,4	357 167,00
60	Псковская область	38966	15 019	435 172,2	39 594,10
61	Ростовская область	44767	14 263	556 629,3	465 500,90
62	Рязанская область	45770	13 504	566 113,0	93 396,40
63	Самарская область	48874	14 263	754 217,9	446 698,60
64	Саратовская область	42917	12 745	493 792,4	207 730,60
65	Сахалинская область	102684	20 634	3 303 417,0	269 276,10
66	Свердловская область	55308	14 717	816 092,1	541 660,10
67	Смоленская область	41717	14 565	549 222,4	64 904,80
68	Тамбовская область	39346	13 309	487 060,1	84 982,80
69	Тверская область	45732	14 565	516 488,8	88 853,30
70	Томская область	57879	15 265	765 634,7	119 765,30
71	Тульская область	51218	14 869	674 432,0	212 314,90
72	Тюменская область	61901	15 172	1 071 252,3	357 767,40
73	Ульяновская область	41523	13 504	496 339,6	105 140,20
74	Челябинская область	50104	14 253	673 544,8	373 143,10
75	Забайкальский край	59413	17 751	549 172,0	182 104,70
76	Ярославская область	47388	14 263	623 525,1	109 627,70
77	г. Москва	125638	23 508	2 182 863,0	5 917 985,90
78	г. Санкт-Петербург	86630	15 779	1 992 591,6	997 478,00
79	Еврейская автономная область	56957	20 447	543 204,8	20 116,30
80	Ненецкий автономный округ	106949	27 707	11 786 365,0	85 509,40
81	Ханты-Мансийский АО – Югра	97562	20 302	4 003 533,3	1 329 382,30
82	Чукотский автономный округ	140602	34 593	2 946 171,5	81 266,60
83	Ямало-Ненецкий автономный округ	131516	21 617	10 453 480,0	1 414 673,80
84	Республика Крым	41986	14 717	340 924,6	214 091,70
85	г. Севастополь	43112	15 172	415 460,8	72 227,80

Выборка данных осуществлялась из официальных источников Федеральной службы государственной статистики.

Результаты

Таблица 2 – Регрессионная статистика

Table 2 – Regression statistics

ВЫВОД ИТОГОВ						
<i>Регрессионная статистика</i>						
Множественный R	0,945564					
R-квадрат	0,894091277					
Нормированный R-квадрат	0,890168732					
Стандартная ошибка	7696,737799					
Наблюдения	85			F крит	2,717342734	

Таблица 3 – Дисперсионный анализ

Table 3 – Analysis of variance

Дисперсионный анализ						
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>	
Регрессия	3,0000	40508720956,6074	13502906985,5358	227,9365	0,0000	
Остаток	81,0000	4798421592,9690	59239772,7527			
Итого	84,0000	45307142549,5765				
	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>	<i>Нижние 95%</i>	<i>Верхние 95%</i>
У-пересечение	-15285,7502	3927,7891	-3,8917	0,0002	-23100,8185	70,6819
Прожиточный минимум в 2022 го	4,0962	0,2636	15,5381	0,0000	3,5717	4,6207
Валовый региональный продукт	0,0031	0,0006	5,1611	0,0000	0,0019	0,0043
Инвестиции в основной капитал в	0,0086	0,0013	6,7273	0,0000	0,0061	0,0111

Таблица 4 – Корреляционная матрица

Table 4 – The correlation matrix

	<i>Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб (Y)</i>	<i>Прожиточный минимум в 2022 году для трудоспособного населения (X1)</i>	<i>Валовый региональный продукт на душу населения за 2022 год (X2)</i>	<i>Инвестиции в основной капитал в 2022 году (X3)</i>
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб (Y)	1			
Прожиточный минимум в 2022 году для трудоспособного населения (X1)	0,888013374	1		
Валовый региональный продукт на душу населения за 2022 год (X2)	0,68764913	0,576221871	1	
Инвестиции в основной капитал в 2022 году (X3)	0,473768429	0,243078413	0,229065775	1

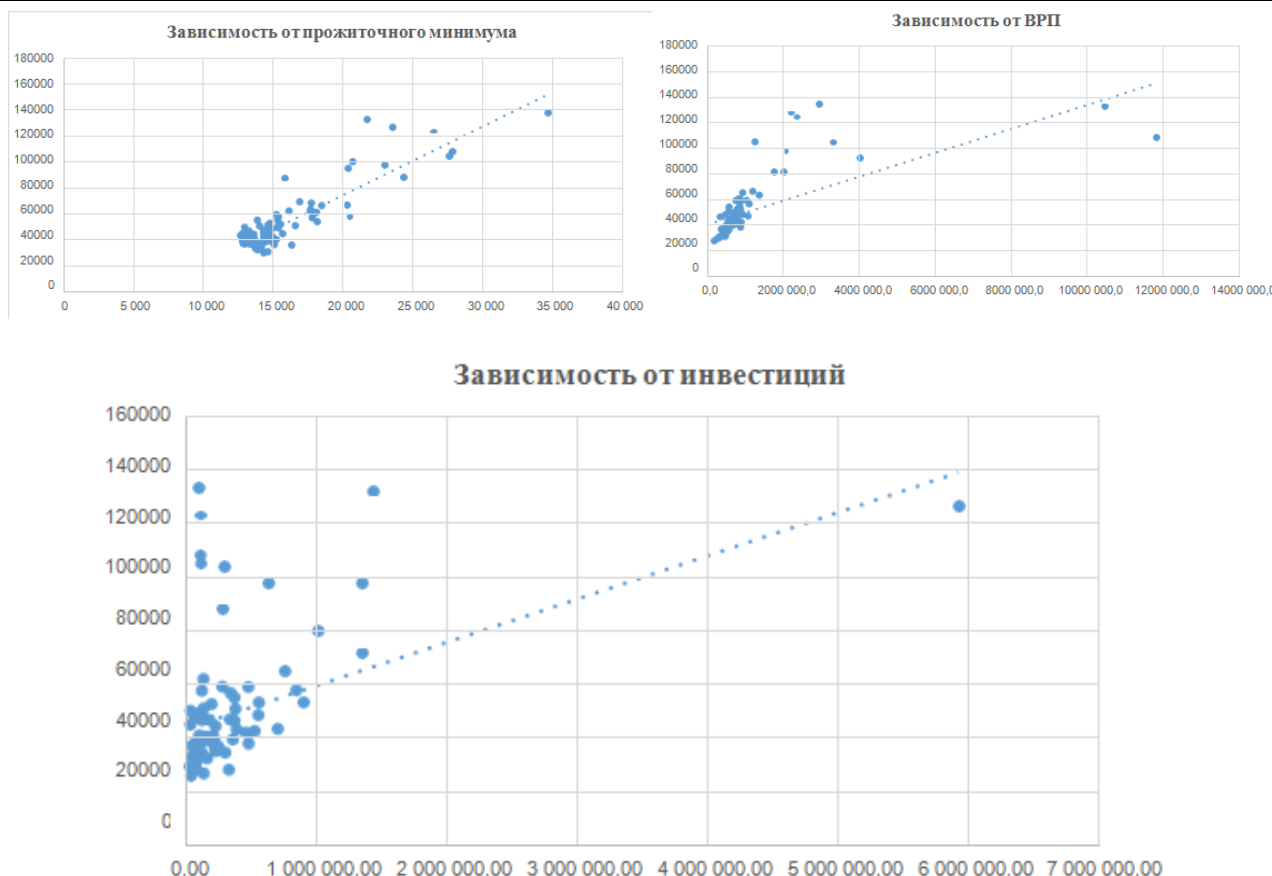

Рис. 1. Корреляционная зависимость:
среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций,
руб. (Y) от прожиточного минимума в 2022 году для трудоспособного населения (X1);
от валового регионального продукта на душу населения за 2022 год (X2);
от инвестиций в основной капитал в 2022 году (X3)

Fig. 1. Correlation dependence of the average monthly nominal accrued salary of employees of organizations, rubles (Y) on the subsistence level in 2022 for the working-age population (X1); on the gross regional product per capita for 2022 (X2); on investments in fixed assets in 2022 (X3)

В результате проведенных исследований были выявлены ключевые факторы, оказывающие значительное влияние на уровень заработной платы, а также установлены количественные зависимости между ними.

В рамках анализа была построена множественная регрессионная модель

($\hat{y} = 2,302x_1 + 0,021x_2 + 0,007x_3$), которая учитывает следующие ключевые факторы: прожиточный минимум в 2022 году для трудоспособного населения (X1); валовый региональный продукт на душу населения за 2022 г. (X2); инвестиции в основной капитал в 2022 г. (X3).

Для оценки качества полученной модели был использован критерий Фишера (F-тест). Результаты показали, что значение F-модели (227,9365) значительно превышает критическое значение (2,717342734), что подтверждает высокую значимость модели и ее адекватность для анализа.

Заключение

На основании проведенного регрессионного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Наиболее значимым фактором, влияющим на уровень заработной платы в регионах России, является прожиточный минимум и территориально установленный минимальный размер оплаты труда. Это подчеркивает важность государственной политики в области регулирования зарплат. ВРП и доходы бюджетов регионов также играют значительную роль в формировании уровня заработной платы. Эти факторы указывают на необходимость комплексного подхода к экономическому развитию регионов для повышения уровня жизни населения [7, с. 108].

2. Для более детального понимания механизмов формирования заработной платы необходимо продолжать исследования с учетом дополнительных факторов, таких как уровень безработицы и экономическая активность населения [8, с. 77].

На основе исследования предложим ряд рекомендаций.

Во-первых, установление минимальных гарантий и соблюдение минимального размера оплаты труда. Рекомендуются устанавливать минимальные оклады и ставки заработной платы по профессиональным квалификационным группам, что позволит обеспечить базовую защиту работников от низкой оплаты труда. Все оклады должны быть не ниже установленного МРОТ, а компенсационные и стимулирующие выплаты должны начисляться сверх этой величины. Во-вторых, прозрачные правила определения вознаграждения и предсказуемость выплат [9, с. 34]. Необходимо разработать четкие и понятные правила, согласно которым будет осуществляться определение уровня заработной платы. Это включает в себя открытость информации о критериях оценки труда и условиях получения вознаграждения. Работники должны иметь возможность заранее знать, какое вознаграждение они получают в зависимости от результатов своей работы. В-третьих, объективная оценка труда и адекватность вознаграждения. Размер вознаграждения должен определяться на основе объективных показателей эффективности работы сотрудников, что позволит избежать субъективизма в принятии решений. Заработная плата должна соответствовать уровню квалификации работника, сложности выполняемой работы и вкладу в общие результаты деятельности учреждения [10, с. 145]. В-четвертых, при разработке систем оплаты труда следует учитывать специфику каждого региона, включая уровень жизни, экономическое развитие и потребности рынка труда. Это позволит более точно определить адекватные размеры заработной платы для различных категорий работников. В-пятых, анализ и корректировка систем оплаты труда и взаимодействие с профсоюзами. Необходимо проводить регулярный анализ эффективности существующих систем оплаты труда с целью их совершенствования. Это включает в себя мониторинг уровня заработной платы, динамики инфляции и изменений в экономической ситуации. Участие социальных партнеров в обсуждении вопросов оплаты труда способствует более справедливому и сбалансированному подходу к регулированию заработной платы.

Список источников

1. Жилин В. В., Калущких Г. Н., Бондарева Г. А., Польская Г. А., Шломина А. М. О проблеме дифференциации уровня оплаты труда в регионах / В. В. Жилин, Г. Н. Калущких, Г. А. Бондарева, Г. А. Польская, А. М. Шломина // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2020. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-differentsiatsii-urovnya-oplaty-truda-v-regionah-rossii>
2. Игнатова Т. В. Экономические императивы социальной политики РФ в рамках обеспечения безопасности государства / Т. В. Игнатова, Д. Е. Иванова, К. А. Яблонский // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2020. Т. 17. № 8. С. 5-11. – EDN FTAOTL.
3. Иванова Д. Е., Яблонский К. А. Роль социальной политики государства в обеспечении безопасности граждан: состояние и основные проблемы / Д. Е. Иванова, К. А. Яблонский // Научное обозрение: теория и практика. 2020. Т. 10. № 12(80). С. 3215-3224. – DOI 10.35679/2226-0226-2020-10-12-3215-3224. – EDN XIESKG.
4. Фёдорова Л. Н. Факторы дифференциации заработной платы отдельных категорий работников в российской экономике / Л. Н. Фёдорова // Вестник НГУЭУ. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-differentsiatsii-zarabotnoy-platy-otdelnyh-kategoriy-rabotnikov-v-rossiyskoy-ekonomike>
5. Яроменко Н. Н. Корреляционно-регрессионный анализ факторов, влияющих на размер получаемых субъектом РФ дотаций / Н. Н. Яроменко, А. А. Мельконьян, К. К. Жарикова, В. В. Каширин // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 6-1. – С. 195-199; URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3519>
6. Мигранова Л. А. Заработная плата в России в 2015-2021 годах / Л. А. Мигранова // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. № 3. С. 175-190. – DOI 10.19181/population.2021.24.3.14. – EDN EYWWFG.
7. Васильева Е. В. Возрастная дифференциация в заработной плате на российском рынке труда: выявление причин / Е. В. Васильева, А. Н. Тырсин // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17. № 3. – С. 103-132. – DOI 10.14530/se.2021.3.103-132. – EDN MVCQFF.

8. Диденко Д. В. Неравенство доходов в современной России на фоне долгосрочной исторической ретроспективы / Д. В. Диденко // *Terra Economicus*. – 2022. – Т. 20, № 2. – С. 72-85. – DOI 10.18522/2073-6606-2022-20-2-72-85. – EDN EAIEDY.

9. Власова, О. В. Угрозы снижения уровня благосостояния населения России / О. В. Власова, А. Ю. Быстрицкая, Е. В. Скрипкина // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. – 2022. – № 4-1. – С. 31-36. – DOI 10.17513/vaael.2132. – EDN EZIPJR.

10. Заработная плата и безработица: динамика и территориальная дифференциация / А. А. Головин, А. Ю. Быстрицкая, Д. В. Зюкин [и др.] // *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. – 2021. – № 1. – С. 144-151. – EDN AXCPW.

References

1. Zhilin V. V., Kalutskikh G. N., Bondareva G. A., Polskaya G. A., Shlomina A. M. On the problem of wage differentiation in the regions. *Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2020;(7). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-differentsiatsii-urovnya-oplaty-truda-v-regionah-rossii>. (In Russ.)

2. Ignatova T. V., Ivanova D. E., Yablonsky K. A. Economic imperatives of the social policy of the Russian Federation in the framework of ensuring state security. *FES: Finance. Economy. Strategy*. 2020;17(8):5–11. – EDN FTAOTL. (In Russ.)

3. Ivanova D. E., Yablonsky K. A. The role of state social policy in ensuring the safety of citizens: status and main problems. *Scientific review: theory and practice*. 2020;10(12(80)):3215–3224. – DOI 10.35679/2226-0226-2020-10-12-3215-3224. – EDN XIESKG. (In Russ.)

4. Fedorova L. N. Factors of wage differentiation of certain categories of workers in the Russian economy. *Bulletin of the National Research University of Economics*. 2016;(4). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-differentsiatsii-zarabotnoy-platy-otdelnykh-kategoriy-rabotnikov-v-rossiyskoy-ekonomike>. (In Russ.)

5. Yaromenko N. N., Melkonyan A. A., Zharikova K. K., Kashirin V. V. Correlation and regression analysis of factors influencing the amount of subsidies received by a subject of the Russian Federation. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2024;6-1:195–199. (In Russ.)

6. Migranova L. A. Wages in Russia in 2015-2021. *Population*. 2021;24(3):175–190. – DOI 10.19181/population.2021.24.3.14. – EDN EYWWFG. (In Russ.)

7. Vasilyeva E. V., Tyrsin A. N. Age differentiation in wages in the Russian labor market: identification of causes. *Spatial economics*. 2021;17(3):103–132. – DOI 10.14530/se.2021.3.103-132. – EDN MVCQFF. (In Russ.)

8. Didenko D. V. Income inequality in modern Russia against the background of a long-term historical retrospective. *Terra Economicus*. 2022;20(2):72–85. – DOI 10.18522/2073-6606-2022-20-2-72-85. – EDN EAIEDY. (In Russ.)

9. Vlasova O. V., Bystritskaya A. Yu., Skripkina E. V. Threats to reduce the welfare of the Russian population. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2022;(4-1):31–36. – DOI 10.17513/vaael.2132. – EDN EZIPJR. (In Russ.)

10. Golovin A. A., Bystritskaya A. Y., Zyukin D. V. [et al.] Wages and unemployment: dynamics and territorial differentiation. *Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2021;(1):144–151. – EDN AXCPW. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. Е. Иванова – старший преподаватель кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

В. Е. Иванов – преподаватель кафедры огневой и физической подготовки, майор полиции, Волгодонский филиал РЮИ МВД.

Information about the authors

D. E. Ivanova – Senior Lecturer of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

V. E. Ivanov – Teacher of the Department of Fire and Physical Training, Police Major, Volgodonsk branch of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 21.02.2025.

The article was submitted 13.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 21.02.2025.

Социально-экономические мотивации жителей моногородов

Марина Владимировна Иванова¹, Ирина Владимировна Князева²

^{1,2}Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирск, Россия

¹ivanovamvlad@mail.ru

²knyazeva-iv@ranepa.ru

Аннотация

Введение. Существующие в России программы повышения диверсификации экономики монопрофильных муниципальных образований (моногородов), направленные на снижение зависимости экономических процессов от градообразующей отрасли, должны способствовать росту качества жизни населения и обеспечивать уменьшение миграционного оттока. Однако основной вектор развития территории по-прежнему задает степень экономической устойчивости градообразующего предприятия: в моногородах со стабильным градообразующим предприятием негативные тенденции изменения социально-экономических и иных показателей развития выражены менее заметно, чем в моногородах с депрессивным градообразующим предприятием. Важнейшей задачей по-прежнему остается поиск путей и приоритетных вариантов развития экономики моногородов.

Цель. Выявление значимых для населения факторов, оказывающих влияние на миграционные настроения в моногородах с учетом состояния экономической устойчивости градообразующего предприятия.

Материалы и методы. Анализ динамики социально-экономических показателей развития моногородов, а также функционирования градообразующих предприятий, проведен на основе данных официальной статистики, размещенной в государственной автоматизированной информационной системе «Управление», по предварительному запросу авторов в государственную корпорацию развития «ВЭБ.РФ». В связи с тем, что все используемые статистические материалы являются коммерческой тайной или данные являются публично закрытой информацией, в настоящей статье результаты представлены исключительно в виде агрегированных выводов.

Гипотеза исследования. Тенденции развития моногородов находятся в тесной зависимости от степени экономической устойчивости градообразующего предприятия. Стратегия диверсификации экономики моногородов без поддержки градообразующего предприятия не оказывает значительного, положительного влияния на их развитие, а отсутствие перспектив улучшения качества жизни, способствуют усилению миграции граждан трудоспособного возраста и формируют мотивацию к переезду семей с детьми.

Объект исследования: факторы социально-экономического развития монопрофильных муниципальных образований, воздействующие на миграционные процессы в моногородах.

Результаты и выводы. В статье проанализированы существующие особенности социально-экономического развития моногородов и градообразующих предприятий, представлены результаты социологического опроса жителей моногородов, выявлены мотивационные факторы, способствующие формированию миграционных настроений в обществе. С учетом существующей динамики изменения социально-экономических показателей развития моногородов возможно спрогнозировать дальнейшее усиление оттока населения в значительной доле монопрофильных образований, что приведет к еще большему снижению качества трудовых ресурсов.

Ключевые слова: градообразующее предприятие, моногород, рынок труда, социально-экономическое развитие, миграция, мотивационные факторы, экономическая устойчивость, социально-экономические процессы

Для цитирования: Иванова М. В., Князева И. В. Социально-экономические мотивации жителей моногородов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 106–115. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-106-115>. EDN IOURIV

Problems of Economics

Original article

Socio-economic motivations of residents of single-industry towns

Marina V. Ivanova¹, Irina V. Knyazeva²

^{1,2}Siberian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia

¹ivanovamvlad@mail.ru

²knyazeva-iv@ranepa.ru

Abstract

Introduction. The existing programs in Russia to increase the economic diversification of single-industry municipalities (single-industry towns), aimed at reducing the dependence of economic processes on the city-forming industry, should contribute to an increase in the quality of life of the population and ensure a reduction in migration outflow. However, the main vector of development of the territory still determines the degree of economic stability of the city-forming enterprise: in single-industry towns with a stable city-forming enterprise, negative trends in socio-economic and other development indicators are less pronounced than in single-industry towns with a depressed city-forming enterprise. The most important task remains to find ways and priority options for the development of the economy of single-industry towns.

Materials and methods. The analysis of the dynamics of socio-economic indicators of the development of single-industry towns, as well as the functioning of city-forming enterprises, was carried out on the basis of official statistics posted in the state automated information system "Management", at the preliminary request of the authors to the state development Corporation "VEB.RF".

Due to the fact that all statistical materials used are trade secrets or the data is publicly classified information, the results in this article are presented exclusively in the form of aggregated conclusions.

Purpose. Identification of significant population factors influencing migration sentiment in single-industry towns, taking into account the state of economic stability of the city-forming enterprise.

Research hypothesis. The development trends of single-industry towns are closely dependent on the degree of economic stability of the city-forming enterprise. The strategy of diversifying the economy of single-industry towns without the support of a city-forming enterprise does not have a significant positive impact on their development, and the lack of prospects for improving the quality of life contributes to increased migration of working-age citizens and motivates families with children to move.

Object of research: factors of socio-economic development of single-industry municipalities affecting migration processes in single-industry towns.

Results and conclusions. The article analyzes the existing features of the socio-economic development of single-industry towns and city-forming enterprises, presents the results of a sociological survey of residents of single-industry towns, and identifies motivational factors contributing to the formation of migration attitudes in society. Taking into account the current dynamics of changes in socio-economic indicators of the development of single-industry towns, it is possible to predict a further increase in population outflow in a significant proportion of single-industry formations, which will lead to an even greater decrease in the quality of labor resources.

Keywords: urban-forming enterprise, single-industry town, labor market, socio-economic development, migration, motivational factors, economic stability, socio-economic processes

For citation: Ivanova M. V., Knyazeva I. V. Socio-economic motivations of residents of single-industry towns. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):106–115. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-106-115>. EDN IOURIV

Введение

Особенностью функционирования российских моногородов является низкий уровень диверсификации экономики, обусловленный жесткой зависимостью социально-экономических процессов моногорода от деятельности градообразующего предприятия [1]. Наиболее выраженным индикатором социально-экономического состояния моногородов выступают миграционные процессы, которые отмечены усилением оттока трудоспособного населения из моногородов, в случае стагнации градообразующего предприятия.

Стабильное градообразующее предприятие способствует созданию благоприятных условий для рационального и эффективного функционирования общественной среды города – установления миграционного баланса, роста спроса, потребительской активности и развития малого и среднего бизнеса.

Осуществляя свою деятельность градообразующие предприятия стремятся не только реализовать собственную рыночную стратегию, но и положительно воздействовать на социально-экономическое развитие территории присутствия. Действующее градообразующее предприятие реализует социальные обязательства, обеспечивает благотворительные программы, принимает участие в городских социально-инвестиционных проектах, осуществляет поддержку молодежных инициатив и ветеранов производства, помогает в формировании детских образовательных программ, участвует в культурных, спортивных мероприятиях и другое.

Ресурсное снабжение жилищно-коммунального хозяйства, социальной инфраструктуры, эксплуатационная пригодность инженерных сетей, также во многом зависят от объектов энергоснабжения градообразующих предприятий, либо объектов энергоснабжения, являющихся сетевыми объектами, находящимися в муниципальной собственности и на балансе градообразующих предприятий. Во многих моногородах, с выраженной стагнацией градообразующего предприятия, фиксируется высокий процент аварийного и ветхого жилья, значительный износ инженерных сетей и объектов социальной инфраструктуры, в том числе в связи с передачей непроизводственных активов градообразующих предприятий на баланс муниципалитетов. Актуален вопрос низкого качества медицинского обслуживания ввиду отсутствия высококвалифицированного персонала и необходимого узкоспециализированного оборудования [2].

Исследования особенностей социально-экономического развития моногородов подтверждают, что при стабильном функционировании градообразующего предприятия развитие моногорода имеет устойчивую положительную динамику [3]. При возможной стагнации или закрытии градообразующего предприятия развитие моногорода становится проблемным: снижается численность трудоспособного населения из-за оттока кадров, растет уровень безработицы, в том числе скрытой, увеличивается социальная напряженность, возрастает уровень преступности, усугубляются жилищно-коммунальные, инфраструктурные и экологические проблемы [2; 4–5].

Особенно остро проблемы моногородов проявляются в периоды экономических кризисов. В условиях прекращения или значительного сокращения деятельности градообразующих предприятий моногорода могут оказаться в состоянии устойчивой стагнации, а депрессивный фон жизни местного населения способствует активизации миграционных настроений в обществе.

В 2020–2021 гг. моногорода столкнулись с кризисом пандемии, в 2022–2024 гг. – санкционным или экономическим давлением со стороны стран-поставщиков ресурсов и стран-покупателей готовой продукции.

По данным исследования Центра стратегических разработок, более 1/3 градообразующих предприятий испытали прямое или косвенное санкционное давление с февраля 2022 г., 78,6 % градообразующих предприятий к концу 2022 г. переориентировали логистические процессы доставки оборудования и ресурсов в направлении иных поставщиков, либо находятся в активной фазе переориентации; 13,7 % вынуждены наладить экспортные каналы на новые рынки сбыта; 7,7 % сократили инвестирование на несвязанные с основной производственной деятельностью статьи расходов, в том числе экологического и социального характера [6].

От того, будут ли успешны меры, предпринимаемые градообразующими предприятиями в отношении стабилизации их производственной и финансовой функции в сложившихся экономико-политических условиях, значительным образом зависит миграционная активность, благосостояние населения, естественный прирост и уровень социально-экономической стабильности моногорода.

Особенность функционирования моногородов

По данным на 01.01.2025, в действующий перечень моногородов включено 321 муниципальное образование, которые неравномерно распределены на территории 63 субъектов Российской Федерации, наибольшее их количество сосредоточено в Кемеровской (24 моногорода, общая численность населения более 1,51 млн чел.), Свердловской (17 моногородов, численность населения выше 1,31 млн чел.) и Челябинской областях (16 моногородов, численность населения превышает 1,15 млн чел.) [7].

Моногорода значительно дифференцированы по численности населения, отраслевой специализации, географическому расположению, транспортной доступности, инвестиционной привлекательности, ресурсному потенциалу, социально-экономическому состоянию и другим факторам [8].

Существующие меры поддержки едины для всех моногородов и не зависят от типа и особенностей развития моногорода¹.

С целью мониторинга социально-экономического состояния моногорода объединены в 3 категории по признаку «риск ухудшения социально-экономического положения»². Характеристика категорий включает параметры устойчивости градообразующего предприятия и оценку социально-экономического состояния моногорода.

- категория 1 - наиболее сложное социально-экономическое положение (98 моногородов, численность населения более 4,14 млн чел.);

- категория 2 – присутствует риск ухудшения социально-экономического положения (148 моногородов с численностью населения более 4,73 млн чел.);

- категория 3 – стабильная социально-экономическая ситуация (75 моногородов, в которых проживают более 4,45 млн чел.).

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации отмечается, что в большей степени меры поддержки моногородов ориентированы на диверсификацию рынка труда путем формирования сети малого и среднего предпринимательства с целью уменьшения риска значительного роста уровня безработицы, снижения доли занятых на градообразующих предприятиях, а также сокращения числа моногородов (перевод их в иной статус) [9].

Несмотря на осуществляемые действия в отношении повышения уровня диверсификации экономики моногородов, в значительном масштабе для них сохраняются условия приоритетной занятости трудоспособного населения на градообразующих предприятиях.

Наибольшая занятость на градообразующих предприятиях отмечается в моногородах: пос. Восток (Приморский край), специализирующемся на добыче вольфрамовых руд (90,0 % работников от общей численности занятых на предприятиях в моногороде), р.п. Каменка Ивановской области (легкая промышленность – 81,3 %), пгт. Силикатный Ульяновской области (производство кирпича черепицы и прочих строительных изделий из обожжённой глины – 78,2 %), пгт. Елань-Коленовский Воронежской области (пищевая промышленность, производство сахарного песка – 75,1 %), п. Степное Озеро Алтайского края (обрабатывающее производство, производство неорганических веществ – 73,9 %), г. Верхняя Салда Свердловской области (производство цветных металлов – 72,2 %) и другие.

Среди наиболее зависимых от градообразующего предприятия определяются рынки труда моногородов, отраслевая специализация которых относится к добыче полезных ископаемых (13 моногородов с долей занятых на градообразующих предприятиях более 70 %), машиностроению (9 моногородов, более 70 % занятых) и лесной промышленности (7 моногородов, более 70 % занятых)³.

¹ Государственная корпорация развития ВЭБ.РФ. Поддержка моногородов России.

URL: <http://veb.ru/strategy/region/mono/#fond>

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/

³ Государственная автоматизированная информационная система «Управление». URL: <https://gasu.gov.ru/infopanel?id=11851>

Для большинства моногородов сохраняется отрицательная динамика численности населения, обусловленная миграционными процессами, в том числе, оттоком трудоспособного населения. По данным на 01.01.2022, 72 % моногородов имеют отрицательную динамику прироста населения, существенный уровень снижения численности населения по отношению к 2013 г. наблюдается в городах: г. Новоульяновск Ульяновской обл. (-10,9 %), г. Воркута Республики Коми (-11,4 %), г. Прокопьевск Кемеровской обл. (-13,2 %).

В период с 2013–2023 гг. численность трудоспособного населения в моногородах сократилась на 4,7 % и составила 7339,4 тыс. чел. Среднесписочная численность работников градообразующих предприятий, за аналогичный период сократилась более чем на 21 % и составила 856,8 тыс. чел. Таким образом, отток трудоспособного населения в большей степени обусловлен высококвалифицированными кадрами, бывшими работниками градообразующих предприятий¹.

Источники и методы исследования

Анализ динамики социально-экономических показателей развития моногородов, а также функционирования градообразующих предприятий, проведен на основе данных официальной статистики, размещенной в государственной автоматизированной информационной системе «Управление», по предварительному запросу авторов в государственную корпорацию развития «ВЭБ.РФ»².

В связи с тем, что все используемые статистические материалы являются коммерческой тайной, или данные являются публично закрытой информацией, в настоящей статье результаты представлены исключительно в виде агрегированных выводов.

Процессы миграции в моногородах – наиболее чувствительный индикатор социально-экономического развития территории, отражающий изменение качества жизни населения. С целью определения значимых факторов, оказывающих существенное воздействие на миграционный отток в моногородах, проведено социологическое исследование мнений жителей моногородов методом анкетирования с применением вероятностной (стратифицированной) выборки. Моногорода объединены в страты в соответствии с категорией социально-экономического развития, из каждой страты случайным образом произведен опрос среди 3439 респондентов из 152 моногородов России (табл. 1). Формирование анкеты выполнено с использованием инструмента «Yandex forms», распространение анкеты респондентам производилось через социальные сети «VK», «Telegram» и «Одноклассники». Исследование проведено в два этапа: первый этап реализован в период с 01.01.2020 по 01.05.2020 гг., второй этап инициирован в октябре 2024 г. (по второму этапу получены предварительные результаты, опрошено 897 респондентов).

В анкету включены 32 вопроса, характеризующие разные аспекты жизни населения моногородов: качество городской среды (в том числе социальной инфраструктуры), рынок труда, деятельность градообразующего предприятия, развитие предпринимательской инициативы, качество жизни, эффективность государственных программ, экология, миграция. Ответы жителей крупных, высоко-иверсифицированных моногородов: г. Тольятти, г. Набережные Челны, г. Новокузнецк, г. Череповец, г. Магнитогорск, г. Нижний Тагил (численность населения более 250000 человек), с целью достоверности полученных результатов исследования, исключены из анализируемой выборки.

Результаты и обсуждение

В результате проведенного исследования динамики социально-экономических показателей определено, что значительная доля моногородов характеризуется высоким уровнем оттока трудоспособного населения, что ведет к истощению кадрового потенциала моногородов, снижению качества трудовых ресурсов, старению населения, а также увеличению численности граждан, зависящих от разных форм социальной помощи. Наблюдаются значительные демографические трансформации – увеличивается доля жителей возрастных групп и снижается доля представителей молодого поколения, сокращается доля детей в совокупной структуре населения.

¹ Постановление Правительства РФ от 29.07.2014 № 709. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166538/3e2609c425dcbff2c8d3f66cf2d963f1c2ea344/

² Государственная корпорация развития ВЭБ.РФ. Поддержка моногородов России. URL: <https://вэб.рф/podderzhka-monogorodov/>

Таблица 1 – Структуры выборки респондентов по социально-демографическому признаку
Table 1 – Sample structures of respondents based on socio-demographic characteristics

Показатель	Значение	Число респондентов, человек			
		Категория 1*	Категория 2*	Категория 3*	Итого
Возраст	до 18 лет	53	63	12	128
	19-36 лет	664	927	312	1903
	37-55 лет	382	525	195	1102
	55-65 лет	123	136	37	296
	66 и более лет	5	4	1	10
	Итого	1227	1655	557	3439
Наличие детей	Есть несовершеннолетние дети	613	872	308	1793
	Нет несовершеннолетних детей	614	783	249	1646
Семейное положение	Женат (замужем)	743	1026	384	2153
	Сожительствую	120	152	50	322
	Холост (не замужем), живу один	166	218	54	438
	Холост (не замужем), живу с родственниками	198	259	69	526
	Итого	1227	1655	557	3439
Социальный статус	Безработный	30	29	11	70
	Занятый домашним хозяйством	93	110	34	237
	Пенсионеры	67	64	14	145
	Работающее население	918	1315	462	2695
	Самозанятое население	1	4	3	8
	Свой бизнес	2	2	0	4
	Учащиеся/студенты	116	131	33	280
	Итого	1227	1655	557	3439
Уровень образования	Высшее (в т. ч. неполное высшее)	696	946	355	1997
	Среднее	151	179	46	376
	Среднее специальное	380	530	156	1066
	Итого	1227	1655	557	3439
	Количество городов, представленных в опросе, единиц	44	76	32	152

*категория 1 – наиболее сложное социально-экономическое положение; категория 2 – присутствует риск ухудшения социально-экономического положения; категория 3 – стабильная социально-экономическая ситуация.

Составлено авторами на основании проведенного исследования.

Основываясь на результатах анализа изменения статистических показателей, при оценке результатов социологического исследования, сформирована следующая гипотеза: отток населения из моногородов преимущественно сформирован гражданами трудоспособного возраста, что ведет к истощению человеческого потенциала монопрофильных территорий. Наиболее значимыми факторами, которые определяют мотивацию населения к переезду из моногородов, являются факторы, характеризующие состояние рынка труда, перспективы личностного роста и развития детей, состояние экологии и социальной инфраструктуры. Социологическое исследование позволило конкретизировать данные факторы с позиции местного населения.

Структура выборки показывает, что распределение территорий моногородов, исходя из законодательно-утвержденных категорий, в соответствии с риском ухудшения их социально-экономического состояния, представлено следующим образом: категория 1 – 44 моногорода (45% от общего числа моногородов в данной категории, опрошено 1227 респондентов); категория 2 – 76 моногородов (51%, 1655 респондентов); категория 3 – 32 моногорода (43%, 557 респондентов). Портрет респондента представлен постоянно проживающими на территории моногородов гражданами в возрастной категории от 16 до 72 лет, распределение опрошенных по возрасту: до 18 лет – 3,7% (128 человек); 19-36 лет – 55,4% (1903 человек); от 37-55 лет – 32% (1102 человек); от 56-и старше лет – 8,9% (296 человек). 72% респондентов состоят в официальном браке; 58% опрошенных имеют высшее образование; 78% - работающие по найму граждане, 8% пенсионеры, 51% опрошенных имеют несовершеннолетних детей (табл. 1).

Распределение опрошенных относительно промышленной специализации моногородов сформировано соотношением: черная металлургия (15% респондентов), добыча угля (13%), деревообрабатывающее производство (8%), целлюлозно-бумажная промышленность (7,7%), металлургическое производство (6,5%), автомобилестроение (6%), производство строительных материалов (4,7%), производство редких и драгоценных металлов и алмазов (4,1%), химическая промышленность (3%), приборостроение и электротехническая промышленность (2,8%), железнодорожное машиностроение (2,6%), пищевая промышленность (2%), и другие.

Отметим, что значительная дифференциация в ответах респондентов, в зависимости от их проживания в моногородах, относящихся к разным категориям социально-экономического развития, промышленной специализации моногорода и регионального представительства, не определена.

Приведённое социологическое исследование выявило ключевые факторы, способствующие оттоку населения из моногородов, а именно: невысокий уровень оплаты труда (95,2%), медицинского обслуживания (92,61%), отсутствие перспектив карьерного роста (90,6%), высокий уровень безработицы (88,3%), загрязнение экологии (80,8%), инертность социальной и общественной жизни, в том числе отсутствие перспектив развития детей (62,3%).

На вопрос о возможности найти работу, удовлетворяющую потребностям по уровню заработной платы и условиям труда - 60,7% респондентов отметили, что в населенном пункте их проживания отсутствуют места для желаемого трудоустройства. При этом, 92,6% опрошенных никогда не обращались в центр занятости населения с целью поиска работы. Только 5,2% опрошенных заняты предпринимательской деятельностью, при этом рассматривают вариант открытия собственного бизнеса на территории своего населенного пункта 23% опрошенных, а 47% респондентов исключают для себя такую возможность (табл. 2).

На предполагаемый риск для развития моногорода из-за оттока трудоспособного населения указали 76,4% участвующих в опросе, 75% опрошенных не хотели бы чтобы их дети остались жить в моногороде; 59% респондентов рассматривают возможность переезда; 23% из них, в ближайшее время.

Анализ ответов респондентов, рассматривающих переезд в ближайшее время, показал, что к данной категории опрошенных относятся лица в возрасте от 25 до 46 лет (86%), 67% респондентов данной группы имеют высшее образование, у 73% есть несовершеннолетние дети. Наиболее значимыми мотивационными факторами для переезда у данной возрастной группы выступают: отсутствие места для желаемого трудоустройства, низкий уровень заработных плат, экологические проблемы и потребность в качественном образовании для детей.

Важно, что в группе респондентов, имеющих несовершеннолетних детей, факторы, характеризующие возможность получения образования и развития детей, имеют приоритетное значение при принятии решения о переезде относительно факторов, характеризующих экологическую ситуацию в моногороде и рынок труда. Таким образом, в моногородах формируется уникальный феномен миграционного оттока: естественный прирост, который должен способствовать накоплению человеческого потенциала территории, выступает стимулятором для усиления миграционного оттока молодого населения. Фактор повышения рождаемости является мотивирующим для родителей при принятии решения о переезде из моногорода.

**Таблица 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос
«Насколько для Вашего населенного пункта характерны следующие условия?»**

Table 2 – The distribution of respondents' responses to the question
“How typical are the following conditions for your locality?”

Варианты ответов	возможно имеют место быть, %	однозначно актуальны, %	не акту- альны, %	затрудня- юсь отве- тить, %
высокий уровень безработицы	34,3	54	5,5	6,3
в основном все работают на градообразующем предприятии	28,2	38,1	21,7	12
высокий уровень оплаты труда на градообразующем предприятии	13,4	72,5	6,1	8,0
отток молодежи	20,8	73,5	2,4	3,4
тяжелые условия труда	43,6	34,3	10,8	11,4
низкий уровень заработных плат в коммерческом секторе	18,8	76,4	2,5	2,2
неофициальное трудоустройство	41,1	40,7	7	11,2
«серая» заработная плата	41,4	36	8	14,6
отсутствие перспектив карьерного роста	31,5	59,1	5	4,4
большинство работают в соседних населенных пунктах (с возможностью ежедневно возвращаться домой)	32,45	32,65	22,24	12,65
единственная возможность достойного заработка – это работа вахтовым методом	32,1	42,3	13,6	11,9

Составлено авторами по результатам социологического опроса

Респонденты дали негативную оценку основным параметрам рынка труда, а также обозначили низкую предпринимательскую инициативу. Значительная доля населения рассматривает переезд, как вариант решения социальных проблем. Из-за роста численности выбывших, сокращается демографический потенциал, в том числе для создания новых производств и развития бизнеса, падает мотивация к поддержке функционирования социальной инфраструктуры моногорода в прежних объемах, что вызывает эффект синергии в отношении снижения качества жизни населения.

Анализ предварительных результатов второго этапа социологического исследования, который инициирован авторами в марте 2024 г., показал отсутствие выраженных сдвигов в ответах респондентов на вопросы анкеты. Идентичность распределения ответов свидетельствует об отсутствии значимых для населения изменений в социально-экономических процессах развития моногородов в течение рассматриваемого периода.

Стратегия создания сети малого бизнеса с одновременным отсутствием поддержки градообразующей отрасли, развития социальной инфраструктуры, решения экологических проблем не формирует мотивацию у местного населения проживать и вести трудовую деятельность в моногороде. Ограниченность вариантов для развития и обучения детей (получение качественного дошкольного, школьного, дополнительного, профессионального и высшего образования в регионе своего проживания), систематические коммунальные аварии, высокие тарифы, аварийное состояние жилых помещений и мест общественного притяжения, невозможность получения профессиональной, узкоспециализированной медицинской помощи являются значимыми факторами для усиления оттока населения.

Выводы

Ввиду того, что градообразующее предприятие оказывает основное влияние на функционирование моногорода, меры поддержки монопрофильных муниципальных образований должны быть индивидуализированы с учетом частных показателей функционирования каждого моногорода. К возможным и наиболее действенным направлениям поддержки существующей градообразующей базы и ресурсного потенциала территории можно выделить следующие:

- масштабное обследование ресурсного, инфраструктурного и демографического потенциала моногородов, в том числе, с применением маркетинговых технологий, для типологизации монопрофильных территорий, с целью дальнейшего выбора индивидуальной стратегии развития города в рамках одной классификационной группы;
- повышение эффективности и конкурентоспособности перспективных градообразующих предприятий за счет государственной поддержки, включающей адресную помощь при решении экологических проблем территории присутствия;
- усиление диверсификации экономики моногорода с условием формирования сети малого и среднего предпринимательства в сопутствующих с градообразующим предприятием секторах экономической деятельности;
- поддержание и формирование социальной инфраструктуры в моногородах, в том числе обеспечение пассажирской логистики до крупных административных центров, с целью обеспечения занятости населения без изменения основного места проживания;
- контролируемое изменение численности населения особенно для отдаленных моногородов со сложной транспортной доступностью и низким ресурсным потенциалом, стагнирующим градообразующим предприятием.

С учетом существующей динамики изменения социально-экономических показателей развития моногородов возможно спрогнозировать дальнейшее усиление оттока населения в значительной доле монопрофильных образований, что приведет к еще большему снижению качества трудовых ресурсов.

Список источников

1. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Моногорода России: от аутсайдеров к лидерам экономического развития // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 5. С. 7–21.
2. Фомин М. В., Смирнов О. О., Мирязов Т. Р. Моногорода уральского федерального округа: матрица рисков развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monogoroda-uralskogo-federalnogo-okruga-matritsa-riskov-razvitiya>
3. Иванова М. В. Основные направления государственной политики в области экономической поддержки моногородов. Государственное и Муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 3. С. 268–276.
4. Ипполитова Н. А. Пространственная динамика численности населения малых городов сибирских регионов // Известия вузов. СКР. Серия: Естественные науки. 2023. № 1 (217). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennaya-dinamika-chislennosti-naseleniya-malyh-gorodov-sibirskih-regionov>.
5. Фомин М. В., Безвербный В. А., Шушпанова И. С., Микрюков Н. Ю., Лукашенко Е. А., Мирязов Т. Р. Моногорода Сибири и Дальнего Востока России: потенциал и перспективы развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monogoroda-sibiri-i-dalnego-vostoka-rossii-potentsial-i-perspektivy-razvitiya>
6. Караваева Т. И. Градообразующие предприятия моногородов: механизмы адаптации к рискам первой половины 2022 года / Караваева Т. И., Комкова М. С., Чуженькова В. А. и др. М.: Фонд «ЦСР», 2022. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/c21/gyk6ct4tf6ja99jhgzf6a08cg1v3kwmp.pdf>.
7. Оборин М. С., Шерешева М. Ю., Иванова С. А. Анализ результатов государственной поддержки и тенденций развития моногородов РФ // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-rezultatov-gosudarstvennoy-podderzhki-i-tendentsiy-razvitiya-monogorodov-rf>.
8. Ivanova M. V. Demographic contraction as an indicator of the problems of single-industry municipalities. Population and Economics, 2021, 5(2): 76–91. <https://doi.org/10.3897/popecon.5.e65661>.
9. Тургель И. Д. «Города компаний»: прошлое или будущее городского развития. Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-деинтеграционных процессах: мат-лы Междунар. науч. конф. в рамках VIII Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. (26 сентября – 01 октября 2017 г.). Пермь: ПГНИУ, 2017. С. 441–445.

References

1. Ivanov O. B., Bukhvald E. M. Monotowns of Russia: from outsiders to leaders of economic development. *STAGE: economic theory, analysis, practice*. 2017;(5):7–21. (In Russ.)
2. Fomin M. V., Smirnov O. O., Miryazov T. R. Single-industry towns of the Ural Federal District: a matrix of development risks. *Issues of state and municipal management*. 2022;(3). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/monogoroda-uralskogo-federalnogo-okruga-matritsa-riskov-razvitiya>. (In Russ.)
3. Ivanova M. V. The main directions of state policy in the field of economic support for single-industry towns. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2019;(3);268–276. (In Russ.)
4. Ippolitova N. A. Spatial dynamics of the population of small towns in Siberian regions. *Bulletin of higher education institutes north caucasus region. Natural sciences*. 2023;1(217). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennaya-dinamika-chislennosti-naseleniya-malyh-gorodov-sibirskih-regionov>. (In Russ.)
5. Fomin M. V., Bezverbny V. A., Shushpanova I. S., Mikryukov N. Yu., Lukashenko E. A., Miryazov T. R. Monotowns of Siberia and the Russian Far East: potential and development prospects. *Issues of state and municipal management*. 2020;(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/monogoroda-sibiri-i-dalnego-vostoka-rossii-potentsial-i-perspektivy-razvitiya>. (In Russ.)
6. Karavaeva T. I., Komkova M. S., Chuzhenkova V. A., and others. *City-forming enterprises of single-industry towns: mechanisms for adapting to the risks of the first half of 2022*. Moscow: CSR Foundation, 2022. Available from: <https://www.csr.ru/upload/iblock/c21/gyk6ct4tf6ja99jhgzf6a08cg1v3kwmp.pdf>. (In Russ.)
7. Oborin M. S., Sheresheva M. Yu., Ivanova S. A. Analysis of the results of state support and trends in the development of single-industry towns in the Russian Federation. *Public administration. Electronic bulletin*. 2018;(68). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-rezultatov-gosudarstvennoy-podderzhki-i-tendentsiy-razvitiya-monogorodov-rf>. (In Russ.)
8. Ivanova M. V. Demographic contraction as an indicator of the problems of single-industry municipalities. *Population and Economics*. 2021;5(2):76–91. <https://doi.org/10.3897/popecon.5.e65661>. (In Russ.)
9. Turgel I. D. "Cities of companies": the past or the future of urban development. In: *Russia and its regions in multi-scale integration and disintegration processes: proceedings of the International Scientific Conference within the framework of the VIII Annual Scientific Assembly of the Association of Russian Geographers and Social Scientists*. (September 26 – October 01, 2017) Perm: PGNIU; 2017:441–445. (In Russ.)

Информация об авторах

М. В. Иванова – старший преподаватель кафедры менеджмента, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС.

И. В. Князева – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра исследования конкуренции и экономики, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС.

Information about the authors

M. V. Ivanova – Senior Lecturer at the Department of Management, Siberian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

I. V. Knyazeva – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Center for Competition and Economics Research, Siberian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов:

Иванова М. В.: концептуализация, методология, сбор информации, формальный анализ, проведение исследования, анализ и интерпретация результатов, написание текста.

Князева И. В.: научное редактирование, научное руководство, методология, анализ результатов.

Contribution of the authors:

Ivanova M. V.: conceptualization, methodology, information collection, formal analysis, research, analysis and interpretation of results, writing a text.

Knyazeva I. V.: scientific editing, scientific guidance, methodology, analysis of results.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 20.02.2025.

Потенциал креативных индустрий в региональной экономике

Татьяна Владимировна Игнатова¹, Александра Михайловна Пономарева²,
Максим Александрович Пономарев³

^{1,3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹tignatova@aanet.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1772-4788>

²alexandra22003@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9666-3030>

³maxuumaxuu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8936-7922>

Аннотация

Цель. На основе изучения теоретических подходов к понятиям «креативная экономика», «креативная индустрия», «креативный класс», «креативная организация», а также сравнительного анализа законодательной базы функционирования креативных индустрий, регионального стандарта развития креативных индустрий, обобщения статистических данных Ростовстата, представляющих особенности креативных индустрий на Дону, разработать научно-методические рекомендации, направленные на формирование институциональной базы развития креативных индустрий.

Методы. В исследовании комбинировались описательно-аналитический, сравнительный и статистический методы исследования. Сравнительный метод использовался для выявления разночтений в определении списка креативных индустрий в различных законодательных актах, описательно-аналитический метод – в процессе описания специфики креативных индустрий и подходов к их исследованию, статистический метод – при описании структуры креативных индустрий Ростовской области.

Результаты. Систематизация этапов развития науки, изучающей креативную экономику и ее элементы, обоснование необходимости разработки особых инструментов и методов управления в креативных индустриях, а также дифференциации подходов к ним на основе активации креативного капитала и стимулирования креативно-инновационного мышления креативного класса и креативной личности. Выявлено противоречие действующего законодательства, в соответствии с которым креативный продукт является результатом интеллектуальной, а не креативной деятельности, что, безусловно, требует коррекции. Доказана необходимость рассмотрения образования как креативно-инновационной индустрии. Таким образом, представленное исследование может быть интересно для законодотворцев и исследователей креативной экономики.

Выводы. Эффективное использование креативного капитала региона – залог устойчивого экономического роста и социальной стабильности, что подчеркивает значимость интеграции креативных индустрий в общую модель экономического развития страны; институционализация креативной экономики – активный актуальный процесс взаимодействия государства, бизнеса, региональных и муниципальных структур, способный развивать и консолидировать региональную экономику; при разработке стратегии развития креативной экономики методологически важно разграничивать креативную экономику и инновационно-интеллектуальную экономику, креатив и инновации, креативные продукты и инновационные продукты, креативный класс и интеллектуальный класс, креативный труд и интеллектуальный труд, креативное мышление и интеллектуальное мышление, креативные организации и интеллектуально-инновационные организации, креативный процесс и инновационный процесс для правильного выбора инструментов менеджмента.

Ключевые слова: креативная индустрия, креативная экономика, креативная организация, креативный класс, креативная личность, креативные продукты, креативный процесс, креативный потенциал, креативность, коммуникационный креатив

Для цитирования: Игнатова Т. В., Пономарева А. М., Пономарев М. А. Потенциал креативных индустрий в региональной экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 116–125. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-116-125>. EDN IRIBNU

Potential of creative industries in the regional economy

Tatiana V. Ignatova¹, Alexandra M. Ponomareva², Maxim A. Ponomarev³

^{1,3}South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹tignatova@aaanet.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1772-4788>

²alexandra22003@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9666-3030>

³maxuumaxuu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8936-7922>

Abstract

The purpose of the research presented in the article is to develop scientific and methodological recommendations aimed at forming an institutional framework for the development of creative industries based on the study of theoretical approaches to the concepts of creative economy, creative industry, creative class, creative organization, as well as a comparative analysis of the legislative framework for the functioning of creative industries, the regional standard for the development of creative industries, generalization of statistical data from Rostovstat representing the features of creative industries in the Don region.

Methods. The study combined descriptive and analytical, comparative and statistical research methods. The comparative method was used to identify discrepancies in defining the list of creative industries in various legislative acts, the descriptive and analytical method - in the process of describing the specifics of creative industries and approaches to their study, the statistical method - in describing the structure of creative industries in the Rostov region.

Results. The systematization of the development stages of the science studying the creative economy and its elements, the substantiation of the need to develop special tools and management methods in the creative industries, as well as the differentiation of approaches based on the activation of creative capital and stimulation of creative and innovative thinking of the creative class and creative individuals. The contradiction of the current legislation was revealed, according to which a creative product is the result of intellectual, not creative activity, which certainly requires correction. The need to consider education as a creative and innovative industry was proven. Thus, the presented study may be of interest to legislators and researchers of the creative economy.

Conclusions. Effective use of the creative capital of the region is the key to sustainable economic growth and social stability, which emphasizes the importance of integrating creative industries into the general model of economic development of the country. Institutionalization of the creative economy is an active, relevant process of interaction between the state, business, regional and municipal structures, capable of developing and consolidating the regional economy. When developing a strategy for the development of a creative economy, it is methodologically important to distinguish between the creative economy and the innovative-intellectual economy, creativity and innovation, creative products and innovative products, the creative class and the intellectual class, creative work and intellectual work, creative thinking and intellectual thinking, creative organizations and intellectual-innovative organizations, the creative process and the innovative process for the correct choice of management tools.

Keywords: creative industry, creative economy, creative organization, creative class, creative person, creative products, creative thinking, creative process, creative potential, creativity, communicational creative

For citation: Ignatova T. V., Ponomareva A. M., Ponomarev M. A. Potential of creative industries in the regional economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):116–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-116-125>. EDN IRIBNU

Введение

Институционализация креативной экономики – активный актуальный процесс взаимодействия государства, бизнеса, региональных и муниципальных структур, общественных организаций и субъектов рынков креативных индустрий, направленный на создание инфраструктурных и экономических основ их функционирования. Распоряжение Правительства об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий¹, принятый в августе 2024 г.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2021 г. No 2613-р об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/ (Дата обращения 29.11.2024).

Федеральный закон о развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации¹ и необходимость их реализации инициировали общественную дискуссию в рамках ряда региональных мероприятий², которая эксплицировала проблему слабой научной и методологической базы решения задач развития креативной экономики и формирования ее институциональной базы, с одной стороны, и слабую развитость сектора региональной креативной экономики – с другой. Таким образом, задачи создания региональных стандартов развития креативных индустрий на основе документов, разработанных Агентством стратегических инициатив³, в том числе в Ростовской области, формирования системы менеджмента креативных индустрий регионов, способной интенсифицировать их реализацию, являются актуальными, при этом решение этих задач должно опираться на прочную научно-методологическую базу.

Начало изучению креатива с научной точки зрения было положено в 60-х годах 20 в., когда в рамках отечественной философии были заложены основы науки «эвристика», представляющей доказательства отличия творческого мышления, творческой деятельности от интеллектуальной [1]. В начале 2000-х г.г. стала бестселлером книга Р. Флорида, которая содержала научные, социологически подтвержденные доказательства появления и функционирования креативного класса [2].

По мнению Р. Флориды, работники, занятые в таких сферах, как архитектура, дизайн, образование, искусство, музыка и индустрия развлечений, формируют ядро креативного класса, но креативность может также проявляться в бизнесе, финансах, праве, здравоохранении и т.д. в тех случаях, когда перед предприятием стоят нестандартные задачи и требуются нестандартные подходы на пересечении инновационного и креативного мышления [2, с. 23-28].

В 2000-2010 гг. интенсифицировались исследования креатива в психологическом, экономическом, маркетинговом, управленческом аспектах и были заложены основы теории креативной экономики и креативных индустрий. Так, Э. Боно систематизировал методы стимулирования креативной деятельности и предложил их использовать в управлении креативной организацией [3], А. Гогац, Р. Мондехар описали специфику креативной личности и особенности ее функционирования в рамках бизнес-организации [4], а П. Друкер – факторы, влияющие на формирование инновационно-креативных процессов [5]. Разработанная У.Ч. Ким и Р. Моборонь матрица принятия решений в креативной организации доказала необходимость дифференции подходов к управлению в креативных индустриях [6]. Ф. Котлер, Ф. Триас де Без предложили концепцию латерального маркетинга как управленческого инструмента креативных индустрий [7]. В работах П. Кука содержится описание подходов к оценке креативного капитала личности, организации, экономики [8]. Д. Леонард и С. Строс разработали инструмент «концепция эмпатического проектирования креатива и инноваций», которая позволяет проектировать продукты на основе формирования потребностей [9]. Р. Хант, Т. Базан исследуют особенности бизнес-процессов в инновационно-креативных организациях и применение методов стимулирования креативной деятельности в управленческом процессе [10]. Таким образом, в 2000-2010 г.г. были заложены теоретико-методические основы исследований в области креативного бизнес-мышления, разработки креативных продуктов, управления креативными организациями, доказано их отличие от интеллектуальной деятельности, инновационных продуктов, стандартных организаций и классического менеджмента, сформирован фундамент науки о креативной экономике.

Основными направлениями современных исследований креативной экономики и креативных индустрий является углубление теоретического описания понятий «креативная экономика», «креативные индустрии», «креативный потенциал экономики» (В.В. Громыко [12], А.В. Михайлова [13]), описание показателей, характеризующих уровень развития креативной экономики (О. Е. Рязанова, В. П. Золотарева [14], М. А. Каменских [15]), исследование роли и доли креативной

¹ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрии в Российской Федерации» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409395175/> (Дата обращения 29.11.2024)

² В Ростове-на-Дону состоялся форум креативных индустрий «Креаторика 2024». 14.10.2024.

<https://www.donland.ru/news/28119/>; День креативной экономики. 17.09.2024.

<https://www.donland.ru/events/5910/>

³ Региональный стандарт развития креативных индустрий. <https://asi.ru/library/main/197563/> (Дата обращения 29.11.2024)

экономики в различных регионах Российской Федерации и других странах (Н.И. Петрова [16], Е. К. Жаров [17]; Ч. Б. Аламанова, А. А. Орозонова, Ш. К. Сариева [18]), особенности развития различных креативных индустрий (Е. В. Козлова, М. В. Шевченко [19], М. А. Козлова [20], Г. Е. Зорин [21], И. Ю. Жилина [22] и др.).

Материалы и методы

В качестве материалов исследования использовались статистические данные Ростовстата, представляющие особенности креативных индустрий на Дону [11], Распоряжение Правительства¹, приказ Росстата², Федеральные законы³, Региональный стандарт развития креативных индустрий⁴.

В исследовании комбинируются описательно-аналитический, сравнительный и статистический методы исследования.

Результаты

Инновации как результат интеллектуальной научной изобретательской деятельности регулирует Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»⁵ и Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 309-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О науке и государственной научно-технической политике"»⁶, а также статья 20 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Анализ документов, вовлеченных в решение поставленных управленческих задач в сфере регулирования креативных индустрий, показывает, что требуют уточнения понятия «креативная экономика» и «креативные индустрии» и список индустрий, которые можно отнести к креативным.

Концепции развития креативных индустрий содержит следующее определение понятия «креативная экономика»: «тип экономики, основанный на капитализации интеллектуальной собственности во всех областях человеческой деятельности – научной, научно-технической, культурной и, в целом, творческой деятельности»⁷, то есть включает как креативные, так и инновационные продукты, креативные индустрии рассматриваются в качестве ядра креативной экономики. В соответствии с логикой Концепции, «для креативных индустрий характерна творческая и культурная активность, в результате которой создается продукт, обладающий экономической ценностью»⁸, а креативная индустрия рассматривается как «экономическая деятельность,

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2021 г. No 2613-р об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года.

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/

² Приказ Росстата 21.12.2023 № 674 «Об утверждении официальной статистической методологии расчета показателей «Валовая добавленная стоимость креативной экономики»» <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/met674-211223.pdf> (Дата обращения 29.11.2024).

³ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409395175/> (Дата обращения 29.11.2024); Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О науке и государственной научно-технической политике"

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/c0a49fc869aeeb5b28ca88d3d37b7d8f7474375f/ (Дата обращения 29.11.2024); Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 309-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О науке и государственной научно-технической политике" (Дата обращения 29.11.2024).

⁴ Региональный стандарт развития креативных индустрий. <https://asi.ru/library/main/197563/> (Дата обращения 29.11.2024).

⁵ Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О науке и государственной научно-технической политике"

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/c0a49fc869aeeb5b28ca88d3d37b7d8f7474375f/ (Дата обращения 29.11.2024).

⁶ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 309-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О науке и государственной научно-технической политике" (Дата обращения 29.11.2024)

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2021 г. No 2613-р об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года.

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/

⁸ Там же.

направленная на создание, продвижение и реализацию креативного продукта, обладающего уникальностью и экономической ценностью»¹. Таким образом, креативный продукт, с точки зрения ФЗ, это результат интеллектуальной, а не креативной деятельности, что не совсем верно: «креативный продукт – результат интеллектуальной деятельности или совокупность результатов интеллектуальной деятельности, а также продукция, работы, услуги, добавленная стоимость которых обусловлена использованием результатов интеллектуальной деятельности и (или) средств индивидуализации»². В этой части Закон требует коррекции: креативный продукт должен рассматриваться как результат творческой (креативной) деятельности его создателей, а также интеллектуально-творческой деятельности работников креативных индустрий. Нам кажется методологически важным подчеркнуть различия креативной и интеллектуальной деятельности, креативных и инновационных продуктов, креаторов и ученых, креативного и научно-интеллектуального мышления, креативных и инновационных организаций, креативной и интеллектуально-инновационной экономики, при этом очевидным является их диалектическое единство.

В Концепции содержится список индустрий, которые можно отнести к креативным: 1) музейная деятельность, народные промыслы и ремесла; 2) театр, музыка, кино, анимация, живопись, галерейная деятельность; 3) медиа, производство цифрового контента (СМИ, реклама, кино, видео, игры, анимация, soft, блогерство и т.д.); 4) архитектура, промышленный дизайн, мода, гастрономия)³. С помощью многочисленных и т.д. и т.п. авторы концепции подчеркивают открытость этого списка. В соответствии с методологией Росстата, опирающейся на приказ Росстата 21.12.2023 № 674 «Об утверждении официальной статистической методологии расчета показателей «Валовая добавленная стоимость креативной экономики»⁴ территориальный орган Росстата по Ростовской области отнес к креативным индустриям следующие виды экономической деятельности:

- «- индустрию архитектуры и урбанистики;
- индустрию моды;
- индустрию музыки и саунд-дизайна;
- литературно-издательскую индустрию;
- индустрию программного обеспечения;
- индустрию медиа и журналистики;
- индустрию гастрономии;
- индустрию дизайна;
- индустрию кино- и анимационной продукции;
- культурно-зрелищную индустрию;
- индустрию изобразительных и визуальных искусств;
- индустрию игр и игрушек;
- индустрию рекламы и коммуникаций» [11, с. 11].

Принятый Закон о развитии креативных индустрий сохраняет деление всех индустрий на 4 вида и их описание: 1) индустрии, основанные на историко-культурном наследии, 2) индустрии, основанные на произведениях литературы и искусства, 3) индустрии, основанные на информационно-телекоммуникационных технологиях, 4) индустрии, основанные на прикладном творчестве⁵ но, вместе с тем, уточняет и упорядочивает их названия, списки и содержание.

¹ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрии в Российской Федерации» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409395175/> (Дата обращения 29.11.2024).

² Там же.

³ Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2021 г. No 2613-р об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/

⁴ Приказ Росстата 21.12.2023 № 674 «Об утверждении официальной статистической методологии расчета показателей «Валовая добавленная стоимость креативной экономики» <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/met674-211223.pdf> (Дата обращения 29.11.2024).

⁵ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрии в Российской Федерации» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409395175/> (Дата обращения 29.11.2024).

Анализ имеющихся статистических данных Росстата за 2023 г. показал, что на территории Ростовской области зафиксировано 9,4 тыс. креативных организаций, из них 66 % относятся к малому бизнесу. Лидирующие позиции при этом занимают индустрия программного обеспечения и индустрия рекламы и коммуникаций [11, с. 11-12]. Отметим, что при этом в качестве приоритетных направлений креативных индустрий в Ростовской области были выбраны IT-индустрия, индустрия гастрономии, индустрия моды и индустрия искусства¹. Вклад предприятий креативных индустрий в валовый региональный продукт в 2023 г. составил 42,3 млрд руб., или 1,8 %, общий объем выручки составил 46,3 млрд руб., при этом на 90 % он сформирован за счет малых и средних предпринимателей, на 60 % - представителями IT-индустрии и индустрии архитектуры и урбанистики. Сальдированная прибыль предприятий креативных индустрий составила 8,4 млрд руб., из них 94 % приходится на малый и средний бизнес. Самые высокие показатели сальдированной прибыли у предприятия IT-сферы и предприятий архитектуры и урбанистики (4,4 млрд руб. и 1,6 млрд руб., соответственно) [11, с. 11-12].

Численность креативного класса в Ростовской области составляет 28,9 тыс. человек со среднемесячной заработной платой свыше 50,2 тыс. руб., лидируют зрелищно-развлекательные и IT-индустрии (12,3 тыс. чел. и 5,3 тыс. чел., соответственно), из них 37 % работают на предприятиях малого и среднего бизнеса. Самые высокие зарплаты у представителей IT-индустрии – 87,7 тыс. руб. и архитекторов и урбанистов – 50,1 тыс. руб. [11, с. 11-12]. Представление об инвестиционном климате в сфере креативных индустрий Ростовской области дают следующие цифры: инвестиции в основной капитал составили 3,4 млрд руб., из них 1 млрд руб. – частные инвестиции, 19,7 % которых – собственные средства малого бизнеса; лидерами стали предприятия культурно-зрелищной индустрии (75 %), индустрии архитектуры и урбанистики (9 %) и индустрии гастрономии (6,5 %) [11, с. 12]. Таким образом, можно сделать вывод, что для регионального рынка поставленную задачу увеличения доли креативных индустрий до 6 % ВРП, то есть более чем в 3 раза, можно назвать достаточно сложной.

Ни в Концепции, ни в Законе не представлено образование как креативно-инновационная индустрия, высшие и средне-профессиональные учреждения не относятся к креативным организациям, что, на наш взгляд, противоречит их сущности, специфике работников, относящихся к интеллектуально-креативному классу и особенностям их деятельности, а также производимым интеллектуально-креативным продуктам.

В соответствии с применяемой Росстатом методикой, средне-специальные и высшие заведения являются так называемым потенциалом развития креативных индустрий, наряду с культурной средой и сферой гостеприимства [11, с. 46-54]. Вместе с тем, с опорой на наши исследования, в которых содержится научное обоснование идентификации университета как креативной организации [23-24], мы можем утверждать, что университет по своей сути относится к типу так называемых интеллектуально-креативных организаций, рыночный продукт которых создается за счет интеллектуальных и творческих усилий его работников.

Исследования и научно-образовательное творчество являются основой формирования образовательных продуктов для студентов и инновационных продуктов – для рынка, инвесторов, стейкхолдеров. Ученые-преподаватели и ученые-исследователи относятся к креативному классу являются носителями идеологии «добровольчества», по мнению П. Друкера [5]. Эффективность деятельности представителей креативного класса зависит от степени их реализованности в научно-образовательном процессе, возможности принимать участие в самоуправлении, удовлетворенности результатами труда. Материальная мотивация отходит на второй план и важна постольку, поскольку уровень зарплаты позволяет сосредоточиться на научных исследованиях, творчестве и образовательном процессе, вести образ жизни, характерный для среднего класса и для креативного класса. Наиболее продуктивным для университета как интеллектуально-креативной организации является свободное управление интеллектуальной-креативной деятельностью университета на основе постановки целей и задач, соответствующих ситуации на рынке образования и целям развития образовательной системы страны. В идеальной модели университета

¹ IT-технологии, мода, гастрономия и искусство, на Дону определили вектор развития креативных индустрий. 3.06.2024. <https://www.donland.ru/news/26755/> (Дата обращения 29.11.2024)

как интеллектуально-креативной организации качество человеческого и репутационного капитала профессорско-преподавательского состава и студенчества позволяют минимизировать управленческие усилия извне, а все организационные вопросы, связанные с финансами, ресурсами, time-менеджментом, контролем, решаются в рамках процедур самоуправления.

Обсуждение

В рамках изложенного хотелось бы подчеркнуть необходимость дальнейшего институционального структурирования креативных организаций, особенно с учетом отражения в их числе образовательных организаций. Выделение соответствующих групп, кластеров позволило бы изучить институциональную динамику (например, передачу функций от одной группы креативных организаций другим), динамику роста того или иного института. Кроме того, измерение совокупного потенциала креативных организаций должно дополняться измерением динамик потенциала отдельных креативных групп.

Нами предлагается выделить следующие группы креативных организаций:

- производственные креативные организации;
- сервисные креативные организации;
- образовательные креативные организации;
- консультационные креативные организации;
- культурные креативные организации.

Представленная классификация позволяет показать, что креативная деятельность свойственна организациям с разными формами собственности, разного генезиса. В свою очередь, степень и динамику креативности внутри организации можно будет измерить через долю (процент) креативных товаров и услуг в общем обороте организации.

Важно отметить, что инновационная деятельность, равно как и креативность, присуща даже максимально традиционным организациям (поддерживающие инновации, ретровведения), поэтому нами предлагается ввести некий *креативный порог*, когда креативные товары и услуги составляют не менее 20% оборота организации. Достижение этого порога позволило бы переводить организацию из статуса традиционных в статус креативных.

Заключение

Выводами нашего исследования являются следующие положения:

- институционализация креативной экономики – активный актуальный процесс взаимодействия государства, бизнеса, региональных и муниципальных структур, способный развивать и консолидировать региональную экономику;
- важно разграничивать креативную экономику и инновационно-интеллектуальную экономику, креатив и инновации, креативные продукты и инновационные продукты, креативный класс и интеллектуальный класс, креативный труд и интеллектуальный труд, креативное мышление и интеллектуальное мышление, креативные организации и интеллектуально-инновационные организации, креативный процесс и инновационный процесс, методы управления креативными работниками, процессами и организациями и методы управления работниками в сфере интеллектуального труда, интеллектуальными процессами и инновационными организациями;
- указанное разграничение не исключает возможности интеграции креатива и инноваций на всех уровнях, в определенных случаях такая интеграция необходима и продуктивна, так, например, университет является интеллектуально-креативной организацией, в которой трудятся представители креативного и интеллектуального класса, производящей инновационно-креативные образовательные продукты, которой присущи как интеллектуальные, так и креативные процессы с соответствующими им методами менеджмента;
- исследование показало, что список креативных индустрий, креативных работников и креативных организаций, на которых должен распространяться Закон о креативных индустриях, должен быть уточнен, дополнен и упорядочен на основе существующих статистических данных и научных подходов; так, например, требует отнесения к креативным индустриям образовательная деятельность, университет следует рассматривать как креативно-инновационную организацию, а ее работников – как представителей креативного класса;

- креативный продукт должен рассматриваться как результат творческой (креативной) деятельности его создателей, а также интеллектуально-творческой деятельности работников креативных индустрий;
- на текущем законодательном и организационном уровнях достижение поставленных показателей доли креативных индустрий невозможно: необходимо совершенствование стратегии развития инновационного потенциала за счет эффекта синергии и расширения состава инновационно-креативных организаций.

Список источников

1. Пушкин В. Н. Эвристика – наука о творческом мышлении. М.: Политиздат, 1967. 272 с.
2. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издательский Дом «Клас-сика XXI», 2007. 421 с.
3. Боно Э. Серьезное творческое мышление. Мн.: ООО «Попурри», 2005. 416 с.
4. Гогац А. Бизнес + креатив: преодолеть невидимые барьеры / Артур Гогац, Рубен Мондехар: пер. с англ. С.С. Гуринович. Минск: Гревцов Паблишер, 2007. 344 с.
5. Друкер П.Ф. Наука инновации // Креативное мышление в бизнесе / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 148–165.
6. Ким У.Ч., Моборнь Р. Ценностные инновации: стратегическая логика быстрого роста // Креативное мышление в бизнесе / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 191–219.
7. Котлер Ф., Триас де Без Ф. Новые маркетинговые технологии. Методики создания гениальных идей / пер. с англ., под ред. Т.Р. Тэор. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. 192 с.
8. Кук П. Креатив приносит деньги. – Минск: Гревцов Паблишер, 2007. 384 с.
9. Леонард Д., Строс С. Как заставить работать коллективный мозг компании / Креативное мышление в бизнесе / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 65–86.
10. Хант Р., Базан Т. Как создать интеллектуальную организацию: пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 2002. 230 с.
11. Креативные индустрии Дона: Статистический сборник / Ростовстат, Ростов-на-Дону, 2024. 97 с.
12. Громыко В. В. Новая экономика, креативная экономика и прочие понятийные инновации в экономической теории // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2012. № 3(45). С. 28–36. – EDN OWJOGT.
13. Рязанова О. Е., Золотарева В. П. Креативная экономика как драйвер модернизации национальных экономик и ее показатели // Вопросы новой экономики. 2022. № 3 (63). С. 22–34. – https://doi.org/10.52170/1994-0556_2022_63_22. – EDN TJMSJF.
14. Михайлова А. В. Исследование сущности категорий «креативная экономика», «креативный потенциал экономики», «творческие (креативные) индустрии» // Экономика и предпринимательство. 2023. № 10(159). С. 1350–1356. – <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.159.10.277>. – EDN RFNMKV.
15. Каменских М. А. Теоретико-методические подходы к понятию "креативная экономика" и оценка уровня развития креативной экономики США и России // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 20(323). С. 16–20. – EDN QAOGFN.
16. Петрова Н. И., Федорова А. В. Креативная экономика и экономика северного региона // Современные тенденции в образовании и науке : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 26 частях, Тамбов, 31 октября 2013 года. Том Часть 18. Тамбов: ООО "Консалтинговая компания Юком", 2013. С. 96–98. – EDN STDVZX.
17. Жаров Е. К. Условия перехода экономик России и Казахстана в фазу креативной экономики // Модели участия граждан в социально-экономической жизни российского общества : IX Никулинские чтения: Сборник статей, Омск, 09 апреля 2015 г. Омск: Омская гуманитарная академия, 2015. С. 58–68. – EDN VISWXR.
18. Козлова М. А. Экономика культуры vs креативная экономика: статистический анализ для России // Экономический вестник Республики Татарстан. 2021. № 1. С. 40–47. – EDN HFBWKW.
19. Аламанова Ч. Б., Орозонова А. А., Сариева Ш. К. Креативная экономика как драйвер роста экономики Кыргызской Республики // Экономика Центральной Азии. 2022. Т. 6. № 4. С. 309–324. – <https://doi.org/10.18334/asia.6.4.116952>. – EDN AEIGED.
20. Козлова Е. В., Шевченко М. В. Трансформация парадигмы экономики туризма в креативную экономику // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 12(151). С. 26–29. – EDN LXNSDZ.

21. Зорин Г. Е. Перспективы цифровой креативной экономики как фактора роста экспорта в цифровую экономику у развивающихся стран // Вестник Российского университета кооперации. 2022. № 1(47). С. 51–57. – EDN HAAUCU.
22. Жилина И. Ю. Арт-рынок как сектор креативной экономики // Экономические и социальные проблемы России. 2022. № 4(52). С. 30–60. – <https://doi.org/10.31249/espr/2022.04.02>. – EDN EGVYEH.
23. Ponomareva A., Ponomarev M. (2021) Academic Freedom for the University as an Intellectual and Creative Organization. In: Antipova T. (eds) *Comprehensible Science. ICCS 2020. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol 186. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-66093-2_25.
24. Ponomareva A. M., Zhumanova M. H., Kolchugina T. A., Solovieva I. V., Puchkova E. E. (2021). Evaluating the Effectiveness of the University as Intellectual and Creative Organization. In: Popkova, E.G., Sergi, B.S. (eds) *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap*. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 198. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_64.

References

1. Pushkin V. N. *Heuristics – the science of creative thinking*. Moscow: Politizdat; 1967. 272 p. (In Russ.)
2. Florida R. *Creative class: people who change the future*. Moscow: Publishing House "Classic XXI"; 2007. 421 p. (In Russ.)
3. Bono E. *Concrete creative thinking*. Minsk: OOO "Popourri"; 2005. 416 p. (In Russ.)
4. Gogats A. *Business + creativity: overcoming invisible barriers* / Artur Gogats, Ruben Mondejar: trans. from English. S.S. Gurinovich. Minsk: Grevtsov Publisher; 2007. 344 p. (In Russ.)
5. Drucker P. F. Science of Innovation. In: *Creative Thinking in Business* / translated from English. Moscow: Alpina Business Books; 2006:148–165.
6. Kim W. C., Mauborgne R. Value Innovations: Strategic Logic of Rapid Growth. In: *Creative Thinking in Business* / translated from English. Moscow: Alpina Business Books; 2006:191–219. (In Russ.)
7. Kotler F., Trias de Bez F. *New Marketing Technologies. Methods for Creating Brilliant Ideas* / translated from English, edited by T.R. Theor. St. Petersburg: Neva Publishing House; 2004. 192 p. (In Russ.)
8. Cook P. *Creativity Brings Money*. Minsk: Grevtsov Publisher; 2007. 384 p. (In Russ.)
9. Leonard D., Stros S. How to make the collective brain of the company work. In: *Creative thinking in business* / transl. from English. Moscow: Alpina Business Books; 2006:65–86. (In Russ.)
10. Hunt R., Bazan T. *How to create an intelligent organization*. Translated from English. Moscow: INFRA-M; 2002. 230 p. (In Russ.)
11. *Creative industries of the Don: A statistical collection* / Rostovstat, Rostov-on-Don; 2024. 97 p. (In Russ.)
12. Gromyko V. V. New economy, creative economy and other conceptual innovations in economical theory. *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2012;3(45):28–36. – EDN OWJOGT. (In Russ.)
13. Ryazanova O. E., Zolotareva V. P. Creative economy as a driver of modernization of national economies and its indicators. *Issues of the new economy*. 2022;3(63):22–34. – https://doi.org/10.52170/1994-0556_2022_63_22. – EDN TJMSJF. (In Russ.)
14. Mikhailova A. V. Research of the essence of the categories "creative economy", "creative potential of the economy", "creative (creative) industries". *Economy and entrepreneurship*. 2023;10(159):1350–1356. – <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.159.10.277>. – EDN RFNMKV. (In Russ.)
15. Kamenskikh M. A. Theoretical and methodological approaches to the concept of "creative economy" and assessment of the level of development of the creative economy of the USA and Russia. *Economic analysis: theory and practice*. 2013;20(323):16–20. – EDN QAOGFN. (In Russ.)
16. Petrova N. I., Fedorova A. V. Creative economy and economy of the northern region. In: *Modern trends in education and science: collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and practical conference*: in 26 parts, Tambov, October 31, 2013. Volume Part 18. Tambov: OOO "Consulting company Ukom"; 2013:96–98. – EDN STDVZX. (In Russ.)
17. Zharov E. K. Conditions for the transition of the economies of Russia and Kazakhstan to the phase of creative economy. *Models of citizen participation in the socio-economic life of Russian society: IX Nikulin readings: Collection of articles*, Omsk, April 09, 2015. Omsk: Omsk Humanitarian Academy; 2015:58–68. – EDN VISWXR. (In Russ.)
18. Kozlova M. A. Culture Economy vs. creative economy: statistical analysis for Russia. *Economic Bulletin of the Republic of Tatarstan*. 2021;(1):40–47. – EDN HFBBKW. (In Russ.)

19. Alamanov Ch. B., Orozanov A. A., Sarieva Sh. K. Creative Economy as a Driver of Economic Growth in the Kyrgyz Republic. *Economy of Central Asia*. 2022;6(4):309–324. – <https://doi.org/10.18334/asia.6.4.116952>. – EDN AEIGED. (In Russ.)
20. Kozlova E. V., Shevchenko M. V. Transformation of the paradigm of tourism economy into a creative economy. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2022;12(151):26–29. – EDN LXNSDZ. (In Russ.)
21. Zorin G. E. Prospects of the digital creative economy as a factor in the digital economy exports` growth in developing countries. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2022;1(47):51–57. – EDN HAAUCU. (In Russ.)
22. Zhilina, I. Yu. Art market as a sector of creative economy. *Economical and social problems of Russia*. 2022;4(52):30–60. – <https://doi.org/10.31249/espr/2022.04.02>. – EDN EGVYEH. (In Russ.)
23. Ponomareva A., Ponomarev M. (2021) Academic Freedom for the University as an Intellectual and Creative Organization. In: Antipova T. (eds) *Comprehensible Science. ICCS 2020. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol 186. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-66093-2_25.
24. Ponomareva A. M., Zhumanova M. H., Kolchugina T. A., Solovieva I. V., Puchkova E. E. (2021). Evaluating the Effectiveness of the University as Intellectual and Creative Organization. In: Popkova, E.G., Sergi, B.S. (eds) *Modern Global Economic System: Evolutionary Development vs. Revolutionary Leap. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol 198. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_64

Информация об авторах

Т. В. Игнатова – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

А. М. Пономарева – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью ЮФУ.

М. А. Пономарев – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

T. V. Ignatova – Dr. Sci. (Econ.), Head of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

A. M. Ponomareva – Dr. Sci. (Econ.), Head of the Department of Advertising and Public Relations, Southern Federal University.

M. A. Ponomarev – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025; одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 22.02.2025.

The article was submitted 12.01.2025; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 22.02.2025.

Вклад С. Ю. Витте в развитие страховых отношений в царской России

Татьяна Анатольевна Найденова¹,

Елена Николаевна Новокшонова²

^{1,2}Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия

¹NaydenovaTA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8030-6960>

²einai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0140-2055>

Аннотация

Предмет. Экономическая деятельность С. Ю. Витте и его вклад в обеспечение страховой защиты как метода нивелирования рисков в царской России.

Цель. Оценка вклада С. Ю. Витте в траекторию развития страхования как важнейшего метода ослабления рисков при переходе к индустриальному обществу и обоснование его значения для народного хозяйства царской России.

Материалы и методы. Методология исследования основана на системном подходе, который санкционировал оценку позиции С. Ю. Витте по страховой защите от неблагоприятных факторных составляющих и на этой основе обеспечение дальнейшего продвижения страхования в царской России. В процессе работы применялись методы научного познания: историографический метод, анализ, синтез, обобщение.

Научная новизна исследования состоит в оценке роли С. Ю. Витте в развитии теории страхования в царской России и материализации его опыта в организации надзора за деятельностью субъектов страхового бизнеса со стороны организаций, обладающих регуляторными полномочиями.

Результаты. В научной литературе наследие С. Ю. Витте в части вклада в теорию и практику экономического развития России достаточно глубоко исследовано и по достоинству оценено. Существует пробел в оценке его роли в расширении границ страхования как инструмента по снижению степени воздействия неблагоприятных факторов во всех сферах жизнедеятельности, в обосновании целесообразности внедрения регуляторной функции со стороны надзорных органов за субъектами страхового дела.

Выводы. Сделан вывод о том, что вклад С. Ю. Витте в привлечение внимания к страхованию как методу смягчения влияния неблагоприятных факторов внешней среды, к обоснованию необходимости и целесообразности государственного регулирования институтов, оказывающих услуги по страховой защите, со стороны контролирующих инстанций, остаётся актуальным в современном мире в условиях возросших промышленных и экологических рисков. Уместно приобщение к наследию С. Ю. Витте в сфере страхования для поднятия его роли в экономической жизни современного общества.

Ключевые слова: С. Ю. Витте, страхование, риски, царская Россия, экономическая жизнь, народное хозяйство, финансовая устойчивость, страховые учреждения

Для цитирования: Найденова Т. А., Новокшонова Е. Н. Вклад С. Ю. Витте в развитие страховых отношений в царской России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 126–134. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-126-134>. EDN FLBIIB

Contribution of S. Yu. Vitte to the development of insurance relations in tsarist Russia

Tatiana A. Naydenova¹, Elena N. Novokshonova²

^{1,2}Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia

¹NaydenovaTA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8030-6960>

²einai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0140-2055>

Abstract

Subject. Economic activity of S. Yu. Witte and his contribution to insurance coverage as a method of risk mitigation in the national economy of tsarist Russia.

Purpose. Assessment of S. Yu. Witte's contribution to the trajectory of insurance development as the most important method of risk mitigation during the transition to an industrial society and substantiation of its importance for the national economy of tsarist Russia.

Methodology. The research methodology is based on a systems approach, which sanctioned the assessment of S. Yu. Witte's position on insurance coverage against unfavorable factor components and, on this basis, ensuring further promotion of insurance in tsarist Russia. In the course of the work, the following methods of scientific knowledge were used: historiographic method, analysis, synthesis, generalization.

The scientific novelty of the study consists in assessing the role of S. Yu. Witte in the development of insurance theory and practice in tsarist Russia and the materialization of his experience in organizing supervision of the activities of insurance business entities by organizations with regulatory powers.

Results. In the scientific literature, the legacy of S. Yu. Witte, in terms of his contribution to the theory and practice of Russia's economic development, has been thoroughly researched and appreciated. There is a gap in assessing its role in expanding the boundaries of insurance as a tool to reduce the impact of adverse factors in all spheres of life, and in justifying the feasibility of introducing a regulatory function by the supervisory authorities for insurance business entities.

Conclusions. It is concluded that the contribution of S. Yu. Witte to drawing attention to insurance as a method of mitigating the impact of unfavorable environmental factors, to justifying the need and feasibility of state regulation of institutions providing insurance coverage services by regulatory authorities, remains relevant in the modern world in the context of increased industrial and environmental risks. It is appropriate to familiarize ourselves with the legacy of S. Yu. Witte in the field of insurance to enhance his role in the economic life of modern society.

Keywords: S. Yu. Witte, insurance, risks, tsarist Russia, economic life, national economy, financial stability, insurance institutions

For citation: Naydenova T. A., Novokshonova E. N. Contribution of S. Yu. Vitte to the development of insurance relations in tsarist Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):126–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-126-134>. EDN FLBIB

Введение

Экспурс в историю выявил, что на рубеже XIX–XX вв. «новая волна технологий продолжила экономический рост» [1, с. 21]. На смену второму технологическому укладу (1845–1900 гг.) пришёл третий технологический уклад (1890–1950 гг.), в период которых происходила вторая промышленная революция. Она «ознаменовала приход современного мира – от санитарных услуг до международных авиаперевозок» [1, с. 21]. «Россия, вступая в XX в., была занята поисками новых подходов к экономической и промышленной политике с целью развития ее производительных сил, укрепления положения в мировом хозяйстве» [2, с. 56]. При таких обстоятельствах С. Ю. Витте своевременно подметил «точку экономического роста, выбрав ту отрасль, которая послужила толчком к развитию всей экономики. Этой отраслью стало строительство железных дорог. Развитие железнодорожного транспорта стимулировало рост, с одной стороны, добывающих отраслей и металлургии, с другой – требовало развития машиностроения, вагоно- и паровозостроения. Разветвленная система железных дорог, которая за 10 лет увеличилась на 22 тыс. км, втягивала в народно-хозяйственный комплекс отдаленные районы, приводила к региональной

специализации в сельском хозяйстве и большему разделению труда в экономике» [3]. Одновременно с ускорением темпов роста экономики в царской России усиливались аномалии техногенного и технологического характера, выражающиеся в убытках, причиненных народному хозяйству. В то же время были высоки глобальные шоки, порождённые пагубным натиском сил природы. Человечество свою изобретательность, знания и опыт издревле направляло на то, чтобы покорить природу с целью извлечения для себя пользы, и, равным образом, чтобы обезопасить себя от её разрушительной мощи. Однако, как засвидетельствовала практика, «полное достижение последней цели не всегда посылно человеку» [4, с. 460].

Поддержанию сбалансированности мер по снижению антропогенного воздействия на окружающую среду служит страхование, минимизирующее ущерб от стихии и других неотвратимых инцидентов. По сути дела, «с экономической точки зрения страхование есть вид предохранительного потребления части имущества для возмещения хозяйству убытков, могущих произойти вследствие непредвиденных или неотвратимых бедствий» [4, с. 461].

Цель научной статьи – оценка вклада С. Ю. Витте в траекторию развития страхования как важнейшего метода ослабления рисков при переходе к индустриальному обществу и обоснование его значения для народного хозяйства царской России.

Обзор научной литературы по теме исследования

Контент-анализ научной литературы показал, что наследие С. Ю. Витте в части вклада в теорию и практику экономического развития России достаточно глубоко исследовано и по достоинству оценено в научной литературе.

Исходные положения теории С. Ю. Витте в вопросах экономического развития имперской России сформулировали Л. И. Абалкин [5], М. С. Атлас [6], Бессолицын А. А. [7], С. А. Болотов [2], С. Ильин [8], О. В. Карамова [3], которые при оценке модели его экономической программы фокус внимания обратили на две установки: первая – гарантирование стремительного умножения государственной казны, вторая – введение золотого стандарта.

Во многих научных изданиях внимание исследователей сфокусировано на отдельных аспектах «Системы С. Ю. Витте». В частности, Ю. А. Петров [9] акцент делает на оценку взгляда С. Ю. Витте на иностранное предпринимательство и иностранные инвестиции, которые подтолкнули создание ряда новых отраслей, но, безусловно, не были определяющими для индустриального роста. Мысль о заграничных капиталовложениях прослеживается и у А. П. Корелина [10]. С целью привлечения заграничных инвестиций, создания стимулов к сбережениям и инвестициям, С. Ю. Витте инициирована денежная реформа (1895–1897 гг.), финал её – переход экономики имперской России к системе золотого монометаллизма, что сделало устойчивым валютный курс рубля и низким уровень инфляции. Оценка её актуальности для сбалансированности пропорций в экономике России и сближении её в финансовом отношении с другими европейскими странами фигурирует в статьях О. А. Бондаренко [11], М. И. Долаковой [12], А. П. Корелина [10], А. А. Ситник [13], В. Н. Усоского [14].

И. Н. Швецова и Т. А. Найденова [15] подметили, что драйвером индустриального роста и упрочения финансовой устойчивости государства с позиции С. Ю. Витте, видится «расширение бюджетных ресурсов» через расширение налогооблагаемой базы, рост ёмкости внутреннего рынка, с задействованием новаторских идей, положительной практики ведущих западных государств. На бюджетной составляющей его экономической доктрины заострили внимание С. А. Болотов [2], О. А. Бондаренко [16], А. П. Корелин [10]. Они на основе анализа налоговой политики и налоговой системы, соотношения прямого и косвенного налогообложения квалифицируют реформаторскую деятельность в сфере налогообложения как ключевой момент стратегии С. Ю. Витте.

В последнее время всё чаще объектами научных исследований становятся вопросы страхования в трудах С. Ю. Витте. Однако анализ публикационной активности российских исследователей подтвердил гипотезу о недооценке отечественными учёными вклада С. Ю. Витте в развитие теории и практики страхования в царской России.

С. Ильин в книге «Витте» [8] подметил, что С. Ю. Витте впервые в России узаконил обязательное страхование рабочих фабрично-заводской и горной промышленности от болезней и несчастных случаев, продвинул тезис об оказании медицинской помощи фабричным рабочим

за счет предпринимателей, «...в масштабах, неизвестных западу и выходящих даже за пределы бисмарковского законодательства о страховании рабочих». Правильная организация кредитования сопровождалась включением в проценты за кредит страховой премии за риск. Кредитор получал страхового вознаграждение в случае несчастья с имуществом.

Ю. А. Петров [17] при рассмотрении международного рынка страхования и места России на нем (вторая половина XIX – начало XX в.) сделал обзор его структуры, обосновал неизбежность государственного регулирования страхового сегмента экономики, показал плюсы и минусы иностранных страховых компаний на российском рынке.

Результаты и обсуждение

В финансовой платформе С. Ю. Витте в сфере страхования явно вырисовываются четыре магистральных вектора: 1) гарантирование снижения ущерба, нанесенного факторами природного и технологического характера за счет возмещения страховых выплат путём создания страховых учреждений; 2) разработка промышленного страхования вследствие стремительного роста промышленного производства; 3) создание органа надзора и наделение его регуляторными и контрольными функциями для своевременного реагирования на возможное возникновение риск-факторов; 4) развитие страхования частных хозяйств для экономии бюджетных средств [4, с. 462–463].

Интерес представляет позиция С.Ю.Витте, и как ученого, и как выдающегося финансового деятеля, и как преподавателя, воспроизведенная в его научной работе «Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах», в частности, по трактовке дефиниции «страхование» и вложению в него экономического содержания. С. Ю. Витте интерпретирует страхование в узком значении, поскольку распространяет его исключительно на страхование имущественных интересов, практически не обсуждается защита личных интересов (здоровья населения). Он ещё не дошёл до понимания необходимости страхования рисков наступления ответственности.

В трактате зафиксирован момент организации отношений сторон страхования – страховщика и страхователя; их архитектура зиждется «на договоре между владельцем имущества – страхователем и лицом или обществом, принимающим это имущество на страх – страховщиком. По силе этого договора страховщик обязывается за известную сумму, получаемую им от страхователя, уплатить полную оценочную стоимость имущества в случае его гибели, или возместить ущерб в случае повреждения от действий стихийных сил. Документ, содержащий договор страхования, называется полисом, а плата, единовременно или периодически вносимая владельцем имущества страховщику, носит название страховой премии. Величина премии в каждом данном случае определяется степенью опасности, которой может подвергнуться страхуемое имущество. Так как всякий предусмотрительный хозяин старается предохранить себя от убытков посредством страхования, то в одном и том же страховом учреждении является более или менее значительное число страхователей. Из совокупности вносимых страхователями премий составляет капитал, за счет которого и выдаются вознаграждения страхователям, понесшим убытки. Таким образом, ущерб одного страхователя как бы раскладывается на всех других, застраховавших свои имущества в том же учреждении» [4, с. 461].

Систематизация страхования по объекту и опасности выглядит так: морское, речное и сухопутное страхование; страхование от скотского падежа; страхование от градобития; страхование от огня; страхование жизни и пожизненных доходов. Типичным для России считается страхование от пожаров в виду широкого распространения деревянного домостроения. «Общая сумма пожарных убытков в империи за время с 1886 по 1889 год составила около 281 млн руб.; уплачено же за это время всеми страховыми учреждениями вознаграждений на 135 млн руб.» [4, с. 461].

В исследуемый период роль государства в экономической жизни страны существенна, поэтому не удивительно, что именно Министерство финансов, в рамках своего мандата, ратует за донастройку экономических институтов по аналогу западных, и инициирует открытие страховых учреждений для повышения глубины проникновения страхования в хозяйственную жизнь.

Анализ исторической траектории развития и изменений в экономической жизни царской России в конце XIX начале XX вв. высветил, что в архитектуру страхования встроены российские и иностранные акционерные страховые компании, городские и сельские взаимные страховые общества, государственные сберегательные кассы, пенсионные кассы, территориальные страховые учреждения [17, с. 272].

Главными игроками на страховом рынке, конечно же, значились акционерные общества, как наиболее платежеспособные и финансово устойчивые, сосредоточенные в Москве и Петербурге. Они к концу XIX века занимались практически всеми известными на тот период видами страхования. Приоритет отдавался промышленному страхованию. Гарантом их страхового портфеля был основной капитал, «который служит для страхователей ручательством в том, что они исправно получают условленное вознаграждение в случае бедствия. Чем больше у общества основной капитал, тем большим доверием оно пользуется. На практике бывают иногда такие случаи, когда бедствие (например, пожар) постигает большое число страхователей и причиняет столь значительные убытки, что не только всего годового сбора, но даже и запаса премий, обыкновенно делаемого обществами, оказывается недостаточно для вознаграждения страхователей; в подобных случаях для покрытия их убытков приходится прибегать к основному капиталу» [4, с. 462].

Взаимные общества «имеют в виду путем соединения многих страхователей в одно общество оградить от убытков своих сочленов в случае какого-либо несчастья от разрушительных сил природы» [4, с. 461]. Задача данных структур – «противостоять диктату акционерных компаний путем более дешевых страховых тарифов. Возмещение выплачивалось членам общества, причем при недостатке средств или для пополнения убытков проводилась дополнительная раскладка взносов между членами общества. В то же время, по мере накопления средств, страховые премии уменьшались, и у членов общества даже была возможность получить бесплатный (свободный) полис» [17, с. 273].

Городские общества взаимного страхования исконно открывались при городских муниципалитетах для предоставления домовладельцам чаще всего услуг по страхованию от огня, хотя в их арсенале были и другие страховые продукты. Взаимные общества были типичны также для текстильной промышленности, имеющей высокие пожарные риски.

Курс экономической политики на экономический рост ставит задачу сглаживания негативных последствий и соответственно активного задействования страхования.

Страхование выступает и как гарант возмещения ущерба, и как значимый институциональный инвестор. Страховая бизнес-индустрия, возлагая на себя покрытие ущерба, содействует экономии бюджетных средств, высвобождению финансовых ресурсов для решения социальных и экологических задач.

Поэтому растет интерес к страховому бизнесу, что обуславливает устойчивый тренд расширения страхового сегмента. Интенсификация страховой индустрии требует создания эффективной системы защиты, генерирования новых идей для модернизации технологического ядра страховых продуктов, использования нано технологий в повышении качества обслуживания при их продаже, перехода от типовых продуктов к индивидуальным, адресованным конкретному потребителю.

Феномен страховой отрасли позволяет нечестным участникам страхового рынка злоупотреблять своими возможностями в корыстных целях, совершать мошеннические действия, поэтому для обеспечения прозрачности страховых сделок и пресечения недобросовестных практик со стороны страховщиков при их заключении, для контроля за действиями страховщиков по четкому исполнению взятых обязательств перед многочисленными клиентами, для своевременного реагирования на возможное возникновение риск-факторов, должен быть введен регуляторный режим за их деятельностью со стороны надзорного органа.

С. Ю. Витте понимал, что с расширением потребности в страховании требуется укрепление доверия к страховщикам, т.е. новая концептуальная модель. «Имевшиеся ранее в руках государства рычаги воздействия (разрешительная система учреждения российских страховых компаний) были признаны недостаточными для диагностики и мониторинга страховой деятельности» [17, с. 275]. К тому же целевой установкой главы финансового ведомства декларировано усиление государственного вмешательства в экономическую жизнь.

В силу указанных причин в 1894 г. вводится государственное регулирование страховых правоотношений и зарождается инфраструктура и алгоритм действий страхового надзора, как ключевой момент в обеспечении устойчивости страховых структур и искоренении злоупотреблений и мошеннических схем в отрасли страхования.

Законодательное поле надзора олицетворяло «Положение о надзоре за деятельностью страховых учреждений и обществ» (1894).

Страховой комитет при Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел, наделенный функциями страхового надзора, координировал:

1) инспектирование губернского взаимного страхования, обществ взаимного страхования в городах и частных отечественных и иностранных страховых обществ;

2) мониторинг неукоснительного следования канонам законов и инструкций страховщиками за безопасностью и адекватностью размещения их капиталов;

3) назначение в случае надобности ревизии учреждений.

Делается оговорка об обязательности наличия резервов для бесперебойности платежей при внезапности наступления страхового случая.

Маркеры Положения:

а) доля капитала, отчисляемая на первоначальное устройство предприятия;

б) размер акционерного капитала, приходящийся на обслуживание одной страховой операции (500 тыс. руб.);

в) объем запасного капитала;

г) обязательная публичная отчетность страховых единиц;

д) лимит дивидендов, которые компании вправе выплачивать до погашения организационных расходов и до накопления запасного капитала в сумме соответственно не менее 6 и 7 % от основного капитала;

е) демонстрируется практика извещения надзорного органа о лицах, избираемых агентами, порядок ликвидации и др.

Алгоритм и правила инвестирования субъектами страховой индустрии заданы в Законе «О порядке помещения и хранения средств акционерных страховых обществ и о покрытии их обязательств» (1898). Капиталы и резервы инвестировались: в облигации государственных займов и железнодорожных компаний, гарантированных правительством; в закладные листы земельных банков; в ссуды под залог ценных бумаг; в городское недвижимое имущество и в ссуды под него (не свыше 40 % от общей суммы капиталов); в ссуды и авансы под полисы по страхованию жизни; во вклады и текущие счета в банках. Ценились инвестиции в недвижимость и ценные бумаги. Отдельным обществам, уполномоченным перестраховывать риски за рубежом, допускалось частично вкладывать ресурсы в иностранные фонды для срочного принятия зарубежных страховых сделок к исполнению по выплате страхового возмещения.

Иностранные компании страхового сегмента сосуществовали в рамках общей системы государственного страхового надзора Министерства внутренних дел. Поэтому на них возлагалась обязанность для подтверждения своей устойчивости и надежности выполнения обязательств по страховому покрытию внести в государственное казначейство денежный залог в 500 000 руб. золотом и зарезервировать в государственном банке 30 % поступлений страховых платежей¹.

Имеет смысл сделать оговорку, что правовой механизм страховой индустрии в бытность С. Ю. Витте, гарантировал субъектам страхового дела высокий доход и позволял вознаграждать акционеров высокими дивидендами.

Заключение

В современной отечественной экономической науке активизировался интерес к вкладу С. Ю. Витте в области страхового дела, основанного на принципах свободы договора, вовлечения частного капитала в эту сферу, введения надзора за страховой деятельностью и её регулирования, к выявлению сходных черт дореволюционного периода организации страхования с современностью и использованию наработанного положительного опыта и практики в продвижении страхования сегодня.

¹ История развития страхового дела в России. – [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.tkbip.ru/2020/07/22/insurance/?ysclid=m4dvq6wrqf892638499>.

Теоретическая платформа С. Ю. Витте, как представителя научного альянса, заключается в смещении акцентов на альтернативный инструмент для нивелирования угроз антропогенного, технологического и техногенного характера, их профилактики и минимизации для развития производительных сил России – страховую защиту; в обосновании целесообразности регуляторики и надзора за деятельностью страховых структур, в разработке юридической концепции страхового надзора, а также в очерчивании грани между промышленным и взаимным страхованием, вычленении видов страхования. В тоже время у государственного деятеля был узкий взгляд на страхование: практически не рассматривалось личное страхование и не поднимался вопрос о страховании ответственности.

Практическая значимость программы С. Ю. Витте состоит в том, что предлагаемые им инструменты для решения вопросов обеспечения финансовой стабильности (как-то страхование) актуальны и в условиях рыночной экономики, современны и могут быть востребованы и задействованы. Он поднял вопрос и создал систему государственного надзора за страховыми обществами и обществами взаимного страхования. Функционал надзорных органов за страховыми организациями и обществами взаимного страхования, предложенный С. Ю. Витте, в настоящее время взят за основу мегарегулятором – Центральным банком РФ при реализации надзорно-регуляторной функции за субъектами страхового дела.

Вместе с тем, по умозаключению С. Ю. Витте, следует признать неопровержимым тот факт, что для частного хозяйства польза страхования бесспорна и не апеллирует к доказательствам. Неоспорима его ценность и для народного хозяйства. Разумеется, этот инструмент не заручается давать стопроцентную гарантию нейтрализации отрицательных последствий разрушительных природных явлений, но оказывает содействие в восстановлении имущества.

Итак, страхование как способ снижения степени воздействия неблагоприятных факторов, предложенный С. Ю. Витте, и постановка вопроса о необходимости надзора за деятельностью субъектов страхового бизнеса со стороны организаций, обладающих регуляторными полномочиями, остаётся актуальной в современном мире. Поэтому целесообразно масштабировать научный вклад С. Ю. Витте в раздвижение рамок страховых отношений и погружаться в его труды для интеллектуального развития, повышения культурного уровня, профессиональной компетентности в области страховых отношений.

Список источников

1. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции: пер. с англ. М.: Эксмо, 2021. 321 с.
2. Болотов С. А. Реформаторская деятельность С. Ю. Витте в области финансов и налогов // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 21 (219). С. 56–64.
3. Карамова О. В. Министр финансов С. Ю. Витте – «архитектор» экономического подъема // Бухгалтерский учет. 2002. № 14. СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 10 января 2025).
4. Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах. М.: Изд-во Юрайт, 2015. 629 с.
5. Абалкин Л. И. Экономические воззрения и государственная деятельность С. Ю. Витте // Вопросы экономики. 1999. №4. С. 4–26.
6. Атлас М. С. С. Ю. Витте о кредитной системе России // Финансы: теория и практика. 1997. № 4. С. 8–16.
7. Бессолицын А. А. Экономическая программа С. Ю. Витте как модель перехода к индустриальному развитию России на рубеже XIX–XX вв. // Исторические вызовы и экономическое развитие России: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург. 25–26 сентября 2019 г. Екатеринбург: Универсальная типография «Альфа Принт», 2019. С. 144–148.
8. Ильин С. Витте. М.: Издательский дом: Молодая гвардия, 2006. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/ilin_sergey/vitte.html (дата обращения 10.01. 2025).

9. Петров Ю. А. Экономический рост позднеимперской России и система С.Ю. Витте // Исторические вызовы и экономическое развитие России: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург. 25-26 сентября 2019 г. Екатеринбург: Универсальная типография «Альфа Принт», 2019. С. 32–36.
10. Корелин А. П. С. Ю. Витте и бюджетно-финансовые реформы // Отечественная история. 1999. № 3. С. 42–63.
11. Бондаренко О. А. Создание «системы Витте» и ее влияние на модернизацию экономики Российской империи // История и археология: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2018 г.). Казань. 2018. С. 1–12.
12. Долакова М. И. Финансово-экономические реформы С.Ю. Витте // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2015. № 1(17). С. 15–20.
13. Ситник А. А. Опыт денежной реформы С.Ю. Витте и возможность его применения на современном этапе развития денежной системы // Аграрное и земельное право. 2009. № 9 (57). С. 103–111.
14. Усоский В. Н. Переход к денежной системе золотого монометаллизма в экономике российской империи и денежная реформа С.Ю. Витте (1895 – 1897 гг.) // Вестник Полоцкого государственного университета. 2013. № 5. С. 63–76.
15. Швецова И. Н., Найденова Т. А. Анализ взглядов и идей С.Ю. Витте на обеспечение финансовой стабильности российского государства // Вестник алтайской академии экономики и права. 2021. № 3. С. 113–119.
16. Бондаренко О. А. Создание «системы Витте» и ее влияние на модернизацию экономики Российской империи // История и археология: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2018 г.). Казань. 2018. С. 1–12.
17. Петров Ю. А. Россия/СССР и международный рынок страхования (XVIII–XX вв.) // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 5. С. 266–288.

References

1. Schwab K., Devis N. *Technologies of the Fourth Industrial Revolution: translated from English*. Moscow: Eksmo; 2021. 321 p. (In Russ.)
2. Bolotov S. A. S. Yu. Witte's reformatory activity in the field of finance and taxes. *International accounting*. 2012;21(219):56–64. (In Russ.)
3. Karamova O. V. Minister of Finance. S. Yu. Witte – the "architect" of economic recovery. *Accounting*. 2002;(14). SPS ConsultantPlus. [electronic resource]. Available from: <https://www.consultant.ru/> [Accessed January 10, 2025]. (In Russ.)
4. Witte S. Yu. *Summary of lectures on national and state economy, read to His Imperial Highness Grand Duke Mikhail Alexandrovich in 1900–1902*. Moscow: Publishing House Yurait; 2015. 629 p. (In Russ.)
5. Abalkin L. I. Economic views and state activity of S. Yu. Witte. *Voprosy Ekonomiki*. 1999;(4):4–26. (In Russ.)
6. Atlas M. S. S. Yu. Witte on the credit system of Russia. *Finance: theory and practice*. 1997;(4):8–16. (In Russ.)
7. Bessolitsyn A. A. S. Y. Witte's economic program as a model of transition to Russia's industrial development at the turn of the 19th–20th centuries. In: *Historical challenges and economic development of Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with international participation*. Yekaterinburg. September 25–26, 2019 Yekaterinburg: Alfa Print Universal Printing House; 2019:144–148. (In Russ.)
8. Ilyin S. *Witte*. Moscow: Publishing House: Molodaya Gvardiya, 2006. [Electronic resource]. Available from: https://royallib.com/book/ilin_sergey/vitte.html. [Accessed January 10, 2025]. (In Russ.)
9. Petrov Yu. A. Economic growth of Late Imperial Russia and the Witte system. In: *Historical challenges and economic development of Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with international participation*. Yekaterinburg. September 25–26, 2019. Yekaterinburg: Alfa Print Universal Printing House; 2019:32–36. (In Russ.)
10. Korelin A. P. S. Yu. Witte and budgetary and financial reforms. *National History*. 1999;(3):42–63. (In Russ.)
11. Bondarenko O. A. The creation of the Witte system and its impact on the modernization of the economy of the Russian Empire. In: *History and Archeology: proceedings of the VI International Scientific Conference (Kazan, November 2018)*. Kazan; 2018:1–12. (In Russ.)

12. Dolakova M. I. Financial and economic reforms of S. Yu. Witte. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. The "Historical of Science" series*. 2015;1(17):15–20. (In Russ.)

13. Sitnik A. A. The experience of S.Y. Witte's monetary reform and the possibility of its application at the modern stage of the monetary system development. *Agrarian and Land Law*. 2009;9(57):103–111. (In Russ.)

14. Usosky V. N. The transition to the monetary system of gold monometallism in the economy of the Russian Empire and the monetary reform of S.Y. Witte (1895-1897). *Bulletin of the Polotsk State University*. 2013;(5):63–76. (In Russ.)

15. Shvetsova I. N., Naidenova T. A. Analysis of S. Yu. Witte's views and ideas on ensuring the financial stability of the Russian state. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2021;(3):113–119. (In Russ.)

16. Bondarenko O. A. The creation of the Witte system and its impact on the modernization of the economy of the Russian Empire. In: *History and Archeology: proceedings of the VI International Scientific Conference (Kazan, November 2018)*. Kazan; 2018:1–12. (In Russ.)

17. Petrov Yu. A. Russia/USSR and the international insurance market (XVIII–XX centuries). *Proceedings of the Historical Faculty of St. Petersburg University*. 2011;(5):266–288. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. А. Найденова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры банковского дела, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина.

Е. Н. Новокшонова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры банковского дела, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина.

Information about the authors

T. A. Naidenova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Banking, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

E. N. Novokshonova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Banking, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 01.03.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 28.02.2024; accepted for publication 01.03.2025.

Научная статья

УДК 336.2

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-135-144>

EDN FYEJMS

Специфика налогообложения деятельности бюджетных учреждений здравоохранения

Анастасия Васильевна Скидан¹, Ксения Сергеевна Субботина²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹tark-anastasiya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3905-0166>

²karkhipova-19@edu.ranepa.ru

Аннотация

Введение. Здравоохранение относится к стратегическим целям национальной безопасности, поскольку проблемы демографического, социально-экономического характера, обороноспособности и реализации интеллектуального потенциала населения страны невозможно решить без обеспечения здоровья российского населения. Несмотря на специфику деятельности учреждений здравоохранения, на бюджетные учреждения в соответствии с действующим налоговым и бюджетным законодательством возложены обязанности плательщика налогов, сборов и страховых взносов. Однако механизм исполнения данных обязательств данными учреждениями имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать в целях оптимального расходования средств государственного бюджета.

Цель. Изучение теоретико-методологических основ системы здравоохранения, формирования и развития механизма исполнения налоговых обязательств бюджетными медицинскими учреждениями.

Методы. Теоретико-методологической основой данного исследования послужили научные труды отечественных деятелей, открытые статистические данные органов исполнительной власти, нормативно-правовые документы, аналитические обзоры и прочие. В процессе работы проводились исследования с использованием общенаучных и специальных методов познания: сравнительный метод, методы диалектического и логического анализа, системный подход, методы дедукции и индукции, анализа и синтеза, графического представления и визуализации исследуемых явлений и другие.

Результаты. Проведено исследование структуры и сущности системы здравоохранения Российской Федерации, ее численности и состава, правового положения организаций сферы здравоохранения. Отдельное внимание авторов уделено рассмотрению подходов к определению сущности классификаций значений системы здравоохранения, а также изучению авторских точек зрения относительно трактовки содержания данного термина. Рассмотрен механизм налогообложения деятельности медицинских бюджетных учреждений, выделены особенности исчисления основных видов налогов, а также проведен анализ статистики поступивших платежей от организаций данного сектора.

Выводы. Механизм исполнения налоговых обязательств бюджетными медицинскими учреждениями имеет ряд особенностей, регламентированных налоговым и бюджетным законодательством, которые необходимо учитывать в целях оптимального расходования средств государственного бюджета.

Ключевые слова: экономика, медицинские учреждения, бюджетные медицинские учреждения, здравоохранение, система здравоохранения, налогообложение, налог на прибыль, налоговые поступления, налог на добавленную стоимость, налоговые преференции

Для цитирования: Скидан А. В., Субботина К. С. Специфика налогообложения деятельности бюджетных учреждений здравоохранения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 135–144. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-135-144>. EDN FYEJMS

Specifics of taxation of activities of budgetary healthcare institutions

Anastasia V. Skidan¹, Ksenia S. Subbotina²

^{1,2}South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹tark-anastasiya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3905-0166>

²karkhipova-19@edu.ranepa.ru

Abstract

Introduction. Healthcare is one of the strategic goals of national security, because the problems of demographic, socio-economic character, defense capability and realization of the intellectual potential of the country's population cannot be solved without ensuring the health of the Russian population. Despite the specifics of the activities of healthcare institutions, budgetary institutions, in accordance with the current tax and budget legislation, are charged with the duties of paying taxes, fees and insurance premiums. However, the mechanism for fulfilling these obligations by these institutions has a number of features that must be taken into account in order to optimally spend state budget funds.

Purpose. The study of the theoretical and methodological foundations of the healthcare system, the formation and development of a mechanism for fulfilling tax obligations by budgetary medical institutions.

Methods. The theoretical and methodological basis of this study was the scientific works of Russian figures, open statistical data of executive authorities, regulatory documents, analytical reviews and others. In the course of the work, research was conducted using general scientific and special methods of cognition: the comparative method, methods of dialectical and logical analysis, a systematic approach, methods of deduction and induction, analysis and synthesis, graphical representation and visualization of the phenomena under study, and others.

Results. A study of the structure and essence of the healthcare system of the Russian Federation, its size and composition, and the legal status of healthcare organizations has been conducted. The authors pay special attention to the consideration of approaches to determining the essence of classifications of values of the healthcare system, as well as to the study of the author's points of view regarding the interpretation of the content of this term. The mechanism of taxation of medical budget institutions is considered, the features of calculating the main types of taxes are highlighted, and the statistics of payments received from organizations in this sector are analyzed.

Conclusions. The mechanism of fulfillment of tax obligations by budgetary medical institutions has a number of features regulated by tax and budget legislation, which must be taken into account in order to optimally spend state budget funds.

Keywords: economy, medical institutions, budgetary medical institutions, healthcare, healthcare system, taxation, income tax, tax revenues, value added tax, tax preferences

For citation: Skidan A. V., Subbotina K. S. Specifics of taxation of activities of budgetary healthcare institutions. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):135–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-135-144>. EDN FYEJMS

Введение

Здравоохранение относится к стратегическим целям национальной безопасности, поскольку проблемы демографического, социально-экономического характера, обороноспособности и реализации интеллектуального потенциала населения страны невозможно решить без обеспечения здоровья российского населения. Бюджетные медицинские учреждения, являясь одним из типов государственных (муниципальных) учреждений, занимают важное место в социальной системе государства, что связано с целевой составляющей их создания. Помимо этого, бюджетные учреждения, являясь участниками бюджетного процесса и получая бюджетные средства, выступают значимыми хозяйствующими субъектами российской экономики. Несмотря на специфику деятельности данного типа учреждений, на бюджетные учреждения в соответствии с действующим налоговым и бюджетным законодательством возложены обязанности плательщика налогов, сборов и страховых взносов. Однако механизм исполнения данных обязательств

данными учреждениями имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать в целях оптимального расходования средств государственного бюджета.

Целью исследования выступает изучение теоретико-методологических основ системы здравоохранения, формирования и развития механизма исполнения налоговых обязательств бюджетными медицинскими учреждениями.

Задачи исследования:

1. Провести анализ термина «система здравоохранения».
2. Исследовать количественный состав действующих медицинских организаций в Российской Федерации.
3. Изучить механизм налогообложения деятельности медицинских бюджетных учреждений.
4. Провести анализ статистики поступивших налоговых платежей от организаций сектора здравоохранения.
5. Исследовать особенности исполнения налоговых обязательств бюджетными медицинскими учреждениями.

Материалы и методы

Теоретико-методологической основой данного исследования послужили научные труды отечественных деятелей, открытые статистические данные органов исполнительной власти, нормативно-правовые документы, аналитические обзоры и прочие.

В процессе работы проводились исследования с использованием общенаучных и специальных методов познания: сравнительный метод, методы диалектического и логического анализа, системный подход, методы дедукции и индукции, анализа и синтеза, графического представления и визуализации исследуемых явлений и другие.

Исследование структуры и сущности системы здравоохранения Российской Федерации, ее численности и состава, правового положения организаций сферы здравоохранения, изучение особенностей системы исполнения налоговых обязательств бюджетными медицинскими учреждениями, а также статистики поступивших платежей от данного сектора проводилось такими учеными, как: Сипиева М. С., Смирнова Е. А., Масюк Ю. С., Матюшкина И. А., Ильюшина А. С., Скидан А. В., Корниенко В. В. и другие.

Результаты

Система здравоохранения РФ – совокупность органов управления здравоохранением, организаций здравоохранения и практической деятельности в области здравоохранения, взаимодействующих в целях профилактики заболеваний, сохранения, укрепления здоровья граждан и оказания им медицинской помощи.

В связи с отсутствием легитимного закрепления в российском законодательстве термина «система здравоохранения», в научной литературе существует множество авторских точек зрения относительно трактовки содержания данного термина. Так, например, Т. В. Ерохин и В. П. Новоселов рассматривают систему здравоохранения как совокупность всех уровней медицинской отрасли от органов управления до учреждений [1–2].

По мнению В. Г. Хегай, система здравоохранения представляет собой единое образование, состоящее из государственной, муниципальной и частной подсистемы, управление которой происходит с помощью определенного механизма [3].

Значение рассматриваемой системы носит правовой, социальный и экономический характер, способствуя сохранению и укреплению здоровья населения, обеспечивая его естественный прирост, участвуя в экономическом развитии регионов страны, а также обеспечивая права граждан на получение медицинской помощи [4]. На рис. 1 отразим основные подходы к определению сущности классификаций значений системы здравоохранения.

Организационно-функциональная структура системы здравоохранения Российской Федерации имеет вертикальную структуру, которая предполагает наличие высшего органа управления – Министерства здравоохранения Российской Федерации и его территориальных представительств и ведомств. Отдельно отметим, что данная система в зависимости от уровней государственного (муниципального) управления классифицируется на государственную, муниципальную и частную системы. На рис. 2 наглядно рассмотрим структуру данной системы.

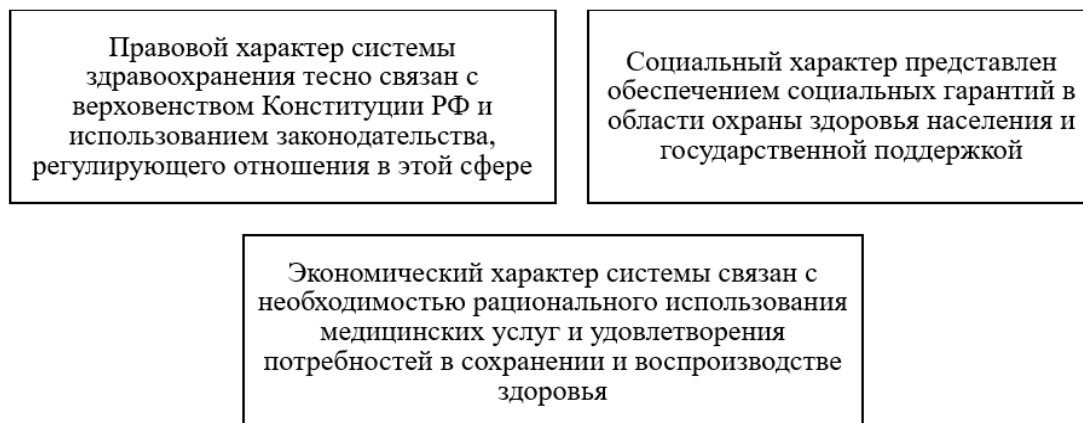

Рис. 1. Классификация значений системы здравоохранения [5]

Fig. 1. Classification of health system values

Рис. 2. Организационно-функциональная структура системы управления здравоохранения [6]

Fig. 2. Organizational and functional structure of the healthcare management system

Обратимся к статистике. В соответствии с данными табл. 1 на 01.11.2024 г. в Российской Федерации зарегистрировано 85,5 тыс. медицинских организаций вне зависимости от форм собственности, что на 0,1% больше, чем в предыдущем периоде. С 2020 г. по 2024 г. число медицинских организаций увеличилось на 2 945 ед. или на 3,56%. За рассматриваемый период возросла и доля медицинских учреждений в общей структуре организаций за счет увеличения их числа в Российской Федерации с 2,4% в 2020 г. до 2,7% в 2024 году. В ближайший год доля медицинских учреждений в общей структуре предприятий останется в пределах 2,7%. Прослеживаемая тенденция к увеличению численности медицинских организаций в стране ожидаема, поскольку государством на данный момент реализуется ряд государственных программ по наращиванию потенциала в области медицины: например, «Развитие здравоохранения» и прочие.

Таблица 1 – Количество медицинских организаций в Российской Федерации по состоянию на 01.11.2024 год¹

Table 1 – Number of medical organizations in the Russian Federation as of 01.11.2024

Число медицинских организаций в РФ, ед.	2012 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г. прогноз
Медицинские организации в РФ	80 810	82 950	82 450	82 681	83 318	83 701	85 540	85 626	85 711
Динамика изменения, %	-	-	-0,6%	0,3%	0,8%	0,5%	2,2%	0,1%	0,1%
Всего организаций по всем видам экономической деятельности в РФ	4 886 432	4 214 742	3 826 894	3 517 446	3 345 117	3 285 118	3 264 192	3 198 908	3 134 930
Динамика изменения, %	-	-	-9,2%	-8,1%	-4,9%	-1,8%	-0,6%	-2,0%	-2,0%
Доля медицинских организаций в общей структуре РФ, %	1,7%	2,0%	2,2%	2,4%	2,5%	2,5%	2,6%	2,7%	2,7%

На рис. 3 представлены регионы, занимающие лидирующие позиции по численности медицинских организаций в Российской Федерации. Так, вне зависимости от форм собственности наибольшее количество функционирует в г. Москва – 16 269 шт., в Краснодарском крае – 7 420 шт., в Московской области – 7 107 шт., в Санкт-Петербурге – 7 104 шт. и так далее.

В соответствии с п. 1 ст. 123.22 ГК РФ, п. 2 ст. 9.1 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ и ст. 5 Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ к типам медицинских учреждений относят казенные, бюджетные и автономные. В соответствии со ст. 9.1 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ бюджетные учреждения могут быть образованы Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием. Особенности правового положения и функционирования бюджетных учреждений закреплены в ст. 9.2 данного закона [7].

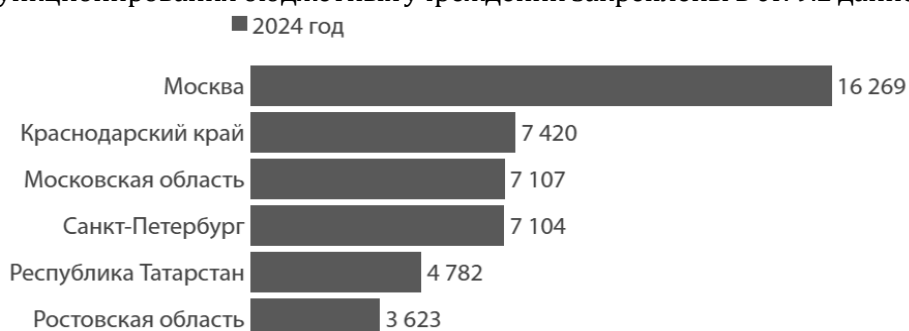

Рис. 4. Лидирующие регионы РФ по количеству медицинских организаций²

Fig. 4. Leading regions of the Russian Federation by the number of medical organizations

¹ Число медицинских учреждений в России: Исследование 2024 г. [Электронный ресурс]. Официальный сайт. Режим доступа: <https://medresearch.ru>.

² Составлено авторами.

Медицинские организации являются налогоплательщиками вне зависимости от их формы собственности, исчисляя и уплачивая налоги в бюджеты разных уровней, бюджетные и внебюджетные фонды¹. В табл. 2 приведем анализ статистики налоговых поступлений от упомянутых учреждений в консолидированный бюджет страны и Ростовской области по состоянию на 01.11.2024 г. на основании отчета № 1-НОМ Федеральной налоговой службы Российской Федерации.

Таблица 2 – Структура поступивших платежей от учреждений сферы здравоохранения в рамках Российской Федерации и Ростовской области на 01.11.2024 год²

Table 2 – Structure of payments received from healthcare institutions within the Russian Federation and Rostov region as of 01.11.2024

Уровень платежа	РФ			РО		
	ВСЕГО, тыс. руб.	Сфера здравоохранения, тыс. руб.	Уд. вес платежей, %	ВСЕГО, тыс. руб.	Сфера здравоохранения, тыс. руб.	Уд. вес платежей, %
Поступления, из них	35 289 186 692	430 899 822	1,22%	334 638 276	7 946 946	2,37%
Федеральные	32 099 615 225	376 261 382	87,32%	264 296 039	6 961 917	87,60%
налог на прибыль	6 577 904 287	17 183 514	4,57%	71 336 866	84 236	1,21%
НДФЛ	6 276 701 725	348 792 305	92,70%	106 425 490	6 726 399	96,62%
НДС	7 464 702 792	9 819 226	2,61%	57 506 400	148 307	2,13%
остальные	11 780 306 421	466 337	0,12%	29 027 283	2 975	0,04%
Региональные	1 399 886 974	24 147 893	5,60%	22 017 505	291 422	3,67%
налог на имущество	1 259 534 466	23 700 259	98,15%	19 202 161	282 254	96,85%
транспортный налог	138 838 296	447 634	1,85%	2 743 878	9 167	3,15%
остальные	1 514 212	0	0,00%	71 466	1	0,00%
Местные	248 039 269	7 254 772	1,68%	7 333 604	220 912	2,78%
земельный налог	178 645 179	7 215 855	99,46%	6 525 788	220 912	100,00%
остальные	69 394 090	38 917	0,54%	807 816	0	0,00%
Другие поступления	1 541 645 224	23 235 775	5,39%	40 991 128	472 695	5,95%

На основании приведенных данных, отметим, что объем налоговых поступлений от организаций сферы здравоохранения в масштабах страны равен 430 899,8 млн руб. (с удельным весом 1,22% в общем объеме налоговых поступлений организаций по всем видам экономической деятельности), а в масштабах Ростовской области – 6 961,9 млн руб. (с удельным весом 2,37% в общем объеме налоговых поступлений организаций по всем видам экономической деятельности). Наибольшую долю среди федеральных налоговых поступлений от организаций сферы здравоохранения в общем объеме налоговых поступлений от данных организаций составляют соответственно:

1. В масштабах Российской Федерации - 376 261,4 млн руб., из них: НДФЛ в объеме 92,70% (или 348 792,3 млн руб.), налог на прибыль в объеме 4,57% (или 17 183,5 млн руб.) и НДС в объеме 2,61% (или 9 819,2 млн руб.).

2. В масштабах Ростовской области – 6 961,9 млн руб., из них: НДФЛ в объеме 96,62% (или 348 792,3 млн руб.), НДС в объеме 2,13% (или 148,3 млн руб.) или налог на прибыль в объеме 1,21% (или 84,2 млн руб.).

Данная статистика обусловлена правом организаций сферы здравоохранения определенных форм собственности, регламентированным налоговым законодательством, на применение льгот и освобождений от ряда федеральных налогов, что будет рассмотрено нами далее.

Наибольшую долю среди региональных налоговых поступлений от организаций сферы здравоохранения в общем объеме налоговых поступлений от данных организаций составляют соответственно:

1. В масштабах Российской Федерации – 24 147,9 млн руб., из них: налог на имущество в объеме 98,15% (или 23 700,3 млн руб.) и транспортный налог в объеме 1,85% (или 447,6 млн руб.).

2. В масштабах Ростовской области – 291,4 млн руб., из них: налог на имущество в объеме 96,85% (или 282,3 млн руб.) и транспортный налог в объеме 3,15% (или 9,1 млн руб.).

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ, 07.08.2000, № 32, ст. 3340.

² Официальный сайт Федеральной налоговой службы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.nalog.ru.

Данная статистика в основном обусловлена особенностями экономико-правового положения имущества организаций сферы здравоохранения.

Наибольшую долю среди местных налоговых поступлений от организаций сферы здравоохранения в общем объеме налоговых поступлений от данных организаций составляют соответственно:

1. В масштабах Российской Федерации – 7 254,8 млн руб., из них земельный налог в объеме 99,46% или 7 215,9 млн руб.
2. В масштабах Ростовской области – 220,9 млн руб., полностью приходящиеся на поступления от земельного налога.

Порядок налогообложения организаций сферы здравоохранения, а также перечень подлежащих к исчислению и уплате налогов, сборов и страховых взносов зависит от типа учреждения и применяемой системы налогообложения. В рамках нашего исследования подробнее остановимся на бюджетных учреждениях. В таблице 3 представлены нормы права, регламентирующие запрет на применение СНР (по общему правилу применяют общую систему налогообложения).

В соответствии с НК РФ медицинские бюджетные учреждения являются плательщиками налога на прибыль организаций, НДС, налога на имущество, транспортного налога, земельного налога, плательщиками госпошлины, а также исчисляют и платят за своих сотрудников НДФЛ, осуществляют взносы во внебюджетные фонды [8]. Рассмотрим особенности налогообложения таких учреждений.

Таблица 3 - Основание применения бюджетными учреждениями СНР ¹

Table 3 - Basis for the application of special tax regimes by budgetary institutions

Специальный налоговый режим	Основание (норма права)
Система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей	пп. 4 п. 6 ст. 346.2 НК РФ
Упрощенная система налогообложения	пп. 17 п. 3 ст. 346.12 НК РФ
Система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции	ст. 346.36 НК РФ
Патентная система налогообложения	ст. 346.44. НК РФ
Налог на профессиональный доход (в порядке эксперимента)	ст. 4 Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ
«Автоматизированная упрощенная система налогообложения» (в порядке эксперимента)	пп. 15 п. 2 ст. 3 Федерального закона от 25.02.2022 № 17-ФЗ

Налог на прибыль. В соответствии с п. 1.1. ст. 284 НК РФ организации сферы здравоохранения вправе применять ставку 0% при условии соответствия учреждения критериям, приведенным в табл. 4. В случае если таким учреждением не выполнено хотя бы одно из условий с начала налогового периода, то применяется ставка в размере 20%.

Бюджетные медицинские учреждения могут финансироваться из разных источников [9], что представлено на рис. 5 с выделением кодов вида финансового обеспечения деятельности учреждений. Следовательно, и осуществление налогового учета в таких учреждениях должно производиться по таким источникам отдельно с одновременным отнесением доходов и расходов для точного исчисления налогов.

Таким образом, учреждение может иметь доходы – от реализации товаров, работ и услуг и внереализационные – облагаемые и необлагаемые налогом на прибыль организаций².

¹ Составлено авторами.

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ, 07.08.2000, № 32, ст. 3340.

Таблица 4 – Основание применения бюджетными медицинскими учреждениями нулевой ставки¹

Table 4 – Basis for the application of the zero rate by budgetary medical institutions

Критерий отбора	Соответствие критерию
Сфера деятельности (образовательная / медицинская)	✓
Наличие лицензии на осуществление деятельности,	✓
Доходы за налоговый период от осуществления деятельности составляют не менее 90% доходов, учитываемых при определении налоговой базы	✓
Численность медицинского персонала, имеющего сертификат специалиста (свидетельство об аккредитации) в общей численности работников непрерывно в течение налогового периода составляет не менее 50 %;	✓
В штате организации непрерывно в течение налогового периода числятся не менее 15 работников	✓
Организация не совершает в налоговом периоде операций с векселями и производными финансовыми инструментами	✓

КФО 2 – собственные средства учреждения от приносящей доход деятельности

КФО 3 – средства, находящиеся во временном распоряжении

КФО 4 – субсидии на выполнение государственного задания

КФО 5 – субсидии на иные цели

КФО 6 – субсидии на осуществление капитальных вложений в гос (муниц.) собственность

КФО 7 – средства ОМС

Рис. 5. КВФО деятельности бюджетных учреждений²

Fig. 5. KVFO activities of budgetary institutions

Отдельно хочется отметить, что при производстве расчетов налогооблагаемой базы по рассматриваемому налогу для бюджетных медицинских учреждений не учитывается имущество, которое учреждение получило в рамках целевого финансирования, а также объем целевых поступлений [10]. Одновременно с этим учреждению необходимо вести отдельный учет таких средств, что также обусловлено использованием нескольких видов КВФО, в противном случае – они будут облагаться по общему правилу, а также подлежат включению в состав внереализационных доходов³.

При определении налоговой базы по налогу на прибыль бюджетные медицинские организации к расходам, связанным с осуществлением приносящей доход деятельности, относят расходы, произведенные в целях осуществления такой деятельности, и суммы амортизации, начисленные по имуществу, приобретенному за счет таких средств и используемому для осуществления такой деятельности⁴.

Земельный, транспортный и налог на имущество организаций. По общему правилу бюджетные медицинские учреждения не освобождаются от уплаты данных налогов при наличии объектов налогообложения⁵.

НДС. В соответствии со ст. 149 гл. 21 НК РФ бюджетные медицинские учреждения не являются плательщиками НДС, что связано с исключением медицинских услуг из объектов налогообложения. Исключение составляют услуги, которые не относятся к медицинским, а также оказываются за счет предпринимательской деятельности (н/р, сдача в аренду имущества учреждения).

¹ Составлено авторами.

² Составлено авторами.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ, 07.08.2000, № 32, ст. 3340.

Обсуждение

На основании проведенного исследования, необходимо отметить, что факт отсутствия общепринятого законодательного определения термина «система здравоохранения РФ» может стать причиной пробелов в нормативно-правовом регулировании ее функционирования, нарушений в процессе сбора достоверной и своевременной статистической информации, а также в управлении государственной собственностью. Проведенный в исследовании анализ рассматриваемого термина позволяет отметить, что каждый автор, несомненно, имеет свое представление относительно его трактовки, однако все они схожи в одном: система здравоохранения – это целостная, единая система, состоящая из представителей разных форм собственности, и управляемая определенным фундаментальным механизмом, что обусловлено экономико-социальным характером данной системы.

Подтверждением значимости данных выводов является и проведенная в исследовании статистика на вопрос количественного состава медицинских организаций в стране на 01.11.2024 года. Так, с 2020 г. по 2024 г. число медицинских организаций увеличилось на 2 945 ед. или на 3,56%, а в ближайший год доля медицинских учреждений в общей структуре предприятий останется в пределах 2,7% на фоне реализации ряда государственных программ по наращиванию потенциала в области медицины: например, «Развитие здравоохранения» и прочие.

Как было отмечено медицинские организации являются налогоплательщиками вне зависимости от их формы собственности, исчисляя и уплачивая налоги в бюджеты разных уровней, бюджетные и внебюджетные фонды. На основе проведенного исследования отметим, что наибольшую долю в структуре налоговых поступлений от сектора здравоохранения в рамках Российской Федерации и Ростовской области занимают НДФЛ, НДС и налог на прибыль, транспортный и земельный налоги и пр. Данная иерархия обусловлена наличием разного рода налоговых преференций для организаций сектора здравоохранения, в частности льготы по налогу на прибыль.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что деятельность бюджетных медицинских учреждений как элемента системы государственных (муниципальных) учреждений носит не только социально-ориентированный характер, но и экономический, что обусловлено спецификой их правового положения, как структурной единицы гражданского законодательства. Приведенная статистика за период 2012–2025 гг., посвященная количеству действующих медицинских организаций в Российской Федерации, свидетельствует о непрерывном развитии рассматриваемой отрасли в связи с ее социально-экономической значимостью.

Механизм налогообложения деятельности медицинских бюджетных учреждений в целом осуществляется по общему правилу, регламентированному НК РФ, однако с учетом особенностей в части взимания налога на прибыль организаций и НДС. Данные особенности обусловлены спецификой деятельности таких учреждений, а также направлениями их деятельности. Кроме того, отдельно стоит подчеркнуть, что на сегодняшний день многие медицинские организации и учреждения оказывают дополнительные услуги. В частности, говоря о бюджетных медицинских учреждениях, практически повсеместно ими оказываются дополнительные услуги сверх доведенных лимитов по приносящей доход деятельности, что также несколько усложняет ведение налогового учета такими учреждениями.

Подчеркнем, что бюджетным медицинским учреждениям государство предоставляет ряд налоговых преференций, например, такие как пониженные налоговые ставки, в целях поддержки и стимулирования социально-значимой отрасли. Например, льгота по налогу на прибыль организаций по применению нулевой ставки налога, при строгом соблюдении всех критериев, описанных нами в данном исследовании.

Список источников

1. Ерохина Т. В. Государственное управление здравоохранением в Российской Федерации // Здравоохранение. 2021. № 5. С. 22–28.
2. Новоселов В. П. Административно-правовые проблемы управления здравоохранением в субъектах федерации. М.: Институт государства и права РАН, 2020. 226 с.

3. Хегай В. Р. Общая характеристика системы здравоохранения в России // Вестник науки. 2023. №6 (63). С. 487–494.
4. Герсонская И. В. Система здравоохранения в России: основные проблемы и возможные пути их решения // Вестник ЧелГУ. 2023. №3 (473). С. 53–63.
5. Сипиева М. С., Смирнова Е. А., Масюк Ю. С. Роль системы здравоохранения в вопросах воспроизводства человеческого потенциала и национальной безопасности государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. №1. С. 137–149.
6. Матюшкина И. А., Ильюшина А. С. Сущность, структура и особенности управления системой здравоохранения в РФ // Экономика. Социология. Право. 2024. № 2 (34). С. 17–24.
7. Архипова К. С., Скидан А. В. Особенности исполнения налоговых обязательств казенными учреждениями // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 109–115. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-109-115>. EDN LYLOVL
8. Корниенко В. В. Особенности налогообложения в сфере здравоохранения // Modern Science. 2021. № 4-1. С. 124–126.
9. Домбровская Е. Н. Новации в учетной политике медицинских организаций в 2023 году // Бухучет в здравоохранении. 2023. № 2. С. 5–11.
10. Зенкова А. А., Беляева Т. А., Навальный С. В. Оказание платных медицинских услуг бюджетными медицинскими учреждениями // Научные исследования XXI века. 2020. № 2(4). С. 169–172.

References

1. Erokhina T. V. Public administration of healthcare in the Russian Federation. *Healthcare*. 2021;(5):22–28. (In Russ.)
2. Novoselov V. P. *Administrative and legal problems of healthcare management in the constituent entities of the federation*. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 2020. 226 p. (In Russ.)
3. Kheday V.R. General characteristics of the healthcare system in Russia. *Bulletin of Science*. 2023;6(63):487–494. (In Russ.)
4. Gersonskaya I. V. Healthcare system in Russia: main problems and possible solutions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;3(473):53–63. (In Russ.)
5. Sipieva M.S., Smirnova E.A., Masyuk Yu.S. The role of the healthcare system in matters of reproduction of human potential and national security of the state. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Public and municipal administration*. 2024;(1):137–149. (In Russ.)
6. Matyushkina I. A., Ilyushina A. S. The essence, structure and features of the healthcare system management in the Russian Federation. *Economy. Sociology. Law*. 2024;2(34):17–24. (In Russ.)
7. Arkhipova K. S., Skidan A. V. Features of the fulfillment of tax obligations by state institutions. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(4):109–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-109-115>. EDN LYLOVL
8. Kornienko V. V. Features of taxation in the field of healthcare. *Modern Science*. 2021;(4-1):124–126. (In Russ.)
9. Dombrovskaya E. N. Innovations in the accounting policy of medical organizations in 2023. *Accounting in healthcare*. 2023;(2):5–11. (In Russ.)
10. Zenkova A. A., Belyaeva T. A., Navalny S. V. Provision of paid medical services by budgetary medical institutions. *Scientific research of the XXI century*. 2020;2(4):169–172. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Скидан – кандидат экономических наук, доцент, директор центра научно-образовательной политики ЮРИУ РАНХиГС.
К. С. Субботина – магистрант ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

A. V. Skidan – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Director of the Center for Scientific and Educational Policy of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.
K. S. Subbotina – Master's Student of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Статья поступила в редакцию 18.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 21.02.2025.

The article was submitted 18.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 21.02.2025.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 145–153
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2025;(1):145–153

Политология и этнополитика

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-145-153>

EDN FYGKKB

Организация профилактической работы с иностранными студентами в Республике Северная Осетия-Алания на фоне актуальных террористических угроз

Олег Александрович Баранов

Администрация Главы Республики Северная Осетия-Алания, Владикавказ, Россия,
oleglarin69@yandex.ru

Аннотация

Введение. На территории Российской Федерации значительно возрос уровень террористических угроз, исходящих от украинских специальных служб и международных террористических организаций на фоне проведения специальной военной операции на территории Украины. Одним из угрозообразующих факторов являются попытки вовлечения в осуществление террористических акций молодёжи из числа иностранных граждан, чему в немалой степени может способствовать различие в духовно-нравственных ориентирах с российским населением. В связи с этим, духовно-нравственное воспитание молодежи, в том числе из числа иностранных студентов, является одной из главных идеологических задач Российского государства.

Цель. Выделение наиболее эффективных форм и методов профилактической работы, снижающих степень уязвимости и подверженности идеологии терроризма и экстремизма у иностранных студентов, проходящих обучение в образовательных организациях Республики Северная Осетия-Алания.

Методы. В своём исследовании автор опирается на акторный подход, теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Используются методы компаративного и контент-анализа.

Результаты и выводы. Только практико-ориентированный подход, учитывающий ментальность иностранных студентов и уровень их духовно-нравственного развития является ключом их успешной интеграции в национально-культурное и общественно-политическое пространство Российской Федерации, развивает толерантное отношение и уважение к национально-культурным традициям, способствует соблюдению действующих в стране пребывания норм и правил поведения. Одними из апробированных и доказавших на практике свою эффективность форм выявления проникновения идеологии терроризма в молодёжную среду являются социально-психологические исследования по методике диагностики склонности к агрессии и девиантному поведению иностранных студентов. Эта работа позволяет на уровне образовательной организации сформировать группы риска иностранных студентов, требующих повышенного психолого-педагогического внимания с проведением профилактических мероприятий, индивидуальных консультаций, привлечение данных студентов в различные дополнительные образовательные услуги, что способствует раннему предупреждению противоправных действий.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, межнациональные и религиозные конфликты, национальный компонент, индивидуальная профилактическая работа, иностранные студенты, терроризм, противоправные действия, общественно-политическое пространство, национально-культурное пространство

Для цитирования: Баранов О. А. Организация профилактической работы с иностранными студентами в Республике Северная Осетия-Алания на фоне актуальных террористических угроз // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 145–153. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-145-153>. EDN FYGKKB

Organization of preventive work with international students in the Republic of North Ossetia-Alania against the background of current terrorist threats

Oleg A. Baranov

Administration of the Head of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia,
oleglarin69@yandex.ru

Abstract

Introduction. The level of terrorist threats emanating from Ukrainian special services and international terrorist organizations has significantly increased in the Russian Federation against the background of a special military operation on the territory of Ukraine. One of the threat-forming factors is attempts to involve young people from among foreign citizens in terrorist acts, which can be greatly facilitated by differences in spiritual and moral orientations with the Russian population. In this regard, the spiritual and moral education of young people, including those from among foreign students, is one of the main ideological tasks of the Russian state.

Purpose. Identification of the most effective forms and methods of preventive work that reduce the degree of vulnerability and exposure to the ideology of terrorism and extremism among foreign students studying in educational institutions of the Republic of North Ossetia-Alania.

Methods. In his research, the author relies on the actor's approach, the theory of communicative action by Yu. Habermas. Comparative and content analysis methods are used.

Results and conclusions. Only a practice-oriented approach that takes into account the mentality of foreign students and the level of their spiritual and moral development is the key to their successful integration into the national cultural and socio-political space of the Russian Federation, develops a tolerant attitude and respect for national cultural traditions, promotes compliance with the norms and rules of conduct in force in the host country. One of the proven and proven forms of detecting the penetration of the ideology of terrorism into the youth environment is socio-psychological research on the methodology of diagnosing the propensity for aggression and deviant behavior of foreign students. This work allows, at the level of an educational organization, to form risk groups of foreign students who require increased psychological and pedagogical attention with preventive measures, individual consultations, and the involvement of these students in various additional educational services, which contributes to the early prevention of illegal actions.

Keywords: socio-cultural adaptation, interethnic and religious conflicts, national component, individual preventive work, foreign students, terrorism, illegal actions, socio-political space, national cultural space

For citation: Baranov O. A. Organization of preventive work with international students in the Republic of North Ossetia-Alania against the background of current terrorist threats. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2025;(1):145–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-145-153>. EDN FYGKKB

Введение

На фоне роста террористических и экстремистских проявлений, составляющих серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации, деструктивными силами активно развиваются и совершенствуются способы и инструменты радикализации молодежи. Пропаганда идеологии терроризма осуществляется в информационных ресурсах Интернета, где сосредоточено огромное количество пользователей [1].

Сторонники запрещенных организаций преимущественно ориентируются на молодежь, которая находится на этапе становления мировоззренческих позиций, жизненных ориентаций и наиболее восприимчива к идеям деструктивного толка, нередко склонна поддерживать асоциальные идеи и взгляды.

Иностранные студенты являются одной из наиболее незащищенных групп обучающейся молодежи. Наиболее частые факторы вовлечения мигрантов, прибывающих из стран с повышенной террористической активностью в противоправную деятельность – незнание норм российского законодательства, неразвитое критическое мышление, сложности социокультурной адаптации, легкий заработок.

Целью статьи является выделение наиболее эффективных форм и методов профилактической работы, снижающих степень уязвимости и подверженности идеологии терроризма и экстремизма у иностранных студентов, проходящих обучение в образовательных организациях Республики Северная Осетия-Алания.

Материалы и методы

В своём исследовании автор опирается на акторный подход, теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Используются методы компаративного и контент-анализа.

Результаты и обсуждение

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204¹ с каждым годом в образовательных организациях растет количество иностранных студентов, приезжающих в Россию для получения высшего образования. На сегодняшний день в вузах республики проходят обучение более 6 000 студентов из разных стран, в том числе из Узбекистана, Армении, Таджикистана, Туркменистана, Республики Беларусь, Грузии, Азербайджана, Анголы, Гвинеи, Ганы, Египта, Ирака, Камеруна, Ливана, Марокко, Сенегала, Сирии, Турции.

В настоящее время в Республике Северная Осетия-Алания не зафиксировано случаев вовлечения иностранных студентов в экстремистскую и террористическую деятельность, но наряду с этим, рост количества студентов-иностранцев на территории республики обращает внимание на необходимость постоянной и скоординированной совместной работы различных структур с целью недопущения распространения идеологии терроризма, что в свою очередь актуализирует необходимость качественного улучшения проводимых мероприятий.

В соответствии с Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы², профилактическая работа осуществляется по всем уровням профилактики: общей, адресной и индивидуальной – это обусловлено недостаточностью проведения лишь общепрофилактических мероприятий.

Отсутствие у студенческой молодёжи чётких оценочных суждений природы терроризма, зачастую восприятие этого явления в качестве генетически заложенной в человеке потребности борьбы за власть и суверенитет, реакции на обездоленность, нищету и несправедливость, заставляет подходить к рассмотрению явления терроризма с разных сторон, делать акцент в работе на конкретный характер реальных мероприятий. Такой подход будет оказывать влияние на характер антитеррористической работы, что несомненно ощутимее скажется на ее идеологической составляющей [2].

Реальная угроза идеологии терроризма вытекает из ее способности влиять и оказывать воздействие на человеческую память, способную к изменениям, переменам, к искажениям исторической правды. Подобная ситуация зачастую может привести к утрате своего духовно-нравственного наследия, и, как следствие к потере своей идентичности. И как тут не вспомнить и не согласиться со словами Президента России В. В. Путина, что развитие России, ее продвижение к новым достижениям возможно только в условиях духовного и культурного самоопределения. Исходя из вышеизложенного полагаем, что первоочередной задачей в профилактической работе по противодействию терроризму должны занимать мероприятия, ратующие за сохранение исторической памяти и культурного кода нашей страны. Такой подход будет способствовать созданию качественно нового отношения к историко-культурному наследию народов России.

В рамках выполнения этой задачи успешная социокультурная адаптация иностранных студентов представляет особую важность. В соответствии со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации³ в отношении иностранных граждан осуществляются мероприятия, направленные на успешную социокультурную адаптацию и интеграцию их в российское общество [3].

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

² Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 – 2028 годы, утвержденный Президентом Российской Федерации от 30 декабря 2023 года № Пр-2610.

³ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666.

Изучением вопроса адаптации иностранных граждан занимались многие ученые, которые выделяли два этапа социализации - социальную адаптацию личности и интериоризацию. В процессе первого этапа происходит индивидуальное приспособление личности к общественным и экономическим условиям, преобладающим в том или ином обществе.

На фазе второго этапа личность принимает социальные ценности в свой внутренний мир и делает их нормой жизни [4, с. 7].

В образовательных организациях республики уделяется большое внимание созданию условий для успешной социокультурной адаптации иностранных обучающихся. Сложности в интеграции иностранных студентов порой не позволяют наладить эффективный межнациональный диалог, сформировать прочные межкультурные связи и часто приводят к распространению агрессии и ксенофобии. В немалой степени этому способствуют умы и настроения прибывшей в нашу страну на обучение молодежи из стран, которые в большей степени, нежели Россия подверглись влиянию глобализации, которая способствовала обнищанию большей части населения и породила не только политический и экономический кризис, но и в умах людей, что послужило основным из факторов проникновения в молодежную среду идеологии терроризма [5–6].

Злободневность и актуальность противодействия идеологии экстремизма и терроризма привела к созданию новых институтов, основной задачей которых является профилактическая работа среди иностранных студентов. Здесь необходимо отметить созданный в 2021 г. на базе Северо-Кавказского горно-металлургического института (ГТУ) Центра социокультурной адаптации для иностранных граждан и лиц без гражданства¹, а также Координационный центр по противодействию идеологии экстремизма и терроризма, созданный в 2022 г. на базе Северо-Осетинского государственного университета, одним из направлений работы которого является социокультурная адаптация иностранных студентов.

Проекты, реализуемые в старейших вузах республики, включают в себя различные профилактические мероприятия, знакомство с регионом пребывания, с его культурными, социальными, политическими реалиями сегодняшнего дня. Иностранные студенты в ходе реализации мероприятий получают также необходимый объем правовых знаний на случай непредвиденных обстоятельств.

Мероприятия, реализуемые в рамках данных проектов, направлены на недопущение религиозной и национальной розни. Иностранных студентов знакомят с объектами культурного и духовного наследия, такими как Роцца святого Хетага, Реком, Нузальская часовня, Дзивгисская крепость и др.

С иностранными студентами, по их адаптации в непривычной для них культурной среде занимаются также различные государственные органы, такие как Министерство по национальной политике и внешним связям, Министерство образования и науки РСО-Алания.

Учитывая, что большинство иностранных студентов придерживаются мусульманского вероисповедания, встречи с руководством ДУМ РСО-Алания тоже имеют регулярный характер. Хотелось бы отметить ряд организаций, таких как Центр профилактики девиантного поведения детей и молодежи Северо-Осетинского педагогического колледжа, Центр социализации молодежи, Центр социальных инноваций, компетенций и добровольчества и др., также принимающих активное участие в данной работе.

В контексте проводимых мероприятий иностранные студенты информируются об особенностях российского антитеррористического и антиэкстремистского законодательства, ответственности за совершение преступлений соответствующего характера, о правилах безопасного поведения, в том числе, в сети-Интернет, развивают критическое мышление, а также навыки межличностного взаимодействия, межкультурной и межнациональной терпимости.

Наряду с проведением на регулярной основе профилактических мероприятий в стандартных формах – беседы и дискуссии, применяются интерактивные форматы мероприятий.

Положительно себя зарекомендовали мероприятия в формате викторин, брейн-рингов, тренингов, опробированные и положительно зарекомендовавшие себя и в других субъектах

¹ Центр СКГМИ.

Российской Федерации [7]. Среди них профилактическое занятие «Диалоги» [8, с. 76]. Занятие направлено на объяснение иностранным студентам особенностей российского антитеррористического и антиэкстремистского законодательства и ответственности за совершение преступлений соответствующего характера; более близкое знакомство иностранных студентов друг с другом через командную работу (формирование круга знакомых в чужой этнокультурной среде); развитие критического мышления и формирование навыка распознавания противоправной составляющей в предложениях знакомых и незнакомых людей.

Студентам предлагается изучить несколько карточек, в которых доступным языком было изложено содержание статей антиэкстремистского и антитеррористического законодательства РФ. После этого они должны были дать ответ на поступившее им в социальных сетях сообщение, учитывая новые знания.

Обсуждаются ответная реакция и умение увидеть в поступающих предложениях противоправную составляющую — ключевые моменты профилактического мероприятия.

Иностранные студенты Северной Осетии становятся участниками различных научных и просветительских мероприятий, проводимых в рамках СКФО, целью которых является формирование у них позитивного образа страны, в которой они обучаются. Благодаря подобным мероприятиям, обогащающим духовную жизнь иностранных студентов, они становятся неотъемлемой частью социума, в котором проживают.

В качестве важного ресурса духовно-нравственного воспитания и адаптации в новой социокультурной среде, Координационным центром СОГУ по противодействию идеологии экстремизма, проводятся различные мастер-классы по армрестлингу, по выпечке осетинских пирогов, по осетинским танцам, по изготовлению войлочных изделий. Подобные аутентичные мероприятия способствуют популяризации традиционных российских (осетинских) ценностей среди представителей различных континентов.

Активисты Центров оказывают активное содействие в работе добровольческого движения «Волонтеры ZZZ Осетия». Так, иностранные студенты активно привлекаются к изготовлению маскировочных сетей для СВО.

Необходимо отметить, что Центры по работе с иностранными студентами практикуют студенческое самоуправление. Такая форма самоорганизации дисциплинирует студентов, активнее вовлекает их в студенческую жизнь. Подобная практика способствует более мягкой интеграции учебных мигрантов в социокультурное пространство России, формируя у них уважительное отношение к ценностям и традициям страны проживания [9].

В результате проведенной адресной работы студентом СКГМИ, гражданином Арабской Республики Египет-Мустафой Талаат Хамди добровольно подписан контракт на прохождение службы в рядах российской армии для участия в специальной военной операции.

Вместе с тем, несмотря на проводимую работу, складывающаяся обстановка нуждается в формировании в рамках образовательного процесса особых психолого-педагогических условий, способных нивелировать возникающие и потенциальные угрозы для участников образовательных отношений. При этом базовыми принципами в организации этой работы должны являться компетентность, своевременность, системность [10].

При координирующей роли Антитеррористической комиссии в Республике Северная Осетия-Алания Министерством образования и науки Республики Северная Осетия-Алания во взаимодействии с Центром профилактики девиантного поведения детей и молодежи и Центром психологического сопровождения образования Северо-Осетинского педагогического колледжа с целью изучения вопроса о целесообразности и реализации «Программы психолого-педагогического и социально-психологического сопровождения иностранных граждан, обучающихся в РСО-Алания» в 2022 году проведено анкетирование студентов-иностранцев, проходящих обучение в образовательных организациях Республики Северная Осетия-Алания.

Опрос имел пилотный характер. Для тестирования было привлечено 62 иностранных студента в возрасте от 15 до 27 лет, обучающихся в различных образовательных организациях Республики Северная Осетия-Алания.

Результаты пилотного исследования показали в целом свойственные для молодежной среды мнения и суждения: толерантное отношение к окружающим, благополучное психическое

состояние, проявление в суждениях общечеловеческих гуманных установок. Отношение к экстремистским группировкам, сектам и террористическим идеологиям у респондентов весьма негативное.

Также стоит отметить, что опрошенные проявили дружелюбные отношения к сверстникам, особого напряжения в чужой для себя стране не испытывают. В силу возраста иностранцы быстро адаптировались к новым условиям, также многие отмечают, что переехав в Россию их жизнь изменилась в лучшую сторону.

К сожалению, в результате анкетирования иностранных граждан было выявлено, что программа психолого-педагогического и социально-психологического сопровождения иностранных граждан, обучающихся в РСО-Алания не в полной мере затрагивает различные аспекты жизни иностранного гражданина в России.

В этой связи, по поручению Антитеррористической комиссии в Республике Северная Осетия-Алания Министерством образования и науки Республики Северная Осетия-Алания во взаимодействии с Центром профилактики девиантного поведения детей и молодежи и Центром психологического сопровождения образования Северо-Осетинского педагогического колледжа разработаны дополнительные механизмы мониторинга социально-психологических особенностей иностранных граждан, обучающихся на территории РСО-Алания для последующего использования его технологий и средств субъектами противодействия идеологии терроризма и экстремистских проявлений в студенческой среде, которые используются с 2023 г. и имеют положительные отзывы со стороны педагогических работников.

В основе эффективного мониторинга социально-психологических особенностей обучающихся иностранных граждан стоит диагностика определения социально-психологической адаптации студентов-мигрантов и склонности к экстремистским проявлениям, которая включает в себя:

- дневник сопровождения каждого обучающегося;
- карту наблюдения за особенностями социализации и адаптации студентов-мигрантов;
- оценку уровня речевой и языковой компетенции студента – мигранта, с целью формирования учебных групп для изучения русского языка;
- методику «Шкалы склонности к экстремизму» (Д. Г. Давыдов, К. Д. Хломов), направленную на выявление экстремистского поведения.

Для того, чтобы определить степень склонности к экстремистскому поведению среди молодежи, в вузах республики была проведена работа по ее выявлению. В данной работе была использована известная методика российских ученых Д. Г. Давыдова и К. Д. Хломова. Подобная работа позволяет выявить респондентов, потенциально относящихся к группе риска

Всего в диагностике приняли участие 176 обучающихся в высших образовательных организациях республики в возрасте от 17 до 38 лет. Среди них: мужчин – 140, женщин – 36 человек.

По результатам диагностики диспозиции *культ силы*: высокий показатель был выявлен у 11,4% (20 чел.) опрошенных, у 88,6% (156 чел.) данная шкала находится в границах нормы.

Подобная ситуация демонстрирует восприятие некоторыми молодыми людьми насилия, как наиболее распространенного способа достижения своих целей. Высокий показатель в данном случае может быть тревожным сигналом и основанием для включения респондента в группу риска.

Рассматривая возможность *допустимости агрессии* и готовность лично участвовать в ней, организаторы данного мониторинга выявили среди опрошенных 6,8% (12 чел.) способных на подобные действия. Что же касается подавляющего большинства 93,2% (164 чел.), то они не приемлют агрессию как способ разрешения проблем.

Интолерантность характеризуется стремлением к однозначности восприятия образа мира, неприятием отличий других людей, отрицанием инакомыслия и стремлением навязать свои взгляды любой ценой как единственно правильные.

В результате анализа результатов диагностики респондентов выявлен высокий балл у 52,8% студентов (93 чел.), у 47,2% опрошенных (83 чел.) данный показатель в пределах нормы.

Высокие показатели по диспозиции *конвенциональное принуждение* выявлены у 15,9% обучающихся (28 чел.), у 84,1% (148 чел.) – в границах нормы.

Данная диспозиция проповедует идею очищения общества от людей, т.н. «неправильных», не разделяющих общие взгляды, общепринятые ценности. Сторонник подобных взглядов считает себя вправе наказывать людей, чьи взгляды не согласуются с ним. Высокий балл по данной диспозиции может быть основанием включения респондента в группу риска.

Люди, склонные к социальному пессимизму, видят мир мрачным, жестоким, опасным. Отсюда их пессимистический настрой. Высокий показатель по данной диспозиции выявлен у 5,7 % (10 чел.) и может быть основанием для включения респондента в группу риска. В границах нормы социальный пессимизм выявлен у подавляющего большинства опрошенных – 94,3 % (166 чел.).

Диспозиция *мистичность* показала высокий балл у 8,5 % опрошенных (15 чел.), тогда как у большей части респондентов – 91,5 % (161 чел.) данный показатель находится в границах нормы. Для этой диспозиции характерна замкнутость, страх, «уход» в себя. Эти люди эмоциональны, легко возбудимы, они пытаются объяснить окружающий мир простыми схемами.

Диспозиция *деструктивность и цинизм* проявляется в негативном отношении к окружающим, в стремлении опорочить простые человеческие чувства, такие как дружба, сострадание, сочувствие, любовь. Для них характерна подозрительность, чрезмерная осторожность в отношениях с людьми, поведение людей они объясняют, прежде всего, присущими им низменными мотивами. Высокий балл в данном случае является причиной включения опрошенных в группу риска и выявлен у 11,4 % исследуемых (20 чел.), «норма» выявлена у большинства испытуемых – 88,6 % (156 чел.).

По диспозиции *протестная активность* можно констатировать, что у 9,1 % респондентов (16 чел.) выявлены показатели выше нормы, тогда как показатели у 90,9 % обучающихся (160 чел.) находятся в границах нормы.

Основой подобной диспозиции служат потребности в неадаптивной активности, поисковом поведении, поиске ощущений. Люди, неудовлетворенные деятельностью традиционных социальных институтов, разуверившиеся в них, становятся легко внушаемыми и поддаются под влияние экстремистских организаций. Высокий балл может служить основанием включения респондента в группу риска.

Для диспозиции *нормативный нигилизм* присущи показное игнорирование законов и норм общественного поведения. Они убеждены, что ради цели можно перешагнуть через общепринятые в обществе нормы поведения. Высокий балл по данной диспозиции выявлен у 52,3 % (92 чел.), «норма» у 47,7 % (84 чел.).

Диспозиция *антиинтрацепция*, характеризующаяся показателем выше 40,9 % (72 чел.) характеризует демонстративное пренебрежение к гуманитарным наукам и искусству.

Больше половины опрошенных – 59,1 % (104 чел.) показали результаты в границах нормы.

Диспозиция *конформизм* была выявлена у небольшого количества обучающихся – 6,8 % (12 чел.), тогда как большинство – 93,2 % (164 чел.) стремятся иметь собственное мнение и отстаивать общепринятые интересы. Отрадно то, что лишь небольшая группа демонстрирует подверженность давлению со стороны сверстников, они готовы нарушить закон, нормы поведения «за компанию». Высокий балл по данной диспозиции может быть основанием включения респондента в группу риска.

По результатам опроса и анализу различных видов диспозиций очевидно, что подавляющее большинство респондентов находятся в пределах нормы, однако у незначительной части опрошенных выявлены высокие показатели по перечисленным диспозициям. По диспозициям *интолерантность и нормативный нигилизм* практически у половины опрошенных выявлены высокие показатели. Высокие показатели по диспозициям явились основанием включения респондентов в группу риска и позволили образовательной организации своевременно организовать среди студентов-мигрантов дальнейшие групповые и индивидуальные профилактические мероприятия.

Заключение

Профилактическая работа многогранна и многоаспектна. Принимаемый субъектами профилактики комплекс мер способствуют успешной социокультурной адаптации иностранных обучающихся, а также устранению предпосылок их радикализации.

Вместе с тем сложившаяся в субъектах противодействия идеологии терроризма на территории Республики Северная Осетия-Алания практика работы позволяет сделать вывод, что

для достижения поставленных целей работы необходимо совершенствовать формы и методы её проведения, основываясь на оценке эффективности полученных результатов. Только практико-ориентированный подход, учитывающий ментальность иностранных студентов и уровень их духовно-нравственного развития является ключом их успешной интеграции в национально-культурное и общественно-политическое пространство Российской Федерации, развивает толерантное отношение и уважение к национально-культурным традициям, способствует соблюдению действующих в стране пребывания норм и правил поведения.

Одними из апробированных и доказавших на практике свою эффективность форм выявления проникновения идеологии терроризма в молодёжную среду, являются социально-психологические исследования по методике диагностики склонности к агрессии и девиантному поведению иностранных студентов.

Эта работа позволяет на уровне образовательной организации сформировать группы риска иностранных студентов, требующих повышенного психолого-педагогического внимания с проведением профилактических мероприятий, индивидуальных консультаций, привлечение данных студентов в различные дополнительные образовательные услуги, что способствует раннему предупреждению противоправных действий.

Только системная реализация комплекса мер позволит минимизировать влияние факторов риска на иностранных обучающихся, а также усилить факторы защиты как личностные, так и социальные, способствующие позитивной социализации и социальной адаптации иностранных обучающихся.

Список источников

1. Микаева А. С. Проблемы правового регулирования в сети Интернет и их причины // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9. С. 67–75.
2. Деструктивное влияние террора на политическую систему и правовую среду Российского государства. Под ред. О. И. Чердакова. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Международный юридический институт, 2017. 528 с.
3. Ланда К. З., Экзиков М. Х. Особенности профилактики экстремизма и терроризма в молодёжной среде полиэтнического социума / Противодействие идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере и молодёжной среде. Сборник статей. М.: МГИМО-университет, 2017. С. 19–29.
4. Иванова Г. П., Ширкова Н. Н., Логвинова О. К. Иностранный студент в российском вузе. Монография / М.: ООО «Русайнс», 2022. 138 с.
5. Гедгафов М. М. О некоторых аспектах профилактики преступлений экстремистской направленности органами внутренних дел в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 163–165.
6. Кучмезов Р. А. Международный терроризм и религиозный экстремизм в Северо-Кавказском федеральном округе // Вестник научных конференций. 2017. № 9-1 (25). С. 77–81.
7. Семикин В. В., Лисовская Н. Б., Неговская С. Г. Опыт разработки и реализации модели профилактики экстремистских проявлений среди учащихся в системе среднего профессионального образования Санкт-Петербурга / Противодействие идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере и молодёжной среде. Сборник статей. М.: МГИМО-университет, 2017. С. 85–103.
8. Венцель С. В., Жученко В. С., Зайцева Ю. Н. и др. Сборник сценариев профилактических мероприятий Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет. Ростов н/Д., 2022 г. 122 с.
9. Губаева Н. Г., Льянова А. В., Марзоева Т. Х. Образовательные экскурсии по РСО-Алания как способ формирования коммуникативной компетенции иностранных студентов при обучении русскому языку как иностранному // Современные научно-технические и социально-гуманитарные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник докладов IV Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Владикавказ, 2023. С. 314–316.

10. Гарин И. Ю., Лаверычева И. Г. Актуальные вопросы выявления в молодёжной среде лиц, подверженных воздействию идеологии терроризма и экстремизма / Противодействие идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере и молодёжной среде. Сборник статей. М.: МГИМО-университет, 2017. С. 6–18.

References

1. Mikaeva A. S. Problems of legal regulation on the Internet and their causes. *Actual problems of Russian law*. 2016;(9):67–75. (In Russ.)
2. *The destructive influence of terror on the political system and legal environment of the Russian state*. O. I. Cherdakov (ed.). Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Moscow: International Law Institute; 2017. 528 p. (In Russ.)
3. Landa K. Z., Ekzekov M. H. The peculiarities of preventing extremism and terrorism among the youth of a multiethnic society. In: *Countering the ideology of terrorism and extremism in the educational sphere and the youth environment. Collection of articles*. Moscow: MGIMO University; 2017:19–29. (In Russ.)
4. Ivanova G. P., Shirkova N. N., Logvinova O. K. *A foreign student at a Russian university*. Monograph. Moscow: Rusains LLC; 2022. 138 p. (In Russ.)
5. Gedgafov M. M. On some aspects of the prevention of extremist crimes by law enforcement agencies in the Russian Federation. *Civil service and personnel*. 2019;(3):163–165. (In Russ.)
6. Kuchmezov R. A. International terrorism and religious extremism in the North Caucasus Federal District. *Bulletin of Scientific Conferences*. 2017;9-1(25):77–81. (In Russ.)
7. Semikin V. V., Lisovskaya N. B., Negovskaya S. G. The experience of developing and implementing a model for the prevention of extremist manifestations among students in the secondary vocational education system of St. Petersburg. In: *Countering the ideology of terrorism and extremism in the educational sphere and the youth environment. Collection of articles*. Moscow: MGIMO University; 2017:85–103. (In Russ.)
8. Wenzel S. V., Zhuchenko V. S., Zaitseva Yu. N. and others. *Collection of scenarios of preventive measures of the National Center for Information Counteraction to Terrorism and Extremism in the educational environment and the Internet*. Rostov-on-Don; 2022. 122 p. (In Russ.)
9. Gubaeva N. G., Lyanova A.V., Marzoeva T. H. Educational excursions in the North Ossetia-Alania as a way of forming the communicative competence of foreign students in teaching Russian as a foreign language. In: *Modern scientific, technical and socio-humanitarian research: current issues, achievements and innovations*. Collection of reports of the IV All-Russian (national) scientific and practical conference. Vladikavkaz; 2023: 314–316. (In Russ.)
10. Garin I. Yu., Laverycheva I. G. Current issues of identifying people among young people who are exposed to the ideology of terrorism and extremism. In: *Countering the ideology of terrorism and extremism in the educational sphere and the youth environment*. Collection of articles. Moscow: MGIMO University; 2017: 6–18. (In Russ.)

Информация об авторе

О. А. Баранов – помощник Главы Республики Северная Осетия-Алания.

Information about the author

O. A. Baranov – Assistant to the Head of the Republic of North Ossetia-Alania.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.01.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 25.02.2025.

The article was submitted 18.01.2025; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 25.02.2025.

Язык и символы в китайском политическом дискурсивном пространстве

Валерия Павловна Бахтоярова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
valeria.bahtoyarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4093-4368>

Аннотация

Введение. Актуальность статьи обусловлена возросшей значимостью Китайской Народной Республики в современном геополитическом пространстве. На данный момент увеличивается потребность в проведении качественных исследований по вопросам «Китая и Мира», «Китая и Азии» и т.д. в связи с расширением сотрудничества между региональными центрами и КНР в вопросах культуры, экономики и образования. Поэтому для лучшего понимания партнера, подготовки совместных проектов выявляется необходимость изучения особенностей китайского политического дискурса.

Цель. Углубленный анализ китайского политического дискурса для выявления символических конструктов, влияющих на китайское общество. Автор поставил своей задачей изучение общественно-политического дискурса Китайской Народной Республики (КНР), акцентируя внимание на специфических языковых конструкциях (политических слоганах, фразеологизмах, чэньюев), транслируемых в средствах массовой информации (СМИ), и их символическом значении. Исследование направлено на выявление связей между данными знаковыми системами и формируемыми политическими нарративами, с особым вниманием к специфике их функционирования в китайском языковом контексте.

Методы. Методологической основой исследования является дискурс-анализ политических текстов, дополненный процедурами обработки и интерпретации эмпирических данных. Эмпирическую базу исследования составляют данные, полученные из социальных сетей (преимущественно китайских, WeChat), специализированных научных трудов в области политической коммуникации (работы П. Лазарсфельда, У. Липпмана и т.д.) и китаеведения, а также материалы, опубликованные в периодических изданиях и средствах массовой информации («Жэньминь жибао», «Хуаньцю шибао», газета «Мировые известия», BBC News).

Результаты. Представлена авторская «схема», языковых символов и фразеологизмов, которые систематически используются для создания позитивного имиджа китайского народа и государства на международной арене. Выявлены семиотические коды, формирующие образ КНР как государства, глубоко укоренённого в своей тысячелетней истории и культуре, а также отличающегося высоким уровнем трудолюбия.

Выводы. В статье доказывается необходимость пересмотра стратегии «мягкой силы», используемой КНР, в связи с ее недостаточной эффективностью в условиях глобализирующегося медиапространства и растущего влияния западной культуры. Автор приходит к выводу, что традиционная ориентация на сохранение статуса «империи», несмотря на ее уникальность, не обеспечивает должного влияния на европейские и азиатские государства. В контексте быстрой трансформации масс-медиа и смены региональных лидеров требуется адаптация политической коммуникации и разработка новых семиотических стратегий для повышения эффективности международного взаимодействия.

Ключевые слова: язык, текст, символы, политический дискурс, символические конструкты, Китай, метафора, вэньянь, чэньюй, лозунг

Для цитирования: Бахтоярова В. П. Язык и символы в китайском политическом дискурсивном пространстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 154–161. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-154-161>. EDN CDWLJF

Language and symbols in the Chinese political discursive space

Valeria P. Bahtoyarova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

valeria.bahtoyarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4093-4368>

Abstract

Introduction. The relevance of the article is due to the increased importance of the People's Republic of China in the modern geopolitical space. At the moment, the need for high-quality research on "China and the World", "China and Asia", etc. is increasing due to the expansion of cooperation between regional centers and the PRC in matters of culture, economics and education. Therefore, in order to better understand the partner and prepare joint projects, it is necessary to study the peculiarities of Chinese political discourse.

Purpose. The purpose of the study is an in-depth analysis of Chinese political discourse to identify symbolic constructs that influence Chinese society. The author has set himself the task of studying the socio-political discourse of the People's Republic of China (PRC), focusing on specific linguistic constructions (political slogans, phraseological units, *chengyuev*) broadcast in the media and their symbolic meaning. The research is aimed at identifying the links between these sign systems and the political narratives being formed, with special attention to the specifics of their functioning in the Chinese linguistic context.

Methods. The methodological basis of the research is the discourse analysis of political texts, supplemented by procedures for processing and interpreting empirical data. The empirical basis of the study consists of data obtained from social networks (mainly Chinese, WeChat), specialized scientific works in the field of political communication (works by P. Lazarsfeld, W. Lippman, etc.) and Sinology, as well as materials published in periodicals and mass media (People's Daily, Huanqiu shibao, newspaper "World News", BBC News).

Results. The author's «scheme» of linguistic symbols and phraseological units, which are systematically used to create a positive image of the Chinese people and the state in the international arena, is presented. The semiotic codes that form the image of the PRC as a state deeply rooted in its thousand-year history and culture, as well as characterized by a high level of diligence, have been identified.

Conclusions. The article proves the need to revise the strategy of "soft power" used by the PRC, due to its insufficient effectiveness in the context of a globalizing media space and the growing influence of Western culture. The author comes to the conclusion that the traditional orientation towards maintaining the status of an "empire", despite its uniqueness, does not provide adequate influence on European and Asian states.

Keywords: language, text, symbols, political discourse, symbolic constructs, China, metaphor, *wenyan*, *chengyu*, slogan

For citation: Bahtoyarova V. P. Language and symbols in the Chinese political discursive space. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):154–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-154-161>. EDN CDWLJF

Введение

Язык и политика на протяжении своего тысячелетнего существования имели тесную взаимосвязь. Их наиболее продуктивное взаимодействие было связано с кодировкой (со стороны языка) и передачей (субъектами политики) смыслов аудитории (гражданам) через доступные, на определенном историческом этапе, средства массовой информации (глашатаи, газеты, радиопередатчики, телевидение, Интернет).

Посредством использования специфических языковых конструкций, символов, присущих историческим традициям и реалиям определенного государства, представители политического сообщества могут трансформировать состояние аудитории и манипулировать «реальным» видением вопросов, выносимых на обсуждение или представляемых, в качестве актуальных, для современности [1].

Язык, как один из главных акторов влияния на аудиторию, динамически развивался на фоне происходящих в обществе социальных и политических изменений, придавая транслируемым символам новую окраску и интерпретации. Он, как базовый сегмент политической коммуникации,

на протяжении тысячелетий формировал определённый тип восприятия той или иной политической ситуации, в зависимости от сложившихся культурных, политических и исторических условий. Выбор определенных языковых средств и символов побуждает к изучению метафорической сущности вкладываемых смыслов для чёткого понимания «реальности» и вкладываемой манипуляции.

Изучение политических текстов, в разрезе использования специфических языковых конструкций в символической форме, в странах Европы и Соединённых Штатах Америки ведётся уже на протяжении достаточно долгого времени [2]. А в Китае, дальнейшем объекте нашего изучения, исследование данного вопроса началось лишь в конце XX века, и достигло весьма продуктивного развития в первом десятилетии XXI века. В данном исследовании мы будем рассматривать не только использование символических смыслов и языка, как инструмента их передачи, но и сосредоточим наше внимание на восприятии и реакции, которую транслирует общество через социальные сети или события на передаваемые паттерны.

Актуальность данной статьи обусловлена возросшей значимостью Китайской Народной Республики в современном геополитическом пространстве. На данный момент увеличивается потребность в проведении качественных исследований по вопросам «Китая и Мира», «Китая и Азии» и т.д., в связи с расширением сотрудничества между региональными центрами и КНР в вопросах культуры, экономики и образования. Поэтому, для лучшего понимания партнера, подготовки совместных проектов, выявляется необходимость изучения особенностей китайского политического дискурса.

Теоретические основы

Мы разделим наше исследование языковых политических символов в китайском дискурсивном пространстве на три блока: *первый* мы посвятим рассмотрению теоретических основ политической лингвистики и затронем чэньюй (метафоры), как основные конструкты трансляции символических смыслов; *второй* мы посвятим изучению лозунгов, представленных в средствах массовой информации и речах политических лидеров, и их смысловой, символической нагрузки; *третий* и завершающий блок будет посвящен изучению наиболее известных лозунгов и изречений Председателя КНР Си Цзиньпина.

Фундамент политической лингвистики был заложен в XX веке представителями американской политической науки Г. Лассуэллом, У. Липпманом и П. Лазарсфельдом. В данный период были изучены теоретические основы данного направления: особенности языка, символические конструкты как факторы эффективного влияния на аудиторию, а также были рассмотрены наиболее известные американские избирательные кампании (Франклина Рузвельта и Дуайта Эйзенхауэра) того времени и их представленность в СМИ. В 90-е годы мы можем отметить стремительный скачок в развитии исследований данной дисциплины: были выявлены основные когнитивные методы [3], разработаны концепции лингвистического влияния и т.д. Именно в этот период политическая лингвистика становится самостоятельной наукой со своими научными школами, методами и технологиями, а также фундаментальными исследованиями. На современном этапе, мы можем акцентировать своё внимание на фундаментальных работах Мухарямова Наиля Михдатовича, специалиста по политической лингвистике, изучающего вопросы языковой субъектности идентичности и влияния социально-коммуникативных методов и средств на групповое и индивидуальное языковое поведение [4]. Опираясь на теоретические изыскания представленных выше исследований, остановимся на наиболее необходимых нам концептах.

Метафора является универсальным средством представления языковых и символических (культурных) особенностей любого политического дискурса. Важно отметить тот факт, что в разных регионах идентичная метафора воспринимается совершенно отлично, в связи с исторической спецификой и мировоззренческими установками того или иного общества.

Именно метафоры являются яркими трансляторами этнических особенностей окружающей действительности, миропонимания определенного профессионального, религиозного, возрастного, гендерного круга людей, объединенных языковыми и культурно-территориальными признаками.

Метафора по своей базовой характеристике является тропом, образованным на основе сходства сопоставляемых предметов, явлений и признаков. Основной её задачей является представление одного объекта другому, с помощью сходных свойств.

Будаев В.Э. и Чудинов А.П. в своей монографии «Метафора в политической коммуникации» определяют данный концепт как «инструмент для лучшего понимания, моделирования и оценки политических процессов, средство воздействия на общественное сознание» [5].

Использование в политическом дискурсе языковых средств позволяет формировать целостные представления о конкретной политической ситуации, способствовать разработке качественной национальной и иных направлений политики, внутри страны и за её пределами.

Ещё одним важным концептом, и в то же время методом, в политической лингвистике, является дискурс-анализ. Он направлен на изучение структуры текста, особенностей его интерпретации, языковых средств, показывающих идеологический фон и контекст. Также важно отметить, что дискурс-анализ позволяет погрузиться в политическую культуру и институт политической традиции для проведения качественных исследований, проявляясь через общие идеологические черты общества, а также, через конкретные исторические фигуры, например, фигура Мао Цзэдуна.

Переходя к объекту нашего исследования – языково-символическому значению китайских политических текстов – необходимо отметить, что Китай, является древним государством со своей специфической историей и культурными особенностями и, поэтому, изучение дискурса необходимо проводить, опираясь на присущие этому региону характеристики и черты.

Результаты и обсуждение

В китайских исследованиях дискурсивного пространства для объяснения языкового измерения используются два термина – 话语, huàyǔ («слово, как лингвистический конструкт»), и 语篇, yǔpiān («рассуждение, текст, дискурс»). Данные определения являются оригинальными для дискурсивного анализа китайских текстов, так как правильно интерпретировать их в отечественном и западном пространстве будет весьма проблематично, в связи с их культурной спецификой. Автором данных концептов и модели культурологического дискурс-анализа является китайский исследователь Ши Сюй [6]. Несмотря на стремительное развитие политической лингвистики в Китае, китайская наука, в основном, следует путем западных методов в проведении дискурсивных исследований.

Традиционный китайский язык постепенно внедряется в современный политический язык модернизирующегося Китая. Изречения исторических личностей «Старого Китая» вводятся в дискурс для разгрузки информационного поля от западного дискурса и перенастройки граждан на понимание политических процессов в рамках собственной политической культуры. Возможность использования данного инструмента (языка) позволят китайскому народу ощутить принадлежность к единой культурно-исторической линии, объединяющей «старый» и «новый» Китай, а представителям государственных структур позволяет компетентно выстраивать внутреннюю политику.

В силу многотысячелетней истории в китайской культуре сформировался значительный пласт метафор, отражающихся в современном политическом дискурсе в виде фразеологизмов, цитат, лозунгов и т.д. Важно отметить тот факт, что при изучении языковых особенностей необходимо синтезировать их с характеристиками ментальности и сознания представителей того или иного сообщества. Чаще всего фразеологические единицы китайского языка представлены на старом китайском языке вэньяне. К одним из самых распространенных из них можно отнести чэньюй, которые придают газетному тексту образность и эмоциональную окраску. К сожалению, до сих пор не существует дословного перевода и точного определения понятия «чэньюй», но многие лингвисты переводят это слово как «фразеологизм» или «идиому», хотя это является не совсем корректным. Чэньюй является устойчивой языковой единицей, которая образует семантически монолитную лексико-грамматическую конструкцию [7].

Чэньюй и метафоры очень часто употребляются в заголовках газетных и авторских статей, разграничиваясь по эмоциональной окраске, и используются как для положительной, так и для отрицательной оценки событий. Можно выделить несколько наиболее употребляемых чэньюев,

встречающихся в китайских СМИ: «различать правду и ложь, 不分皂白 (bù fēn zào bái)» (в японском языке встречаем аналогичный фразеологизм: 白黒をつける (しろくろをつける) 裁判に持ち込んで白黒をつける, - обратившись в суд, прояснить, где правда, а где ложь), «гнаться за быстрыми успехами (急于求成 (jí yú qiú chéng))», «если тигру добавить крылья, 如虎添翼» (rúhǔ tiān yì)» (усилиться, окрепнуть, получить преимущества и на небе).

В своих докладах бывший Председатель КНР Дэн Сяопин часто использовал чэньюи и символически нагруженные цитаты, например, описывая себя как члена большой китайской культурной семьи он использовал фразу: «Я сын китайского народа, и я глубоко люблю свою родину и народ». Для подкрепления дружеского и миролюбивого образа он использовал метафору «中华儿女» («китайские сыновья и дочери»), чтобы показать единство между собой (представителем власти) и народа [8].

В нашем исследовании важно отметить, что идеологической основой создания благоприятного образа дискурсивного пространства Китая выступают конфуцианские ценности. В газетных статьях, социальных сетях, довольно часто можно встретить цитаты из текстов Конфуция, древнего мыслителя и философа Китая, такие как 和为贵 (héwéi guì) – «согласие – это драгоценность», или 和而不同 (hé ér bùtóng) – «объединение без унификации», которые подчеркивают концепт «единства» китайских народов.

В рамках второго блока нашего исследования мы обратимся к анализу политических слоганов КНР как значимых дискурсивных элементов, отражающих идеологические установки и политическую динамику исторических периодов Китая. Это позволит проследить эволюцию дискурсивного пространства и выявить закономерности в конструировании политических смыслов.

Проведённый анализ источниковой базы, позволил выявить ряд основных политических слоганов, которые культивировались в КНР в 1949 г.:

另起炉灶 «Заново разжечь очаг». Данный слоган означал разрыв старых международных соглашений и призыв заключить новые, с молодым государством, не являющимся стопроцентным правопреемником Имперского Китая;

镜像华 «Зеркальное отражение» – необходимость изучить советский опыт в различных практических и теоретических частях политики, экономики и социологии и создать нечто «свое» качественно проработанное под актуальную действительность (данный слоган, сохранял свою актуальность, вплоть до 1950-х гг.).

Если обратить внимание на период с 1960-х по 1970-е гг., то ведущими политическими слоганами выступают:

两条线 «Стратегия двух фронтов» - основная интерпретация заложена в объяснении взаимоотношений между КНР и Соединенными Штатами Америки, и СССР.

两个中间地带 «Две промежуточные зоны» – взаимодействие между развивающимися (страны Азии, Африки, Латинской Америки) и развитыми странами (Западной Европы) и поиск выгодных условий для Китая.

Основное противоречие, которое мы смогли выявить между периодами 1960-1970-х и 1970-1980-х гг. заключалось в том, что в политическом вопросе КНР объединилась с Соединенными Штатами Америки против СССР. А также была заложена идея о едином региональном пространстве во главе с Китаем, о чем свидетельствуют представленные ниже политические слоганы: «Концепция единого фронта» – слоган, означающий стратегическое сотрудничество во избежание перспектив новой мировой войны; 一大片 «Единое большое пространство» – объединение Китая, Японии, Ирана, Турции и части европейских стран для противодействия советскому государству.

Ещё одним слоганом, или даже концепцией, выступает выражение 和平与发展 (héping yǔ fāzhǎn) – «мир и развитие», она была сформулирована бывшим Председателем КНР Дэн Сяопином и оказала большое влияние на становление современной политической стратегии «Нового Китая». Подобные этому выражения, по-прежнему часто встречающиеся в китайских СМИ

(включая газеты, журналы и социальные сети, такие как WeChat), несут в себе определенную семиотическую нагрузку, выражая ключевые принципы его политической стратегии и идеологии.

Эти базовые установки (укрепления, лидерства и целенаправленности) сохраняют свой стратегический характер и на современном этапе. Мы можем проследить нацеленность на достижение во внешней и внутренней политике «единства, многообразия и процветания».

И в результате, в 1980-1990-ые годы заметен резкий переход к смягчающей политике: 决不当头 «Отказ от глобальных амбиций лидера» – слоган, который означает отказ от недействительных союзов и переход к мягкой «выгодной» дипломатии; 丧礼外交 «Похоронная дипломатия» – слоган, символизирующий попытку восстановления китайско-советских отношений, для гармонизации отношений в регионе и выработки нового политического дискурса: Китая – как кузницы культуры и кадров [9].

Еще одно символическое выражение, часто встречающееся в политическом дискурсе КНР – 和平崛起 (héping juéqǐ) – «Мирный подъем или мирное развитие». Впервые оно было сформулировано в 2003 г. председателем Ху Цзиньтао. Этот слоган интерпретировался как «возрастание и укрепление Китая несёт лишь мирный характер и нацелено на поддержание мира и стабильности в Азии». Во всех политических выступлениях, заметках в газетах и на телевидении подчеркивалось, что для «возвышения» будут использоваться только методы «мягкой силы».

Рассмотренные политические слоганы служат наглядным примером семиотических маркеров, отражающих конкретные исторические периоды и идеологические установки. Важно отметить, что смысловая нагрузка и интерпретация этих знаковых систем неразрывно связаны с фигурой лидера, который выступал не только как транслятор, но и как создатель смыслов, определяющих их восприятие и реализацию в рамках исторической политики данного периода.

Особое влияние на китайский символический дискурс в средствах массовой информации оказывает, доминирующая в Китае концепция 中国梦 «китайской мечты» (zhōngguó mèng) и следующий за ней тезис о возрождении китайской нации в формате социализма с китайской спецификой, получившие статус официальной идеологической стратегии на ближайшие десятилетия.

В своём первом выступлении на посту Председателя КНР Си Цзиньпин заявил: «Китайский дух сближает нас и помогает строить нашу страну, чтобы создать «китайскую мечту», нам необходимо объединить все силы Китая, и пока мы едины, мы можем разделить плоды реализации этой мечты» [10]. Идея «китайской мечты» передаёт важность национального возрождения, становления счастливой нации и процветания современного и будущего Китая [11].

Обращаясь к материалам, представленным в периодических изданиях газет и журналов (в печатном и онлайн формате), мы можем отметить широкое использование символических форм языка в масс-медийном дискурсе.

Наиболее интересными изданиями, отвечающими на наши запросы, являются: 《人人人报》 (《Жэньминь жибао», зарубежное издание), 《球球环环》 («Хуаньцю шисянь», газета «Мировые известия»), 《球环环报》 («Хуаньцю шибао», газета «Мировое время»).

В данных периодических изданиях мы смогли выявить несколько символических конструкций, оказывающих влияние на китайскую аудиторию: 利利dúcai – «деспотия», 主席 zhǔxí – «председатель», 信仰 xìnyǎng – «вера». Именно эти конструкты чаще всего, после представленности в официальных СМИ, появляются в китайских социальных сетях в позитивной или негативной коннотации. Концепт деспотия, несмотря на свою негативную окраску, представляется, в большей степени, нейтральным, так как для китайских граждан и властей важно добиться идеи «китайской мечты», используя, на разных этапах, специфические методы и технологии утверждения этой идеи [12].

Последний раздел нашего исследования посвящен дискурсивному анализу языковых символов, используемых в политических текстах (заметках, статьях, обсуждениях) для конструирования образа китайского народа председателем КНР Си Цзиньпином.

Образ Китая и самого председателя проявляется в СМИ посредством насыщенности выступлений фразеологическими оборотами, стихами и метафорами, что отличает КНР от любого иного государства, связывая его с неповторимой традиционной культурой и философией.

В китайских СМИ часто встречается фраза «不积跬步，无以至千里» – «Не сделаешь много маленьких шагов, не пройдешь тысячу ли». Её последовательно употребляли в дискурсе Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, а также Си Цзиньпин, который по-новому интерпретировал данный фразеологизм: только командная работа всего китайского общества способна принести пользу государству, и лишь маленькие шаги помогут достичь качественных результатов в возрождении и сохранении китайской культурной идентичности. На современном этапе данную фразу подкрепляют новые фразеологизмы-конструкты – «古丝绸之路绵亘万里，延续千年，积淀了以和平合作，开放包容，互学互鉴，互利共赢为核心的经路精神 – «Древний Шелковый путь простирается на тысячи миль и длится уже тысячи лет». В его основе лежит дух мирного сотрудничества, открытости и терпимости, взаимного изучения, а также взаимной выгоды и бесприоритетной ситуации – 全党... 敢于刮骨疗毒,... 清除一切侵蚀党的健康肌体的病毒... – «Партии необходимо... быть смелой перед лицом проблем... уничтожить все вирусы, оказывающие разлагающее действие на здоровый организм партии...» [13].

Данная «схема» употребляется и для создания образа единого и трудолюбивого китайского народа на международных форумах и в зарубежных средствах массовой информации (например, BBC News, в своих новостных комментариях, часто делают акцент на данном фразеологизме, чтобы создать специфический образ китайского государства), который культивирует имидж государства, чтящего и помнящего свою тысячелетнюю историю и культуру.

Заключение

Несмотря на то, что языковые символы успешно применяются в китайском дискурсивном пространстве, руководству КНР следует пересмотреть политику внедрения новых концептов и символов, в связи с серьезным влиянием западной культуры. Китайская традиция и стратегия, нацеленные на сохранение статуса «империи», хоть и являются уникальными характеристиками медиа-дискурсивного пространства, но не оказывают должного влияния ни на европейские страны, ни на государства азиатского региона. Стратегия «мягкой силы», расширения влияния Китая на мир, должна быть пересмотрена, в связи с быстрой трансформацией масс-медийного пространства и сменой региональных лидеров.

Список источников

1. Проскуряков М.Р. Дискурс власти: очерк культуры политической речи / Современная русская речь: состояние и функционирование. Сб. науч. тр. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 231–239.
2. Nelde P. Language conflict. The handbook of sociolinguistics. Oxford: Oxford univ. press 1997. P. 285–300.
3. Anderson N. H. A Functional Theory of Cognition. Mahwah (New Jersey). 1996. 500 p.
4. Мухарямов Н. М., Януш О. Б. О комбинаторике языка, политики и идентичности // Полит. наука. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kombinatorike-yazyka-politiki-i-identichnosti> (дата обращения: 07.03.2025).
5. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации: монография. М.: Флинта: Наука, 2008. 248 с. ISBN 978-5-9765-0275-8
6. Shi-xu. Chinese Discourse Studies. Basingstoke, England: Palgrave Macmillan, 2014. 223 p. <https://doi.org/10.1017/s0047404517000136>.
7. Лобанова Т. Н. Медийные тексты КНР по внешнеполитической тематике как объект лингвистического анализа // Ученые заметки ТОГУ. 2014. Т. 5. № 4. С. 714–724.
8. Ши Шу. Анализ метафор в китайском политическом дискурсе с позиций когнитивной теории (на материале сборника «Си Цзиньпин о государственном управлении», часть третья) // Политическая лингвистика. 2022. №4 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-metafor-v-kitayskom-politicheskom-diskurse-s-pozitsiy-kognitivnoy-teorii-na-materiale-sbornika-si-tszinpin-o-gosudarstvennom> (дата обращения: 06.02.2025).
9. Полончук Р. А. О проблеме перевода политических слоганов КНР в свете китайской языковой картины мира. Молодой ученый. 2017. № 47 (181). С. 251–253. URL: <https://moluch.ru/archive/181/46648/> (дата обращения: 12.01.2025).

10. Си Цзиньпин. Выступление на выставке «Возрождение народа». 2012. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2012-11/30/nw.D110000renmrb_20121130_2-01.htm. (на Кит.яз.)
11. Морозова Н.В. Роль языка в политическом дискурсе КНР. Историческая психология и социология истории. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yazyka-v-politicheskom-diskurse-knr> (дата обращения: 03.02.2025).
12. Лобанова Т.Н., Фесик О.В. Политическая лексика в современном китайском языке (на материале массмедийных источников) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. Ч. 2. № 5 (23). С. 126–131.
13. Ван Цуй. Анализ политических метафор в докладе Си Цзиньпина на XIX Национальном съезде КПК и их перевод с китайского языка на русский // Известия ВГПУ. 2022. №2 (165). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-politicheskikh-metafor-v-doklade-si-tszipina-na-xix-natsionalnom-sezde-kpk-i-ih-perevod-s-kitayskogo-yazyka-na-russkiy> (дата обращения: 03.02.2025).

References

1. Proskuryakov M. R. The discourse of power: an essay on the culture of political speech. In: *Modern Russian speech: state and functioning. Collection of scientific papers*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2004:231–239. (In Russ.)
2. Nelde P. *Language conflict. The handbook of sociolinguistics*. Oxford: Oxford univ. press; 1997:285–300.
3. Anderson N.H. *A Functional Theory of Cognition*. Mahwah (New Jersey). 1996. 500 p. (In Russ.)
4. Mukharyamov N. M., Yanush O. B. On the combinatorics of language, politics and identity. *Political science*. 2020;(4). Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kombinatorike-yazyka-politiki-i-identichnosti> (date of request: 03.07.2025). (In Russ.)
5. Budaev E. V., Chudinov A. P. *Metaphor in political communication: a monograph*. Moscow: Flint: Nauka; 2008. 248 p. ISBN 978-5-9765-0275-8 (In Russ.)
6. Shi-xu. *Chinese Discourse Studies*. Basingstoke, England: Palgrave Macmillan, 2014. 223 p. <https://doi.org/10.1017/s0047404517000136>
7. Lobanova T. N. Media texts of the PRC on foreign policy issues as an object of linguistic analysis. *Scientific notes of TOGU*. 2014;5(4):714–724. (In Russ.)
8. Shi Shu. Analysis of metaphors in Chinese political discourse from the standpoint of cognitive theory (based on the collection "Xi Jinping on Public Administration", part three). *Political linguistics*. 2022;4(94). <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-metafor-v-kitayskom-politicheskom-diskurse-s-pozitsiy-kognitivnoy-teorii-na-materiale-sbornika-si-tszipin-o-gosudarstvennom> (Accessed 02.06.2025). (In Russ.)
9. Polonchuk R. A. On the problem of translating political slogans of the PRC in the light of the Chinese linguistic worldview. *A young scientist*. 2017;47(181):251–253. Available from: <https://moluch.ru/archive/181/46648/> (Accessed 12.01.2025). (In Russ.)
10. Xi Jinping's speech at the Renaissance of the People exhibition. 2012. Available from: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2012-11/30/nw.D110000renmrb_20121130_2-01.htm. (in Chines)
11. Morozova N. V. The role of language in the political discourse of the PRC. *Historical psychology and sociology of history*. 2016;(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yazyka-v-politicheskom-diskurse-knr> (Accessed 02.03.2025). (In Russ.)
12. Lobanova T. N., Fesik O. V. Political vocabulary in modern Chinese (based on media sources). *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2013;2(5 (23)):126–131. (In Russ.)
13. Wang Cui. Analysis of political metaphors in Xi Jinping's report at the 19th National Congress of the CPC and their translation from Chinese into Russian. *Izvestiya VGPU*. 2022;2(165). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-politicheskikh-metafor-v-doklade-si-tszipina-na-xix-natsionalnom-sezde-kpk-i-ih-perevod-s-kitayskogo-yazyka-na-russkiy> (Accessed 02.03.2025). (In Russ.)

Информация об авторе

В. П. Бахтиярова – преподаватель кафедры теоретической и прикладной политологии ЮФУ.

Information about the author

V. P. Bahtoyarova – Lecturer at the Department of Theoretical and Applied Political Science, Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.02.2025; одобрена после рецензирования 07.03.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 01.02.2025; approved after reviewing 07.03.2025; accepted for publication 10.03.2025.

Искусственный интеллект и краудсорсинг в менеджменте: новые подходы к политическим процессам и государственному управлению

Ашхен Сергеевна Геворгян¹, Карина Сергеевна Семенюра²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹gevorgyan-as@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0644-5126>

²karinasemenura@mail.ru

Аннотация

Введение

Статья посвящена изучению вопроса об эффективности искусственного интеллекта в реализации технологии краудсорсинга в рамках политического менеджмента. Автор подчеркивает важность стремления к цифровизации и уменьшению бюрократизма в рамках коммуникации органов государственной власти с гражданским обществом, но также уделяет особое внимание рискам, связанным с внедрением технологий обработки данных и возможных угрозах национальной безопасности.

Цель. Авторы поставили своей задачей изучить вопрос об эффективности искусственного интеллекта в реализации технологии краудсорсинга в рамках политического менеджмента. В данной связи им были выделены и подчеркнуты глубина и утонченность взглядов И. В. Аксенова, А. Н. Алимова, В. П. Березина, А. Е. Головина и других.

Методы. Методологическую основу исследования составили общенаучный и частно-научный методологический инструментарий: метод абстрагирования, сравнительно-исторический метод, метод ретроспекции, методы индукции и дедукции, сравнительный анализ.

Результаты. Углублённое исследование долгосрочных эффектов внедрения интеллектуальных алгоритмов и краудсорсинговых платформ позволит оценить их влияние на социальную, экономическую и политическую жизнь общества, обеспечив тем самым прочную основу для развития инклюзивных и эффективных механизмов управления в будущем.

Выводы. В статье доказано, что интеграция искусственного интеллекта и краудсорсинга в управленческие и политические процессы обнаруживает потенциал коренных изменений в системе государственного управления, направленных на совершенствование сервисов и повышение уровня включённости населения. Эти инструменты, будучи эффективно реализованы, способны укрепить диалог между властью и обществом, обеспечить прозрачность и оперативность принятий решений, а также сформировать платформу для более рациональной ресурсной политики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, краудсорсинг, государственное управление, политический менеджмент, оптимизация, цифровизация, автоматизация, политическое решение

Для цитирования: Геворгян А. С., Семенюра К. С. Искусственный интеллект и краудсорсинг в менеджменте: новые подходы к политическим процессам и государственному управлению // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 162–169. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-162-169>. EDN ESPPSA

Artificial intelligence and crowdsourcing in management: new approaches to political processes and public administration

Ashkhen S. Gevorgyan¹, Karina S. Semenyura²

^{1,2}South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹gevorgyan-as@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0644-5126>

²karinasemenura@mail.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of the effectiveness of artificial intelligence in the implementation of crowdsourcing technology in the framework of political management. The author emphasizes the importance of striving for digitalization and reducing bureaucracy in the framework of communication between government authorities and civil society, but also pays special attention to the risks associated with the introduction of data processing technologies and possible threats to national security.

Purpose. The author has set himself the task of studying the effectiveness of artificial intelligence in the implementation of crowdsourcing technology in the framework of political management. In this regard, he highlighted and emphasized the depth and sophistication of the views of I.V. Aksenov, A.N. Alimov, V.P. Berezin, A.E. Golovin and others.

Methods. The methodological basis of the research was made up of general scientific and private scientific methodological tools: the method of abstraction, the comparative historical method, the method of retrospection, methods of induction and deduction, comparative analysis.

Results. Based on this, an in-depth study of the long-term effects of the introduction of intelligent algorithms and crowdsourcing platforms will assess their impact on the social, economic and political life of society, thereby providing a solid foundation for the development of inclusive and effective governance mechanisms in the future.

Conclusions. The article proves that the integration of artificial intelligence and crowdsourcing into managerial and political processes reveals the potential for fundamental changes in the public administration system aimed at improving services and increasing the level of inclusion of the population. These tools, if effectively implemented, can strengthen the dialogue between government and society, ensure transparency and prompt decision-making, and form a platform for a more rational resource policy.

Keywords: artificial intelligence, crowdsourcing, public administration, political management, optimization, digitalization, automation, political decision

For citation: Gevorgyan A. S., Semenyura K. S. Artificial intelligence and crowdsourcing in management: new approaches to political processes and public administration. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):162–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-162-169>. EDN ESPPSA

Введение

Искусственный интеллект (далее – ИИ) представляет собой обширную область научного знания, ориентированного на создание интеллектуальных систем, способных выполнять операции, которые традиционно ассоциируются с человеческими когнитивными способностями. Так, говоря о распознавании речи, обработке изображений или принятии решений, необходимо учитывать, что ИИ призван имитировать и воспроизводить процессы, ранее доступные лишь человеческому мозгу. Одним из наиболее авторитетных определений ИИ остаётся концепция, сформулированная Джоном Маккарти, который охарактеризовал его как «науку и инженерию создания интеллектуальных машин» [1]. Следовательно, это направление охватывает не только прикладные задачи, но и фундаментальные теоретические изыскания, включающие разработку алгоритмов, моделирующих когнитивные механизмы человека.

Теоретические основы

В основе результативной работы систем искусственного интеллекта лежат современные информационные технологии, обеспечивающие их универсальность и широкую область практического применения. Исходя из этого, машинное обучение считается одним из ключевых

инструментов, поскольку оно предоставляет возможность непрерывного совершенствования алгоритмов на базе накопленного опыта. Подобная технология даёт системам способность обнаруживать закономерности и выстраивать предиктивные модели, что делает её незаменимой во множестве прикладных задач. Одновременно с этим нейронные сети, функционирующие по принципу имитации структуры и работы биологических нейронов, позволяют добиться высоких результатов в таких сферах, как автоматическое распознавание речи, компьютерное зрение и анализ временных рядов.

Таким образом, потенциал использования ИИ во многом определяется его способностью обрабатывать большие объёмы данных, раскрывая скрытые взаимосвязи и содействуя принятию более взвешенных решений. Следовательно, искусственный интеллект становится стратегически важным инструментом в областях государственного управления, бизнеса и медицины, где комплексная аналитика играет ключевую роль. Однако, говоря о перспективах развития ИИ, следует учитывать и возрастание этических вызовов: формирование правовой базы, вопросы социальной ответственности и последствия для рынка труда требуют всестороннего анализа и регулирования. Исходя из этого, грамотное внедрение и использование ИИ должно сопровождаться продуманной политикой и общественным консенсусом, чтобы комплексно учитывать как технологический, так и человеческий факторы [2].

Краудсорсинг (crowdsourcing) представляет собой форму организации совместной деятельности, при которой определённые задачи или проекты делегируются широкому кругу участников, зачастую не связанных между собой формальными обязательствами. Так, говоря об основных принципах данного подхода, следует выделить коллективное участие, свободную кооперацию и опору на разнообразие мнений, опыта и навыков. Следовательно, краудсорсинговые платформы предполагают, что многочисленные, территориально рассредоточенные исполнители могут вносить вклад в решение конкретной проблемы, исходя из своих компетенций и интересов.

Исторически краудсорсинг начал формироваться в конце XX – начале XXI века, когда развитие интернета и социальных сетей позволило активизировать взаимодействие больших групп людей в онлайн-пространстве [3]. Исходя из этого, одной из ранних и знаковых инициатив стал проект Википедии, где сообщество пользователей, не обладая формальными редакторскими полномочиями, collectively создаёт и корректирует статьи. Другим примером может служить платформа Kickstarter, позволяющая привлекать финансирование на реализацию творческих и технологических проектов за счёт добровольных взносов.

Современное развитие информационных технологий, включая искусственный интеллект (ИИ), закладывает основу для комбинирования краудсорсинговых методов с передовыми алгоритмами машинного обучения и анализа больших данных. Следовательно, возникает взаимная синергия: с одной стороны, люди могут выполнять творческие и сложные для ИИ задачи (например, расшифровка редких диалектов, проверка визуального контента на этичность или оценка эстетического качества изображений), с другой стороны, интеллектуальные системы способны автоматизировать рутинные этапы, связанные с сортировкой, систематизацией и предварительной обработкой огромных массивов информации. Так, говоря о процессах верификации результатов, ИИ-инструменты могут быстро оценивать качества отдельных вкладов, отсекая дублирующиеся или заведомо ошибочные ответы.

Примеры интеграции ИИ в краудсорсинговые проекты:

1) Анализ текстовых массивов и обучение моделей. Большие корпорации и научные лаборатории нередко используют краудсорсинговые платформы (например, Amazon Mechanical Turk) для расшифровки текстов и разметки данных, необходимых для обучения алгоритмов обработки естественного языка (NLP). Благодаря этому совокупность человеческих и машинных усилий обеспечивает более высокую точность результатов.

2) Обработка изображений и видео. В проектах компьютерного зрения (computer vision), где требуется ручная разметка объектов на изображениях, краудсорсинговые исполнители предоставляют корректно аннотированные данные, позволяя алгоритмам лучше понимать контент. Исходя из этого, ИИ-модели начинают точнее распознавать лица, определять объекты и анализировать сцены.

3) Генерация идей и оптимизация решений. Некоторые платформы, поддерживаемые алгоритмами рекомендации, агрегируют мнения и предложения множества участников, после чего машинные системы ранжируют и фильтруют полученные идеи. Следовательно, руководители проектов могут оперативно выделять наиболее перспективные направления развития.

Результаты

Таким образом, краудсорсинг, опирающийся на масштабное участие пользователей, в сочетании с мощностью современных технологий искусственного интеллекта, создаёт уникальную модель гибкой, коллективной и высокоэффективной работы с информацией [4]. Так, говоря об эволюции этих концепций, можно подчеркнуть, что именно синергия человеческого фактора и алгоритмических инструментов обеспечивает оптимальное распределение обязанностей между людьми и машинами. Следовательно, в условиях постоянного расширения объёмов данных и усложнения задач, интеграция ИИ и краудсорсинга открывает новые горизонты: от повышения точности анализа больших массивов информации до ускорения инновационных процессов в науке, бизнесе и государственном управлении. Исходя из этого, можно констатировать, что будущее обоих направлений лежит в тесном партнёрстве, позволяющем гармонично развивать и совершенствовать как технологическую, так и социальную составляющие современного информационного общества.

Применение искусственного интеллекта в сфере политического анализа, представляя собой перспективное направление исследования, позволяет существенно расширить возможности органов власти и исследователей в части повышения точности оценок и более глубокого понимания электоральных процессов. Так, говоря об одном из наиболее примечательных аспектов использования ИИ, следует подчеркнуть способность аналитических алгоритмов на основе методов машинного обучения и анализа больших данных моделировать поведение избирателей с учётом комплексного набора демографических, социальных и экономических факторов. Следовательно, подобный подход не только обеспечивает прогнозирование исходов предстоящих выборов, но и выявляет ключевые проблемы, оказывающие наибольшее влияние на динамику электоральных предпочтений.

Исходя из этого, алгоритмы искусственного интеллекта находят своё применение и в мониторинге общественного мнения, что особенно важно в условиях растущего объёма информации, получаемой из социальных сетей, опросов и массмедиа. Современные системы компьютерной лингвистики и анализа тональности текста позволяют оперативно определять доминирующие настроения населения, оценивая при этом уровень поддержки конкретных инициатив, а также прогнозировать массовые реакции на различные политические шаги [5]. Так, говоря о воздействии информационных кампаний, стоит отметить, что идентификация и отслеживание трендов, формирующихся в общественном дискурсе, играют решающую роль при выработке актуальных политических стратегий.

Краудсорсинг, в свою очередь, служит действенным механизмом вовлечения граждан в политическое планирование, поскольку интерактивные цифровые платформы дают обществу возможность активно участвовать в обсуждении законопроектов, предлагать собственные инициативы и выбирать приоритетные направления развития. Следовательно, такие инструменты не только усиливают прозрачность и инклюзивность процесса принятия решений, но и позволяют принимать во внимание мнение широкого круга граждан. Примерами успешной реализации подобных подходов могут служить проекты «народных бюджетов», где население напрямую определяет распределение государственных средств, а также открытые онлайн-площадки для коллективной оценки законопроектов, уже эффективно используемые в ряде государств [6].

Таким образом, искусственный интеллект в сочетании с краудсорсинговыми технологиями способствует модернизации политических процедур за счёт детального исследования общественных ожиданий и выстраивания более доверительных отношений между правительством и обществом. Исходя из этого, можно сделать вывод, что внедрение упомянутых цифровых инструментов позволяет вырабатывать более обоснованные и прозрачные управленческие решения, ориентированные на достижения стратегических целей в публичном управлении [7].

Повсеместное внедрение искусственного интеллекта в государственное управление, как показывает практика, способствует фундаментальной перестройке административных процессов и ощутимому повышению результативности в работе органов власти. Так, говоря о наиболее значимых аспектах применения ИИ, следует отметить автоматизацию рутинных операций, включающую систематическую обработку крупномасштабных массивов данных, оперативное формирование разнообразных отчётов и упорядочение значительного объёма документации. Следовательно, высвобождаемые благодаря автоматизации ресурсы могут быть перенаправлены на более сложные аналитические и стратегические задачи, в то время как сокращение вероятности ошибок и ускорение документооборота оказывает позитивное влияние на общую эффективность управленческих структур.

Исходя из этого, особое внимание следует уделить тому, как технологии искусственного интеллекта оказывают влияние на качество предоставления государственных услуг. Машинное обучение, наряду с чат-ботами и виртуальными ассистентами, обеспечивает гражданам простоту и удобство при получении консультаций, а также при записи на приём в ведомства или при проверке статуса официальных заявлений. Так, говоря о роли автоматизации в снижении бюрократических барьеров, можно подчеркнуть, что алгоритмы ИИ активно применяются для персонализации цифровых сервисов, ускорения процесса лицензирования и сокращения времени, необходимого на предоставление тех или иных субсидий. В результате снижается нагрузка на сотрудников и упрощается доступ к государственным услугам, что повышает удовлетворённость граждан и укрепляет их доверие к институтам власти.

Краудсорсинг, со своей стороны, вносит существенный вклад в формирование нового формата взаимодействия между государством и обществом, поскольку позволяет гражданам оперативно участвовать в разработке политических и социально-экономических программ посредством специализированных цифровых платформ [8]. Следовательно, подобный подход не только способствует усилению общественной вовлечённости, но и формирует среду открытого диалога, где обратная связь играет решающую роль. Так, говоря об эффекте от краудсорсинговых инициатив, стоит отметить, что органы власти получают возможность своевременно реагировать на актуальные общественные запросы, корректировать приоритеты и стимулировать гражданские инициативы, отражающие реальные потребности сообщества.

Успешные примеры интеграции ИИ и краудсорсинга выявляются в ряде зарубежных практик, где цифровизация государственного управления достигла высокой степени развития. Так, в Эстонии процесс электронного документооборота, включая онлайн-голосование и программу электронного резидентства, демонстрирует, каким образом автоматизация административных процедур может значительно повысить эффективность управленческих механизмов [9]. Аналогичным образом, Сингапур применяет алгоритмы искусственного интеллекта для оптимизации городских систем и прогнозирования транспортных потоков, а также для анализа данных о состоянии здравоохранения и профилактики потенциальных угроз.

В России, в свою очередь, широко используется платформа «Госуслуги», предоставляющая обширный перечень сервисов онлайн и позволяющая упростить доступ граждан к результатам деятельности государственных органов. Кроме того, система мониторинга общественных настроений, основанная на анализе данных из социальных сетей, способствует своевременному учёту мнений граждан при принятии управленческих решений. Исходя из этого, можно заключить, что интеграция искусственного интеллекта и краудсорсинговых инструментов в государственное управление не только совершенствует качество предоставляемых услуг, но и укрепляет взаимодействие между государственными структурами и обществом, повышая прозрачность и результативность административных процессов.

Применение искусственного интеллекта и краудсорсинговых инструментов в сфере государственного управления и политических процессов, несмотря на очевидные выгоды, сопряжено с целым рядом ограничений, требующих системного подхода к их преодолению. Так, говоря о базовых трудностях, следует выделить технологические барьеры, обусловленные недостаточной развитостью необходимой инфраструктуры, а также нехваткой высокопроизводительных вычислительных ресурсов и массивов данных достаточного объёма и качества. Следовательно, в ряде регионов затрудняется полноценное внедрение методов машинного

обучения и интеллектуальных систем, поскольку эффективная работа подобных алгоритмов невозможна без соответствующей материально-технической базы.

Ещё одним существенным препятствием выступает низкий уровень цифровой грамотности некоторых групп населения. Исходя из этого, становится очевидно, что для эффективного взаимодействия с краудсорсинговыми платформами, а также для доступа к государственным услугам на основе ИИ, пользователи должны обладать базовыми навыками работы с цифровыми технологиями [10]. Таким образом, недостаточная подготовка граждан, особенно в отдалённых регионах и среди социально уязвимых категорий, может негативно сказаться на уровне вовлечённости общества в принятие управленческих решений.

Не менее важными являются и вопросы этического и правового характера, возникающие при сборе, обработке и хранении данных, а также при формировании алгоритмических моделей для анализа этих данных. Так, говоря об охране конфиденциальности и предотвращении неправомерного использования персональной информации, стоит отметить важность разработки чёткой нормативной базы, способной регулировать внедрение подобных технологий. Отсутствие продуманного законодательного фундамента создаёт предпосылки для потенциальных злоупотреблений, что подрывает доверие к ИИ и краудсорсингу как к инструментам совершенствования государственных механизмов.

Обсуждение

Несмотря на перечисленные трудности, перспективы дальнейшего развития ИИ и краудсорсинга в управленческой и политической сферах выглядят весьма многообещающе. Так, говоря о будущем применении интеллектуальных систем, можно прогнозировать расширение ассортимента решений, обеспечивающих автоматизацию рутинных административных процедур, моделирование общественных тенденций и оптимизацию различных аспектов «умного города». Следовательно, подобные инновации способны значительно повысить результативность работы госструктур. Кроме того, вовлечение граждан посредством краудсорсинговых платформ усиливает доверие к власти и способствует формированию инклюзивных механизмов принятия решений, отражающих интересы более широких слоёв общества [11].

Среди наиболее значимых преимуществ, которые обещает дальнейшее распространение ИИ в управлении, выделяется повышение прозрачности и подотчётности органов власти. Применение алгоритмов для анализа массива общественных откликов и оперативная обработка поступающих запросов позволяют совершенствовать качество предоставляемых государственных услуг, формируя при этом позитивный общественный фон и укрепляя взаимодействие между гражданами и институтами власти [12].

Заключение

Таким образом, интеграция искусственного интеллекта и краудсорсинга в управленческие и политические процессы обнаруживает потенциал коренных изменений в системе государственного управления, направленных на совершенствование сервисов и повышение уровня включённости населения. Эти инструменты, будучи эффективно реализованы, способны укрепить диалог между властью и обществом, обеспечить прозрачность и оперативность принятий решений, а также сформировать платформу для более рациональной ресурсной политики.

Однако наряду с очевидными преимуществами существуют риски и вызовы, связанные, в частности, с необходимостью урегулирования законодательных вопросов, защитой данных и соблюдением этических принципов при использовании автоматизированных систем. В этом контексте важным аспектом становится разработка чёткой правовой базы и механизмов мониторинга, обеспечивающих соблюдение прав граждан и исключающих вероятность злоупотреблений [13].

Следовательно, для устойчивого развития ИИ и краудсорсинга в государственном управлении целесообразно повышать цифровую грамотность населения и формировать компетентные профессиональные сообщества, способные адаптировать передовой мировой опыт к конкретным локальным условиям. Исходя из этого, углублённое исследование долгосрочных эффектов внедрения интеллектуальных алгоритмов и краудсорсинговых платформ позволит оценить их влияние на социальную, экономическую и политическую жизнь общества, обеспечив тем самым прочную основу для развития инклюзивных и эффективных механизмов управления в будущем.

Список источников

1. Алимов, А. Н. Краудсорсинг в системе государственного управления: теория и практика / А. Н. Алимов, Е. С. Новиков. М.: Юрайт, 2020. 288 с.
2. Захаров, Н. С. Краудсорсинг как инструмент модернизации государственного управления / Н. С. Захаров // Управленческие науки. 2022. № 2. С. 73–86.
3. Головин, А. Е. Краудсорсинг и цифровые платформы в публичном управлении / А. Е. Головин // Инновационное развитие. 2021. № 6. С. 98–113.
4. Григорьев, П. А. Искусственный интеллект в принятии политических решений: перспективы и ограничения / П. А. Григорьев, Л. В. Смирнова. СПб.: Питер, 2020. 320 с.
5. Калашников, Д. В. Политический краудсорсинг: новая парадигма взаимодействия власти и общества / Д. В. Калашников, М. И. Тарасов. Екатеринбург: УРГУ, 2020. 256 с.
6. Аксенов, И. В. Искусственный интеллект в государственном управлении: возможности и вызовы / И. В. Аксенов // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 4. С. 12–28.
7. Иванов, К. А. Искусственный интеллект в контексте цифровой трансформации государства / К. А. Иванов. М.: Экономика, 2021. 284 с.
8. Сидоров, М. П. Краудсорсинг и искусственный интеллект: новые подходы к управлению проектами [Электронный ресурс] / М. П. Сидоров. 2021. URL: <https://projectai.example.com> (дата обращения: 09.01.2025).
9. Козлов, А. Н. Применение искусственного интеллекта в управлении публичной сферой / А. Н. Козлов // Политика и общество. 2021. № 4. С. 34–49.
10. Смирнов, В. К. Краудсорсинг как инструмент цифровой трансформации государственного управления [Электронный ресурс] / В. К. Смирнов. 2021. URL: <https://digitalgov.example.com/crowdsourcing> (дата обращения: 09.01.2025).
11. Иванов, А. И. Использование технологий искусственного интеллекта в управлении общественными процессами [Электронный ресурс] / А. И. Иванов // Электронный журнал «Научный результат». 2022. URL: <https://ejournal.example.com/article123> (дата обращения: 09.01.2025).
12. Березин, В. П. Искусственный интеллект и большие данные в управлении политическими процессами / В. П. Березин // Социология власти. 2022. Т. 34. № 3. С. 47–62.
13. Петрова, Е. А. Искусственный интеллект в политических процессах: аналитический обзор [Электронный ресурс] / Е. А. Петрова // Электронный вестник современных исследований. 2022. URL: <https://modernresearch.example.com/ai> (дата обращения: 09.01.2025).

References

1. Alimov A. N., Novikov E. S. *Crowdsourcing in the public administration system: theory and practice*. Moscow: Yurayt; 2020. 288 p. (In Russ.)
2. Zakharov N. S. Crowdsourcing as a tool for modernizing public administration. *Management Sciences*. 2022;(2):73–86. (In Russ.)
3. Golovin A. E. Crowdsourcing and digital platforms in public administration. *Innovative development*. 2021;(6):98–113. (In Russ.)
4. Grigoriev P. A., Smirnova L. V. *Artificial intelligence in political decision-making: prospects and limitations*. St. Petersburg: Peter; 2020. 320 p. (In Russ.)
5. Kalashnikov D. V., Tarasov M. I. *Political crowdsourcing: a new paradigm of interaction between government and society*. Yekaterinburg: USU; 2020. 256 p. (In Russ.)
6. Aksenov I. V. Artificial intelligence in public administration: opportunities and challenges. *Public administration. Electronic bulletin*. 2021;(4):12–28. (In Russ.)
7. Ivanov K. A. *Artificial intelligence in the context of digital transformation of the state*. Moscow: Ekonomika; 2021. 284 p. (In Russ.)
8. Sidorov M. P. *Crowdsourcing and artificial intelligence: new approaches to project management*. 2021. Available from: <https://projectai.example.com> (Access 09.01.2025). (In Russ.)
9. Kozlov A. N. Application of artificial intelligence in public sphere management. *Politics and Society*. 2021;(4):34–49. (In Russ.)

10. Smirnov V. K. *Crowdsourcing as a tool for digital transformation of public administration*. 2021. Available from: <https://digitalgov.example.com/crowdsourcing> (Accessed 09.01.2025). (In Russ.)
11. Ivanov A. I. The use of artificial intelligence technologies in the management of social processes. *Electronic journal "Scientific result"*. 2022. Available from: <https://ejournal.example.com/article123> (Accessed 01/09/2025). (In Russ.)
12. Berezin V. P. Artificial intelligence and big data in the management of political processes. *Sociology of power*. 2022;34(3):47–62. (In Russ.)
13. Petrova E. A. Artificial intelligence in political processes: an analytical review. *Electronic bulletin of modern research*. 2022. Available from: <https://modernresearch.example.com/ai> (Accessed 01/09/2025). (In Russ.)

Информация об авторах

А. С. Геворгян – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

К. С. Семенюра – студент 4 курса бакалавриата по направлению “Политология” ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

A. S. Gevorgyan – Cand. Sci (Polit.), Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

K. S. Semenyura – 4th year Bachelor's degree student in “Political Science”, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 02.03.2025; принята к публикации 03.03.2025.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 02.03.2025; accepted for publication 03.03.2025.

Роль и место программы «Время героев» в системе рекрутирования современной политической элиты России

Давид Кромвелович Григорян^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, davo-davo23@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5592-3548>

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Введение. В настоящее время определение политической элиты значительно расширяется. Сейчас к элите принято причислять не только управленцев и государственных служащих: происходит формация программы рекрутирования элит, в основу которой входит включения в её состав военнослужащих и, в первую очередь, участников Специальной военной операции. По поручению Президента РФ была создана программа «Время героев». Она предполагает подготовку высококвалифицированных, компетентных специалистов в сфере государственной службы и государственного управления из числа участников Специальной военной операции. В последующем предполагается, что выпускники программы станут осуществлять деятельность в государственных и муниципальных органах власти.

Цель. Оценка эффективности, результативности программы «Время героев», а также ее влияния на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации с помощью анализа положений документов, а также практики рекрутирования и реструктурирования существующей политической элиты под влиянием реализации программы.

Материалы и методы. В процессе исследования автор опирался на совокупность научных методов познания, таких как системно-структурный, формально-логический и конкретно-социологический методы, а также обращался к когнитивным приемам, а именно: наблюдение, сравнение, обобщение. Основу исследования составили положения о рекрутировании элиты, её формировании, функциях и роли, а также основные аспекты программы «Время Героев». Эмпирическую базу исследования составили научные публикации, актуальные статистические данные о роли политической элиты в системе обеспечения национальной безопасности и результатах программы «Время Героев».

Результаты. В статье рассматривается роль политической элиты в системе обеспечения национальной безопасности, процесс её рекрутирования. Анализируется программа «Время Героев», цель её создания и основные аспекты обучения, рассмотрены первые результаты лучших выпускников курса и ключевые должности в сфере государственного управления, возглавляемые ими.

Выводы. В настоящий момент вопрос обеспечения национальной безопасности является ключевым в области государственного развития, роль политической элиты в её обеспечении велика. Программа «Время Героев» – это принципиально новая ступень в процессе формирования и развития элиты, благодаря которой происходят структурные изменения в области государственного управления: высшие государственные посты могут занимать граждане, защищавшие рубежи страны, ставящие своей целью обогащение, развитие и сохранение государства.

Ключевые слова: элита, политическая элита, Специальная военная операция, Время героев, национальная безопасность, суверенитет, государственное управление, рекрутирование элиты

Для цитирования: Григорян Д. К. Роль и место программы «Время героев» в системе рекрутирования современной политической элиты России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 170–178. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-170-178>. EDN YTNFCN

The role and place of the "Time of heroes" program in the recruitment system of the modern political elite of Russia

David K. Grigoryan^{1, 2}

¹South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, davo-davo23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5592-3548>

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

Abstract

Introduction. Currently, the definition of the political elite is expanding significantly. Now it is customary to classify not only managers and civil servants as the elite: an elite recruitment program is being formed, which is based on the inclusion of military personnel and, first of all, participants in a Special military Operation. On behalf of the President of the Russian Federation, the "Time of Heroes" program was created. It involves the training of highly qualified, competent specialists in the field of public service and state administration from among the participants of the Special Military Operation. In the future, graduates of the program are expected to work in state and municipal authorities.

Purpose. Evaluation of the effectiveness of the Time of Heroes program, as well as its impact on ensuring the national security of the Russian Federation by analyzing the provisions of the documents, as well as the practice of recruiting and restructuring the existing political elite under the influence of the program implementation.

Materials and methods. In the course of the research, the author relied on a set of scientific methods of cognition, such as system-structural, formal-logical and specifically sociological methods, and also turned to cognitive techniques, namely: observation, comparison, generalization. The study was based on the provisions on elite recruitment, its formation, functions and roles, as well as the main aspects of the "Time of Heroes" program. The empirical base of the study was made up of scientific publications, current statistical data on the role of the political elite in the national security system and the results of the "Time of Heroes" program.

Results. The article examines the role of the political elite in the national security system, the process of its recruitment. The program "Time of Heroes" is analyzed, the purpose of its creation and the main aspects of training, the first results of the best graduates of the course and the key positions in the field of public administration headed by them are considered.

Conclusions. At the moment, the issue of ensuring national security is a key one in the field of state development, the role of the political elite in ensuring it is great. The Time of Heroes program is a fundamentally new step in the process of formation and development of the elite, thanks to which structural changes in the field of public administration are taking place: citizens who defended the borders of the country, aiming at enriching, developing and preserving the state, can occupy the highest government posts.

Keywords: elite, political elite, Special military operation, Time of Heroes, national security, sovereignty, public administration, elite recruitment

For citation: Grigoryan D. K. The role and place of the "Time of heroes" program in the recruitment system of the modern political elite of Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):170–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-170-178>. EDN YTNFCN

Введение

Политическая элита – это узкий круг лиц, обладающий политической властью, соответствующими ресурсами, полномочиями, оказывающий влияние на формирование ключевых политических процессов в государстве. Обращаясь к историческому наследию России, стоит отметить, что в любой период развития страны власть была сосредоточена в руках немногочисленной элиты. Ныне нового прочтения требуют отношения власти и общества, политической элиты и граждан в России именно в свете опыта политического развития современных стран мира, с учетом контекста различных структур распределения власти как в странах устойчивой демократии, так и в государствах с неустойчивыми демократическими процедурами [1].

Деятельность политической элиты сосредоточена не только вокруг политико-административной функции. Так как политическая элита включает в себя лиц, имеющих реальный вес при принятии ключевых решений, касающихся отдельных муниципалитетов, субъектов или всего государства в целом, то их влияние распространяется на все аспекты, связанные с направлениями развития страны [2].

В настоящее время вопрос обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является одним из ключевых. Существующие внешнеполитические угрозы – реальная угроза государственной целостности, сохранения суверенитета в связи с началом Специальной военной операции¹ – касаются угрозы безопасности каждого жителя страны, именно поэтому регулирование данной сферы сосредоточено в руках не только органов безопасности Российской Федерации, но и политической элиты [3].

Теоретические основы

Работа лидеров власти в отрасли государственной безопасности заключается, в первую очередь, в наличии доступа к правовым механизмам регулирования, в том числе, возможность принятия непосредственного участия в разработке законопроектов, указов и стратегий, связанных с названной сферой. Основным документом в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в настоящий момент является «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» № 400 от 02.07.2021. Стратегия была разработана членами Совета Безопасности РФ совместно с иными представителями власти, связанными со стратегическим планированием. Совет Безопасности Российской Федерации обеспечивает координацию и методическое обеспечение разработки и корректировки стратегии, а порядок её разработки и корректировки определяется Президентом Российской Федерации².

Помимо этого, основным нормативно-правовым актом, в котором определены основные принципы, механизмы и мероприятия по обеспечению национальной безопасности РФ, является Федеральный закон от 28.12.2010 № 390 «О безопасности». Данный Федеральный закон был разработан и принят Государственной Думой Российской Федерации как главным законодательным органом власти страны. Политическая элита в лице депутатов Государственной Думы приняла прямое участие в создании ключевого нормативно-правового акта, отвечающего за обеспечение национальной безопасности страны. Это доказывает, что политические лидеры имеют возможность правового регулирования сферы национальной безопасности и оказания прямого влияния на законодательную базу, регулирующую данную область.

Результаты и обсуждение

В настоящее время определение политической элиты значительно расширяется [4]. Сейчас к элите принято причислять не только управленцев и государственных служащих: происходит формация программы рекрутирования элит, в основу которой входит включения в её состав военнослужащих и, в первую очередь, участников Специальной военной операции [5]. Президент Российской Федерации В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию упомянул: «Подлинная, настоящая элита – это все, кто служит России, труженики и воины, надежные, проверенные, делом доказавшие свою преданность России, достойные люди»³. В связи с этим, по поручению Президента была создана программа «Время героев»⁴. Она предполагает подготовку высококвалифицированных, компетентных специалистов в сфере государственной службы и государственного управления из числа участников Специальной военной операции.

¹ Специальная военная операция: Министерство обороны Российской Федерации – [Электронный ресурс] – URL: <https://z.mil.ru/> (Дата обращения: 27.09.2024).

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: офиц. текст [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ (Дата обращения: 27.09.2024)

³ Послание Президента Федеральному Собранию – [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (Дата обращения: 26.10.2024).

⁴ Время героев | Высшая школа государственного управления – [Электронный ресурс] – URL: <https://времягероев.рф/> (Дата обращения: 26.10.2024).

В последующем предполагается, что выпускники программы станут осуществлять деятельность в государственных и муниципальных органах власти.

Помимо этого, участники получают возможность приобрести компетенции в области информационно-коммуникационных технологий и информатизации процесса государственного управления, осваивают ключевые навыки работы с цифровыми аспектами деятельности государственного служащего. Получение опыта работы в управленческой сфере, развитие личностных лидерских качеств и компетенций, увеличение внутреннего управленческого потенциала помогает сформировать качественную, компетентную элиту, состав и интересы которой будут отвечать актуальным проблемам и вызовам, окружающим Российскую Федерацию в настоящий момент.

Кадровая программа предполагает не только развитие личного потенциала участников СВО, но и укрепление наставнических компетенций действующей политической элиты: «Время героев» организовано на базе мастерской управления «Сенеж» Высшей школы госуправления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ, однако выпускников программы будут обучать соответствующим компетенциям действующие сотрудники Правительства государства, Администрации Президента, губернаторы, служащие региональных правительств и законодательных собраний. Это позволит не только передать опыт в сфере управления и государственной службы, но и получить полезные навыки уже действующей элите: подчеркнуть для себя важность службы участников СВО [6–7] и необходимость создания нового поколения элиты, ядром которой станут военнослужащие.

Реализация программы «Время героев»

Несмотря на то, что программа была введена только 1 марта 2024 г., её выпускники уже занимают посты в различных областях государственного управления. В. В. Путин 25.09.2024 лично утвердил 10 выпускникам программы высокопоставленные должности. По мнению Президента, наиболее выдающимся и отличившимся участникам программы необходимо предоставить условия для занятия важнейших государственных должностей. Участники Специальной военной операции, имеющие реальный боевой опыт и защищавшие государственную безопасность страны, должны играть ключевое значение при принятии решений о дальнейшей судьбе страны.

Так, один из выпускников «Время героев» Артём Владимирович Жога был назначен полномочным представителем Президента в Уральском федеральном округе, участник программы ещё с 2014 г. участвует в боевых действиях – является ополченцем батальона «Спарта». До 2022 г. «Спарту» возглавлял Владимир Жога – сын Артёма Владимировича, героически погибший в ходе боев за населенный пункт Волноваха. На фронте А. В. Жога отличался героизмом, стойкостью и профессионализмом. Пройдя через множество ключевых сражений и столкновений, военнослужащий остался предан Родине и её интересам. В 2023 г. А. В. Жога получил должность председателя Народного Совета Донецкой Народной Республики, доказав этим, что может совмещать участие в боевых действиях и сферу управления. Сейчас, пройдя программу «Время героев», получив соответствующие навыки и компетенции, боец получил новое назначение указом Президента¹.

Артем Владимирович Жога поставлен на должность именно в Уральском федеральном округе неслучайно: существующая элита сохраняет приверженность к консервативным методам управления и переживает трансформацию новой элиты, особенно процесс её рекрутирования. Именно поэтому такой компетентный, стойкий и амбициозный государственный служащий, как Артем Владимирович, необходим в Уральском округе. Помимо этого, Урал является крупным промышленным регионом, в нём сосредоточенно множество предприятий оборонного комплекса, жители субъекта вносят огромный вклад в обеспечение нашей армии, помогают продвигаться вперёд на линии фронта и достигать побед. В связи с этим, необходимо обеспечить полномасштабную поддержку региона, развивать его потенциал и способствовать расширению

¹ Указ «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе» от 02.10.2024 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75252> (Дата обращения: 26.10.2024).

возможностей оборонного комплекса. Военнослужащий, имеющий реальный боевой опыт в зоне СВО, как никто другой, – полагает Администрация Президента – сможет выстроить грамотную и эффективную региональную политику, развивая потенциал субъекта в национальных интересах, а также обеспечивая всестороннюю поддержку его жителям.

Ещё одним важным назначением является закрепление за участником Специальной военной операции Артуром Орловым должности председателя правления Российского движения детей и молодёжи «Время первых»¹ [8]. Программа была создана по указу Президента и является общеобязательной для реализации во всех школьных и средне специальных общеобразовательных учреждениях. Главной задачей «Время первых» считает воспитание в молодёжи традиционных ценностей Российской Федерации [9]. Обращение к основным историческим событиям, датам, развитие патриотических качеств, уважения и почёта не только к самому государству, но и к его героям, бойцам, военнослужащим, отдельным событиям, повлиявшим на становление нашей страны. Назначение на должность руководителя такого крупномасштабного движения участника СВО – важный шаг в развитии программы. Участники, осознавая, что руководство осуществляет человек, имеющий реальный опыт защиты государства, будут проникаться ещё большим уважением и почётом к данным событиям. Патриотизм в обыкновениях российского народа считается качеством личности, проявляющимся в любви к собственному Отечеству, лояльности ему, но самое ключевое – в готовности работать и отстаивать интересы Родины [10]. Это служит примером для всего молодого поколения, что герои, отличившиеся на фронте, могут развиваться и в сфере государственной службы, достигая высоких результатов любым поприщем.

Новый глава движения имеет звание Героя Российской Федерации, Орден Мужества и медаль Суворова за стойкость и героизм, проявленный на фронте. Артур Орлов участвовал в Специальной военной операции с первого дня, командовал штурмовой группой, однако это никоим образом не помешало ему в марте 2024 г. стать участником программы «Время героев». Успешно окончив курс, военнослужащий получил возможность возглавить ключевое движение патриотического воспитания молодёжи². В его работе намечен курс на дальнейшее развитие важнейших мероприятий программы: «Зарницы», созданной с целью повышения уровня военной подготовки учащихся, а также «Хранители памяти», необходимой для сохранения историко-культурного наследия государства и передачи ценного опыта последующим поколениям. А. Орлов отметил, что развитие основных направлений программы является первостепенной задачей его деятельности, а воспитание подрастающего поколения – ключевой целью³.

Также участник СВО акцентировал внимание на результате такого мероприятия «Движения Первых», как «Письмо герою», предполагающей передачу на фронт писем, посланий, стихов и песен о могуществе страны, её героях и их подвигах. Более 3 миллионов писем были доставлены в места боестолкновений, и каждое из них наполнено теплом, поддержкой и силой, которые играют решающее значение для каждого из бойцов.

Выпускник программы «Время Героев» Игорь Юргин получил важнейший пост в сфере государственной службы: он был назначен исполняющим обязанности министра по делам молодёжи и социальным коммуникациям Республики Саха (Якутия)⁴. И. Юргин окончил военное училище, является профессиональным военнослужащим и участником Специальной военной

¹ Движение Первых возглавил Герой России Артур Орлов – [Электронный ресурс] – URL: <https://будвдвигении.рф/news/966> (Дата обращения: 26.10.2024).

² Герой России возглавил молодежное "Движение первых" – [Электронный ресурс] – URL: <https://rg.ru/2024/09/15/geroj-rossii-vozglavil-molodezhnoe-dvizhenie-pervyh.html> (Дата обращения: 26.10.2024); Движение Первых возглавил Герой России Артур Орлов – [Электронный ресурс] – URL: <https://будвдвигении.рф/news/966> (Дата обращения: 26.10.2024).

³ Герой России возглавил молодежное "Движение первых" – [Электронный ресурс] – URL: <https://rg.ru/2024/09/15/geroj-rossii-vozglavil-molodezhnoe-dvizhenie-pervyh.html> (Дата обращения: 26.10.2024).

⁴ Участник программы «Время героев» Игорь Юргин назначен исполняющим обязанности Министра по молодежной политике и социальным коммуникациям Республики Саха (Якутия) – [Электронный ресурс] – URL: <https://времягероев.рф/news/tpost/ug2tejd0d1-uchastnik-programmi-vremya-geroev-igor-y> (Дата обращения: 26.10.2024).

операции. Вместе со своими товарищами разбил несколько важных стратегических подразделений противника, за что был удостоен звания Героя России и медали «Золотая Звезда». Игорь Юргин отличился не только в местах боестолкновений: параллельно с участиями в сражениях, он успешно освоил программу «Время героев», получив профессиональные навыки и компетенции в сфере государственного управления, став одним из первых выдающихся учеников направления. В рамках обучения военнотружущий получил возможность пройти стажировку в Правительстве республики Саха, а его наставником стал сам глава субъекта Айсен Николаев. Обучившись основным навыкам, компетенциям и перенеяв опыт в сфере государственной службы И. Юргин дошел до уровня компетентного специалиста, который может заниматься важнейшими направлениями реализации политики государства. Одним из таких и является министерство по делам молодёжи и социальным коммуникациям.

Воспитание молодого поколения – важнейших аспект деятельности государства: формирование правильных, традиционных ценностей, передача исторического опыта является первоочередной задачей каждого. Развитие патриотического воспитания, уважения и почета к участникам боевых действий, создание условий для всестороннего развития инициативы молодёжи, их талантов и интересов – вот те задачи, которые возложены на нового исполняющего обязанности министра. Участник Специальной военной операции как никто другой имеет реальную возможность привить подрастающему поколению те ценности, которые будут переключаться с национальными интересами страны.

Биография Игоря Юргина, его опыт и пример того, что боец может стать компетентной политической элитой, оказывающей влияние на принятие важнейших решений как в рамках субъекта, так и страны в целом, – то, что необходимо для современной молодёжи. Путь, который старшее поколение и наставники проходят, несмотря на его трудность и многогранность, помогает достичь высот в жизни и всесторонне развивать государство. Это именно те ценности, которые необходимы всем нам, и пример Игоря Юргина это ярко доказывает.

Еще одним участником программы «Время героев», занявшим нишу, непосредственно связанную с воспитанием подрастающего поколения [11], стал Александр Германович Суразов – новый глава Комитета по физической культуре и спорту республики Алтай¹. Военнотружущий, принимая участие в Специальной военной операции, являлся заместителем командира батальона. За проявленную доблесть и мужество, а также успехи на фронте А.Г. Суразов удостоен двумя орденами Мужества медалью «За боевые отличия», медалью Жукова и медалью «За храбрость II степени». В результате отбора боец успешно поступил на программу «Время героев», стремясь получить необходимые компетенции для дальнейшей работы на благо Родины, но уже в государственном аппарате.

Александр Суразов отметил, что ещё в период обучения не терял надежды поработать непосредственно с главой региона². Отличившись в период обучения и проявив старательность и терпение, Александр Германович смог достичь своей цели – его наставником стал действующий глава Республики Алтай Александр Турчак. Навыки и компетенции, бесценный опыт и знания, полученные в процессе обучения, уже приносят свои результаты. А. Суразов активно развивает спортивную сферу в родном регионе: проводит спартакиады, соревнования, ключевым стало событие «Пара-Алтай», позволившее принять участие людям с ограниченными возможностями здоровья.

Новый Глава Комитета Александр Суразов отмечает, что «Время Героев» способствовала не только его карьерному росту, но и предоставила возможность узнать больше о населении республики: «я проехал больше 15 тысяч километров, побывал во всех районах республики. Сейчас у меня появилась такая возможность посетить каждый населенный пункт, каждую деревню, каждый район, вникнуть в проблемы людей, пообщаться с ними и сделать много

¹ Участник программы «Время героев» Александр Суразов возглавил Комитет по физической культуре и спорту Республики Алтай – [Электронный ресурс] – URL: <https://времягероев.рф/news/tpost/ezkuocll51-uchastnik-programmi-vremya-geroev-aleksa> (Дата обращения: 26.10.2024).

² Встреча с участниками программы «Время героев» – [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/91/events/74292> (Дата обращения: 26.10.2024).

полезного»¹. Особое внимание Александр Германович Суразов уделяет и необходимости развития молодёжных инициатив в сфере спортивного воспитания, военно-патриотической направленности мероприятий спортивной сферы. Подрастающее поколение должно не только совершенствоваться физически, но и иметь навыки начальной военной подготовки, понимать, насколько важным в настоящее время иметь представление о патриотизме и гражданской активности.

Пример А. Суразова ярко доказывает, что современная элита, формирующаяся из участников Специальной военной операции, способствует не только активному процессу рекрутирования, но и открывает реальные возможности для развития новых инициатив в общественно значимых сферах [5]. Внедрение новых тенденций в развитии спорта и физической культуры способствует успешной реализации государственных программ, распространению традиционных ценностей и достижению ключевых национальных целей в области молодёжной политики.

Хотим заметить, что программа «Время героев» готовит не просто новую политическую элиту, а профессионалов, имеющих реальный опыт деятельности в сфере военной обороны, который, подкрепляясь соответствующими навыками и компетенциями, становится очень ценным и уникальным на гражданской службе. Так, финалист программы Константин Яшин был назначен Генеральным директором Научно-производственного центра беспилотных авиационных систем «САМАРА»². В 2023 г. военнослужащий принял решение о необходимости поддержки государства не только с помощью акций и мероприятий, организуемых гражданским населением, но и работой на фронте, поэтому отправился добровольцем в зону боевых действий. Придя рядовым, К. Яшин всего за год службы смог стать командиром, а также был удостоен медалью «За боевые заслуги».

Успешно окончив программу «Время героев», военнослужащий получил возможность применения своих практических знаний, полученных на фронте, а также профессиональных компетенций, приобретенных в период обучения, в гражданской работе, оказывающей непосредственное влияние на национальную оборону. НПЦ БАС «Самара», построенный в Тольятти, является ключевым центром, способствующим развитию инноваций в сфере обороны. На базе научно-производственного центра сотрудникам предоставляется возможность разработки и испытания пробных версий новых моделей беспилотных авиационных систем, проведения опытов и наблюдений за работой конструкций, а также, при успешном прохождении испытаний и соответствии нормативам, ускорить процесс сертификации и аккредитации с целью передачи устройств в работу фронта.

Центр способствует развитию инноваций, иницируемых населением, а также непосредственному внедрению в работу фронта, обеспечивая прямую поддержку рядовым населением обеспечения сохранения территориальной безопасности государства. Назначение участника Специальной военной операции на должность руководителя такой важной структурной организации – свидетельство того, что бойцы, имеющие реальный опыт и знания в сфере обороны государства, могут стать компетентными профессионалами, обеспечивающими работу фронта, неся при этом гражданскую службу.

Оценка эффективности программы «Время героев»

В настоящее время программа показывает свою крайнюю эффективность и востребованность в обществе. Об этом говорит большое количество заявок ветеранов, в связи с этим руководитель проекта, ректор РАНХиГС объявил о дополнительном наборе на участие в программе, который пройдет с 15 ноября 2024 по 15 января 2025 г. Будут рассмотрены заявки лучших кандидатов прошлого набора, которые по тем или иным причинам не прошли на следующий этап, а также участвовать смогут те, кто успешно прошел тестирование в центрах дистанционного оценивания и добился лучших результатов после завершения дистанционного курса обучения

¹ Участник программы «Время героев» Александр Суразов возглавил Комитет по физической культуре и спорту Республики Алтай – [Электронный ресурс] – URL: <https://времягероев.рф/news/tpost/ezkuocll51-uchastnik-programmi-vremya-geroev-aleksa> (Дата обращения: 26.10.2024).

² Участник программы «Время героев» Константин Яшин возглавил НПЦ БАС «Самара» – [Электронный ресурс] – URL: <https://времягероев.рф/news/tpost/uma91nrei1-uchastnik-programmi-vremya-geroev-konsta> (Дата обращения: 26.10.2024).

в Президентской академии¹. Позднее президент на встрече с военнослужащими упомянул о дополнительной опции подачи заявок: их можно отправлять не только онлайн, но и почтой, направив документы по адресу: 344002, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 70/54, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС².

Заключение

Мы приходим к выводу, что политическая элита имеет непосредственное влияние на обеспечение национальной безопасности страны, однако, с началом Специальной военной операции на Украине роль элиты в данной области значительно расширилась.

Разработка программы «Время героев» ознаменовала новый виток развития политической элиты: сферу государственного управления стали занимать профессионалы, с реальным боевым опытом, прошедшие множество боевых испытаний и имеющие государственные награды. В рамках программы участники получают не только качественные профессиональные компетенции, но и возможность перенять более опытных наставников, которыми являются губернаторы, главы субъектов, министерств, округов, депутаты различных уровней. Личный контроль за качественным исполнением намеченных целей и задач Президентом Российской Федерации способствовал тому, что, по окончании курса, наиболее успешные и отличившиеся выпускники, были лично назначены на должности Владимиром Владимировичем Путиным. Помимо этого, важным аспектом, по мнению Президента, являются дружеские отношения, установившиеся между участниками программы.

Это демонстрирует, что новая элита – это не про конкурентную политическую борьбу и стремление занять выгодное положение. Это профессионалы, стремящиеся к всестороннему развитию своей Родины, сохранению её единства и сплоченности как важнейшего постулата российской культуры. Сохранение связей между коллегами не только на фронте, но и в области государственной службы, способствует обмену профессиональными компетенциями, поддержке инициатив, а также иллюстрирует рядовому населению пример того, что элита – это население страны, которое, несмотря на высокий пост, не забывает о моральных качествах и необходимости поддержки, единения страны. Аналогичные программы – это решительный шаг к формированию новой элиты, непременно способствующий движению политической системы Российской Федерации вперёд [5]. Выпускники программы, мы уверены, обеспечат развитие таких направлений общественной жизни, которые смогут справиться со всеми внешними вызовами, а позже укрепить не только внешнюю, но и внутреннюю мощь государства.

Список источников

1. Григорян Д. К. Позиционирование политической элиты современной России в контексте сравнения различных политических систем и режимов // Коммуникология. 2016. № 6. С. 109–119.
2. Родионов М. А., Волкова Т. А. Политические элиты и национальная безопасность // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 2. С. 34–39.
3. Михеев Д. С., Александрова Е. В. Защитники Отечества – новая элита России // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. №4. С. 340–345.
4. Понеделков А. В. Политические элиты России и современные вызовы и угрозы // Вопросы элитологии. 2022. № 3. С. 72–79.
5. Крупнов Ю. А. Реализация социальной политики в условиях специальной военной операции / Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах : сборник научных трудов 13-й Международной научно-практической конференции. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. С. 349–352.
6. Гладких И. П., Брагин С. Н. Актуальные вопросы военно-социальной работы в рамках реализации социальных гарантий, компенсаций военнослужащими-участниками специальной военной операции / Теория и практика военно-политической работы в ходе специальной военной операции. М.: ООО "Издательство "Спутник+", 2024. С. 106–110.

¹ Программа "Время героев" откроет дополнительный набор участников – [Электронный ресурс] – URL: <https://ria.ru/amp/20241114/geroi-1983777414.html> (Дата обращения 02.12.2024)

² Заявки для участия в отборе на программу «Время героев» можно направлять по почте – [Электронный ресурс] – URL: <https://времягероев.рф/news/tpost/ddklnp5rf1-zayavki-dlya-uchastiya-v-otbore-na-progr> (Дата обращения 05.12.2024)

7. Ненюков С. С., Калинин Н. С., Применко Ю. В. Трудовые льготы гражданам, участвовавшим в специальной военной операции / Будущее науки: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества : Сб. научных статей 2-й Всероссийской молодежной научной конференции. Курск: ЗАО "Университетская книга", 2024. С. 104–106.
8. Смирнов В. А. Гражданские установки российских студентов в контексте специальной военной операции // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 8-9. С. 9–23.
9. Хорина Г. П. Патриотизм как ценность русской культуры в условиях специальной военной операции // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 2. С. 225–231.
10. Григорян Д. К., Кондратенко Е. Н., Пилягин Н. В. Патриотическое воспитание молодежи как инструмент противодействия экстремизму // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 164–170. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-164-170>. EDN AECYNS
11. Двойнева Ю. К., Делов Н. С., Григорян Д. К. Патриотизм как фактор социальной сплоченности в условиях проведения Специальной военной операции // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. Т. 13. № 8(61). С. 1624–1634.

References

1. Grigoryan D. K. Positioning of the political elite of modern Russia in the context of comparing different political systems and regimes. *Communology*. 2016;(6):109–119. (In Russ.)
2. Rodionov M. A., Volkova T. A. Political elites and national security. *Socio-humanitarian knowledge*. 2014;(2):34–39. (In Russ.)
3. Mikheev D. S., Alexandrova E. V. Defenders of the Fatherland – the new elite of Russia. *Bulletin of the Mari State University. The series "Historical sciences. Legal sciences"*. 2024;(4):340–345. (In Russ.)
4. Ponedelkov A. V. Political elites of Russia and modern challenges and threats. *Issues of Elitology*. 2022;(3):72–79. (In Russ.)
5. Krupnov Yu. A. Implementation of social policy in the context of a special military operation. In: *Modern approaches to the transformation of concepts of state regulation and management in socio-economic systems : proceedings of the 13th International Scientific and Practical Conference*. Kursk: CJSC "University Book"; 2024:349–352. (In Russ.)
6. Gladkikh I. P., Bragin S. N. Actual issues of military-social work within the framework of the implementation of social guarantees, compensations by military personnel participating in a special military operation. In: *Theory and practice of military-political work during a special military operation*. Moscow: Sputnik+ Publishing House; 2024:106–110. (In Russ.)
7. Nenyukov S. S., Kalinin N. S., Prikladko Yu. V. Labor benefits for citizens who participated in a special military operation. In: *The future of science: a view of young scientists on the innovative development of society : Collection of scientific articles of the 2nd All-Russian Youth Scientific Conference*. Kursk: ZAO Universitetskaya Kniga; 2024:104–106. (In Russ.)
8. Smirnov V. A. Civil attitudes of Russian students in the context of a special military operation. *Higher education in Russia*. 2023;32(8-9):9–23. (In Russ.)
9. Khorina G. P. Patriotism as a value of Russian culture in the context of a special military operation. *Znanie. Understanding. Ability*. 2023;(2):225–231. (In Russ.)
10. Grigoryan D. K., Kondratenko E. N., Pilyagin N. V. Patriotic education of youth as a tool to counter extremism. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(4):164–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-164-169>. EDN AECYNS
11. Dvoyneva Yu. K., Delov N. S., Grigoryan D. K. Patriotism as a factor of social cohesion in the conditions of a special military operation. *Eurasian Union: issues of international relations*. 2024;13(8(61)):1624–1634. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. К. Григорян – кандидат политических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; начальник кафедры информационного обеспечения ОВД РЮИ МВД.

Information about the author

D. K. Grigoryan – Cand. Sci. (Polit.), Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Department of Information Support of the Department of Internal Affairs, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 21.02.2025.

The article was submitted 13.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 21.02.2025.

Изучение концепта «принуждение» в мировоззрении современной молодежи в контексте террористических угроз

Людмила Леонидовна Иванова¹, Ольга Васильевна Белуженко²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹ivanova-ll@uriu.ranepa.ru

²beluzhenko-ov@ranepa.ru

Аннотация

Введение. Уязвимость молодежи для организаций, распространяющих экстремистскую идеологию и вовлекающих в террористическую деятельность, ставит перед научным и педагогическим сообществом задачу поиска эффективных способов профилактической работы.

Цель. Изучение мировоззрения студенческой молодежи в контексте гендерного анализа структуры семантического содержания концепта «Принуждение».

Материалы и методы. Исследование опиралось на данные, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Основными методами исследования послужили контекстуальный анализ лексического материала, качественный анализ лексем, семантический анализ гендерных баз данных, агломеративно-иерархический кластерный анализ гендерных баз данных.

Результаты. Гендерный лингвистический анализ представлений студентов гуманитарного вуза о процессе принуждения, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента, позволил авторам установить, что по общим семантическим признакам полученные реакции делятся на несколько групп (процессы и действия; чувства и состояния; иные реакции). Отмечено, что ассоциации со словом «Принуждение» включают в себя и целый ряд реакций-метафор, отражающих личностные смыслы процесса принуждения для респондентов, его функции по отношению к человеку. При этом большинство имеющихся реакций-метафор обладают отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией.

Выводы. Качественный анализ полученного лексического материала позволяет определить, что у девушек на первом месте по проценту упоминаний (с отрывом) находятся лексемы блока «Психологическое давление / навязывание», на втором – лексемы блока «Применение физической силы», а на третьем (с большим отрывом) – лексемы блока «Шантаж / запугивание». В свою очередь, у юношей на первом месте по проценту упоминаний (с незначительным отрывом) находятся лексемы блока «Применение физической силы», на втором – лексемы блока «Психологическое давление / навязывание», а на третьем (с заметным отрывом) – лексемы блока «Управление (приказ, требование)». Это позволяет предполагать более «активную» роль мужской выборки респондентов в ходе «реализации» процесса принуждения. В ходе последующего кластерного анализа была установлена подробная структура лексико-семантических полей концепта. Таким образом установлено, что структуры семантического содержания концепта «Принуждение» в языковом сознании юношей и девушек – носителей русского языка – диаметрально не совпадают.

Ключевые слова: концепт «Принуждение», свободный ассоциативный эксперимент, студенты гуманитарного вуза, гендерное исследование, семантический анализ, кластерный анализ, структура лексико-семантических полей, мировоззрение молодежи, виды насилия, террористические угрозы

Для цитирования: Иванова Л. Л., Белуженко О. В. Изучение концепта «принуждение» в мировоззрении современной молодежи в контексте террористических угроз // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 179–186. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-179-186>. EDN JIENCY

The study of the concept of "coercion" in the worldview of modern youth in the context of terrorist threats

Ludmila L. Ivanova¹, Olga V. Beluzhenko²

^{1,2}South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹ivanova-ll@uriu.ranepa.ru

²beluzhenko-ov@ranepa.ru

Abstract

Introduction. The vulnerability of young people to organizations that spread extremist ideology and involve them in terrorist activities poses a challenge for the scientific and pedagogical community to find effective ways to prevent it.

Purpose. To study the worldview of students in the context of a gender analysis of the structure of the semantic content of the concept of "Coercion".

Materials and methods. The study was based on data obtained during a free associative experiment. The main research methods were contextual analysis of lexical material, qualitative analysis of lexemes, semantic analysis of gender databases, and agglomerative-hierarchical cluster analysis of gender databases.

Results. A gender linguistic analysis of the ideas of students of the humanities university about the process of coercion, obtained during a free associative experiment, allowed the authors to establish that according to common semantic features, the reactions received are divided into several groups (processes and actions; feelings and states; other reactions). It is noted that associations with the word "Coercion" include a number of metaphor reactions reflecting the personal meanings of the coercion process for respondents and its functions in relation to a person. At the same time, most of the available metaphor reactions have a negative emotional and evaluative connotation.

Conclusions. A qualitative analysis of the lexical material obtained allows us to determine that the girls in the first place in terms of the percentage of mentions (by a margin) are the lexemes of the "Psychological pressure / imposition" block, the lexemes of the "Use of physical force" block are in the second place, and the lexemes of the "Blackmail / intimidation" block are in the third (by a wide margin). In turn, among young men, the lexemes of the "Use of physical force" block are in the first place (with a slight margin), the lexemes of the "Psychological pressure / imposition" block are in the second place, and the lexemes of the "Management (order, demand)" block are in the third (with a noticeable margin). This suggests a more "active" role for the male sample of respondents during the "implementation" of the coercion process. During the subsequent cluster analysis, the detailed structure of the lexico-semantic fields of the concept was established. Thus, it is established that the structures of the semantic content of the concept of "Coercion" in the linguistic consciousness of young men and women – native speakers of the Russian language do not diametrically coincide.

Keywords: the concept of "Coercion", free associative experiment, students of a humanitarian university, gender research, semantic analysis, cluster analysis, structure of lexico-semantic fields, worldview of youth, types of violence, terrorist threats

For citation: Ivanova L. L., Beluzhenko O. V. The study of the concept of "coercion" in the worldview of modern youth in the context of terrorist threats. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2025;(1):179–186. [In Russ.]. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-179-186>. EDN JIEHCY

Введение

Террористические угрозы современного мира не снижают внимания специалистов на проблемы, лежащие в плоскости профилактики и предупреждения подобных общественно опасных деяний. Педагогическое сообщество также заинтересовано данной проблематикой, поскольку молодежь является уязвимой социальной группой для распространения экстремистской идеологии и вовлечения в террористическую деятельность. Это обусловлено целым рядом факторов, среди которых протестность, ценностный нигилизм, клиповое восприятие реальности, низкий уровень критического мышления или его отсутствие. Кроме того, для молодого поколения

важно реализовать потребность в принадлежности, что часто используется радикально настроенными группами, создающими иллюзию пространства, в которых человек получает возможность раскрытия своего личностного потенциала.

Период взросления любого человека связан с процессом становления жизненных стратегий в рамках определенных ценностных ориентиров. Студенческая молодежь уже имеет сформированное мнение об экстремизме и терроризме, зачастую навязанное стереотипами и предубеждениями, транслирующимися в медиа-, кино- и игровой индустрии. Именно поэтому перед высшими учебными заведениями стоит важная задача не только общей профилактики деструктивных явлений в молодежной среде, но и выявление точек риска, связанных с выявлением экстремистских тенденций, лояльности и готовности к экстремизму.

Среди целого пула методов, используемых для вышеуказанной цели интересен опыт использования «Методики диагностики диспозиций насильственного экстремизма» Д. Г. Давыдова и К. Д. Хломова [1], направленной на раннее выявление лиц, склонных к экстремизму.

Обнаруженная динамика изменения параметра «Конвенциональное принуждение» за несколько лет проведения тестирования студентов Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС по указанной методике с 2019 по 2023 гг. продемонстрировала аномально высокие заселенности выявленной группы риска по данному параметру, которые превышают аналогичные величины по другим параметрам методики в разы (рис. 1), а то и в десятки раз, что заставило нас задуматься о причинах этого явления.

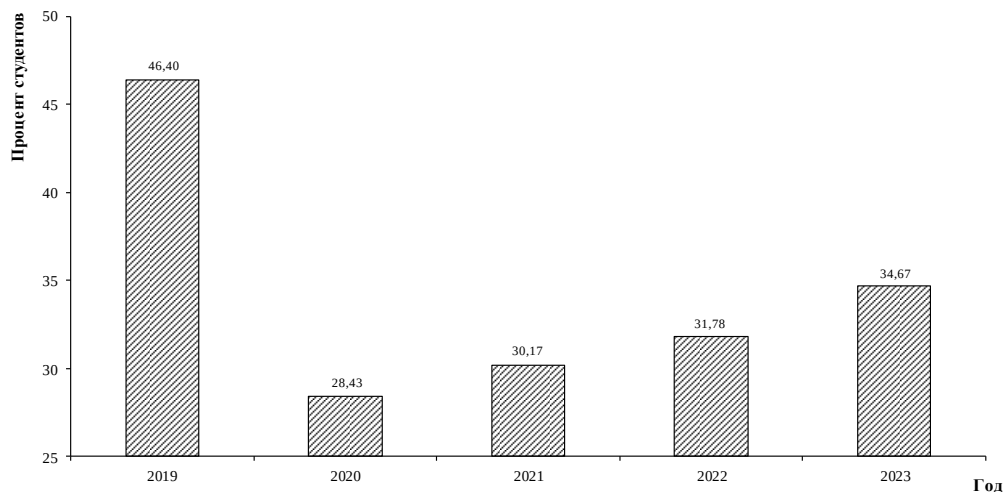

Рис. 1. Динамика группы риска склонности к экстремизму по параметру «Конвенциональное принуждение» за 2019–2023 гг.
Fig. 1. Dynamics of the risk group of propensity to extremism according to the parameter "Conventional coercion" for 2019–2023

Прежде всего нас заинтересовали исследования, связанные с ценностями и установками молодежи. Так, Кустова М. Ю. и др. [2], делают вывод о том, что установки на использование силы и агрессии, а также установление жестких требований и правил по отношению к другим связана со снижением уровня психологического благополучия. В то же время, исследование Калмыковой А.И. и Рыбакиной Ю. А. подтверждает связь повышенного уровня готовности к насильственным действиям студенческой молодежи со средним уровнем эмоциональной осознанности, детерминированной пессимистичным взглядом на мир и пренебрежением нормами общественной морали [3].

Анализ ценностей принуждения и ненасилия в студенческой среде, проведенный Мараловым В.Г. и др. [4], позволил выделить ряд характеристик молодежи, склонной к использованию принуждения, среди которых: самоуверенность, умеренный эгоцентризм, раздражительность, невысокая чувствительность к окружающим, низкий порог чувствительности к угрозам и пренебрежение к опасности.

Фурмановым И. А. [5] изучались аттитюды студентов в отношении насилия. Автором проведено исследование, результаты которого показали зависимость насильственных установок от таких личностных черт, как физическая агрессивность и враждебность.

Султанова А. Н. и др. [6] изучали взаимосвязь особенностей агрессивного поведения и базисных убеждений со склонностью к легитимизированной агрессии у студентов разных курсов обучения. Было установлено, что для людей, легитимизирующих агрессию в разных сферах жизни, характерно наличие базисного убеждения о недоброжелательности окружающего мира, помимо этого, люди, склонные к легитимизации агрессии, будут враждебно настроены по отношению к окружающим и прибегать к агрессии в процессе коммуникации.

Науменко Д. В. и Яковлевой И. П. [7] было предпринято социологическое исследование, нацеленное на выявление отношения современной российской молодежи к проблеме насилия в межличностном взаимодействии. Как ни прискорбно это сознавать, но было обнаружено, что нормой для современного российского общества студенты считают следующие виды насилия:

- словесные оскорбления, упреки, унижения (56 %);
- постоянная ложь, обман (26 %);
- угрозы (14 %);
- укусы, щипание (14 %);
- избиения, истязания, сотрясения (8 %);
- преследования, запугивание (6 %);
- удары чем-либо (6 %);
- пощечины, толчки (2 %).

Приведённый обзор литературы показывает, что возможны самые разные подходы к актуальной для современного российского общества проблеме легитимизации насилия. Следует особо подчеркнуть, что изучение именно гендерных аспектов данной проблемы кажется нам наиболее перспективным.

Поскольку вопросы профилактики террористических угроз в молодежной среде в последние десятилетия не только не утрачивают своей актуальности, а наоборот, находятся на повестке дня в научном, педагогическом сообществах, и в органах власти, мы предлагаем вашему вниманию результаты предпринятого нами социолингвистического исследования обсуждаемой проблемы. Результаты исследования докладывались нами в рамках Третьих Воронцовских чтений «Правоприменение норм террористической направленности в современных социально-политических условиях», традиционно проводимых Южно-Российским институтом управления РАНХиГС.

Материалы и методы

Нами были использованы следующие методы исследования:

1. свободный ассоциативный эксперимент;
2. контекстуальный анализ лексического материала;
3. качественный анализ лексем;
4. семантический анализ гендерных баз данных;
5. агломеративно-иерархический кластерный анализ гендерных баз данных.

Проведенный марте-апреле 2023 г. свободный ассоциативный эксперимент позволил собрать и обработать лексические материалы (имена существительные, которые ассоциируются у них со словом «принуждение»), студентов Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Участниками свободного ассоциативного эксперимента стали 168 студентов, в том числе 115 девушек (68,45%) от 16 до 19 лет, средний возраст – 17,96 лет и 53 юношей (31,55%) от 15 до 21 года, средний возраст – 17,89 лет.

Результаты

Контекстуальный анализ полученного лексического материала позволил создать базу данных, для которой с использованием метода сплошной выборки были отобраны лексемы (имена существительные). В итоге нами получено 1186 упоминаний (реакций), относящихся к 315 лексемам.

По общим семантическим признакам полученные реакции делятся на группы:

- процессы и действия,
- чувства и состояния,
- все остальные реакции.

Нами отмечено, что ассоциации со словом «Принуждение» включают в себя и целый ряд реакций-метафор, отражающих личностные смыслы процесса принуждения для респондентов, его функции по отношению к человеку. В этих реакциях раскрывается:

- оценка процесса принуждения как бремени человеческого существования (*нелюбимая работа, нелюбимый человек, отношения*);
- территория вынужденного пребывания (*тюрьма, каторга, школа, дача*);
- инструменты для осуществления притеснения (*бита, ремень, палка, наручники, оружие, кнут, примус*);
- негативные последствия притеснения (*смерть, эшафот, страх, ужас, крик, боль, паника, беда, раны, слёзы*);
- осознание собственных ограничений (*раб, рабство, неволя*);
- необходимость заниматься чем-то нелюбимым или неприятным (*физкультура, «домашка», учёба, уборка*);
- необходимость есть нелюбимую еду (*диета, борщ, авокадо*);
- персонификация собственно притеснителей респондента (*родители, бабушка, отчим*).

Необходимо особо подчеркнуть, что большинство имеющихся реакций-метафор обладают отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией. Имеются также небольшое количество нейтральных реакций и совсем мало – положительных (*доброта, радость, любовь, дружба*).

Далее, опираясь на общепринятую классификацию форм насилия¹ [8], мы провели качественный анализ всех имеющихся 315 лексем для того, чтобы установить, какие именно виды принуждения (насилия) имели в виду студенты – участники ассоциативного эксперимента. Оказалось, что предложенный ими лексический материал позволяет предполагать описание физического, психологического, сексуального, социального, политического, домашнего, школьного и рабочего насилия. В свою очередь, признаки экономического и религиозного насилия, кибернасилия и насилия в международных конфликтах в анализируемых материалах – отсутствуют.

На следующем этапе исследования происходило создание нами двух баз данных – по гендерному признаку – путём модифицирования исходной базы данных. При этом для обеих баз данных отбирались лексемы, имеющие не менее четырёх упоминаний (реакций). В итоге для девушек было получено 585 упоминаний (реакций), относящихся к 55 лексемам, а для юношей – 239 упоминаний (реакций), относящиеся к 52 лексемам.

Обсуждение

Опираясь на схему семантического анализа, предложенную Романовой О. В. [9] для концепта «Принуждение», мы предприняли семантический анализ этих гендерных баз данных по специальным концептуальным блокам. В табл. 2 показано, как распределились лексемы по упомянутым автором [9] концептуальным блокам.

Таблица 1 – Распределение лексем по концептуальным блокам концепта «Принуждение»

Table 1 – Distribution of lexemes by conceptual blocks of the concept of "Coercion"

Концептуальный блок	Лексемы
1. Психологическое давление / навязывание	Безысходность, воздействие, давление, диктат, доминирование, заставление, навязывание, неволя, несвобода, обязывание, подчинение, страх, угроза, унижение
2. Применение физической силы	Агрессия, боль, гнёт, жестокость, злость, наказание, насилие, подавление, рабство, сила
3. Шантаж / запугивание	Деспотизм, запугивание, нажим, тирания, угнетение, шантаж
4. Управление (приказ, требование)	Власть, государство, приказ, санкции, требование
5. Убеждение	Влияние, внушение, убеждение
6. Вымогательство / выпытывание	Вынуждение, лишение, понуждение, ущемление
7. Обман / хитрость	Манипуляция

¹ Насилие и его формы: понимание, классификация и преодоление [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nauchniestati.ru/spravka/nasilie-i-ego-formy/>

На рис. 2 показано гендерное распределение ассоциаций (лексем) по концептуальным блокам концепта «Принуждение».

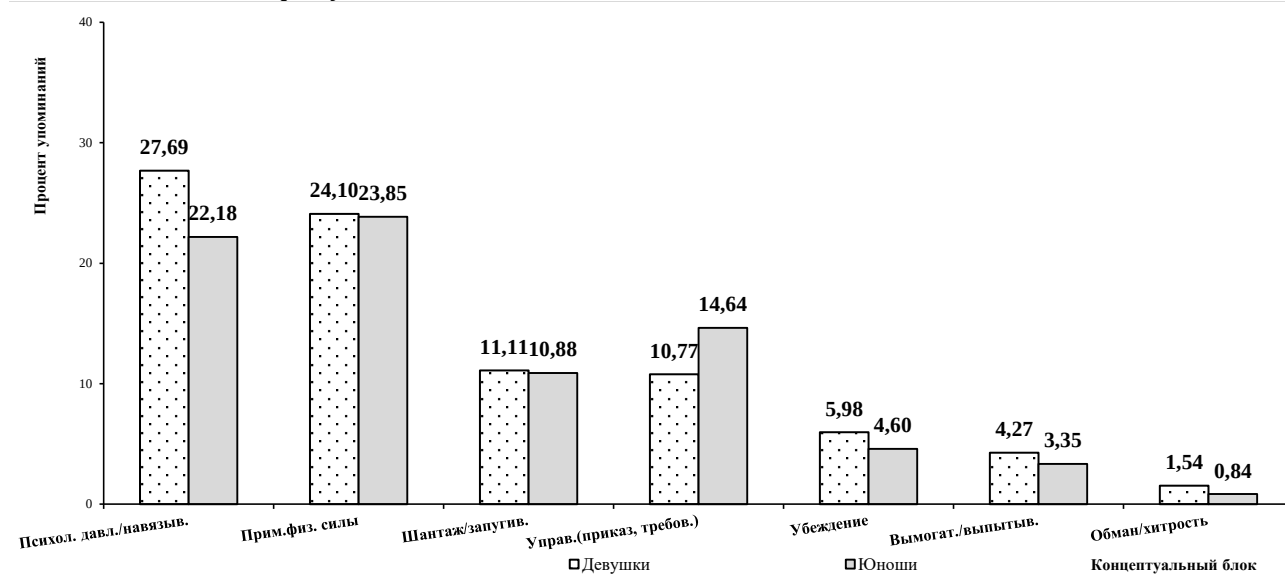

Рис. 2. Гендерное распределение лексем по концептуальным блокам концепта «Принуждение»

Fig. 2. Gender distribution of lexemes according to the conceptual blocks of the concept of «Coercion»

Из рис. 2 следует, что у девушек на первом месте по проценту упоминаний (с отрывом) находятся лексемы блока «Психологическое давление / навязывание», на втором – лексемы блока «Применение физической силы», а на третьем (с большим отрывом) – лексемы блока «Шантаж / запугивание». В свою очередь, у юношей на первом месте по проценту упоминаний (с незначительным отрывом) находятся лексемы блока «Применение физической силы», на втором – лексемы блока «Психологическое давление / навязывание», а на третьем (с заметным отрывом) – лексемы блока «Управление (приказ, требование)».

Сказанное выше позволяет предполагать более «активную» роль мужской выборки респондентов в ходе «реализации» процесса принуждения.

И, наконец, завершающим этапом нашего исследования стало использование агломеративно-иерархического кластерного анализа, осуществлённого при помощи пакета компьютерных программ SPSS.

В качестве объектов для кластерного анализа – переменных – мы использовали 25 лексем девушек и 25 лексем юношей, которые имели не менее десяти упоминаний.

Кластерный анализ позволил нам полностью установить подробную структуру обоих гендерных лексико-семантических полей. Из сопоставления, какие именно лексемы относятся к ядерной зоне в каждом случае, следует, что девушками процесс принуждения воспринимается как акт управления ими кем-то со стороны, кому они без особого сопротивления вынуждены подчиниться, полагая это само собой разумеющимся.

В качестве подтверждения нашего вывода можно привести заключение Киреева М. П. и др. [10] о причинах привлечения женщин к террористической деятельности, среди которых он отмечает в том числе и исполнительность. В этой связи целесообразным нам видится такое профилактическое направление работы с девушками из группы риска как проработка состояния нездоровой жертвенности, слабости, безволия, с целью избавления от возможных «программ» неправомерного поведения с позиции «снизу».

Напротив, юноши воспринимают процесс принуждения с позиции активного участника, «агрессора», оказывающего на «жертву» определенное воздействие и добываясь тем самым результата. Этот вывод также подтверждается исследованиями гендерных различий в мотивации

к террористической деятельности. Так, исследователи отмечают, что экстремистские и террористические организации очень тщательно подходят к формированию пропагандистских материалов, используемых при вербовке в свои ряды. При этом в указанных материалах зачастую используются понятия типичных признаков мужественности (уверенность, смелость, сила, борец за справедливость и т.д.) и женственности (с одной стороны – роль «хорошей женщины», с другой – роль женщины, противостоящей насилию)¹.

Заключение

Таким образом, нами было лингвистически доказано, что структуры семантического содержания концепта «Принуждение» в языковом сознании юношей и девушек – носителей русского языка – диаметрально не совпадают, то есть гендерные мировоззренческие компоненты имеют существенное различие. Это дает нам право сделать заключение о необходимости проведения со студенческой молодежью не только мероприятий по общей профилактике экстремизма и терроризма для устранения причин и условий, порождающих интерес к вовлечению в подобную деятельность, но и проведение индивидуальной профилактики (в том числе с учетом гендерной принадлежности).

Список источников

1. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 78–97.
2. Кустова М. Ю., Перинова С. А., Афанасьев С. Ю. Особенности диспозиций экстремистского поведения у студентов с разным уровнем психологического благополучия / Психология здоровья в образовательном процессе: материалы IV региональной научно-практической конференции (с использованием дистанционных технологий) (Курск, 27 октября 2023 г.) / под ред. В. А. Липатова. Курск : КГМУ, 2023. С. 120–123.
3. Калмыкова А. И., Рыбакина Ю. А. Уровень эмоциональной осознанности как фактор защиты от экстремистских идей / Психология здоровья в образовательном процессе: материалы IV региональной научно-практической конференции (с использованием дистанционных технологий) (Курск, 27 октября 2023 г.) / под ред. В. А. Липатова. Курск: КГМУ, 2023. С. 87–91.
4. Маралов В. Г., Ситаров В. А., Маралова Т. П., Романюк Л. В. Психологические профили студентов, склонных к принуждению (манипулированию), насилию и невмешательству // Перспективы науки и образования. 2020. № 1 (43). С. 282–301.
5. Фурманов И. А. Аттитюды студентов в отношении насилия // Интеграция образования. 2020. Т. 24. № 4. С. 622–640.
6. Султанова А. Н., Чут У. Ю., Бусыгина Г. А., Сажина Д. А., Митенко А. А., Карпотенко Я. Е. Особенности агрессивного поведения у лиц, легитимизирующих агрессию // Reflexio. 2020. Т. 13. № 2. С. 79–92.
7. Науменко Д. В., Яковлева И. П. Отношение студенческой молодежи к проблеме насилия в межличностном взаимодействии (на примере студентов КубГТУ) // XIX Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования»: сборник материалов конференции. Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 1551–1556.
8. Наследов А. Д. SPSS: компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб.: Питер, 2005. 416 с.
9. Романова О.В. Некоторые особенности вербализации концепта "принуждение" глагольной лексикой современного английского языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 44. С. 214–217.
10. Киреев М. П., Антонян Ю. М., Верещетин В. С. и др. Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. 1995. № 4. С. 20–43.

References

1. Davydov D. G., Khlomov K. D. Methods of diagnosing dispositions of violent extremism. *Psychological diagnostics*. 2017;14(1):78–97. (In Russ.)

¹ О роли гендерного фактора в предотвращении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, а также в борьбе с этой угрозой. Передовой опыт работы правоохранительных органов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.osce.org/files/f/documents/1/1/429452_0.pdf

2. Kustova M. Yu., Perinova S. A., Afanasyev S. Yu. Features of dispositions of extremist behavior among students with different levels of psychological well-being. In: *Psychology of health in the educational process: proceedings of the IV regional scientific and practical conference (using remote technologies) (Kursk, 27 October, 2023)*. V. A. Lipatov (ed.). Kursk: KSMU; 2023:120–123. (In Russ.)
3. Kalmykova A. I., Rybakina Yu.A. The level of emotional awareness as a factor of protection from extremist ideas. In: *Psychology of health in the educational process: proceedings of the IV regional scientific and practical conference (using remote technologies) (Kursk, October 27, 2023)*. V. A. Lipatov (ed.). Kursk: KSMU; 2023:87–91. (In Russ.)
4. Maralov V. G., Sitarov V. A., Maralova T. P., Romanyuk L. V. Psychological profiles of students prone to coercion (manipulation), nonviolence and non-interference. *Perspectives of science and education*. 2020;1(43):282–301. (In Russ.)
5. Furmanov I. A. Attitudes of students towards violence. *Integration of education*. 2020;24(4):622–640. (In Russ.)
6. Sultanova A. N., Chut U. Yu., Busygina G. A., Sazhina D. A., Mitenko A. A., Karpotenko Ya. E. Features of aggressive behavior in persons legitimizing aggression. *Reflexio*. 2020;13(2):79–92. (In Russ.)
7. Naumenko D. V., Yakovleva I. P. The attitude of students to the problem of violence in interpersonal interaction (on the example of KubSTU students). In: *XIX International Conference "Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience"*: Collection of conference materials. Yekaterinburg: UrFU; 2016:1551–1556. (In Russ.)
8. Herestov A.D. *SPSS: computer data analysis in psychology and social sciences*. St. Petersburg: Peter; 2005. 416 p. (In Russ.)
9. Romanova O. V. Some features of verbalization of the concept of "coercion" in the verbal vocabulary of modern English. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*. 2007;(44):214–217. (In Russ.)
10. Kireev M. P., Antonyan Yu. M., Vereshchetin V. S. et al. Terrorism: psychological roots and legal assessments. *State and law*. 1995;(4):20–43. (In Russ.)

Информация об авторах

Л. Л. Иванова – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики, ЮРИУ РАНХиГС.

О. В. Белуженко – кандидат химических наук, психолог, ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

L. L. Ivanova – Cand. Sci.(Polit.), Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

O. V. Beluzhenko – Cand. Sci.(Chem.), Psychologist, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 21.02.2025.

The article was submitted 12.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 21.02.2025.

Механизмы, искажающие политическое восприятие в социальных сетях

Ольга Владимировна Котлярова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
olya-apriori@yandex.ru

Аннотация

Введение. Информационные методы политического управления осуществляются посредством воздействия на политическое восприятие граждан. Политическое восприятие осуществляется сознательно и требует критического мышления и когнитивных усилий, однако затрагивает зоны бессознательного и подсознательного, включающего глубинный уровень коллективных и культурных стереотипов, установок, фреймов. В современном российском информационном поле действует социальная сеть Телеграм, имеющая колоссальное значение для всех пользователей и, в частности, для участников политического дискурса.

Цель. Проанализировать процессы, формирующие механизмы, искажающие политическое восприятие в интернет-пространстве, в том числе: интенции к информационному искажению и формированию барьеров интерпретации, теории и практики отмены, распространение вирального контента, формирование постправды; производство текстов под запрос заказчика; учет пользовательской активности; постановка структурированных, многозадачных целей при создании публикаций.

Методы. При помощи метода системного анализа была исследована структура социальной сети «Телеграм» и закономерности функционирующих в ней процессов. Объединяясь, такие процессы составляют механизмы, искажающие политическое восприятие пользователей.

Результаты. Определены тенденции и тренды, явно выраженные в информационном политическом пространстве. Во-первых, к процессам, формирующим механизмы искажения политического восприятия, отнесены теории и практики отмены, распространение вирального контента, оформление и переоформление постправды. Во-вторых, воздействие на политическое восприятие пользователей оказывается посредством производства заказных текстов, содержание которых варьируется от цели заказчика. В-третьих, ведется учет пользовательской активности и содержание политических постов и целых канальных сеток адаптируется под пользовательский запрос. В-четвертых, любая публикация включает несколько задач, поэтому воздействие, оказываемое на аудиторию, предполагает достижение многозадачных целей.

Выводы. На политическое восприятие пользователей сети Телеграм оказывается информационное воздействие. Однако к данной социальной сети сохраняется доверие как к каналу инсайдерской политической информации. Главная тенденция в политическом медиапространстве – это создание удобных, простых для восприятия, но полезных, «сжатых» и упорядоченных политических контентом. Отметим особую актуальность авторского контента, который ассоциируется в сознании граждан с конкретными медиа персонами, политиками, лидерами. Пользователям не хватает персоналий по вопросам интерпретации воспринимаемого. Очень важным в актуальных политических реалиях развивающимся трендом становится тренд на невозможность купить блогера или заказать контент. Для воспринимающих субъектов первостепенно важным становится осознание позиции конкретных людей и исключение возможности «заказных» мнений, позиций. Обратим внимание на тренд интеграции в развлекательный контент политической информации.

Наконец, глобальный тренд – это формирование индивидуального информационного поля, в котором пользователь находится и в котором воспринимает, в том числе, и политическую действительность. Основа таких предпочтений – это доверие к источникам или авторам. Выбранные каналы формируют специфику политического сознания и восприятия субъекта.

Ключевые слова: политическое восприятие, политическое сознание, социальные сети, информационное искажение, виральный контент, постправда, методы информационного управления, политический контент, механизм политического восприятия, политическое бессознательное

Для цитирования: Котлярова О. В. Механизмы, искажающие политическое восприятие в социальных сетях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 187–195. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-187-195>. EDN JMPYRK

Politology and Ethnopolitics

Original article

Mechanisms that distort political perception on social media

Olga V. Kotlyarova

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, olya-apriori@yandex.ru

Abstract

Introduction. Information methods of political management are implemented by influencing the political perception of citizens. Political perception is carried out consciously and requires critical thinking and cognitive efforts, but it affects the areas of the unconscious and subconscious, including the deep level of collective and cultural stereotypes, attitudes, and frames. In the modern Russian information field, the Telegram social network operates, which is of great importance for all users and, in particular, for participants in political discourse.

Purpose. To analyze the processes that form the mechanisms that distort political perception in the Internet space, including: intentions towards information distortion and the formation of barriers to interpretation, theory and practice of cancellation, the dissemination of viral content, the formation of post-truth; the production of texts at the request of the customer; accounting for user activity; setting structured, multitasking goals when creating publications.

Methods. Using the method of system analysis, the structure of the Telegram social network and the patterns of processes functioning in it were investigated. When combined, such processes form mechanisms that distort the political perception of users.

Results. The trends and trends that are clearly expressed in the information policy space have been identified. Firstly, the processes that form the mechanisms of distortion of political perception include theories and practices of cancellation, the dissemination of viral content, and the design and reformulation of post-truth. Secondly, the impact on the political perception of users is through the production of custom texts, the content of which varies depending on the purpose of the customer. Thirdly, user activity is recorded, and the content of political posts and entire channel grids is adapted to the user's request. Fourth, any publication involves several tasks, so the impact on the audience presupposes the achievement of multitasking goals.

Conclusions. It can be argued that the political perception of users of the Telegram network is influenced by information. However, this social network remains trusted as a channel for insider political information. The main trend in the political media space is the creation of convenient, easy-to-understand, but useful, "compressed" and ordered political content. We note the special relevance of the author's content, which is associated in the minds of citizens with specific media personalities, politicians, and leaders. Users don't have enough personalities to interpret what they perceive. A very important developing trend in the current political realities is the trend towards the inability to buy a blogger or order content. For perceiving subjects, awareness of the position of specific people and the exclusion of the possibility of "customized" opinions and positions becomes of paramount importance. Let's pay attention to the trend of integrating political information into entertainment content. Finally, a global trend is the formation of an individual information field in which the user finds himself and in which he perceives, among other things, the political reality. The basis of such preferences is trust in sources or authors. The selected channels form the specifics of the political consciousness and perception of the subject.

Keywords: political perception, political consciousness, social networks, information distortion, viral content, post-truth, information management methods, political content, mechanism of political perception, political unconscious

For citation: Kotlyarova O. V. Mechanisms that distort political perception on social media. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):187–195. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-187-195>. EDN JMPYRK

Введение

Информационные методы политического управления осуществляются посредством воздействия на политическое восприятие граждан. *Политическое восприятие* подразумевает восприятие политической действительности воспринимающим субъектом, которым является как отдельный индивид, так и группа (или сообщество) и масса (общество в целом). Политическое восприятие осуществляется сознательно и требует критического мышления и когнитивных усилий, однако затрагивает зоны бессознательного и подсознательного, включающего глубинный уровень коллективных и культурных стереотипов, установок, фреймов. Политическое воздействие направлено на трансформацию политической картины мира воспринимающего субъекта [1].

Несмотря на общедоступность разнообразного рода информации, в дефиците остается верифицированность, то есть то, что не требует проверки и то, что может восприниматься как политическая действительность, реальность. Главным каналом при использовании информационных методов политического управления выступают социальные сети.

Целью представленной статьи стал анализ процессов, в совокупности составляющих механизмы, которые искажают политическое восприятие в социальных сетях и управляют политическим сознанием пользователей.

Теоретические основы

В современном российском информационном поле действует социальная сеть, имеющие колоссальное значение для всех пользователей и, в частности, для участников политического дискурса. Это Телеграм. В представленном исследовании разберемся, как действуют механизмы политического восприятия в Телеграме. Изучение структуры и закономерности функционирования канальных сеток социальной сети «Телеграм» производилось с помощью метода системного анализа.

Интернет создает иллюзию общего информационного поля, в котором есть доступ к любой информации для всех воспринимающих субъектов. Иллюзорность общего восприятия в интернете подтверждается наличием теневого интернета и большого количества запрещенного и противозаконного контента, который в нем распространен. Противоречивость стратегий внешней политики разных стран приводит к возникновению разных государственных интернетов. Или коллаборативных культурных интернетов, когда несколько государств, объединенных общими политическими целями, создают одно информационное поле, на основе которого политическая действительность воспринимается гражданами этих государств [2].

Информационные войны ведутся не только на фоне военных конфликтов, они имеют место и в социальных сетях по любым значимым экономическим или социальным вопросам. Информационные войны – это деструктивное воздействие на общество путем распространения определенной информации [3-4]. С информационными войнами тесно связано понятие *политических манипуляций*. Манипуляция – проделка, махинация [5]. Политическая манипуляция направлена на искажение представлений о мире политики [6-7].

Результаты и обсуждение

Сегодня общий уровень цифровой грамотности резко возрастает, а миграция пользователей социальных сетей не всегда зависит от их личной инициативы. С одной стороны, у пользователей есть возможность выбирать социальную сеть, подписываться на аккаунты и каналы, воспринимать различные точки зрения, реагировать на те публикации, которые вызывают отклик. С другой стороны, пользователь выбирает на кого быть подписанным. Таким образом очерчивается достаточно замкнутый информационный круг, воспринимающий субъект потребляет ту информацию, которая предлагается выбранными каналами. Можно добавлять или удалять аккаунты, но никто не гарантирует полноту или разносторонность информации, которая потребляется. Важно понимать, что и внимание воспринимающего субъекта ограничено, в сутки каждый индивид может вместить, то есть осознанно воспринимать очень ограниченное количество информации. Значит, результат такого восприятия будет зависеть от непосредственного выбора потребляемых контентов [8-9].

Мы считаем, что в словосочетании «механизмы, искажающие политическое восприятие» существительное «механизм» употреблено в переносном значении и обозначает «совокупность

состояний и процессов, из которых складывается какое-либо физическое, химическое, физиологическое, психологическое явление» [10]. В связи с этим логично определить те процессы, которые разворачиваются в интернет дискурсе и в совокупности создают различные механизмы, воздействующие на политическое восприятие пользователей.

1. К таким процессам отнесем, прежде всего, **интенции к информационному искажению и формированию барьеров интерпретации**. Социальные сети активно демонстрируют *интеграцию теорий и практик отмены, распространение вирального¹ контента, формирование постправды*. По сути, все эти явления: теории и практики отмены, пришедшие через культуру отмены, виральный контент и постправда – явления одного порядка, однако они имеют определенную специфику.

Теории и практики отмены – это искусственно созданные истории, трансформирующие и искажающие реальные события и ведущие к устранению нежелательного объекта. Воспринимая такую теорию, субъект начинает верить, что политический сюжет складывался совершенно иначе, формируется убежденность, что изначально представление об этом сюжете было ошибочным. Так, к примеру, в Телеграме есть каналы, деятельность которых направлена на разоблачение фейковых новостей. Как источник с такой миссией себя позиционирует канал НА САМОМ ДЕЛЕ НЕТ². Важно отметить, что публикуемая в канале политическая информация направлена против действующей в России политической власти, она демонстрирует искажение новостной повестки, чем вызывает недоверие со стороны одних пользователей, но уверенность в правоте у оппозиционных групп.

Теории отмены имеют историю, они тесно связаны с *культурой отмены*. Дж. Хайдт и Г. Лукианофф объясняют культуру отмены «культом безопасности», который распространяется в западном и американском обществе и предполагает табуированность тем и мнений, связанных с пропагандой расистских или сексистских взглядов [11]. Культура отмены представляет собой форму остракизма, предполагающую исключение (удаление) явления, группы людей или конкретного индивида из социального и политического пространства по причине того, что данный индивид, группа или явление представляют нечто оскорбительное для социума, в целом, или для его отдельных структур. Практика отмены – это конкретное действие, направленное на устранение не желаемого объекта из поля внимания воспринимающего субъекта.

П. Весперини, изучая историю возникновения культуры отмены, связывает ее с отрицанием западной культуры [12]. Он объединяет все процессы, в которых обществом формируется образ *внутреннего врага*.

История культуры отмены началась с письма студенток Колумбийского университета, в котором, проанализировав «Метаморфозы» Овидия, они выразили протест по поводу триггерных и провокационных утверждений, маргинализирующих убеждения учащихся. По мнению представителей, продвигающих культуру отмены, значимо отменять (устранять) из фокуса общественного внимания и из массового сознания любые истории или факты, связанные с темами насилия, угнетения, неравенства, сексизма.

Другим процессом, искажающим политическое восприятие, выступает механизм создания *постправды (post-truth)*. Практика создания постправды, как и сам термин, позаимствована из западных источников. Американский драматург С. Тесич в 1992 году опубликовал эссе о войне в Персидском заливе, где Тесич открыто указывал на то, что информационная политика правительства США включала искажение фактов, ведущее к сильнейшим общественным реакциям и необратимым последствиям.

Некоторые исследователи объясняют проблему постправды увеличением культурных тревог и утратой авторитетного образа прошлого и понятного настоящего. С. Каудэлл считает, что «Мы находимся в ситуации, которую бывший архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс окрестил «темной ночью разума» и «темной ночью памяти»» [13].

Оксфордский словарь фиксирует следующее определение термина пост-правда: «Пост-правда – обстоятельства, при которых объективные факты менее важны для формирования общественного мнения, нежели апелляция к эмоциям и собственной убежденности»³.

¹ Viral (англ.) – вирус.

² <https://t.me/s/itsrealllynot>.

³ Информация официального портала «РИА-новости» <https://ria.ru/20161116/1481498094.html>.

Суть постправды заключается не просто в создании фейковых новостей, но в создании таких версий, которые охотно воспринимаются читателями новостей и пользователями социальных сетей за точные факты. Важно, что постправда кажется правдой, потому что она более вирально подана. Виральный контент — это изначально вирусный контент, который правильно грамотно «упакован и подан» для релевантной аудитории. Пользователю нравится то, что подано ярче и находится на поверхности. Если воспринимающий субъект не обладает критическим мышлением, он не может отличить правду от неправды. Это значит, скорее всего, что для такого субъекта постправда будет более привлекательна с точки зрения простоты ее потребления.

Технология постправды достаточно проста: когда о чем-то говорят много и громко, большинство воспринимающих начинает прислушиваться, воспринимать, вовлекаться и в итоге верить, выдавать за истину то, что является созданной версией [14]. Особо важно, как постправда упакована. В создании политического контента важна экспертность высказанных мнений. В действительности вовремя найти политологов, которые согласятся комментировать политические события и нести ответственность за собственное мнение, очень непросто. Поэтому командой администраторов некоторых политических каналов создаются, выдумываются личности. В каналы постоянно «вбрасываются» экспертные комментарии от не существующего эксперта. Через какое-то время вымышленная экспертность принимается аудиторией, на комментарии появляются отклики и замечания. Позднее находится личность – политолог с такой же или похожей фамилией, который становится известным благодаря работе телеграм-каналов, он принимает случайную популярность, приписывает себе экспертное мнение и начинает существовать отдельно. Таким образом формируется постправда.

В интернет-пространстве «играет» большое количество участников. Тот, кто быстрее среагирует, лучше упакует информацию, сможет привлечь внимание большинства, завладеет политическим восприятием. Он будет вначале ленты, будет в топе. Это значит, что большое количество людей с разными интересами и мнениями увидят и услышат новости именно в том контексте и в том ракурсе, который будет выгоден для конкретного интерпретатора. Это значит, что такой интерпретатор будет владеть вниманием воспринимающих субъектов, сможет воздействовать на их политическое восприятие, которое приведет к изменению общих политических взглядов и политического поведения.

Постправда – это факт впечатлений, оставшихся после восприятия той или иной информации или тех или иных событий. Социальные сети и разные авторы предлагаемого в них контента по-разному интерпретируют одни и те же политические события.

2. Выделим еще один процесс, формирующий механизмы политического восприятия, обозначим его как **производство текстов под запрос заказчика**. Важно понять, каким образом создаются и существуют каналы, и кто на самом деле готовит и публикует посты.

В качестве исследовательского материала мы использовали публикации в Телеграм-каналах, непосредственно или опосредованно связанные с политикой. Отметим, что есть каналы, в которых поднимаются исключительно политические вопросы, есть каналы, в которых смешиваются темы культуры и шоубизнеса с политической проблематикой. Такое смешение можно обозначить в качестве нового тренда интернет-дискурса. Наблюдается рост заинтересованности пользователей к политическим темам.

В Телеграме достаточно распространены авторские каналы, информация в которых принадлежит одному автору, писателю или политику, на такой канал подписываются пользователи, в интересах которых понимание мнения конкретного человека. В таком канале тексты постов может писать сам автор или нанятый им персонал, а интерпретация поданной информации будет свидетельствовать о политическом восприятии автора. Также для монетизации канала владелец и автор может размещать рекламу или делать перепост публикаций из других каналов. Но удерживать аудиторию автор будет посредством собственной открытой политической позиции.

Однако, существует большое количество анонимных политических и развлекательно-политических каналов. У таких каналов есть владелец, имя которого не разглашается. Для организационных процессов в канале присутствуют несколько администраторов. Они продают слоты, то есть права на определенное количество публикаций заинтересованным лицам и следят за тем, чтобы в канал не попадали персонажи, события или явления, попадающие в блоки

(блок – это пост, который не может быть опубликован, он содержит информацию о человеке, явлении или событии, обсуждение которых запрещено владельцами канала). Слоты на разное количество публикаций могут выкупаться абсолютно разными заинтересованными лицами или организациями, иногда имеющими противоположные политические цели.

В телеграм-каналах обладатели слотов имеют возможность самостоятельно делать публикации или продавать публикации тем, кто в этом заинтересован. Каналы, публикующие политические новости или комментирующие политические события, имеют одни и те же инфоповоды. Однако одни и те же политические события по-разному и подаются, и интерпретируются в различных каналах.

Слоты, посты, каналы и целые сетки продаются и покупаются. В одном канале может транслироваться мнение огромного количества участников, имеют цель воздействовать на читающую аудиторию.

Выбирая подписку на тот или иной канал, пользователь не имеет никаких гарантий в том, что будет читать не виральный контент. И даже, если воспринимающий субъект допускает возможность фейковой информации, он не может знать кто, с какой целью, в каком масштабе, с какой повторяемостью публикует посты того или иного содержания. Выяснить это невозможно. Учитывая, что у каналов меняются администраторы, владельцы, те, кто выкупает слоты и заказчики, рассчитывающие на посты определенного контекста, то вполне логично предположить, что любой канал или любая канальная сетка это неразделимое смешение правдивой и ложной политической информации, поданной в определенном контексте, под конкретным углом, «подсвечивающим» то одну, то другую точку зрения на какой-либо вопрос.

3. В качестве процесса, адаптирующего политическую информацию для политического восприятия, стоит проанализировать **учет пользовательской активности**.

Важно, что весь медийный контент дифференцируется и предназначается для разной аудитории. Выделяют пассивного и активного потребителя информации. Пассивный потребитель политической информации – это пользователь, который отказывается самостоятельно анализировать и воспринимать информацию. Такому пользователю необходим интерпретатор, ему нужен прямой посыл, ретрансляция. Речь идет о массовом политическом восприятии, где большинство пользователей являются частью пассивной аудитории. Потому что не чувствуют в себе интеллектуальных и временных ресурсов для активной и осмысленной интерпретации политической информации. Пассивная позиция заключается либо в доверии контенту, который подан удобнее и проще, либо в отказе от восприятия (уверенности в том, что в сетях нельзя найти неискаженную информацию, а если интернет является единственным источником любой информации, значит нужно находиться в информационном вакууме).

Активная пользовательская позиция предполагает постоянную вовлеченность и анализ содержания воспринимаемого политического контента. Сопоставление предыдущих политических новостей с актуальными, оценка управленческих политических решений, нахождение взаимосвязей между происходящими событиями и связанными с ними политическими реакциями требует от воспринимающего субъекта погруженности в происходящее и личной заинтересованности. Активное политическое восприятие предполагает ответственность за выносимые суждения и возможность допущения ошибки в процессе политического восприятия. Активная позиция подразумевает то, что пользователь понимает, что на повестку могут выноситься различные вопросы – это также способ переключения внимания воспринимающей аудитории на конкретную политическую проблематику.

4. Считаю, что **постановка структурированных, многозадачных целей при создании публикаций** может считаться механизмом, искажающим политическое восприятие. Каждая публикация даже если она небольшая и содержит, к примеру, один политический инфоповод, в основе своей объединяет несколько коммуникативных целей.

Разнообразие подачи информации и оформления одних и тех же политических событий в разных Телеграм-каналах закономерно и объяснимо – это разнообразие отражает противоположность коммуникативных целей, которых пытаются добиться авторы предоставляемых материалов. Коммуникативную цель публикации можно разложить на несколько содержательных компонентов: 1) демонстрация политической позиции; 2) привлечение наибольшего количества

пользователей за счет количества и оригинальности публикаций; 3) личные задачи заказчиков публикаций; 4) монетизация канала посредством продвижения публикаций из других каналов, рекламы, привлечения новых «клиентов», то есть тех, кто выкупает слоты и публикации.

Предъявление политической позиции, демонстрируемой в канале, является инструментом первичного отбора аудитории. В канале остаются пользователи, чья политическая позиция в большинстве случаев совпадает с политической позицией авторов или заказчиков публикаций. Одна и та же новость в таких каналах подается под разным «соусом», то есть окружается разным контекстом, через который создается впечатление, получаемое при восприятии информации. Используя различные, экстра и интралингвистические, а также визуальные средства, авторы одобряют или осуждают политических субъектов, задействованных в обсуждаемых политических событиях.

Привлечение большего количества пользователей является одной из основных и постоянных задач владельцев, администраторов, заказчиков и авторов публикаций. Наибольшее количество пользователей повышает актуальность и популярность канала, что дает возможность заинтересованным лицам не просто монетизировать канал, но и воздействовать на общественное сознание посредством увеличения масштаба вовлеченных пользователей. Привлечение и удержание аудитории достигается при помощи различных средств, в том числе, это может быть оригинальность публикаций, быстро и понятно воспринимаемый текст, или текст, понимание которого говорит о посвященности пользователя и принадлежности к определенной политико-социальной группе (интеллектуальному интернет-сообществу, владеющему определенной терминологией и «понимающему процессы»).

Выводы

Можно с уверенностью говорить о некоторых тенденциях, которые отмечаются в информационном политическом дискурсе.

1) Несмотря на то, что в сети опубликован материал о том, как структурируются и функционируют социальные сети и Телеграм-каналы, в частности, к Телеграму сохраняется *доверие* как к каналу инсайдерской политической информации. Пользователь осознает, что есть скорость подачи и доставки информации, которую легко и удобно видеть и воспринимать.

2) Наиболее востребован удобный политический контент, который вызывает у пользователя, во-первых, любопытство и интерес, во-вторых, воспринимается как полезный, то есть как тот, который может быть использован с пользой. Поэтому главная тенденция в политическом медиапространстве – это создание удобных, простых для восприятия, но исключительно полезных (не развлекательных) политических контентов.

3) Ярко выражен тренд на «сжатый» и упорядоченный контент. Пользователь не имеет возможности полностью смотреть интервью, читать статью или отзыв. Воспринимающему субъекту хочется видеть исключительно сжатую, но при этом всю значимую политическую информацию – самую суть. При этом такая информация должна быть упорядочена, а не просто хаотично выброшена в сеть.

4) Создание авторского политического контента. Несмотря на то, что российской политическое восприятие персонифицировано, то есть ассоциируется в сознании граждан с конкретными медиа персонами, политиками, лидерами, в социальных сетях авторство выражено слабо. Политические новости и мнения подаются как факты, утверждается, что что-то произошло или фиксируется чье-то обобщенное экспертное мнение. Пользователям не хватает персоналий по вопросам интерпретации воспринимаемого. Видна тенденция к созданию авторского политического контента, в котором конкретный автор или группа авторов будет открыто выражать свое мнение. Открытость подразумевает действительные имя и фамилию, осязаемость политической позиции и взглядов, принятие ответственности за свои слова и тот материал, который подается и интерпретируется. Пользователю важно иметь возможность в процессе публичного диалога задать оппоненту вопрос, предъявить претензию. Авторские каналы с четко выраженной авторской позицией, отсутствием публикаций, созданных ботами, возможностью открытого диалога становятся ярко выраженным трендом современных социальных сетей.

5) Не сформированным, но очень важным в актуальных политических реалиях развивающимся трендом становится тренд на невозможность купить блогера или заказать контент.

Для воспринимающих субъектов первостепенно важным становится осознание позиции конкретных людей и исключение возможности «заказных» мнений, позиций.

6) Интеграция в развлекательный контент политической информации. Появление каналов с разнообразным и противоречивым содержанием, где смешиваются политические новости, аналитика и сплетни, слухи, непроверенная информация, также можно определить в качестве тренда.

7) Глобальный тренд – это формирование индивидуального информационного поля, в котором человек находится и в котором воспринимает, в том числе, и политическую действительность. Определяется круг каналов (в широком значении - не только Телеграм-каналов, но любых информационных каналов), частью которых становится воспринимающий субъект. Основа таких предпочтений – это доверие к источникам или авторам. Выбранные каналы формируют специфику политического сознания и восприятия субъекта.

Можно констатировать своеобразие и специфичность политического дискурса в медиапространстве, а также многообразие процессов, которые объединяются в механизмы, искажающие политическое восприятие пользователей и управляют их политическим сознанием. Публицистика априори предполагает воздействие на аудиторию, однако интернет-пространство действительно открывает свободу слова для соприкосновения различных политических точек зрения. На политическое восприятие пользователей сети оказывается воздействия честными и манипулятивными способами. Важно, что читатель, выбирая канал, на который он подписывается и воздействие которого начинает испытывать, не полностью анализирует те причины, которые определяют его предпочтения. Такие причины находятся не только в зоне политического сознания, но также затрагивают бессознательную зону и глубинную зону коллективного подсознания.

Список источников

1. Котлярова О. В. Политическое восприятие в историко-философской концепции // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 158–164. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-158-164>. EDN KZQYXC
2. Слудников П. С., Ларина Т. И. Государственный контроль сегмента сети «Интернет» // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 6. С. 133–136. EDN: CXDOXG
3. Agarova E. A., Grishechko E. G. Censorship as a factor of information warfare // Russian Linguistic Bulletin. 2016. № 3 (7). С. 43–44.
4. Швец Н. Информационные войны: цели и составляющие информационной борьбы, виды информационных атак // Университетская жизнь: Журнал МГУТУ им. К.Г. Разумовского. 2016. № 3. С. 32–33.
5. Современный словарь иностранных слов Л. П. Крысин. <https://gramota.ru> [электронный источник].
6. Nukezhanova S. S., Dyusembekova M. K., Mayorova B. M. Political myth design as a technology for mass consciousness manipulation // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2023. № 2 (143). С. 94–100.
7. Рогозин А. Ю. Прагматическая составляющая манипуляции при взаимодействии политического и спортивного дискурсов в политических текстах // Современные гуманитарные исследования. 2020. № 3 (94). С. 32–34.
8. Агабекян Р. К. Дискурсивные поля в популярных политических телеграм-каналах в период СВО / В книге: Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск. Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием. М., 2023. С. 26–27.
9. Болдина К. А. Проблема формулирования дефиниции «Телеграм-журналистика» в контексте развития Российского медиаполя // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 2. С. 149–156.
10. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. 1536 с. <https://gramota.ru> [электронный источник].
11. G. Lukianoff, J. Haidt. The Coddling of the American Mind. How Good Intentions and Bad Ideas are Setting Up a Generation for Failure. New York, 2018. 352 p. ISBN 978-0735224896.

12. Весперини П. Переписывая прошлое: Как культура отмены мешает строить будущее. М.: Альпина Паблишер, 2025. 214 с. ISBN 978-5-9614-8622-3.
13. Кауделл С. Рене Жирар, нигилизм постправды и эскалация насильственной неразличимости // Логос. 2024. Т. 34. № 3. С. 123–146.
14. Мовчан А. Россия в эпоху постправды. М.: Альпина паблишер, 2019. 596 с.

References

1. Kotlyarova O. V. Political perception in the historical and philosophical concept. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):158–164. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-158-164>. EDN KZQYXC
2. Sludnikov P. S., Larinina T. I. State control of the Internet segment. *Current issues of the modern economy*. 2022;(6):133–136. (In Russ.)
3. Agapova E. A., Grishechko E. G. Censorship as a factor of information warfare. *Russian Linguistic Bulletin*. 2016;3(7):43–44.
4. Shvets N. Information wars: goals and components of information warfare, types of information attacks. *University life: Journal of MGUTU named after K.G. Razumovsky*. 2016;(3):32–33. (In Russ.)
5. *Modern dictionary of foreign words by L. P. Krysin*. Available from: <https://gramota.ru> [electronic source].
6. Nukezhanova S. S., Dyusembekova M. K., Mayorova B. M. Political myth design as a technology for mass consciousness manipulation. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Political Sciences. Regional studies. Oriental studies. Turkology*. 2023;2(143):94–100.
7. Rogozin A. Yu. The pragmatic component of manipulation in the interaction of political and sports discourses in political texts. *Modern humanitarian research*. 2020;3(94):32–34.1. (In Russ.)
8. Aghabekyan R. K. Discursive fields in popular political telegram channels during the period of freedom. In: *Political Science in a Changing World: new practices and theoretical search. materials of the All-Russian RAPN Conference with international participation*. Moscow; 2023:26–27. (In Russ.)
9. Boldina K. A. The problem of formulating the definition of "Telegram journalism" in the context of the development of the Russian media field. *Bulletin of Philological Sciences*. 2024;4(2):149–156. (In Russ.)
10. Kuznetsov S. A. *The Great Explanatory Dictionary of the Russian language*. Author's edition, 2000. 1536 p. Available from: <https://gramota.ru> [electronic source]. (In Russ.)
11. G. Lukianoff, J. Haidt. *The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas are Setting Up a Generation for Failure*. New York; 2018. 352 p. ISBN 978-0735224896.
12. Vesperini P. *Rewriting the past: How the culture of cancellation prevents building the future*. Moscow: Alpina Publisher; 2025. 214 p. ISBN 978-5-9614-8622-3. (In Russ.)
13. Cowdell S. Rene Girard, the nihilism of post-truth and the escalation of violent indistinguishability. *Logos*. 2024;34(3):123–146. (In Russ.)
14. Movchan A. *Russia in the post-truth era*. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 596 p. (In Russ.)

Информация об авторе

О. В. Котлярова – доцент, кандидат филологических наук, доцент сектора реализации национальных программ и федеральных проектов центра дополнительного образования Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС.

Information about the author

O. V. Kotlyarova – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Sector for the implementation of national programs and federal projects at the Center for Additional Education of the South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 04.03.2025.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 03.03.2025; accepted for publication 04.03.2025.

Политическая культура властной элиты России в условиях общественно-исторической трансформации

Николай Николаевич Седых

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
sedychnikolaj@yandex.ru

Аннотация

Введение. Аналитические исследования политических процессов возможно являются наиболее очевидной альтернативной процедурой, с помощью которой можно изучать политическую культуру современных правящих элит. Особую актуальность данная проблематика приобретает в отношении РФ, которая находится в сложных геополитических условиях, и правящий класс вынужден принимать нестандартные решения и реагировать на современные вызовы. Также немаловажным является тот факт, что нынешняя российская политическая система пережила существенные трансформации за последние 30 лет, осуществив переход от институциональных фрагментов советского государства, творчески адаптировавшись к современным технологическим и культурным условиям.

Цель. Изучить особенности политической культуры властной элиты России в условиях общественно-исторической трансформации. Анализ включает в себя исторические вехи СССР, его распад и современный этап.

Методы исследования: анализ, историко-сравнительный метод, систематизация, обобщение, группировка, абстрагирование.

Результаты. В рамках проведенного исследования было установлено, что в условиях общественно-исторической трансформации политическая культура властной элиты России имеет определенные черты и элементы преемственности. На фоне этого выделены отличительные свойства политической культуры правящей верхушки в Советском Союзе, к числу которых относятся: ориентация на сильный центр, формирование конфликтной среды во власти при одновременном умении находить политический компромисс, продвижение и поддержка наиболее рациональных кадров. В то же время события последних лет, активное противостояние с Западом наделили политическую культуру новыми характеристиками, в частности, популяризация и ориентация на нелиберальное мировоззрение, которое подчеркивает вероломство западных элит, важность культурных традиций и сопротивление леволиберальным политическим программам. Также акцентировано внимание на том, что сегодня идеология является не единственной и отнюдь не основной, как это было ранее, детерминантой, определяющей мотивы поведения политической элиты. Факторами, объясняющими принятие решений, являются соображения власти, экономическая динамика, в некоторых случаях личные устремления.

Выводы. Полученные в статье результаты позволяют продолжить комплексное изучение процесса формирования политической элиты в России в контексте электоральных движений, определить особенности реализации демократической модели развития правящего класса в стране и факторы, тормозящие этот процесс.

Ключевые слова: политическая элита, Россия, политическая культура, политическая система, идеология, кадры, решения, мировоззрение, компромисс, власть

Для цитирования: Седых Н. Н. Политическая культура властной элиты России в условиях общественно-исторической трансформации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 196–203. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-196-203>. EDN VSCXHQ

Original article

Political culture of the Russian power elite in the conditions of socio-historical transformation

Nikolay N. Sedykh

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
sedychnikolaj@yandex.ru

Abstract

Introduction. Analytical studies of political processes are perhaps the most obvious alternative procedure by which to study the political culture of modern ruling elites. This problematic is of particular relevance in relation to the Russian Federation, which is in complex geopolitical conditions and the ruling class is forced to make decisions and respond to contemporary challenges. Also important is the fact that the current Russian political system has undergone significant transformations over the past 30 years, having made the transition from the institutional fragments of the Soviet state, creatively adapting to modern technological and cultural conditions.

Purpose. To study the peculiarities of the political culture of the power elite of Russia in the conditions of socio-historical transformation. The analysis includes the historical milestones of the USSR, its collapse and the modern stage.

Methods: analysis, historical-comparative method, systematisation, generalisation, grouping, abstraction.

Results. Within the framework of the conducted research it was established that in the conditions of socio-historical transformation the political culture of the power elite of Russia has certain features and elements of continuity. Against this background, the distinctive features of the political culture of the ruling elite in the Soviet Union have been highlighted, which include: orientation towards a strong center, formation of a conflict environment in power while being able to find a political compromise, promotion and support of the most rational personnel. At the same time, the events of recent years, active confrontation with the West have endowed political culture with new characteristics, in particular, the popularization of and orientation towards an illiberal worldview that emphasizes the perfidy of Western elites, the importance of cultural traditions and resistance to left-liberal political programs. It is also emphasized that today ideology is not the only and by no means the main determinant, as it used to be, of the motives behind the behaviour of the political elite. The factors explaining decision-making are power considerations, economic dynamics, and in some cases personal aspirations.

Conclusions. The results obtained in this article will make it possible to continue a comprehensive study of the process of formation of the political elite in Russia in the context of electoral movements, to determine the features of the implementation of the democratic model of development of the ruling class in the country and the factors inhibiting this process.

Keywords: political elite, Russia, political culture, political system, ideology, cadres, decisions, worldview, compromise, authority

For citation: Sedykh N. N. Political culture of the Russian power elite in the conditions of socio-historical transformation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):196–203. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-196-203>. EDN VSCXHQ

Введение

Такие эпохальные события как крупные войны, крах империй и падение могущественных режимов формируют новые исторические эпохи. Распад СССР представляет собой как раз такую смену эпох, которая затрагивает не только тех, кто был непосредственно связан с предыдущим советским доминированием, но также имеет большое значение для анализа направлений формирования посткоммунистической политической культуры среди элит новых государств, изучения особенностей того, как она формируется под влиянием прошлого наследия и новых политических видений, а также осознания последствий, которые имеют элитные ориентации для постсоветских стран [1].

Особую актуальность данная проблематика имеет для России, которая на современном этапе столкнулась со сменой поколений в руководстве и рядом серьезных экономических,

демографических и социально-политических вызовов. События, которые происходят на протяжении последних нескольких лет в мировом масштабе, и в которых непосредственно принимает участие Россия, ее действия, политические меры, реализуемые программы и продвигаемые инициативы, удивляют большинство западных наблюдателей. Все решения правящей элиты страны наряду с другими действиями и заявлениями свидетельствуют о том, что в основе внешней и внутренней политики РФ лежат определенные концептуальные предположения. Эти предположения, в свою очередь, являются выражением особой политической культуры российской элиты и основаны на установках, которые существенно отличаются от установок лиц, принимающих решения во многих западных странах.

Pateman С. в своем исследовании парламентских депутатов в Великобритании и Италии утверждает, что убеждения элиты представляют собой важные элементы политической культуры страны, направляют политические действия и формируют основу политической системы. Политолог считает, что в посткоммунистической России давние традиции элитного правления были просто продолжены (хотя и не обязательно «старыми» элитами) в условиях новых и слабых институтов, что создало правовую и институциональную неопределенность [2]. По мнению, Baylis Т. в таких условиях личности, принадлежащие к элите, могут играть необычайно заметную роль в политической жизни страны [3].

С начала 2010-х гг. ученые отмечают изменение идеологической динамики в России, характеризующееся все более жестким и заметным сочетанием геополитического антизападничества, социального традиционализма, культурного консерватизма и национально-цивилизационного подхода. Эти изменения, инициированные в первую очередь элитами страны, часто называют российской версией «контрлиберализма», появившейся как реакция на восприятие агрессивной, левоцентристской идеологической повестки, исходящей от Запада, которая, как считается, направлена на подрыв российского режима, разделение населения и поддержание глобальной военной, культурной и экономической гегемонии США и Европейского союза.

Выяснение установок элит и того, насколько они однородны, позволяет лучше понять их политическую психологию и дает некоторые подсказки о том, почему либеральная политика ельцинских реформаторов оказалась столь неустойчивым экспериментом, в то время как нынешняя администрация, очевидно, оказалась более успешной в установлении довольно уникального российского режима.

Таким образом, исследование фундаментальных установок политической элиты России, изменение ее ценностных ориентаций позволит составить правильную интерпретацию преобладающих ориентиров правящего класса страны и очертить политический консенсус относительно будущего пути России, что и предопределило выбор темы данной статьи.

Цель статьи заключается в рассмотрении особенностей политической культуры властной элиты России в условиях общественно-исторической трансформации.

Материалы и методы

Вопросы о том, насколько значима политическая культура элиты по сравнению с другими факторами воздействия для объяснения смены режима и (не)стабильности, рассматривают в своих трудах Минеев А. И., Васильев Н. С., Щипцова А. В., Фадеева Л. А., Seb Rumsby, Ying Diao, Peter Van Aelst.

Исследованию политической культуры властных элит во времена Советского Союза посвятили свои труды Тартыгашева Г. В., Сидорова Г. П., Кищенко М. С., Никифоров Ю. С., Тумаков Д. В., Андреев А. Л., Андреев И. А.

Попытки выявить и описать различия между кремлевским руководством и другими лидерами в парламентских органах, чиновниками и региональными руководителями в периоды существования СССР и современной России, предпринимают Демидов В. П., Мохоров Д. А., Мохорова А.Ю., Старостина И. А., Кислицын С. А., Черкасова Т. П., Кондратенко Е. Н.

Отдельные аспекты, связанные с объяснением причин возникновения конфликтов в политической верхушке России, которые появлялись в основном из-за расхождений между установками национальных и региональных элит и политическими целями кремлевских лидеров, описывают Завирихин Д. В., Мартынова А. И., Деева Н. В., Семкина Е. Н., Богатырева О. В., Зайцев Н. Н.

В то же время, несмотря на имеющиеся труды и наработки, ряд аспектов анализируемой проблемы все еще недостаточно изучены. Заслуживают дополнительного внимания, например, вопросы критериев соотнесения тех или иных групп с элитой, определение показателей уровня политической культуры. Крайне фрагментарно и не системно изучен вопрос профессионально-качественных характеристик субъектов - носителей власти в России в различные исторические периоды. В более детальном обосновании нуждаются особенности посткоммунистической политики реформ, основанной на стратегии контроля сверху, которая не предусматривает широкого участия или консенсуса между всеми затронутыми интересами, или компромисса.

Методы исследования: анализ, историко-сравнительный метод, систематизация, обобщение, группировка, абстрагирование.

Результаты

Политическая культура – это набор ориентиров, убеждений и настроений, которые придают порядок и смысл политическому процессу, а также обеспечивают базовые предположения и правила, регулирующие поведение в политической системе [4]. Другими словами, речь идет об установках, лежащих в основе и влияющих на решения, принимаемые политическими акторами, даже если эти установки не определяют их решения полностью или абсолютно в каждом случае.

В рамках проводимого исследования будем рассматривать особенности политической культуры властной элиты России, начиная с советских времен и до настоящего момента. К властной элите России принадлежат президент, депутаты Государственной Думы и Совета Федерации, руководители министерств, ведомств, государственных предприятий, политические и административные лидеры регионов.

Ученые и эксперты утверждают, что на протяжении своей 1000-летней истории Россия прошла уникальную политическую траекторию. Огромные размеры страны и уязвимость перед иностранными нападениями привели к тому, что возникло высокоцентрализованное государство, которое было ориентировано на добычу ресурсов для поддержания мощной армии, это в результате позволило создать крупнейшую в мире империю. Анализируя политическую культуру России, эксперты утверждают, что на фоне такого исторического прошлого в ней больше преемственности, чем изменений, и в этом наследии есть две составляющие: первая – многовековой опыт самодержавного царского правления, вторая – природа советского режима [5].

Известный российский экономист Владислав Иноземцев, по мнению автора, весьма справедливо отмечает, что тот, кто предпринимает попытки понять действия российских политиков, «должен забыть или отложить в сторону привычные и укоренившиеся нормы, которые прижились и отражают текущую действительность в демократических странах» [6]. При этом следует акцентировать внимание на том, что его замечания имеют отношение не только к различиям между современными авторитарными и демократическими режимами, но и к последствиям исторического опыта, сформировавшего Россию как феодальное царство и как социалистическое государство (в виде СССР), а также в качестве сверхдержавы в период «холодной войны». Это отчетливо доказывает тот факт, что любая попытка спроецировать свои собственные убеждения и взгляды непосредственно на других может быть особенно ошибочной в отношении России.

Политическая культура правящей элиты во времена СССР в большинстве своем основывалась на этике партийной номенклатуры, которая в достаточно жесткой форме проводила политику индифферентизации политико-морального сознания населения. Кроме того, КПСС выработала свою внутреннюю партийную культуру, которая базировалась на регламентированных принципах. Например, в Санкт-Петербурге, во времена Жданова, помимо уставных норм, имели место разные этические кодексы поведения членов партии: они не могли купить дорогую недвижимость или вещи, рабочему партаппарата не разрешено было появляться в ресторане. В те времена значительное распространение получил социальный и политический патернализм, то есть понимание государственной власти как «родной и родительской», призванной осуществлять авторитарную, а при необходимости и принудительную заботу о трудящихся.

Сама элита была унитарной по качественному составу кадров, закрытой относительно подходов формирования и ценностным ориентациям. Помимо этого, ее отличительными чертами были монополия по идеологическим установкам и конфронтация по стратегии и тактике идейно-политической борьбы [7]. Для представителей правящей верхушки характерным являлась видимость идеологического единства и практическая изолированность от других слоев общества, круговая порука и карьеризм.

Советские лидеры и элиты, которые находились у власти и управляли системой, прилагали все усилия, чтобы поддерживать ее в стабильном состоянии. В данном контексте можно отметить, что если и была какая-то одна ценность, которая доминировала в умах и мыслях советского истеблишмента от самого высокого до самого низкого уровня, то это ценность порядка. Если и был какой-то один страх, который довлел и был сильнее всех остальных, то это страх беспорядка, фрагментации, хаоса и потери контроля. Этот страх привел к тому, что в СССР на тот момент существовала самая обширная в мире полицейская государственная машина, которая черпала свою главную силу не столько из масштабов реальных карательных действий, сколько из чрезвычайного внимания, уделяемого превентивным мерам против любой формы социальных отклонений, усилиям, поддерживаемым миллионами информаторов [8–9].

Это страх перед переменами, характерный для политической культуры властных элит в СССР, перешел и даже более – усилился у современных представителей власти в России. Политическая элита испытывает глубокий страх перед нестабильностью и имеет устойчивую убежденность в том, что нет ничего хуже революции в виде радикальных и насильственных политических изменений. Любой политический режим лучше, чем его крах. Также преобладает страх перед переменами, основанный на предположении, что перемены скорее приведут к ухудшению положения правящего класса, чем к его улучшению. Это сочетается с отношением к западным демократическим механизмам как неэффективным, выгодным для маргинальных политических активистов и скорее порождающих хаос, чем прагматичные решения [10–11]. Такое отношение усиливается воспоминаниями о начале 1990-х годов, когда разрушение советской системы в сочетании с неудачными экономическими реформами привели к потрясениям и экзистенциальной незащищенности власти.

Помимо отмеченного выше, из числа отличительных свойств политической культуры властной элиты СССР можно выделить следующие.

1. Ориентация на сильный центр, который способен выступать не только в качестве социального арбитра, но и задавать тон, основные контуры и механизмы всем проводимым в стране преобразованиям.

2. Трансформация взаимоотношений между правящими элитными группами в наиболее конфликтную среду в обществе при одновременной способности этих групп культивировать навыки прагматизма, находить политический компромисс и договариваться, когда общество переживало сложные и кризисные моменты и нуждалось в жесткой политической воле.

3. Продвижение на верхушку правящей элиты людей, которые были максимально рациональными, лучше понимали и выражали современные проблемы. В результате таких культурных установок наблюдалось постепенное превращение высших органов компартии в собрание профессиональных номенклатурных партфункционеров, которое со временем эволюционировало в направлении парламентской организации. В пользу этого факта свидетельствуют такие характерные черты, присущие парламентской ассоциации, как разработка стратегии и тактики политического поведения своих представителей в органах государственной власти [12].

Обсуждение

Бурная история, которую пережила Россия на рубеже XX–XXI вв. сформировала сложную институциональную мозаику политической культуры современных элит, которая представляет себе гибрид старого и нового, сочетающий советские и постсоветские элементы. После падения власти КПСС, распада Советского Союза, партийная элита в целом еще некоторое время оставалась основным носителем политической культуры и сознания. Однако с приходом к власти В. В. Путина ситуация изменилась, и к партийным функционерам добавились промышленные и силовые блоки.

Россия 1990-х гг. демонстрировала разнообразные патологии нестабильного общества с раздробленной элитой. Большинство институтов, в которые была встроена политическая элита, внезапно рухнули, а идеологический клей, который удерживал правящую верхушку вместе, растворился. Старый советский «общественный договор» между государством и обществом – лояльность масс в обмен на экономическую и политическую безопасность – также распался. Экономика сократилась наполовину, принесла лишения и неопределенность миллионам простых россиян [13].

Отличительная черта властных структур ориентироваться на центр в некоторой степени осталась, и данная установка поддерживается жесткими механизмами президентской вертикали. В тоже время, хотя в условиях текущего политического режима в России элиты можно рассматривать как правящий класс, их власть и способность принимать решения относительно ограничены. Им разрешено конкурировать за различные ресурсы, но они вынуждены следовать набору развивающихся формальных и неформальных правил, а также признавать авторитет президента, который позиционируется как высший арбитр и носитель власти в политической системе. Масштабы их влияния также зависят от того, к какой элитной группе они принадлежат. Изменения, внесенные в Конституцию России позволяют зафиксировать факт постепенного становления новой политической культуры, основанной на коллективном принятии решений. Это порождает появление нового страха перед ослаблением централизованной власти в результате внутренней конкуренции и/или появления слабых лидеров [14].

Также следует обратить внимание на тот факт, что подавляющее большинство новых экономических и политических лидеров России после распада Советского Союза были на поколение моложе своих предшественников и занимали довольно незначительные позиции в советской карьерной иерархии. Конечно, советская сеть местных связей помогла им начать свое дело в первые годы переходного периода, но основная часть их богатства и политического влияния была накоплена благодаря их предпринимательской активности с того момента.

Еще одной отличительной чертой современной политической культуры правящей верхушки в РФ является популяризация и ориентация на нелиберальное мировоззрение, подчеркивающее вероломство западных элит, важность культурных традиций и сопротивление леволиберальным политическим программам, а также цивилизационное осмысление глобальных проблем. Сегодня этот дискурс довольно часто можно встретить в риторике и аргументации российских элит [15]. Также внимания заслуживает тот факт, что для современных политических элит в России идеология является не единственным и отнюдь не основным, как это было ранее, фактором, определяющим мотивы поведения. В зависимости от школы мышления в области международных отношений, можно наблюдать, что соображения власти, экономическая динамика или даже личные устремления являются основными объясняющими факторами принятия решения. Что касается внутренней политики, то при любом изменении обстоятельств будут действовать и другие факторы.

Таким образом, по мнению автора, для того, чтобы понять текущие особенности политической культуры властной элиты России и направления ее развития необходимо учитывать развитие контрлиберализма как мировоззрения, которое все больше доминирует в дискуссиях на высоком уровне и определяет их контуры. Понимание того, как мыслят российские элиты (и того, как они должны обосновывать свои аргументы), необходимо для получения полной аналитической картины политики страны. Хотя Россия может быть закрытым режимом, находящимся на чрезвычайном положении военного времени, ее внутренние политические дебаты нельзя сбрасывать со счетов и следует серьезно относиться к российскому контрлиберализму. Поскольку он представляет собой уже не просто политический трюк сверху, а часть новой политической культуры страны.

И в завершение проводимого исследования, в таблице 1 представлены результаты умозрительного сравнения трансформации отечественной властной элиты в условиях перехода от СССР к современной России с использованием критериев, отражающих состояние политической культуры в целом.

Таблица 1 – Сравнительный анализ трансформации политической элиты с советского периода до сегодняшнего дня

Table 1 – Comparative analysis of the transformation of the political elite from the Soviet period to the present day

Показатель	Оценка
Политическая и моральная ответственность	0 (-)
Идеологическая (программная) основа деятельности	0 (↓)
Консолидированность элит	0 (↓)
Легитимность деятельности	0 (↓)
Конструктивные методы выхода из конфликтных ситуаций	0 (↑)
Уровень политической миграции	0 (↑)
Положительное отношение к критике	0 (↑)
Уровень речевой коммуникации и поведения	0 (↑)
Четкость распределения полномочий	0 (↑)
Демократические пути рекрутирования	1 (-)

Заключение

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, можно отметить, что формирование политической культуры властной элиты — это длительный и непрерывный процесс, качественные характеристики которого зависят от многих составляющих.

Результаты проведенного анализа, позволяют сделать вывод, что в условиях общественно-исторической трансформации политическая культура властной элиты России характеризуется определенными элементами преемственности. В центре внимания данного исследования находятся главным образом модели элитных ориентаций и поведения, а также то, как они формируются и каковы их последствия для политической стабильности и развития государства. Поведение и трансформация российской элиты в историческом контексте и различных областях, проанализированных в данной статье, показывает, что сохранение контроля над ситуацией, будь то в международных отношениях или во внутреннем российском контексте, имеет огромное значение. В тоже время, отечественная политическая элита в процессе трансформации не оставалась одной и той же группой. Она менялась: и структурно, и функционально, и идеологически. Каждая часть элиты пыталась влиять на центры власти, находившиеся в динамике; каждая из них предпринимала попытки стать самостоятельным центром власти в сфере своих, определенных законом полномочий.

Вместе с тем, следует отметить, что события последних лет, активное противостояние с Западом наделили политическую культуру новыми чертами и характеристиками, исследование которых составляет актуальную научно-практическую задачу.

Список источников

1. Вашакидзе Б. В. Анализ и характеристика политической культуры современной России и образа власти в глазах россиян // Интернаука. 2022. № 1-2 (224). С. 35-36.
2. Щупленков Н. О. Социально-культурный аспект политической культуры // Культура Мира. 2022. Т. 10. № 29 (4). С. 119-130.
3. Скиперских А. В. Иерархии власти: политический стиль в современной России // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2023. № 2. С. 53-60.
4. Карпова Н. В. Устойчивое развитие современной России в контексте политико-культурных оснований // Теория и практика общественного развития. 2023. № 10 (186). С. 85-92.
5. Фурман Т. Г. Политическая элита России: некоторые аспекты развития // Евразийский юридический журнал. 2023. № 12 (187). С. 452-454.
6. Меркулова Ю. А. Структура политических элит в современной России // Научный Лидер. 2023. № 25 (123). С. 42-43.
7. Smirnov O. A., Abramov N. R. Models of transformation of political elites: possibilities of application in Russia // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. № 6А. С. 67-72.
8. Крицкая А. А., Меликян А. Г. Цифровизация и причины реформации методов формирования элит в политическом пространстве современной России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 10 (149). С. 134-139.
9. Любавина В. В. Условия формирования современной политической элиты России и США // Научный аспект. 2024. Т. 2. № 7. С. 178-191.

10. Ермолаева А. Методологические подходы в оценке эффективности политических элит в современной России // *Nauka.me*. 2021. № 3. С. 8-18.
11. Егорова Е. А. Как обновляется современная региональная политическая элита России? // *Человек. Социум. Общество*. 2023. № 2. С. 74-78.
12. Бреслав В. О. Политические партии как часть политической элиты России в начале XX века // *Nauka.me*. 2023. № 1. С. 1-7.
13. Любавина В. В. Сравнительный анализ характера рекрутирования современной политической элиты России и США // *Научный аспект*. 2024. Т. 11. № 8. С. 1344-1349.
14. Ларихин А. В. Национальная идея современной России в дискурсе политической элиты // *Вопросы политологии*. 2024. № 6. С. 2030-2038.
15. Шевченко О. М., Штофер Л. Л. Роль политической элиты в обеспечении национальной безопасности государства: Россия VS Запад // *Гуманитарий Юга России*. 2024. Т. 13. № 5. С. 133-144.

References

1. Vashakidze B. V. Analysis and characteristics of the political culture of modern Russia and the image of power in the eyes of Russians. *Internauka*. 2022;1-2(224): 35-36. (In Russ.)
2. Shchuplenkov N. O. Socio-cultural aspect of political culture. *Culture of the World*. 2022;29(4):119-130. (In Russ.)
3. Skiperskikh A. V. Hierarchies of power: political style in modern Russia. *Political conceptology: journal of metadisciplinary research*. 2023;(2):53-60. (In Russ.)
4. Karpova N. V. Sustainable development of modern Russia in the context of political and cultural foundations. *Theory and practice of social development*. 2023;10(186):85-92. (In Russ.)
5. Furman T. G. Political elite of Russia: some aspects of development. *Eurasian Law Journal*. 2023;12(187):452-454. (In Russ.)
6. Merkulova Yu. A. Structure of political elites in modern Russia. *Scientific Leader*. 2023;25 (123):42-43. (In Russ.)
7. Smirnov O. A., Abramov N. R. Models of transformation of political elites: possibilities of application in Russia. *Theories and problems of political research*. 2021;6A:67-72. (In Russ.)
8. Kritskaya A. A., Melikyan A. G. Digitalization and reasons for the reformation of methods of elite formation in the political space of modern Russia. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2022;10 (149): 134-139. (In Russ.)
9. Lyubavina V. V. Conditions for the formation of the modern political elite of Russia and the USA. *Scientific aspect*. 2024;(7):178-191. (In Russ.)
10. Ermolaeva A. Methodological approaches to assessing the effectiveness of political elites in modern Russia. *Nauka.me*. 2021;(3):8-18. (In Russ.)
11. Egorova E. A. How is the modern regional political elite of Russia being updated? *Man. Society. Obshchestvo*. 2023;(2):74-78. (In Russ.)
12. Breslav V. O. Political parties as part of the political elite of Russia at the beginning of the 20th century. *Nauka.me*. 2023;(1):1-7. (In Russ.)
13. Lyubavina V. V. Comparative analysis of the nature of recruitment of the modern political elite of Russia and the USA. *Scientific aspect*. 2024;(8):1344-1349. (In Russ.)
14. Larikhin A. V. National idea of modern Russia in the discourse of the political elite. *Questions of political science*. 2024;6(106):2030-2038. (In Russ.)
15. Shevchenko O. M., Shtofer L. L. The Role of the Political Elite in Ensuring National Security of the State: Russia VS the West. *Humanitarian of the South of Russia*. 2024;(5):133-144. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. Н. Седых – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Information about the author

N. N. Sedykh – Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025; одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

The article was submitted 23.01.2025; approved after reviewing 28.02.2025; accepted for publication 03.03.2025.

Маргинальность и девиантность: теоретико-методологические и аксиологические аспекты проблемы

Константин Владимирович Степанов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, kstepanov@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Исследование посвящено актуальной проблеме изучения феноменов маргинальности и девиантности в современном обществе. В условиях интенсивных социальных трансформаций, политических и экономических изменений и кризиса традиционных институтов социализации наблюдается рост различных форм социального отчуждения и девиантного поведения, что требует глубокого теоретического и аксиологического осмысления. В контексте социального пространства реальности эпохи постмодерна это вызывает особый интерес в связи с тем, что смысловое наполнение понятия «маргинальности» изменяется. Критическую значимость приобретает изучение взаимосвязи процессов маргинализации и девиации как индикаторов социального неблагополучия и дисфункции механизмов социальной интеграции.

Цель. Комплексный анализ теоретико-методологических и аксиологических аспектов проблемы маргинальности и девиантности.

Материалы и методы. Методы исследования базируются на междисциплинарном подходе, включающем социально-философский, социологический и политологический анализ. Используются методы теоретического обобщения, сравнительного анализа, а также анализ эмпирических данных проводимых социологических исследований.

Результаты. В современном обществе маргинальность становится универсальной тенденцией отчуждения, проявляющейся как на личностном, так и групповом уровнях. Выявлена дуалистическая природа маргинальности, которая может проявляться как форме позитивных девиаций (инновационный и лидерский потенциал), так и негативных (деструктивное поведение). Установлено, что в условиях глобализации и размывания социокультурных границ происходит трансформация традиционного понимания маргинальности.

Выводы. На различных уровнях – от теоретических разработок до практической социальной политики и повседневной жизни – необходимо принимать во внимание двойственную природу маргинальности. Это означает, что наряду с традиционными методами изоляции маргинальных элементов важно развивать различные программы их социальной и психологической адаптации, укрепляя общенациональное единство. Такой комплексный подход позволит найти баланс между минимизацией рисков и негативных последствий девиантного поведения и использованием позитивного потенциала маргинальности, которая может быть источником инновационного мышления, новых форм лидерства и прорывных социальных изменений.

Ключевые слова: маргинальность, девиантность, социальная эксклюзия, инклюзия, глобализация, глокализация, социокультурные границы, идентичность, социальная адаптация, позитивные девиации, негативные девиации

Для цитирования: Степанов К. В. Маргинальность и девиантность: теоретико-методологические и аксиологические аспекты проблемы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 204–210. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-204-210>. EDN XPZURY

Original article

Marginality and deviance: theoretical, methodological and axiological aspects of the problem

Konstantin V. Stepanov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, kstepanov@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The study is devoted to the urgent problem of studying the phenomena of marginality and deviance in modern society. In the context of intense social transformations, political and economic changes and the crisis of traditional institutions of socialization, there is an increase in various forms of social exclusion and deviant behavior, which requires deep theoretical and axiological understanding. In the context of the social space of postmodern reality, this is of particular interest due to the fact that the semantic content of the concept of "marginality" is changing. The study of the relationship between the processes of marginalization and deviation as indicators of social disadvantage and the dysfunction of social integration mechanisms is of critical importance.

Purpose. A comprehensive analysis of the theoretical, methodological and axiological aspects of the problem of marginality and deviance.

Materials and methods. The research methods are based on an interdisciplinary approach, including socio-philosophical, sociological and political analysis. The methods of theoretical generalization, comparative analysis, as well as the analysis of empirical data from ongoing sociological research are used.

Results. In modern society, marginality is becoming a universal trend of alienation, manifested at both the personal and group levels. The dualistic nature of marginality is revealed, which can manifest itself in the form of positive deviations (innovation and leadership potential) and negative ones (destructive behavior). It has been established that in the context of globalization and the blurring of socio-cultural boundaries, the traditional understanding of marginality is being transformed.

Conclusions. At various levels, from theoretical developments to practical social policy and everyday life, it is necessary to take into account the dual nature of marginality. This means that along with traditional methods of isolating marginalized elements, it is important to develop various programs for their social and psychological adaptation, strengthening national unity. Such an integrated approach will allow us to find a balance between minimizing the risks and negative consequences of deviant behavior and using the positive potential of marginality, which can be a source of innovative thinking, new forms of leadership and breakthrough social changes.

Keywords: marginality, deviance, social exclusion, inclusion, globalization, glocalization, socio-cultural boundaries, identity, social adaptation, positive deviations, negative deviations

For citation: Stepanov K. V. Marginality and deviance: theoretical, methodological and axiological aspects of the problem. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):204–210. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-204-210>. EDN XPZURY

Введение

Активизация в современном гуманитарном знании проблем маргинальности и девиантности связана, прежде всего, с интенсивной трансформацией современного контекста реальности, в котором остро обозначилась тема социальных, культурных, политических, психологических и т.д. границ. С одной стороны - это означает, что границы стали подвижными, неопределенными, прозрачными в связи с процессами глобализации материальных, виртуальных, символических пространств, постиндустриализации социальных порядков бытия, в которых наблюдается постоянная переконфигурация коммуникативных сетей, акторов, паттернов глобального мира. Это вызывает многообразные проблемы, связанные с социализацией, социальной адаптацией, формированием идентичности постиндустриального мира и человека на основании четко заданных в определенных границах парадигм, образцов, норм предыдущих эпох и традиций. В этой связи девиации, как отклонения от норм определенных социумов и культур становятся новой нормой, универсальным принципом существования и развития сложных живых самоорганизующихся в глобальном масштабе систем, и, вместе с маргинальностью, требует комплексного исследования. Следовательно, **целью** исследования является глубокий теоретический

и аксиологический анализ маргинальности и девиантности как ключевых характеристик современной социальной реальности.

Согласимся, с С.Д. Пожарским и Ж. Бобером в том, что «в современных условиях сверхскоростных глобальных изменений социокультурного эволюционирования нашей цивилизации как нельзя лучше подходит суть понятия маргинальность» [1, с. 162]. В данных условиях глобально распространяется новый тип идентичности, который можно назвать «неоднозначной», «амбивалентной», «лабильной» идентичностью, которая опирается на подвижные, неопределенные границы. Как отмечает С. Баньковская: «Граница в движении – это и есть основной социальный фактор, который образует маргинальный слой и который дает нам повод говорить о том, что маргинал не всегда вопреки мнению классиков – это более цивилизованное, более предрасположенное к изменениям, восприимчивое ко всему новому существо. Порой маргинал выступает в качестве консерватора, который защищает бывшие, прежние границы, от которых зависит его идентичность. Он не хочет целиком и полностью идентифицировать себя с новыми образованиями, включаться в новые границы»¹. Здесь девиации носят глобальный характер как отклонение от нормы конкретной социокультурной цивилизационной матрицы, но вместе с тем, парадоксальный характер, поскольку в современных глобальных пространствах идентификация возможна как на базе практически любой культурной традиции, так и на основе нивелирования конкретики социокультурных матриц – некоторой «космополитичной» универсальности. В этом случае определение маргинальности акцентируется на нахождении индивида и общества в некотором трансграничном, переходном неопределенном состоянии, в котором он уже не является представителем одного сообщества, но еще не стал представителем другого.

Следовательно, мы предполагаем, что в современных условиях маргинальность трансформируется из феномена социального исключения в универсальную характеристику социальной реальности, при этом ее проявления носят амбивалентный характер: с одной стороны, маргинальность может выступать источником социальных преобразований, с другой – порождать деструктивные формы девиантного поведения и общественной дезинтеграции. Степень реализации позитивного или негативного потенциала маргинальности определяется совокупностью социокультурных, политических, экономических и институциональных факторов конкретного общества.

Материалы и методы

Методологическая установка такова, что акцент ставится не на исследовании субстанциональных свойств и качеств субъектов и акторов, материальных, виртуальных, символических пространств, а на исследовании характера связей между ними, исследовании процессов переходности, трансгрессии, эмерджентных свойств и состояний, параметров бифуркации социокультурных систем. С аксиологической точки зрения глобализация и виртуализация социокультурных пространств ведет к девиациям, связанным с феноменами аномии, безнормия, неопределенности и трансгрессии морально-нравственных границ, девальвации традиционных ценностей. Принцип неопределенности и принцип относительности, таким образом, способствуют размыванию моральных границ человеческой личности, поддерживают политику «двойных стандартов», которая является девиацией морального сознания.

Важно подчеркнуть, что постмодернистская философия и идеология способствовали легитимации маргинальности как естественного состояния трансгрессивных индивидов. При этом концепт «ризомы» утвердился в качестве ключевого методологического принципа для исследования интерсубъективной реальности, которая непрерывно конструируется и воспроизводится в процессах коммуникации, нарративного осмысления и множественных интерпретаций [2]. Постмодернистское мышление и междисциплинарный подход, необходимый в его рамках, признают динамическую природу социальной реальности, где границы между центром и периферией становятся все более размытыми, а маргинальные позиции превращаются в источник новых смыслов социокультурных практик.

¹ Баньковская Светлана. 7 фактов об изучении чужака и границ в обществе. FAQ: Социология маргинальности – все самое интересное на ПостНауке [сайт]. – URL: <https://postnauka.org/faq/4124> (дата обращения: 26. 01. 2025).

Ключевой теоретико-методологической базой здесь является спектр работ ведущих представителей постмодернистской философии: Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяра, М. Фуко. Кроме того, проанализированы современные научные публикации по проблематике маргинальности в социокультурном пространстве постмодерна.

С другой стороны, в современных социокультурных пространствах происходят обратные процессы, связанные с глокализацией, с процессами государствообразования, социально-политической и культурной идентификации на основании традиционных ценностей, инварианта цивилизационной матрицы, которая исторически присуща конкретному социуму, народу, региону. Для этого в рамках исследования необходима отдельная оценка изучаемой проблемы с точки зрения философской рефлексии, социологического и политологического анализа.

Результаты

Классически в социологии маргинальность интерпретируется как негативная девиация, связанная с утратой национальной идентичности, принадлежности к определенному социокультурному сообществу и т.д. Человек перестает быть носителем определенного социокультурного кода. Он не может являться патриотом «никакой» страны, а поэтому маркируется с социально-политической точки зрения как «чужой», «странный», «враждебный», «опасный» [3], а потому подлежит контролю, аккультурации, ассимиляции, депортации или даже уничтожению как враг.

В обыденной речи, на уровне массового сознания маргинальность связана «с негативными коннотациями, отсылающими к понятию «эксклюзии» – недостаточного участия или полной исключенности из какого бы то ни было вида социальных институтов – экономических, политических, культурных, институтов семьи, соседской общины, религиозной и т. д. Его называют по-разному, и характеристики маргинала варьируют от самых враждебных и подозрительных («люмпены», «изгой», «бродяги», «люди без корней») до вполне нейтральных, формальных или даже сочувственных («мигранты», «апатриды», «беженцы», «изгнанники», «соотечественники»)¹. Немаловажно также, что маргиналы с точки зрения представителей определенной культуры являются «некультурными», «варварами», «дикарями» и т.д.

Согласно результатам опроса ВЦИОМ на тему «культурности» среди россиян: «В отличие от наделенного моральными качествами культурного человека некультурный человек высокомерен, не уважает других, лжец, скандалист, нахал. По мнению наших сограждан, некультурные люди могут вести асоциальный образ жизни, употреблять алкоголь, нарушать закон. Если современный культурный человек – патриот, то некультурный, напротив, не уважает свою Родину, его нельзя назвать преданным стране. В целом за десять лет представления россиян о культурном и некультурном человеке мало изменились, но некоторые аспекты стали менее значимыми. Уменьшилась доля считающих важными чертами культурного человека грамотность и культуру речи. При этом появился новый компонент – патриотизм: любовь к Родине и знание истории своей страны становятся важными аспектами образа культурного человека»². Здесь следует отметить, что некультурный человек в общественном сознании современной России, фактически подтвержденном социологией – это маргинал, человек – носитель негативных девиаций, связанных с отсутствием у него четкой социально-политической идентичности, отражающей традиционные ценности, главной их которых на современном этапе выступает любовь к Родине – патриотизм.

Следует отметить, что с одной стороны, маргинал как «чужой» является девиацией по отношению к действующей культурной норме и, тем не менее, может при этом выступать как позитивно-девиантная личность, которая эту норму творчески преобразовывает.

Поскольку маргиналы не связаны жестко с определенными социокультурными традициями и парадигмами они нередко являются носителями нестандартного творческого мышления,

¹ Баньковская Светлана. 7 фактов об изучении чужака и границ в обществе. FAQ: Социология маргинальности – все самое интересное на ПостНауке [сайт]. – URL: <https://postnauka.org/faq/4124> (дата обращения: 26. 01. 2025).

² ВЦИОМ. Новости: Культурный человек: вчера и сегодня. [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kulturnyi-chelovek-vchera-i-segodnja> (дата обращения: 26. 01. 2025).

инновационного посыла, который конструктивно преобразовывает существующую действительность. А, с другой стороны, маргинал как негативно-девиантная личность – это разрушитель, который несет в обществе энергию хаоса, протеста, конфликта, поэтому общество резонно маркирует его как опасный элемент, сопровождает эмоциями недоверия и практиками остракизма.

В первом случае, маргинал, благодаря своему амбивалентному позиционированию на границе существующей нормы и за ее пределами, выступает как носитель альтернативного видения и знания, выходящего за существующую парадигму. В этом смысле маргиналами являются ученые, которые находятся на передовых рубежах науки и способны на научные инновации, которые открывают принципиально новые горизонты познания по отношению к существующим парадигмам. Здесь выходящий за границы известного инновационный посыл маргинала может проявляется в междисциплинарной и трансдисциплинарной ориентации ученого. Это возможно так же в случае, когда специалист в определенной области науки выходит на принципиально новый уровень обобщения результатов специализированного познания, покидая таким образом границы специальных наук и обосновывая философские общенаучные концепции познания и развития. Здесь маргинал оказывается не только аутсайдером, который покидает границы определенного и известного, пересекая предел, но и личностью, способной объединить существующие границы, раздвинуть и продвинуть их в целях утверждения новых рубежей и пределов. Можно согласиться с тем, что «создание позитивного образа лидера-маргинала в науке, его конкретизация на основании примеров из истории и современности может дополнительно мотивировать работу над указанными условиями, благоприятными не только для научного межджмента, но и для самого научного сообщества» [4, с. 47].

Маргиналами, позитивно-девиантными личностями, являются так же трансформационные лидеры, в том числе политические деятели, которые способны в ситуации неопределенности и кризиса предложить обществу принципиально новый путь развития на основании видения альтернатив и стратегических перспектив.

Обсуждение

Принимая во внимание изменившийся социально-политический и геополитический контекст, связанный с агрессивной политикой Запада в отношении России, «отменой» русской культуры и стратегическим курсом страны на построение государства-локальной цивилизации, результаты опроса ВЦИОМ можно интерпретировать как актуальную тенденцию на интерпретацию маргинальности как негативной девиации, поляризацию общественного сознания по линии «свой-чужой». Это, в свою очередь, можно классифицировать как девиацию «репрессивного сознания», которое ориентировано на исключение из социального и морального поля «чужих», маркировку их как опасных, подлежащих контролю и репрессиям.

Согласимся, что в современном мире на фоне противостояния парадигм глобализации и глокализации, цивилизаций Запада и Востока, национальной и космополитичной идентичности и т.д. «исключенных» (стран и групп населения) из активной экономической, политической, социальной, культурной деятельности становится все больше. Разрыв между «включенными» и «исключенными» все глубже» [5, с. 9]. Соответственно общество и гуманитарные науки вынуждены реагировать на данную ситуацию расширяя поле нормальности или, наоборот, выстраивая систему демаркации «своих» и «чужих», «нормальных» и «ненормальных» по социально-политическим, культурным, психологическим т.д. критериям.

Следует отметить, что в политическом аспекте маргиналами являются субъекты, которые исключены из политической системы, то есть они не принимают политических решений, не принадлежат к властным кругам, не делают политических выборов. Это, прежде всего, «не граждане» страны, которые находятся на ее территории, но не имеют гражданских прав, связанных с возможностью принимать участие в политических выборах, определять политический курс страны, избираться во власть и т.д. Вместе с тем, «не граждане» – трудовые мигранты без гражданства, экспаты, представители диаспор, иммигранты и т.д. могут оказывать и оказывают существенное культурное влияние на регион своего пребывания, поскольку они привносят в культурный контекст страны пребывания собственные паттерны поведения, коммуникации, ценности, традиции и т.д. – собственные нормы, определяющие их поведение и оценки поведения других. Принимая во внимание, что «не граждане» могут вступать в отношения с гражданами,

в том числе вступать с ними в законный брак, они так или иначе влияют на демографическую, этническую, культурную определенность страны.

Таким образом, политические маргиналы являются акторами социально-политических процессов, оказывающими косвенное влияние на политическую обстановку. Особенно это характерно для ситуаций, когда возникают социальные конфликты, связанные, например, с трудовыми мигрантами, негативно-девиантным поведением, оскорбляющим социальные и религиозные чувства местного населения. Вместе с тем, даже туристы, длительно проживавшие на территории страны, экспаты, которые не проявляют должного уважения к ее традициям и социальным нормам, например, не соблюдают «дресс-код» в общественных и религиозных местах, оказывают негативное влияние на общественное сознание и оценки «чужих». В результате правительство стремится изолировать маргиналов, определяя своеобразные резервации, на территориях которых они могут проявлять свою «исключительность», не нанося ущерб местному населению. Для туристов, например, существуют территории отелей и специальных пляжей, на которых негативные девиации поведения, например, ненормированное употребление алкоголя, непотребный внешний вид, сексуальная распушенность и т.д. является своеобразной нормой, ограниченной в пространстве и времени.

«Погружая политических маргиналов в контекст политической психологии, следует выделять следующие их типы: 1. Квазимаргинал. Его психологическое состояние: быть особенным, но при этом старательно пытаться стать частью системы. Изменять систему и изменяться самому. 2. Супермаргинал-трансформатор и ригидный супермаргинал. Супермаргинал-трансформатор готов изменять систему, но не готов изменяться сам. Ригидный супермаргинал не готов ни изменяться, ни изменять систему. Ему комфортно существовать в своей параллельной реальности» [6, с. 308]. В идейно-теоретической и идеологической плоскости это означает, что маргиналы могут выступать источниками позитивных и негативных девиаций в обществе, становиться частью системы или вносить в нее диссонанс. В контексте либеральной идеологии хаос, который олицетворяют собой маргиналы может быть квалифицирован как аспект проявления свободы личности. В контексте консервативной идеологии и коллективистского сознания, ориентированного, прежде всего на коллективное «мы», маргинальная личность интерпретируется как угроза системе безопасности общества и его традиционным устоям.

Выводы

Маргинал в силу своей амбивалентной позиции по отношению к социокультурной и политической системе, границам известного, нормального и дозволенного олицетворяет одновременно культурный контакт и конфликт, он выступает как социокультурный «гибрид», который обладает некой «надкультурной» третьей позицией «из ниоткуда». Соответственно он может, в зависимости от потенциала личности и параметров внешней среды реализовать конструктивно или деструктивно свой потенциал в качестве позитивно-девиантной или негативно-девиантной личности.

Согласимся, что «чужак» – носитель и олицетворение неопределенности в социальном устройстве, «фермент» его изменчивости, «вызов» его упорядоченности и устойчивости, свидетельство его подвижности. Этим определяются и его основные социальные качества – свобода, объективность, абстрактность, опасность. Именно поэтому «чужак» находится в особых отношениях с границами, упорядочивающими и определяющими общество» [7].

Следует так же отметить, что в современном обществе, на фоне процессов размывания и трансформации социокультурных границ, гибридизации и смешения реальностей, маргинальность становится общей тенденцией отчуждения, которая многообразно проявляется на уровне личности и социума. Соответственно, на теоретико-методологическом, социально-политическом и обыденном уровне следует учитывать этот факт, разрабатывая и интегрируя в действительность не только репрессивные практики изоляции маргиналов, но и практики социально-психологической адаптации, формирования общенациональной идентичности, чтобы уравновесить возможный вред, который наносят негативно-девиантные личности и группы и тот возможный инновационный и лидерский потенциал, который также имеет в своём основании феномен маргинальности.

Список источников

1. Пожарский С. Д., Бобер Ж. Маргинальность в исследовании системы развития / Системный анализ в проектировании и управлении. В 3 ч. Ч. 1: сб. научных трудов XXIV Междунар. науч. и учебно-практич. конф. СПб.: Изд-во Политех-Пресс, 2020. doi:10.18720/SPBPU/2/id20-120. С. 160-177.
2. Аверина М. В. Эвристические возможности концепции маргинальности в объяснении современных глоболокальных процессов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. №4 (853). С. 107–113.
3. Алмазов Б. Н. Маргиналы: пособие по психологии социального отчуждения для реальных психологов. М.: Флинта, 2024. 176 с. ISBN 978-5-91256-076-7.
4. Шиповалова Л. В. Маргинальность и лидерство в науке // Социология науки и технологий. 2018. № 4. С. 39–51.
5. Гилинский Я. Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире». Сборник статей. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. – 352 с. ISBN 978-5-905966-04-0.
6. Вафин А. М. Политическая маргинальность: психология и идеология // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. №4 (21). С. 307–310.
7. Баньковская С. П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности / Под общ. ред. А. Ф. Филиппова, В. М. Камнева. СПб.: Владимир Даль, 2023. – URL: <https://publications.hse.ru/books/822780716> (дата обращения: 26. 01. 2025).

Refereneces

1. Pozharsky S. D., Beaver J. Marginality in the study of the development system. In: *System analysis in design and management. At 3 parts. Vol. 1: collection of scientific papers of the XXIV International Scientific and Educational Conference*. St. Petersburg: Publishing House of Polytechnic Press; 2020:160-177. doi:10.18720/SPBPU/2/id20-120. (In Russ.)
2. Averina M. V. Heuristic possibilities of the concept of marginality in explaining modern Globolocal processes. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 2023;4(853):107–113. (In Russ.)
3. Almazov B. N. *Marginals: a handbook on the psychology of social exclusion for real psychologists*. Moscow: Flint; 2024. 176 p. ISBN 978-5-91256-076-7. (In Russ.)
4. Shipovalova L. V. Marginality and leadership in science. *Sociology of Science and Technology*. 2018;(4):39–51. (In Russ.)
5. Gilinsky Ya. *Deviance, crime and social control in the "new world"*. Collection of articles. St. Petersburg: Alef-Press Publishing House; 2012. 352 p. ISBN 978-5-905966-04-0. (In Russ.)
6. Vafin A. M. Political marginality: psychology and ideology. *Azimuth of Scientific Research: economics and Management*. 2017;4(21):307–310. (In Russ.)
7. Bankovskaya S. P. *Strangers and borders. Research on the sociology of marginality*. Under the general editorship of A. F. Filippov, V. M. Kamnev. St. Petersburg: Vladimir Dahl; 2023. Available from: <https://publications.hse.ru/books/822780716> (Accessed 26 January 2025). (In Russ.)

Информация об авторе

К. В. Степанов – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЮФУ.

Information about the author

K. V. Stepanov – Cand. Sci. (Jurid.), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminology of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 04.03.2025.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 03.03.2025; accepted for publication 04.03.2025.

Образ 90-х гг. в представлениях различных поколений: по материалам социологического исследования

Андрей Васильевич Тупаев

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
avtupaev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0263-4053>

Аннотация

Введение. В силу сложившейся геополитической обстановки и политической повестки в современном общественном дискурсе происходит конструирование самодостаточности культурно-цивилизационной модели российского государства в мировоззрении россиян. Данный процесс предполагает наличие закрепленных в коллективной памяти образов и оценок ключевых исторических событий. Актуальность в контексте нашего исследования обусловлена возможностью деконтекстации образа 90-х гг. из современного российского дискурса, а также в определении его места в мировоззрении различных поколений как одного из ключевых периодов прошлого.

Цель. На основе полученных социологических данных проанализировать образ 90-х гг. в поколенческих группах «X», «Y» и «Z».

Теоретические основы. Методологическая рамка включает в себя четыре основных компонента. Во-первых, теории коллективной памяти и социального забвения как элементов конструирования реальности. Во-вторых, когнитивно-ценностная структура мировоззрения россиянина: конструкт анализа различных компонентов мировоззрения, в нашем случае образа 90-х гг. Третья составляющая представлена теорией поколений, в соответствии с которой индивиды причисляют себя к той или иной социальной группе (поколению) на основании репрезентации о совокупности схожих качеств, определенных при помощи самокатегоризации. В-четвертых, морфологический анализ, который позволит провести деконтекстацию девяностых как отдельного элемента политического дискурса.

Результаты и выводы. Статья освещает некоторые *результаты* социологических исследований, проведенных в 2024 г. в рамках реализации проекта: «Культурные универсалии в мировоззренческой парадигме современного российского общества: поколенческое и региональное измерения». Основным предметом для анализа послужили транскрибированные данные, полученные в результате проведенных фокус-групп. Основываясь на проработанных материалах, возможно сделать следующие *выводы* о периоде 1990-х гг.: во-первых, определяется респондентами как один из ключевых пунктов, через который происходит обоснование легитимности существующего политического порядка, во-вторых, имеет достаточно противоречивый образ, что замедляет процесс конструирования и закрепления доминирующих представлений в коллективной памяти, в-третьих, продолжает оставаться предметом символической борьбы в политике и культуре, вследствие чего в российском обществе параллельно существуют противоположные оценки одних и тех же исторических событий, в-четвертых, в российском обществе сформирован устойчивый интерес к периоду 90-х гг., что влечет за собой коммерциализацию образа и эксплуатацию ностальгических переживаний.

Ключевые слова: девяностые, мировоззрение, культурные универсалии, поколения, политический дискурс, поколение «X», поколение «Y», поколение «Z», ценности, когнитивно-ценностная структура, легитимность, политические идеологии, коллективная память

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках гранта ЭИСИ № FENW-2024-0024 по теме: «Культурные универсалии в мировоззренческой парадигме современного российского общества: поколенческое и региональное измерения».

Для цитирования: Тупаев А. В. Образ 90-х гг. в представлениях различных поколений: по материалам социологического исследования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 211–218. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-211-218>. EDN YFEVIE

The image of the 90s in the representations of different generations: based on the materials of a sociological study

Andrey V. Tupaev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
avtupaev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0263-4053>

Abstract

Introduction. Due to the current geopolitical situation and the political agenda in modern public discourse, the self-sufficiency of the cultural and civilizational model of the Russian state is being constructed in the worldview of Russians. This process presupposes the presence of images and assessments of key historical events fixed in the collective memory. The relevance in the context of our research is due to the possibility of deconstructing the image of the 90s from modern Russian discourse, as well as determining its place in the worldview of various generations as one of the key periods of the past.

Purpose. Based on the obtained sociological data, to analyze the image of the 90s in the generational groups "X", "Y" and "Z".

Theoretical foundations. The methodological framework includes four main components. First, the theory of collective memory and social oblivion as elements of the construction of reality. Secondly, the cognitive-value structure of the Russian's worldview: a construct for analyzing various components of the worldview, in our case, the image of the 90s. The third component is represented by the theory of generations, according to which individuals identify themselves as belonging to a particular social group (generation) based on a representation of a set of similar qualities determined by self-categorization. Fourth, a morphological analysis that will allow for the decontamination of the nineties as a separate element of political discourse.

Results and conclusions. The article highlights some of the results of sociological research conducted in 2024 as part of the project: "Cultural universals in the worldview paradigm of modern Russian society: generational and regional dimensions." The main subject of the analysis was the transcribed data obtained as a result of the conducted focus groups. Based on the materials studied, it is possible to draw the following conclusions about the period of the 1990s: firstly, it is identified by respondents as one of the key points through which the legitimacy of the existing political order is justified, secondly, it has a rather contradictory image, which slows down the process of constructing and consolidating dominant ideas in collective memory, thirdly, continues to be the subject of a symbolic struggle in politics and culture, as a result of which opposite assessments exist in parallel in Russian society, Fourthly, Russian society has developed a steady interest in the period of the 90s, which entails the commercialization of the image and the exploitation of nostalgic experiences.

Keywords: nineties, worldview, cultural universals, generations, political discourse, generation «X», generation «Y», generation «Z», values, cognitive value structure, legitimacy, political ideologies, collective memory

Acknowledgments: The publication was prepared within the framework of the EISI grant No. FENW-2024-0024 on the topic: "Cultural universals in the worldview paradigm of modern Russian society: generational and regional dimensions".

For citation: Tupaev A. V. The image of the 90s in the representations of different generations: based on the materials of a sociological study. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):211–218. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-211-218>. EDN YFEVIE

Введение

Обращение к образу «лихих девяностых» – времени слабого российского государства как во внутренней, так и в международной политике, своеобразной национальной трагедии, институционального и экономического кризиса в противопоставлении современному состоянию российского общества, зачастую используется властью для формирования и легитимизации политических решений, возможно, это следующий пункт по значимости для консолидации общества после образа Победы в Великой Отечественной войне. Данный способ соотнесения прошлого и настоящего не является каким-то новым приемом объяснения социального порядка, так, советская власть постоянно делала отсылки, сравнивая достижения коммунистического строя с социально-экономическим состоянием Российской империи в 1913 г., демократические силы,

констатируя свои успехи, ориентировались на поздний период существования СССР с присущей ему экономическим кризисом и дискредитированной идеологией.

О том, что образ 90-х гг. как один из элементов политики памяти претерпевает перманентные корректировки не для того, чтобы приобрести устоявшийся формат, а с целью поддержки образа в актуальном состоянии и использования в дискурсе, свидетельствует присутствие темы в пространстве массмедиа. Популярность относительно недавно вышедших фильмов «Слово пацана. Кровь на асфальте»¹ и «Лихие»² демонстрирует неувядающий интерес в обществе к существовавшим социальным практикам конца 80-х – начала 90-х годов, что свидетельствует о процессе конструирования памяти в широком спектре – от высказываний первых лиц государства до телевизионных сериалов и модных трендов одежды. Подтверждается интерес к периоду «лихих девяностых» и рядом современных социологических исследований несмотря на то, что для двух третей россиян этот период связан с тяжелыми воспоминаниями³ [1–3].

Целью нашего исследования является выявление доступных для анализа характеристик образа 90-х в сознании поколенческих групп «миллениалов» и «Z» посредством интервьюирования участников фокус-групп.

Таким образом, девяностые продолжают наполняться новыми смыслами в процессе проявления различных дискурсов, производных от двух ключевых нарративов, с одной стороны, как периода непопулярных реформ, криминализации общества и «слабого» государства, а, с другой стороны, как времени обретения исторически небывалых до этого свобод и гражданских прав. Наиболее доминирующий механизм создания смысловых конструкций коллективной памяти в отношении девяностых годов можно представить следующим образом: государственная власть продуцирует дискурс, отношение, конкретные образы и оценки, а СМИ превращают предлагаемые формы в дискурс для обоснования принимаемых политических решений и легитимации политического порядка.

Теоретические основы

В контексте наших рассуждений об исследовании образа 90-х гг. в двух поколенческих группах определимся с методологическим инструментарием, условно можно выделить три направления. Начнем с исследовательской концепции, предложенной О.Ю. Малиновой, в рамках которой раскрывается анализ репрезентаций образа девяностых в дискурсе власти, и выделяется четыре элемента конструирования коллективной памяти [4, 5] с учетом российской специфики. Во-первых, критическая оценка проводимой политики и ее результатов, что позволяет закрепить образ неэффективного политического управления, поставить под сомнение демократические преобразования и выбор пути развития страны. Во-вторых, закрепление ряда символов эпохи, которые приобрели универсальное содержание и ретроспективно отражаются в сознании граждан России различных поколений. В-третьих, воспроизводство риторики, направленной на создание образа популистской политики, несбывшихся надежд и невыполненных обещаний. В-четвертых, формирование нарративов, связывающих события нулевых годов в процесс формирования крепкой модели государственной власти [4, с. 53–54].

Важен и следующий теоретический контекст в силу того, что 90-е преимущественно обладают негативным образом в современном российском обществе, вместе с тем происходит трансляция негативизма и забвения на конкретные исторические события, которые имеют такие устоявшиеся положительные процессы, как деидеологизация, свобода творчества, политическая конкуренция и формирование демократического нарратива, данный процесс может свидетельствовать о добровольной социальной амнезии [6]. С. П. Поцелуев отмечает, что амнестические эффекты относительно прошлого проявляют поколенческие характеристики, в связи с чем можно представить, что поколения обладают собственной оценкой исторических событий. Более того, если следовать заключениям Х. Арендт, каждое поколение имеет право на пересмотр

¹ «Слово пацана. Кровь на асфальте» (реж. Жора Крыжовников, 2023).

² «Лихие» (реж. Юрий Быков, 2024).

³ См. Россия удивляет: пять эпох в российском общественном мнении (1987–2017) [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-udivlyaet-pyat-epoch-v-rossijskom-obshhestvennom-mnenii-1987-2017> (дата обращения: 15.01.2025).

исторических событий и формирование приемлемой для себя модели памяти о прошлом [7–8]. В этом контексте методологическим потенциалом обладает вся концепция коллективной памяти, предложенная социологом М. Хальбваксом [9], которая рассматривает интерпретацию прошлого не как «механическую» совокупность индивидуальных воспоминаний, а как продукт нарративов, мифов и символов, которые воспроизводятся при помощи социальных практик, политического процесса и общественных институтов.

Использование следующего методологического компонента обусловлено тем, что образ 90-х является одним из политизированных элементов российского мировоззрения, что затрудняет проработку, не позволяет сформировать доминирующие оценки в обществе и закончить с конструированием данного исторического периода. Обильному мифотворчеству также способствуют современные политические события, глобальная коммуникация, конкуренция способов работы с информацией, разнообразие идеологических карт. По мнению М. С. Константинова [10], если подвергнуть деполитизации константы российского мировоззрения, используя методологию когнитивно-идеологического подхода, то это позволит, во-первых, очертить именно базовые константы, которые доминируют в российском обществе, во-вторых, возможно выявить наиболее востребованные ценностные, мировоззренческие и идеологические ориентиры индивида, описать контуры базисной платформы и отправную точку интерпретации социальных процессов и принципов социализации. На основании представленных положений возможно провести своего рода ревизию образа 90-х, деполитизировать и снизить манипулятивный эффект, вывести исторический период из биполярной системы оценивания. Это может способствовать лучшему пониманию взаимодействия различных мировоззренческих парадигм, предвидеть антагонистические кризисы, более качественно работать над механизмами политической и социальной коммуникации, также позволит детальней увидеть расклад ценностей в мировоззренческой картине мира современных россиян.

Учитывая обстоятельства современного политического процесса и постоянно возрастающее взаимодействие информационных, идеологических и мировоззренческих установок на сознание индивидов в российском обществе, образ эпохи последнего десятилетия прошлого столетия не теряет актуальности, становится объектом различных научных исследований. Одним из таких исследований выступает анализ мировоззренческих установок группового сознания россиян в поколенческом аспекте, что позволило выявить ряд когнитивно-ценностных установок, в том числе и в отношении к эпохе девяностых.

Результаты и обсуждение

Всероссийское репрезентативное исследование мировоззрения россиян было проведено в октябре–декабре 2023 г., с результатами которого можно ознакомиться в изданной монографии [2]. Одной из целей исследования являлось выявление мировоззренческих моделей различных поколений россиян (возрастные группы: 18–24, 25–39, 40–59 и 60+ лет) посредством саморепрезентации. Методологическими основаниями для анализа социальных данных послужил механизм самокатегоризации и определения метод констант, на основании которых индивиды определяют себя как члены той или иной социальной группы, учитывая групповую совокупность социальных качеств, а также разработан конструкт анализа мировоззренческих моделей на основании таких концептов, как когнитивный механизм самокатегоризации поколения, аксиологические доминанты, поколенческое мировоззрение [2, с. 5–6]. Полученные результаты продемонстрировали наличие некоторого количества установок и инвариантных ценностей для россиян вне зависимости от возраста и региональной специфики.

В 2024 г. исследование было продолжено в рамках проекта «Культурные универсалии в мировоззренческой парадигме современного российского общества: поколенческое и региональное измерения», фокус исследования сместился в сторону анализа культурных констант мировоззренческих моделей, передающихся от поколения к поколению, что позволяет сформулировать культурно-ценностные предпочтения россиян, их динамику в контексте взаимодействия поколений. Целью исследования выступает уточнение и адаптация к социокультурной динамике ключевых когнитивно-ценностных констант российской цивилизации. Актуальность, во-первых, обусловлена и тем, что запрос на осознание цивилизационной самобытности России

культивируется властью, это проявляется и в стратегии национальной безопасности, государственной молодежной политики, общественно-политическом дискурсе, трансформации системы образования. Во-вторых, определение цивилизационных констант способствует формированию социокультурного пространства, в рамках которого выстраиваются нравственные, культурные, материальные и правовые ценности общества.

Методами сбора эмпирической информации выступали анкетирование и классический тип фокус-групп из 10–15 человек продолжительностью 95–120 минут, проведенные с каждой поколенческой группой. Процесс группового интервьюирования выстраивался согласно тематическим блокам, определенных в гайде: первый блок заключался в выявлении основных характеристик поколений в контексте их собственных представлений о себе и других поколениях. Второй блок выявлял основные характеристики понимания справедливости в возрастной группе. Третий блок вопросов касался проблематики лояльности восприятия внутри группы и между группами. Четвертый блок выявлял признание авторитета и уважение к власти. Пятый блок заключался в определении отношения к морали и праведности.

Анализ групповых интервью показывает, что конструирование образа 90-х захватывает более обширный спектр исторических событий, который включает в себя трансформацию в рамках перестройки, развала СССР, возникновения демократической России, кризиса политической власти 1993 г. и сопутствующих экономических реформ.

«Зумеры» нашей страны – это первое поколение, полностью рожденное в Российской Федерации, границы очерчиваются периодом с 1997 по 2012 гг., хотя в поколенческой теории существуют споры о смещении поздних лет рождения «миллениалов» на ещё более поздний период, но в фокус-группе были индивиды от 18 до 24 лет. В целом респонденты выделяют 90-е как одно из ключевых событий, повлиявших на поколения «Y» и «X», однако сами же ощущают меньшую зависимость от тех событий.

На вопрос о том, как определяет поколение «Z» поколение «миллениалов», было высказано двоякое мнение: с одной стороны, 90-е годы активно повлияли на рост разочарованности, запутанности и непонимания обстановки, с другой стороны, тяжёлый период 90-х годов сделал из поколения «Y» крайне стойких, выносливых и сильных людей. Отметим, что поколение «зумеров» не является свидетелем происходивших событий; их коллективная поколенческая память сформирована на основании сконструированного образа без индивидуальных воспоминаний. Отсюда и доминирующие суждения о периоде «лихих девяностых», которые преимущественно сформированы институтами образования, политическим дискурсом и средствами массовой информации.

Определенно значимым событием для поколения «Y» является распад СССР и возникшие последствия. *«Нашему поколению досталось все: даже изменение государственного строя»* (фокус-группа поколения «Y», Ж.2). Вот еще позиция: *«Поздний советский период проблематизирован сильно, Союз распался – это было неправильно, процедуры были незаконные и то, что получилось потом. 90-е годы – это не то, как государство должно трансформироваться хорошим образом. Мы хотели построить капиталистическое будущее и что-то построили, но те моменты, которые были в СССР, их сейчас нет»* (фокус-группа поколения «Y», М.3).

Однако поколение «Y» имеет определенные особенности, которые необходимо учитывать при проведении анализа, это связано с тем, что возрастной спектр представлен 25 – 39 годами, то есть самые старшие в этой группе родились в СССР и их мировоззренческое становление приходилось на переломное время начала и середины 90-х, когда страна прошла через кризисы, криминал, идеологическую турбулентность, демократизацию, поэтому они ментально более близки к представителям поколения «X». А рожденные в конце 90-х, младшие в этой группе, мировоззренчески сформировались в России 2000-х гг., где существовали устойчивые политические тренды. Вот высказывание более старших представителей группы: *«Первое событие, которое, мне кажется, в нашем поколении – это развал СССР и то, что мы, вот именно наше поколение, почувствовало технологический разрыв... у нас же не было ни телефонов, ничего такого, когда мы росли»* (фокус-группа поколения «Y», Ж.1). *«Время перестройки – это, с одной стороны, хорошо, с другой стороны – не очень, у нас было советское время, мне тоже было мало лет, но мы стремились, нам нравились вот эти все там «макдональдсы». Мы этого все хотели, но мы не видели того, что есть у нас. Мы там хотели все заграничное»* (фокус-группа поколения «Y», Ж.2).

Представители, рожденные в конце 90-х, иначе интерпретируют значимое для их группы историческое событие. *«Знаете, наверное, все-таки в силу возраста, я абсолютно не помню то поколение, которое было до Владимира Владимировича. Ну, то есть абсолютно не помню ... когда пришел Владимир Владимирович»* (фокус-группа поколения «Y», Ж.3).

Приведу пример достаточно интересного высказывания одного из респондентов, которое содержит комплексные характеристики своего поколения, а также прослеживается отношение к старшему и младшему поколению. *«Хочу сказать, что я застала и распад СССР в маленьком возрасте, и приход Владимира Владимировича Путина. Мы совсем недавно говорили об этом с детьми, что материальных благ стало намного больше и жить стало проще. Сейчас больше возможностей, то есть, если раньше ты выучился на врача, то ты будешь всю жизнь врачом, а сейчас можно получить различные квалификации, переквалифицироваться, закончить какие-то курсы и получить новую профессию в достаточно короткий срок. В этом плане стало намного лучше, но, к сожалению, теряются ценности, такие как ценность семьи и тому подобные. В каком-то плане родители в такой гонке (за достатком) часто забывают, не скажу, что совсем забывают детей, но, тем не менее, проводят с ними намного меньше времени, намного проще дать детям какие-то материальные блага, чем провести с ними там выходной»* (фокус-группа поколения «Y», Ж.4).

В этом контексте интересно высказывание стороннего представителя для обеих групп, который, сравнивая поколения «Y» и «Z», наделяет их определенными характеристиками. *«А мне кажется, что поколения 80-х и 90-х сильно отличаются друг от друга, поколение 90-х – там такой раздраз, хотя есть те, кто получил возможности и добились, а есть потерянные. А вот поколение 2000-х – это дети, получившие возможности и умеющие ими пользоваться»* (фокус-группа поколения «X», М.1).

Существующая стратегия власти в процессе культивирования образа данного нарратива заключается, с одной стороны, в деконструкции стереотипа формирования симпатий к советской эпохе, а, с другой стороны, конструирование образов, идеализирующих ельцинский период демократизации и «лихие 90-е». Различные политические силы интерпретируют «лихие 90-е» в угоду своим политическим проектам. Так, для либеральной оппозиции нулевых и десятых годов было выгодно формировать представление о позитивной свободе и вытекающих из этого возможностей для российского общества. Государственники в силу того, что стабильность является одним из основных элементов легитимности современной системы, транслируют 90-е максимально в негативной коннотации. Данные выводы подтверждаются и анализом высказываний респондентов. Так, представители поколения «Z» (18–24 лет) наиболее подвержены существующей молодежной политике, характеризуют данный период как время беззакония, слабости власти и государства с минимальными социальными гарантиями и смутными перспективами образа будущего, когда как в представлениях поколения «миллениалов» (25–39 лет) и «X» (40–59 лет) данный период воспринимается как время возможностей, которое способствовало формированию в экзистенциальном плане надежд на себя и выстроило определенное отношение к материальным благам. *«Я помню эти лихие 80–90-е. Вот эти вот талончики, с которыми стояли в очереди – это было так ценно! Когда у нас не было еды, у нас не было тех благ, которые сейчас есть у наших детей. Я помню, как мы стояли за сахаром, за хлебом. Это настолько важно! Да, и мы ценили каждый кусок колбасы, каждый кусок картошки, мяса... всего, что угодно. И настолько это было ценно, что сейчас молодёжь наша не ценит. Они приходят домой, грубо говоря, и начинают перебирать харчами. А когда я вспоминаю себя, что у нас не было одежды особо. И мы довольствовались тем, что было у нас»* (фокус-группа поколения «X»). А вот еще высказывание «миллениала», которое характеризует экономическое положение в 90-х: *«Сейчас у нас есть стабильная зарплата, мы можем заработать – тогда этого не было. И бедные родители пытались хоть чем-то, как-то нас – на поле картошку собирали. С одной стороны, это было интересно, задорно, это сплавляет семью. Поэтому где-то и семьи не разводились»* (фокус-группа поколения «Y», Ж.5).

Респонденты из поколения «X» предлагают взвешенную оценку исторических событий, повлиявших на формирование их мировоззрения и социальные установки, приведем два высказывания, которые достаточно качественно отражают личные впечатления о событиях

и трансформации социальной реальности. *«Когда это государство, которое приучало к уважению, к следованию в кильватере Коммунистической партии и так далее, бросило народ просто-напросто в коммерческий базар, или как, рынок это не назовёшь... И понятно, надо было перестраиваться... совершенно не было такого, что прям все добрые... потому что все ужасы 90-х и двухтысячных – это как раз, в большинстве своём, наше поколение то и делало. И тут люди быстро, многие, перековались. Всё равно основная, подавляющая масса... почему и для него это была дикая ломка, потому что, действительно, люди росли в детстве, как бы, с ощущением, с верой в государство, в какие-то идеалы, в светлое будущее... А оказалось потом, что для того, чтобы просто выжить, прокормить себя и свою семью, надо наплевать на соседей, друзей и так далее, и пытаться заработать этот хлеб насущный. Конечно, поколение изломано, наше, но при этом всё именно то, что в детстве, в самом маленьком, закладывалось – оно всё-таки у большинства, как я считаю, вижу, какие-то остались основы. И поэтому родители уже не авторитет, школа не авторитет...»* (фокус-группа поколения «Х», М.2). Очевидный распад Советского Союза и период 90-х является серьезной непроработанной мировоззренческой травмой. Дезинтеграция бывшего единого пространства вызвала у многих чувство утраты великой державы и обиду за снижение престижа страны на мировой арене. Кроме того, распад привел к острой экономической нестабильности – многие потеряли свои рабочие места в результате разрушения промышленности и резкого перехода к рыночной экономике. Это также повлияло на уровень социального напряжения и вызвало беспокойство относительно будущего, о чем свидетельствуют многие высказывания респондентов.

Выводы

В порядке общего заключения об образе 90-х можно констатировать, что это наиболее драматичный отрезок времени в истории современной России, государственный строй к началу 2000-х находился в кризисном состоянии, властно-бюрократический аппарат утрачивал свои легитимность и легальность, страна разваливалась территориально, а общество было деморализовано.

В рамках данной работы есть возможность указать лишь на некоторые аспекты, извлеченные из массива социологических исследований, которые представим следующими выводами. Во-первых, несмотря на доминирующий образ эпохи девяностых, существуют поколенческие отличия в восприятии, так, представители «Х» в силу того, что данный период приходится на их расцвет экономической и политической субъектности, характеризуют как время возможностей, но не стремятся идентифицировать себя как ответственных за политический кризис, выступают своеобразным звеном, связывающим советское прошлое и новую Россию. Утрата СССР до сих пор вызывает во всех поколениях тревожные переживания и ностальгические образы. Однако прослеживаются следующие закономерности: чем старше поколение, тем более положительные воспоминания о советском периоде и более негативные о событиях и последствиях 90-х.

Во-вторых, для поколений «Z» и «миллениалов» девяностые приобрели достаточно устойчивый образ, доминирующий в коллективной памяти, как время тотального кризиса, однако некоторые респонденты, оценивая современные социально-политические процессы, утверждают, что создается впечатление возврата девяностых (как в девяностых), развитие такой когнитивно-ценностной доминанты может способствовать делегитимизации власти, нивелированию негативного образа. В-третьих, исследование показало, что во всех поколениях отсылка к легитимирующей функции образа девяностых претерпевает трансформацию, как таковое целостное представление о периоде не отражено в коллективной памяти, достаточно устойчивы только некоторые элементы, такие как слабая власть, развал страны, экономические трудности, что безусловно сказывается на символическом капитале всего периода 90-х годов.

Вряд ли мы сможем наблюдать утрату интереса к образу девяностых годов как со стороны власти, так и научного сообщества, уж достаточно весомый символический капитал сосредоточен в этом периоде, поэтому востребованность лонгитюдных социологических исследований для понимания динамики образа будет только возрастать.

Список источников

1. Константинов М. С. Мировоззренческие модели современных россиян (по результатам анкетного опроса 2023 г.) // Социодинамика. 2024. № 12. С. 38–50.
2. Мировоззренческие модели современных россиян / М. С. Константинов, Т. А. Подшибякина, С. П. Поцелуев, Р. А. Пупыкин. Ростов-на-Дону – Таганрог: ЮФУ, 2023. 288 с.
3. Константинов М. С. Социально-политические установки и ожидания студенческой молодёжи Ростовской области (по материалам анкетированного опроса 2019 г.) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1. С. 193–202. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-1-193-202.
4. Малинова О.Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 3. С. 45–69.
5. Малинова О. Ю. Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг. // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 3. С. 91–105.
6. Поцелуев С.П. К вопросу о типологии социальной амнезии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 557–568.
7. Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 416 с.
8. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
10. Константинов М. С. Мировоззренческие модели современного российского общества: теоретико-методологический конструкт исследования // Философская мысль. 2024. № 12. С. 75–89.

References

1. Konstantinov M. S. Worldview models of modern Russians (based on the results of a questionnaire survey in 2023). *Sociodynamics*. 2024;(12):38-50. (In Russ.)
2. *Ideological models of modern Russians* / M. S. Konstantinov, T. A. Podshibyakina, S. P. Potseluev, R. A. Pupykin. Rostov-on-Don – Taganrog : Southern Federal University, 2023. 288 p. (In Russ.)
3. Konstantinov M. S. Social and political guidance and expectations of the students of Rostov region (based on the 2019 questionnaire). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2020;(1):193–202. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-193-202>. (In Russ.)
4. Malinova O. Yu. Justifying the Political Course of the 2000s and Constructing the Myth about «The Hard Nineties» in the Vladimir Putin`s Discourse. *Political science*. 2018;(3):45–69. (In Russ.)
5. Malinova O. Yu. Constructing a semantic framework of memory about the reforms of the 1990s in the liberal discourse of the 2000s. *South Russian Journal of Social Sciences*. 2019;20(3):91-105. (In Russ.)
6. Potseluev S. P. On the typology of social amnesia. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2023;39(3):557– 568. (In Russ.)
7. Arendt X. *Between Past and Future. Eight exercises in Political Thought*. Transl. from English and German. D. Aronson. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara; 2014. 416 p.
8. Assman A. *New discontent with memorial culture*. Transl. from German. Boris Khlebnikov. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2014. 325 p. (In Russ.)
9. Halbwaks M. *The social framework of memory*. Novoye izdatel'stvo, 2007. 348 p. (In Russ.)
10. Konstantinov M. S. Ideological models of modern Russian society: a theoretical and methodological research construct. *Philosophical Thought*. 2024;(12):75-89. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Тупаев – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ.

Information about the author

A. V. Tupaev – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science of the Institute of Philosophy and Social and Political Studies of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.01.2025; одобрена после рецензирования 27.02.2025; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 21.01.2025; approved after reviewing 27.02.2025; accepted for publication 28.02.2025.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 219–233
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2025;(1):219–233

Проблемы социологии

Научная статья

УДК 316.37

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-219-233>

EDN QBAIUF

Социальная справедливость как цивилизационная ценность этоса России

Татьяна Игоревна Ерошенко¹, Елена Алексеевна Складорова²

¹Институт водного транспорта им. Г. Я. Седова – филиал Государственного морского университета им. адмирала Ф. Ф. Ушакова, Ростов-на-Дону, Россия

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

^{1,2}Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹eroschenko-1970@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7678-5911>

²Cklyarova2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3885-2562>

Аннотация

Введение. Обращение к теме социальной справедливости сегодня обусловлено тем, что огромная миссия возложена на преподавателей, педагогов самого разного уровня, особенно преподавателей гуманитарных наук, в условиях небывалого ранее деструктивного информационного воздействия на молодежь. Задача сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей поставлена правительством страны.

Цель. Актуализация ценности идеала социальной справедливости, сохранения, укрепления и развития этоса российской цивилизации, противодействия угрозам общероссийской национальной идентичности в условиях становления многополярного мира.

Теоретические основы. Методологической базой исследования является всеобщий принцип историзма, герменевтический метод как прочтение и истолкование философских текстов; компаративистский анализ, дающий возможность сопоставлять различные исторические эпохи, культуры, социумы, цивилизации. Ключевые философские концепции социальной справедливости русских мыслителей XIX–XXI вв. распределены согласно историко-персональному основанию. Большую методологическую значимость для нашего исследования представляет концепция конструирования «идеальных типов» М. Вебера как теоретическая схема изучаемого явления и своеобразный «эталон», «модель», «образец».

Результаты и выводы. В статье раскрываются ключевые направления в понимании идеала социальной справедливости в концепциях русских мыслителей как откровения христианских заповедей, как принципа новой жизни, как принципа общественных отношений. Проанализированы духовно-практические формы бытия идеала социальной справедливости и возможности его реализации в социуме. Значимость исследования возрастает в условиях столкновения двух мировых тенденций: стремления не-западных цивилизаций к формированию многополярного мира и распространения идеологии мондиализма на фоне ведущейся агрессивными силами Запада мировой гибридной войны, составной частью которой является ментальная война, нацеленная на разобщение российского социума, размывание национальной идентичности. Реальность бытия социальной справедливости является гарантом сохранения национальной идентичности России. Важнейшей ценностью в современных условиях является реализация идеалов социальной справедливости как условия консолидации и сохранения целостности российской цивилизации в условиях внешних угроз.

Ключевые слова: социальная справедливость, ценность, духовно-нравственные ценности, этос, мораль, социум, цивилизация, реальный гуманизм

Для цитирования: Eroshenko T. I., Sklyarova E. A. Социальная справедливость как цивилизационная ценность этоса России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 219–233. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-219-233>. EDN QBAIUF

Problems of Sociology

Original article

Social justice as a civilizational value of the ethos of Russia

Tatiana I. Eroshenko¹, Elena A. Sklyarova²

¹Sedov Institute of Water Transport – branch of Admiral F. F. Ushakov State Maritime University, Rostov-on-Don, Russia

²South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

^{1,2}Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹eroschenko-1970@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7678-5911>

²Cklyarova2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3885-2562>

Abstract

Introduction. The appeal to the topic of social justice today is due to the fact that a huge mission is assigned to teachers, educators of various levels, especially teachers of the humanities, in the face of unprecedented destructive information impact on young people. The task of preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values has been set by the government of the country.

Purpose. Actualization of the value of the ideal of social justice, preservation, strengthening and development of the ethos of Russian civilization, countering threats to the all-Russian national identity in the context of the formation of a multipolar world.

Theoretical Basis. The methodological basis of the study is the general principle of historicism, the hermeneutic method as reading and interpreting philosophical texts; comparative analysis, which makes it possible to compare different historical eras, cultures, societies, civilizations. The key philosophical concepts of social justice of Russian thinkers of the XIX-XXI centuries are distributed according to the historical and personal basis. Of great methodological significance for our study is the concept of constructing "ideal types" by M. Weber as a theoretical scheme of the phenomenon under study and a kind of "standard", "model", "example".

Results and conclusions. The article reveals the key directions in understanding the ideal of social justice in the concepts of Russian thinkers as a revelation of the Christian commandments, as a principle of a new life, as a principle of social relations. The spiritual and practical forms of existence of the ideal of social justice and the possibility of its realization in society are analyzed. The importance of the study increases in the context of the collision of two global trends: the aspirations of non-Western civilizations to form a multipolar world and the spread of the ideology of mondialism against the background of the global hybrid war being waged by aggressive Western forces, an integral part of which is a mental war aimed at dividing Russian society and blurring national identity. The reality of social justice is a guarantor of the preservation of Russia's national identity.

The most important value in modern conditions is the realization of the ideals of social justice as a condition for consolidating and preserving the integrity of Russian civilization in the face of external threats.

Keywords: social justice, value, spiritual and moral values, ethos, morality, society, civilization, real humanism

For citation: Eroshenko T. I., Sklyarova E. A. Social justice as a civilizational value of the ethos of Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):219–233. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-219-233>. EDN QBAIUF

Введение

В современных условиях формирования многополярного мира, в качестве ответа на вызовы идеологов мондиализма и глобализма важна реализация гуманистических стратегий, сохраняющих российскую цивилизацию, на основе ценности идеалов социальной справедливости, с учетом философского наследия русских мыслителей, западной социальной мысли и предыдущего исторического опыта развития страны.

Обращение к теме социальной справедливости сегодня обусловлено тем, что огромная миссия возложена на преподавателей, педагогов самого разного уровня, особенно преподавателей гуманитарных наук, в условиях небывалого ранее деструктивного информационного воздействия на молодежь. Задача сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей поставлена правительством страны.

Социальная справедливость – одна из важнейших духовно-нравственных ценностей, формируемая культурными цивилизационными кодами России, которую в процессе становления многополярного мира очень важно актуализировать и философски переосмыслить, особенно в условиях вовлеченности человека в безграничный поток неконтролируемой информации, где он сам становится ее частью. В современном мире «датаизм» наступает на личность, образуя опасную деструктивную псевдорелигию транснациональных корпораций. Ответом на данную историческую ситуацию может быть только полученное знание о сложных вопросах нравственно-морального характера. Для российской цивилизации одним из главных вызовов современности является преодоление потерянности, отчуждения людей и формирование человека, адекватного реалиям современного общества. Необходимо восстановить прежде всего нравственно-моральный облик личности, гражданина, гуманиста, патриота на основе философского наследия России в вопросах особенностей русского самосознания и *особенностей русской ментальности*. В современных условиях это поможет сформировать «модель мировоззрения», консолидирующую разные социальные слои, доступную и близкую каждому индивиду, в основе которой лежит научное знание закономерностей социального бытия. История развития человеческой цивилизации показала, что господствующие ценности определяются самим социумом и удерживают его параметры, обеспечивая сохранение от распада. Сама система духовных ценностей социума пребывает в режиме своего постоянного уточнения под влиянием внешних и внутренних факторов. Как правило, заявляют о себе расхождения имеющихся у индивидов и групп пониманий смыслов и ценностей, признаваемых формально и реализуемых фактически, обусловленных различиями профессий, этносов, конфессий, социальных интересов и предпочтений. Уточнение и анализ столкновения и взаимодействия различных систем ценностей наполняет содержание духовной жизни общества. Цель нашей статьи заключается в социально-философском переосмыслении идеала социальной справедливости в России в категориях морали, прежде всего категории «этос». При этом идеал социальной справедливости выступает «геномом» всей системы духовно-нравственных ценностей общества, более того, является ключевым моментом становления личности.

Теоретические основы

Методологический потенциал категории «этос» в познании ценности социальной справедливости

Факты человеческой истории свидетельствуют о том, что преодоление мировоззренческих кризисов осуществляется на основе двух методологических стратегий: первая – обновление матрицы ценностей, путем привлечения в неё новых ориентиров; вторая – актуализация безвременных ценностей, лежащих в основе культурного кода государства-цивилизации. Нами будет использована герменевтическая методология для интерпретации и толкования идеалов социальной справедливости в ментальности России на основе наследия русских философов и анализа реальных форм ее воплощения в социуме, социальная герменевтика.

Среди традиционных духовно-нравственных ценностей важнейшее место в ментальности россиян занимает ценность социальной справедливости во всех «локусах» социума как основа сохранения народа России и развития человеческого потенциала. Внимание к понятию справедливости, формам и способам ее бытия в рамках культурной идентичности России, нацеливает на поиск механизмов превращения *ценностей в условия бытия человеческих общностей*.

Понятие «этос» знакомо отечественной философии ([1–7]). Гусейнов А. А. рассматривает этос в контексте «новой единой этической культуры – единой не только по универсальным основаниям, но и по символически-знаковой структуре, конкретным нормам и механизмам функционирования» [3]. Апресян Р. Г. [2] характеризует «профессиональный этос» как стихийно становящийся, но долженствующий в сфере регулятивов, связанных с новыми информационными

технологиями социальных групп и отдельных субъектов. Оссовская М. И. [5] определила «этос» как стиль жизни общественной группы. По ее мнению, термин «этос» в большей степени подходит для описания взаимодействий социальной группы, нежели индивида. Этой позиции придерживается и Авдеева И. А. [1], согласно которой термин «этос» применяется к группам, а не к индивидам, что его отсылает скорее к понятийному аппарату культурологии, социологии, политологии, чем этики. Известнейший специалист классической филологии и философии А. Ф. Лосев трактовал термин «этос» как «обозначающий характер физического, морального, общественного и художественного явления» [8, с. 590]. Такого рода явление венгерский исследователь Ева Анчел трактует как «правосудие, которое препятствует воспроизведению общественной несправедливости» [9].

Использовалось понятие «этос» и рядом классиков социальной философии, представителями аксиологии и эпистемологии: М. Вебером, В. Вундтом, В. Зомбартом, Н. Луманом, Р. Мертоном, М. Шелером [10–17]. Макс Вебер в свое время ввел понятие «дух капитализма» [10–11], который, по сути, и есть «этос капитализма». Исследователь нашел основания развития, укрепления и роста капитализма как формации в Европе, большей частью на севере, в укреплении его «духа», т.е. «духа капитализма», который наиболее олицетворяла «протестантская этика». В этосе как реально используемой социальными субъектами этике Вебер видел источник духа разных социумов.

Этос – ключевая эпистемологическая ментальная или духовная модель феномена. Основной стержень этоса составляют нравственно-моральные ценности, которые определяют динамику обществ в антропологическом измерении. В истории человеческого общества нравственно-моральные ценности явились тем идеальным системообразующим стержнем, который позволил человечеству начать свою историю как отличную от чисто биологических видов и избежать в дальнейшем разрушения тех универсалий духа, которые гарантировали выживание различного рода общностей, сводя к минимуму риски и глобальные социальные угрозы. Одним из параметров порядка социально-антропологических систем можно рассматривать этос. Под «этосом» будем понимать специфическую систему разворачивания нравственности и морали, являющуюся подсистемой духовной сферы социума, участвующую в формировании ценностей, которые определяют вектор развития общества. *Можно сказать, что «этос» – это духовно-нравственные ценности, которые стали жизненностью социума, его регулирующей и удерживающей в целостности скрепой, а не просто декларируемыми нормами общего бытия.*

Нравственно-моральные ценности выступают способом практически-духовного освоения мира. В процессах общественного характера участие морали как одного из сложнейших феноменов остается трудно наблюдаемым [18]. Духовная сфера социума пронизана взаимовлиянием и взаимодействием нравственности и морали. Человек включен в систему «локусов» динамичного бытия пространства социальных институтов, таких как семья, гражданское общество и государство, посредством диалога с более совершенным миром моральных ценностей [19]. Феномен морали становится много понятным при его отождествлении с «несиловым действием» в социуме. Всеми сферами общественного развития: экономическими, организационно-техническими, политико-правовыми обеспечиваются сиюминутные, ограниченные во времени успехи, социального «близкодействия». И только мораль, которая формирует идеальный образ более совершенного мира, более справедливого мира, чем реальный, в виде «несиловых» связей «дальнодействия», обеспечивает координацию и согласованность всей совокупности социальных объектов, субъектов и процессов действительности. У наших предков морали как особой формы общественного регулирования отношений между индивидами не существовало, однако именно строгие запреты в форме «табу» послужили основой трансформации чисто биологического вида отношений в социальные [20–21].

Употребление категории «этос» сопряжено с поиском *высшего типа нравственности, в основе которой лежат общечеловеческие нормы и ценности*, нашедшие выражение в гуманистических ориентирах и мировых религиях, и признанные в императивах светской этики. Президент России В. В. Путин, выступая на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры, заявил, что справедливость в России является «самым важным и ценится очень высоко»¹.

¹ МОСКВА, 26 мар. - РИА Новости. Путин заявил, что стабильность общества России зависит от социальной справедливости. – URL: <https://tass.ru/politika/203616471> (дата обращения: 18.08.2024)

Сегодня в условиях поиска страной ценностей своей цивилизационной идентичности востребованы как лучший советский опыт в создании системы нравственно-морального воспитания человека, «модального типа личности» её ориентации на идеал социально справедливого общества, так и достижения в области отечественной социально-философской мысли.

Результаты и обсуждение

Социальная справедливость как духовно-нравственная ценность в ракурсе социально-философских концепций русских мыслителей

Категория справедливости обладает магической силой, привлекающей внимание русских мыслителей на протяжении многовековой истории существования нашей страны. В самом слове «справедливость», в его звучании и написании отражаются ключевые нравственные основания мировоззрения человека, его глубинные осознаваемые и неосознаваемые стремления быть «с – правдой», «с – праведностью», «с – правильностью, правостью», стоять «на правой стороне», т.е. быть причастным чему-то большему и высшему, приобщиться к «введению» (спраВЕДливость), знанию принципа наилучшего общественного бытия, к тому же со всей скрупулезностью, «въедливостью» (спраВЕДЛИВОСТЬ).

Даль В.И рассматривает «справедливость» как правду и правосудие, как истину и все, что верно, а «справедливый» как «...правильный, сделанный законно, по правде, по совести, по правоте, – человек, судья, творящий правдивый, праведный суд, идущий по всей правде, неподкупный» [22, с. 299], суд основательный и не вымышленный.

Поиск справедливости в контексте представлений об истине, правде становится генеральной линией теоретических изысканий в творчестве русских мыслителей XIX века, «схватывает» и отражает чаяния, устремления русского человека к возможному личному и общественному идеалу на фоне исторических и социальных противоречий своего времени.

Представления о справедливости как исключительно индивидуальном благе, позволяющем человеку выстраивать свои взаимоотношения в земном материальном мире и обеспечивающем внешние гармоничные социальные связи, – совершенно не свойственны Петру Яковлевичу Чаадаеву, масштаб личности которого в первой половине XIX века создает напряженное поле интеллектуальной борьбы по вопросу о судьбе России в контексте мировой истории. Мыслеобраз справедливости П. Я. Чаадаева – это воплощение смысла исторического существования всего человечества, суд метаистории, критерий направленности ее хода, заложенный духом христианства, «потому что дух этот заключается всецело в идее слияния всех, сколько их ни есть в мире, нравственных сил – в одну мысль, в одно чувство и в постепенном установлении социальной системы или церкви, которая должна водворить царство истины среди людей» [23]. Цель, предел, назначение человеческого рода – осуществить высший нравственный закон через прозрение и синтез всех мыслей человечества в одну, которая и есть мысль Бога, единая истина: «царство Божье, небо на земле» [23].

Поразительная оторванность социального бытия от конечной цели – нравственного слияния всех народов, которому должно способствовать христианство, вынуждала П. Я. Чаадаева обратиться к выработке необходимых «шагов» в направлении ее реализации: первым условием духовного совершенствования призвано быть разграничение пороков и добродетелей, осознание и раскаяние в ошибках и преступлениях, свершенных как отдельными личностями, так и народами, упорство в добре при исправлении зла, преодоление обособленного сознания в опоре на чувство связи с большим, семьей, Родиной, авторитет высшего начала в самом себе, инстинкт правды, отказ от разделения, влечение к объединению. Так раскрывается идея единства в сознании человека и осуществляется действие слияния нравственных сил в единую душу, реализуя главное предназначение христианства. Судьбы Востока, Запада, России рассматриваются в контексте провиденциализма, изначальной заданности специфики исторического существования: воображение как основа восточных народов, а рационализм, интеллект – европейских. В триаде Восток-Запад-Россия, российские народы, по П. Я. Чаадаеву, вне времени, вне пространства, наделены загадочным смыслом своего исторического существования, способны дать миру важный урок, а так как Россия не имеет европейских «страстей», то может быть вне интересов отдельных национальностей, и в связи с этим выражать и защищать интересы всего человечества.

Идея Царства Божьего на Земле как воплощения справедливости Божественного замысла и участия в этом процессе России – для Чаадаева является ключом к пониманию смысла истории. Эта идея также находит свое преломление в литературном и философском творчестве Николая Васильевича Гоголя.

В чьих словах больше правды относительно необходимости ориентироваться России на определенные образцы социального порядка – «славянистов» или «европистов»? Об этом Гоголь пишет в своем XI письме «Споры» (Из письма к Л***) [24, с. 207-210]. Критикуя и одних, и других, словом рисует карикатурный образ подошедших с разных дистанций к одному и тому же строению: один видит предмет, который от него слишком далеко, а другой – слишком близко. Отсюда один – «зернышко раздувает в репу» [24, с. 208], а другой – судит только о том, что есть перед глазами и не знает, «что есть главы, купола и все, что ни есть в вышине» [24, с. 208]. Так как мнения «восточников» и «западников» не определились, то «этим пользуются всякого рода пройдохи» [24, с. 209] в сфере чиновничьих должностей, выступая поборниками как старины, так и новизны.

Проведению в жизнь значимых идей с ориентацией на искоренение социальных деформаций, по Гоголю, способствует личное подвижничество, переработка в своей собственной природе негативных начал, осуществленная каждым человеком, а также умение быть каждому на своем месте, с тем, чтобы находясь на нем, исполнять законы Христа. На примере духовного подвига художника А. А. Иванова, изобразившего на полотне «Явление Христа народу» таинство обращения человека ко Христу, Гоголь подчеркивает значимость личных внутренних усилий: «Иванов молил Бога о ниспослании ему такого полного обращения, лил слезы в тишине, прося у Него же сил исполнить Им же внушенную мысль; а в это время упрекали его в медлительности и торопили его!» [24, с. 292-293].

В письмах XXVI-ом «Страхи и ужасы России» [24, с. 307], XXVII-ом «Близорукому приятелю» [24, с. 311], а также XXVIII-ом «Занимающему важное место» [24, с. 314] мы можем обнаружить напутствие, данное Гоголем, актуальное для всех последующих поколений: страхи и ужасы невозможно преодолеть бегством; сделай добра на своей должности, схватись за должность, чтобы через служение выполнять все, как велел Христос; «Прежде чем приходить в смущение от окружающих беспорядков, недурно заглянуть всякому из нас в свою собственную душу» [24, с. 309].

Каждый в своей собственной душе способен найти точку соприкосновения с общим, Высшим, Собором как проявляемом духовным началом через причастность к Вселенской Церкви, телу Христа. Идея соборности, обозначенная Алексеем Степановичем Хомяковым, в полной мере может рассматриваться как идея реализации социальной справедливости во Вселенском масштабе. Путь к Соборности тернист. На этом пути история России полна примеров диалектического единства «старого» и «нового», стремлений «прививать чужие плоды к домашнему дичку» [25], а также противоречий между жизнью и законом, письменными установлениями и живой жизнью.

Древняя Русь, по Хомякову, хранит лучшие инстинкты русской души, которая была образована и облагорожена христианством, которая создала специфику взаимоотношений между гражданами, церковью и государством и которая стремилась к нравственной чистоте, провозглашая законы Христа как законы правды и справедливости, основания жизни многочисленных народов и их взаимоотношений. Отчасти идеализируя реальность общинного быта, А. С. Хомяков подчеркивает дух общности, центростремительные силы, позволившие создать то, чем мы можем и должны гордиться в частной жизни, в отношениях между людьми, в судопроизводстве: «Простота до Татарского устройства областного не чужда была истины человеческой, и закон справедливости и любви взаимной служил основанием этого быта, почти патриархального» [25]. Все доброе было уничтожено внутренними распрями и внешним игом в силу слабой государственности, «мы попрали святые истины равенства, свободы и чистоты церковной» [25]. Благодаря «диким» завоевателям, не способным на созидание и укоренение чуждых нам начал, удалось сохранить русский дух, пока в «диких полях Москвы» [25], не зародилась новая общерусская жизнь.

Хомяков четко разграничивает специфику исторического бытия Европы и России: в отличие от Европы, создавшей прекрасный и соблазнительный мир, обреченный на гибель (в силу католицизма, реформаторства), и которая должна вернуть утраченную христианством первоначальную свою красоту, Россия, напротив, способна «вспомнить» о высокой цели – строительстве здания всего человечества, опираясь на опыт Святой, Древней Руси, где православие сохраняло семена жизни и истины. Каким образом облегчить этот процесс? В статье «О старом и новом» мы находим слова, которые созвучны многим тенденциям современного российского общества: «России ещё никто не любил в самой России: ибо, понимая необходимость государства, никто не понимал его святости» [25]. В этом контексте государству отводится роль силы, которая способна поработить как отдельную личность, так и общество, в то время как необходимо помнить, «что там только сила, где любовь, а любовь только там, где личная свобода» [25]. По Хомякову, к пониманию смысла святости государства, его скрепляющего общество начала, приблизился Петр I, который пробудил сознание России, ударив как гроза по всем ее болезням, общественным преступлениям: по боярам, заботящимся о роде, а не о народе, по судьям-ворам, по монахам, думающих о поборах и личном душеспасении, а не о Церкви и всем человечестве. В единстве патриархального быта и нравственного христианского государства Хомяков видит залог будущего развития России, сознающей, как древняя Русь, саму себя в лоне Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, которая и есть богочеловеческое единство, реальность, уходящая в Абсолют, «явление на земле беспримесной истины и несокрушимой правды» [26].

Государственная власть также характеризуется Иваном Васильевичем Киреевским как источник «благоденствия, святой, беспристрастной справедливости, нравственного порядка, твердой собственности, счастливой уверенности в личной безопасности каждого последнего гражданина и залог правильного, живительного, просторного дыхания общественной жизни» [27, с. 38]. Власть – блюститель закона, святость которого является основой социального порядка, благоустройства, справедливости.

Очертания социального справедливого государства в полной мере представлены Владимиром Сергеевичем Соловьевым, который в своем монументальном труде «Оправдание добра» [28] характеризует справедливость как добродетель особого порядка в соотношении с нравственными чувствами человека, такими как стыд, жалость (милосердие), благочестивость. Стыд – условие нравственного поступка и проявление свободы высшей духовной природы человека, свободы от сил ненависти, зла, силы, которая способна обуздать низшую природу материального бытия. В основе альтруизма как блага истинной общечеловечности, солидарности – жалость, сострадательность против эгоизма, жестокости и злобы. Благоговение перед высшим способствует пониманию иерархии отношений человека к трем мирам: высшему, низшему (предметам низшего порядка), среднему или подобному самому человеку, поэтому умеренность, храбрость (мужество), мудрость, справедливость, являясь краеугольными добродетелями, становятся таковыми лишь при условии следования к благородной цели, воплощению синтеза Истины, Добра и Красоты. Отсюда справедливость рассматривается, во-первых, в контексте долженствования, правильности, достоверности, истинности, во-вторых, с позиции соответствия принципу альтруизма – принимать равное право за всеми на жизнь, благополучие, в-третьих, согласно правилам: «Никого не обижать, всем помогать!», в-четвертых, согласно необходимости следовать закону, который не есть сама по себе добродетель, а объективное выражение правды. Слова Льва Николаевича Толстого: «Справедливость осуществляется не стремлением к справедливости, а любовью» [29, с. 565] передают суть христианского понимания справедливости, в основании которого – высшее нравственное чувство, иррациональное начало в человеке – любовь.

В начале XX века события русской революции 1905 года послужили новой отправной точкой развертывания общественной дискуссии в России относительно ее Судьбы. Сборник «Вехи» (1909 – 1910) [30], который тематически был посвящен проблеме революции и оценке данного способа социального изменения как разрушительной силы, содержит статьи (Бердяева Н. А., Булгакова С. Н.), где социальная справедливость анализируется в контексте ее понимания разобщенными интеллигентскими идеологиями.

Н. А. Бердяев критикует позиции марксистов-атеистов, «левый» лагерь, в связи с тем, что социал-демократическая интеллигенция, по его мнению, распространяя идеи общественного

утилитаризма, распределения, уравнивания, подверглась ложному народолюбию и народопоклонству, жалости, уменьшающей достоинство человека, забыв, что истинная любовь к людям проявляется в признании в каждом человеке Божественного образа: «Основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если от гибели ее народу будет лучше жить, если люди будут счастливее, долой истину, если она стоит на пути заветного клича «долой самодержавие» [31, с. 30]. «Правый» же лагерь в лице русских мистиков нуждается в «философской объективации и нормировке русской культуры» [31, с. 41], так как философия есть внутренний очистительный огонь, трансформирующий человеческую личность и создающий новое сознание «на почве синтеза знания и веры, синтеза, удовлетворяющего положительно ценную потребность интеллигенции в органическом соединении теории и практики, «правды-истины» и «правды-справедливости»» [31, с. 42].

История России XX века – свидетельство гигантского по своим масштабам социального эксперимента по построению общества социальной справедливости – коммунистического общества, специфике переходного периода к которому посвящена работа Владимира Ильича Ленина «Государство и революция» [32]. Источником общественной несправедливости, зла признается частная собственность, зачатки которой приводят еще в первобытности к первичной социальной дифференциации, затем к формированию антагонистических классов, и, наконец, государству как инструменту защиты интересов привилегированных господствующих классов. В переходный период от капитализма к коммунизму необходимость государства сохраняется, с помощью этой силы, теперь уже диктатуры эксплуатируемых над эксплуататорами, подавляются эксцессы отдельных лиц, вызванные нуждой, нищетой и эксплуатацией масс, охраняется общественная собственность на средства производства: «Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но невозможна будет эксплуатация человека человеком, ибо нельзя захватить средства производства, фабрики, машины, землю и проч. в частную собственность» [32, с. 390]. Государство необходимо для распределения продуктов и труда. На этой фазе коммунизма, по Ленину, царствует «как будто» бы равенство, реализуется «частичная» справедливость, так как нельзя сразу «уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)» [32, с. 390]. Социальная справедливость рассматривается как возможность каждому реализовать принцип «от каждого по способности каждому по труду», в условиях, когда «общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы» [32, с. 396], с перспективой реализации принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Согласно диалектическому материализму, точнее тому, как его понимал В. И. Ленин, следуя за идеями Маркса: коммунизм – явление развивающееся, проходящее стадии в своем развитии. Со временем полностью исчезнут нищета, эксплуатация, общество реализует принцип «от каждого по способностям – каждому по потребностям», однако главной потребностью человека станет труд, тогда и отомрет государство как аппарат насилия, наступит высшая фаза коммунизма, фаза «полной» справедливости. Остается «самая малость», – чтобы человек «привык», как пишет и выделяет В. И. Ленин, «к соблюдению элементарных условий общественности без насилия и без подчинения» [32, с. 382]. Общество должно создать силу «привычки» личности жить без эксплуатации человека человеком.

Тема социальной справедливости в 30-50-е гг. XX в. практически элиминируется из общественно-политического дискурса; с 1957 г. (дата выхода в свет 40-го тома «Большой советской энциклопедии») понятие социальной справедливости рассматривается в рамках марксистско-ленинской методологии как морально-правовая категория, содержание которой зависит от исторических и социально-экономических отношений общества; в ходе Перестройки, политического курса М. С. Горбачева, «гласность» позволила открыто, в средствах массовой информации, поднимать вопросы «несправедливости» советской жизни: сталинских репрессий, партийных привилегий, уравниловки, бюрократизации, иждивенчества, неравномерного распределения благ и обязанностей и др.

После распада СССР в российской общественной мысли актуализируется проблематика исторического пути России, обосновывается необходимость восстановления единства с Европой,

неизбежность включения в глобалистские процессы [33]. Если в советское время, вплоть до 90-х гг., причины социальных болезней виделись в «тяжелом» наследии царской России, то в постсоветское время такой значимой причиной социальных деформаций назначается слабость институтов «гражданского общества» уже как «тяжелое» наследие Советского Союза, а также неприживаемость либеральных концепций, защищающих частную собственность на средства производства, менталитет, мешающий создать «прекрасный сад», подобный европейскому, негативный исторический опыт и т.д. [34].

Итак, в XIX – XXI вв. обозначаются ключевые направления в понимании идеи социальной справедливости, раскрывающиеся в концепциях русских мыслителей (в рамках статьи мы обратились к идеям тех персоналий, которые, на наш взгляд, оказали значительное влияние на умы своих современников и/или чьи идеи служат примером отражения ключевых поворотных моментов в истории нашей страны):

- социальная справедливость как откровение Божественной правды, реализация высшей цели, Божественного замысла относительно общественного земного бытия (провиденциализм, христианский мистицизм);

- социальная справедливость как принцип новой жизни в философском творчестве синтеза знания и веры, способствующего нравственной трансформации личности, преодолению аберрации сознания, внутреннего рабства (христианский персонализм);

- социальная справедливость как принцип общественных отношений, главными основаниями которого являются распределительность и уравнительность, равное право пользоваться общественными благами, прежде всего, такими как труд, здоровье, образование (диалектический материализм, марксизм-ленинизм).

Новый этический поворот наших дней к традиционным духовным ценностям, выстраданным в ходе исторических событий на необъятных просторах российской цивилизации, актуализирует концепции современных мыслителей [35], в которых обосновывается статус России как самодостаточной цивилизации.

Социальная справедливость как духовно-практическая проблема России

Идеи отечественных мыслителей во многом созвучны концептам, возникшим в ходе развития мировой духовной культуры человечества, в которых принцип справедливости выступает логически связанным с мировым порядком, с принципом единения. Как ни отличались в прошлом и не отличаются в настоящее время мифолого-религиозные системы друг от друга, в них всегда имели и имеют место общечеловеческие социальные мотивы, хотя и принимающие различные формы, и варианты выражения. Одним из таких мотивов-принципов является справедливость: «Ма-ат» (Древний Египет), «Рита»/«Дхарма» (Древняя Индия), «Дао» (Древний Китай), «Логос» (Античная Греция). Представление о социальной справедливости формируется в первобытном коллективе в борьбе с «зоологическим индивидуализмом». Простое человеческое общество – результат преодоления в длительной борьбе зоологического индивидуализма. В сложном обществе, в котором сейчас пребывает человечество, идёт борьба с социально-статусным индивидуализмом и антагонизмом. Социально-статусный антагонистический индивидуализм постоянно нарушает единство социума и грозит его разрушить. Речь идет именно об антагонистическом социальном индивидуализме, потому что продуктивное творческое развитие личности, на основе деятельности, всегда включает момент индивидуального, но оно не антагонистично общественному, является условием развития всей социальной общности и условием бесконечного становления и развития, посредством чего и преодолевается противоречие личностного и общественного.

Духовно-практической основой социальной справедливости, рушащей тысячелетние убеждения в правомерности неравенства между людьми, стали христианские мотивы идей признать всех равными. В текстах канонических Евангелий – от Матфея, Марка, Луки, Иоанна содержится проект религиозно-этического обновления мира на основе принципа справедливости, план спасения людей, облегчения их жизни независимо от их социального положения, возраста и пола. Своеобразие этого этического проекта как социальной программы состоит в реализации справедливости на земле в виде Царствия Божия (Царства Небесного). Программа определена

уже в проповеди Иоанна Крестителя (Мф. 3:1,2): «В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской, и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» [36, с. 8]. Различные индивиды и социальные группы неодинаково воспринимали и воспринимают элементы мифолого-религиозного познания действительности. Поэтому, как и культура в целом, религия в сложном обществе проецирует этос народный. В самом общем виде, можно сказать, что этос привилегированных классов ориентировался на индивидуализм, в крайней форме не отличающийся от зоологического индивидуализма, этос трудящихся масс ориентировался на коллективную справедливость, которая подпитывалась сохранением общинных, клановых отношений, потому что в древнейшие и сложные исторические периоды это был единственный способ выжить в непростых природных и социальных условиях. Первый тип этоса опасен тем, что он ориентирует на постоянное сохранение и воспроизведение энергии конфликта социальных групп, что в условиях обладания оружием массового уничтожения грозит гибелью всего человечества. Второй тип этоса ориентирует на реализацию справедливости и единения людей, которая была присуща в целом простому (слабо дифференцированному) обществу. Элементы обоих типов этоса присутствуют в любом сложном обществе и в современном мире, и в России. История изменений представлений о социальной справедливости находит отражение в «Ветхом завете» и «Новом завете», во всех этических, правовых, политических документах. Она свидетельствует о том, что далеко не все провозглашаемые заповеди, кодексы, нормы, правила можно считать этосом, а только те, которые добровольно или принудительно соблюдались и соблюдаются субъектами социума.

Максу Веберу удалось показать, как в европейских странах сформировался этос индивидуализма в виде духа капитализма, это был исторический этап становления, начальный этап развития капитала. Этос капитализма, который стал господствующим среди населения стран Запада, ориентирует личность на использование тех средств, которые находятся в её распоряжении в виде земли, богатства, власти, таланта, в превращении их в средства непрерывного приращения капитала. Это и объясняет тот факт, что страны Запада сумели превратить огромные пространства планеты Земля в свои колонии или полукolonии, что позволяет им поддерживать в целом более высокий уровень жизни в своих странах. Данное обстоятельство объясняет противоречивый факт принятия трудящимися массами России идей, которые рождены были на Западе.

В марксизме или реальном гуманизме, предложенном Марксом и Энгельсом, обоснован идеал социально справедливого общества, который присутствовал в мифолого-религиозных учениях и утопических. Идеи социальной справедливости не могли с самого начала возникнуть как научные, они опирались на социальный опыт и мифологию, фиксировались мифом (миф «о золотом веке» и т.п.) и мифолого-религиозными учениями, к которым можно отнести также и большинство утопических моделей.

В XIX веке К. Маркс и Ф. Энгельс предложили миру научную модель, открывавшую возможность прихода «золотого века». XX век представил и удачные, и не совсем удачные, и неудачные попытки реализации такой модели. Этос социальной справедливости в форме социалистического государства в России подошёл на тот момент не только рабочему классу, но и крестьянским массам, и оказался ближе, чем этос, предлагаемый царской властью и временным правительством. Опираясь на это духовное завоевание, не без ошибок и промахов были *реализованы идеи социальной справедливости*, которые одновременно спасли от развала Россию как страну. Н. Бердяев писал: «Вся история русской интеллигенции подготавливала коммунизм. В коммунизм вошли знакомые черты: жажда социальной справедливости и равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом, отвращение к капитализму...» [31, с. 100]. Конечно, созданное общество было далеко не идеальным, но даже некоторые искренне верующие и образованные люди в XX веке на Западе признавали присутствие в нем целей высоко гуманистических и схожих с теми, которые провозглашали религиозные учения.

Романов Б. С. в своей работе о Хьюлетте Джонсоне обращает внимание на его (Хьюлетта Дж.) ключевые идеи, раскрывающиеся в книге «Христиане и коммунизм»: «Коммунизм бросает вызов христианам... Я лично убеждён, что синтез этих двух, антагонистических лишь по видимости, а не по существу образов мышления и укладов жизни возможен и что в конечном итоге

он принесёт счастье человечеству» [37], а также: «Истинный христианин не может быть врагом коммунизма» [37]. Точкой пересечения христианства и марксизма, на наш взгляд, является практика реализации идеала социальной справедливости, поэтому этика реального гуманизма близка христианской этике.

Можно утверждать, что в России, в советский период, впервые в истории человечества была создана социальная структура, ограничивающая рост агрессивности монополистического капитала Запада. После распада СССР мир почувствовал резкое нарастание крушения идеалов социальной справедливости или их искажение в результате мягких стратегий воздействия на сознание, как следствие – мощи региональных войн, конфликтов и угрозы горячей третьей мировой, а ведь в ней, как известно, победителя не будет.

Действительно, у «реально существовавшего социализма» в нашей стране было много проблем, трудностей, но это был опыт бытия социальной справедливости, практика реализации социальной справедливости на основе светской этики. В целом, социализм в нашей стране и ряде стран Европы, проходя через свои кризисы, порожденные внешними и внутренними причинами, многие из которых объективны, не удержался. Бывшие советские республики отказались от этоса, ориентированного на идеалы социальной справедливости в создании условий и возможностей реализоваться каждому индивиду в своей социальной сфере жизни, пространстве творчества и профессии.

Существуют ли исторические перспективы реализации общества социальной справедливости? В простом обществе равные социальные отношения охватывали всех членов социума, который представлял собой кровнородственную общину, где все члены рода, потребляя произведенную сообща пищу, одежду и другие предметы, – были социально равны. В сложном обществе социальное равенство, основной маркер реального гуманизма, уже не распространяется на всех. Социальное равенство как реализованная справедливость в обществе сохраняется фрагментами: внутри кланов, внутри семьи, внутри коллективов, внутри классов. Влияние уравнилельских отношений в одних исторических, экономических и географических условиях может усиливаться, в других – ослабевать. Так что, действительно, идеал социальной справедливости может быть реализован в обществе. Его реализация предполагает создание всем равных возможностей для саморазвития и совершенствования. Все эти действия входят в состав одного, но сложнейшего процесса: формирования условий для развития творческих сущностных сил человека. Только сам человек, осознав значимость таких возможностей, может способствовать развитию своих творческих способностей и способностей другого человека в интересах всего общества, тем самым укрепляя само общество.

Общество социальной справедливости – это как огонь, добытый в каменном веке: его необходимо постоянно поддерживать. Как поддерживать? Один из серьезных критиков марксизма, сторонник правых взглядов в науке Карл Поппер [38, с. 229] указал на главное достоинство социального проекта Маркса, поднимающего его над всеми остальными учениями – моральный пафос. Этические требования реального гуманизма близки к этическим нормам мировых религий, они не могли и не могут реализоваться за исторически очень короткий срок в современных условиях, но они могут стать нравственно-моральными ориентирами народов современных государств, народов мирового сообщества. Основная функция социально-гуманитарных наук именно и состоит в формировании модели социального строя в опоре на нравственно-моральные идеалы и ценности или, если сказать по Макс Веберу, они возвращают и укрепляют «дух» или этос общественного строя, постоянно конструируя и поддерживая ту модель социума, которая нужна для сохранения социальной общности, в том числе и государств-цивилизаций.

Выводы

В современную эпоху в духовной жизни социума важным фактором становится «искусство» влияния на систему ценностей или их изменение с целью изменения бытия самого общества и человека. Двадцать первый век иллюстрируют нам бесчисленное множество кризисных явлений в социумах. Соответственно духовный кризис мегасоциума глобален и обходит стороной только «локусы» простых обществ, если они где-то еще определяются. Главным маркером кризиса общества выступает отказ от ранее признаваемых духовных ценностей. Кризис духа

грозит распадом социума, погружением в новую архаику, привносит хаос, без принятия определённых мер способен спровоцировать самоуничтожение и гибель его «генома». Реализация идеалов социальной справедливости рассматривается нами как главное условие консолидации российского общества в условиях нарастающих внешних угроз.

На наш взгляд, можно выделить два основных направления в понимании способов реализации идеи социальной справедливости, раскрывающиеся в концепциях русских мыслителей XIX – XXI вв.: а) от человека, личности – к обществу: через внутреннюю трансформацию индивида к изменению всего общества (христианский мистицизм, персонализм, провиденциализм); б) от общества – к индивиду, носителю общественного сознания: посредством кардинальных преобразований внешнего мира, государственно-политического устройства, которое обеспечило бы изменения в самом человеке, его природе (диалектический материализм, марксизм-ленинизм).

Выход из критического состояния современного человеческого общества, как нами предполагается, лежит на пути реализации гуманистических стратегий, выработанных на основе идеалов социальной справедливости, с учетом реалий исторического цивилизационного опыта.

Список источников

1. Авдеева, И. А. Этнос как этическое-философское проблемное поле в контексте современных исследований / И. А. Авдеева // Вестник ТГУ. – 2013. – №7 (123). – С. 250-256.
2. Апресян, Р. Г. Профессиональная, прикладная и практическая этика / Р. Г. Апресян. – URL: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/kaunas/apr.html> (дата обращения: 10.06.2024).
3. Гусейнов, А. А. Возможно ли глобальное общество без глобального этоса? / А. А. Гусейнов // Гуманитарная культура как фактор преобразования России – URL: <https://www.lihachev.ru/chten/1998izbrannoe/5476/guseynov/> (дата обращения: 06.08.2024).
4. Мигушов, К. А. Философско-этическое исследование понятий «Мораль», «Нравственность», «Этнос» / К. А. Мигушов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4. – С. 160-166.
5. Осовская, М. И. Рыцарь и буржуа: исследования по истории морали / М. И. Осовская. – М. : Прогресс, 1987. – 528 с.
6. Патяева, Е. Ю. Системы социокультурного мотивирования: «этнос», «социальное поле», «диспозиция» / Е. Ю. Патяева // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2012. – № 3. – С. 81-94.
7. Пригожин, А. И. Российский этнос: обогащение или лечение / А. И. Пригожин // Общественные науки и современность. – 2006. – № 2. – С. 29-40.
8. Лосев, А. Этнос / А. Лосев // Философская энциклопедия. Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – 740 с.
9. Анчел, Е. Этнос и история / Е. Анчел / пер. с венг. М. А. Хевеши. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Nomyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-3/1 (дата обращения: 08.06.2024).
10. Вебер, М. Протестантские секты и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
11. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 656 с.
12. Вундт, В. Психология народов / В. Вундт. – Москва : Эксмо, 2002. – 864 с.
13. Зомбарт, В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека / В. Зомбарт. – М. : Наука, 1994. – 443 с.
14. Луман, Н. Самоописание / Н. Луман. – М. : Логос, 2009. – 320 с.
15. Мертон, Р. К. Социальная теория и социальная структура / Р. К. Мертон. – М.: АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
16. Мертон, Р. К. Социальная структура и аномия / Р. К. Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С. 299-313.

17. Шелер, М. *Ordo amoris* / Шелер М. // Избранные произведения. – М. : Гнозис, 1994. – 490 с.
18. Бакштановский, В. И., Согомонов, Ю. В. Социология морали: нормативно-ценностные системы / В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов // Социологические исследования. – 2003. – № 5 (229). – С. 8-20.
19. Гегель, Г. В. Ф. *Философия права* / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
20. Семёнов, Ю. И. Как возникло человечество? / Ю. И. Семёнов. – М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2002. – 788 с.
21. Бородай, Ю. М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания / Ю. М. Бородай. – М. : Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. – 416 с.
22. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: Р – у / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1999. – 688 с.
23. Чаадаев, П. Я. Философические письма / П. Я. Чаадаев. – URL: <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html> (дата обращения: 22.07.2024).
24. Гоголь, Н. В. *Путь истины* / Н. В. Гоголь. – М. : РИПОЛ классик, 2022. – 672 с.
25. Хомяков, А. С. О старом и новом / А. С. Хомяков. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-3/1 (дата обращения: 06.08.2024).
26. Хомяков, А. С. *Церковь одна* / А. С. Хомяков. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-2/#0_3 (дата обращения: 07.08.2024).
27. Киреевский, И. В. *Духовные основы русской жизни* / И. В. Киреевский. – М. : Институт русской цивилизации, 2007. – 448 с.
28. Соловьев, В. С. *Оправдание добра* / В. С. Соловьев. – М. : Азбука, 2021. – 768 с.
29. Толстой, Л. Н. *Об истине, жизни и поведении* / Л. Н. Толстой. – М. : ЭКСМО-Пресс, 1998. – 1040 с.
30. Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909 – 1910 / Сост. Коммент. Н. Казаковой; Предисл. В. Шелохаева. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 462 с.
31. Бердяев, Н. А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955. / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
32. Ленин, В. И. *Государство и революция* / В. И. Ленин // Избранные произведения. В 4-х т. Т. 2. – М. : Политиздат, 1986. – 553 с.
33. Гайдар, Е. *Восстановить единство с Европой* / Е. Гайдар // Европейская модернизация: В 2 кн. Кн. 2 / Д. Травин, О. Маргания. – М. : ООО «Издательство АСТ»; СПб : Terra Fantastica, 2004. – 572 с.
34. *Социальная справедливость в русской общественной мысли* / отв. ред. Ю. Б. Епихина. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – 268 с.
35. *Духовно-нравственные основы российской государственности: учебное пособие* / С. Н. Астапов, Л. Г. Бабахова, Т. А. Бондаренко [и др.]. – Ростов-на-Дону : ДГТУ, 2024. – 200 с.
36. *Святое Евангелие*. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2002. – 384 с.
37. Романов, Б. С. Как настоятель Кентерберийского собора дошел до Сталина. Англиканский священник Хьюлетт Джонсон в поисках этического социализма / Б. С. Романов. – URL: https://www.ng.ru/ideas/2024-02-12/8_8946_socialism.html (дата обращения: 19.08.2024).
38. Поппер, К. *Открытое общество и его враги*. В двух томах. Т. 2. / К. Поппер. – М. : Феникс, Международный фонд «КУЛЬТУРНАЯ ИНИЦИАТИВА», 1992. – 448 с.

References

1. Avdeeva I. A. Ethos as an ethical and philosophical problem in the context of modern research. *Tomsk State University Journal*. 2013;7(123):250–256. (In Russ.)
2. Apresyan R. G. *Professional, applied and practical ethics*. Available from: <https://iphras.ru/upload/ethics/RC/ed/kaunas/apr.html> (Accessed: 06/10/2024). (In Russ.)
3. Huseynov A. A. Is a global society possible without a global ethos? In: *Humanitarian culture as a factor of Russia's transformation*. Available from: <https://www.lihachev.ru/chten/1998izbrannoe/5476/guseynov/> (Accessed 08/06/2024). (In Russ.)
4. Migushov K. A. Philosophical and ethical analysis of the concepts of "Morality", "Morality", "Ethos". *Proceedings of Tula State University. Humanities*. 2017;(4):160–166. (In Russ.)

5. Ossovskaya M. I. *Knight and bourgeois: studies in the history of morality*. Moscow: Progress; 1987. 528 p. (In Russ.)
6. Patyaeva, E. Y. Systems of sociocultural motivation: "ethos", "social field", "disposition". *Bulletin of the Moscow University. Episode 14: Psychology*. 2012;(3):81–94. (In Russ.)
7. Prigozhin A. I. The Russian ethos: enrichment or treatment. *Social Sciences and modernity*. 2006;(2):29–40. (In Russ.)
8. Losev A. Ethos. In: *Philosophical encyclopedia*. Vol. 5. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1970. 740 p. (In Russ.)
9. Ancel E. Ethos and history. Translated from the Hungarian by M. A. Heveshi. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-3/1 (Accessed 06/08/2024). (In Russ.)
10. Veber M. Protestant sects and the spirit of capitalism. In: M. Veber. *Selected works*. Moscow: Progress; 1990. 808 p. (In Russ.)
11. Veber M. *Protestant ethics and the spirit of Capitalism*. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives; 2016. 656 p. (In Russ.)
12. Wundt V. *Psychology of peoples*. Moscow: Eksmo; 2002. 864 p. (In Russ.)
13. Sombart V. *Bourgeois: studies on the history of the spiritual development of modern economic man*. Moscow: Nauka; 1994. 443 p. (In Russ.)
14. Luhmann N. *Self-descriptions*. Moscow: Logos; 2009. 320 p. (In Russ.)
15. Merton R. K. *Social theory and social structure*. Moscow: AST : AST MOSCOW : GUARDIAN; 2006. 873 p. (In Russ.)
16. Merton R. K. Social structure and anomie. In: *Sociology of crime (Modern bourgeois theories)*. Moscow: Progress; 1966:299–313. (In Russ.)
17. Scheler M. Ordo amoris. In: *Selected works*. Moscow: Gnosis; 1994. 490 p. (In Russ.)
18. Bakshtanovsky V. I., Sogomonov Yu. V. Sociology of morality: normative and value systems. *Sociological research*. 2003;5(229):8–20. (In Russ.)
19. Hegel G. V. F. *Philosophy of law*. Moscow: Mysl; 1990. 524 p. (In Russ.)
20. Semenov Yu. I. *How did humanity arise?* Moscow: State Public Historical Library; 2002. 788 p. (In Russ.)
21. Borodai Yu. M. *Eroticism – death – taboo: the tragedy of human consciousness*. Moscow: Gnosis, Russian Phenomenological Society; 1996. 416 p. (In Russ.)
22. Dahl V. I. *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes*. Vol. 4. Moscow: Rus. yaz.; 1999. 688 p. (In Russ.)
23. Chaadaev P. Ya. *Philosophical letters*. Available from: <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html> (Accessed 07/22/2024).
24. Gogol N. V. *The Path of truth*. Moscow: RIPOL classic; 2022. 672 p. (In Russ.)
25. Khomyakov A. S. *About the old and the new*. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-3/1 (Accessed 08/06/2024). (In Russ.)
26. Khomyakov A. S. *The Church is one*. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-2/#0_3 (Accessed 08/07/2024). (In Russ.)
27. Kireevsky I. V. *Spiritual foundations of Russian life*. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2007. 448 p. (In Russ.)
28. Solovyov V. S. *Justification of goodness*. Moscow: Abc; 2021. 768 p. (In Russ.)
29. Tolstoy L. N. *On truth, life and behavior*. Moscow: EKSMO Press; 1998. 1040 p. (In Russ.)
30. *Milestones. The Intelligentsia in Russia: Collection of articles 1909-1910 / Comp. Comment by N. Kazakova; Preface by V. Shelokhaev*. Moscow: Molodaya Gvardiya; 1991. 462 p. (In Russ.)
31. Berdyaev N. A. *The origins and meaning of Russian Communism*. Reprint reproduction of the YMCA-PRESS, 1955. Moscow: Nauka; 1990. 224 p. (In Russ.)
32. Lenin V. I. *The State and revolution*. Selected works. In 4 volumes, vol. 2. Moscow: Politizdat; 1986. 553 p. (In Russ.)
33. Gaidar E. To restore unity with Europe. In: *European modernization: In 2 books. Book 2 / D. Travin, O. Marganiya*. Moscow: OOO "Publishing House AST"; St. Petersburg : Terra Fantastica, 2004. 572 p. (In Russ.)
34. *Social justice in Russian public thought*. Yu.B. Epikhin (ed.). Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2016. 268 p. (In Russ.)

35. *Spiritual and moral foundations of Russian statehood: a textbook* / S. N. Astapov, L. G. Babakhova, T. A. Bondarenko [et al.]. Rostov-on-Don: DSTU; 2024. 200 p. (In Russ.)
36. *The Holy Gospel*. Moscow: Sretensky Monastery Publishing House; 2002. 384 p. (In Russ.)
37. Romanov B. S. *How the rector of Canterbury Cathedral reached Stalin. Anglican priest Hewlett Johnson in Search of Ethical Socialism*. Available from: https://www.ng.ru/ideas/2024-02-12/8_8946_socialism.html (Accessed 08/19/2024). (In Russ.)
38. Popper K. *Open Society and its enemies*. In two volumes. Vol. 2. Moscow: Phoenix, International Foundation "CULTURAL Initiative"; 1992. 448 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. И. Ерошенко – доктор философских наук, профессор кафедры «Английского языка и гуманитарных дисциплин» ИВТ им. Г. Я. Седова – филиала Государственного морского университета им. адмирала Ф. Ф. Ушакова; профессор кафедры «История и культурология» ДГТУ.
Е. А. Складорова – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры «Философия и мировые религии» ДГТУ.

Information about the authors

T. I. Eroshenko – Dr. Sci. (Philos.), Professor of the Department of English Language and Humanities, Sedov Institute of Water Transport – branch of Admiral F. F. Ushakov State Maritime University; Professor of the Department of History and Cultural Studies, Don State Technical University.
E. A. Sklyarova – Dr. Sci. (Philos.), Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor of the Department of Philosophy and World Religions, Don State Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 21.02.2025.

The article was submitted 13.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 21.02.2025.

Научная статья

УДК 316+32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-234-241>

EDN QHGDJO

Традиция как социальный фактор

Владислав Алексеевич Лихотинский

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия,
lva1000@mail.ru, <https://orchid.org/0000-0003-0211-2674>

Аннотация

Введение. В статье исследуется традиция – социальный феномен, имеющий длительную историю и обладающий большим социальным значением, в настоящий момент не оценённым до конца отечественным обществоведением.

Цель. Выявить суть традиции как культурного феномена, особенности её генезиса, структуру и социальные функции.

Теоретические основы. В социальных и гуманитарных науках существует три базовых подхода к трактовке традиции. Первый подход можно обозначить как функциональный. Он предполагает рассмотрение традиции как функции передачи в историческом процессе ценностей отдельно взятого народа или целой цивилизации. Второй подход к трактовке традиции можно обозначить как субъектный, в силу того, что здесь традиция рассматривается как отношение к наследию предков. Традиция в данном случае не само наследие, а убеждённость в его ценности как фактор общественного сознания. Третий подход назовём объектным, так как традиция здесь понимается как наследие прошлого достойное сохранения и передачи грядущим поколениям. Применительно к анализу современных социальных процессов, последняя трактовка представляется наиболее подходящей, так как коррелирует с понятием «ценность», по поводу которого в современном мире ведётся острая полемика относительно оптимального устройства общества.

Результаты и выводы. Традиция есть социальный стереотип и динамическое явление. История представляет собой процесс отмирания одних социальных стереотипов и возникновения других. В любом обществе можно выделить «ядро» – первичную традицию, являющуюся основой общества и определяющую характер всех остальных элементов системы. Она обладает сакральным характером, наделяет смыслом и упорядочивает все остальные элементы культуры. Первичная традиция выполняет в обществе смыслообразующую функцию, а также функцию легитимации политической власти. Сложно организованное общество может выглядеть как совокупность традиций, в которой существуют первичная традиция и вторичные традиции как её варианты.

Традиция, на наш взгляд, есть наследие прошлого, подлежащее сохранению ради передачи грядущим поколениям. Важнейшим признаком, выделяющим традицию из ряда иных культурных феноменов, является её коллективный характер. Традиция – явление динамическое. История – это процесс отмирания одних социальных стереотипов и возникновения других. По этой причине традиции и инновации как социальные явления было бы правильно рассматривать в их диалектическом единстве. Традиция представляет собой точную аналогию процессу накопления и передачи опыта живыми организмами генетическим путём. Поскольку процесс формирования традиции выполняет в обществе ту же роль, что и естественный отбор в природе, она есть объект, доказавший свою ценность и защита первичной традиции социальной системы – это залог духовного и физического выживания народа и государства.

Ключевые слова: первичная традиция, социальный стереотип, ценность, динамическое явление, инновация, эволюция, опережающее отражение, самоорганизация, центральная зона, макросоциальный порядок

Для цитирования: Лихотинский В. А. Традиция как социальный фактор // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 234–241. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-234-241>. EDN QHGDJO

Tradition as a social factor

Vladislav A. Likhotskiy

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia,
lva1000@mail.ru, <https://orchid.org/0000-0003-0211-2674>

Abstract

Introduction. The article examines tradition, a social phenomenon with a long history and great social significance that is currently not fully appreciated by Russian social science.

Purpose. To identify the essence of tradition as a cultural phenomenon, the features of its genesis, structure and social functions.

Theoretical foundations. In the social sciences and humanities, there are three basic approaches to the interpretation of tradition. The first approach can be described as functional. It involves considering tradition as a function of transmitting the values of a particular people or an entire civilization in the historical process. The second approach to the interpretation of tradition can be designated as subjective, due to the fact that here tradition is considered as a relation to the heritage of the ancestors. In this case, tradition is not the heritage itself, but the conviction of its value as a factor of public consciousness. The third approach is called the object approach, since tradition is understood here as a legacy of the past worthy of preservation and transmission to future generations. As applied to the analysis of modern social processes, the latter interpretation seems to be the most appropriate, since it correlates with the concept of "value", about which there is an acute debate in the modern world regarding the optimal structure of society.

Results and conclusions. Tradition is a social stereotype and a dynamic phenomenon. History is a process of the death of some social stereotypes and the emergence of others. In any society, one can single out the "core" – the primary tradition, which is the basis of society and determines the nature of all other elements of the system. It has a sacred character, gives meaning and organizes all other elements of culture. The primary tradition performs a semantic function in society, as well as the function of legitimizing political power. A complexly organized society may look like a set of traditions in which there is a primary tradition and secondary traditions as its variants. Tradition, in our opinion, is a legacy of the past that must be preserved in order to be passed on to future generations. The most important feature that distinguishes a tradition from a number of other cultural phenomena is its collective nature. Tradition is a dynamic phenomenon. History is the process of some social stereotypes dying out and others emerging. For this reason, it would be correct to consider traditions and innovations as social phenomena in their dialectical unity. Tradition is an exact analogy to the process of accumulation and transmission of experience by living organisms through genetic means. Since the process of tradition formation plays the same role in society as natural selection in nature, it is an object that has proven its value and the protection of the primary tradition of the social system is the key to the spiritual and physical survival of the people and the state.

Keywords: primary tradition, social stereotype, value, dynamic phenomenon, innovation, evolution, anticipatory reflection, self-organization, central zone, macrosocial order

For citation: Likhotskiy V. A. Tradition as a social factor. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):234–241. [In Russ.]. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-234-241>. EDN QHGDJO

Введение

В последние годы всё более очевидной становится разрушительная суть активно пропагандируемых Западом стандартов общественной жизни. Элементарные основы полноценного человеческого существования такие как пол, семья и даже биологическая идентичность человека подвергаются разрушительному воздействию. Демократия парадоксальным образом превращается во власть меньшинства без учёта интересов и потребностей большинства. Как следствие, защита того, что до недавнего времени казалось незыблемым становится важной задачей от решения которой зависит судьба целых народов и государств. В этой связи представляется актуальным социально-философский анализ категории «традиция» имеющей большое значение для социальной практики, направленной на сохранение и развитие общества.

Цель исследования – выявить суть традиции как культурного феномена, особенности её генезиса, структуру и социальные функции. **Рабочая гипотеза исследования:** в основании любой социальной системы лежит фундаментальная (первичная) традиция заключающая в себе комплекс базовых ценностей принципиально определяющих характер остальных социальных институтов (традиций).

Теоретические основы

Традиция как основополагающий фактор социальной жизни изучена недостаточно. Она исследовалась в контексте частных направлений гуманитарных и социальных наук и трактовалась очень по-разному [1].

В социальных и гуманитарных науках существует три базовых подхода к трактовке традиции [2]. Первый подход можно обозначить как функциональный. Он предполагает рассмотрение традиции как функции передачи в историческом процессе ценностей отдельно взятого народа или целой цивилизации [3]. Здесь большое значение имеет наличие либо отсутствие письменности. Этот фактор оказывает решающее влияние на культуру в целом. Согласно такому подходу, исследовать феномен традиции исключительно как элемент традиционного общества ошибочно, по той причине, что традиция имеет большое значение для любого общества как устойчивой системы. В тоже время, механизмы традиции могут существенно отличаться в зависимости от уровня развития социальной системы [4].

Второй подход к трактовке традиции можно обозначить как субъектный, в силу того, что здесь традиция рассматривается как отношение к наследию предков. Традиция в данном случае не само наследие, а убежденность в его ценности как фактор общественного сознания.

Третий подход назовём объектным, так как традиция здесь понимается как наследие прошлого достойное сохранения и передачи грядущим поколениям. Применительно к анализу современных социальных процессов, последняя трактовка представляется наиболее подходящей, так как коррелирует с понятием «ценность», по поводу которого в современном мире ведётся острая полемика относительно оптимального устройства общества.

Вплоть до недавнего времени отношение научного сообщества к самому понятию «традиция» в большинстве случаев основывалось на позиции М. Вебера, который противопоставлял рациональное и традиционное. Согласно его подходу, традиционное наследие является помехой для эволюционного процесса развития общества. Традиция оценивалась Вебером как исчезающий элемент культуры, который неизбежно проиграет в конкурентной борьбе с современными элементами социальной жизни. Наследие прошлого расценивалось как нечто обречённое на исчезновение по объективным причинам. Такой взгляд на проблему традиции напрямую связан с популярностью в академической среде представлений о прогрессивно-стадиальной логике развития общества.

В 60-70-е гг. возникла альтернатива доминирующему в общественных науках взгляду на традицию как нечто застывшее. Высказывалась точка зрения, согласно которой традиция обладает внешней и внутренней стороной. То есть традиция обладает изменяющейся формой и постоянной сущностью. В тоже время в ряде случаев исследователи продолжали придерживаться старого значения термина «традиция» [5, с. 170–173].

Американский социолог, представитель структурного функционализма Э. Шилз писал о том, что приверженность традиции проявляется в разных версиях полученного от предыдущих поколений наследия. Традиция не является чем-то самовоспроизводящимся. Традиция способна к развитию так как её носители стремятся создать нечто лучшее [6, с. 13–15].

В российском востоковедении понятие «традиция» трактуется так же, как и на Западе до 60-х гг. Та же ситуация в отечественной социологии. При этом российские культурологи всегда рассматривали традицию как нечто подвижное [6, с. 175]. В отечественном обществоведении имели место дискуссии о том, можно ли понимать термин «традиция» широко или под ним следует понимать только обряды и обычаи. Если трактовать традицию широко, тогда она неизбежно отождествляется с культурой. Нужно выявить критерий, который бы отделял эти понятия. Отечественный культуролог Э. Маркарян в качестве такого критерия выдвинул факт общественного принятия опыта. Традиция, по его мнению, есть социальный стереотип.

Получается, что традиция - это социальный опыт, выражающийся в коллективных стереотипах, который сосредотачивается и воспроизводится на протяжении истории.

Выявленный критерий отделяет традицию от всех видов опыта не носящего коллективного характера, а именно индивидуальную культуру людей. По этой причине можно выделить два вида культурных стереотипов – групповые и индивидуальные из которых первые являются традициями, а вторые – нет.

Критерий коллективности даёт возможность выделить в единую категорию все социальные стереотипы. Он позволяет включить в категорию традиции большой перечень явлений. Это не только стереотипные ценностные установки, ритуалы или обычаи, но и комплекс установлений политического и даже юридического характера. Объединение в одной категории разных форм социальной деятельности не ведёт автоматически к игнорированию их отличий, но позволяет исследовать эти отличия в рамках единого класса явлений. Этот подход является основой для фундаментального систематического анализа стереотипизированных видов деятельности и осуществления их классификации.

Традицию нередко противопоставляют творчеству. Это противопоставление имеет смысл только в том случае, если традицию рассматривать статически. Если же изучать традицию как динамическое явление, то такое противопоставление оказывается неоправданным по той причине, что инновация, принятая коллективом, стереотипизируется и становится традицией. Динамика традиции – это исторический процесс отмирания одних социальных стереотипов и образования других.

Можно сказать, что этот процесс является фундаментом самоорганизации общества. Таким образом, традиции и инновации тесно связаны. Инновация является основой для работы традиции, а традиция в свою очередь, выступает в качестве условия создания той культурной базы посредством соединения элементов которой формируются инновации. Инновации способствуют усилению адаптивных свойств системы, крайне необходимых в меняющихся условиях среды. В тоже время, радикальные изменения, не вызванные необходимостью, ведут к дестабилизации системы, снижают её устойчивость и подвергают риску разрушения.

Когда социальные изменения вызваны необходимостью, имеют постепенный характер и их результаты стереотипизируются, новации содействуют усилению жизнеспособности общества. По этой причине, традиции и инновации справедливо рассматривать в их диалектическом единстве [1, с. 154–155].

В процессе исследования генезиса традиций как социального феномена, аккумулирующего жизненный опыт поколений, важно, на наш взгляд, провести сравнительный анализ традиции со схожими явлениями в живой природе. Это даст возможность лучше понять механизм, посредством которого обретенный опыт транслировался из одного поколения в другое. Несмотря на то, что традиция это социальное, а не биологическое явление, она представляет собой точную аналогию процессу накопления и передачи опыта живыми организмами генетическим путём. То есть значение традиций в социальной эволюции сходно со значением генетических программ в ходе эволюции популяций животных и растений.

Опережающее отражение действительности есть существенная особенность живых организмов. Это свойство основано на их способности использовать информацию как средство системной самоорганизации. Этот подход даёт возможность объяснить традицию как частный случай и своеобразное проявление опережающего отражения, основывающегося на социальном стереотипе. Традиции основаны на адаптации к ожидаемым условиям среды подобно генетическим программам природных систем, нацелены на принципиально значимые для выживания стабильные факторы.

Получается, что традиция несёт в себе стратегическое видение условий жизни грядущих поколений, что делает возможным физическое воспроизводство общества. Так традиция обеспечивает стабильность социальной жизни. Так же, как и биологические программы популяций животных, традиции человеческих общностей не способны учесть фактического разнообразия условий существования даже в самые стабильные исторические эпохи. По этой причине адаптация к особенностям среды, не предусмотренным традицией, осуществляется посредством активизации творческих способностей общества, являющихся по сути аналогом мутаций в процессе

биологической эволюции. Получается, что процесс формирования традиции выполняет в обществе жизни ту же роль, что естественный отбор в природе [1, с. 156-158].

Не все традиции имеют одинаковую значимость. В любом обществе можно выделить «ядро» – первичную традицию, являющуюся основой общества и определяющую характер всех остальных элементов системы. Американский социолог Э. Шилз назвал такую традицию «центральной зоной» культуры. Она может по-разному представляться членам причастного к ней общества, но принадлежность к этой системе определяется именно отношением к первичной традиции. Географическая локализация общества здесь не имеет существенного значения. Можно сказать, что центральная зона, это совокупность фундаментальных верований и ценности общества. Она обладает сакральным характером, наделяет смыслом и упорядочивает все остальные элементы культуры. У каждого общества есть своя «официальная религия», даже если её существование не осознаётся и формально это общество является светским. Помимо прочего, центральная зона (традиция) влияет на характер активности людей, определяет базовые социальные роли [7, с. 117].

Социальная система несёт в себе политическую, экономическую и статусную подсистемы, основанные на определённых культурных ценностях. Организационная структура каждой из подсистем испытывает на себе значительное влияние центральной зоны. Она всегда связана с подсистемами личностными отношениями, разнообразными контактами и общими авторитетами, а также географической локализацией, которая может обладать символическим значением [8, с. 183–184].

Подсистемы имеют свои элиты. Решения, принимаемые такими элитами, становятся элементами совокупности, выстроенной по единому стандарту, для которого социальная система как целостность является основой. Совокупность ценностей, находящих выражения в этих стандартах и являются «центральной зоной» или первичной традицией общества.

Первичная традиция предполагает связь с тем, что общество считает сакральным. По этой причине приверженность к такой традиции является средством легитимации политической власти и не только её. Первичная традиция определяет ценности, закладываемые элитами при создании подсистем, которые они возглавляют. Такие ценности, выражаемые явно, обретают чёткую форму. Например, политические элиты открыто заявляют те ценности, на которые ориентируются в повседневной жизни рядовые граждане. Аналогична ситуация в экономической и иных сферах жизни.

Первичная традиция несёт в себе то содержание, которое производит ценности, являющиеся в свою очередь содержанием вторичных традиций. Эта же центральная зона формирует отношения ролей и элит, а также удовлетворяет социальный запрос на причастность к трансцендентному. Первичная традиция несёт священные символы и принцип их систематизации. В процессе приобщения к центральной зоне культуры индивиды взаимодействуют с чем-то таким, что является куда более значимым, чем повседневность их окружающая. Важной особенностью первичной традиции является её способность сохраняться в эпохи революционных потрясений и после реставрировать подсистемы общества.

По мнению израильского социолога С. Эйзенштадта, смыслообразующая функция первичной традиции явления связана с возникновением внутри неё ряда элементов. Один из них исследователь обозначил как «концепцию общества». Этот элемент служит институализации и систематизации опыта социума на базе определённых принципов. «Концепция общества» объясняет его происхождение и может выступать в виде мифа обращённого в прошлое и вместе с тем объясняющего настоящее. Так формируется коллективная идентичность. Обозначаются границы общества, отделяющие его от иных человеческих объединений, несущих другой культурный багаж. Границы эти не всегда являются географическими, часто они носят исключительно социально-психологический характер.

Другой элемент первичной традиции – совокупность средств легитимации политической власти. Она включает в себя представление о стратегической цели общества, определяет тактические цели в разных сферах жизни, а также регулирует отношения между разными социальными субъектами.

Можно сделать вывод о том, что центральная зона выполняет систематизирующую и целелеполагающую функции. Первичная традиция может нести в себе ряд версий, при том, что все они связаны с коллективной идентичностью. Любая развитая культура с длительной историей предполагает наличие вопроса о фундаментальных проблемах жизни. Для первичной традиции это означает, что её выражения доступны для альтернативных интерпретаций в понятиях актуальных для текущего периода истории [8, с. 140].

Сложноорганизованный макросоциальный порядок в большинстве случаев не является стройной системой, а скорее представляет собой несколько разных видов организации, т. е. представляет собой совокупность нескольких версий характерной для данного общества традиции [9, с. 480].

Стратифицированное общество может выглядеть как совокупность традиций в которой существует первичная традиции и вторичные традиции как её варианты. Центр «обрастающий» комплексом вторичных традиций, это их единый фундамент, а именно система взглядов на экзистенциальные проблемы человека, а также представления об оптимальном социокультурном порядке. Сюда же можно отнести иерархию измерений существования человека и их значимость для цивилизационной идентичности [10, с. 10].

Результаты и обсуждение

Традиция – есть наследие прошлого, подлежащее сохранению ради передачи грядущим поколениям. Такая трактовка, на наш взгляд, является наиболее актуальной, так как напрямую связана с понятием «ценность», по поводу которого в современном мире ведётся острая дискуссия. Важнейшим признаком, выделяющим традицию из ряда иных культурных феноменов, является её коллективный характер. Традиция является социальным стереотипом. Существуют два вида культурных стереотипов – групповые и индивидуальные из которых первые являются традициями, а вторые – нет. К традициям можно отнести все социально значимые установления, в том числе феномены политического и юридического характера. Традиция – явление динамическое. История – это процесс отмирания одних социальных стереотипов и возникновения других. Поэтому традиции и инновации как социальные явления было бы правильно рассматривать в их диалектическом единстве. Традиция представляет собой точную аналогию процессу накопления и передачи опыта живыми организмами генетическим путём. В любом обществе можно выделить «ядро» – первичную традицию, являющуюся основой общества и определяющую характер всех остальных элементов системы.

Можно сказать, что первичная традиция – центральная зона, это совокупность фундаментальных верований и ценности общества. Она обладает сакральным характером, наделяет смыслом и упорядочивает все остальные элементы культуры. Социальная система несёт в себе политическую, экономическую и статусную подсистемы, основанные на определённых культурных ценностях.

Организационная структура каждой из подсистем испытывает на себе значительное влияние центральной зоны. По этой причине приверженность к такой традиции является средством легитимации политической власти и не только её. Смыслообразующая функция первичной традиции явления связана с возникновением внутри него ряда элементов. Один из них можно обозначить как «концепцию общества». Этот элемент служит институализации и систематизации опыта социума на базе определённых принципов.

Другой элемент первичной традиции – совокупность средств легитимации политической власти. Первичная традиция может нести в себе ряд версий, при том, что все они связаны с коллективной идентичностью. Для первичной традиции это означает, что её выражения доступны для альтернативных интерпретаций в понятиях актуальных для текущего периода истории.

Стратифицированное общество, включающее в себя ряд подсистем, предполагает возможность существования характерной для каждой из подсистем версий традиции. Оно может выглядеть как совокупность традиций в которой существует первичная традиции и вторичные традиции как её варианты.

Важно отметить, что первичная традиция напрямую связана с формированием социальной системы как таковой. Здесь ярким примером, на наш взгляд, является роль христианства

в генезисе древнерусского общества. Христианская религия в эпоху Владимира Крестителя выступила в качестве новации переросшей в первичную традицию и оказавшей огромное влияние на дальнейшую историю русской культуры и российской социальной системы. Важной вторичной традицией здесь стала самодержавная монархия, со временем трансформировавшаяся в абсолютную. Русский монарх на протяжении тысячи лет был сакральной фигурой. Его власть имела религиозную окраску и фундаментом легитимности здесь выступало православное христианство. При том, что традиция монархической власти испытала на себе византийские влияния, она была вполне самобытна.

Другой вторичной традицией, имевшей большое значение для российской социальной системы, была так называемая «симфония властей» – специфическая модель церковно-государственных отношений. Она перенята также из Византии и представляла собой своеобразный принцип разделения властей, основанный на православном толковании Евангелия. Эта традиция предполагает чёткое разделение сфер деятельности религиозной и светской властей при их взаимной поддержке и сотрудничестве.

Приведённые факты являются одним из возможных подтверждений заявленной гипотезы исследования, согласно которой в основании любой социальной системы лежит базовая традиция как совокупность главных для данного общества ценностей, определяющих в свою очередь, свойства остальных социальных институтов (традиций).

Заключение

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Традиция, на наш взгляд, есть наследие прошлого, подлежащее сохранению ради передачи грядущим поколениям. Важнейшим признаком, выделяющим традицию из ряда иных культурных феноменов, является её коллективный характер.

Традиция – явление динамическое. История – это процесс отмирания одних социальных стереотипов и возникновения других. По этой причине традиции и инновации как социальные явления было бы правильно рассматривать в их диалектическом единстве. Традиция представляет собой точную аналогию процессу накопления и передачи опыта живыми организмами генетическим путём. Поскольку процесс формирования традиции выполняет в обществе ту же роль, что и естественный отбор в природе, она есть объект, доказавший свою ценность и защита первичной традиции социальной системы – это залог духовного и физического выживания народа и государства.

Список источников

1. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ). М.: Мысль, 1983. 284 с.
2. Щербинина Н. Г. Политический миф России. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2023. 98 с.
3. Традиция в истории культуры. Сб. статей. Составитель В. А. Карпушин. М.: Наука, 1978. 280 с.
4. Шацкий Е. Утопия и традиция / Пер. с польск. / Общ. ред. и послесл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
5. Леонтьев К. Н. Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьёву / Леонтьев К.Н. Избранное. М.: "Пагоръ", 2019. 400с.
6. Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Академический проект, 2003. 624 с.
7. Shills E. A. Centre and Periphery. In: The Logic of Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi on his Seventieth Birthday. London, Routledge and Kegan Paul, 1961, pp. 117–130.
8. Eisenstadt Sh. N. Frameworks of the great revolutions: culture, social structure, history and human agency // International social science journal, XLIV, 3, p. 385–401, 1992.
9. Добренёв В. И., Кравченко А. И. Социальная антропология. М.: ИНФРА-М, 2005. 688 с.
10. Eisenstadt Sh. N. Socialism and Tradition. New York, 1975. 262 p.

References

1. Markarian E. S. *Theory of culture and modern science: (logical and methodological analysis)*. Moscow: Mysl; 1983. 284 p. (In Russ.)
2. Shcherbinina N. G. *The political myth of Russia*. Tomsk: Publishing House of Tomsk University; 2023. 98 p. (In Russ.)
3. *Tradition in the history of culture*. Collection of articles. Compiled by V. A. Karpushin. Moscow: Nauka Publ.; 1978. 280 p. (In Russ.)
4. Shatsky E. *Utopia and tradition*. Translated from Polish. General ed. and afterword by V.A. Chalikova. Moscow: Progress; 1990. 456 p. (In Russ.)
5. Leontiev K. N. Letters to Vladimir Sergeevich Solovyov. In: *Leontiev K.N. Izbrannoe*. Moscow: "Ragori"; 2019. 400 p. (In Russ.)
6. Lurie S. V. *Historical ethnology*. Moscow: Academic Project; 2003. 624 p. (In Russ.)
7. Shills E. A. Centre and Periphery. In: *The Logic of Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi on his Seventieth Birthday*. London, Routledge and Kegan Paul, 1961, pp. 117-130.
8. Eisenstadt Sh. N. Frameworks of the great revolutions: culture, social structure, history and human agency. *International social science journal*. 1992; XLIV, 3:385–401
9. Dobrenkov V. I., Kravchenko A. I. *Social anthropology*. Moscow: INFRA-M; 2005. 688 p.
10. Eisenstadt Sh. N. *Socialism and Tradition*. New York; 1975. 262 p.

Информация об авторе

В. А. Лихотинский – кандидат политических наук, доцент, Донской государственный технический университет.

Information about the author

V. A. Likhotinsky – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor, Don State Technical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 06.03.2025.

The article was submitted 03.02.2025; approved after reviewing 05.03.2025; accepted for publication 06.03.2025.

Социальная эксклюзия и образ жизни сельской молодежи в социологическом измерении

Александр Иванович Омутков¹,
Виктор Михайлович Захаров²

^{1,2}Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

¹Bel_Omut@mail.ru

²zakharov@bsuedu.ru

Аннотация

Введение. В статье исследуется понятие «социальная эксклюзия», которое стало актуальным в социологической науке в последние несколько десятилетий. Социальная эксклюзия имеет множество причин и последствий, что делает её многогранной и сложной для анализа. Особое внимание в статье уделяется сельской молодежи, которая часто оказывается в уязвимом положении, что приводит к заключению о необходимости ее рассмотрения с позиции особенностей образа жизни данной социальной группы, рассмотрены различные факторы, влияющие на уровень социальной интеграции молодежи.

Цель. Определить основные факторы, способствующие социальной эксклюзии сельской молодежи. Изучить образ жизни и потребностей данной группы, включая их досуг, образованные привычки и социальные процессы.

Материалы и методы. Методология исследования базируется на концептуальных положениях теории социальной эксклюзии, раскрывающих суть, причины и последствия её возникновения, а также на базе анализа работ отечественных и зарубежных ученых, исследовавших социальную эксклюзию, что позволило выявить спектр актуальных причин возникновения данной проблемы.

Результаты и выводы. Отток сельского населения трудоспособного возраста, в том числе молодежи, с каждым годом увеличивается, что прежде всего связано с социально-экономическим неравенством и увеличивающемся с каждым годом отставанием уровня жизни в сельской местности от городского. Значимость результатов исследования заключается в том, что рассмотрение данной проблемы будет способствовать научному осмыслению имеющихся проблем и поиску новых решений данной проблематики.

В статье определено, что низкий уровень жизни, высокие цены на жилье и трудности на рынке труда создают барьеры, которые затрудняют социализацию сельской молодежи. Таким образом, для решения проблем, связанных с социальной эксклюзией молодежи, необходимо разработать комплексные меры, направленные на улучшение условий жизни в сельских территориях, создание новых рабочих мест, развитие образовательных программ и поддержку инициатив, способствующих социальной интеграции. Только так можно обеспечить молодежи равные возможности для самореализации и участия в жизни общества, независимо от того, где они живут.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, социальные группы, самоидентификация, сельская молодежь, депривация, образ жизни, интеграция, ограниченный доступ, инклюзивные процессы

Для цитирования: Омутков А. И., Захаров В. М. Социальная эксклюзия и образ жизни сельской молодежи в социологическом измерении // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 242–252. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-242-252>. EDN QIKRAB

Social exclusion and lifestyle of rural youth in a sociological dimension

Alexander I. Omutkov¹,
Viktor M. Zakharov²

^{1,2}Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

¹Bel_Omut@mail.ru

²zakharov@bsuedu.ru

Abstract

Introduction. The article explores the concept of "social exclusion", which has become relevant in sociological science in the last few decades. Social exclusion has many causes and consequences, which makes it multifaceted and difficult to analyze. Special attention is paid in the article to rural youth, who often find themselves in a vulnerable position, which leads to the conclusion that it is necessary to consider them from the perspective of the lifestyle of this social group, various factors affecting the level of social integration of youth are considered.

Purpose. Identify the main factors contributing to the social exclusion of rural youth. To study the lifestyle and needs of this group, including their leisure time, educational habits and social processes.

Materials and methods. The research methodology is based on the conceptual provisions of the theory of social exclusion, which reveal the essence, causes and consequences of its occurrence, as well as on the basis of an analysis of the works of domestic and foreign scientists who have studied social exclusion, which made it possible to identify a range of relevant causes of this problem.

Results and conclusions. The outflow of the rural working-age population, including young people, is increasing every year, primarily due to socio-economic inequality and the increasing lag in rural and urban living standards. The significance of the research results lies in the fact that consideration of this problem will contribute to the scientific understanding of existing problems and the search for new solutions to this problem. The article determines that low living standards, high housing prices and difficulties in the labor market create barriers that make it difficult for rural youth to socialize. Thus, in order to solve the problems associated with the social exclusion of young people, it is necessary to develop comprehensive measures aimed at improving living conditions in rural areas, creating new jobs, developing educational programs and supporting initiatives that promote social integration. This is the only way to ensure that young people have equal opportunities for self-realization and participation in society, regardless of where they live.

Keywords: social exclusion, social groups, self-identification, rural youth, deprivation, lifestyle, integration, limited access, inclusive processes

For citation: Omutkov A. I., Zakharov V. M. Social exclusion and lifestyle of rural youth in a sociological dimension. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):242–252. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-242-252>. EDN QIKRAB

Введение

Российское общество претерпевает глубокие социально-экономические и социокультурные изменения, которые коренным образом трансформируют его структуру, затрагивая как социальные группы, так и демографический состав. Одной из ключевых проблем пространственного развития страны стало резкое межрегиональное социально-экономическое неравенство и отставание уровня жизни в сельской местности от городского. Это приводит к миграции трудоспособного населения, и особенно молодежи, в крупные городские агломерации, оставляя села все более опустевшими. В результате отток населения ведет к упадку сельской инфраструктуры, снижению доступности образования, медицины и других социальных услуг, что в свою очередь, усиливает миграционные процессы.

Закрепление молодежи в сельской местности и создание условий для реализации ее потенциала, стало одной из приоритетных задач государственной политики. Это не только демографический вызов, но и вопрос сохранения культурного наследия, развития сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности. Сельская молодежь острее других социальных групп ощущает на себе последствия неравенства, связанного с местом проживания и уровнем доходов. Ограниченный доступ к качественному образованию, современным технологиям, культурным и развлекательным мероприятиям, а также нехватка перспективных вакансий делают сельскую местность менее привлекательной для молодого поколения. Статистика подтверждает тревожную тенденцию сокращения численности сельской молодежи.

Согласно докладу «О результатах проведенного мониторинга состояния социально-экономического развития сельских территорий в 2023 году» проводимого Министерством сельского хозяйства Российской Федерации, мы можем наблюдать, что доля населения моложе трудоспособного возраста в городе в 2017-2021 гг. растет (с 17,7% до 18,4%), в то время как в сельской местности, наоборот, убывает (с 20,2% до 19,8), что может быть связано с длительным оттоком сельской молодежи в города. Доля населения старше трудоспособного возраста в сельской местности выше, чем в городе: в 2022 г. в сельской местности этот показатель составил 25,2%, в городе – 23,7%. Ключевой фактор – сельская миграция молодежи в города, в результате которой сельская местность в части регионах Российской Федерации населена преимущественно пожилым населением (например, в Центральном Нечерноземье)¹.

Если рассматривать показатели Центрального-Черноземья, например Белгородскую область, то согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области (Белгородстат) за 2023 г., то по официальным данным на 1 января 2022 г. всё население Белгородской области достигало 1 536 466 чел. Из них 1 003 348 приходилось на городских жителей, а 533 118 – на сельских, что составляет 34,7 % от общего числа населения. Спустя год, на 1 января 2023 г. численность населения области составила 1 514 527 чел. Разница составляет 21 939 чел. Причём число городских жителей уменьшилось на 13 532 чел., что составляет 1,35%, а сельских – на 8 407, что составляет 1,58% от показателей численности населения сельских территорий по отношению к предыдущему году. Данные статистики в очередной раз показывают, что из сельских территорий население уезжает гораздо чаще, чем из городских. Одна из основных причин таких показателей в сельской территории является социальная эксклюзия².

Материалы и методы

Исследование опиралось на качественный анализ совокупности официальных документов / текстов – материалов официального сайта Министерством сельского хозяйства Российской Федерации и официального сайта Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области в период с 1 января 2022 г. по 1 января 2023 г. включительно. Хронологические рамки коррелируют с указанными выше событиями, повлиявшими на отток населения в том числе молодежи из сельской местности в городские агломерации и причин рассматриваемой проблемы.

Рассмотрены основные понятия социальной эксклюзии и её аспекты, включая экономическую (доступ к ресурсам, возможности трудоустройства), социальную (доступ к образованию, здравоохранению, культурным мероприятиям), пространственную (изолированность сельских территорий, ограниченный доступ к транспорту и коммуникациям). Исследование учитывает работы многих отечественных и зарубежных ученых, исследовавших данную проблему.

¹ Доклад «О результатах проведенного мониторинга состояния социально-экономического развития сельских территорий в 2023 году», Анализ проведен Министерством сельского хозяйства Российской Федерации в 2023 г. в рамках государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696, URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/b0b/pw8tnifok6w7wlvptffuib1l0nlmuj0c.pdf>, (дата обращения 20.12.2024 г.).

² Статистические данные подготовлены Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области (Белгородстат), в рамках ежегодных статистических мероприятий в 2023 г. URL: <https://31.rosstat.gov.ru/naselenie> (дата обращения 20.12.2024 г.).

Результаты

Рассматривая понятие «социальная эксклюзия», мы понимаем, что оно многогранно и неоднозначно, его трактовка существенно варьируется в зависимости от дисциплинарной принадлежности исследователя. В социологии, наиболее распространенное понимание социальной эксклюзии сводится к исключению определенных групп из полноценного участия в общественной жизни. Классическими примерами таких групп являются дети-сироты, инвалиды, пожилые люди, лица с девиантным поведением (включая наркозависимых, лиц, осужденных за преступления, и людей с психическими расстройствами). Их эксклюзия проявляется как в ограничении социальных прав (например, доступ к образованию, здравоохранению, занятости), так и в специфическом восприятии собственного положения в обществе, формировании специфической самоидентификации, часто сопровождающейся стигматизацией. Это приводит к маргинализации – процессу отстранения от основных социальных институтов и процессов, что может усугубляться дискриминацией со стороны окружающих.

Однако традиционный социологический подход часто упускает из виду нюансы социальной эксклюзии, проявляющиеся в менее очевидных, но не менее важных формах. В частности, недостаточно внимания уделяется исследованию молодежи сквозь призму социальной эксклюзии. Это объясняется, во-первых, сложностью определения границ «молодежи» как социальной группы, которая постоянно меняется и характеризуется внутренним разнообразием. Во-вторых, традиционные методы социологического анализа часто оказываются неэффективными для изучения динамичных и быстро меняющихся аспектов образа жизни молодых людей. В-третьих, молодежная субкультура и идентичность часто строятся на противопоставлении себя доминирующей культуре, что делает применение стандартных оценочных критериев проблематичным. Более перспективным представляется подход, рассматривающий социальную эксклюзию молодежи через призму особенностей ее образа жизни. Это требует анализа множества факторов, включая: доступ к ресурсам (материальным, информационным, социальным); уровень образования и профессиональной подготовки; доступ к здравоохранению и социальным услугам; характер межличностных отношений и социальных связей; участие в различных социальных группах и сообществах; ценностные ориентации и жизненные планы. Ограниченный доступ к качественному образованию, например, может привести к снижению возможностей трудоустройства и, как следствие, к экономической уязвимости и социальной изоляции. Аналогично, отсутствие доступа к информационным ресурсам и технологиям может затруднить интеграцию в современное общество.

Для систематизации теоретических подходов к изучению образа жизни и социальной эксклюзии молодежи необходим междисциплинарный подход, объединяющий социологию, психологию, антропологию и другие гуманитарные дисциплины. Это позволит более полно учесть сложное взаимодействие индивидуальных, социальных и культурных факторов, определяющих уровень социальной интеграции и эксклюзии молодых людей. Необходимо также учитывать региональные особенности, так как условия жизни и доступ к ресурсам могут значительно варьироваться в зависимости от географического положения и уровня развития региона. Исходя из этого, мы можем сделать вывод о том, что более глубокое понимание социальной эксклюзии молодежи требует разработки новых методов исследования, ориентированных на качественный анализ данных и учет субъективного опыта молодых людей. Это позволит разработать более эффективные стратегии социальной политики, направленные на преодоление социального неравенства и обеспечение полноценной социальной интеграции молодежи.

Историческая ретроспектива понятия социальной эксклюзии демонстрирует значительную вариативность интерпретаций, обусловленную национальными контекстами и акцентами на этических или нормативных аспектах.

Англосаксонская традиция, фокусирующаяся на нормативном подходе, понимает эксклюзию преимущественно через призму института прав человека. Инклюзия в рамках этой парадигмы рассматривается как результат успешной реализации инклюзивных процессов, направленных на обеспечение равного доступа к правам и возможностям для всех членов общества [1, с. 30]. При этом, критерии «нормального» образа жизни и, следовательно, уровня инклюзии, определяются доступом к определённому набору ресурсов, варьирующемуся в зависимости

от конкретного исторического периода и социально-экономического контекста. Этот подход часто критикуют за недостаточное внимание к структурным факторам, порождающим социальное неравенство, и за акцент на индивидуальной ответственности за преодоление бедности.

Французский подход, напротив, ориентирован на этический аспект, подчеркивая важность солидарности и интеграции как фундаментальных ценностей, недостижимых без безусловного уважения прав всех меньшинств. Здесь эксклюзия понимается не просто как лишение доступа к ресурсам, но как нарушение этического принципа равенства и достоинства, как исключение из общественной жизни на основе дискриминации по признакам расы, пола, вероисповедания или других социальных характеристик. Французская традиция более внимательна к коллективным правам и стремится к созданию более справедливого и инклюзивного общества путем решения проблем системной дискриминации и социального неравенства [2–3].

Влияние концепции относительной бедности Питера Таунсенда, появившейся в 1970-х гг., стало переломным моментом в понимании социальной эксклюзии. Таунсенд аргументировал, что бедность следует рассматривать не только как абсолютное отсутствие необходимых для выживания ресурсов (пища, жильё), но и как относительное отставание от преобладающего уровня жизни в данном обществе. Его работа дала импульс к широкому использованию термина «социальная эксклюзия» в академических кругах и политической сфере западных стран с 1980-х годов [4–5]. Это привело к более глубокому и многогранному анализу факторов, способствующих социальной изоляции и маргинализации, включая не только экономические показатели, но также социальные, культурные и политические аспекты.

Важно отметить, что концепция социальной эксклюзии продолжает развиваться и уточняться. Современные исследования учитывают взаимосвязь между различными формами эксклюзии (экономическая, социальная, политическая, культурная), а также роль гендерных, расовых и других видов дискриминации в формировании социального неравенства [6, с. 150]. Разрабатываются новые индикаторы и методы измерения социальной эксклюзии, позволяющие более точно оценивать масштабы и последствия этого явления и разрабатывать эффективные стратегии борьбы с ним. Кроме того, актуальным становится вопрос о влиянии глобализации и технологических изменений на динамику социальной эксклюзии, а также о роли гражданского общества и международного сотрудничества в преодолении этого глобального вызова.

Бедность представляет собой одно из наиболее острых социальных явлений, которое можно рассматривать как негативное отклонение от общепринятых норм жизни, обусловленное ограниченностью ресурсов. Это явление не только затрагивает материальные аспекты, но и имеет глубокие социальные, культурные и психологические последствия. По мнению Г. Рума, координатора одной из социальных программ, бедность и социальная эксклюзия взаимосвязаны [7, с. 159]. Индивиды, испытывающие социальную исключенность, часто оказываются в невыгодном положении по множеству факторов, включая уровень образования, профессиональную квалификацию, доступность рабочих мест, а также жилищные и финансовые ресурсы. Эти ограничения не просто временные; они могут длиться годами, а иногда и десятилетиями, создавая круговорот бедности и исключения.

Проблемы социальной эксклюзии и процессы модернизации социальной структуры современного российского общества рассматриваются в работах таких авторов, как: З. Видоевич, З. Голенкова, Т. Заславская, О. Камадонов, Ю. Лежнина, В. Радаев, О. Шкаратан и В. Ядов [6; 8–14]. Их труды посвящены анализу этих процессов, освещая как позитивные, так и негативные аспекты модернизации социальной структуры. Их работы раскрывают многогранность проблемы социального неравенства, выходящую далеко за рамки простого разделения на богатых и бедных. Авторы подробно рассматривают влияние политических и социально-экономических преобразований постсоветского периода на различные социальные группы, выявляя дифференциацию не только по уровню дохода, но и по доступу к качественному образованию, здравоохранению, жилью и другим ресурсам. Например, Т. Заславская в своих работах акцентирует внимание на формировании «нового среднего класса» и его неоднородности, подчеркивая различные траектории социальной мобильности. В то же время, исследования В. Радаева глубоко анализируют проблемы социального исключения и маргинализации отдельных групп населения, связывая их с особенностями развития рыночной экономики и несовершенством социальных институтов.

О. Шкаратан др., исследуя динамику социальных отношений, обращают внимание на возрастающую роль неформальных институтов и сетей в условиях нестабильности [14, с. 318]. Это особенно актуально в контексте слабых государственных институтов и неравномерного распределения ресурсов.

Исследование Ю. Лежниной посвящено изучению гендерного неравенства и его влияния на социально-экономическое положение женщин [10, с. 36–45]. Кроме того, современные исследования все чаще учитывают влияние глобализации и информационных технологий на структуру российского общества. Рост неравенства усиливается из-за неравномерного доступа к информации и технологиям, что создает новые формы социального раскола. Также актуальными становятся исследования по вопросам социальной справедливости, развитию гражданского общества и роли государства в регулировании социальных процессов. Комплексный подход к анализу проблем социального неравенства является необходимым условием для разработки эффективных стратегий социального развития России и смягчения негативных последствий модернизации. В целом, работы указанных авторов представляют собой ценный вклад в понимание сложных социальных процессов, происходящих в современной России, и позволяют сформировать более полную картину социальной реальности.

Современные научные подходы к понятию социальной эксклюзии охватывают различные дисциплины, включая социологию, экономику, политологию, антропологию и психологию. Ниже приведены основные направления исследований и аналитические рамки, которые помогают понять и анализировать социальное неравенство.

Социологический подход. Социологи исследуют, как социальные структуры (классы, расы, пол, этничность и т.д.) влияют на доступ к ресурсам и возможностям. Они рассматривают, как культурные нормы и ценности могут укреплять или подрывать существующие системы неравенства.

Экономический подход. Исследования в этой области сосредоточены на распределении ресурсов и возможностей. Экономисты изучают механизмы, способствующие накоплению богатства, такие как наследование, доступ к образованию и здравоохранению, а также влияние глобализации и технологического прогресса на неравенство.

Политэкономический подход. Этот подход акцентирует внимание на взаимодействии между политической властью и экономическими интересами. Исследуется, как государственная политика, налоговая система и законодательство влияют на распределение богатства и возможностей в обществе.

Критическая теория. Представители критической теории исследуют неравенство через призму власти и доминирования. Они изучают, как идеологии и культурные нарративы могут служить для оправдания неравенства.

Кросс-культурные исследования. Важно понимать, что неравенство определяет себя по-разному в разных культурах. Кросс-культурные исследования помогают выявить уникальные аспекты неравенства в разных обществах и контекстах.

Интерсекциональность. Этот подход исследует, как различные формы идентичности (раса, пол, класс и т. д.) пересекаются и влияют на индивидуальные и групповые опыты неравенства. Она помогает глубже понять, как неравенство проявляется в сложных и многослойных формах.

Психологические исследования. Психологи изучают, как социальное неравенство может влиять на индивидуальные психологические состояния, такие как уровень стресса, самооценка и общее качество жизни. Эти исследования также рассматривают, как внутренние установки и убеждения могут поддерживать стереотипы и предвзятости, усугубляющие неравенство.

Теория социальной мобильности. Исследуются механизмы, способствующие или препятствующие социальной мобильности. Рассматриваются факторы, такие как образование, трудовые условия и социальные сети, которые влияют на возможность перемещения между социальными классами.

В целом, современная наука предлагает множество понятий и методов для анализа социальной эксклюзии, позволяя получить более полное и глубокое понимание этой сложной проблемы.

С начала 2000-х гг. в социологии возникла еще одна парадигма исследования социальной эксклюзии, которая делит её на три уровня: макро, мезо и микроуровень. Этот многоуровневый подход был впервые предложен Г. Е. Тихоновой [15, с. 5]. На макроуровне внимание сосредоточено на обществе в целом и на том, как отсутствует доступ к механизмам социальной интеграции. В этом контексте ключевым понятием становится «дискриминация». Это может проявляться в виде предвзятости со стороны государственных институтов, общественных организаций или даже на уровне межличностных отношений. На мезоуровне фокус смещается на социальные группы и сообщества. Здесь исследуются факторы, способствующие или препятствующие интеграции отдельных групп в общество. Например, мигранты, этнические меньшинства или люди с ограниченными возможностями могут столкнуться с барьерами, которые мешают им получить доступ к образованию, здравоохранению и другим жизненно важным ресурсам [16, с. 23]. На микроуровне анализируется жизнь и опыт самих людей, оказавшихся в ситуации социальной исключенности. Это включает в себя изучение их повседневных реалий, борьбы за выживание и стремления к улучшению своего положения. Важно понимать, что каждый индивид имеет свою уникальную историю и контекст, которые влияют на его восприятие бедности и исключения. Таким образом, бедность и социальная эксклюзия – это сложные и многогранные явления, требующие комплексного подхода. Они не только отражают экономические трудности, но и затрагивают вопросы справедливости, равенства и социальной солидарности. Для успешного решения этих проблем необходимо учитывать как структурные, так и индивидуальные аспекты, а также разрабатывать целостные стратегии, направленные на интеграцию всех слоев населения в общество.

Мезоуровень социальной эксклюзии – феномен, долгие годы остававшийся в тени как в российской, так и в западной социологии. Законодательная база традиционно фокусировалась на определении «трудной жизненной ситуации», затрагивающей отдельных индивидов или группы, нуждающиеся в помощи и поддержке. Эта узкая трактовка препятствовала глубокому анализу глубинных причин и механизмов социальной изоляции на уровне сообществ и организаций – мезоуровне. Ситуация изменилась, когда в категорию нуждающихся стали включать девиантные и депривированные группы, выявив необходимость переосмысления проблемы и применения более комплексного подхода. Внимание исследователей привлекла необходимость анализа не только макроуровневых социальных структур, но и микропроцессов, формирующих социальное неравенство и исключение на уровне конкретных сообществ. Переломным моментом стало обращение к теоретическим рамкам, таким как теория структуризации Э. Гидденса. Она позволила учёным выйти за пределы узко-функционального анализа социальных институтов и рассмотреть повседневные практики как важный источник социальной эксклюзии. Гидденс подчеркивал взаимосвязь структуры (социальных норм, правил, институтов) и агента (индивида, действующего в рамках этих структур). В контексте социальной эксклюзии это означает, что социальные структуры, созданные и поддерживаемые самими общественными группами, могут как способствовать, так и препятствовать включению отдельных индивидов. Например, формальные правила доступа к образованию или здравоохранению, не учитывающие специфические потребности маргинализированных групп, могут усиливать их эксклюзию.

Теория структуризации, дополненная социоструктурным подходом, послужила основой для разработки ресурсного подхода к изучению социальной эксклюзии. Этот подход интерпретирует социальную эксклюзию как дефицит различных видов капитала, необходимых для успешной интеграции в общество. Ресурсы, отсутствие которых ведет к исключению, классифицируются по видам, что позволяет более точно определить причины и последствия социальной изоляции. Необходимо отметить, что данная классификация не является абсолютной и может варьироваться в зависимости от конкретного контекста исследования.

Разработанный М. С. Астоянц ресурсный подход выделяет три основных вида ресурсов:

1. «Экономические ресурсы» – прежде всего, материальные блага, включающие денежные средства, жилье, доступ к пище и прочим необходимым товарам. Отсутствие экономического капитала существенно ограничивает возможности человека в различных сферах жизни, от доступа к качественному образованию и здравоохранению до участия в общественной жизни [17, с. 17]. Неравномерное распределение экономических ресурсов является одним из главных факторов

социальной стратификации и, соответственно, эксклюзии. Важно отметить, что бедность – это не просто недостаток денег, но и лишение возможностей, связанных с доступом к другим ресурсам.

2. «Культурные ресурсы» - вид ресурса включает в себя образовательный уровень, языковые навыки, культурные компетенции, знание социальных норм и правил, стиль жизни и т.д. Культурный капитал, приобретенный в процессе социализации, является важным фактором успешной социальной интеграции. Отсутствие достаточного культурного капитала может затруднять общение, поиск работы, нахождение общего языка с представителями других социальных групп, приводя к изоляции. Например, недостаток знаний в области компьютерной грамотности в современном обществе может существенно ограничить возможности человека.

3. «Социальные ресурсы» – тип ресурса связан с наличием социальных связей и сетей, способностью использовать ресурсы социальных групп, к которым индивид принадлежит. К социальным ресурсам относятся родственные и дружеские связи, принадлежность к сообществам, возможность получать помощь и поддержку от других людей. Сильные социальные связи способствуют социальной мобильности и адаптации, в то время как их отсутствие увеличивает риск социальной эксклюзии. Важно отметить, что социальные связи могут быть как формальными (например, членство в профессиональных организациях), так и неформальными (дружеские отношения, соседские связи).

Развитие ресурсного подхода открыло новые перспективы в изучении социальной эксклюзии. Он позволяет выявлять не только наличие проблемы, но и ее причины, а также анализировать механизмы воспроизводства социальной изоляции [18, с. 4]. Однако, необходимо учитывать, что ресурсный подход не является единственно возможным и универсальным. Его применение требует учета контекстуальных особенностей, включая специфику национальной культуры, исторический контекст и особенности социальной структуры конкретного общества. Необходимо также учитывать взаимодействие различных видов ресурсов. Например, высокий уровень образования (культурный капитал) может компенсировать отсутствие экономических ресурсов, позволяя получить высокооплачиваемую работу. Дальнейшее развитие исследований социальной эксклюзии на мезоуровне требует междисциплинарного подхода, объединяющего усилия социологов, экономистов, психологов и других специалистов. Важно разработать более совершенные методики измерения различных видов ресурсов и анализа их влияния на процесс социальной интеграции и эксклюзии. Только комплексный и многоаспектный подход позволит разработать эффективные стратегии борьбы с социальной изоляцией и обеспечить социальное равенство для всех членов общества.

Обсуждение

В последние годы ученые все активнее занимаются социальным портретированием молодежи, исследуя, как изменяется их образ жизни и как это связано с пространственными конфигурациями расселения. В рамках этих исследований выделяются несколько ключевых тенденций, которые наблюдаются в современной системе расселения на территории России. Первая тенденция – рурализация. Это процесс, при котором наблюдается рост численности сельского населения и увеличение числа населенных пунктов, но только в определенных регионах страны. В то время как в одних местах происходит активное развитие сельских территорий, в других наблюдается обратная картина. Важно отметить, что рурализация может быть связана с различными факторами, такими как развитие аграрного сектора, программы по поддержке сельского хозяйства и миграция людей из городов в деревни в поисках более спокойной жизни и возможностей для ведения собственного хозяйства. Вторая тенденция – концентрация сельского населения в отдельных субъектах Российской Федерации. В то время как в некоторых регионах наблюдается рост, в целом по стране количество сельских поселений продолжает сокращаться. Это может быть связано с миграцией молодежи в города в поисках лучших образовательных и трудовых возможностей.

Аналитический центр НАФИ и Российский союз сельской молодежи (РССМ) провели совместное исследование и выяснили, как молодые люди воспринимают жизнь в сельской местности и ее перспективы, насколько отличаются жизненные ориентиры городской и сельской молодежи. Исследование показало, что жизненные ценности и ориентиры городской и сельской

молодежи России сходятся. Наиболее важные стороны жизни в глазах опрошенных: здоровье (95 %), материальная обеспеченность (89 %), интересный досуг (88 %)¹.

Сельские территории часто не могут предложить достаточное количество рабочих мест, что приводит к оттоку молодежи и старению населения. Третья тенденция – депопуляция, которая проявляется в сокращении как численности населения, так и числа сельских поселений во многих субъектах РФ. Это явление вызывает серьезные опасения, так как может привести к деградации инфраструктуры, ухудшению качества жизни и снижению уровня доступных услуг в таких регионах. Депопуляция также создает дополнительные социальные проблемы, такие как увеличение числа одиноких пожилых людей и снижение социальной активности. Четвертая тенденция – нарастание дисперсности и переход к очаговым формам хозяйственной деятельности на территориях с слабыми локальными рынками. Эта тенденция предполагает, что в условиях недостатка ресурсов и возможностей молодежь начинает искать альтернативные способы заработка и самореализации. Это может включать в себя создание малых предприятий, участие в кооперативах или развитие самозанятости, что, в свою очередь, может способствовать укреплению местной экономики. Изучение социальной исключенности молодежи требует внимания к особенностям их образа жизни.

Выводы

Образ жизни молодежи включает в себя не только трудовую деятельность, но и культурные, бытовые и общественно-политические аспекты. Эти аспекты формируют типы поведения и степень активности молодежи, которые, в свою очередь, зависят от условий жизни в городе или деревне, а также от нормативно-ценностной системы, действующей в обществе. Анализ образа жизни молодежи позволяет выделить два вида эксклюзии: городскую и сельскую. Внешняя среда, в которой они живут, определяет доступ молодежи к ресурсам – как материальным, так и нематериальным.

Сельская молодежь часто оказывается в более уязвимом положении, так как они представляют собой низкоресурсную группу, испытывающую потребность в интеграции в более широкое общество. Однако низкий уровень жизни, высокие цены на жилье и трудности на рынке труда создают барьеры, которые затрудняют их социализацию. Таким образом, для решения проблем, связанных с социальной эксклюзией молодежи, необходимо разработать комплексные меры, направленные на улучшение условий жизни в сельских территориях, создание новых рабочих мест, развитие образовательных программ и поддержку инициатив, способствующих социальной интеграции. Только так можно обеспечить молодежи равные возможности для самореализации и участия в жизни общества, независимо от того, где они живут.

Список источников

1. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М. К. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Новый хронограф, 2016. 416 с.
2. Ефлова М. Ю. Социальная эксклюзия депривированных групп (наркозависимых и людей, живущих с ВИЧ) в российском обществе: стратегии институционализации и опыт интеграции. Автореф. диссерт. на соиск. уч. степени док. социолог. наук. Саранск, 2015.
3. Foster J. On Economic Poverty: A Survey of Aggregate Measure// *Advances in Econometrics*. 2004, vol.3.
4. Толстых В. И. Образ жизни: Понятия. Реальность, Проблемы. М.: Политиздат, 1975. 184 с.
5. Бутенко А. П. Общее и особенное в образе жизни социальных групп советского общества. Отв. ред. И.Т. Левыкин. М.: «Наука», 1987.
6. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004. 400с.

¹ Аналитический центр НАФИ, «Имидж и социально-экономический потенциал сельского хозяйства», в рамках программы «Всероссийский опрос молодежи проведен Аналитическим центром НАФИ в октябре 2024 г. [Электронный ресурс] URL: <https://nafu.ru/projects/sotsialnoe-razvitie/imidzh-i-sotsialno-ekonomicheskii-potentsial-selskogo-khozyaystva> (дата обращения 20.12.2024 г.).

7. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 158–166.
8. Видоевич З. Социальное неравенство, демократия и развитие // *Социологические исследования*. 2010. № 2. С. 10–19.
9. Камадонов О. А. Социальная стратификация в дискурсивно-символическом аспекте // *Социологические исследования*. 2010. № 6. С. 3–12. ISSN 0132-1625.
10. Лежнина Ю. П. Социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности // *Социологические исследования*. 2010. № 3. С. 36–45. ISSN 0132-1625.
11. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996. 318 с.
12. Радаев В. В. Экономическая социология. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 397–400.
13. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 5–16.
14. Шкаратан О. И., Бондаренко В. А., Крельберг Ю. М., Сергеев Н. В. Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России. М.: ГУ ВШЭ, 2003, 68 с.
15. Тихонова Г. Е. Социальная эксклюзия в российском обществе // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 5–17 [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/275/359/1217/1.pdf> (дата обращения: 13.12.2024).
16. Богомоллова Т. Ю., Тапилина В. С. Миграция бедности: масштабы, воспроизводство, социальный спектр // *Социс*. 2004. № 12. С. 17–29.
17. Астоянц М. С. Социальное сиротство: условия, механизмы и динамика эксклюзии (социокультурная интерпретация). Дис. на соиск. ученой степени докт. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 381 с.
18. Мохов Д. Б. Социальная эксклюзия пенсионеров как объект социального управления. Автореф. диссер. на соиск. уч. степени канд. социол. наук. Новосибирск, 2016. 24 с.

References

1. *Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics)*. In 2 vols. Vol. 1. / Gorshkov M. K. – 2nd edition, revised. and additional. Moscow: New chronograph; 2016. 416 p. (In Russ.)
2. Eflova M.Y. *Social exclusion of deprived groups (drug addicts and people living with HIV) in Russian society: institutionalization strategies and integration experience*. The abstract. dissertations. for the academic degree of doctor. Social sciences. Saransk; 2015. (In Russ.)
3. Foster J. On Economic Poverty: A Survey of Aggregate Measure. *Advances in Econometrics*. 2004;(3).
4. Tolstykh V. I. *Lifestyle: Concepts. Reality, Problems*. Moscow: Politizdat; 1975. 184 p. (In Russ.)
5. Butenko A. P. *Common and special in the lifestyle of social groups of Soviet society*. I.T. Levykin (ed.). Moscow: Nauka, 1987. (In Russ.)
6. Zaslavskaya T. I. *Modern Russian society: a social mechanism of transformation*. Moscow: Delo, 2004. 400 p. (In Russ.)
7. Abrahamson P. Social exclusion and poverty. *Social Sciences and Modernity*. 2001;(2):158-166. (In Russ.)
8. Vidojevic Z. Social inequality, democracy and development. *Sociological research*. 2010;(2):10-19. (In Russ.)
9. Kamadonov O. A. Social stratification in the discursive-symbolic aspect. *Sociological research*. 2010;(6):3-12. ISSN 0132-1625. (In Russ.)
10. Lezhnina Yu. P. Socio-demographic factors determining the risk of poverty and low income. *Sociological research*. 2010;(3):36-45. ISSN 0132-1625. (In Russ.)
11. Radaev V. V., Shkaratan O. I. *Social stratification*. Moscow: Aspect-Press; 1996. 318 p. (In Russ.)
12. Radaev V. V. *Economic Sociology*. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics; 2005: 397-400. (In Russ.)
13. Radaev V. V. The concept of capital, forms of capital and their conversion. *Social sciences and modernity*. 2003;(2):5-16. (In Russ.)
14. Shkaratan O. I., Bondarenko V. A., Krelberg Yu. M., Sergeev N. V. *Social stratification and its reproduction in modern Russia*. Moscow: Higher School of Economics; 2003. 68 p. (In Russ.)

15. Tikhonova G. E. Social exclusion in Russian society. *Social Sciences and modernity*. 2002;(6):5-17 [Electronic resource]. Available from: <http://ecsocman.hse.ru/data/275/359/1217/1.pdf> (Accessed 12/13/2024). (In Russ.)
16. Bogomolova T. Yu., Tapilina V. S. Migration of poverty: scale, reproduction, social spectrum. *Socis*. 2004;(12):17–29. (In Russ.)
17. Astoyants M. S. *Social orphanhood: conditions, mechanisms and dynamics of exclusion (sociocultural interpretation)*. Dis. ... Doct. socialological sciences. Rostov-on-Don; 2007. 381 p. (In Russ.)
18. Mokhov D. B. *Social exclusion of pensioners as an object of social management*. The abstract. dissertation. for the degree of Cand. socialological Social sciences. Novosibirsk; 2016. 24 p. (In Russ.)

Информация об авторах

А. И. Омутков – аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы Института экономики и управления университета ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

В. М. Захаров – директор института экономики и управления, доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

A. I. Omutkov – Postgraduate Student at the Department of Social Technologies and Public Administration, Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University.

V. M. Zakharov – Director of the Institute of Economics and Management, Dr. Sci. (Sociology), Professor of the Department of Social Technologies, Belgorod State National Research University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 04.03.2025.

The article was submitted 24.01.2025; approved after reviewing 03.03.2025; accepted for publication 04.03.2025.

Научная статья

УДК 316.35

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-253-262>

EDN QJOUWW

Социальные ожидания и ценностные ориентации дагестанской молодежи

Мадина Магомедкамиловна Шахбанова

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук,
Махачкала, Россия, madina2405@mail.ru

Аннотация

Введение. В силу полинациональности и полиэтничности Российского государства, поведение молодого поколения в разных регионах обладает как сходством, так и отличием, иной системой ценностных ориентаций, социальных ожиданий. Примером является современное дагестанское общество, в котором наблюдается мощный процесс религиозного возрождения, в итоге ислам и исламские духовные лица стали лидерами общественного мнения, авторитетом для молодого поколения дагестанцев. Социальные ожидания молодого поколения, как правило, тесно связаны с финансовым положением семьи и, по мнению автора, материальный компонент является ключевым фактором, определяющим поведение человека. Уровень благосостояния создает различные стартовые условия для молодежи, позволяет ей более быстрыми темпами достичь поставленных целей.

Цель. Установление степени влияния фактора бедности на жизненные цели, во-первых, как ограничивающего компонента, во-вторых, как стимулятора стать богатым, в-третьих, в качестве мотиватора выйти в круг «успешных людей».

Методы. Опрос по изучению ценностей и стратегии поведения молодого поколения дагестанцев проведен в гг. Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Кумторкалинском, Левашинском районах методом случайного отбора.

Результаты. Экономическое поведение дагестанской молодежи, процесс ее адаптации к рыночной системе, а также восприятие и оценка рыночной идеологии является одним из актуальных вопросов в рамках исследования социального самочувствия молодого поколения. Прошедший исторический период демонстрирует включенность молодого поколения дагестанцев в рыночные отношения, потребность адаптироваться к условиям рынка, стремление к финансовой независимости, имеет место подработка в частном секторе экономики.

Выводы:

- эмпирический материал констатирует доминирование в массовом сознании молодого поколения дагестанцев оценки уровня благосостояния как среднего («мы живем как все») при одновременном утверждении «очень хорошее»;
- аналитика показывает обозначение опрошенной дагестанской молодежью отличий между богатой и бедной слоями общества: доминирует утверждение о возможности богатых людей создать для своих детей «лучшие стартовые возможности»;
- опрошенная дагестанская молодежь, независимо от благосостояния своей семьи, претендует на высокое материальное положение («стать богатым человеком»), то есть на притязания не влияет уровень материального положения: бедно живущая социальная группа стремиться стать богаче и подняться в категорию обеспеченного сословия;
- установлено, что состояние материального положения является ключевым стимулом в определении своего будущего и дагестанская молодежь ориентирована на «открытие собственного дела» и поиск высокооплачиваемой работы;
- материальную обеспеченность респонденты связывают исключительно с личными качествами и собственным потенциалом;
- эмпирический материал констатирует характерные молодому поколению дагестанцев оптимизм, целеустремленность и стремление к самореализации при позитивном восприятии социального слоя.

Ключевые слова: дагестанская молодежь, благосостояние, материальное положение, социальные ожидания, социально-экономическое положение, экономическое поведение, ценностные ориентации, самореализация, целеустремленность, жизненный успех, успешность

Для цитирования: Шахбанова М. М. Социальные ожидания и ценностные ориентации дагестанской молодежи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 253–262. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-253-262>. EDN QJOUWW

Social expectations and value orientations of Dagestan youth

Madina M. Shakhbanova

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
madina2405@mail.ru

Abstract

Introduction. Due to the polynationality and polyethnicity of the Russian state, the behavior of the younger generation in different regions has both similarities and differences, a different system of value orientations, and social expectations. An example is the modern Dagestani society, which is experiencing a powerful process of religious revival, as a result, Islam and Islamic clerics have become leaders of public opinion and an authority for the younger generation of Dagestanis. The social expectations of the younger generation, as a rule, are closely related to the financial situation of the family and, according to the author, the material component is a key factor determining human behavior. The level of well-being creates different starting conditions for young people, allowing them to achieve their goals more quickly.

Purpose. Establishing the degree of influence of the poverty factor on life goals, firstly, as a limiting component, secondly, as a stimulant to become rich, and thirdly, as a motivator to enter the circle of "successful people".

Methods. A survey on the values and behavior strategies of the younger generation of Dagestanis was conducted in Makhachkala, Derbent, Kizilyurt, Khasavyurt, Botlikh, Derbent, Kazbekov, Kizlyar, Kumtorkalinsky, Levashinsky districts by random selection.

Results. The economic behavior of Dagestani youth, the process of their adaptation to the market system, as well as the perception and assessment of market ideology is one of the topical issues in the study of the social well-being of the younger generation. The past historical period demonstrates the involvement of the younger generation of Dagestanis in market relations, the need to adapt to market conditions, the desire for financial independence, and part-time work in the private sector of the economy.

Conclusions:

- empirical material states the dominance in the mass consciousness of the younger generation of Dagestanis of the assessment of the level of well-being as average ("we live like everyone else") while stating "very good";
- analytics shows the designation of differences between rich and poor strata of society by the interviewed Dagestani youth: the dominant statement is about the ability of rich people to create for their children the best starting opportunities";
- the Dagestani youth surveyed, regardless of the well-being of their family, claims to be in a high financial position ("to become a rich man"), that is, their claims are not affected by the level of their financial situation: a poor social group strives to become richer and rise to the category of a wealthy class;
- it has been established that the state of financial situation is a key incentive in determining their future, and Dagestani youth are focused on "starting their own business" and finding high-paying jobs;
- respondents associate financial security solely with personal qualities and their own potential;
- the empirical material states the optimism, determination and desire for self-realization characteristic of the younger generation of Dagestanis with a positive perception of the wealthy social stratum.

Keywords: Dagestan youth, well-being, financial situation, social expectations, socio-economic status, economic behavior, value orientations, self-realization, purposefulness, life success, success

For citation: Shakhbanova M. M. Social expectations and value orientations of Dagestan youth. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):253-262. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-253-262>. EDN QJOUWW

Введение

Очень часто можно услышать высказывание «Вот раньше молодежь была другая!» и в этой связи хочется задать вопросы: «Какой раньше была молодежь?», «Какая сейчас молодежь?», «Чем отличаются они (предыдущее и нынешнее поколения молодежи) между собой?», «Каковы критерии оценки морального облика современного молодого человека?». Разумеется, молодое поколение советского, постсоветского и современного периодов кардинально отличается между собой и для этого имеются объективные причины как изменение социально-экономического и политического устройства Российского государства (вернее, распад СССР и образование на его территории новых государственных образований), экономические реформы перестроечного периода и формирование рыночной экономики, преобразования в образовательной системе (Болонская система), религиозный ренессанс, ориентация официальной власти на либерализацию экономики и либеральные ценности – все это в совокупности способствовало формированию новой модели взаимоотношений, новых ценностей и символов в российском обществе. Естественно, что в эти процессы было вовлечено молодое поколение, причем по-разному: одна часть активно участвовала в жизни общества, стремилась получить хорошее образование, востребованную специальность и самореализоваться, другая часть оказалась в молодежных группировках, которые больше были связаны с преступностью, вели асоциальный образ жизни. Поэтому справедливой является точка зрения А.В. Петрова, что ключевым фактором, обеспечивающим «активность молодежи в реализации проводимых реформ, становлении экономически сильной, политически стабильной России, является социально-психологический настрой, готовность действовать в соответствии с определенными общественными установками и ценностными ориентациями» [1, с. 83].

Разумеется, в силу полинациональности и полиэтничности Российского государства, поведение молодого поколения в разных регионах обладает как сходством, так и отличием, иной системой ценностных ориентаций, социальных ожиданий. Примером является современное дагестанское общество, в котором наблюдается мощный процесс религиозного возрождения, в итоге ислам и исламские духовные лица стали лидерами общественного мнения, авторитетом для молодого поколения дагестанцев.

Социальные ожидания молодого поколения, как правило, тесно связаны с финансовым положением семьи и, по мнению автора, материальный компонент является ключевым фактором определяющим поведение человека, уровень благосостояния создает различные стартовые условия для молодежи, позволяет ей более быстрыми темпами достичь поставленных целей. Экономическое положение современной России характеризуется волнообразностью, на смену стабилизации приходит дестабилизация, рост инфляции, непонятная для населения экономическая политика. При этом официальная власть акцентирует внимание на важности социальной политики и социальных выплат, поддержку малоимущих и многодетных семей, оказание помощи социально незащищенным группам населения. Поэтому «отсутствие стратегических целей, а также системы само собой разумеющихся норм и ценностей, составляющих основу любого стабильного общества, плюс дефицит осмысленной информации, позволяющей понять, что с нами происходит... привело к массовому "созидательно-разрушительному" поведению, высвобождению огромной энергии социального распада, эмиссия которой резко активизировала производство многочисленных рисков, усилила действие конфликтогенных факторов во всех основных сферах жизнедеятельности общества» [2, с. 68]. Иными словами, можно отметить слабость механизмов социальной защиты, при полном или частичном отсутствии возможностей для развития предпринимательства, что, в свою очередь, способствует воспроизводству бедности и снижает шансы молодого поколения на мобильность.

Экономическое поведение молодого поколения россиян широко исследуется в рамках социологии молодежи, в частности, в работах С. Н. Быковой и В. И. Чупрова [3], Е. Я. Варшавской [4], А. В. Жаворонкова [5], М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги [6], П. М. Козыревой и А. И. Смирнова [7], Д. Л. Константиновского и Е. С. Поповой [8], И. С. Тихоцкой [9], А. Л. Темницкого [10] и др.

Таким образом, в статье рассматриваются социальные ожидания, отношение к состоятельному слою и экономическое поведение молодого поколения дагестанцев.

Материалы и методы

Опрос по изучению ценностей и стратегии поведения молодого поколения дагестанцев проведен в гг. Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Кумторкалинском, Левашинском районах методом случайного отбора. N=843. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол: мужчины – 409 чел. (48,5 %), женщины – 439 чел. (51,5 %); б) возраст: 15–17 лет – 286 чел. (33,9 %), 18–25 лет – 298 чел. (35,6 %), 26–35 лет – 259 чел. (30,5 %); в) образование: неполное среднее – 127 чел. (15,1 %), среднее – 254 чел. (30,1 %), среднее специальное – 239 чел. (28,3 %), высшее – 223 чел. (26,5 %). Опрос проведен путем раздаточного анкетирования. В анкете 27 полузакрытых вопросов (407 позиций), то есть респондентам предоставлена возможность свободного выражения своего мнения и не «навязывается» мнение исследователя. Из розданных 1000 анкет пригодными для анализа оказались 843 штук, обработка полученного социологического материала проведена в программе FAR.

Результаты и обсуждение

Какое экономическое поведение ближе дагестанской молодежи? Чтобы получить ответ на этот вопрос в анкету социологического опроса был включен блок вопросов, позволяющий получить исчерпывающую информацию об отношении молодежи к состоятельному сословию и ее экономические притязания. Полученный на вопрос «Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи?» материал показывает превалирование в общественном сознании опрошенного молодого поколения дагестанцев, с большим преимуществом, оценки материального положения своей семьи как «мы живем как все – не бедные, но и не богатые» (62,8 %). С возрастом и повышением уровня образования респондентов увеличивается процентный параметр отметивших данное суждение с 53,7 % в интервале 15–17 лет до 71,4 % в когорте 26–35 лет, с 59,8 % имеющих базовое среднее образование до 72,1 % с высшим образованием. При этом 29,6 % опрошенных «живут очень хорошо», среди них одна треть в возрастных подмассивах 25 лет включительно, а также подгруппы с базовым средним, средним и средним специальным образованием; доля таковых существенно меньше в когорте имеющих высшее образование (18,9 %) и в возрастном разрезе 26–35 лет (12,2 %). То есть подмассив, который, во-первых, старше (видимо, имеет семью, детей), во-вторых, имеет высокий образовательный статус и квалификацию материальное положение своей семьи оценивает не очень высоко. Суждения «материальное положение моей семьи хуже, чем у большинства семей моих сверстников» и «мы живем за гранью бедности» отмечены небольшой долей респондентов – 4,2 % и 3,4 %, соответственно.

Анализ по социально-демографическому срезу показывает, что характеризующих материальное положение как «хуже, чем у моих сверстников» больше в интервале 26–35 лет (15,3 %), а 9,8 % респондентов со средним образованием «живут за гранью бедности». Характеристика заметной частью опрошенных материального положения своей семьи как «очень хорошее» воспринимается скептически, ибо, во-первых, Дагестан дотационная республика, во-вторых, по мнению автора, выбор данного суждения обусловлен психологическим фактором – человеку стыдно признаться в том, что он и его семья живут хуже окружающих, следовательно, не в состоянии удовлетворять свои материальные и духовные потребности. Реалии свидетельствуют о том, что, например, молодому поколению, за редким исключением, сложно купить собственное жилье, приобрести машину, ездить на отдых, получить хорошее образование и т.д. Есть когорта населения, которая «живет от зарплаты до зарплаты», но стесняется в этом признаться.

Какие действия способны улучшить благосостояние дагестанской молодежи, с кем она связывает свое будущее, какие шаги готова предпринимать? – чтобы получить информацию на эти вопросы в авторском исследовании был задан вопрос «От кого зависит улучшение Вашей жизни?». Эмпирика констатирует надежду подавляющей части опрошенного молодого поколения дагестанцев только на собственные силы (76,8 %). Аналитика по социально-демографическим признакам показывает, что доля таковых, при внутригрупповом сравнении, больше в разрезе 18–25 лет (80,5 %), а также в подмассивах со средним (75,6 %) и средним специальным образованием (79,8 %). Установлено различие по типу поселения респондентов: в улучшении собственного благосостояния сельская молодежь ориентируется на личный потенциал (80,1 %),

доля городской молодежи меньше (73,4 %). Свое «лучшее будущее» 24,6 % молодого поколения дагестанцев связывает с ближним кругом окружения, среди них выделяются возрастные подгруппы 15–17 лет (29,0 %) и 18–25 лет (25,0 %), а также 31,7 % с базовым средним и 30,6 % со средним образованием. Далее, 11,9 % респондентов придерживаются позиции о необходимости получения помощи со стороны федеральной, 8,6 % республиканской и 4,2 % муниципальной властей. О чем свидетельствуют результаты опроса? По мнению автора, опрошенная дагестанская молодежь не ожидает помощи со стороны (от власти), поэтому надеется только на себя и свои силы, какая-то часть и на ближнее окружение. Такая тенденция вызывает определенный оптимизм, уверенность о наличии жизненной стратегии у молодых жителей Дагестана, их готовность самостоятельно достичь определенных целей.

Установление социального оптимизма у опрошенного молодого поколения требует анализа мер, которых респонденты готовы предпринять для повышения своего и своей семьи благосостояния (см. табл. 1).

**Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос
«Какие шаги Вы предпримете, чтобы улучшить свое материальное положение?» (%)**

Table 1 – Distribution of answers to the question "What steps will you take to improve your financial situation?" (%)

Варианты ответов	%
Открою собственное дело (салон красоты, автосервис, домашнюю выпечку и т.д.)	41,2
Найду высокооплачиваемую работу	35,7
Устроюсь на несколько работ	7,8
Организирую фермерское хозяйство	4,4
Буду самозанятым (оказывать услуги косметолога, швеи, выпекать сладости, полуфабрикаты на продажу)	7,5
Пока не знаю, но что-нибудь придумаю	18,5

Результаты ответов на «контрольный вопрос» «Какие шаги Вы предпримете, чтобы улучшить свое материальное положение?» показывают, что 41,2 % опрошенных по всему массиву планируют «открыть собственное дело (салон красоты, автосервис, домашнюю выпечку и т.д.)», по гендерной принадлежности доля мужчин больше, в сопоставлении с женщинами – 43,9 % и 36,2 %, соответственно. Ориентированных на личный бизнес-проект больше в возрастных интервалах 15–17 лет (40,7 %) и 18–25 лет (46,8 %); по уровню образования наблюдается волнообразность – 41,5 % с базовым средним, 38,9 % средним, 50,0 % средним специальным и 23,8 % высшим образованием. Далее, 35,7 % опрошенного молодого поколения дагестанцев с целью улучшения своего материального положения готово искать высокооплачиваемую работу и здесь более активна подгруппа женщин (38,8 %), чем мужчин (34,0 %).

Можно сказать, что «легкий путь» повышения благосостояния характерен возрастным разрезам 15–17 лет (42,0 %) и 18–25 лет (36,6 %), а также респондентам с низким образовательным статусом – 34,1 % – имеющие базовое среднее, 38,9 % – среднее, 37,4 % – среднее специальное образование в сопоставлении с разрезом 26–35 лет (24,5 %) и 28,7 % – с высоким образовательным статусом.

Эмпирический материал позволяет предположить, что подмассив с высоким образовательным статусом и относительно старшее молодое поколение реально оценивают свой потенциал и возможности: как известно, не все виды работ высокооплачиваемы, более того, и не все могут получить такую вакансию. Далее, 18,5 % опрошенных не определились, соответственно, не могут «решить какие меры они предпримут», чтобы обеспечить удовлетворяющий лично себя уровень благосостояния. Повышение благосостояния 7,8 % респондентов усматривают в трудоустройстве на нескольких работах, здесь выделяется возрастная подгруппа 26–35 лет (25,5 %) и имеющие высшее образование (20,5 %). Далее, 7,5 % опрошенных решение вопроса материального благополучия усматривают в обозначении своего статуса как «самозанятый (оказывать услуги косметолога, швеи, выпекать сладости, полуфабрикаты на продажу и т.д.)». Пандемийный период, когда практически все мировое сообщество вынуждено было объявить локдаун, показал востребованность некоторой когорты профессий, возможность дистанционно

работать и иметь доход, особенно в частном секторе. Поэтому на государственном уровне поставили вопрос об обозначении статуса самозанятых, предоставления им определенных льгот и процесса налогообложения. Не является секретом, что многие на дому занимаются изготовлением полуфабрикатов, оказанием косметических услуг, шитьем и т.д. Как правило, они не подают налоговую декларацию и имеют «чистый доход», причем, который позволяет им держать семейный бюджет на достаточно высоком уровне. Статистически незначимая доля респондентов готова образовать фермерское хозяйство (4,4 %). Несмотря на то, что Дагестан аграрная республика, желающих трудиться на земле, как показывают данные исследования, немного. Разумеется, трудность обработки земли, зависимость получения урожая от природно-климатических условий, отсутствие достаточно эффективной помощи со стороны власти и ряд других факторов, создает определенные преграды желающим открыть фермерское хозяйство, хотя их открытие при высокой производительности труда, способно существенно улучшить ситуацию с аграрной продукцией на потребительском рынке, а также создать рабочие места. Кроме того, молодое поколение более мобильно, поэтому «лучше адаптируется к рыночным условиям; молодые в большей степени индивидуалисты, чем старшее поколение, в большей мере полагаются на свои силы» [11, с. 12].

В массовом сознании сложился стереотип об изначально заложенном в человеке чувстве зависти и негативного отношения к более успешному и состоятельному слою общества. Поэтому возникают вопросы «Как выглядит ситуация в реальности?», «На самом ли деле человек испытывает отрицательные эмоции к богатым людям?», которые показывают жизненные установки индивида. Автор не отрицает существования отрицательного восприятия состоятельного человека и недоверия, что честным трудом, без коррупции, совершения противоправных действий можно заработать большие деньги и стать богатым человеком. Хотя можно привести множество примеров успешных и состоятельных людей, сумевших обеспечить свое материальное благополучие благодаря исключительно личной трудоспособности и целеустремленности. Аналитический материал на вопрос «Как относятся в Дагестане к богатым людям?» демонстрирует наличие почти равных процентных показателей по суждениям «хорошо» и «безразлично» – 44,0 % 43,5 %, соответственно, при этом заметно меньшая доля респондентов «плохо» относится к богатым людям (10,5 %). Среди выбравших отрицательное суждение выделяются женщины (12,9 %), возрастные интервалы 15–17 лет (14,2 %) и 26–35 лет (13,3 %), имеющие базовое среднее (14,6 %) и среднее образование (16,1 %). Для нас интерес представляют результаты опроса через отношение респондентов к религии: плохо к состоятельным людям относятся 9,3 % самоидентифицирующихся как верующие, 11,0 % колеблющихся и 26,7 % неверующих. Дальнейший анализ показывает, что в подгруппе верующих заметная часть позитивно настроена к богатым, по сравнению, с неверующими и колеблющимися – 48,8 %, 10,0 %, 24,7 %, соответственно. Можно предположить, что знание религиозных постулатов оказывает определенное влияние на формирование ценностных установок.

Далее, в исследовании был задан «контрольный вопрос» «Лично Вы как относитесь к богатым людям?», показывающий характерную 39,9 % опрошенного молодого поколения точку зрения «не лучше и не хуже, чем ко всем остальным». При этом наблюдается увеличение процентного параметра придерживающихся данного суждения с повышением возраста и образования с 28,4 % в разрезе 15–17 лет до 52,0 % 26–35 лет, с 37,8 % имеющих базовое среднее образование до 53,3 % с высшим образованием. В разрезе отношения к религии данное суждение ближе 42,5 % верующих и существенно меньше процентный показатель в подмассивах неверующих и колеблющихся – 23,3 % и 31,5 %, соответственно. Далее, 23,2 % респондентов указывают на необходимость «учиться у состоятельных людей и перенять опыт как разбогатеть». Процентные параметры по образовательным подмассивам почти равны (каждый пятый опрошенный), возрастной срез показывает, что каждый четвертый опрошенный в подгруппе 15–25 лет включительно позитивно относится к состоятельному слою и готов «учиться», однако демонстрирующих положительный настрой меньше в интервале 26–35 лет (12,2 %); по месту проживания, обозначивших личное отношение к богатым как «с интересом, можно у них учиться стать успешным человеком», в 2 раза больше среди городской молодежи (30,4 %), в сравнении, с сельской (15,8 %). При этом 22,8 % опрошенной молодежи демонстрирует безразличное

отношение к богатым людям, здесь выделяются мужчины (25,8 %), женщин меньше (17,4 %), с возрастом и уровнем образования доля таковых уменьшается с 25,9 % в разрезе 15–17 лет до 14,3 % 26–35 лет, с 25,9 % имеющих среднее образование до 13,1 % с высшим образованием. Дальнейший анализ показывает, что 15,3 % опрошенных по всему массиву, среди них 23,5 % в интервале 15–17 лет, одна шестая часть по всех образовательных подгруппах, 16,7 % городской и 12,8 % сельской молодежи демонстрируют благожелательность к богатым людям («с уважением, они смогли добиться своей цели»). Варианты ответов «с неприязнью, они честным трудом не заработали свое богатство», «с презрением, они жадные, не хотят помогать бедным и больным», «с завистью» отмечены статистически незначимой частью опрошенного молодого поколения дагестанцев – 2,3 %, 1,6 % и 1,4 %, соответственно.

Естественно, что социальные группы с различным уровнем дохода имеют неравные стартовые возможности, условия для удовлетворения своих потребностей и этот аспект также нашел свое отражение в данном исследовании (см. табл. 2).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, какие отличия существуют между богатыми и бедными людьми?» (можно отметить несколько вариантов ответов, %)

Table 2 – Distribution of answers to the question "What do you think are the differences between rich and poor people?" (several possible answers can be noted, %)

Варианты ответов	%
Возможностью получить хорошее образование	28,6
Возможностью получить качественное медицинское обслуживание	36,3
Возможностью трудоустроиться, делать карьеру	25,8
Возможностью купить дорогую мебель, бытовую технику, машину	34,4
Возможностью иметь хорошее жилье	37,4
Возможностью тратить много денег на проведение свободного времени	39,9
Возможностью дать детям лучшие стартовые условия (образование, медицина, работа, жилье и т.д.)	51,0
Возможностью приобретать недвижимость в других регионах и за рубежом	31,5
Уверенностью в завтрашнем дне	20,8
Уважительное отношение со стороны окружающих	11,7
Завистью со стороны окружающих	10,0
Страхом за свое богатство, членов семьи (детей, родителей)	8,8
Угроза физического насилия	4,7
Затрудняюсь ответить	11,4

Эмпирический материал показывает, что 51,0 % респондентов усматривают отличие в возможности «дать детям лучшие стартовые условия (образование, медицина, работа, жилье и т.д.)». Внутригрупповое сравнение констатирует преобладание придерживающихся данной позиции в возрастном разрезе 15–17 лет (60,5 %), больше половины опрошенных во всех образовательных подмассивах, за исключением когорты со средним специальным образованием (41,6 %), заметно большая часть городской молодежи, в сопоставлении с сельской – 56,7 % и 45,8 %, соответственно. Преимущество богатых людей опрошенные усматривают в возможности «тратить много денег на проведение свободного времени» (39,9 %) и «иметь хорошее жилье» (37,4 %). Данное обстоятельство актуально для молодого поколения, ибо создание семьи и появление потомства актуализирует жилищный вопрос. К сожалению, стоимость жилья, покупка квартиры, строительство дома несет огромные материальные затраты, которые молодежь не в состоянии осилить. Более того, анализ рынка недвижимости свидетельствует в целом о неблагоприятной ситуации в данной сфере и положение в ближайшее время вряд ли измениться в лучшую сторону. Предоставляемые государством льготы и условия покупки жилья не способны эффективно решить жилищный вопрос, поэтому респонденты и акцентируют на этом внимание. Реформирование медицинской сферы, так называемая оптимизация, имело больше деструктивных последствий, чем позитивных, поэтому для 36,3 % опрошенных актуализировано получение качественной медицинской помощи. Особенно сильно возрастает

потребность в ней на фоне сложной ситуации с обеспечением сельского населения качественными медицинскими услугами и отсутствия необходимой медицинской аппаратуры для обследования.

Различие между состоятельным и бедным человеком состоит в том, что первые могут приобрести «дорогую бытовую технику, машину, дорогую мебель, брендовую одежду и т.д.» считает 34,4 % опрошенных. Разумеется, современное потребительское общество диктует иную модель потребления, и когда есть выбор, естественно, что человек ориентирован на приобретение качественной продукции и у богатых людей возможностей больше, по сравнению, с прослойкой с низким уровнем дохода.

Изменение экономического уклада современного российского общества сформировало специфическую форму взаимоотношений и уровень потребления. Индикатором измерения состоятельности человека стало наличие не просто жилья, причем в престижном районе, но и зарубежной недвижимости. На данное обстоятельство указывают 31,5 % респондентов, усматривая различие между различающимися по уровню материального положения социальными слоями, в возможностях богатого человека приобретать недвижимость в других регионах и за рубежом. Среди предложенных 14 вариантов ответов, возможность состоятельного человека получить качественные образовательные услуги занимает 7 место. Дагестанская молодежь активно выезжает для получения образования за пределы республики, подчеркивается престижность «российского» образования, особенно важно прохождение магистратуры и ординатуры в центральных федеральных образовательных и медицинских центрах. Сложно получить бюджетные места, а обучение требует вложений, причем существенных, что отражается на финансовом положении семьи.

Трудоустройство является еще одним из сложных и болезненных вопросов для дагестанского общества. Молодое поколение подчеркивает невозможность найти применение по выбранной профессии, часто вынуждая выпускников колледжей и вузов пополнять ряды безработных или же соглашаться на работу не по специальности. Последствия предсказуемы, во-первых, невозможность личностной самореализации, во-вторых, опасность утраты квалификации, в-третьих, появление неуверенности в собственных силах – все эти факторы способны отразиться на эмоциональной составляющей молодого человека. Далее, по мнению 20,8 % опрошенных, различие между богатыми и бедными заключается в отсутствии у вторых, «уверенности в завтрашнем дне». Естественно, финансово обеспеченный человек, не испытывающий материальных затруднений, меньше задумывается о каких-то проблемах, ибо наличие денег и богатства позволяет ему быстрее и легче решать возникающие проблемы, в сравнении, с бедной социальной группой.

Разумеется, появление в отношении состоятельных людей как позитивных, так и негативных эмоций: по мнению 11,7 % опрошенных, наличие богатства обеспечивает уважение со стороны окружающих, 10,0 % молодого поколения дагестанцев указывает на наличие зависти со стороны окружающих – и обе позиции имеют право на существование. Далее, среди отрицательных отличий между богатыми и бедными, опрошенная молодежь выделила: 1. угроза физического насилия (4,7 %) и 2. страх за свое богатство и за членов семьи (8,8 %). В недавнем прошлом, в российском обществе распространение имели, хотя нередко случаи «отжима бизнеса», такие негативные явления как рэкет, шантаж, вымогательство и насилие в отношении состоятельных людей: тех, кто отказывался платить «дань», которую определяли преступные элементы, физически устраняли, распространение имело и рейдерский захват бизнеса.

Заключение

Как известно, из Дагестана мигрирует молодежь в поисках работы и самореализации. Можно утверждать, что выехавшее из республики молодое поколение, изначально ставившее целью продолжение образования (речь идет о выпускниках медицинских вузов) и повышение квалификации, подавляющей частью остается в крупных городах. Основная причина заключается в том, что молодежь за пределами республики востребована на рынке труда, в отличие от Дагестана, когда при трудоустройстве сталкивается с различными препятствиями и коррупционной составляющей. Разумеется, отток молодежи, причем квалифицированного ее слоя,

негативно отражается на экономической сфере, ибо Дагестан теряет квалифицированный кадровый потенциал. Смена места жительства обусловлена целым спектром нерешенных вопросов, в частности, неудовлетворенностью материальным положением, отсутствием перспектив социального лифта и поддержки со стороны государства.

Результаты опроса показывают характерность респондентам оценивать благосостояние как стандартное («мы живем как все – не бедные, но и не богатые»), при этом они не ориентируются на помощь со стороны и надеются только на личные силы и возможности в улучшении своего положения, поэтому подавляющая часть опрошенных готова рискнуть и «открыть свое дело». Позитивным является наличие в общественном сознании молодежи положительного отношения к богатым людям и такая установка есть основа стабильности во взаимоотношениях, то есть констатирует отсутствие почвы для протестов под лозунгами экономической несправедливости и неравенства. Кроме того, в нашем обществе появился потенциал для «финансового самоутверждения», когда социальная группа с низким образовательным статусом может зарабатывать больше, по сравнению, с образованной прослойкой. Данное обстоятельство способствует формированию в общественном сознании молодого поколения дагестанцев уверенности в будущем, возможности обеспечить для себя и своей семьи относительно благополучную жизнь при отсутствии страха перед безработицей и остаться без средств существования.

Список источников

1. Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 83–90.
2. Возьмитель А. А. Объективные и субъективные характеристики успеха постсоветской столичной молодежи // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 4. С. 67–86. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.751.
3. Быкова С. Н., Чупров В. И. Молодежь России на пороге рынка: между бедностью и нищетой // Социологические исследования. 1991. № 9. С. 62–68.
4. Варшавская Е. Я. Молодежь, исключенная из сферы занятости и образования, в странах ЕС и России // Вопросы статистики. 2015. № 4. С. 40–46.
5. Жаворонков А. В. Изменения ориентаций на виды трудовой деятельности с 1967 по 2016 г. // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 109–133.
6. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. Второе изд., испр. и доп. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
7. Козырева П. М., Смирнов А. И. Российская молодежь на рынке труда в условиях экономического кризиса // Россия реформирующаяся : ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 49–71.
8. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 38–48.
9. Тихоцкая И. С. Изменения в жизненном цикле японцев и место молодежи в современном обществе // Выпуск XXXII. История и культура традиционной Японии / Под ред. И. С. Смирнова, отв. ред. А. Н. Мещеряков. М.: Наталис, 2010. С. 455–468.
10. Темницкий А. Л. Современная молодежь в перипетиях российского рынка труда и образования // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 91–108.
11. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. 696 с.

References

1. Petrov A. V. Value preferences of youth: diagnostics and trends of changes. *Sociological research*. 2008; (2):83–90. (In Russ.)
2. Priemitel A.A. Objective and subjective characteristics of the success of post-Soviet metropolitan youth. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2021;(12-4):67–86. DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.751. (In Russ.)
3. Bykova S.N., Chuprov V.I. Youth of Russia on the threshold of the market: between poverty and poverty. *Sociological research*. 1991;(9):62–68. (In Russ.)

4. Varshavskaya E. Ya. Youth excluded from employment and education in the EU and Russia. *Statistical issues*. 2015;(4):40–46. (In Russ.)
5. Zhavoronkov A. V. Changes in orientations on types of labor activity from 1967 to 2016. *Reforming Russia: yearbook: issue 15*. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: New Chronograph; 2017:109–133. (In Russ.)
6. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *Youth of Russia: a sociological portrait*. Second ed., revised and supplemented. Moscow: TSSPIM; 2010. 592 p. (In Russ.)
7. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Russian youth on the labor market in the conditions of the economic crisis. *Russia reforming: yearbook: issue 15*. M.K. Gorshkov (ed.). Moscow: New Chronograph; 2017:49-71. (In Russ.)
8. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. Youth, labor market and the expansion of higher education. *Sociological research*. 2015;(11):38–48. (In Russ.)
9. Tikhotskaya I. S. Changes in the life cycle of the Japanese and the place of youth in modern society. *Issue XXXII. The history and culture of traditional Japan*. Edited by I. S. Smirnov, ed. by A. N. Meshcheryakov. Moscow: Natalis; 2010:455–468. (In Russ.)
10. Temnitskiy A. L. Modern youth in the vicissitudes of the Russian labor market and education. *Reforming Russia: yearbook: issue 15*. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Novy Chronograph; 2017:91-108. (In Russ.)
11. *Sociology in Russia*. Edited by V.A. Yadov. 2nd ed., reprint. and supplement. Moscow: Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 1998. 696 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. М. Шахбанова – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Отделение кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу.

Information about the author

M. M. Shakhbanova – Dr. Sci. (Sociology), Chief Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Division of the UNESCO Chair for Comparative Studies of Spiritual Traditions, the Specificity of Their Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 25.02.2025.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 25.02.2025.

Специфика проведения медико-социальной экспертизы и признания лица инвалидом в современных условиях (на примере РСО-Алания)

Заурбек Михайлович Сабанов

Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова,
Владикавказ, Россия, sabanovz@mail.ru

Аннотация

Введение. Люди с ограниченными возможностями подвержены развитию физических и психологических проблем, которые могут существенно ухудшить их жизнь и привести к социальной изоляции. Однако с помощью социальной работы и системы реабилитации инвалиды способны обрести навыки и ресурсы, чтобы благополучно влиться в общество и реализовать свой потенциал.

Цель. Рассмотреть проблемы медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов в РСО-Алания, раскрыть основные направления реабилитации инвалидов в республике, проанализировать современные тенденции и содержательные основы профессиональной медико-социальной экспертизы инвалидов, включая вопросы социальной адаптации и интеграции их в общество, а также вопросы необходимости структурного преобразования службы медико-социальной экспертизы в РФ и организации комплексной медико-социальной реабилитации как приоритетного направления государственной политики в отношении инвалидов.

Методы. Автор опирается на идентитарный и акторный подход, используется компаративный метод. Проанализирован научный дискурс в области медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов, выделена необходимость дальнейшего совершенствования системы медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов в РФ в соответствии с Международной классификацией функционирования (МКФ), которая диктует необходимость разработки Концепции структурного преобразования службы медико-социальной экспертизы в РФ, в основе которой лежит повышение качества, объективности, «прозрачности» и доступности услуги по установлению инвалидности, степени утраты трудоспособности и определение потребностей освидетельствуемого лица в мерах социальной защиты и комплексной реабилитации.

Результаты и выводы. Исследование позволило заключить, что комплексная реабилитация инвалидов включает достаточно полную компенсацию потребностей инвалидов в услугах, направленных на профилактику и лечение функциональных нарушений и ограничений жизнедеятельности, а главными факторами её успешности в контексте концепции МКФ являются формирование и системное развитие общества; конструирование адаптированного пространства для инвалидов и укрепления их межличностных связей; обеспечение возможности для личного развития через участие в социальной жизни. Одной из главных тенденций в современном законодательстве о социальной защите инвалидов должен быть переход от медицинской модели инвалидности к модели социальной интеграции.

Ключевые слова: медико-социальная экспертиза, комплексная социальная реабилитация, организации медико-социальной реабилитации, социально-средовая реабилитация, рациональное трудоустройство, социальная интеграция

Для цитирования: Сабанов З. М. Специфика проведения медико-социальной экспертизы и признания лица инвалидом в современных условиях (на примере РСО-Алания) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 263–272. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-263-272>. EDN QLGIVO

Specifics of carrying out medical and social examination and recognition of the person as a disabled person in modern conditions (on the example of North Ossetia-Alania)

Zaurbek M. Sabanov

North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russia,
sabanovz@mail.ru

Abstract

Introduction. People with disabilities are prone to developing physical and psychological problems that can significantly worsen their lives and lead to social isolation. However, with the help of social work and the rehabilitation system, people with disabilities are able to acquire the skills and resources to successfully integrate into society and realize their potential.

Purpose. To consider the problems of medical and social expertise and rehabilitation of persons with disabilities in the Republic of North Ossetia-Alania, to reveal the main directions of rehabilitation of persons with disabilities in the Republic, to analyze current trends and the substantive foundations of professional medical and social expertise of persons with disabilities, including issues of social adaptation and their integration into society, as well as the need for structural transformation of the medical and social expertise service in the Russian Federation and the organization comprehensive medical and social rehabilitation as a priority area of state policy in relation to the disabled.

Methods. The author relies on an identitarian and actor-based approach, using a comparative method. The scientific discourse in the field of medical and social expertise and rehabilitation of disabled people is analyzed, the need for further improvement of the system of medical and social expertise and rehabilitation of disabled people in the Russian Federation in accordance with the International Classification of Functioning (ICF) is highlighted, which dictates the need to develop a Concept for the structural transformation of the medical and social expertise service in the Russian Federation, which is based on improving quality and objectivity, "transparency" and accessibility of disability services, the degree of disability and the determination of the needs of the person being examined for social protection measures and comprehensive rehabilitation.

Results and conclusions. The study concluded that comprehensive rehabilitation disability includes sufficient compensation for the needs of people with disabilities in services aimed at the prevention and treatment of functional disorders and disability, and the main factors of its success in the context of the ICF concept are the formation and systemic development of society; designing an adapted space for people with disabilities and strengthening their interpersonal relationships; providing opportunities for personal development through participation in social life. One of the main trends in modern legislation on the social protection of persons with disabilities should be the transition from a medical model of disability to a model of social integration.

Keywords: medical and social expertise, comprehensive social rehabilitation, organizations of medical and social rehabilitation, social and environmental rehabilitation, rational employment, social integration

For citation: Sabanov Z. M. Specifics of carrying out medical and social examination and recognition of the person as a disabled person in modern conditions (on the example of North Ossetia-Alania). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):263-272. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-263-272>. EDN QLGIVO

Введение

Инвалиды подвержены к развитию физических и психологических проблем, которые могут существенно ограничить их жизнь и привести к социальной изоляции. Однако с помощью социальной работы и системы реабилитации, инвалиды могут обрести навыки и ресурсы, чтобы благополучно влиться в общество и реализовать свой потенциал.

Целью исследования в статье стало следующее: рассмотреть проблемы медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов в РСО-Алания, раскрыть основные направления реабилитации инвалидов в республике, проанализировать современные тенденции и содержательные основы профессиональной медико-социальной экспертизы инвалидов, включая вопросы социальной адаптации и интеграции их в общество, а также вопросы необходимости структурного преобразования службы медико-социальной экспертизы в РФ и организации комплексной медико-социальной реабилитации как приоритетного направления государственной политики в отношении инвалидов.

Теоретические основы

Рассмотрим подробнее роль социальной работы в реабилитации инвалидов.

В литературе принято выделять несколько моделей социальной работы: общинно-территориальная, конфессиональная, благотворительная, социально-политическая – государственная, в каждой из которых акторами выступают различные социальные силы. В настоящее время последняя модель выступает доминирующим актором социальных перемен, а практическим реализатором социальной политики государства выступает социальная работа, включающая целый ряд профессий (собственно социальный работник, специалист по социальной работе, специалист по работе с семьей и др.) [1, с. 134].

Другая проблема связана с недостатком социальных работников и специалистов. В большинстве стран наблюдается нехватка квалифицированных сотрудников, которые могут обеспечить эффективную реабилитацию и поддержку инвалидам. Это может привести к долгому ожиданию на попадание на реабилитационные программы и несвоевременному получению необходимой помощи. Кроме того, столкновение с предубеждениями и дискриминацией является еще одной серьезной проблемой для инвалидов. Несмотря на прогресс в обществе в реализации прав и принятия людей с инвалидностью, многие инвалиды все еще встречаются с негативными отношениями и стереотипами. Это может создать дополнительные преграды для успешной реабилитации и социальной интеграции.

Результаты и обсуждение

Одним из главных аспектов поддержки, оказываемой социальными работниками, является помощь инвалидам в получении доступа к предоставляемым услугам. Реабилитация может включать физическую терапию, эрготерапию, психотерапию и другие методы, которые помогают восстановить или улучшить физическую и психологическую функциональность инвалидов. Социальные работники помогают инвалидам найти и выбрать подходящие программы реабилитации, а также осуществить доступ к ним.

Все социальные работники оказывают людям «прямую» помощь, например, участвуя в развитии, расширении прав и возможностей инвалидов, проводя исследования, которые могли бы помочь этой профессии расширить свои знания о взаимодействии между обществом и инвалидами, изучить более эффективные способы взаимодействия инвалида и общества, с целью оптимизации общественных отношений.

Сегодня компетентность профессионалов социальной сферы не может ограничиваться лишь способностью помогать людям в сложных жизненных ситуациях. Социальный работник должен знать и уметь предотвращать современные риски, выявлять причины уязвимости клиентов и способствовать достижению социального благополучия как отдельных индивидов, различных социальных групп, так и общества в целом [2, с. 170].

Социальные работники стремятся и поддерживают этические ценности и принципы социальной справедливости, уважение к достоинству инвалидов, их правам, проявление заботы об их благополучии, расширение возможностей их оптимального социального функционирования. Социальные работники следуют этим ценностям, осознавая свое собственное отношение к людям и обществу и будучи открытыми для изменения самих себя.

Социальная работа становится более технологичной и инновационной. Социальный работник сегодня – это уже не просто человек, который принесет лекарства или продукты, поможет по хозяйству. Главное в его работе – улучшение качества жизни других людей, содействие решению социальных проблем. [3, с. 356].

Общественное значение проблем, связанных с реинтеграцией инвалидов, преодолением их депривации, не исчерпывается масштабами соответствующей деятельности и непосредственно затрагиваемых ею групп. В действительности, даже вопрос о численности прямых бенефициариев программ поддержки инвалидов отнюдь не сводится к механическому подсчету лиц с нарушениями опорно-двигательной системы, зрения, слуха, и других проблем со здоровьем. Медикалистский подход демонстрирует свою ограниченность даже в этом аспекте, поскольку принципы разработки методик учета инвалидности формируются не врачами. Инвалидность — понятие социальное, кого относить к этой категории, общество решает, руководствуясь отнюдь не только медицинскими показаниями.

Проблема, однако, намного шире. Медикалистский подход, сложившийся в начале XIX столетия, когда появилось и само понятие инвалидности, в его современном смысле, органически вписан в парадигму, суть которой выразил, в ту же эпоху. И в этой парадигме все остальные – инвалиды, старики, женщины, дети – являлись не субъектами, а объектами социального действия. Разумеется, такой подход был шагом вперед, по сравнению с предшествующими эпохами, когда судьба людей, не способных о себе позаботиться, просто никого не интересовала. Но два столетия спустя, этот подход становится не только сомнительным, с точки зрения гуманистического мировоззрения, но и неверным предметно.

В исследовании Е. Э. Носенко-Штейн рассматривается проблема стигматизации инвалидов; показано, как стигма становится барьером общественного сознания, не позволяющим инвалидам пройти социальную интеграцию в общество [4, с. 38]. Стигму как общественное явление, с которым сталкиваются инвалиды, описывает в работах, посвященных воспитанию детей-инвалидов с глубокими поражениями здоровья, С. Якрен [5, с. 252].

Рассматривая меры, принимаемые по отношению к людям с инвалидностью, можно заметить, что с позиции государственных структур люди с инвалидностью часто рассматриваются только лишь как получатели пособий или гуманитарной помощи [6, с. 46].

На наш взгляд важнейшим условием дальнейшего совершенствования системы медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов в РФ, является освоение методики кодирования информации в соответствии с МКФ всеми специалистами практического здравоохранения и экспертами МСЭ, так как технология реабилитационного процесса начинаться с дебюта заболевания, а не с того момента, когда уже имеются глубокие последствия, и устанавливается инвалидность. Все это диктует необходимость разработки Концепции структурного преобразования службы МСЭ в РФ.

В 2006 г. была принята Конвенция ООН о правах инвалидов, которая изменила парадигму в отношении инвалидности с «медицинской» модели на «социальную». [7, с. 59].

В Германии были проведены многочисленные исследования, посвященные разработке и внедрению МКФ и основных наборов кейсов. Был применен подход оценки степени выраженности последствий повреждений здоровья по баллам определяющая степень их уменьшения и измеряемая в диапазоне от 20 до 100 % (чем больше процент, тем тяжелее инвалидность).

Особенностью установления инвалидности в Германии является, разработанная система оценки степени инвалидности (GdB), где отдельные заболевания измеряются в процентах потери функций организма от 0 до 100%. В Руководящих указаниях имеются таблицы GdB – Table, в которых для каждой болезни дана соответствующая ей GdB, изменяющаяся в зависимости от стадии заболевания от 0 до 100%. Тяжелый инвалид – человек, имеющий степень постоянной инвалидности не менее 50%. Многие специалисты Германии, работающие в области реабилитации и социального обеспечения, пришли к выводу, что МКФ является очень полезным инструментом для ежедневной работы и позволяет осуществить единый подход ко всем важным социально-медицинским аспектам человека с ограничениями с учетом воздействия на него окружающей среды.

Для получения инвалидности, пособий и других льгот в Бельгии, связанных с этим статусом, в местных органах власти необходимо заполнить соответствующие формы (в том числе о доходах), которые вместе с заключением лечащего врача будут направлены в Генеральный директорат по делам инвалидов при Федеральной государственной службе социального обеспечения. В некоторых случаях указанная служба, в целях принятия решения о признании

инвалидности, может попросить заявителя о встрече и дополнительном медицинском обследовании. Срок рассмотрения заявки составляет в среднем 6 – 7 месяцев. В случае положительного решения, заявителю выдается сертификат об инвалидности. Представители Службы социального обеспечения должны удостовериться, какие трудности стоят перед заявителем, как перед лицом со сниженной автономией в следующей повседневной деятельности: перемещение; приобретение и приготовление пищи; соблюдение личной гигиены и способность одеться; поддержание чистоты в доме и выполнение работ по хозяйству; реакция на опасности и способность от них уклоняться.

Для каждого вида вышеуказанной деятельности, в зависимости от трудности выполнения, присуждается ряд пунктов (нет трудностей; минимальные трудности; существенные трудности; неспособность обойтись без помощи третьего лица), количество которых определяет медицинскую категорию заявителя.

В Сингапуре основным государственным органом, ответственным за вопросы социальной защиты инвалидов, является Министерство семейного и социального развития, общее количество инвалидов в стране в пределах 3 – 4%. Критерии лиц с инвалидностью Правительство Сингапура определяет следующим образом: «лица, чьи перспективы получения, сохранения места и продвижения в сфере образования, получения трудовых навыков в учебных заведениях, занятости и отдыха в качестве равноправных членов общества значительно снижены вследствие физических, сенсорных, интеллектуальных нарушений и отклонении в развитии». При этом, в числе инвалидов, кроме лиц по медицинским показаниям, также учитываются лица с низкой социальной функциональностью, в связи с растущим числом детей с отклонениями в развитии, в том числе с целью развития данной сферы в соответствии с международными стандартами. Правительство Сингапура разделяет инвалидность на следующие категории: лица со слабым зрением (способность к зрению согласно результатам медицинских тестов меньше 3/60, что характеризуется как слепота или 6/18 – плохое зрение); сниженным слухом, критерием которого является способность слышать звуки меньше 12 децибел; ограниченными интеллектуальными способностями, который определяется уровнем IQ ниже 70; ограниченными физическими возможностями вследствие ампутации конечности/ей или последствий таких заболеваний как полиомиелит и др. болезней; отклонением в развитии из – за расстройства аутистического спектра и низкой способностью к обучению из – за синдрома дефицита внимания и гиперреактивности. В случае если инвалидность носит приобретенный характер, то при определении инвалидности страховые компании используют критерий способности выполнять самостоятельно основные ежедневные дела. В частности, к таким делам относятся способность самостоятельно мыться в ванне или в душе, в том числе входить и выходить из них, одеваться, питаться, ходить в туалет, передвигаться (как к примеру из одной комнаты в другую) и перемещаться (с кровати на стул или в инвалидную коляску).

Структура Федерального казенного учреждения

«Главное бюро медико-социальной экспертизы по РСО-Алани»

Федеральное казенное учреждение «Главное бюро медико-социальной экспертизы по РСО-Алания Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации» включает в себя по штатному расписанию экспертные составы и бюро МСЭ, из них: 1 экспертный состав Главного бюро МСЭ для освидетельствования лиц в возрасте до 18 лет, 1 бюро МСЭ для освидетельствования лиц с психическими расстройствами, 1 бюро МСЭ для освидетельствования больных туберкулезом, 1 бюро МСЭ для освидетельствования лиц с заболеваниями и дефектами органа зрения, 5 бюро МСЭ общего профиля.

Результаты деятельности Федерального казенного учреждения

«Главное бюро медико-социальной экспертизы по РСО-Алания» за 2022 – 2024 годы

Анализ тяжести инвалидности свидетельствует о росте удельного веса первой группы с 15,0% в 2022 г. и 15,3% в 2023 г. до 15,7% в 2024 г. Доля второй группы также выросла с 28,5% в 2022 г. и 31,7% в 2023 г. до 32,1% в 2024 г. Доля третьей группы уменьшилась с 56,5% в 2022 г. и 53,0% в 2023 г. до 52,0% в 2024 г.

Показатель инвалидности первой группы в 2024 г. снизился и составил 7,1; в 2022-2024 гг. он составлял 7,7. Уровень инвалидности второй группы по сравнению с тем же периодом уменьшился с 14,6 в 2022 г. и 16,0 в 2023 г. до 14,5 в 2024 г. Уровень третьей группы также снизился с 29,1 в 2022 г. и 26,9 в 2023 г. до 23,6 в 2024 г.

Уровень первичной инвалидности среди лиц в возрасте от 18 до 44 лет в 2024 г. по сравнению с 2023 г. вырос с 20,4 в 2023 г. до 21,2, но остался ниже показателя 2022 г. – 22,6, на 10 тыс. населения соответствующего возраста (табл. 1).

Таблица 1 – Уровень выявления первичной инвалидности среди взрослого населения с учётом возраста по РСО-Алания за 2022–2024 гг. (абс., показатель на 10 тыс. населения)

Table 1 – The level of identification of primary disability among the adult population, taking into account the age of the Republic of North Ossetia-Alania for 2022–2024. (abs., per 10,000 population)

Годы	Всего ВПИ		В том числе в возрасте					
			От 18 до 44 лет		От 45 до 54 лет (ж.) От 45 до 59 лет (м.)		Старше 60 лет (ж.) и 65 лет (м.)	
	Абс.	уровень	Абс.	уровень	Абс.	уровень	Абс.	уровень
2022	2767	51,4	600	22,6	905	82,2	1262	77,5
2023	2714	50,6	533	20,4	918	84,5	1263	76,4
2024	2408	45,2	547	21,2	787	73,1	1074	64,1

По результатам переосвидетельствования инвалидов за 2024 год удельный вес первой группы уменьшился с 9,3% в 2022 г. и 11,3% в 2023 г. до 7,7%. Удельный вес второй группы инвалидности по сравнению с 2022 г. немного вырос с 28,4% в 2023 г. до 29,0%, но остался ниже показателя 2022 г. – 32,3%. Доля третьей группы в 2024 г. выросла с 58,4% в 2022 г. и 60,3% в 2023 г. до 63,3%. Таким образом, имеет место рост доли второй и третьей групп и уменьшение первой группы.

Уровень повторной инвалидности за 2023 г. по сравнению с тем же периодом 2022 г. вырос как в целом, так и по большинству классов (15) болезней и отдельных нозологий, за исключением психических расстройств и расстройств поведения, болезней глаз и его придаточного аппарата, болезней уха и сосцевидного отростка, болезней мочеполовой системы и профессиональных болезней, где отмечается снижение показателя.

Общий объем первичных освидетельствований среди детского населения за 2024 г. составил 335 человек, в 2023 г. – 490 человек, в 2022 г. – 416 человек. За этот же период впервые признано инвалидами 321 детей, в 2023 г. – 448 детей, в 2022 г. – 387 детей.

Показатель первичной инвалидности среди детского населения за 2024 г. составил 19,6 на 10 тыс. детского населения; в 2023 г. – 27,4 в 2022 г. – 23,6.

Анализ структуры впервые признанных детей-инвалидов по возрастным группам представлен в табл. 2.

Таблица 2 – Структура выявленной первичной инвалидности по возрастным группам у детей в динамике за 2022–2024 гг.

(абс., показатель на 10 тыс. населения, %)

Table 2 – The structure of the identified primary disability by age group in children in dynamics for 2022–2024 (abs., per 10,000 population)

Годы	абс.	%	Уд. вес (%)			
			0-3 г.	4-7 лет	8-14 лет	15-17 лет
2022	387	100	36,7	28,7	28,2	6,4
2023	448	100	29,2	28,8	34,6	7,4
2024	321	100	34,3	24,0	34,9	6,9

Число повторно освидетельствованных детей за 2024 г. составило 798 чел., в 2023 г. – 773 человека, в 2022 г. – 900 чел. За этот период повторно признано инвалидами 700 ребенка, в 2023 г. – 619 детей, в 2022 г. – 773 ребенка. Показатель повторной инвалидности в 2024 г. составил 42,7 на 10 тыс. детского населения; в 2023 г. – 37,8; в 2022 г. – 47,2.

При переосвидетельствовании инвалидность сроком до 18 лет установлена в 2024 г. в 167 случаях – 23,9%, в 2023 г. в 297 случаях – 48,0%; в 2022 г. в 414 случаях – 53,6%.

**Анализ деятельности Федерального казенного учреждения
«Главное бюро медико-социальной экспертизы по РСО-Алания»
по реабилитации инвалидов за 2022-2024 годы**

За 2024 г. показатель полной реабилитации взрослых составил 0,4% – 23 случая; в 2023 г. – 2,3% – 241 случай; в 2022 г. – 2,4% – 134 случая. Показатель частичной реабилитации в 2024 г. – 6,4% – 74 случая; в 2023 г. – 9,4% – 159 случаев; в 2022 г. – 11,2%. Показатель суммарной реабилитации в 2024 г. – 1,6% – 97 случаев; в 2023 г. – 5,6% – 272 случая; в 2022 г. – 6,6%. Удельный вес инвалидов с утяжелением составил в 2024 г. 13,1% – 503 случая; в 2023 г. 12,0%; в 2022 г. 9,3%.

При переосвидетельствовании за 2024 г. не признано инвалидами 1 ребенок; в 2023 г. – 9 детей; в 2022 г. – 12 детей. Показатель реабилитации составил в 2022 г. 0,1%; в 2022 г. – 1,4%; в 2020 г. – 1,5%.

За 2024 г. специалистами учреждения было разработано 9619 ИПРА, из которых 8556 – 88,9% для взрослых и 1063 – 11,1% для детей; за тот же период 2023 г. разработано 9261 ИПРА, из которых 8113 – 87,6% для взрослых и 1148 – 12,4% для детей; в 2022 г. – 9896 ИПРА, из которых 8671 – 87,7% для взрослых и 1225 – 12,3% для детей.

Из числа ИПРА, разработанных взрослым инвалидам в 2024 г., 2409 – 28,2% при первичном освидетельствовании и 6147 – 71,8% при переосвидетельствовании, в 2023 г. – 2714 – 33,5% при первичном освидетельствовании и 5399 – 66,5% при переосвидетельствовании, в 2022 г. – 2763 – 31,9% при первичном освидетельствовании и 5908 – 68,1% при переосвидетельствовании (табл. 3).

Таблица 3 – Распределение индивидуальных программ реабилитации и абилитации инвалидов, разработанных для граждан в возрасте 18 лет и старше, впервые признанных инвалидами по группам инвалидности по РСО-Алания за 11 месяцев 2022-2024 гг. (абс., %)

Table 3 – Distribution of individual rehabilitation and habilitation programs for the disabled, developed for citizens aged 18 and older, who were recognized as disabled for the first time by disability groups in the Republic of North Ossetia-Alania for 11 months of 2022-2024 (abs., %)

Год	Всего первично	I группа		II группа		III группа	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
2022	2767	416	15,0	787	28,5	1564	56,5
2023	2714	415	15,3	859	31,7	1440	53,0
2024	2409	377	15,6	775	32,2	1257	52,2

В структуре ИПРА по тяжести в течение 2024 г. по сравнению с тем же периодом 2023г. удельный вес ИПРА, разработанных для ВПИ первой и второй групп, вырос, третьей – уменьшился.

Из анализа ИПРА, разработанных для детей-инвалидов за 2024 г., следует, что 97,6% детей, признанных инвалидами, нуждаются в медицинской реабилитации. Число ИПРА, разработанных с рекомендациями по реконструктивной хирургии: в 2024 г. – 1,5%, в 2023 г. – 1,2%, в 2022 г. – 1,8%; санаторно-курортному лечению в 2024 г. – 18,2%, в 2023 г. – 17,7%, в 2022 г. – 16%; с рекомендациями нуждаемости в мероприятиях психолого-педагогической реабилитации – 85,6%, в 2023 г. – 77,6%, в 2022 г. – 61,3%, в обеспечении техническими средствами реабилитации в 2024 г. – 21,2%, в 2022 г. – 26,2%, в 2022 г. – 24,7%.

**Информация по организации работы по реализации
информационного взаимодействия Федерального казенного учреждения
«Главное бюро медико-социальной экспертизы по РСО-Алания»**

ФКУ «ГБ МСЭ по РСО-Алания» Минтруда России продолжается работа по организации информационного взаимодействия с медицинскими организациями республики по обмену сведениями в электронном виде при направлении гражданина на медико-социальную экспертизу в целях признания его инвалидом. Программный продукт ЕАВИИАС МСЭ полностью готов

для приема формы № 088/у. Со стороны ГБУЗ РМИАЦ по РСО-Алания ведется ежедневная активная работа с медицинскими организациями по оформлению направлений в электронном виде и их передача в службу МСЭ через РЭМД.

В рамках электронного взаимодействия между учреждением МСЭ и медицинскими организациями республики осуществляется работа с больничными листами в электронном формате.

С организациями социального обслуживания, оказывающими социальные услуги в стационарной форме взаимодействие по направлению формы № 088/у осуществляется на бумажных носителях с реестром, заверенным надлежащим образом, без участия гражданина. С исправительными учреждениями ФСИН взаимодействие по направлению формы № 088/у осуществляется на бумажных носителях с реестром, заверенным надлежащим образом, без участия гражданина. С Пенсионным фондом по РСО-Алания для обмена информацией организован защищенный канал по технологии VipNet.

Для проведения сверки данных по лицам, признанным инвалидами и детьми-инвалидами, в ЕАВИИАС МСЭ ежедневно формируется реестр выписок из актов освидетельствования и отправляется посредством «деловой почты» VipNet в отделение ПФР по РСО-Алания, на бумажном носителе-наличном.

При проведении сверки данных лиц с отсутствующими реквизитами специалистами службы МСЭ вносится информация, которой служба МСЭ располагает.

С ФГБУ ФБ МСЭ Минтруда России взаимодействие осуществляется по защищенному каналу. Сформированные в ЕАВИИАС в результате прохождения медико-социальной экспертизы документы, в режиме онлайн выгружаются на «витрину» Федерального бюро и в Федеральный реестр инвалидов. Ведется ежедневный мониторинг по своевременной выгрузке сформированных документов.

В учреждении организован постоянный контроль за движением бланков строгой отчетности. По учреждению был издан приказ «Об утверждении порядка использования БСО и передачи выписок из акта освидетельствования в Пенсионный фонд» и инструкция «Порядок распределения, хранения и учета расходования бланков строгой отчетности в экспертных составах и бюро ФКУ «ГБ МСЭ по РСО-Алания» Минтруда России».

Руководители бюро ежедневно ведут учет израсходованных и число оставшихся бланков строгой отчетности, в конце каждого месяца сдают отчет о расходовании бланков строгой отчетности в организационно-методический отдел. Ежемесячно в бюро, экспертных составах, организационно-методическом отделе проводится сверка данных по реестру выданных бланков строгой отчетности информационной системы ЕАВИИАС с фактически выданными бланками строгой отчетности в бюро и экспертных составах. Ежеквартально руководители бюро и экспертных составов сдают отчет-заявку по утвержденной форме в бухгалтерию.

Руководители бюро и экспертных составов несут персональную ответственность за работу с бланками строгой отчетности. Специалисты экспертных составов ежемесячно проводят целевую проверку по проверке исполнения нормативных документов при работе с бланками строгой отчетности. В ходе сверок расхождений между данными ЕАВИИАС и фактически выданными бланков строгой отчетности в бюро и экспертных составах не выявлено.

В учреждении ведется работа по сохранению целостности и достоверности базы данных ЕАВИИАС. Ежедневно снимаются копии базы данных Postgres (бэкапы) и копии вынесенных из базы файлов на сервер хранения данных. Разработаны и утверждены локальные нормативные акты согласно перечню организационно-распорядительной документации по защите персональных данных, инструкции должностных лиц, ответственных пользователей ЕАВИИАС.

Заключение

В целом, современные концепции социальной защиты инвалидов должны стремиться к обеспечению равных возможностей и защите их прав. Необходимо постоянно анализировать тенденции и противоречия в данной области и предпринимать соответствующие меры для их решения. Только так можно создать инклюзивное общество, где каждый инвалид сможет жить полноценной и достойной жизнью.

Из анализа деятельности Федерального казенного учреждения «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Республике Северная Осетия-Алания» можно сделать следующие выводы:

1. Основными причинами, инвалидизирующими взрослое население являются болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования, болезни костно-мышечной системы, последствия травм и отравлений и психические расстройства.

2. В групповой структуре первичной инвалидности отмечается увеличение доли третьей группы, уменьшение доли второй группы и небольшой рост доли первой группы.

3. В возрастной структуре ППИ преобладают лица трудоспособного возраста.

Анализ деятельности Федерального казенного учреждения «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Республике Северная Осетия-Алания» помог выявить ряд проблем, основными из которых являются:

- низкий уровень использования социальных критериев при определении инвалидности;
- ограниченный объем и перечень услуг, оказываемых инвалидам в рамках комплексной реабилитации;

- недостаточная доступность для инвалидов заочной формы проведения медико-социальной экспертизы.

Для решения этих проблем необходимо улучшить качество и доступность медико-социальной экспертизы, а также доработать некоторые нормативно-правовые акты в области реабилитации и социальной интеграции инвалидов в соответствии с Международной классификацией функционирования (МКФ).

Одной из главных тенденций в современном законодательстве о социальной защите инвалидов должен быть переход от медицинской модели инвалидности к модели социальной интеграции. Сейчас основным акцентом является признание и определение инвалидности на основе медицинской диагностики и оценки функциональных ограничений. Однако в современном подходе к социальной защите инвалидов определяющую роль должны играть не только медицинские критерии, но и социальные условия, в которых инвалиды живут и функционируют.

Список источников

1. Орозова Р. А. Воздействие COVID-19 на социальную жизнь людей с инвалидностью в Кыргызстане / Темпоральность социальной заботы: история, современность, перспективы: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической онлайн конференции, Саратов, 24-25.09.2021 г. – Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2022. – 412 с.

2. Грачева О. Г. Социально-психологические аспекты социальной заботы в современном обществе / Темпоральность социальной заботы: история, современность, перспективы: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической онлайн конференции, Саратов, 24-25.09.2021 г. – Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2022. – 412 с.

3. Носенко-Штейн Е. Э. Выйти за пределы «гетто»: стигма инвалидности и попытки ее преодоления // Вестник антропологии. 2021. № 1 (53). С. 36–49.

4. Yakren S. "Wrongful Birth" Claims and the Paradox of Parenting a Child with a Disability [Fordham Law Review. 2018. Vol. 87 (2). P. 583-628]

5. Сухостат В. С. Социальная работа в период пандемии. Темпоральность социальной заботы: история, современность, перспективы: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической онлайн конференции, Саратов, 24-25.09.2021 г. – Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2022. – 412 с.

6. Сизикова В. В., Аникеева О. А. Социальная работа: время перемен (российский и зарубежный опыт) // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 5 (124). С. 133–140.

7. Хакумура Н. Взгляд на инвалидность как демографическую проблему по результатам исследования в Китае, Южной Корее и Японии // Народонаселение. 2024. Том. 27. № 4. С. 59–72.

8. Козловская С. Н. Современные тенденции развития системы социальной защиты населения в России // Ценностные ориентации молодежи в условиях модернизации современного общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Горно-Алтайск, 2024. С. 371–375.

9. Никифорова А. С. О формировании системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов // Экономика и право в современном измерении: вопросы теории и практики. Материалы научно-практической конференции. Хабаровск, 2020. С. 105–112.

10. Шайпова Я. А. Трактровка понятия «инвалидность» // Инновационные механизмы решения проблем научного развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2021. С. 193–196.

References

1. Orozova R. A. The impact of COVID-19 on the social life of people with disabilities in Kyrgyzstan. In: *The temporality of social care: history, modernity, prospects: collection of scientific papers based on the results of the International scientific and practical online conference*, Saratov, 24-25.09.2021. Saratov: Sarat. State Technical University Univ., 2022. 412 p. (In Russ.)

2. Gracheva O. G. Socio-psychological aspects of social care in modern society. In: *The temporality of social care: history, modernity, prospects: collection of scientific papers based on the results of the International scientific and practical online conference*, Saratov, 24-25.09.2021. Saratov: Sarat. State Technical University Univ., 2022. 412 p. (In Russ.)

3. Nosenko-Stein E. E. Go beyond the "ghetto": disability stigma and attempts to overcome it. *Bulletin of Anthropology*. 2021;1(53):36–49. (In Russ.)

4. Yakren S. "Wrongful Birth" Claims and the Paradox of Parenting a Child with a Disability. *Ford-ham Law Review*. 2018;87(2):583–628. (In Russ.)

5. Sukhostat V. S. Social work during the pandemic. In: *The temporality of social care: history, modernity, prospects: collection of scientific papers based on the results of the International scientific and practical online conference*, Saratov, 24-25.09.2021. Saratov: Sarat. State Technical University Univ., 2022. 412 p. (In Russ.)

6. Sizikova V. V., Anikeeva O. A. Social work: a time of change (Russian and foreign experience). *Social policy and sociology*. 2017;16(5(124)):133–140. (In Russ.)

7. Hakumura N. A view on disability as a demographic problem based on research results in China, South Korea and Japan. *Population*. 2024;27(4):59–72. (In Russ.)

8. Kozlovskaya S. N. Modern trends in the development of the social protection system in Russia. *Value orientations of youth in the context of modernization of modern society*. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Gorno-Altaysk; 2024:371–375. (In Russ.)

9. Nikiforova A. S. On the formation of a system of comprehensive rehabilitation and habilitation of the disabled. In: *Economics and law in the modern dimension: issues of theory and practice*. Materials of the scientific and practical conference. Khabarovsk; 2020:105–112. (In Russ.)

10. Shaipova Ya. A. Interpretation of the concept of "disability". In: *Innovative mechanisms for solving problems of scientific development*. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Ufa; 2021:193–196. (In Russ.)

Информация об авторе

З. М. Сабанов – кандидат социологических наук, доцент кафедры педагогического образования, Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова.

Information about the author

Z. M. Sabanov – Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Department of Pedagogical Education of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 06.03.2025; принята к публикации 07.03.2025.

The article was submitted 03.02.2025; approved after reviewing 06.03.2025; accepted for publication 07.03.2025.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 273–279
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2025;(1):273–279

Слово молодым ученым

Научная статья

УДК 316.43

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-273-279>

EDN QQGBUG

Особенности кадрового обеспечения предприятий нефтеперерабатывающего комплекса и социального положения их персонала

Андрей Михайлович Гуревич

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, gurew@mail.ru

Аннотация

Введение. В условиях необходимости обеспечения технологического суверенитета страны, импортозамещения, необходимости модернизации производственной инфраструктуры, особую значимость приобретают исследования социального положения персонала приоритетных индустриальных отраслей, таких как, например, нефтеперерабатывающая промышленность.

Цель. Рассмотреть проблемы социального положения персонала предприятий нефтеперерабатывающего комплекса как одного из приоритетных направлений народного хозяйства страны. Проанализировать кадровое обеспечение соответствующих предприятий отрасли.

Методы. Для исследования социального положения персонала предприятий нефтеперерабатывающего комплекса использовались положения зарубежных и отечественных исследований сферы труда и занятости населения, обобщались статистические и социологические эмпирические данные, проводился их вторичный анализ.

Результаты. Определено, что положение трудовых ресурсов во взятой для анализа сфере имеет схожие характеристики с общемировыми, обусловленными четвертой промышленной революцией, однако, российские тенденции, связанные с необходимостью обеспечения технологического суверенитета страны, импортозамещения, модернизации производственной инфраструктуры, ставят нефтепереработку в число приоритетных для государства отраслей хозяйства, востребующих регуляторное воздействие в отношении своевременной подготовки профессиональных кадров инженерных и рабочих специальностей.

Выводы. Установлено, что нефтеперерабатывающая отрасль народного хозяйства в настоящее время имеет кадровый дефицит, обусловленный как демографическими тенденциями, так и недостатками системы профессиональной подготовки, слабой популяризацией индустриальных профессий и ее информационной обеспеченностью, накладывающейся на актуализацию в ближайшей перспективе запроса на новые профессии указанного сектора народного хозяйства, который носит стратегически важный импортозамещающий приоритетный характер.

Ключевые слова: предприятия нефтеперерабатывающего комплекса, кадровое обеспечение, численность работников, текучесть кадров, половозрастная и квалификационная структура, заработная плата, условия труда, профессиональное образование

Для цитирования: Гуревич А. М. Особенности кадрового обеспечения предприятий нефтеперерабатывающего комплекса и социального положения их персонала // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 273–279. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-273-279>. EDN QQGBUG

The social status of the staff of the oil refining complex enterprises and their staffing

Andrey M. Gurevich

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, Rostov-on-Don, Russia, gurew@mail.ru

Abstract

Introduction. In the context of the need to ensure the technological sovereignty of the country, import substitution, and the need to modernize the production infrastructure, research on the social status of personnel in priority industrial sectors, such as, for example, the oil refining industry, is of particular importance.

Purpose. Consideration of the problems of the social situation of the personnel of the oil refining complex enterprises as one of the priorities of the national economy of the country. Analyze the staffing of relevant industry enterprises.

Methods. To study the social situation of the personnel of the oil refining complex enterprises, the provisions of foreign and domestic studies of the sphere of labor and employment of the population were used, statistical and sociological empirical data were summarized, and their secondary analysis was carried out.

Results. It turned out that the situation of the workforce in the area taken for analysis has similar characteristics to the global ones caused by the fourth industrial revolution, however, Russian trends related to the need to ensure the country's technological sovereignty, import substitution, and modernization of production infrastructure place oil refining among the priority sectors of the economy for the state, requiring regulatory influence in relation to timely training of professional personnel. engineering and working specialties.

Conclusions. It has been established that the oil refining industry of the national economy currently has a shortage of personnel due to both demographic trends and shortcomings in the vocational training system, weak popularization of industrial professions and its information security, which is superimposed on updating the demand for new professions in the ten-year perspective of the specified sector of the national economy, which has a strategically important import-substituting priority.

Keywords: oil refining enterprises, staffing, number of employees, staff turnover, gender, age and qualification structure, wages, working conditions, vocational education

For citation: Gurevich A. M. The specifics of the staffing of the oil refining complex enterprises and the social status of their personnel. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2025;(1):273–279. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-273-279>. EDN QQGBUG

Введение

Актуальные зарубежные и отечественные научные исследования сферы труда и занятости населения указывают на ее существенную модификацию, обусловленную переходом к четвертой промышленной революции, которая, с одной стороны, производит прогрессивные сдвиги – повышает эффективность процессов производства, вводит технологические инновации, позволяющие оптимизировать использование энергетических и материальных потоков, создает удобные способы распространения продукции и дает новый клиентский опыт потребителю товаров и услуг. Но, с другой стороны, наряду с прогрессом, четвертая промышленная революция создает проблемы, в основном, в мире труда. За последние несколько лет подавляющее большинство развитых стран, а также быстро растущих мировых экономик испытали существенное процентное снижение доли труда в ВВП. Такое снижение по большей части произошло в результате падения относительной цены средств производства, что, в свою очередь, было вызвано развитием инноваций (что вынуждает компании заменять труд капиталом) [1, с. 15].

В результате главными выгодоприобретателями четвертой промышленной революции являются поставщики интеллектуального или физического капитала – изобретатели, инвесторы, акционеры, что объясняет растущий разрыв в благосостоянии между теми, кто живет результатами собственного труда, и теми, кто владеет капиталом. Это также объясняет разочарование

многих работников, которые убеждены, что они никогда не смогут увеличить свой реальный доход, а их дети не будут жить лучше, чем они. Таким образом, существует дизруптивный эффект, поскольку обусловленный технологией прорыв и автоматизация заменяют труд на капитал, лишая рабочих заработка или вынуждая их применять свою квалификацию в другом месте [1, с. 15].

Наблюдается поляризация рынка труда, при которой растет занятость в высокооплачиваемых когнитивных профессиях и низкооплачиваемых профессиях ручного труда, сопровождающаяся выхолащиванием рутинных квалифицированных рабочих мест со средним уровнем дохода [2, с. 121].

По мере того, как компьютеризация снижает заработную плату квалифицированных работников, выполняющих рутинные задачи, работники будут перераспределять свое предложение труда в пользу относительно низкоквалифицированных профессий в сфере услуг [3, с. 272].

Как указывают в своей работе Карл Бенедикт Фрей и Майкл Осборн, потенциальные возможности для дальнейшей автоматизации значительно шире в обрабатывающей и перерабатывающей промышленности, где до 62 % рабочих мест находятся под угрозой исчезновения [4, с. 54].

В развитых странах наиболее быстро растет спрос на высококвалифицированных работников умственного труда и низкоквалифицированных работников, труд которых требует сноровки. Напротив, занятость работников со средним уровнем квалификации, например, рабочих-станочников, снижается. Это – один из факторов, которые могут привести к росту социального неравенства в развитых странах¹.

Специалистами исследований рынка труда фиксируются процессы, которые ведут к деградации качественных характеристик трудового потенциала, усилению сегментации рынка труда и распространению социально незащищённых форм занятости (таких как неустойчивая занятость), а также социально опасных слоёв прекариата и NEET-молодежи, которая не работает и не учится (Not in Employment, Education or Training) [5, с. 10].

Таким образом, технический прогресс может способствовать не только появлению новых рабочих мест, но и деформировать занятость, снижать уровень квалификации и профессионализма, экономической активности, деструктивно влиять на трудовую мотивацию, расширять слой неблагополучного населения, в том числе молодежи.

В условиях необходимости обеспечения технологического суверенитета страны, импортозамещения, необходимости модернизации производственной инфраструктуры, особую значимость приобретают исследования социального положения персонала приоритетных промышленных отраслей, как например, нефтеперерабатывающей промышленности.

Методы

На основе анализа статистических и социологических эмпирических данных мы предпримем попытку охарактеризовать социальное положение работников предприятий нефтеперерабатывающего комплекса.

Для формирования комплексного представления о сложившихся тенденциях на рынке труда в нефтеперерабатывающем комплексе можно избрать следующие показатели: 1) численность работников; 2) половозрастная и квалификационная структура работников; 3) размер заработной платы работников; 4) состояние условий труда работников; 5) состояние профессионального образования.

Результаты и обсуждение

Среднесписочная численность работников нефтеперерабатывающих предприятий на 2024 г. составила 118722 чел., что указывает на потери почти в тысячу работников (119593) по отношению к 2023 г. и почти десяти тысяч работников по отношению к 2022 г. (128721). Возможной детерминантой сокращения среднесписочной численности работников за столь короткий промежуток является проблема обеспечения безопасности сотрудников на территориях, которые подвергаются уже на протяжении трех лет вражеским атакам беспилотных летательных аппаратов. Так, с начала 2024 г. российские НПЗ и нефтебазы подвергались атакам БПЛА

¹ The Changing Nature of Work. World Development Report. 2019 // <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2019>.

не менее 60 раз, подтверждает специалист департамента стратегических исследований Total Research Николай Вавилов¹.

Важное значение имеет оценка текучести кадров в отрасли. Низкий коэффициент текучести кадров свидетельствует о высоком уровне социальной защищенности сотрудников и эффективном подходе к управлению персоналом. Значение от 4,7 % до 14,5 % демонстрирует положительное явление по отрасли. Самый высокий коэффициент у ПАО «НК «Роснефть», самый низкий – у ПАО «Транснефть». При этом, на 2024 г. у компании ПАО «Газпром» (включающей ПАО «Газпром нефть») коэффициент текучести составлял 6,7 %, однако в обозримом будущем компанию ждут серьезные кадровые изменения. В январе текущего года зампредправления «Газпрома» Елена Илюхина в письме Алексею Миллеру предложила резко сократить численность центрального аппарата и филиала в Санкт-Петербурге – с 4100 до 2500 чел. Илюхина предложила провести оптимизацию численности управленческого персонала и внести изменения в систему оплаты труда. Она напомнила, что за последние 20 лет численность администрации «Газпрома» выросла в несколько раз и превысила 4100 чел. При этом фонд оплаты труда на сегодняшний день превышает 50 млрд руб. в год. Высвобожденные средства предполагается направить на повышение мотивации и развитие персонала².

Нужно отметить, что во всех регионах присутствия предприятий нефтеперерабатывающего комплекса, а это 20 субъектов, имеется потенциал рабочей силы среди официально зарегистрированных в центрах занятости населения безработных. В 2023 г. количественные значения составляли от 4,5 тыс. безработных в Ямало-Ненецком автономном округе, до 57,8 тыс. в Краснодарском крае³. Таким образом, потенциальный дефицит рабочей силы и текучесть кадров отрасли может быть скомпенсирована за счет безработных в случае желания руководства предприятий работать с квалификацией привлекаемой рабочей силы.

Демографические тенденции в стране связаны с сокращением численности населения, с 2024 г. по 2045 г. включительно она будет сокращаться в среднем на 332 тыс. чел. ежегодно, при этом положительный миграционный прирост не сможет компенсировать естественную убыль. Миграционный прирост, хотя и будет положительным на всем прогнозном горизонте, будет несколько снижаться – с 233 тыс. чел. в 2023 г. до 221 тыс. чел. в 2045 г. Указанные тенденции также обуславливают необходимость превентивных решений для кадровой обеспеченности нефтеперерабатывающих производств с акцентом на работу с потенциальной рабочей силой – учащейся молодежью и безработными различной степени квалификации.

Структура численности работников может быть описана с позиций половозрастных и квалификационных особенностей. По гендерному признаку ситуация на нефтеперерабатывающих предприятиях весьма схожа, женщин работает на них гораздо меньше, чем мужчин – от 21 % до 40 %, наибольшим гендерным разнообразием обладает ПАО «ЛУКОЙЛ».

Стоит отметить, что эпоха гендерных стереотипов относительно работы женщин в промышленности миновала: на фоне гендерной унификации, автоматизации производств и дефицита кадров многие предубеждения на этот счет теряют актуальность. Об этом свидетельствуют данные всероссийского опроса компании ВЦИОМ. Лишь немногим чаще работа в промышленности видится подходящей мужчинам – 51% (vs. 45% женщин), а семь из десяти наших сограждан поддержали бы решение своей знакомой (родственницы) пойти работать на промышленное предприятие (71 %). В целях повышения привлекательности промышленных предприятий для женщин следует прежде всего повысить оплату труда в этой сфере (так считают 50 % мужчин, 49% женщин), сделать гибкий график для совмещения карьеры и семьи, воспитания детей (35 % и 47% соответственно), примечательно, что эта мера женщинам представляется не менее важной,

¹ Будрис А. Горящие нефтебазы: насколько серьезный вред наносят БПЛА нефтяной инфраструктуре // <https://www.forbes.ru/biznes/520491-gorasie-neftebazy-naskol-ko-ser-eznyj-vred-nanosat-bpla-neftanoj-infrastrukture>.

² Будрис А., Злобин А. «Газпром» прокомментировал сообщения о массовых увольнениях в центральном аппарате // <https://www.forbes.ru/biznes/528704-gazprom-prokommentiroval-soobsenia-o-massovyh-uvolneniah-v-central-nom-apparate>

³ Здесь и далее будут использоваться данные ежегодных мониторингов Совета по профессиональным квалификациям в нефтегазовом комплексе.

чем достойная оплата труда. Наконец, третьим условием привлечения женщин в промышленность опрошенным видятся социальные льготы и бонусы (27 % мужчин и 32 % женщин)¹.

Превалирующей возрастной категорией работников являются лица от 30 до 50 лет: в ПАО «Газпром», ПАО «Татнефть» и ПАО «Транснефть» данный показатель составляет 61% от общего числа работников, в ПАО «ЛУКОЙЛ» – 49 % и ПАО «НОВАТЭК» – 75%. При этом в ПАО «ЛУКОЙЛ» наибольшее количество молодых сотрудников – до 30 лет, их 31 %. Необходимо указать и на старение кадров в отрасли – от 49 до 75 % – это лица старше 50 лет.

Опросы общественного мнения указывают на больший интерес к индустриальным профессиям именно у лиц описанной выше возрастной категории. Наиболее заинтересованы в этом виде труда люди реформенного поколения (1968–1981 гг.) – их 52 %. Мнения молодежи – зумеров и младших миллениалов – делятся поровну: половине, по их мнению, подходит работа в промышленности (46 % и 43 % соответственно), половине – не подходит (48 % и 43 % соответственно).

При этом каждый второй респондент (50 %) отмечает, что ему не хватает информации о перспективах работы на промышленных предприятиях нашей страны, об обратном говорят 36 %, то есть треть, еще 14 % затруднились с ответом на этот вопрос. В целом больше информации такого рода, по-видимому, получают мужчины (42 % vs. 31 % женщин), молодежь до 24 лет (53 %) и жители Уральского федерального округа (45 %), а меньше – граждане с плохим материальным положением (61 %) и жители Южного и Северо-Кавказского округов (61-65 %). Такие результаты указывают на необходимость более активной информационной работы, направленной на повышение осведомленности населения, особенно социально уязвимых групп, о перспективах занятости и карьерного роста в промышленной сфере².

Квалификационная структура предприятий нефтеперерабатывающего комплекса наиболее массово представлена рабочими – их от 42 до 63 %, самое большое значение у ПАО «Татнефть». Специалисты составляют от 28 до 38 %, а руководители от 11 до 20 % от общего количества персонала.

По опросам общественного мнения в промышленности наиболее привлекательны для россиян инженерные (20 %) и рабочие (18 %) специальности. Это может говорить о сохраняющейся в общественном сознании ценности квалифицированного производительного труда.

Ключевое преимущество работы на промышленных предприятиях, по мнению россиян, заключается в наличии хороших социальных гарантий (59 %). То есть индустриальная сфера воспринимается как стабильная и проявляющая заботу о сотрудниках.

В топ-3 характеристик промышленности вошли также соблюдение правил техники безопасности (45 %) и привлекательные условия труда (41 %), такие как удобный график, хорошее оснащение рабочих мест и бытовых помещений, еще 40 % отметили наличие современного оборудования. Это показывает, что людей привлекает в работе на заводах и фабриках не только социальный пакет, но и приемлемые рабочие условия.

Еще одним отличием работы в промышленности, по версии россиян, является высокая заработная плата (40%), что делает эту сферу конкурентоспособной на рынке труда в общественном мнении.

Значительная часть опрошенных считают работу в промышленности интересной (39 %), привлекательной для людей с хорошим образованием, перспективной, с преобладанием высококвалифицированного труда и современных технологий (по 38 %), то есть современная российская промышленность воспринимается как высокотехнологичная и интеллектуально насыщенная сфера. Около трети россиян (35 %) видят работу в промышленности престижной и отмечают, что люди стремятся к такой работе (30 %).

При этом запрос на персонал увеличивается. По результатам HeadHunter с января по август 2024 г. нефтегазовые компании разместили более 192 тыс. вакансий. По сравнению с прошлым годом потребность в новых специалистах в нефтегазовых компаниях по всей стране увеличилась на 46 %. Рейтинг наиболее востребованных профессий в нефтегазовой отрасли в 2024 г.

¹ (He)женское лицо российской промышленности // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nezhenskoe-lico-rossiiskoi-promyshlennosti>

² Я б в рабочие пошел... // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ja-b-v-rabochie-poshel-2>

возглавляют машинисты – для данной профессии нефтегазовые компании разместили более 5,2 тыс. вакансий. На втором месте – водители (7%, почти 4 тыс. вакансий), на третьем месте – слесари (4%, 2 тыс. вакансий).

В 2024 г. география спроса в нефтегазовой отрасли очень разнообразна. На первом месте по потребности в персонале за восемь месяцев 2024 г. оказались нефте- и газодобывающие компании из Республики Башкортостан (более 14 тыс. вакансий), за год спрос на профессии рабочих в этом регионе увеличился на 59 %. Эти данные подтверждаются исследованием Туракаева М.С. и Баймурзиной Г. Р., согласно которому более 90 % опрошенных вахтовых работников Республики Башкортостан трудятся в отраслях нефтегазовой и другой тяжелой промышленности, строительства, транспорта, общественного питания и легкой промышленности. При этом в тройку крупнейших отраслей, использующих мобильный вахтовый труд, входят нефтяная и газовая промышленность, строительство (три четверти опрошенных) [6, с. 121].

На втором месте по доле вакансий – Москва (13 тыс. вакансий), рост потребности в столице увеличился на +15%. Также в топ регионов с наибольшим кадровым голодом в сфере нефти и газа вошли Ханты-Мансийский автономный округ (5 %, более 10 тыс. вакансий), Санкт-Петербург (5 %, 8 тыс. вакансий), Краснодарский край (4 %, 8 тыс. вакансий), Татарстан (4 %, 7 тыс. вакансий). Кроме Республики Башкортостан, активный рост спроса на персонал в нефтегазовой отрасли в 2024 году зафиксирован в Санкт-Петербурге (+21 % новых рабочих мест), Татарстане (+39 %), Самарской области (+55 %).

«В августе 2023 года по сравнению с августом 2022 г. больше всего рабочих предложений в разрезе вакансий сферы нефтегазового дела выросло у инженеров-нефтяников – в 2,3 раза. Предложения по заработной плате также растут вместе с повышенным спросом на ключевых специалистов. Прирост год к году для инженеров-нефтяников составил 20 процентов и достиг средней суммы в 69 017 рублей в месяц», – говорит Артем Кумпель, управляющий директор платформы «Авито Работа»¹.

Рабочие специальности также весьма востребованы. Вакансий техников стало больше в 1,8 раза. Среднее предложение по зарплате выросло на 14 % (54 309 руб.) и 20 % (99 694 руб.). Требования к кандидатам: знания технического, специального оборудования, техники безопасности и правил эксплуатации.

Работодатели приветствуют наличие и высшего, и среднего профессионального образования. Часто они ищут сотрудников с опытом работы от трех лет, но компании прекрасно понимают специфику рынка труда, поэтому готовы рассматривать кандидатов без опыта и студентов для дальнейшего внутрикорпоративного обучения².

Среднемесячная заработная плата в производстве нефтепродуктов составляет 113775 руб. Если принять в учет географический фактор – то наибольшая оплата труда – у жителей Центрального федерального округа – 141455 руб., а наименьшая – в Северо-Кавказском федеральном округе – 83512 руб.

Сравнение со средними величинами заработной платы по тем же округам – в пользу нефтеперерабатывающего комплекса, но не стоит забывать о специфике условий труда, данные предприятия относятся к вредным и травматичным производствам. Снижение коэффициента частоты травматизма LTIFR за последние три года свидетельствует об эффективности мероприятий, обеспечивающих безаварийную производственную деятельность, безопасные условия труда и сохранность здоровья работников.

Наиболее проблемным вопросом качества персонала Сергей Черных, гендиректор Союза нефтегазопромышленников России называет снижение качества образования, в том числе обусловленное снижением часов, отводимых под практику, а также с порочным подходом к ее проведению. «Более четверти выпускникам вузов приходится доучиваться на предприятиях. Ситуация с практикой влияет и на мотивацию будущего работника. Выпускники не понимают, что их ждет в дальнейшем и какие навыки и компетенции необходимо развивать. В итоге они

¹ Павлова А. В нефтегазовой отрасли выросло количество вакансий. Какие нужны специалисты // Российская газета - Спецвыпуск: Нефть и газ №196(9141) // <https://rg.ru/2023/09/01/2632404.html>

² Там же.

находят работу в других сферах». Безусловно, профессиональная адаптация таких специалистов будет проходить дольше и обходиться дороже для предприятий. При этом, в соответствии со стратегиями развития крупнейших компаний-работодателей нефтегазового комплекса на период до 2030 г. предстоит наполнить соответствующий сектор представителями таких инновационных профессий как IT-аудитор, специалист по локальным системам энергоснабжения, системный инженер интеллектуальных энергосетей, аудитор комплексной безопасности в промышленности, экоаналитик, BIM-менеджер проектировщик, инженер роботизированных систем.

Выводы

Таким образом, социальное положение персонала предприятий нефтеперерабатывающего комплекса можно описать как предоставляющее возможности самореализации и развития не только для самого работника, но и для его семьи, предполагающее обоюдную длительную лояльность работодателя и его сотрудников, а и их кадровое обеспечение – дефицитным как с точки зрения количественных характеристик (численности рабочей силы, ее старения, текущей), так и с точки зрения качественных характеристик (квалификации, качественного базового профессионального образования). При этом данная отрасль народного хозяйства является в силу своей импортозамещающей задачи приоритетной для государства и народного хозяйства, что требует административно-управленческих усилий со стороны регулятора для ее обеспечения качественным, образованным и квалифицированным персоналом.

Список источников

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: «Эксмо», 2016. 138 с.
2. Maarten Goos, Alan Manning. Lousy and Lovely Jobs: The Rising Polarization of Work in Britain // *The Review of Economics and Statistics* (2007) 89 (1): 118–133.
3. Carl Benedikt Frey, Michael A. Osborne. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? // *Technological Forecasting & Social Change* 114 (2017). P. 254–280.
4. Carl Benedikt Frey, Michael A. Osborne. The Future of Innovation and Employment // *Citi GPS: Global Perspectives & Solutions*. February 2015.
5. Коленникова О. А. Социальные проблемы рабочей силы в современной России: [монография] / О. А. Коленникова ; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 368 с.
6. Туракаев М. С., Баймурзина Г. Р. Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана // *Проблемы развития территории*. 2022. Том 26. № 6. С. 115–133.

References

1. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow: Eksmo; 2016. 138 p. (In Russ.)
2. Maarten Golos, Alan Manning. Lousy and Lovely Jobs: The Rising Polarization of Work in Britain. *The Review of Economics and Statistics*. 2007;89(1):118–133.
3. Carl Benedikt Frey, Michael A. Osborne. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? *Technological Forecasting & Social Change*. 2017;114:254–280.
4. Carl Benedikt Frey, Michael A. Osborne. The Future of Innovation and Employment. *City GPS: Global Perspectives & Solutions*. February 2015.
5. Kolennikova O. A. *Social problems of the labor force in modern Russia*: monograph.; Research Institute of the Russian Academy of Sciences. Moscow: SNITS RAS; 2024. 368 p. (In Russ.)
6. Burakaev M. S., Baymurzina G. R. Shift work through the eyes of temporary labor migrants from Bashkortostan. *Problems of territorial development*. 2022;26(6):115–133. (In Russ.)

Информация об авторе

А. М. Гуревич – аспирант кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. M. Gurevich – Postgraduate Student of the Department of Sociology, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 04.03.2025; принята к публикации 05.03.2025.

The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 04.03.2025; accepted for publication 05.03.2025.

Экономика автоматизации на основе синтетических нервных систем

Дмитрий Анатольевич Жердин¹, Антон Геннадиевич Дмитриев²

^{1,2}Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

¹zherdin@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4323-2979>

²admitriev@synergy.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2086-2364>

Аннотация

Введение. Очевидно, что достичь технологической независимости Российская Федерация может только развивая собственные технологии, но не копируя и беря за основу иностранные разработки. Описанная в настоящей статье авторская концепция построения автоматизированных систем управления является уникальной и нигде в мире не применяется. Бионические принципы, положенные в ее основу, позволяют достичь высокой экономической эффективности при построении автоматизированных систем управления, дают хорошее конкурентное преимущество субъектам экономической деятельности при использовании описанной технологии.

Цель. Охарактеризовать авторский метод построения автоматизированных систем управления (АСУ) – т.н. «Синтетические нервные системы» (СНС).

Методы. В основу предлагаемого метода были положены концепции, заложенные природой в нервных системах беспозвоночных живых организмов. В статье показывается, что предлагаемый подход снижает временные и финансовые затраты построения автоматизированных систем, делает масштабирование систем очень простым, а техническое обслуживание и ремонт относительно дешевым. Предложенный авторами принцип «куста устройств», образуемого искусственным нейроном, значительно сокращает трудовые, временные и финансовые затраты на создание кабельной системы. Принцип автоматического определения типа подключенных к искусственному нейрону устройств исключает финансовые затраты на услуги программиста и экономит значительное время при интеграции системы. Надежный протокол локальной вычислительной сети Ethernet для объединения искусственных нейронов в единую систему (взамен давно устаревшего RS-485) позволяет строить системы огромного масштаба с возможностью надежного взаимодействия каждого нейрона с любым другим нейроном синтетической нервной системы. Стек протоколов TCP/IP, положенный в основу передачи данных между нейронами, дает возможность легкой отладки системы и построения развитых графических интерфейсов пользователя, работающих на всех вычислительных устройствах, имеющих Web-браузер.

Результаты и выводы. Показано, что интеграция, масштабирование и обслуживание АСУ на основе искусственных нейронов СНС является экономически эффективным по сравнению с классическими АСУ, построенных на модульном принципе. Работа описывает метод повышения экономической эффективности автоматизированных систем за счет принципа достаточно необходимого минимализма, т.е. за счет отказа от дублирования технологий в пользу одной, но наиболее эффективной с технической точки зрения. Предложенный в работе принцип описывает автоматизацию на основе искусственных нервных систем, что значительно отличается от классических принципов автоматизации на основе универсальных контроллеров.

Ключевые слова: экономическая эффективность, технико-экономические показатели, автоматизированные системы управления, синтетические нервные системы, бионический принцип, физические нейронные сети, расчет стоимости интеграции, технобионика, искусственный нейрон, снижение стоимости автоматизированных систем

Для цитирования: Жердин Д. А., Дмитриев А. Г. Экономика автоматизации на основе синтетических нервных систем // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 280–289. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-280-289>. EDN QXPBMV

The economics of automation based on synthetic nervous systems

Dmitry A. Zherdin¹, Anton G. Dmitriev²

^{1,2}Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Moscow, Russia

¹zherdin@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4323-2979>

²admitriev@synergy.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2086-2364>

Abstract

Introduction. It is obvious that the Russian Federation can achieve technological independence only by developing its own technologies, but not by copying and using foreign developments as a basis. The author's concept of building automated control systems described in this article is unique and is not applied anywhere in the world. The bionic principles underlying it make it possible to achieve high economic efficiency in the construction of automated control systems, and give a good competitive advantage to economic entities when using the described technology.

Purpose. To characterize the author's method of building automated control systems (ACS) – the so-called "Synthetic nervous systems" (SNS).

Methods. The proposed method was based on concepts laid down by nature in the nervous systems of invertebrate living organisms. The article shows that the proposed approach reduces the time and financial costs of building automated systems, makes system scaling very simple, and maintenance and repair relatively cheap. The principle of the "bush of devices" proposed by the authors, formed by an artificial neuron, significantly reduces the labor, time and financial costs of creating a cable system. The principle of automatic identification of the type of devices connected to an artificial neuron eliminates the financial costs of programmer services and saves significant time during system integration. A reliable Ethernet local area network protocol for combining artificial neurons into a single system (instead of the long-outdated RS-485) allows you to build huge-scale systems with the possibility of reliable interaction of each neuron with any other neuron of the synthetic nervous system. The TCP/IP protocol stack, which forms the basis for data transmission between neurons, makes it possible to easily debug the system and build advanced graphical user interfaces running on all computing devices with a Web browser.

Results and conclusions. It is shown that the integration, scaling and maintenance of automated control systems based on artificial CNS neurons is cost-effective compared to classical automated control systems built on a modular principle. The paper describes a method for increasing the economic efficiency of automated systems due to the principle of sufficient minimalism, i.e. by avoiding duplication of technologies in favor of one, but the most effective from a technical point of view. The principle proposed in this paper describes automation based on artificial nervous systems, which differs significantly from the classical principles of automation based on universal controllers.

Keywords: economic efficiency, technical and economic indicators, automated control systems, synthetic nervous systems, bionic principle, physical neural networks, integration cost calculation, technobionics, artificial neuron, cost reduction of automated systems

For citation: Zherdin D. A., Dmitriev A. G. The economics of automation based on synthetic nervous systems. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):280–289. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-280-289>. EDN QXPBMV

Введение

Современное производственное предприятие – это комплекс автоматизированных и информационных систем [1–3]. Именно правильно настроенные автоматизированные системы управления и автоматизированные информационные системы (АСУ и АИС) с максимальным охватом всех видов деятельности организации дают предприятию конкурентное преимущество на рынке.

Однако внедрение АСУ и АИС – это достаточно сложная, финансово- и время-затратная задача, которая не всегда оканчивается успехом. Даже после удачного внедрения АСУ и АИС встают вопросы о техническом обслуживании, модернизации и масштабировании систем.

Если автоматизированные информационные системы (АИС) масштабируются достаточно просто, путем инсталляции дополнительного ПО, установки дополнительных модулей оперативной и постоянной памяти в сервера, покупки дополнительных ресурсов у провайдера облачных услуг и т.п., то масштабирование автоматизированных систем управления (АСУ) может обернуться серьезными финансовыми и временными вложениями для компании. Стоит признать, что АСУ дают наибольший экономический эффект для производственного предприятия, т.к. избавляют от финансово-затратного физического человеческого труда, т.е. от персонала, которому необходимо платить заработную плату, оплачивать больничные и декретные отпуска, делать отчисления в пенсионный фонд, выплачивать командировочные и т.п. [4]

АИС также вносят свой вклад в работу производственного предприятия, главное их назначение – помощь в принятии управленческого решения и создание отчетной документации. Физической (механической) работы АИС не совершают и без их наличия можно обойтись, например, отдав данный вид работ на аутсорсинг. АИС не может управлять инженерными системами, конвейерами, промышленными роботами, станками, светофорами. Это работа выполняется АСУ.

Один из основных подходов в проектировании АСУ – это модульность [5]. Модульность дает возможность создавать более устойчивые к отказам АСУ, т.к. выход из строя одного модуля не выводит из строя всю АСУ. Однако, данный подход содержит ряд недостатков. Так модули АСУ не знают о существовании друг друга и могут конфликтовать между собой. Например, спринклерная автоматизированная система тушения пожара водой, может не знать о наличии высоковольтной электрической сети и, соответственно, не сможет ее отключить, что приведет к неприятным последствиям при автоматическом тушении пожара.

Настоящая работа посвящена т.н. «Синтетическим нервным системам» (СНС) – авторскому методу построения АСУ, которые лишены указанных выше недостатков. СНС представляют собой бионический аналог простых нервных систем живых организмов [6]. Нервная система живого организма является единым целым в отличие от модульных искусственных АСУ.

В работе показано, что интеграция, масштабирование и обслуживание АСУ на основе искусственных нейронов СНС, является экономически эффективным по сравнению с классическими АСУ, построенных на модульном принципе.

Материалы и методы

Классический модульный принцип построения АСУ – это не прихоть компании-интегратора, а неизбежная необходимость. Контроллеры, на основе которых строятся АСУ, имеют ограниченное количество портов ввода/вывода, поэтому интеграторам приходится делить систему на части. Наладить взаимодействие между частями АСУ достаточно сложно и не всегда возможно [5]. Некоторые протоколы и ситуации взаимодействия не всегда очевидны на стадии проектирования и интеграции АСУ. На предприятии может возникнуть ситуация, которая не была запрограммирована и какой-то модуль АСУ может не получить информацию, которая необходима в определенном случае.

Для объединения контроллеров АСУ, отвечающих за конкретный модуль, в единую систему, как правило, требуется специально выделенная ЭВМ, которая больше никаких функций (кроме объединяющих модули системы в одну АСУ) выполнять не будет (рис. 1) [6].

Настоящий подход к построению модульной АСУ возможен, только если контроллеры системы поддерживают подобную взаимосвязь. Как правило, для этого контроллеры должны быть от одного производителя. Но автоматизировать все процессы на производстве контроллерами одного типа, никогда не удастся, из-за специализации выпускаемых контроллеров. Т.е. нельзя объединить в единое целое систему пожаротушения и систему управления светофорами в метро, т.к. это принципиально разные системы. Однако ситуации, когда эти системы должны будут взаимодействовать и вести себя как единое целое, возникнуть могут.

Серьезным недостатком классических АСУ является то, что контроллеры, как правило, находятся в специально отведенном помещении или шкафу. Поэтому провода от управляемых устройств тянутся до контроллера не зависимо от того, как далеко находится контроллер от управляемого им устройства. Это приводит к серьезным тратам на кабельную систему. Стоимость проводов и их монтажа может в несколько раз превышать стоимость всех контроллеров и устройств АСУ. Возникает огромное количество параллельных проводов, тянувшихся примерно из одной точки на сотни или даже тысячи метров.

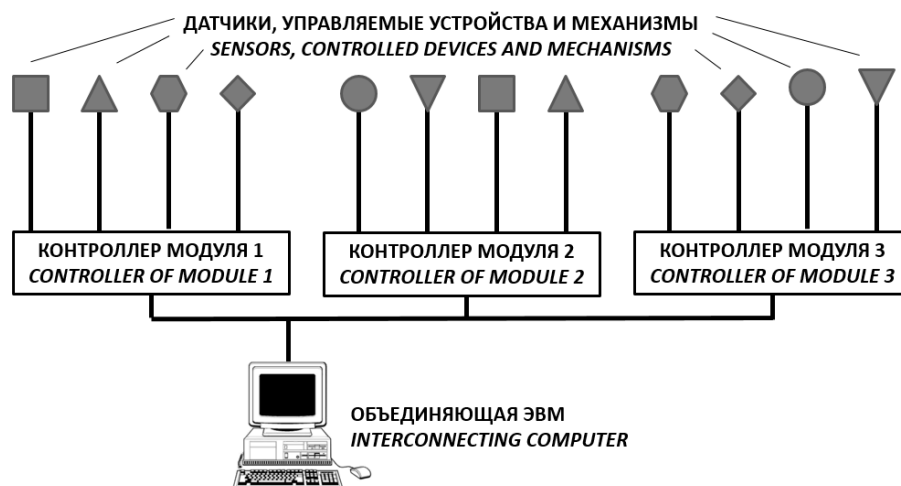

Рис. 1. Классическая схема построения модульной АСУ
 Fig. 1. The classical scheme of building a modular automated control system

Избавиться от перечисленных выше недостатков АСУ можно, обратив внимание на то, как строятся нервные системы (НС) организмов в живой природе. Нервные системы являются природным аналогом АСУ. Как известно, технические решения, которыми пользуется природа, часто более эффективны, чем те, которые создает человек [7].

Выявим основные отличия АСУ и нервных систем организмов. В качестве примера возьмем нервную систему беспозвоночных, так как количество рецепторов и мышц в таких НС, примерно соответствует количеству сенсоров и исполнительных устройств в среднестатистических АСУ, создаваемых человеком, т.е. несколько тысяч.

Нейрон в НС организма всегда изначально знает, к каким рецепторам, мышцам или железам он подсоединен и управляет ими соответствующим образом [8]. В АСУ контроллер изначально не знает, какое устройство подключено к его порту, поэтому нужен этап программирования контроллера человеком. Человек должен запрограммировать порт и настроить логику реакции контроллера на сигналы с порта ввода или управляющие сигналы в порт вывода. Этап программирования занимает большую часть времени при внедрении АСУ и требует значительных финансовых затрат на оплату работы программиста.

Физическое расположение нейрона в нервной системе всегда максимально близко к управляемым органам. Т.е. нейрон находится в непосредственной близости с мышцей, рецептором или железой за управление которыми он отвечает [8]. Нейрон НС соединен с другими нейронами через интернейроны, образуя древовидную систему связей [9]. В АСУ, наоборот, контроллер сильно удален от управляемых им устройств, что требует значительных затрат на создание кабельной сети и решение проблем с передачей сигналов в условиях электромагнитного зашумления. *Возникает проблема параллельных проводов, идущих на значительное расстояние (рис. 2).*

На изображении (рис. 2) видно, что древовидная система связей требует значительно меньше материала, чем топология типа «звезда», используемая классическими АСУ, при одинаковом количестве управляемых объектов.

Особо сильно недостатки АСУ с одним контроллером проявляются при ПИД-регулировании¹ процессов [10]. Один контроллер не может уделять каждому, из множества управляемых процессов, достаточно времени, для максимально эффективного и точного регулирования. *Ошибка в регулировании приводит к снижению экономической эффективности АСУ и технологического процесса в целом, вызывает необоснованное расходование экономических ресурсов* [11–12]. В распределенной системе, построенной на принципах нервных систем, с множеством контроллеров управления, каждый контроллер может выполнять функцию ПИД-регулирования параллельно и независимо от других контроллеров, что дает более точный и эффективный процесс регулирования.

¹ ПИД (PID) – регулятор – это устройство в управляющем контуре с обратной связью, которое используется в системах автоматического управления для формирования управляющего сигнала.

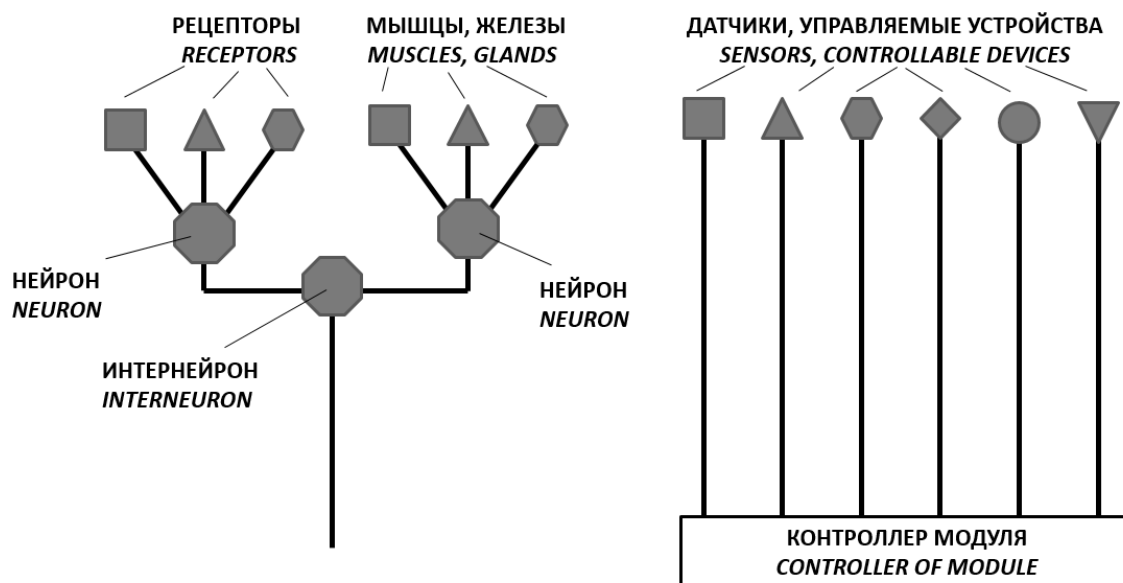

Рис. 2. Дрeвовидная связь нейронов в нервной системе (слева),
связь типа «звезда» в классической АСУ (справа)

Fig.2. Tree-like connection of neurons in the nervous system (left),
star-type connection in the classical automated control system (right)

$$U(t) = P + I + D = K_p \cdot e(t) + K_i \cdot \int_0^t e(\tau) d\tau + K_d \cdot \frac{de}{dt} \quad (1)$$

Из уравнения передаточной функции ПИД-регулятора (1) видно, что точность вычислений сильно зависит от времени (t), т.е. от скорости измерений и математических операций.

В качестве интерфейса связи между контроллерами и устройствами АСУ обычно используется RS-485 (стандарт ANSI TIA/EIA-485-A), однако данная шина уже устарела и не отвечает современным требованиям [13]. В частности, RS-485 не позволяет реализовать передачу данных по стеку протоколов TCP/IP без специальных конвертеров (RS-485 - Ethernet), что значительно усложняет взаимодействие с системой и не позволяет создавать широкомасштабные сети АСУ (RS-485 рассчитан на 256 устройств). Для связи с устройствами АСУ, построенной на описанных автором принципах, целесообразно применять надежный, распространенный, хорошо зарекомендовавший себя протокол Ethernet (стандарты IEC 61158, IEC 61784, IEEE 802.3) вместе с протоколом TCP/IP. Это позволит настраивать каждый контроллер АСУ индивидуально, используя любой терминал протокола TCP/IP, а также позволит создавать качественные графические интерфейсы с доступом для любого цифрового устройства, оснащенного web-браузером.

Автоматизированная система, построенная на принципах, заложенных природой в нервных системах (описанных выше), будет называться в настоящей статье – синтетической нервной системой. Синтетические нервные системы относятся к группе физических нейронных сетей, т.е. к нейронным сетям, нейроны которых и связи между ними представлены физическими устройствами и проводами, а не программными функциями.

Результаты и обсуждение

Вычислим технико-экономические показатели экономической эффективности внедрения классической АСУ и системы на основе СНС. Стоимость АСУ складывается из стоимости разработки документации, стоимости проектирования, стоимости программного обеспечения, стоимости технических средств для АСУ, стоимости монтажных работ, стоимости пусконаладочных работ, стоимости обучения персонала, стоимости технического обслуживания и ремонта системы [14]. Стоимость некоторой части работ можно рассчитать в соответствии с Федеральными Единичными Расценками (ФЕР), нормы трудозатрат в соответствии с Государственными Элементными Сметными нормами (ГЭСН).

Однако подсчет стоимости внедрения классической АСУ и СНС предложенным в ФЕР и ГЭСН методом даст неверный результат. Дело в том ФЕР и ГЭСН предлагают считать стоимость

пуско-наладочных работ относительно количества имеющихся в АСУ портов ввода/вывода (ФЕРп 02-01-002-03, стр.7¹). Очевидно, что количество задействованных портов ввода/вывода в двух системах будет одинаковое, т.к. системы имеют одинаковое количество управляемых устройств. Но реальная стоимость систем будет различаться, вследствие разной продолжительности линий связи, разного объема монтажных и пусконаладочных работ (в т.ч. программирования), разного объема работ по техническому обслуживанию и ремонту. Поэтому воспользуемся методикой расчета, основанной на стоимости технических средств (ТС) АСУ, монтажа ТС, настройке и программировании ТС, техническом обслуживании и ремонте ТС.

Основываясь на рис. 2, положим, что АСУ имеет 3 устройства ввода (датчики) и 3 устройства вывода информации (исполнительные устройства). Стоимость ТС таких АСУ представлена в табл. 1.

Таблица 1 – Стоимость технических средств в классической АСУ и в синтетических нервных системах

Table 1. The cost of technical means in the classical automated control system and in synthetic nervous systems

Технические средства (единицы измерения)	Классическая АСУ		АСУ на основе СНС	
	Количество	Цена (руб.)	Количество	Цена (руб.)
Контроллер (Ремиконт Р-130)/искусственный нейрон (шт.)	1	7000	3	500
Датчики (шт.)	3	500	3	500
Исполнительные устройства (шт.)	3	1000	3	1000
Провод, витая пара 5 кат. (1 метр)	600	8	100	8
Итого:		16300		6800

Цены в табл. 1 даны на ноябрь 2024 г.

Таблица 2 – Стоимость монтажа по ФЕРм

Table 2 – Cost of installation

Вид работ (единицы измерения)	Классическая АСУ		АСУ на основе СНС	
	Количество	оплата (руб.)	Количество	оплата (руб.)
Монтаж контроллеров (шт.) ФЕРм 11-02-001-01	1	10,22	3	10,22
Монтаж датчиков (шт.) ФЕРм 10-08-002-02	3	16,16	3	16,16
Монтаж исполнительных устройств (шт.) ФЕРм 11-05-001-01	3	4,44	3	4,44
Монтаж проводов (100 метров) ФЕРм 10-01-055-02	6	308,38	1	308,38
Итого:		1922,30		400,84

Стоимость пусконаладочных работ (табл. 3) для систем II категории сложности (10 портов) по ФЕРп, как указывалось выше, дадут одинаковую стоимость. Однако в СНС нет процесса ручной настройки типа подключаемых устройств, т.к. этот процесс автоматический, поэтому введем коэффициент для уменьшения затрат.

Оплата труда в табл. 2 и 3 приведена без умножения на индекс изменения сметной стоимости.

¹ФЕРп 02-01-002-03 – [электронный ресурс] <https://www.smetdlysmet.ru/ferp/ФЕРп-02.pdf> (дата обращения 03.12.2024)

Таблица 3 – Стоимость пусконаладочных работ по ФЕРп

Table 3 – Cost of commissioning

Вид работ	Классическая АСУ		АСУ на основе СНС	
	Коэффициент	оплата (руб.)	Коэффициент	оплата (руб.)
Пусконаладочные работы ФЕРп 02-01-002-03	1	2 641,44	0,5	1320,72
Итого:		2 641,44		1320,72

Вычислим капитальные вложения на классическую АСУ и СНС.

$$K = K_{\text{ТС}} + (K_{\text{мр}} + K_{\text{пр}}) \cdot I_{\text{исс}} \quad (2)$$

где $K_{\text{ТС}}$ – затраты на технические средства, $K_{\text{мр}}$ – затраты на монтажные работы, $K_{\text{пр}}$ – затраты на пусконаладочные работы, $I_{\text{исс}}$ – индекс изменения сметной стоимости на 4 квартал 2024 г.

$$K_{\text{АСУ}} = 16300 + (1922,30 + 2641,44) \cdot 52,92 = 257813,12 \text{ руб.}$$

$$K_{\text{СНС}} = 6800 + (400,84 + 1320,72) \cdot 52,92 = 97904,96 \text{ руб.}$$

Вычислим амортизацию технических средств как 9% от стоимости ТС.

$$P_A = K_{\text{ТС}} \cdot 0,09 \quad (3)$$

$$P_{A\_АСУ} = 16300 \cdot 0,09 = 1467 \text{ руб.}$$

$$P_{A\_СНС} = 6800 \cdot 0,09 = 612 \text{ руб.}$$

Вычисляем затраты на все виды ремонта из расчета 11 % от стоимости капитальных затрат:

$$P_P = K \cdot 0,11 \quad (4)$$

$$P_{P\_АСУ} = 257813,12 \cdot 0,11 = 28359,44 \text{ руб.}$$

$$P_{P\_СНС} = 97904,96 \cdot 0,11 = 10769,55 \text{ руб.}$$

Вычисляем затраты на содержание и обслуживание приборов из расчета 4 % от стоимости технических средств

$$P_O = K_{\text{ТС}} \cdot 0,04 \quad (5)$$

$$P_{O\_АСУ} = 16300 \cdot 0,04 = 652 \text{ руб.}$$

$$P_{O\_СНС} = 6800 \cdot 0,04 = 272 \text{ руб.}$$

Вычислим общие затраты на эксплуатацию систем

$$P_{\Sigma} = P_A + P_P + P_O \quad (6)$$

$$P_{\Sigma\_АСУ} = 1467 + 28359,44 + 652 = 30478,44 \text{ руб.}$$

$$P_{\Sigma\_СНС} = 612 + 10769,55 + 272 = 11653,55 \text{ руб.}$$

Затраты на приобретение ПО, обучение персонала, разработку документации не учитываем т.к. они зависят от множества факторов. Диаграмма капитальных вложений и затрат на эксплуатацию систем показана на рис. 3.

Заключение

Таким образом, если отойти от классических принципов автоматизации на основе универсальных контроллеров и SCADA-систем (Supervisory Control And Data Acquisition), можно получить значительный выигрыш в стоимости разработки, интеграции и последующем обслуживании автоматизированной системы. Переход на новый принцип не потребует серьезного переобучения специалистов классической школы автоматизации, так как описанные в работе подходы являются компиляцией существующих технологий, но применяемых в другом качестве. Упомянутые в работе технические решения (принцип Plug&Play, стандарт Ethernet, протокол TCP/IP и др.) хорошо известны интеграторам АСУ.

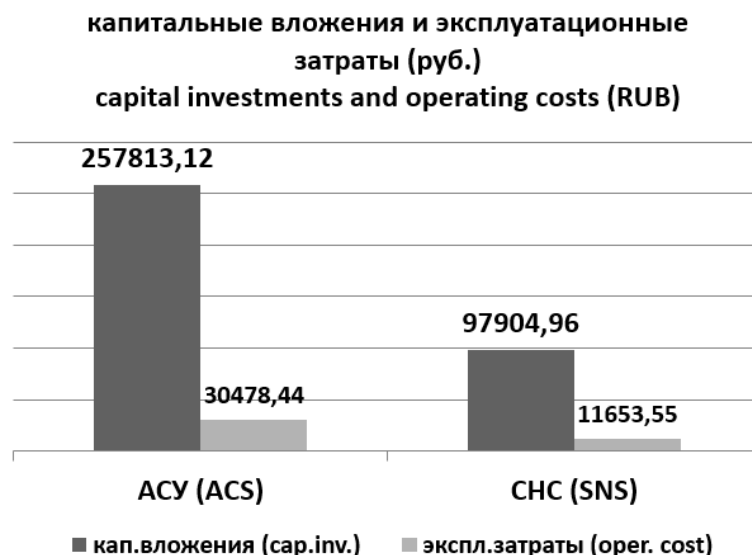

Рис. 3. Диаграмма капитальных вложений и эксплуатационных затрат классической АСУ и АСУ на основе СНС

Fig. 3. Diagram of capital investments and operating costs of classical automated control systems and automated control systems based on the SNS

Если внимательно присмотреться к функционированию нервных систем живых организмов и воспользоваться принципами, которые в них заложены для построения АСУ, то капитальные вложения на внедрение и расходы на эксплуатацию АСУ (согласно представленным в работе расчетам) можно сократить почти в 3 раза.

Список источников

1. Максимов А. А. модель управления промышленным предприятием на основе комплексной автоматизации / А. А. Максимов, А. С. Зинкевич // Программные продукты и системы. – 2005. – № 4. – С. 9. – EDN IYDEZP.
2. Павловская Т. А. Анализ автоматизации управления организацией / Т. А. Павловская, А. Е. Лашкевич // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. – 2005. – № 19. – С. 224–232. – EDN JVBECR.
3. Носов А. Л. Информационные системы в управлении организацией / А. Л. Носов // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2016. – № 6. – С. 31–37. – EDN WBPOIJ.
4. Анисифоров А. Б. Методики оценки эффективности информационно-технологических проектов в бизнесе : учебное пособие / А. Б. Анисифоров, И. В. Ильин, О. В. Ростова. – Санкт-Петербург : Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого", 2018. – 127 с. – EDN IYPBMR.
5. Ситдинов И., Фархетдинов Р., Якупов Ф. Построение АСУ ТП с использованием принципа секционирования функций // Современная Электроника – 2011. – №1 – С. 54–59
6. Жердин Д.А., Дмитриев А.Г. Стоимостное преимущество физических нейронных сетей // Modern Economy Success. 2024. – № 4. – С. 44–54. DOI: 10.58224/2500-3747-2024-4-44-54
7. Rinaldi A. Naturally better. Science and technology are looking to nature's successful designs for inspiration. EMBO reports. 2007, Vol.8, No.11, p. 995–999. DOI: 10.1038/sj.embor.7401107
8. Stifani N. Motor neurons and the generation of spinal motor neuron diversity. Frontiers in Cellular Neuroscience, 2014, Vol 8., p. 1 – 22. DOI 10.3389/fncel.2014.00293
9. Пальянов А. Ю. О проблемах моделирования нейронных сетей живых организмов / А. Ю. Пальянов, Н. В. Пальянова, С. С. Хайрулин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии. – 2012. – Т. 10, № 3. – С. 46–57. – EDN PUKLSF.

10. Истомин, Е. Н. Управление двигателем постоянного тока с использованием двухконтурного ПИД-регулятора на базе низкопроизводительных микроконтроллеров / Е. Н. Истомин, А. А. Никитин // Научные исследования в области технических и технологических систем: сборник статей Международной научно-практической конференции, Казань, 15 января 2018 года. – Казань: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2018. – С. 96-100. – EDN YLCBWR.

11. Кухоренко А. Н. Методика расчета экономической эффективности инвариантной системы автоматического регулирования уровня воды в барабане котла / А. Н. Кухоренко // Энергетика. Известия высших учебных заведений и энергетических объединений СНГ. – 2015. – № 6. – С. 62-73. – EDN VJJZEB.

12. Zhalnin, D. A. To the task of controlling a group of objects on the basis of information technologies / D. A. Zhalnin // Siberian Journal of Science and Technology. – 2019. – Vol. 20, No. 2. – P. 144-152. – DOI 10.31772/2587-6066-2019-20-2-144-152. – EDN PNLXDH.

13. Богданов, Д. С. Преимущества и недостатки коммуникационных интерфейсов / Д. С. Богданов // Наука, техника и образование. – 2019. – № 4(57). – С. 56-59. – EDN EQWNDH.

14. Попова А. А, Сердечный Д. В., Корчагин С. А., Никитин П. В. /. Экономические аспекты внедрения автоматических систем управления в деятельность производственных организаций // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 2-1. – С. 86-90. – DOI 10.17513/vaael.2696. – EDN RKJUSJ.

15. Пипченко А. Н., Пономаренко В.В., Шевченко В.А. Принципы построения и основы наладки контроллеров и систем автоматики: Учебное пособие – Одесса: ТЭС, 2010. – 592 стр.

References

1. Maksimov A. A. Model' upravleniia promyshlennym predpriatiem na osnove kompleksnoi avtomatizatsii [Industrial enterprise management model based on integrated automation]. A. A. Maksimov, A. S. Zinkevich. Programmnye produkty i sistemy [Software products and systems]. 2005;(4). P. 9. EDN IYDEZP. (In Russ.)

2. Pavlovskaya T. A., Lashkevich A. E. Analiz avtomatizatsii upravleniia organizatsiei [Analysis of organization management automation]. *Scientific and technical bulletin of the St. Petersburg state university of information technologies, mechanics and optics*. 2005;(19):224–232. EDN JVBECR. (In Russ.)

3. Nosov A. L. Informatsionnye sistemy v upravlenii organizatsiei [Information systems in organization management]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept"* [Scientific and methodological electronic journal "Concept"]. 2016;(6):31-37. - EDN WBPOIJ. (In Russ.)

4. Anisiforov A. B., Ilyin I. V., Rostova O. V. Metodiki otsenki effektivnosti informatsionno-tekhnologicheskikh proektov v biznese : uchebnoe posobie [Methods for assessing the effectiveness of information technology projects in business: a tutorial]. St. Petersburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University"; 2018. 127 p. EDN IYPBMR. (In Russ.)

5. Sitdikov I., Farkhetdinov R., Yakubov F. Postroenie ASU TP s ispol'zovaniem printsipa sektiionirovaniia funktsii [Construction of an automated process control system using the principle of function sectioning]. *Sovremennaiia Elektronika* [Modern Electronics]. 2011;(1):54–59 (In Russ.)

6. Zherdin D. A., Dmitriev A. G. Stoimostnoe preimushchestvo fizicheskikh neironnykh setei [Cost advantage of physical neural networks]. *Modern Economy Success*. 2024;(4):44–54. DOI: 10.58224.2500-3747-2024-4-44-54 (In Russ.)

7. Rinaldi A. Naturally better. Science and technology are looking to nature's successful designs for inspiration. *EMBO reports*. 2007;8(11):995–999. DOI: 10.1038.sj.embor.7401107

8. Stifani N. Motor neurons and the generation of spinal motor neuron diversity. *Frontiers in Cellular Neuroscience*. 2014;(8):1 – 22. DOI 10.3389/fncel.2014.00293

9. Palyanov A. Yu., Palyanova N. V., Khairulin S. S. O problemakh modelirovaniia neironnykh setei zhivyykh organizmov [On the problems of modeling neural networks of living organisms]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Informatsionnye tekhnologii* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Information Technologies]. 2012;10(3):46–57. – EDN PUKLSF. (In Russ.)

10. Istomin E. N., Nikitin A. A. Upravlenie dvigatelem postoiannogo toka s ispol'zovaniem dvukhkoturnogo PID-regulatora na baze nizkoproduktivnykh mikrokontrollerov [Control of a DC motor using a dual-loop PID controller based on low-performance microcontrollers]. In: *Nauchnye issledovaniia v oblasti tekhnicheskikh i tekhnologicheskikh sistem: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi*

konferentsii [Scientific research in the field of technical and technological systems: collection of articles from the International scientific and practical conference], Kazan, January 15, 2018. Kazan: Limited Liability Company "Aeterna", 2018;96-100. – EDN YLCBWR. (In Russ.)

11. Kukhorenko A. N. Metodika rascheta ekonomicheskoi effektivnosti invariantnoi sistemy avtomaticheskogo regulirovaniia urovnia vody v barabane kotla [Methodology for calculating the economic efficiency of an invariant system for automatic regulation of the water level in the boiler drum]. Energetika. Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii i energeticheskikh obedinenii [Power Engineering. News of higher educational institutions and energy associations of the CIS]. 2015;(6):62-73. – EDN VJJZEB. (In Russ.)

12. Zhalnin D. A. To the task of controlling a group of objects on the basis of information technologies. Siberian Journal of Science and Technology. 2019;20, (2):144–152. – DOI 10.31772.2587-6066-2019-20-2-144-152. – EDN PNLXDH.

13. Bogdanov D. S. Preimushchestva i nedostatki kommunikatsionnykh interfeisov [Advantages and disadvantages of communication interfaces]. Nauka, tekhnika i obrazovanie [Science, technology and education]. 2019;4 (57):56–59. – EDN EQWNDH. (In Russ.)

14. Popova A. A, Serdechny D. V., Korchagin S. A., Nikitin P. V. Ekonomicheskie aspekty vnedreniia avtomaticheskikh sistem upravleniia v deiatel'nost' proizvodstvennykh organizatsii [Economic aspects of the implementation of automatic control systems in the activities of industrial organizations]. Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. 2023;2–1:86–90. – DOI 10.17513.vaael.2696. - EDN RKJUSJ. (In Russ.)

15. Pipchenko A. N., Ponomarenko V. V., Shevchenko V. A. Printsipy postroeniia i osnovy naladki kontrollerov i sistem avtomatiki [Principles of construction and basics of adjustment of controllers and automation systems]: Tutorial. Odessa: TES, 2010. 592 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. А. Жердин – аспирант, кафедра «Организационного менеджмента», Московский финансово-промышленный университет «Синергия».

А. Г. Дмитриев – кандидат экономических наук, доцент, кафедра «Организационного менеджмента», Московский финансово-промышленный университет «Синергия».

Information about the authors

D. A. Zherdin – Postgraduate student, Department of Organizational Management, Management, Moscow Financial and Industrial University "Synergy".

A. G. Dmitriev – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Organizational Management, Moscow Financial and Industrial University "Synergy".

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 21.02.2025.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 21.02.2025.

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-290-298>

EDN RXESFI

Политическая и военная элиты: взаимодействие и механизмы влияния

Олег Олегович Керимов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу структуры, механизмов взаимодействия и взаимовлияния политической и военной элиты в условиях различных политических конъюнктур как внеконвенционального так и конвенционального характера. Автором системно проанализированы исторические и теоретические подходы к изучению элит, в частности концепции Г. Моски, В. Парето, А. В. Дука и Ч. Миллса. Особое внимание уделяется процессам трансформации баланса власти между политической и военной элитами в зависимости от внешнеполитических угроз, внутривнутриполитических кризисов и стабильных периодов развития государства.

Цель. Автор ставит следующие задачи: исследовать механизмы взаимоотношений и взаимодействий политической и военной элиты, выявить их структурные особенности, модели взаимодействия, а также определить влияние политической конъюнктуры на перераспределение власти между этими элитными группами.

Методы. Методологическую основу исследования составили сравнительно-исторический анализ, институциональный и структурно-функциональный подходы, а также элементы политической социологии и стратификационного анализа.

Результаты. Исследование показывает, что доминирование той или иной элитной группы определяется спецификой политической конъюнктуры. В условиях войны и внешних угроз военная элита выходит на передний план, приобретая ведущую роль в государственном управлении. В революционные периоды она может либо поддерживать действующий режим, либо становиться силой его свержения. В условиях стабильного политического развития доминирует политическая элита, а военные структуры подчинены гражданскому контролю. Выявлены модели взаимодействия политической и военной элит: сегментированная, интеграционная и гибридная.

Выводы. Военная и политическая элиты формируют сложную систему взаимозависимостей и взаимодействий, в которой ключевую роль играет политическая конъюнктура, политический режим и особенности общественного устройства конкретного государства. Их взаимодействие может варьироваться от автономности до практически полной консолидации, в зависимости от стратегии национальной безопасности, институционального устройства и социальных условий. Демократические системы предполагают жесткий гражданский контроль над военной элитой, в то время как в авторитарных режимах возможна полная интеграция военных в систему государственной власти. Изучение данного процесса позволяет глубже понять механизмы элитообразования и их влияние на стабильность политических систем.

Ключевые слова: элита, военная элита, политическая элита, государственная политика, национальная безопасность, концепции элит, государственная система, элитология

Для цитирования: Керимов О. О. Политическая и военная элиты: взаимодействие и механизмы влияния // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 290–298. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-290-298>. EDN RXESFI

Political and military elites: interaction and mechanisms of influence

Oleg O. Kerimov

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract

Introduction. The article is devoted to the analysis of the structure, mechanisms of interaction and mutual influence of the political and military elite in the context of various political conjunctures, both non-conventional and conventional. The author systematically analyzes historical and theoretical approaches to the study of elites, in particular the concepts of G. Mosca, V. Pareto, A.V. Duk and C. Mills. Special attention is paid to the processes of transformation of the balance of power between the political and military elites, depending on foreign policy threats, domestic political crises and stable periods of state development.

Purpose. The author sets the following tasks: to investigate the mechanisms of relationships and interactions between the political and military elites, to identify their structural features, models of interaction, and to determine the influence of the political situation on the redistribution of power between these elite groups.

Methods. The methodological basis of the research was made up of comparative historical analysis, institutional and structural-functional approaches, as well as elements of political sociology and stratification analysis.

Results. The study shows that the dominance of an elite group is determined by the specifics of the political situation. In conditions of war and external threats, the military elite comes to the fore, acquiring a leading role in public administration. In revolutionary periods, it can either support the current regime or become a force to overthrow it. In conditions of stable political development, the political elite dominates, and military structures are subordinated to civilian control. The models of interaction between political and military elites are revealed: segmented, integration and hybrid.

Conclusions. The military and political elites form a complex system of interdependencies and interactions, in which the key role is played by the political situation, the political regime and the features of the social structure of a particular state. Their interaction can range from autonomy to almost complete consolidation, depending on the national security strategy, institutional structure and social conditions. Democratic systems presuppose strict civilian control over the military elite, while in authoritarian regimes it is possible to fully integrate the military into the system of state power. Studying this process allows for a deeper understanding of the mechanisms of elite formation and their impact on the stability of political systems.

Keywords: elite, military elite, political elite, public policy, national security, concepts of elites, state system, elitism

For citation: Kerimov O. O. Political and military elites: interaction and mechanisms of influence. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):290–298. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-290-298>. EDN RXESFI

Введение

Политическая и военная элиты являются фундаментальными субъектами власти, обеспечивающими функционирование государственной системы. Отношения и взаимовлияние армии и власти, вектор взаимодействия между политическими и военными элитами представляет собой сложный многогранный и противоречивый конструкт. На модель отношений между исследуемыми элитами влияет множество факторов: государственное устройство, внешние и внутренние угрозы, исторические особенности развития государства и другие. В периоды военных конфликтов и кризисов военная элита усиливает свое влияние, тогда как в мирное время политическая элита формирует стратегические векторы развития.

Современные исследования элитологии демонстрируют, что военная элита может выступать как стабилизирующий фактор, так и движущая сила политических трансформаций. В авторитарных системах возможна тесная интеграция военных в структуру государственной власти, а в демократических странах военные элиты находятся под жестким гражданским контролем.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что понимание механизмов взаимодействия политической и военной элит позволяет оценить риски и угрозы политической нестабильности, прогнозировать возможные сценарии политического развития и выработать эффективные модели государственного управления в условиях кризисов для минимизации потерь.

Исследование направлено на анализ влияния политической конъюнктуры на перераспределение власти между политической и военной элитами, что способствует более глубокому пониманию процессов формирования элит и их роли в управлении государством.

Теоретические основы

Научная теория элит, основателями которой общепризнано считаются Г. Моска и В. Парето, возникла на рубеже XIX и XX веков. Г. Моска заложил фундаментальные основания теории «правящего класса». В. Парето провел операционализацию и обосновал применение в научном дискурсе терминов «элита» и «элитология». Оба ученых указывали на особые качества и миссию элиты, феномен групповой сплоченности, основанной не только на общности профессионального статуса, но и на элитарном самосознании, восприятии себя особым слоем, призванным руководить обществом [1].

В отечественной элитологии используются три основных подхода к исследованию элит, предложенных авторитетнейшим ученым-элитологом А. В. Дука [2]:

- институциональный, через призму данного подхода элита рассматривается как социальный институт;
- стратификационный, в свете которого элита предстает в качестве компоненты высшего класса в профиле стратификации;
- структурно-функциональный, посредством которого элита исследуется как группа социальных субъектов, осуществляющих особые функции управления.

Проанализируем подробнее данные подходы.

Стратификационный подход рассматривает элиту как группу, находящуюся на вершине социальной иерархии и выделяет следующие группы: политическая элита – правящий класс, принимающий ключевые государственные решения; экономическая элита – владельцы крупного капитала, корпораций (даже мультикорпораций, относящихся к надгосударственным структурам, например, «Газпром» и т.д.) финансово-промышленные группы; военная элита – высшее военное руководство, офицерский состав; культурная элита – выдающиеся деятели искусства, образования, науки; религиозная элита – высшее духовенство, лидеры религиозных организаций.

Следующий подход – институциональный подход, в котором элита рассматривается как социальный институт, выполняющий управленческие и регулятивные функции. В рамках этого подхода можно выделить административно-бюрократическую элиту (представители высшего чиновничества, госслужащие, управленцы); партийно-политическую элиту (лидеры политических партий, высшие государственные чиновники); военно-государственную элиту (офицерский корпус, руководители военных структур); научно-технологическую элиту (специалисты в области инновационных технологий); медийную элиту (владельцы и ведущие представители массмедиа, СМИ, формирующие общественное мнение)

Далее проанализируем концепцию Ч. Миллса «Триада власти», подробно описанную в научном труде «Властвующая элита» [3].

Миллс выделяет три группы элит, обладающих доминирующим влиянием в обществе: политическая элита, к которым относятся главы государства, высшие чиновники, партийные лидеры, военная элита куда входят высшее командование вооруженных сил, стратеги национальной обороны и, наконец, экономическая элита – крупные предприниматели, руководители финансовых структур и др.

В данном исследовании базовой концепцией выступает элитарный конструкт Чарльза Миллса, властный треугольник ученого определяют смену элитных групп - лидеров государства под воздействием различных факторов. Далее подробно рассмотрим особенности функционирования политическая элиты, а затем военной, с целью разработки стратегий и моделей их взаимодействия с учетом природы и сущности изучаемых элитарных групп.

Институционализацию элиты ученые связывают с имевшими место в конце XVIII – середине XIX веков политическими изменениями буржуазного характера, которые разрушили основы сословной власти и способствовали превращению элиты в специальную публичную группу. Кадровый состав данной группы рекрутировался за счет представителей различных статусов, различающихся по сословным, профессиональным и имущественным признакам. Фактором, способствовавшим элитообразованию, было усложнение системы органов власти, деятельность которых должны были обеспечить квалифицированные управленцы административно-политической элиты [4].

Указанные квалифицированные специалисты политической элиты составили многочисленную базу бюрократического государства.

Г. Моска указывал на множественность функций управления, которые распределены таким образом, что каждая функция «верховой власти теперь возложена на множество иерархий чиновников, каждый из которых получает свой импульс от центрального органа государства». Это приводит к появлению класса оплачиваемых функционеров, средством существования которых становится исполнение общественных обязанностей. Общество тем «бюрократичнее», чем большее количество функционеров находится на государственной службе и живет на заработную плату, получаемую от центрального правительства или местных властей» [5].

Через призму институционального подхода элита рассматривается как социальный институт, т.е. как комплекс повторяющихся и долгосрочных социальных практик, санкционированных и поддерживаемых социальными нормами.

В рамках стратификационного подхода сформировались три научных направления: элитаризм (элита – закрытый круг прирожденной аристократии), элитизм (пополнение элиты возможно путем включения выдающихся представителей иных социальных слоев) и эгалитаризм (общество может существовать и без элиты).

В основу элитаризма заложена дихотомии «элита – масса», основанная на признаках происхождения и богатства, как эмерджентно присущая любому социуму. Элита в данном случае представляет собой закрытый круг прирожденной аристократии.

В рамках теории элитизма также признается указанная выше дихотомии. Как пишет А. П. Сухонос: «Демократический элитизм исходит из догмата о том, что ни одно общество не управляется народным большинством, а находится под управлением элитарного меньшинства» [6]. Но при этом элита более открыта и ее пополнение возможно путем включения выдающихся своими талантами представителей иных социальных слоев.

Теория эгалитаризма в принципе не признает необходимости существования политической элиты. Представителями данного направления были К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, теория которых базировалась на классовом подходе. Данная нигилистическая концепция базируется на марксистском положении о неизбежном отмирании государства.

Структурно-функциональный подход в структуре правящей элиты выделяют две категории: профессиональные политики, не занимающие официальных государственных должностей, и представители чиновничьего аппарата, т.е. административно-политической элиты. Основные функции административно-политической элиты: стратегическая, организаторская, интегративная и коммуникативная. Структура административно-политической элиты Российской Федерации: элита федерального уровня, региональные элиты, контрэлиты и элитное окружение.

Элиты, как и иные социальные институты, обеспечивают сохранение и развитие общества. Формы элиты приспосабливаются к конкретно-историческим условиям общественной жизни, адаптируются к социальным ценностям и нормам.

По мнению представителей ростовской научной элитологической школы А. М. Старостина и А. В. Понеделкова, элита представляет собой «лучший, отборный, наиболее влиятельный слой,

группа какого-либо устойчивого сообщества» [7]. А представители той же школы М. Т. Белов, С. И. Самыгин и Д. И. Кудрявцев политической элитой называют социальный слой, из которого рекрутируются лица, осуществляющие политическую власть [8].

Гаман-Голутвина О. В. выделяет в структуре политической элиты две категории, одну из которых именует «вольными стрелками», а другую «бюрократией». Первая категория – профессиональные политики, не занимающие официальных государственных должностей, но, тем не менее, влияющих на выработку государственной политики. Вторая категория – это представители чиновничьего аппарата [9].

Административно-политическая элита – это совокупность субъектов, влияющих на выработку и реализацию государственной политики. Эффективное функционирование политической элиты возможно только при определенном уровне культуры, как общества в целом, так и его отдельных сегментов, являясь отражением общей духовной культуры социума. Процессы государственного управления неразрывно соединены с публичным сознанием, и в первую очередь, с такой его формой, как политическая культура. Эффективность деятельности административно-политической элиты определяется целым рядом факторов, в том числе в значительной мере зависит от состояния политической культуры самой элиты, ценностей, убеждений ее представителей.

И. Л. Григоркин выделяет ряд основных компонентов политической культуры элиты:

- политическая идентичность;
- политические качества и ценности;
- политические установки;
- партийно-политические предпочтения.

Идентичность – это отождествление индивида с определенной общностью, в которой он занимает определенный статус и разделяет ее ценности. По мнению И. Л. Григоркина, основными аспектами ее изучения являются: проблема включенности в систему гражданского общества, отношения самоидентификаций человека с локальной общностью (малой родиной) и страной в целом [10].

Формирование и функционирование элит является неотъемлемым элементом политико-управленческой системы любого общества. Особое значение в структуре элитных групп занимает военная элита, обладающая специфическими функциями, а также агональным типом личности представителя данной элитарной группы. Военная элита представляет собой совокупность профессиональных военных высшего звена, занимающих ключевые позиции в системе обороны государства и обладающих значительным влиянием на стратегические решения в сфере государственной безопасности.

Военные элиты формируются в результате длительного процесса профессионального отбора, включающего как формальные образовательные и карьерные траектории (междисциплинарные знания, тактическая подготовка и др.), так и механизмы социальной и психологической селекции (особый тип личности, эмоциональная устойчивость, решительность). Их деятельность направлена на обеспечение национальной безопасности, управление военными институтами, а также стратегическое планирование в области обороны и международных военных отношений.

Концепция военной элиты была детально проанализирована в работах Чарльза Райта Миллса. По мнению ученого, военная элита не только взаимодействует с политическими и экономическими элитами, но и в определенные исторические периоды может оказывать доминирующее влияние на государственное управление. Это проявляется в милитаризации внешней политики, распространении стратегического мышления на гражданское управление и формировании сети взаимных обязательств между военно-промышленным комплексом, правящей бюрократией и крупным капиталом (Миллс описал военную элиту на примере функционирующей системы вооруженных сил США, чем вызвал негативную критику со стороны государственных структур страны).

В общем проблемном поле при анализе различных возможных векторов взаимодействия и взаимовлияния между политическими и военными элитами сводится к нескольким основным

параметрам. Во-первых, какая из элит занимает доминирующие позиции (кто определяет базовый конструкт и правила функционирования всех элитарных групп в государстве?).

Во-вторых, консенсуальные или конфликтные тенденции преобладают в процессе взаимодействия элитных групп (союзная модель взаимоотношений, возможно даже консолидация или же противостояние, агрессивный конфликт). И в-третьих, баланс объективности и рациональности во внутриэлитных отношениях (как распределяются зоны влияния между элитными группами). Как правило, элитарные группы являются автономными и самодостаточными, сложные и динамичные внутриэлитные отношения носят хаотичный и непостоянный характер и связаны с определенными кризисными ситуациями.

В рамках политической социологии и теории элит выделяются различные модели взаимоотношений между военной и политической элитами. В первую очередь это сегментированная модель внутриэлитных отношений, в которой военная и политическая элиты действуют автономно, не вмешиваясь в сферы влияния друг друга. Данная модель характерна для демократических государств с высокой степенью гражданского контроля над вооруженными силами.

Также отдельно можно выделить интеграционную модель, предполагающую тесную координацию между политическими и военными элитами, что особенно характерно для авторитарных режимов, в которых военные могут занимать ключевые государственные должности или же в значительной степени подконтрольны государственным и гражданской службе. И гибридная модель, при которой военные элиты формально подчинены гражданским властям, но фактически обладают значительным влиянием на принятие ключевых политических решений. Эта модель наиболее характерна для стран с переходными политическими режимами, где возможны внутренние агрессивные конфликты властвующих и оппозиционной элиты.

Связь между политическими и военными элитами определяется институциональной средой, нормативно-правовой базой и историческим контекстом. В демократических государствах военные элиты подчинены гражданскому контролю, что реализуется через систему разделения властей. В авторитарных и тоталитарных режимах военные элиты могут выполнять не только охранительную функцию, но и являться политическим инструментом, используемым для удержания власти или даже быть частью государственной системы, принимающей управленческие решения.

Взаимодействие военных и политических элит также проявляется в кадровой политике. В некоторых странах высокопоставленные военные в отставке, как правило, занимают значительные позиции в правительстве и парламенте, становясь частью правящего класса политической элиты. Например, Майк Уолц, занимающий должность советника по национальной безопасности в администрации Дональда Трампа, отслужил в Афганистане в качестве офицера спецназа, имеет боевые награды и звание полковника Нацгвардии. Так же Шойгу С. К. с 2024 года назначен Секретарём Совета Безопасности Российской Федерации, а в период с 2012 по 2024 гг. занимал пост министра обороны Российской Федерации. Такая кадровая динамика связана с наличием у военной элиты стратегического мышления, опыта управления в кризисных ситуациях.

Политическая конъюнктура играет ключевую роль в перераспределении власти между различными элитными группами, в частности между военной и политической элитами. В зависимости от политической ситуации их баланс сил может меняться от доминирования политической элитарной группы в мирное, стабильное время до усиления влияния военных структур в условиях внешней угрозы или внутривнутриполитического конфликта в острой стадии.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим основные модели взаимодействия военной и политической элит в различных политических условиях.

Когда государство сталкивается с внешней агрессией или выступает одной из сторон военного конфликта, военная элита неизбежно выходит на лидирующие позиции в государстве, становясь главным актором в принятии стратегических решений. Политическая элита вынуждена делегировать часть властных полномочий военным, признавая их экспертность в вопросах обеспечения национальной безопасности. Усиливается роль военных структур, увеличивается

оборонный бюджет, ужесточается контроль над обществом (например, введение ЧС или военного положения).

Военные могут не только принимать участие в боевых действиях, но и оказывать влияние на государственную политику (например, диктовать политическим лидерам условия заключения войны и мира, наиболее выгодных для государства). Успешные военные командиры становятся национальными героями, а в отдельных случаях могут перейти в сферу политики (например, Наполеон Бонапарт, Дуайт Эйзенхауэр).

Следующий политический сценарий, когда в условиях внутривнутриполитических кризисов (революция, свержение власти) военная элитная группа может сыграть решающую роль в поддержке власти или, напротив, выступить в качестве оппозиции и свергнуть действующее руководство страной.

Когда военная элита поддерживает действующую власть в период внутривнутриполитических кризисов (контрреволюция, защита режима), то военные выступают инструментом подавления революционных движений. Усиливаются репрессии, вводится военное положение, возможен переход к военной диктатуре (например, режим Франсиско Франко в Испании).

Если же военная элита поддерживает сторону революционеров, армия дезорганизуется, часть офицеров примыкает к оппозиции. Военные могут сыграть роль ключевого актора революции (например, Октябрьская революция 1917 г. в России, Египетская революция 2011 г.). Возможен сценарий военной хунты – армия захватывает власть под предлогом обеспечения порядка (например, переворот Пиночета в Чили, 1973).

И, наконец, третий сценарий – условиях мирного, стабильного развития государства, при котором военная элита уходит на второй план, а политическая элита становится главным субъектом власти. Военные остаются в своих институциональных границах (армия, оборонные ведомства), а политические решения принимаются гражданскими органами. В фокусе внимания оказываются экономические, социальные и культурные вопросы, в которых армия не играет главенствующей роли. Военные продолжают выполнять стратегические задачи, но их влияние на государственное управление ограничивается военной сферой.

Анализ взаимодействия военной и политической элиты в различных политических условиях демонстрирует, что их баланс власти является динамичным и изменяется в зависимости от внешнеполитических угроз, внутренних кризисов и степени стабильности государственного управления. Политическая конъюнктура играет определяющую роль в перераспределении власти между этими двумя элитными группами, а характер их отношений варьируется от жесткой иерархии в условиях гражданского контроля до слияния военной и политической элиты в периоды кризисов. Военная элита является не только важнейшим элементом национальной безопасности, но и ключевым актором в системе политического управления. Ее влияние на общественно-политические процессы зависит от степени автономности военных институтов, характера их взаимодействия с гражданскими структурами власти и общей политической культуры общества.

Диалектическое взаимодействие лежит в основе коммуникации между военной элитой и политической, в нем заложена неравнозначность исследуемых элитарных групп: политическая элита определяет посредством нормативно-правовых актов, стратегий, доктрин базовые основы формирования и функционирования военной элитой, и по сути, является определяющей по отношению к ней. На доминирующую роль политической элиты может повлиять изменения как внутривнутриполитической, так и внешней конъюнктуры. Имея определенные уникальные функции и свойства, военная элита может выступать главным субъектом решения как локальных, так и глобальных конфликтов, связанных с вооруженными столкновениями, специальными военными операциями и т.д.

Исходя из концепции Чарльза Миллса о треугольнике власти, поиск баланса доминирующих позиций элитарных групп в разные периоды развития государства является основой прекращения или даже предупреждения разрушительных конфликтов, воин, выступает залогом устойчивого развития, повышение качества жизни граждан, а также обеспечения высокого уровня национальной безопасности.

Выводы

В научном дискурсе можно выделить три основных подхода к исследованию элит: институциональный, стратификационный и структурно-функциональный. В настоящее время в отечественной элитологии наметилось формирование ценностных подходов к теории элиты. На наш взгляд, представляется перспективным расширение исследований данной проблематики в свете аксиологического подхода, наряду с применяемыми в историографии институциональным, стратификационным и структурно-функциональным подходами, поскольку особенности политико-административной элиты как профессиональной корпорации определяют особую значимость политической культуры, особенно ее ценностной составляющей.

Результаты исследования подтверждают, что характер взаимодействия политической и военной элиты является динамичным, неоднородным, многофакторным и определяется политической конъюнктурой. В периоды внешнеполитических угроз и внутренних кризисов военная элита усиливает свое влияние, оказывая значительное воздействие на стратегические решения государства. В период государственной стабильности и развития, напротив, военная элита подчинена гражданскому контролю, что обеспечивает баланс власти и предотвращает милитаризацию политики.

Список источников

1. Володин К. С. Гаэтано Моска и Вильфредо Парето: обзор теории // *Pro Nunc. Современные политические процессы*. 2012. № 1 (11). С. 35–41. EDN: PUIMWR
2. Дука А. В. О подходах к анализу властных элит // *Управленческое консультирование*. 2012. № 3 (47). С. 48–55. EDN: PUURYX
3. Миллс Р. Властвующая элита / пер. с англ. Е. И. Розенталя, Л. Г. Рошаль, В. Л. Кон. Предисл. В. Е. Мотылёва, ред. Л. Я. Розовский. М.: Иностранная литература, 1959. 453 с.
4. Сухонос А. П. Политические элиты в условиях роста новой волны мирового кризиса // *Вопросы элитологии*. 2022. № 2. С. 51–63.
5. Итиуридзе Л. А. Основные проблемы теории «правлящего класса» Гаэтано Моски // *Вестник РУДН. Серия Социология*. 2001. № 2. С. 30–36.
6. Покатов Д. В. К вопросу о происхождении политической элиты // *Власть*. 2008. № 7. С. 87–89.
7. Старостин А. М., Понеделков А. В. Ростовская научная элитологическая школа: традиция, рецепция и инновация // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. Серия: Исторические, Культурология. Политические науки. 2022. № 4. С. 169–172. EDN: ЕТЕКQA
8. Белов М. Т., Самыгин С. И., Кудрявцев Д. И. Власть и административная элита в современных обществах // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 5. С. 30–34. EDN: PJNVKX. <https://doi.org/10.23672/d5283-4719-8836-g>
9. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 446 с.
10. Григоркин И. Л. Комплексное изучение политической культуры общества // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 24. С. 63–67.

References

1. Volodin K. S. Gaetano Mosca and Wilfredo Pareto: a review of the theory. *Pro Nunc. Modern political processes*. 2012;1(11):35–41. (In Russ.). EDN: PUIMWR
2. Duka A.V. On approaches to the analysis of power elites. *Management consulting*. 2012;3(47):48–55. (In Russ.). EDN: PUURYX
3. Mills R. *The Ruling elite*. Translated from English by E. I. Rosenthal, L. G. Roshal, V. L. Kon. Preface by V. E. Motylev, edited by L. Ya. Rozovsky. Moscow: Foreign Literature; 1959. 453 p. (In Russ.)
4. Sukhonosov A. P. Political elites in the context of the growth of a new wave of the global crisis. *Issues of elitology*. 2022;(2):51–63. (In Russ.)

5. Itiuridze L. A. The main problems of Gaetano Mosca's theory of the "ruling class". *Bulletin of the RUDN University. The Sociology series*. 2001;(2):30–36. (In Russ.)
6. Pokat D.V. On the question of the origin of the political elite. *Vlast'*. 2008;(7):87–89. (In Russ.)
7. Starostin A. M., Ponedelkov A. V. Rostov scientific elitist school: tradition, reception and innovation. *Humanities, socio-economic and social sciences. Series: Historical, Cultural Studies. Political sciences*. 2022;(4):169–172. (In Russ.). EDN: ETEKQA
8. Belov M. T., Samygin S. I., Kudryavtsev D. I. Power and the administrative elite in modern societies. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2020;(5):30–34. (In Russ.). EDN: PJNVKX. <https://doi.org/10.23672/d5283-4719-8836-g>
9. Gaman-Golutvina O. V. *Political elites of Russia: milestones of historical evolution*. Moscow: ROSSPEN; 2006. 446 p. (In Russ.)
10. Grigorkin I. L. Comprehensive study of the political culture of society. *Theory and practice of social development*. 2015;(24):63–67. (In Russ.)

Информация об авторе

О. О. Керимов – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

O. O. Kerimov – Postgraduate student of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of RANEP.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025; одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

The article was submitted 23.01.2025; approved after reviewing 28.02.2025; accepted for publication 03.03.2025.

Научная статья

УДК 32+351

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-299-306>

EDN WBHBIR

Международный опыт государственно-управленческой политики в сфере информатизации и связи

Антон Дмитриевич Лесаев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, A.lesaev@mail.ru

Аннотация

Введение. В последние десятилетия информационные технологии стали движущей силой мирового интеллектуального и технологического прогресса. Правительственным и региональным органам власти крайне важно внедрять передовые информационные технологии для анализа и организации больших объемов разнообразной информации. Эти технологии помогают гражданам удобно взаимодействовать с государственными органами, повышая прозрачность и открытость управления.

Цель. Автор ставит ключевой задачей исследование мирового опыта использования информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении, проведение сравнительного анализа опыта развитых стран в таких областях, как открытые правительственные данные и электронное правительство.

Методы. Исследование проводилось посредством анализа публикаций и мониторинга интернет-ресурсов развитых государств (Официальный сайт правительства Латвии, США, Венгрии, Сингапура). Методологическую основу исследования составили общенаучный и частно-научный методологический инструментарий: метод абстрагирования, сравнительно-исторический метод, метод ретроспекции, методы индукции и дедукции. Применялись методы логического анализа и синтеза информации.

Результаты. В развитых странах особое внимание уделяется построению информационного общества, основанного на передовых информационно-коммуникационных технологиях. США и Великобритания являются лидерами в области внедрения электронного правительства. Ярким примером в Великобритании является онлайн-платформа Predictiv, которая проводит поведенческие эксперименты в режиме реального времени для тестирования различных подходов к управлению и оценки их потенциальной эффективности. Латвия и Венгрия также добиваются прогресса в области электронного управления, улучшая доступ к информации и повышая политическую активность граждан. Сингапур является лидером в области электронного правительства благодаря своим комплексным программам информатизации. Установлено, что развитые страны строят информационное общество в условиях глобализации, подчеркивая важность информационных ресурсов, экономического роста и конкуренции в секторе информационно-коммуникационных технологий.

Выводы. Для успешного внедрения передовых практик информатизации в России необходимо соблюдение определенных принципов цифровой трансформации в государственном управлении. К ним относятся сосредоточение внимания на исследованиях и инновациях, развитие высокотехнологичной ИТ-инфраструктуры, создание единого цифрового пространства, обеспечение стабильного финансирования цифровых программ и повышение качества жизни граждан за счет эффективного использования технологий. Для ускорения информатизации и цифровизации государственного управления в России крайне важно объединить усилия государственных органов, институтов гражданского общества, бизнеса и общественности, чтобы сделать государственный сектор более отзывчивым к потребностям граждан и общества в целом.

Ключевые слова: информатизация, электронное правительство, государственное управление, общественные организации, информационное обеспечение, единое цифровое пространство, информационное общество, государственная власть

Для цитирования: Лесаев А. Д. Международный опыт государственно-управленческой политики в сфере информатизации и связи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 299–306. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-299-306>. EDN WBHBIR

International experience of state administration policy in the sphere of informatization and communications

Anton D. Lesaev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
A.lesaev@mail.ru

Abstract

Introduction. In recent decades, information technology has become the driving force behind global intellectual and technological progress. It is extremely important for government and regional authorities to implement advanced information technologies for analyzing and organizing large amounts of diverse information. These technologies help citizens to interact conveniently with government agencies, increasing transparency and openness of management.

Purpose. The author sets the key task of researching the global experience of using information and communication technologies in public administration, conducting a comparative analysis of the experience of developed countries in such areas as open government data and electronic government.

Methods. The study was conducted through the analysis of publications and monitoring of Internet resources of developed countries (the official website of the governments of Latvia, the USA, Hungary, Singapore). The methodological basis of the research was made up of general scientific and private scientific methodological tools: the method of abstraction, the comparative historical method, the method of retrospection, the methods of induction and deduction. Methods of logical analysis and synthesis of information were used.

Results. In developed countries, special attention is paid to building an information society based on advanced information and communication technologies. The United States and the United Kingdom are leaders in the field of e-government implementation. A prime example in the UK is Predictiv, an online platform that conducts real-time behavioral experiments to test various management approaches and evaluate their potential effectiveness. Latvia and Hungary are also making progress in e-governance, improving access to information and increasing citizens' political engagement. Singapore is a leader in e-government due to its comprehensive informatization programs. It is established that developed countries are building an information society in the context of globalization, emphasizing the importance of information resources, economic growth and competition in the information and communication technology sector.

Conclusions. For the successful implementation of advanced informatization practices in Russia, it is necessary to adhere to certain principles of digital transformation in public administration. These include focusing on research and innovation, developing high-tech IT infrastructure, creating a single digital space, ensuring stable financing of digital programs, and improving the quality of life of citizens through the effective use of technology. To accelerate the informatization and digitalization of public administration in Russia, it is extremely important to combine the efforts of government agencies, civil society institutions, business and the public in order to make the public sector more responsive to the needs of citizens and society as a whole.

Keywords: informatization, electronic government, public administration, public organizations, information support, unified digital space, information society, government

For citation: Lesaev A. D. International experience of state administration policy in the sphere of informatization and communications. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2025;(1):299–306. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-299-306>. EDN WBHBIR

Введение

Право граждан на информацию сформировалось в Европе более 200 лет назад с принятием Французской декларации 1789 г., провозгласившей свободу слова, чтения и письма, что позволило гражданам контролировать налоговые расходы и требовать от чиновников подотчетности. В 1970-х гг. государственные учреждения начали внедрять компьютеризацию. Сегодня во многих развитых странах реализуются программы «электронного правительства», которые

необходимы для «электронного государства» – создания технологической среды для удовлетворения информационных потребностей государственных органов.

В последние десятилетия информационные технологии стали движущей силой мирового интеллектуального и технологического прогресса. Правительственным и региональным органам власти крайне важно внедрять передовые информационные технологии для анализа и организации больших объемов разнообразной информации. Эти технологии помогают гражданам удобно взаимодействовать с государственными органами, повышая прозрачность и открытость управления, в свою очередь общество может лучше контролировать своих представителей, формировать группы влияния, выражать свои взгляды и настраивать порталы государственных услуг в соответствии со своими потребностями.

Теоретические основы

В различных научных публикациях рассматриваются проблемы информационного обеспечения деятельности государственных органов, приводятся выводы и аргументы. Однако некоторые вопросы остаются недостаточно изученными. Исследователи проанализировали роль открытых данных, их доступность и потенциальное использование. Известные исследования включают в себя: О. М. Макушова, которая рассматривает положительные стороны и проблемы электронного правительства в России [1]; А. Я. Павлинина, сосредоточившись на использовании открытых данных органами государственной власти [2]; А. Н. Путренко, который исследует доступ к открытым данным [3]; Р. В. Ерженин, сформировавший обзор публикаций электронного правительства в России [4]; Э. Б. Воробьев и Е. С. Князева, анализирующие мировой опыт работы с открытыми государственными данными [5]; А. С. Лолаева, рассматривая роль электронного правительства в государственном управлении [6]; М. В. Карасев, изучающий проблемы развития информационного общества [7]; К. В. Голубкина и С. К. Абрамян, оценивающие электронное правительство и электронную демократию [8]; Э. М. Стырин и Н. Э. Дмитриева, написавшие монографию о формировании платформ цифрового правительства.

Результаты

Основным результатом исследования является развитие инициативы Free Our Data (Free Information) Великобританским изданием The Guardian в начале 2000-х гг. В рамках этой инициативы были раскрыты данные правительственных картографических агентств, что привело к их открытой публикации на портале Ordnance Survey. Эти материалы были доступны для использования любым гражданином страны, включая коммерческое использование. Однако, главное значение этой инициативы заключается не только в открытости данных, но и в том, что она привлекла внимание британского общества к проблеме доступа к правительственным данным. В результате этого, органы государственной власти Великобритании стали заинтересованы в открытии доступа к государственным информационным ресурсам. В конечном итоге был создан портал data.gov.uk, на котором сосредоточены открытые данные¹. Нововведение позволило разместить наборы приложений, основанных на открытых данных, а также предоставить гражданам возможность взаимодействия с различными информационными ресурсами, например, через блоги и форумы. Публикация доступных материалов значительно облегчила жизнь граждан, например, на сайте Transport for London можно узнать продолжительность работы общественного транспорта, что помогает горожанам выбрать удобный район для проживания с учетом транспортной доступности.

Британское правительство активно сотрудничает с общественными организациями, чтобы укрепить партнерство между государственными и гражданскими структурами. Примером такой организации может служить Фонд «Открытые знания», который разрабатывает проекты в рамках Core Society. На платформе data.gov.uk теперь каждый гражданин может предложить новую идею, используя данные из всех органов государственной власти. Концепция «Электронного правительства» успешно функционирует в современном цивилизованном мире, и ее

¹ Data.gov UK - Официальный сайт Великобритании по предоставлению открытых данных, URL: <https://data.gov.uk/> (Дата обращения: 07.09.2023);

Cabinet Office of the United Kingdom - Официальный сайт секретариата Кабинета министров Великобритании, URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/cabinetoffice> (Дата обращения: 07.09.2023).

реализация возможна только в информационном обществе, где используются современные информационные технологии и где существует открытое гражданское общество с прославляемыми гражданскими целями. Ярким проявлением применения технологий в цифровой среде цифровых при планировании результатов в госсекторе является внедренная в Великобритании онлайн-платформа Predictiv, которая позволяет проводить поведенческие эксперименты в режиме настоящего времени (данные представлены на рис. 1).

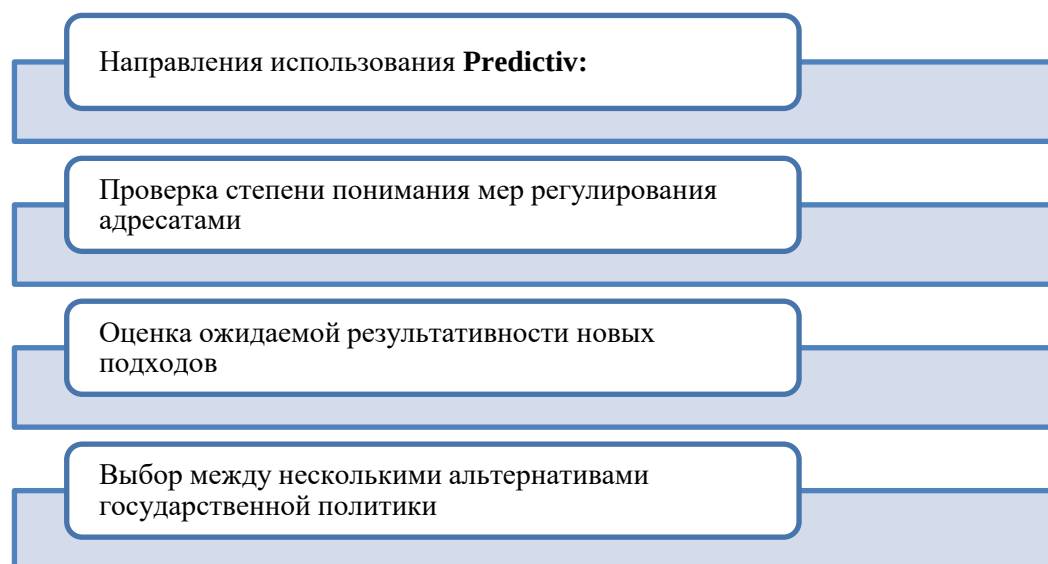

Рис. 1. Варианты использования платформы Predictiv¹

Fig. 1. Use cases of the Predictive platform

Данная платформа позволяет проводить поведенческие эксперименты в режиме реального времени для тестирования различных подходов и оценки их потенциальной эффективности в контексте государственного управления. Стоит подчеркнуть, что рассматриваемый инновационный инструментариий дает возможность моделировать сценарии принятия управленческих решений, анализировать их возможные последствия, осуществлять масштабирование успешных кейсов.

Благодаря использованию больших данных и методов машинного обучения такая платформа способна выявлять неочевидные взаимосвязи и закономерности, прогнозировать эффекты от мер государственной политики и позволяет повысить обоснованность и результативность управленческих решений за счет их пред-тестирования в виртуальной среде.

Предиктивная аналитика и моделирование сценариев на основе искусственного интеллекта могут стать мощным инструментом для государственных органов власти в условиях возрастающей неопределенности и сложности задач стратегического управления. Использование подобных технологий позволит перейти от реактивной модели принятия решений к проективному стратегическому управлению на базе прогнозной аналитики. Внедрение предиктивных платформ типа Predictiv открывает новые горизонты для повышения качества государственного управления за счет использования передовых цифровых технологий, что, в свою очередь, дает возможность государству эффективно решать задачи стратегического планирования и прогнозирования, опираясь на точные данные и высокотехнологичные инструменты моделирования. Успешный британский опыт применения подобных платформ служит показательным примером для других стран в плане внедрения инновационных технологий госуправления. Далее представим сводную аналитическую информацию по проведенному исследованию.

¹ Data.gov UK - Официальный сайт Великобритании по предоставлению открытых данных.
URL: <https://data.gov.uk/> (Дата обращения: 07.09.2023)

Правительство Соединенных Штатов в настоящее время активно стимулирует и поддерживает проектную деятельность, направленную на обеспечение эффективного межведомственного взаимодействия и координации в рамках государственного управления¹. Достижение интегрированности государственных информационных систем осуществляется посредством внедрения различных технологических форматов, таких как электронные государственные закупки, электронное предоставление грантов, электронное нормативное регулирование и использование электронной цифровой подписи.

Таким образом, можно констатировать, что США последовательно реализуют концепцию электронного правительства, которое устанавливает четкие стандарты и требования к собственной деятельности, а также эффективно выполняет свои функции в интересах внешних пользователей, не отвлекаясь на выполнение внутренних бюрократических задач.

В условиях глобализации развитые государства в современном мире активно формируют и развивают информационное общество, базирующееся на передовых достижениях в сфере информационно-коммуникационных технологий. В частности, в США ключевые позиции в информационном пространстве занимают национальная информационная инфраструктура и цифровая экономика, тесно взаимосвязанные между собой. В европейских государствах фундамент информационного общества составляют национальная информационная инфраструктура, интегрированная цифровая экономика, востребованность информационных ресурсов и свободная рыночная конкуренция в сфере ИКТ.

Изначально в США интернет-технологии разрабатывались и использовались в интересах Министерства обороны посредством сети ARPANET. «Кремниевая долина» сформировалась благодаря реализации «Вашингтонского консенсуса» – американской модели экономического развития, предусматривавшей снижение роли государства в экономике, использование налоговых льгот для стимулирования ИТ-компаний и рост конкуренции в этой сфере².

Успешная приватизация позволила частному бизнесу США получить доступ к результатам оборонных программ и активно задействовать цифровые технологии в коммерческой деятельности. Отсутствие нормативно-правовой базы по использованию информационных ресурсов для обслуживания населения чревато было информационным кризисом, однако своевременное принятие Конгрессом и Президентом ключевых законов, определяющих роль государства в информатизации, предотвратило подобный сценарий. В стране была создана эффективная электронная система госуправления, позволившая качественно улучшить взаимодействие государства и общества, а также повысить результативность деятельности органов власти. При этом использование инструментов электронного правительства не являлось самоцелью – они предоставляли действенные рычаги для проведения административной и государственной реформ. В частности, к таким инструментам можно отнести:

- федеральную инфраструктуру открытых ключей;
- единую систему авторизации доступа;
- обще правительственную систему электронных форм;
- поисковую систему государственных инфо-ресурсов;
- единую систему электронных госзакупок.

Проведенный анализ практики зарубежных стран позволили сформулировать вывод, что развитые и развивающиеся страны находятся на разных этапах становления электронного правительства. В авангарде этого процесса – США, Великобритания и Сингапур. Государства Африки пока отстают от лидеров. В ходе исследования были рассмотрены практики информатизации госуправления в ряде стран. Так, Латвия уже с 2002 г. размещает сведения об электронном

¹ Data.gov - U.S. Government's Open Data - Официальный сайт «Дом открытых данных правительства США», URL: <https://www.data.gov/> (Дата обращения: 01.09.2023); U.S. Department of State - Официальный сайт правительства США, URL: <https://www.state.gov/> (Дата обращения: 01.09.2023); USA.gov - U.S. Government Information and Services - Онлайн-справочник правительственной информации и услуг США, URL: <https://www.usa.gov/> (Дата обращения: 01.09.2023).

² Internal Revenue Service (IRS) - U.S. Government - Официальный сайт правительства США в области налогообложения, URL: <https://www.irs.gov/> (Дата обращения: 01.09.2023)

правительстве на специализированных сайтах. Основные цели – доступность информации, квалифицированное обсуждение решений, повышение политической активности граждан. Целевые аудитории – профессиональные политики, суды, НКО, СМИ, интернет-пользователи.

Венгрия является важным игроком в сфере информатизации благодаря обширной сети теле-домов. Бразилия с 2001 г. внедряет ИКТ в избирательный процесс, к 2002 г. перешла на полностью электронное голосование¹.

Сингапур – мировой лидер в развитии электронного правительства. С 1980-х гг. реализует программы информатизации всех сфер жизни, к 2005 г. запустил единый портал госуслуг. Эффективно управляет национальным развитием за счет цифровизации².

В США федеральные инфо-системы работают как электронное правительство, обеспечивая взаимодействие с гражданами и организациями. Их основа – портал data.gov, формируемый по инициативе властей. Также создана рабочая группа по электронному правительству из представителей разных ведомств. Она выявила проблемы дублирования функций, которые мешают ориентации на пользователя. США придерживаются модели э-правительства, выполняющего внешние функции, а не внутренние задачи.

Развитые страны активно строят информационное общество в условиях глобализации. Его основы – роль информ-ресурсов, глобальное инфо-пространство, рост экономики за счет ИКТ, высокий уровень образования. Подходы зависят от национальных особенностей.

В США ключевые позиции занимают структура и цифровая экономика. В Европе – инфраструктура, интегрированная экономика, востребованность информ-ресурсов и конкуренция. Интернет-технологии сначала использовались в оборонной сфере. Успешная приватизация позволила бизнесу активно применять их в коммерции. Нормативная база помогла избежать инфо-кризиса. США лидировали по основным показателям интернетизации, создали эффективную электронную систему взаимодействия государства и граждан.

Обсуждение

В современном быстро развивающемся цифровом обществе интеграция цифровых технологий в государственное управление имеет огромное значение. Успех зависит от комплексного подхода, который включает не только новые технологии, но и существенные изменения в организационных процессах и работе правительства. Ключевые аспекты включают преодоление ведомственных разногласий, устранение бюрократических барьеров на пути инноваций и обеспечение того, чтобы правительство сосредоточилось на реальных потребностях граждан. Перечисленные меры направлены на создание «цифровой трансформации» в рамках которой новые технологии кардинально изменят функционирование правительства, а не просто будут добавлены к старым системам.

Страны, преуспевшие в этой области показывают, что консолидация систем государственных данных для бесперебойного межведомственного сотрудничества, внедрения услуг электронного правительства и открытости государственных данных имеют важное значение. Реализация этих мер может повысить эффективность государственного управления, ускорить социальное и экономическое развитие и заложить прочную основу для цифрового прогресса. Однако для преодоления глубоко укоренившихся бюрократических привычек и сохранения ориентации на потребности граждан необходимы как технологические, так и организационные инновации.

Многие государственные учреждения склонны оценивать свою эффективность, исходя из внутренних потребностей, а не потребностей общества. Такая внутренняя направленность препятствует преобразованиям, направленным на удовлетворение граждан. Кроме того, многие

¹ Правительство Венгрии - Официальный сайт правительства Венгрии, URL: <https://www.kormany.hu/> (Дата обращения: 07.09.2023); Economic Information about Hungary - Официальный сайт с информацией об экономике Венгрии, URL: <http://country.eiu.com/hungary> (Дата обращения: 07.09.2023); Правительство Бразилии - Официальный сайт правительства Бразилии, URL: <http://www.brasil.gov.br/> (Дата обращения: 07.09.2023).

² Government of Singapore - Веб-сайт правительственного агентства Сингапура, URL: <https://www.gov.sg/> (Дата обращения: 07.09.2023)

должностные лица рассматривают цифровые инструменты лишь как вспомогательные средства для выполнения повседневных задач, а не как ресурсы для улучшения процесса принятия решений. Некоторые видят в новых технологиях угрозу своему положению, что приводит к сопротивлению инновациям. Более того, многие государственные органы испытывают трудности с эффективным обменом информацией и данными.

Страны-лидеры в области электронного правительства, такие как США и Великобритания, вкладывают значительные средства в цифровую трансформацию, делая услуги доступными онлайн и используя передовые технологии. Россия также начала внедрять цифровые технологии в государственном управлении: на сегодняшний день более 70 % государственных услуг доступны онлайн. Эксперты предлагают расширить электронное документооборот, использовать ИИ для стандартных услуг, применять блокчейн для обеспечения прозрачности, улучшить навигацию с помощью дополненной реальности и усовершенствовать механизмы общественной обратной связи для лучшего соответствия ожиданиям граждан. Комплексная цифровая интеграция открывает значительные возможности для трансформации российских государственных систем.

Заключение

Подводя итог вышесказанного отметим, что в настоящее время на международной арене накоплен значительный опыт применения информационно-коммуникационных технологий в сфере государственного управления, который эффективно транслируется и внедряется посредством авторитетных международных организаций и институтов. Очевидно, что процесс информатизации госуправления носит глобальный характер и требует консолидации усилий мирового сообщества.

Для того чтобы Россия могла адаптировать успешный мировой опыт необходимо сосредоточиться на принципах цифровой трансформации в государственном управлении. К ним относятся приоритет исследований и инноваций, внедрение передовых технологий и автоматизации в государственные услуги, обеспечение стабильного финансирования программ цифровизации и повышение качества жизни за счет эффективного использования цифровых технологий.

Достижение этих целей требует сотрудничества между государственными органами, гражданским обществом, бизнесом и гражданами. Установление прочных партнерских отношений и координации будет способствовать ускорению цифровой трансформации государственного управления, делая его более ориентированным на граждан.

Список источников

1. Макушова О.М. Положительный опыт и проблемы функционирования электронного правительства в России // Вопросы инновационной экономики. 2020. Том 10. № 3. С. 1495–1508.
2. Павлинина А.И. Открытые данные и аналитическая деятельность органов власти РФ // Global and Regional Research. 2021. Т. 1. № 1. С. 80–83.
3. Путренко А.Н. К вопросу обеспечения доступа к открытым данным органов государственного и муниципального управления // Вестник Института экономических исследований. 2018. № 1 (9). С. 120–127.
4. Ерженин Р. В. Электронное Правительство России: обзор научных публикаций и исследований // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 3. С. 205–228.
5. Воробьев Е. Б., Князева Е. С. Мировой опыт реализации открытых данных государственной власти // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. № 4. С. 47–55.
6. Лолаева А. С. Место электронного правительства в системе государственного управления // Право и политика. 2022. № 2. С. 19–29.
7. Карасев М. В. Проблемы становления информационного общества // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2017. Т. 1. С. 128–132.
8. Голубкина К. В., Абрамян С. К. Электронное правительство и электронная демократия как новые явления информационного общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 1. С. 80–82.

9. Стырин Е. М., Дмитриева Н. Е. Государственные цифровые платформы: формирование и развитие. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021. 192 с.

References

1. Makushova O. M. Positive experience and problems of e-government functioning in Russia. *Issues of innovative economics*. 2020;10(3):1495–1508. (In Russ.)
2. Pavlinina A. I. Open data and analytical activities of the authorities of the Russian Federation. *Global and Regional Research*. 2021;1(1):80–83. (In Russ.)
3. Putrenko A. N. On the issue of ensuring access to open data of authorities State and municipal administration. *Bulletin of the Institute of Economic Research*. 2018;1(9):120–127. (In Russ.)
4. Yerzhenin R. V. "Electronic Government of Russia: Review Of Scientific Publications And Research. *Public administration issues*. 2018;(3):205–228. (In Russ.)
5. Vorobyov E. B., Knyazeva E. S. The global experience of implementing open government data. *Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management*. 2017;(4):47-55. (In Russ.)
6. Lolaeva A. S. The place of e-government in the public administration system. *Law and politics*. 2022;(2):19-29. (In Russ.)
7. Karasev M. V. Problems of the formation of the information society. *Modern society: issues of theory, methodology, methods of social research*. 2017;(1):128–132. (In Russ.)
8. Golubkina K. V., Abramyan S. K. Electronic government and electronic democracy as new phenomena of the information society. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2021;(1):80-82. (In Russ.)
9. Styryin E. M., Dmitrieva N. E. *State digital platforms: formation and development*. Moscow: National Research University Higher School of Economics; 2021. 192 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Д. Лесаев – аспирант РАНХиГС.

Information about the author

A. D. Lesaev – Postgraduate Student of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.01.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 22.01.2025; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-307-315>

EDN WVRTGW

Цивилизационные факторы формирования российских элит в контексте проблемы исторической памяти как фундирующего элемента политической культуры

Андрей Владимирович Панков

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Введение. В современных условиях актуализируются исследования проблем цивилизационного контекста в формировании российских элит с учетом исторической ретроспективы. Это является необходимым элементом элитологических исследований, позволяющим углубить наше представление о механизмах элитообразования в политической истории России и в то же время – репрезентировать актуальную проблему воспроизводства и сохранения исторической памяти как фундирующего элемента политической культуры и предпосылки ее формирования на основе традиционных ценностей.

Цель. Выявление цивилизационного контекста в формировании российских элит с учетом анализа исторической ретроспективы.

Методы. При проведении исследования автором применялись историко-генетический подход; сравнительный историко-политологический анализ; цивилизационный подход (политологический аспект).

Результаты. В статье выявлены и проанализированы цивилизационные факторы формирования российских элит в советской России, в мобилизационных условиях ВОВ в контексте проблем исторической памяти как фундирующего элемента политической культуры, а также проблемы циркуляции, ротации, трансформации и смены политических элит. Отмечены 4 поколения советских элит: ленинская, сталинская, хрущевско-брежневская и горбачевская элита. Показаны специфика, заданная уникальным цивилизационным контекстом, и общие архетипические черты российских элит, дана оценка качества элит с точки зрения цивилизационно-элитологического подхода.

Выводы. К концу советской эпохи выкристаллизовался тип бюрократа-чиновника, партийно-номенклатурного функционера, представителя политико-административной элиты, который стремится к привилегиям и карьерному повышению. Вместе с тем, в противостоянии коммунистической и капиталистической идеологии, стран социалистического и капиталистического лагеря, в процессе радикальной перенормировки ценностей, в отдельные представители элиты и политические лидеры проявили подлинный патриотизм, самопожертвование и стратегический талант руководства страной, превращения ее в сверхдержаву. Это характерно для периода милитаристско-мобилизационного состояния социально-политической системы, в ситуации Великой Отечественной войны, поскольку перед лицом внешней угрозы народ и политическая элита сплотились на основе патриотической идеологии, традиционной политической культуры, национальных интересов России.

Ключевые слова: историческая память, политическая культура, цивилизационно-элитологический подход, традиционные ценности, Великая Отечественная война, патриотизм, политико-административная элита

Для цитирования: Панков А. В. Цивилизационные факторы формирования российских элит в контексте проблемы исторической памяти как фундирующего элемента политической культуры // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 307–315. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-307-315>. EDN WVRTGW

Civilizational factors of the formation of Russian elites in the context of the problem of historical memory as a foundational element of political culture

Andrey V. Pankov

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract

Introduction. In modern conditions, research on the problems of the civilizational context in the formation of Russian elites is being updated, taking into account historical retrospect. This is a necessary element of elitist research, which makes it possible to deepen our understanding of the mechanisms of elite formation in the political history of Russia and, at the same time, to represent the urgent problem of reproduction and preservation of historical memory as a foundational element of political culture and the prerequisites for its formation based on traditional values.

Purpose. Identification of the civilizational context in the formation of Russian elites, taking into account the analysis of historical retrospect.

Methods. When conducting the research, the author applied the historical and genetic approach; comparative historical and political analysis; civilizational approach (political science aspect).

Results. The article identifies and analyzes the civilizational factors of the formation of Russian elites in Soviet Russia, in the mobilization conditions of the Second World War in the context of the problems of historical memory as a foundational element of political culture, as well as the problems of circulation, rotation, transformation and change of political elites. There are 4 generations of Soviet elites: the Leninist, Stalinist, Khrushchev-Brezhnev and Gorbachev elites. The specifics of the unique civilizational context and the common archetypal features of the Russian elites are shown, and the quality of the elites is assessed from the point of view of the civilizational-elitist approach.

Conclusions. By the end of the Soviet era, a type of bureaucrat had crystallized—an official, a party and nomenklatura functionary, a representative of the political and administrative elite who aspires to privileges and career advancement. At the same time, in the confrontation between communist and capitalist ideology, the countries of the socialist and capitalist camps, in the process of radical renormalization of values, individual representatives of the elite and political leaders showed genuine patriotism, self-sacrifice and strategic talent for leading the country, turning it into a superpower. This is typical of the period of the militaristic-mobilization state of the socio-political system, in the situation of the Great Patriotic War, since in the face of an external threat, the people and the political elite rallied on the basis of patriotic ideology, traditional political culture, and the national interests of Russia.

Keywords: historical memory, political culture, civilizational and elitist approach, traditional values, the Great Patriotic War, patriotism, political and administrative elite

For citation: Pankov A. V. Civilizational factors of the formation of Russian elites in the context of the problem of historical memory as a foundational element of political culture. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2025;(1):307–315. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-307-315>. EDN WVRTGW

Введение

Немаловажным аспектом рассмотрения темы цивилизационного своеобразия национальных элит и цивилизационных факторов, детерминирующих их качество, выступает историческое сознание как составляющая политической культуры. В современных монографиях и учебных пособиях по политической элитологии раскрывается история политических элит в России. В современных условиях актуализируются исследования проблем цивилизационного контекста в формировании российских элит с учетом исторической ретроспективы. Это является необходимым элементом элитологических исследований, позволяющим углубить наше представление о механизмах элитообразования в политической истории России и в то же время – репрезентировать актуальную проблему воспроизводства и сохранения исторической памяти как фундирующего

элемента политической культуры [1–4] и предпосылки ее формирования на основе традиционных ценностей. «Можно утверждать о закономерном характере изменении содержания и роли истории в общественной жизни в периоды кризиса социальности. В десятилетие перемен, на рубеже веков, история стала средством политической борьбы, и такой факт был признан конгрессом профессиональных историков» [5, с. 87].

Теоретические основы

Анализ в научной литературе исторического генезиса российских элит в новой и новейшей истории показал, что он был связан с разрушением социально-политической и культурно-цивилизационной базы элиты Российской империи после революции 1917 года и формированием новой элиты Страны Советов. В советском политическом дискурсе существовала концепция, согласно которой Коммунистическая партия играла направляющую и руководящую роль в развитии общества, выступала лидером построения «коммунистической (бесклассовой, всечеловеческой) цивилизации» [6]. «Отметим также, что особенностью истории России является то, что трансформации и смены элит были кровавыми, сопровождалась истреблением элит, несогласных с курсом правящей группы, выкорчевыванием традиционных элит и насаждением новых» [7].

Результаты и обсуждение

В исторической науке широко освещена тема псевдодемократического преобразования Российской империи в результате революции 1917 г. в социалистическое государство, управляемое правящей партией в интересах большинства народа. С точки зрения элитологического подхода, к власти пришла элита партии большевиков, которая узурпировала власть и правила страной от имени пролетариата репрессивными методами в целях построения социализма.

Как отмечают многие исследователи, в начале XX века идеология нового социалистического народного государства разрабатывалась и вносилась в массы элитой интеллигентов нового поколения, достаточно циничных, энергичных, радикально настроенных, чтобы использовать народные массы под лозунгами эгалитаризма и антиэлитизма для прихода к власти, а затем эксплуатировать их в целях ее преумножения и сохранения. Партия большевиков была организована на принципах сверхцентрализованности, жесткой дисциплины, конспирации, иерархии, в рамках которой руководящее ядро партии выступало элитой, директивно управляющей рядовыми членами партии и народом страны [8].

Разногласия среди лидеров РСДРП, прежде всего Ленина и Плеханова [9], по вопросам централизации власти и методов проведения политики диктатуры пролетариата, как известно из истории, укрепили позицию Ленина [10]. Демократические принципы внутрипартийной жизни были отвергнуты как реакционные и буржуазные, поэтому стратегия привлечения в элиту страны Советов наиболее талантливых и профессионально подготовленных членов общества из бывших «низов» и «верхов» не была полномасштабно и последовательно реализована. Представители дореволюционной элиты были вынуждены иммигрировать или подверглись политическим репрессиям, а пути рекрутирования на демократических началах для рядовых членов партии в новую большевистскую элиту были ограничены.

Следует отметить, что историками и политологами выделены четыре поколения Советской элиты, трансформация которых во многом связана со развитием элитологического контекста. Исследователи выделяют большевистскую (ленинскую), сталинскую, хрущевско-брежневскую и горбачевскую элиты.

Ленинская элита большевиков, раздувавшая «пожар революции» и инициировавшая политику диктатуры пролетариата и красный террор, может рассматриваться в известной степени как выразитель государственных интересов. Ценностно-цивилизационным контекстом правления данной элиты выступает идея России, идеологически захватывающая новые страны и территории посредством распространения идей марксизма-ленинизма и свершения социалистических революций в мировом масштабе [11].

Дискуссионным является вопрос о моральных качествах представителей ленинской элиты. Ее представители оправдывали любые жертвы целями социального эксперимента и властными амбициями молодых, по сравнению с представителями дореволюционной элиты,

лидеров большевиков. Умело использовавшие объективные условия перехода страны на путь интенсивного развития, большевики применяли экстремистские жесткие методы централизованного управления, которые помогли им одержать победу в гражданской войне и осуществить в последующем перевод страны на рельсы индустриализации и коллективизации, и как итог – добиться Победы в Отечественной войне против фашистской Германии.

Вместе с тем, ленинская гвардия элиты допускала и теоретически, и практически демократический сценарий развития партии, приток в нее новых членов из разных слоев нового советского общества. В научной литературе показано, что после ликвидации в ходе репрессий второй половины 1930-х гг. ленинской гвардии на власти пришла обновленная сталинская элита. Новое поколение политической элиты, России сформировалась «из низов», менее образованных и компетентных, более послушных воли лидера, более безнравственных и более радикальных [12].

Следует отметить, что в общественном мнении присутствует в основном положительное отношение к элите октябрьской революции и ее лидерам [13]. Результаты опросов¹ указывают, как нам представляется, не только на возрождающееся историческое сознание россиян и патриотический запрос к интерпретации истории, но и значимость лидерско-элитной составляющей в культурно-цивилизационном коде России. Фигура верховного лидера в российском политическом сознании это не столько фигура руководителя и политического менеджера, сколько харизматическая фигура вождя – идейно-духовного авторитета и «отца народа». Это позволяет диагностировать в российской политической культуре традиционный харизматический тип господства и легитимации власти (по М. Веберу), который наиболее согласуется с исторически сложившимися российскими традициями власти, российской цивилизационной матрицей евразийского государства.

Образ правителя-отца, строгого, но справедливого, наказывающего во благо, вынужденного проявлять необходимую для управления обширными российскими мульти национальными пространствами твердость и даже жесткость, также можно считать российским архетипом политической культуры, который, как показывают социологические исследования, активно присутствует и в современном российском менталитете. Дальнейшие процессы элитогенеза в отечественной истории, как показывает ретроспективный политический анализ, привели к тому, что Сталин наделил верхушку власти привилегиями и создал бюрократическую машину, основанную на принципах личной преданности вождю. Здесь, как считал Троцкий, произошел отказ от подлинного социализма и переход к формированию нового эксплуататорского класса сталинской элиты партийных функционеров [14].

Сталинская элита, отобранная по принципу личной преданности вождю, и осуществляющая масштабные репрессии инакомыслящих, руководила во время Великой Отечественной войны и после нее всеми внутренними процессами: восстановлением разрушенной экономики, созданием ракетно-ядерного щита и др. Под руководством сталинской элиты страна реализовывала классическую политическую стратегию милитаристско-мобилизационного типа.

Сталин сформировал и узаконил систему привилегий для бюрократии и номенклатуры. Для чиновников были специальные столовые, магазины, социальное обеспечение. Созданный номенклатурно-чиновничий аппарат обслуживал вертикаль власти и машину репрессий. Несмотря на то, что у сталинской элиты формально отсутствовало право собственности на ресурсы страны (они принадлежали государству и народу) реально партийная номенклатура и бюрократия, сталинская элита, в виду близости к реальной власти, распоряжалась и управляла богатствами страны в том числе в своих интересах [15].

Реализуя «восточную стратегию» политической конкуренции и борьбы за власть, Сталин физически истребил старую ленинскую гвардию, которая знала его как человека властного жесткого и противостоящего линии Ленина, а также всех тех, кто мог разрушить его мифологизированный образ вождя-наследника и соратника Ленина. Новая мифология и идеология обеспечивала преемственность и харизму его политической власти. Новая, подконтрольная ему высшая

¹ Сто лет без Ленина. 19 января 2024: [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/sto-let-bez-lenina> (дата обращения 12.02.2024)

элита формировалась в основном из кандидатов в ЦК КПСС, которыми являлись в основном пришедшие накануне войны на места репрессированных местные руководители, секретари обкомов, горкомов и другие партийные функционеры. Следует отметить, что в системе жесткой властной иерархии и единоначалия в управлении, представители сталинской советской элиты хотя и обладали привилегиями, прилагающимися к государственной должности, но могли сами оказаться объектом репрессий, что еще более ужесточало «восточную» модель подчинения, партийную дисциплину и централизацию власти в руках партийной верхушки и лидера. Объединяющей социально-политической идеологией при этом выступала идея построения сверхдержавы СССР, которая детерминировалась актуальным контекстом развития и противостояния, конкуренции и войны стран за мировое господство, а затем – холодной войной между СССР и США.

В анализе сталинской советской элиты следует особо выделить цивилизационный контекст Великой Отечественной войны, поскольку в условиях, когда социально-политическая система России перешла в аварийный мобилизационный режим, она создает особые условия для формирования управляющей элиты и выдвижения стратегических лидеров [16]. На этом этапе верховная власть отдает в распоряжение руководителей на местах значительный ресурс для ликвидации аварии, решения критических кризисных ситуаций любой ценой. Вместе с тем, она и ставит ультимативные требования победы, которые требуют героических самоотверженных усилий. За результат руководители в прямом и переносном смысле отвечали головой.

Наиболее талантливые патриотические ориентированные лидеры могут выдвигаться в элиту на этапе «тушения пожара» и мобилизации социально-политической системы. Однако, их беспрецедентные полномочия, свобода в принятии решений и ресурсы ситуативны. После того, как система ликвидирована аварию, она переходит к стадии восстановления и накопления ресурсов, в рамках которой прежние лидеры и инициативы интегрируются в новую реальность на правах формальных героев, но лишаются реальной власти. Реальная власть переходит обратно к чиновникам и кругу доверенных лиц властвующего верховного лидера.

Применительно к цивилизационному контексту Великой Отечественной войны, обозначенную теорию можно подкрепить фактами. В 1937-1938 гг. Сталин во многом избавляется от военной элиты Красной Армии, имеющей опыт гражданской войны. По доносам, поданным на командиров разного уровня, а также по личному распоряжению Сталина, были репрессированы, попали в заключение или были расстреляны большинство высших командиров Красной Армии. Он формирует новое военное командование, которое должно находиться под постоянным идеологическим надзором Военного Совета [17]. Специалисты считают, что к началу войны кадровый состав военной элиты включал командиров Красной Армии и выдвиженцев Сталина, многие из которых были и обладали опытом, чтобы командовать масштабными боевыми действиями в условиях внезапной войны в 1941 года.

Возникшая тяжелая обстановка на фронте требовала выдвижения новых лидеров из рядов военной элиты и решительных действий, способных переломить ход войны в пользу СССР. Соответственно возникла необходимость изменения характера и стратегии взаимодействия между Сталиным как верховным политическим лидером – главнокомандующим и военной элитой. Немаловажно, что, как считают исследователи, авторитарный стиль Сталина и тактика запугивания, которую он применял, в том числе по отношению к военной элите в период ВОВ, после 1943 г. претерпели определённые изменения, поскольку показали полную неэффективность в условиях войны, с ее постоянным риском для жизни и притупляющемся чувстве опасности. Сталин делегирует некоторые полномочия командирам, в том числе право награждать за боевые заслуги, что является символическим актом, когда лидер делится властью, а также выступает более мощным стимулом к самоотверженному служению Родине и самопожертвованию, чем угрозы и репрессии. «Завершая характеристику военной элиты Красной армии, следует отметить, что ее формирование накануне Великой Отечественной войны происходило Сталиным с большими ошибками. Желание получить абсолютно послушные и преданные лично ему высшие военные кадры нанесло ущерб компетентности и профессионализму, привело к тяжелым последствиям. Только годы суровых испытаний позволили создать ту элиту, которая превзошла элиту вермахта» [17].

Следует также отметить, что объединяющей идеологией советской элиты периода ВОВ была любовь к Родине и патриотизм, идея самопожертвования под лозунгом «все ради Победы». Данная ценностная ориентация соответствует выявленным следователями российскому цивилизационному коду и особенностям российской цивилизационной матрицы, которая предполагает, что большие проблемы решаются коллективно всем миром. Народ и власть объединяются для решения актуальной задачи, чтобы предотвратить крушение российской цивилизации, ликвидировать аварию, угрозу и кризис социально-политической системы.

Элита периода руководства Хрущева и Брежнева обладала привилегиями и полномочиями в контексте стабильности, социально-экономического «застоя» и правления геронтологической элиты. С одной стороны, во внутренней политике наступила «оттепель», что сопровождалось ослаблением цензуры и репрессивных стратегий. С другой стороны, во внешней политике СССР продолжали проводить политику реально созданной Сверхдержавы, идейного и военного противостояния стран социалистического и капиталистического лагеря.

Существует мнение, что эпоха Хрущева и особенно Брежнева завершили рутинизацию и становление советской бюрократической элиты, которая стала носить посредственный, узкофункциональный характер. После устранения из власти Н. С. Хрущева были ликвидированы территориальные совнархозы и оформились централизованные бюрократические схемы управления народным хозяйством. Корпоративные интересы высшей части политической элиты на данном этапе кристаллизировались вокруг задачи самовоспроизводства и обеспечения уровня жизни в условиях отсутствия частной собственности. Неспособная к радикальной ротации и массовой инкорпорации в свои ряды новых членов, политическая элита подготавливала свой упадок и потерю власти [18]. Можно согласиться с мнением, что Горбачев не был «могильщиком» советской системы, а пытался ее спасти посредством перестройки и переориентации на новые стратегические цели интенсивного развития и отчисления из ЦК КПСС консервативных членов руководства. Он попытался радикально обновить и модернизировать советскую элиту изнутри, но не смог эффективно довести до конца реформы в цивилизационном контексте по успешному китайскому образцу.

Как известно, актуальной проблемой политического управления является требование, что политическая элита, находящаяся у власти должна трансформировать сама себя в целях приобретения новых качеств, адекватных обстоятельствам и вызовам времени. Наиболее дальновидные представители элиты понимают и принимают данный вызов. Вместе с тем, интенция к трансформации противоречит одной из целей правящей политической элиты – сохранения и преумножения власти. Хотя определенная часть элиты имманентно не заинтересована в переменах изнутри, внешние объективные обстоятельства вынудили ее начать перестройку и провозгласить новые цивилизационные ориентиры.

В 1970-1980-х годах СССР переживал системный кризис, вызванный стагнацией советской идеологии и практики, ограничением ресурсов в ходе гонки вооружений с агрессивным Западом. С конца 1980-х гг. в СССР начались обновление и «перестройка» в интересах в первую очередь народа, горячо воспринявшим перемены. М. С. Горбачев взял курс на сближение с Европой и США, вплоть до курса на вхождение в целом в западную цивилизацию с ее «общечеловеческими ценностями». Смена цивилизационного контекста требовала адекватной трансформации и смены властных элит. В это время происходит формирование и приход к власти кадров Горбачева, которую можно назвать элитой перестройки. Данная элита была объединена идеей модернизации страны, радикальной перестройкой партии. Под этими лозунгами обновления и модернизации элита перестройки привела социалистический лагерь и СССР к распаду. Процесс радикального разрушения социалистической экономики, инфляции, развертывания гражданских войн на территории Северного Кавказа, парламентский кризис 1993 г, дефолт и проч., дальнейшем осуществила уже элита нового поколения, получившая несравнимые с прошлой эпохой привилегии и частную собственность.

В целом, советская элита несет безусловную ответственность за принятие судьбоносных решений в условиях коллективизации, индустриализации, милитаризации страны и т.д., в том числе и за репрессии, за внутриэлитные «чистки» и политические репрессии, которые негативно повлияли на научно-культурный и социально-экономический потенциал страны. Вместе

с тем, следует учитывать, что социально-исторический и политический контекст советской эпохи отражает эпоху геополитического и идеологического противостояния стран социалистического и капиталистического лагеря, буржуазной и коммунистической идеологии, которое сопровождалось революциями, войнами и гонкой вооружений. Поэтому разворачивание военно-мобилизационной стратегии развития, которая перевела советскую социально-политическую систему в режим победы любой ценой, представляется закономерным. При этом, победа была достигнута ценой затраты и потери части основного стратегического ресурса, необходимого для модернизации и инновационного развития страны – человеческого капитала.

Действия советской партийно-номенклатурной политической элиты не были свободны от стратегических и тактических ошибок. Моральный облик высших руководителей, персонифицированный фигурами Сталина, Хрущева, Брежнева и др., вызывал после их смерти ожесточенную критику.

В позднесоветскую эпоху политическая элита увеличила реальный разрыв общества и власти, сведя политическое участие граждан в политическом управлении страной к формализованному одобрению предлагаемых ЦК КПСС целей и задач. На практике прогресс и достижения в определенных областях социально-экономического производства обеспечивался за счет актуализации энтузиазма советского народа, ценой перерасхода стратегических ресурсов. Вместе с тем, советская мифология и интернационалистская идеология, использовавшего в символической политике образ СССР как семьи народов, обеспечивала единство социально-политической идентификации на советском пространстве.

Иллюстрируя и репрезентируя уникальный, присущий каждой эпохе цивилизационный контекст, исследователи отметили преемственность российских элит, которая обеспечивается циклическим воспроизводством «культурно-цивилизационного кода» и «цивилизационной матрицы», в которых воспроизводятся российские традиции власти.

Исходя из идеального понимания национальной патриотически настроенной элиты как служилого интересам государства и общества и обладающего энергией, властными интенциями, ресурсами и полномочиями класса и «сословия», следует невысоко оценить качество позднесоветских и современных элит, поскольку они не смогли адекватно ответить на вызовы времени, сохранить ориентацию на национальные интересы России и высокие стандарты государственной службы как патриотичного служения Отечеству. Отсутствие своевременной ротации элит привело к тому, что сложившаяся геронтократия не смогла проявить в решающий момент в условиях кризиса, отчуждения от власти от народа и т.д. выполнить политическую волю, направленную на социально-политическую модернизацию, формирование консенсуса элиты и общества на основании единства традиционных ценностей и общих интересов.

Опираясь на цивилизационные традиции, черты и методы евроазиатских и азиатских элит, советские элиты закрепляли принципы авторитаризма и единоначалия во власти, увеличивая разрыв политической элиты и народных масс, утверждая принципы формального, а не реального участия народа в политическом управлении страной. Стратегические и идеологические ошибки лидеров страны, борьба за власть, стремление элиты к самовоспроизводству и самосохранению способствовали снижению человеческого капитала и потенциала.

Заключение

К концу советской эпохи сложилось несколько типов партийно-номенклатурного функционера, среди которых был наиболее заметен тип бюрократа-чиновника, как аморального представителя политико-административной элиты, который стремится к привилегиям и карьерному повышению, подобострастен по отношению к вышестоящим и высокомерен по отношению к нижестоящим его по социальному статусу и положению.

Вместе с тем, следует отметить, что в XX веке Россия столкнулась с масштабными историческими вызовами и потрясениями, противостоянием коммунистической и капиталистической идеологии и стран социалистического и капиталистического лагеря, радикальной перенормировкой ценностей, в том числе политической культуры, в условиях которых немалая часть элиты проявила подлинный патриотизм, самопожертвование и стратегический талант руководства страной, добившись ее превращения в сверхдержаву. Это особенно было характерно

для периода милитаристско-мобилизационного состояния социально-политической системы и российской цивилизации, в ситуации Великой Отечественной войны и других войн, поскольку перед лицом внешней угрозы народ и политическая элита сплотились на основе патриотической идеологии, национальных интересов России.

Список источников

1. Бельский В. Ю. Память предков: объединяющая сила истории [Рецензия на кн.: Кикнадзе В. Г. Сила V правде. Защита исторической памяти как стратегический национальный приоритет России. Москва: Вече, 2022. 320 с.] // Наука. Общество. Оборона. 2023. №2 (35). С. 22–22.
2. Воденко К. В. Управление исторической памятью как способ формирования национальной идентичности полиэтнического социума // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2021. №12 (14). С. 81–88.
3. Суворов В. Л. Великая Победа: уроки прошлого и вызовы современности // Военно-исторический журнал. 2021. № 5. С. 4–9.
4. Русакова О.Ф. К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ // Дискурс-Пи. 2023. № 1. С. 27–45.
5. Кучуков М. М. Историческое сознание как феномен социокультурной регуляции поведения субъектов гражданского общества // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 12 (114). С. 84–88.
6. Кислицын С. А. Советская Коммунистическая правящая элита / Российская историческая политология. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. С. 138–160.
7. Ашин Г. К. Элитология : история, теория, современность: монография. М.: МГИМО, 2010. 600 с. ISBN 978-5-9228-0582-7.
8. Кислицын С. А., Лубский А. В. Элиты и контрэлиты России. Вопросы теории и политической практики. Ростов н/Д., 2014. С. 100–121.
9. Был ли у России выбор? (Н. И. Бухарин и В. М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х гг.). Сб. ст. / Отв. ред. Б. В. Богданов. М.: ИФ РАН, 1996. 175 с.
10. Пантин И.К. Русская революция: идеи, идеология, практика. М.: Летний сад, 2015. 294 с.
11. Лубский А. В. Государственная власть в России (исторически реалии и проблемы легитимности) / Российская историческая политология. Ростов н/Д., 1999. С. 47–94.
12. Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин / Под общ. ред. И.Г. Абрамсона и др. М.: ЛЕНАНД, 2011. 616 с.
13. Воробьев А. В. "Красный консенсус" – октябрь 1917 года в национальной памяти современного российского общества // Этнодиалоги. 2021. № 3-4 (65-66). С. 141–154.
14. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.
16. Авторханов А. Г. Технология власти. М.: «Русский шахматный дом», 2019. 898 с. ISBN 978-5-94693-747-4
17. Прохоров А. П. Русская модель управления. М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2002. 376 с.
18. Саранцев Н. В. Элита Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2004. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elita-krasnoy-armii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 27.01.2024).
19. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции: монография. М.: Российская политическая энциклопедия [РОССПЭН], 2006. 446 с.

References

1. Belsky V. Y. Memory of ancestors: the unifying power of history [Review of the book: Kiknadze V. G. The Power of the V Truth. Protection of historical memory as a strategic national priority of Russia. Moscow: Veche, 2022. 320 p.]. *Science. Society. Defense*. 2023;2(35):22–22. (In Russ.)
2. Vodenko K. V. Historical memory management as a way of forming the national identity of a multi-ethnic society. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2021;12(14):81–88. (In Russ.)
3. Suvorov V. L. The Great Victory: lessons of the past and challenges of the present. *Military historical magazine*. 2021;(5):4–9. (In Russ.)
4. Rusakova O. F. On the issue of the concept of "memory policy regime": methodological analysis. *Discourse-Pi*. 2023;(1):27–45. (In Russ.)

5. Kuchukov M. M. Historical consciousness as a phenomenon of socio-cultural regulation of behavior of subjects of civil society. *International Scientific Research Journal*. 2021;12(114):84–88. (In Russ.)
6. Kislitsyn S. A. The Soviet Communist ruling elite. In: *Russian Historical Political Science*. Rostov-on-Don; 1999:138–160. (In Russ.)
7. Ashin G. K. *Elitology: history, theory, modernity*: monograph. Moscow: MGIMO, 2010. 600 p. ISBN 978-5-9228-0582-7. (In Russ.)
8. Kislitsyn S. A., Lubsky A. V. *The elites and counter-elites of Russia. Issues of theory and political practice*. Rostov-on-Don; 2014:100–121. (In Russ.)
9. *Did Russia have a choice? (N. I. Bukharin and V. M. Chernov in the socio-philosophical discussions of the 20s)*. Collection of articles. Ed. by B. V. Bogdanov. Moscow: IF RAS, 1996. 175 p. (In Russ.)
10. Pantin I. K. *The Russian Revolution: ideas, ideology, practice*. Moscow: Summer Garden; 2015. 294 p. (In Russ.)
11. Lubsky A. V. State power in Russia (historical realities and problems of legitimacy). In: *Russian Historical Political Science*. Rostov-on-Don, 1999:47–94. (In Russ.)
12. *The Socialist ideal and real socialism: Lenin, Trotsky, Stalin*. Under the general editorship of I.G. Abramson and others. Moscow: LENAND; 2011. 616 p. (In Russ.)
13. Vorobyov A. V. "The Red Consensus" – October 1917 in the national memory of modern Russian society. *Ethnialogues*. 2021;3-4(65-66):141–154. (In Russ.)
14. Trotsky L. D. *On the history of the Russian Revolution*. Moscow: Politizdat; 1990. 447 p. (In Russ.)
16. Avtorkhanov A. G. *Technology of power*. Moscow: "Russian Chess House"; 2019. 898 p. ISBN 978-5-94693-747-4. (In Russ.)
17. Prokhorov A. P. *The Russian management model*. Moscow: ZAO "Expert Magazine"; 2002. 376 p. (In Russ.)
18. Sarantsev N. V. The elite of the Red Army during the Great Patriotic War. *Industry: economics, management, technology*. 2004;(9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elita-krasnoy-armii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (date of reference: 01/27/2024). (In Russ.)
19. Gaman-Golutvina O. V. *Political elites of Russia. Milestones of historical evolution*: a monograph. Moscow: Russian Political Encyclopedia [ROSSPEN]; 2006. 446 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Панков – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. V. Pankov – Postgraduate student of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 04.03.2025.

The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 03.03.2025; accepted for publication 04.03.2025.

ПАМЯТИ Т. В. ИГНАТОВОЙ
(19.05.1965 – 26.02.2025)

26 февраля 2025 года после тяжелой болезни ушла из жизни доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и предпринимательства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС
ИГНАТОВА Татьяна Владимировна.

Татьяна Владимировна родилась в городе Ростове-на-Дону, окончила среднюю школу № 36 с золотой медалью, а в 1987 г. – с отличием экономический факультет Ростовского государственного университета, после окончания которого осталась работать в университете, пройдя путь от ассистента до профессора экономического факультета.

В 1989 г. диссертационным советом Ростовского государственного университета ей была присуждена ученая степень кандидата экономических наук, а в 1995 г. – ученая степень доктора экономических наук.

Татьяна Владимировна более 35 лет посвятила педагогической и научно-исследовательской работе в высшей школе, развитию экономической науки, внесла значительный вклад в становление научной школы по исследованию проблем экономической и социальной политики, институциональной организации и государственного регулирования экономики.

С декабря 1997 г. работала в Северо-Кавказской академии государственной службы (ЮРИУ РАНХиГС), возглавляя кафедру экономической теории и предпринимательства.

Работая в нашем Институте, профессор Т. В. Игнатова внесла огромный личный вклад в развитие научного журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки», являясь с 2014 г. его идейным вдохновителем – главным редактором.

Вклад Татьяны Владимировны в развитие системы высшего образования, в воспитание и подготовку научно-педагогических кадров был по достоинству оценен. В 2002 г. ей присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», в 2022 г. – почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

Заслуги Т. В. Игнатовой в подготовке и переподготовке кадров высшей квалификации, в научно-педагогической и общественной работе отмечены органами государственной власти Российской Федерации, субъектов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов: Благодарностью Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе, почетными грамотами Республики Ингушетия, Республики Северная Осетия – Алания, Правительства Чеченской республики, Премией Губернатора Ростовской области «Лучший ученый Дона 2003 года».

В 2008–2013 гг. труды Татьяны Владимировны Игнатовой награждались Дипломом лауреата конкурсов Фонда развития отечественного образования среди преподавателей вузов и научных работников на лучшую научную книгу.

Татьяна Владимировна была по-настоящему уникальным и жизнерадостным человеком, достойно прожила яркую и очень плодотворную жизнь, служила примером честности, порядочности, гуманизма не только для молодежи, но и для всех, с кем она работала. Татьяна Владимировна была человеком, наделенным превосходным интеллектом, но при этом оставалась скромной, деликатной, тонкой, тактичной и бесконечно доброй.

Мы помним Татьяну Владимировну как вдумчивого и вдохновенного педагога, пользовавшегося любовью и уважением окружающих. Ее знания, мудрость и жизненные советы навсегда оставили след в сердцах коллег. Для многих своих учеников Татьяна Владимировна была самым главным и самым близким человеком, самым надежным, верным и всё понимающим руководителем, который всецело верил в них. Ее поддержка для них – бесценна.

Коллектив Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС выражает искренние слова соболезнования и сочувствия родным и близким Татьяны Владимировны. Светлая память о ней навсегда останется в нашей памяти и в наших сердцах.

***Коллектив
Южно-Российского института управления –
филиала РАНХиГС***

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07-21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Структура рукописи должна соответствовать международному стандарту изложения результатов авторского исследования в научной статье – **IMRAD** («Introduction, Materials and methods, Results and Discussion», то есть «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение»).

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе/Information about the author»;

- аннотация (250-300 слов). Аннотация должна быть структурирована, в ней обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (кратко). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15). Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змияк С. С., Игнатова Т. В., Хашева И. А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

Для каждой журнальной статьи в списке источников необходимо при наличии указывать ее DOI (цифровой идентификатор).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Набор статей в текущий номер прекращается 20 числа первого месяца текущего квартала:

№ 1 – прием статей до 20 января; № 2 – прием статей до 20 апреля;

№ 3 – прием статей до 20 июля; № 4 – прием статей до 20 октября.

Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки». Тел. 8(863) 279-41-62; e-mail: pustovalova-nn@ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

ПРИГЛАШАЕМ АВТОРОВ
СТАТЕЙ В ТЕМАТИЧЕСКИЙ НОМЕР

«Цифровизация избирательного процесса: перспективы и риски»

Приглашение к опубликованию статей в тематический номер/рубрику
«Цифровизация избирательного процесса: перспективы и риски»
на базе журналов:

«Журнал политических исследований»

<https://naukaru.ru/ru/nauka/issue/5526/view>

и «Северо-Кавказский юридический вестник»

<https://vestnik-uriu.ranepa.ru/index.php/vestnik/about>

(вторые номера 2025 г., время выпуска июнь-июль)

Журналы «Северо-Кавказский юридический вестник», «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки» и «Журнал политических исследований» (журналы из перечня ВАК, К 2) приглашают к сотрудничеству, объявляют прием научных статей для тематического номера (рубрики), посвященного цифровизации избирательного процесса в России и зарубежных странах, проблемам и рискам, связанным с внедрением в электоральный процесс различных инновационных избирательных технологий, перспективам совершенствования и использования на практике.

Сроки приема статей в тематический номер/рубрику:

«Северо-Кавказский юридический вестник» не позднее 30 апреля 2025г.;

«Журнал политических исследований» не позднее 31 мая 2025 г.

Статьи по проблематике тематического номера/рубрики принимаются к публикации на бесплатной основе, при условии соответствия требованиям проверки на Антиплагиат (оригинальность текста – свыше 85 %) и при положительных отзывах двойного рецензирования.

Публикации могут быть посвящены вопросам использования цифровых технологий (дистанционное электронное голосование, избирательный блокчейн и т.д.) в избирательном процессе, государственной автоматизированной системы «Выборы», КОИБов, системы «Мобильный избиратель» и ряду других актуальных вопросов по заявленной проблематике.

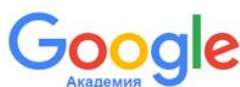
Статьи принимаются на электронные почты журналов: yurvestnik-uriu@ranepa.ru (с пометкой: статья в тематическую рубрику) и Alekseev.r555@mail.ru.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№ 1. 2025

Social Science Open Access Repository

Выход в свет 28.03.2025. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага офсетная. Объем 20 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 1299-25

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru